

СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1905.

СТАРИНА И НОВИЗНА.

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель Графъ С. Шереметевъ.

СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1905.

Л Е К Ц І И

Ө. И. БУСЛАЕВА Е. И. В. НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ
НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
(1859—1860 г.).

Л Е К Ц І Я 32-я. *)

Читана 12-го апрѣля 1860 г.

Древнехристіанскіе и византійскіе источники, вошедшіе въ составъ нашей литературы духовнаго содержанія и служившіе ей образцами (кромѣ книгъ, назначаемыхъ для церковнаго употребленія) могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: 1, Книги повѣствовательнаго содержанія, къ которымъ относятся историческія сказанія и назидательные рассказы, какъ изъ гражданской, такъ и церковной исторіи. 2, Книги, такъ называемаго, фізіологическаго содержанія, средневѣковые Бестиаріи, то есть, рассказы изъ естественной исторіи, исполненные фантастическихъ вымысловъ о различныхъ чудовищныхъ животныхъ. 3, Книги содержанія правоучительнаго, куда относятся проповѣди, поученія, назидательныя посланія.

Прежде нежели поодиначкѣ познакоимся съ нѣкоторыми изъ этихъ книгъ, необходимо сказать о важномъ значеніи ихъ въ литературномъ отношеніи.

*) Продолженіе. См. начало Лекцій въ VIII-й книгѣ.

Многія изъ этихъ книгъ (каковы: Патерики, Псался, Хронографы, Пролога) читались нашими предками уже въ XI и XII в. *), впоследствии, въ XV и XVI в. были онѣ любимымъ чтеніемъ всякаго образованнаго человѣка, не только въ духовенствѣ, но и между боярами и князьями, а въ XVII и XVIII в. эти византійскіе источники, и въ цѣломъ ихъ составѣ, и отрывками во мпожествѣ сборниковъ, стали распространяться вообще въ народѣ, такъ что и теперь грамотное простонародье, въ разныхъ концахъ нашего отечества, пробавляется этимъ назидательнымъ чтеніемъ, которое нѣкогда было достояніемъ только избранныхъ людей въ высшихъ классахъ народа.

Если съ одной стороны важность этихъ книгъ опредѣляется мпоговѣковымъ, такъ сказать, монументальнымъ бытіемъ ихъ въ жизни народа, то съ другой стороны онѣ постоянно сближали духовные интересы древней Руси съ средневѣковымъ Западомъ, литература котораго основывается на тѣхъ же древнехристіанскихъ источникахъ. Вслѣдствіе болѣе быстраго развитія западной цивилизаціи эти древніе источники скорѣе подчинились самоуправству и произволу ума и воображенія, между тѣмъ, какъ у насъ съ XI вѣка и доселѣ сохранились они во всей своей первобытной чистотѣ. Какъ ни велико это преимущество нашей письменности передъ литературою Запада, но при немъ ясно чувствуется и слабая сторона древней Руси—застой и коснѣніе.

Но обратимся къ фактическимъ доказательствамъ.

Извѣстенъ обычай средневѣковыхъ западныхъ проповѣдниковъ убѣждать своихъ слушателей занимательными разсказами и анекдотами, вносимыми въ проповѣдь. Многіе изъ этихъ повѣствовательныхъ отрывковъ взяты изъ общихъ древнехристіанскихъ источниковъ и потому издавна и доселѣ читаются на Руси въ Прологахъ и другихъ сборникахъ.

Для примѣра привожу сравненіе повѣствовательныхъ нѣмецкихъ проповѣдей (по рукописи XV в.) съ древнехристіанскими источниками въ нашей письменности **).

*) Рукопись Синайскаго Патерика относится къ XI и XII в. (въ Синадальной Библіотекѣ); Пролога дошли до насъ во многихъ рукописяхъ XI—XII в. (въ Библіотекѣ Синадальной Типографіи); Хронографы были извѣстны уже Пестору.

**) Повѣсти нѣмецкихъ проповѣдниковъ (31 повѣсть) издали Пфейферомъ въ его журналѣ Германія за 1858 г., № 4.

Повѣсть 1-я: *Объ Арсеніи*. Въ нѣмецкой рукописи: „Аббатъ Арсеній сидѣлъ въ своей кельѣ. И былъ ему гласъ: иди и смотри дѣла человѣческія. Тогда увидѣлъ онъ, какъ нѣкоторый человѣкъ черпалъ воду изъ колодезя въ разбитый сосудъ, изъ котораго вода тотчасъ-же выливалась назадъ“ и проч. Потомъ видѣлъ Арсеній эѳіопа, сѣкущаго дрова, и двоихъ всадниковъ, тащившихъ бревно поперекъ: однимъ словомъ, это совершенно тотъ же рассказъ, который испоконъ вѣку помѣщается въ нашихъ Прологахъ, подъ 3-мъ числомъ декабря: *Слово Преподобнаго Отца нашего Арсенія о дѣлахъ человѣческихъ*. „Однажды сидѣлъ я въ кельѣ (говорилъ отецъ Арсеній) и былъ мнѣ гласъ: пойдемъ я покажу тебѣ дѣла человѣческія. Вставши, вышелъ я на нѣкоторое мѣсто. И показалъ мнѣ ангелъ Господень эѳіопа, рубившаго дрова. Эѳіопъ наложилъ тяжелое беремея и хотѣлъ нести, но не могъ. Въмѣсто того, чтобъ отложить отъ беремея, онъ вновь рубилъ дрова и все прибавлялъ ихъ къ беремю. Прошолъ я немного, и показалъ мнѣ ангелъ человѣка, который изъ колодезя черпалъ воду въ углую кадъ, изъ которой вода опять выливалась въ колодезь.... Потомъ увидѣлъ я храмъ, и два человѣка, сяди на коняхъ, тащили дерево поперекъ, другъ противъ друга, и желали въѣхать въ ворота храма, но не могли, потому что дерево было поперекъ, и ни тотъ, ни другой не хотѣлъ посторониться, чтобъ провести дерево въ длину, и такъ оба оставались за воротами. *Толкованіе*. Это люди, творящіе добро съ гордынею: они не хотятъ слѣдовать по смиренному пути духовному, и потому остаются внѣ Царствія Божія. Рубящій же дрова это тотъ, кто живетъ во многихъ грѣхахъ и вмѣсто покаянія только прибавляетъ новыя беззаконія къ прежнимъ, а почерпающій воду—тотъ, кто творитъ добрыя дѣла, но отъ грѣховъ не отказывается, и тѣмъ погубляетъ мзду свою отъ Бога. Всякому человѣку надлежитъ съ чистотою добродѣтели стяжать, чтобъ не понапрасну трудиться.“ (Ифейфферъ, не зная этого византійскаго источника, указываетъ только на 163 главу Золотой Легенды Якова де Ворагине*).

Повѣсть 8-я, *О нѣжныхъ супругахъ*, необыкновенно граціозна и украшена творческимъ воображеніемъ западныхъ проповѣдниковъ,

*) Яковъ де Ворагине Генуэзскій архіепископъ XIII в. изъ Доминиканскихъ монаховъ.

хотя основнымъ своимъ мотивомъ восходить къ источникамъ, общимъ и у насъ, и на Западѣ. Вотъ ея наивное содержаніе. Были мужъ и жена. Такъ любили они другъ друга, что никогда между ними не было ни малѣйшей размолвки. Другъ друга предупреждали во всякой нѣжности. Когда мужъ подходилъ къ женѣ, она уже спѣшила ему навстрѣчу. Если кому изъ нихъ случалось что вкусное съѣсть, то непременно приносилъ домой другому въ гостинецъ. Другъ друга иначе не звали, какъ милое ладушко*), и такъ жили они ровно двѣнадцать лѣтъ. Однажды мужъ отправился съ товарами въ другой городъ. Тамъ случилось ему быть въ гостинницѣ, гдѣ угощали его отличнымъ виномъ. Такъ оно понравилось ему, что онъ взялъ съ собою цѣлую бутылку его въ гостинецъ женѣ; привязалъ къ сѣдлу и поѣхалъ. Къ ночи попалъ онъ въ лѣсъ, гдѣ вздумалъ переночевать. Привязалъ коня къ дереву, а самъ легъ на травѣ, положивъ бутылку подъ головы; но тотчасъ же замѣтилъ подъ кустами и деревьями множество бѣсовъ, страшно перепугался, однако рѣшился притвориться спящимъ. И вотъ посреди поляны бѣсы поставили престолъ, посадили на него самого сатану, и поодиначкѣ стали ему докладывать, гдѣ кто изъ нихъ былъ и что дѣлалъ. Одинъ говорилъ: „я поссорилъ христіанъ съ язычниками“; иной говорилъ то, иной другое, тотъ рассказывалъ о воровствѣ, тотъ объ убійствѣ, и т. п. Когда кончили всѣ, сатана обратился къ одному чорту и сказалъ: „Ну, а ты что сдѣлалъ?“ Этотъ нечистый былъ приставленъ именно къ тѣмъ вѣрнымъ супругамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. „Я ничего не могъ сдѣлать—отвѣчалъ бѣсъ: цѣлыя двѣнадцать лѣтъ преслѣдовалъ я одного мужа и его жену, и ни разу не удалось мнѣ поссорить ихъ“. На это воскликнулъ сатана: „такъ ступай же въ адъ! въ тебѣ пѣтъ здѣсь никакого проку!“ — „О, господинъ мой!—взмолился бѣсъ: оставь меня здѣсь! вонъ тамъ я вижу лежить тотъ мужъ и спить, подъ головами у него бутылка съ виномъ, онъ везетъ въ гостинецъ своей жепѣ. Я влѣзу въ бутылку, и когда жена станетъ изъ нея пить вино, я войду въ нее, стану досаждать ея мужу, и онъ непременно ее разлюбитъ.“ — „Хорошо ты выдумалъ—отвѣтствовалъ сатана: оставайся же, и дѣлай, какъ знаешь.“ А добрый человѣкъ между тѣмъ все это слышалъ съ ве-

*) Въ подлинникѣ: liebes büelin, отъ buole—любезный.

ликимъ ужасомъ, по про себя думалъ: „Войти-то ты войдешь, проклятый, въ эту бутылку, только нескоро изъ нея вырвешься“. И такъ чортъ влѣзъ въ бутылку, а мужъ, заткнувъ отверстіе, произнесъ заклетіе: „Заклинаю тебя, именемъ Иисуса Христа, своего Бога, чтобъ ты никогда не могъ вредить ни одному человѣку, и чтобъ безъ моего приказанія не смѣлъ вылѣзть изъ бутылки“. Потомъ привязалъ бутылку къ сѣдлу и поѣхалъ домой, а бутылка во всю дорогу подпрыгивала, потому что изъ всѣхъ своихъ силъ бился въ ней чортъ. Когда хозяинъ воротился домой, радостно встрѣтила его жена и спрашивала, чего привезъ онъ съ въ гостинецъ. „Я привезъ тебѣ бѣса!“ сказалъ мужъ. „Ахъ, мой милый—воскликнула жена: что это такое говоришь ты?“—„Я говорю правду“—отвѣчалъ мужъ; взялъ бутылку и повѣсилъ на гвоздь. Бутылка стала подпрыгивать. „Видишь, какъ онъ пляшетъ!“ сказалъ мужъ. „Вижу, но что это такое?“ Мужъ рассказалъ свое странное приключеніе; а бутылку такъ и держали въ домѣ цѣлыя двѣ недѣли. Потомъ, не желая имѣть при себѣ такого непріятнаго гостя, они рѣшились отнести бутылку къ одному святому мужу, къ аббату въ монастырѣ. По этому случаю святой мужъ велѣлъ ударить въ набатъ и созвать множество народа изъ замковъ и деревень. Когда народъ собрался, аббатъ взялъ бутылку со врагомъ рода человѣческаго, высоко поднялъ ее и сказалъ слѣдующее: „Заклинаю тебя, нечистый духъ, именемъ Иисуса Христа, своего Бога! выходи вонъ и покажись въ томъ видѣ, какъ нѣкогда былъ ты въ небесныхъ ликахъ, и чтобъ никому не было отъ тебя бѣды, и чтобы всѣ тебя могли видѣть“. Бѣсъ вылетѣлъ изъ бутылки и показался прекраснымъ ангеломъ, свѣтлымъ, какъ солнце. Потомъ, по приказанію аббата, чортъ принялъ свой собственный видъ, ужасный и отвратительный. Тогда аббатъ сказалъ: „Ты хотѣлъ возмутить счастье вотъ этихъ вѣрныхъ супруговъ, и за то долженъ принять свою мзду. Ступай въ дикую пустыню, куда не заходилъ ни одинъ человѣкъ, и оставайся тамъ до Страшнаго Суда“. Лукавый бѣсъ пронесся прочь съ великимъ шумомъ и трескомъ, оставивъ по себѣ нестерпимую вонь, будто сокрушились цѣлыя горы и падали дома. Всѣ это видѣли, а супруги послѣ того наслаждались тѣмъ же счастьемъ и даже больше прежняго. „Чего да сподобимся и всѣ мы“—заклучаетъ проповѣдникъ, оканчивая свою наивную проповѣдь.

Подробности о пѣжныхъ супругахъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ поэтическому воображенію католическаго проповѣдника, но официальный докладъ бѣсовъ своему сатанѣ, составляющій основу этой повѣсти, заимствованъ изъ аскетическихъ повѣствованій. Въ нашихъ Прологахъ, подъ 10-мъ числомъ ноября, читается слѣдующее *Слово дучисполезно отъ Патерика*. „Разсказывалъ одинъ изъ Оиваидскихъ старцевъ: „я былъ сынъ идольскаго жреца. Когда еще былъ я малъ, спживалъ въ храмѣ идольскомъ, и много разъ видѣлъ, какъ мой отецъ приносилъ идоламъ жертвы. Однажды тайно вошелъ я вслѣдъ за нимъ и увидѣлъ: сидитъ сатана и передъ нимъ воины. И вотъ одинъ изъ бѣсовъ кланяется ему. Сатана спросилъ его: „откуда пришолъ ты?“ Тотъ отвѣтствовалъ: „я воздвигнулъ брань и сотворилъ пролитіе крови, и пришолъ возвѣстить тебѣ о томъ.“ И сказалъ ему сатана: „во сколько времени все это сотворилъ ты?“ Тотъ отвѣчалъ: „въ теченіе сорока дней.“ И велѣлъ его сатана бить, воскликнувъ: „это столько времени потерялъ ты!“ Потомъ пришолъ другой и поклонился, и на вопросъ: „откуда пришолъ?“ отвѣтствовалъ: „я былъ на морѣ и воздвигъ вѣтеръ, и, потопивъ корабль, погубилъ множество народу, и вотъ пришолъ возвѣстить тебѣ.“ Сатана спросилъ: „во сколько времени совершилъ ты это?“— „Въ двадцать дней.“ Но его велѣно было бить за промедленіе. Пришолъ третій и поклонившись сказалъ: „вонъ въ томъ городѣ былъ бракъ, и я воздвигнулъ брань и многое кровопролитіе сотворилъ, и поссорилъ жениха съ певѣстою, и пришолъ возвѣстить тебѣ.“ Но и этого много били за промедленіе, потому что только на это одно употребилъ онъ цѣлые десять дней. Но вотъ пришолъ еще одинъ изъ лукавыхъ служителей и говорилъ: „былъ я въ пустынѣ, тридцать лѣтъ боролся съ однимъ монахомъ, и только въ эту ночь успѣлъ искутить его блудной страстью.“ Слышавъ это, сатана всталъ, снялъ вѣнецъ со главы своей и возложилъ на голову лукаваго духа, и, посадивъ его съ собою на престолѣ, сказалъ: „великое дѣло сотворилъ ты.“ И присовокупилъ къ этому благочестивый старецъ: „во истину все это я видѣлъ, и, помысливъ о томъ, какъ великъ чинъ монашескій, вышелъ изъ идольскаго храма, и вступилъ въ монахи.“*)

*) Пфейфферъ не знаетъ источниковъ этой 8-ой повѣсти.

Повѣсть 20-я. *О мальчикѣ, дающемъ хлѣбъ Иисусу Христу—младенцу.* Въ нѣмецкой рукописи эта повѣсть предлагаетъ такой же художественный образецъ средневѣковой легенды, какъ предшествовавшая ей самая ранняя повѣсть. Повѣсть о мальчикѣ, дающемъ Иисусу Христу хлѣбъ, проникнута такимъ глубокимъ и нѣжнымъ чувствомъ, что производитъ на душу точно такое же впечатлѣніе, какъ религіозныя картины средневѣковыхъ живописцевъ, которые принимались за свою благочестивую работу съ постомъ и молитвою: и—что особенно для насъ важно—ученый нѣмецкій издатель также не знаетъ источниковъ этой граціозной легенды, между тѣмъ какъ у насъ она доселѣ сохраняется въ своемъ первоначальномъ видѣ между аскетическими повѣствованіями.

Но вотъ ея поэтическое содержаніе по нѣмецкой рукописи. „Одинъ школьникъ, мальчикъ-монахъ, ежедневно заходилъ въ церковь, идя въ свое училище, а въ церкви на алтарѣ стояло изображеніе Богородицы съ Иисусомъ младенцемъ. И всякій разъ этотъ мальчикъ подходилъ къ изображенію и, въ своемъ простодушіи, предлагалъ младенцу Христу хлѣбъ, который бралъ съ собою въ училище. И такъ говорилъ тотъ мальчикъ изображенію Иисуса Христа: „Милостивый Владыко и преблагій (въ рукописи, вселюбезнѣйшій) младенецъ! всегда былъ ты бѣденъ, когда жилъ въ этомъ мірѣ: не презри же вкусить отъ моего хлѣба.“ Младенецъ Иисусъ, сидящій въ лонѣ своей Матери, взялъ отъ мальчика хлѣбъ и ѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Мальчикъ необычайно былъ радъ и каждый день удостоивался той же милости; потому онъ учился хорошо и все помнилъ, чему его учили. Однажды утромъ, когда онъ, по обыкновенію, пришелъ въ церковь съ хлѣбомъ, Предвѣчный Младенецъ, сидя въ лонѣ своей Матери, сказалъ ему слѣдующее: „долго ли Я буду ѣсть твой хлѣбъ? Когда же ты вкусишь моего?“ Мальчикъ отвѣтствовалъ: „но вѣдь Ты бѣденъ и у Тебя ничего нѣтъ, но я съ радостью готовъ съ Тобою вкусить хлѣба, потому что Ты Господь Иисусъ Христосъ.“ Тогда Младенецъ сказалъ: „Я приглашу тебя вкусить отъ моихъ сладкихъ яствъ и воздамъ тебѣ мзду за все добро, которое ты Мнѣ дѣлалъ своимъ хлѣбомъ.“ Мальчикъ-монахъ былъ необычайно радъ и спрашивалъ, когда ему приходитъ на обѣдъ. Младенецъ назначилъ ему черезъ семь дней. Бесѣду эту случайно слышалъ одинъ благочестивый монахъ,

бывшій тогда въ церкви. Исусъ Христосъ велѣлъ мальчику пригласить на вкушеніе этихъ божественныхъ яствъ аббата того монастыря черезъ 30 дней, и монаха, который слышалъ ихъ бесѣду, черезъ сорокъ: и чтобъ оба они приготовились къ тому исповѣдью. Аббатъ сначала не хотѣлъ вѣрить словамъ мальчика, но его убѣдилъ тотъ монахъ, свидѣтель великому чуду. И вотъ черезъ семь дней скончался монахъ-мальчикъ и отошелъ къ той сладкой вечери и къ неизреченнымъ радостямъ вѣчнаго рая. Тогда-то уже окончательно убѣдился аббатъ, и сначала ужаснулся, но потомъ сталъ приготовляться къ отшествію молитвою, сердечнымъ сокрушеніемъ и исповѣданіемъ грѣховъ, и на тридцатый день скончался, а черезъ сорокъ дней померъ и тотъ благочестивый монахъ, и всѣ трое сподобились они вкусить райской пищи и вѣчнаго блаженства.“

Этотъ поэтический рассказъ, оторванный отъ древнехристіанскихъ преданій на Западѣ, въ нашей письменности составляетъ эпизодъ изъ житія Онуфрія Великаго, пустынника Египетскаго. Этотъ подвижникъ, вскормленный ланью, въ самомъ раннемъ возрастѣ былъ приведенъ въ одинъ изъ египетскихъ монастырей. „Когда исполнилось ему семь лѣтъ—говоритъ наша рукопись *)—часто хаживалъ онъ къ хлѣбнику и выпрашивалъ у него ломоть хлѣба; несъ въ церковную паперть, гдѣ была икона Пречистой Дѣвы Богородицы съ Младенцемъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ на рукахъ. Будучи еще несмысленнымъ отрокомъ, приступая къ иконѣ, Онуфрій бесѣдовалъ ко Младенцу, на рукахъ Дѣвическихъ держимому, на иконѣ изображенному, будто къ живому, говоря такіа слова: „Ты такъ же малъ, какъ и я, но я хожу въ хлѣбню, спрашиваю себѣ хлѣба и ѣмъ, а ты никогда не ѣшь. Почему такъ? Приими же мою часть и вкуси.“ Тогда изображенный Младенецъ Христосъ, будто живой, простеръ руку свою и, принявши подаваемый Ему хлѣбъ,—казалось—сталъ его ѣсть; и это великое чудо совершалось не разъ, не дважды, но многократно **). Старецъ же хлѣбный замѣтивъ, какъ часто отрокъ Онуфрій беретъ хлѣбъ, началъ присматривать за нимъ, куда онъ хлѣбъ носитъ. Видя, что онъ идетъ съ хлѣбомъ къ церкви, пошелъ за нимъ издали и, подошедши къ паперти, узрѣлъ дѣющееся тамъ

*) По рукописному сборнику, принадлежащему мнѣ.

**) Эта подробность оставила по себѣ слѣдъ въ иѣмецкой проповѣди.

чудо, и ужаснулся. Потомъ повѣдалъ о томъ игумену и прочимъ благочестивымъ старцамъ. Всѣ слышали и исполнились ужаса, а игумень далъ хлѣбнику наставленіе: „когда отрокъ Онуфрій попросить у тебя хлѣба, скажи ему, чтобъ онъ просилъ у Того, кому самъ столько разъ давалъ.“ Такъ хлѣбникъ и сдѣлалъ. Тогда Онуфрій, будучи голоденъ, сталъ плакать и во слезахъ пошолъ въ церковь и, приступивши къ изображенному Младенцу Христу, такъ сказалъ Ему: „Хлѣбникъ говоритъ, чтобъ Ты далъ мнѣ твоего хлѣба, а своего онъ не хочетъ давать.“ Тогда изображенный Младенецъ Христосъ подаль ему хлѣбъ необыкновенный (въ рукописи—изряденъ), чистъ и бѣлъ, какъ снѣгъ, и тепелъ, а величиною такоеъ, сколько возможно семилѣтнему отроку съ трудомъ понести. Онуфрій же, принявъ тотъ хлѣбъ, едва могъ его донести; пришолъ къ игумену и, отрочески хваляся, говорилъ: „вотъ что далъ мнѣ Младенецъ Христосъ.“ Игумень, премного удивляясь такому чуду, созвалъ всѣхъ монаховъ и велѣлъ передъ ними хлѣбнику и самому отроку Онуфрію разсказать все, какъ было. И всѣ прославили Господа Бога великимъ гласомъ, и раздробили хлѣбъ тотъ всѣмъ на благословеніе, а болящіе, вкушая отъ него, получали здравіе; отрока же Онуфрія всѣ чтили, какъ ангела Божія. Достигши десятилѣтняго возраста, Онуфрій пошолъ въ пустыню, какъ повѣствуется въ его житіи.

Изъ сличенія нашего сказанія съ нѣмецкимъ ясно чувствуется передѣлка первоначальнаго аскетическаго мотива на болѣе идеальный и мечтательный, въ стилѣ средневѣковаго Запада. Вкушеніе божественнаго хлѣба, во очію происшедшее въ пустынномъ египетскомъ монастырѣ, получило на Западѣ таинственное значеніе райской пищи въ вѣчной жизни, куда по смерти отходятъ, и мальчикъ, бесѣдовавшій съ изображеніемъ Христа, и оба монаха, между тѣмъ какъ Онуфрій идетъ въ пустыню спасаться.

Повѣсть 22-я. *О жидовскомъ мальчикѣ.* Въ нѣмецкой проповѣди повѣствуется, какъ однажды нѣкоторый мальчикъ изъ жидовъ, играя съ дѣтьми христіанъ, пришолъ въ церковь и тамъ, вмѣстѣ съ другими, причастился Св. Таинъ. Жидъ, отецъ мальчика, узнавъ объ этомъ, бросилъ его въ горящую печь, въ которой однако онъ спасся отъ пламени, будучи покрытъ—какъ ему казалось—покровомъ Дѣвы Маріи, явившейся ему съ Младенцемъ Христомъ на рукахъ.

Шейфферъ знаетъ только позднѣйшія стихотворныя передѣлки этого сказанія, XII и XIII в., между тѣмъ какъ неизвѣстный ему источникъ издавна читался на Руси грамотными людьми въ Скитскомъ Патерикѣ: *Сказаніе велми чудно о овчїи пастушь отроць свреланинъ, о немъ же и сотворися чудо велме* *).

Повѣсть 31-я. *О блжочестивомъ служителѣ*. Нѣмецкій проповѣдникъ рассказываетъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который, пребывая на службѣ у одного могущественнаго вассала, всегда исполнять совѣты, данныя ему на разставаньи его отцомъ, а именно: во первыхъ, не пропускать ни одного дня безъ того, чтобъ не быть въ церкви у обѣдни, и, во вторыхъ, сочувствовать и радостямъ, и печалимъ тѣхъ, у кого будетъ служить, то есть, радоваться ихъ радостямъ и печалиться, когда они печальны. Но на этого кроткаго юношу паклеветалъ господину другой служитель, который въ проповѣди именуется Краснымъ. Красный коварно возбудилъ въ господиѣ ревность къ его жепѣ, сказавъ, что тотъ кроткій и благочестивый юноша питаетъ къ ней сильную любовь, потому что бываетъ веселъ, когда она весела, и плачетъ, когда она печалится. Господинъ сталъ примѣчать, и дѣйствительно это замѣтилъ. Чтобъ отомстить юношѣ, онъ послалъ его въ одно мѣсто, гдѣ, по условному заранѣе знаку, должны были его сжечь, не говори ни слова. Посланный юноша отправился, но, исполняя совѣтъ отца, на дорогѣ зашелъ въ церковь помолиться. Между тѣмъ Красный, въ полной надеждѣ, что дѣло уже кончено, отправился самъ навѣдаться о томъ, сожженъ ли юноша, но вмѣсто этого послѣдняго, который еще не бывалъ, самъ былъ схваченъ и брошенъ въ печь.

Вся эта новелла есть не что иное, какъ переложеніе на средне-вѣковыя нѣмецкія правы одного слова отъ Патерика, помѣщеннаго въ нашихъ Прологахъ (подъ 30-мъ числомъ апрѣля), о томъ, *яко не достоятъ ити отъ церкви, егда поютъ*.

Этихъ подробностей почитаю достаточнымъ, для убѣжденія въ томъ, сколько общечеловѣческаго, европейскаго интереса въ тѣхъ литературныхъ памятникахъ нашей пародной письменности, которые мы теперь изучаемъ, и какъ необходимо изученіе ихъ для познанія

*) По рукописи, принадлежащей мнѣ, глава 54, листъ 132 обор.

не только русской народности, но и основных элементов средне-вѣковой литературы западной, источники которой яснѣе для насъ, нежели для ученыхъ западныхъ.

Если наша повая литература послѣднихъ ста лѣтъ робко влачится по слѣдамъ западной, постоянно отъ нея отставая, то наша древняя и народная литература во многихъ отношеніяхъ можетъ выдержать соперничество съ любой изъ литературъ средневѣковаго Запада относительно древнѣйшихъ литературныхъ источниковъ, и, слѣдовательно, можетъ предложить много поучительнаго для европейскихъ ученыхъ.

Это убѣжденіе, основанное на очевидныхъ доказательствахъ, по достоинству должно питать нашу національную гордость.

Л Е К Ц І Я 33-я.

Читана 14-го апрѣля 1860 года.

Историческая и повѣствовательная литература древнехристіанская и византійская, перешедшая къ намъ изъ Болгаріи въ славянскихъ переводахъ, обнимала всѣ главнѣйшіе интересы благочестиваго читателя среднихъ временъ.

Палея (значить: ветхая, древняя) передавала въ подробныхъ разсказахъ съ различными объясненіями событія Ветхаго Завѣта, съ присовокупленіемъ апокрифическихъ статей, то есть, повѣствованій изъ священной исторіи вообще, Ветхаго и Новаго Завѣта, не принятыхъ церковію.

Хронографъ, служа продолженіемъ Палеи, знакомилъ со всемірною исторіею, которая излагается въ немъ въ постоянной связи съ исторіею церкви. По отсутствію исторической критики Хронографъ смѣшиваетъ истину съ вымысломъ и къ событіямъ историческимъ присовокупляетъ множество любопытнѣйшихъ разсказовъ поэтическаго содержанія.

Патерики (или Отечники) и другіе повѣствовательные сборники назидательнаго содержанія предлагаютъ разсказы о подвигахъ, совершенныхъ тѣмъ или другимъ христіанскимъ подвижникомъ, часто какимъ нибудь безыменнымъ отшельникомъ, о семейныхъ сценахъ въ грубой и наивной обстановкѣ первыхъ вѣковъ христіан-

ства, о различных чудесах и восторженных видѣніяхъ, естественно возникавшихъ въ аскетическихъ умахъ той эпохи. Это было самое разнообразное и интересное чтеніе для нашихъ предковъ и притомъ чтеніе, легко усвояемое, потому что состояло въ отрывочныхъ разсказахъ, даже въ мелкихъ анекдотахъ.

Житія Святыхъ, то есть, историческія сказанія, а также Легенды и Повѣсти, присовокупляемыя къ житіямъ, съ замѣтною примѣсью творческаго воображенія—служили какъ бы продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ Хронографовъ и Патериковъ.

Литературное обозрѣніе этихъ памятниковъ начнемъ съ Патериковъ, какъ потому что эти любопытные сборники относятся по своему происхожденію къ самымъ раннимъ произведеніямъ христіанской повѣствовательной литературы, такъ и потому что они особенно были распространены между нашими предками отъ XI-го вѣка и до позднѣйшихъ временъ.

Важнѣйшіе изъ переводныхъ Патериковъ слѣдующіе: Синайскій, Римскій и Скитскій. Впослѣдствіи изъ нихъ же составленъ былъ патерикъ Алфавитный, то есть сборникъ благочестивыхъ повѣствованій, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ собственныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ.

Начнемъ съ патерика Синайскаго. Авторомъ Синайскаго патерика былъ Іоаннъ Мосхъ († около 620 г.), монахъ въ Палестинѣ, сначала въ монастырѣ св. Θεодосія, потомъ подвизался онъ въ пустынѣ Іорданской и въ лаврѣ Савской. Воодушевленный благочестивою жизнію отшельниковъ, онъ не только практически подвизался въ пей, но и съ особенною любовью наблюдалъ надъ подвигами благочестія старцевъ Палестины; сверхъ того предпринялъ далекое странствіе по монастырямъ и пустынямъ Сиріи и Египта, былъ на отдаленномъ Западѣ, даже въ самомъ Римѣ. Плодомъ его наблюдений, распросовъ и бесѣдъ былъ именно этотъ Синайскій патерикъ (то есть, разсказы объ отшельникахъ горы Синая), который впрочемъ по гречески извѣстенъ подъ именемъ Цвѣтуцаго Луга (Λειμωνάριον), почему и у насъ назывался Лимонарь или Лимонисъ, а также извѣстенъ подъ именемъ Новаго Рая (Νεὸς Παράδεισος), а по латыни—Духовнаго луга или Вертограда (Pratum Spirituale). Этотъ знаменитый сборникъ разсказовъ Іоаннъ Мосхъ посвя-

тиль своему ученику и товарищу въ хожденіи по святымъ мѣстамъ, монаху Софронію, который впослѣдствіи былъ патріархомъ Иерусалимскимъ.

Значительное количество славянскихъ списковъ Синайскаго патерика или Лимонаря, начиная съ XI—XII в. (къ которому принадлежитъ Синодальная рукопись),—свидѣтельствуешь, что эта книга была въ большемъ употребленіи у нашихъ предковъ и распространена была больше прочихъ патериковъ. Какъ сочиненіе заслуживающее особеннаго вниманія, Лимонарь былъ напечатанъ въ 1628 г. въ Кіевѣ извѣстнымъ типографщикомъ Спиридономъ Соболевымъ, подъ заглавіемъ: „Лимонарь, сирѣчь Цвѣтникъ, иже въ святыхъ отца нашего Софроніа патріарха Иерусалимскаго, составленъ же Іоанномъ іеромонахомъ въ лѣто шестъсотное“. Какъ въ рукописяхъ, такъ и въ старопечатномъ изданіи Лимонарь раздѣленъ на главы *).

Строгая аскетическая жизнь, добровольное лишеніе себя всего, что только привязываетъ къ дѣйствительности и не соотвѣтствуетъ восторженному вознесенію духа надъ преходящими удовольствіями; намѣренное истязаніе тѣла, для того чтобъ немощью тѣлесною облегчить отъ чувственныхъ оковъ и какъ бы окрылить возносящуюся въ горній міръ душу—таковы главныя идеи, господствующія въ собраніи этихъ замѣчательныхъ рассказовъ, повѣстей и анекдотовъ. Но это общее настроеніе духа, суровое и печальное, получаетъ необыкновенно поэтическій, радужный колоритъ внесеніемъ въ рассказы множества мѣстныхъ и временныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ къ господствующимъ идеямъ и событіямъ ранней средневѣковой жизни.

Прежде всего бросается въ глаза не одно только страдательное отношеніе аскета къ дѣйствительности, которой онъ съ боязнію бѣжитъ, и отъ которой спасается въ своемъ уединеніи, но и отношеніе дѣятельное—въ постоянной, исполненной восторженнаго героизма борьбѣ не только съ видимыми врагами христіанства, съ язычниками и еретиками, но и съ врагами незримыми, съ грѣховными искушеніями, которыя грубая дѣйствительность той эпохи и неустановившійся порядокъ вещей на всякомъ шагѣ предлагали

*) Въ печатномъ 219 главъ. Есть повѣвшее переложеніе подъ названіемъ „Луга Духовнаго“.

благочестивому подвижнику. Потому изъ темной массы средневѣковаго варварства многія дѣйствующія лица Синайскаго патерика выступаютъ въ своей дѣятельной жизни идеалами благотворительности и всякой добродѣтели, людьми, одаренными высокимъ безкорыстіемъ, преданностью и необыкновенно нѣжною, благородною любовью къ человѣчеству.

Особенную прелесть этимъ рассказамъ придаетъ наивная форма изложенія. Іоаннъ Мосхъ и Софроній, въ своемъ хожденіи по святымъ мѣстамъ, по обителямъ и пустынямъ, встрѣчаются съ разными интересными личностями и по точнымъ словамъ ихъ передаютъ то, что слышали иногда о событіи современномъ, иногда давно минувшемъ, дошедшемъ по преданію.

Разсказчики, сообщавшіе нашимъ странникамъ повѣсти, не всегда держались строгаго аскетическаго содержанія, и очень часто выводили своихъ благочестивыхъ слушателей на болѣе широкое поприще жизни свѣтской, исполненной тревоженій. Иногда излагаются такіе эпизоды въ видѣ грѣховныхъ, суетныхъ воспоминаній, согрѣтыхъ живѣйшимъ участіемъ самого повѣствователя, иногда же описываются событія и случаи жизни мірской, какъ поприще разнообразныхъ столкновеній и запутаныхъ обстоятельствъ, которыхъ единственно возможнымъ рѣшеніемъ бываетъ неожиданное участіе сверхъестественныхъ силъ.

Для легчайшаго обозрѣнія этого сборника, всѣ разнообразныя повѣствованія, въ немъ содержаціяся, могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы.

1. Повѣствованія о строгой отшельнической жизни, о суровыхъ подвигахъ и тѣхъ искушеніяхъ, которымъ подвижники подвергались. Здѣсь знакомимся мы съ тою интересною, восторженною средою, въ которой возникъ этотъ новый родъ литературныхъ произведеній, столь же восторженныхъ и необычайныхъ, какъ самая жизнь, ими выражаемая.

2. Повѣствованія о разнообразныхъ случайностяхъ жизни свѣтской, любопытные анекдоты и новеллы, характеризующіе древнехристіанскій Востокъ; и

3. Повѣствованія, имѣющія предметомъ опроверженіе различныхъ еретическихъ ученій, господствовавшихъ въ VI-мъ вѣкѣ и въ

началѣ VII-го. Эти повѣствованія, отличающіяся уже восточнымъ, византійскимъ характеромъ, даютъ намъ понятіе о богословскихъ спорахъ и раздорахъ эпохи, когда они возникли.

Начнемъ съ повѣствованій о жизни отшельниковъ, о жизни созерцательной, восторженной до изступленія *).

Восторгъ и изступленіе—вмѣстѣ съ теплою вѣрою—постоянно воодушевляли благочестивыхъ подвижниковъ ко всему необычайному.

Такъ трое монаховъ, во время лѣтнихъ жаровъ, заблудились однажды въ пустынь и, не пивши воды много дней, отъ зноя не могли уже двинуться съ мѣста. Легли они подъ деревья, ожидая себѣ смерти: и были во изступленіи и увидѣли купель, полную воды, и около нея какихъ то двухъ мужей, которые дали путникамъ воды и спасли ихъ отъ смерти **).

Восторженное состояніе духа господствовало не только надъ всякими лишеніями, но и надъ ужасными страданіями тѣлесными, и тѣмъ возстановляло права духа надъ плотью. Такъ одинъ отшельникъ въ пещерахъ Иорданскихъ, по имени Варнава ***), не хотѣлъ лѣчить согнивающую свою ногу, которую онъ случайно накололъ терномъ, и, отказываясь отъ всякаго пособія, не взирая на ужасную боль, говаривалъ: „сколько страждетъ виѣшній человѣкъ, столько внутренній веселится“. Другой подвижникъ ****), носившій власницу, шестьдесятъ лѣтъ пробывъ въ иноческомъ чинѣ, никогда не переставалъ плакать и обращавшимся къ нему говаривалъ: „время сіе, братія, даль намъ Богъ на покаяніе, и если его потеряемъ, то уже не воротимъ“. Нашъ авторъ самъ зналъ одного старца *****), который, наложивъ на себя обѣтъ молчапія, въ теченіе 30 лѣтъ не вымолвилъ ни одного слова и если что хотѣлъ сообщить, то дѣлалъ знакъ своими пальцами.

Такіе же эпергическіе примѣры воздержанія паче мѣры отъ пици и питія, послушанія, братолюбія предлагаетъ нашъ сборникъ.

*) Самое слово изступленіе употребляется славянскими переводчиками въ смыслъ восторга.

***) Глава 16 (въ рукописи—19).

****) Глава 10 (въ рукописи—11).

*****) Глава 59 (въ рукописи—74).

*****) Глава 67 (въ рукописи—83).

Не надобно впрочемъ думать, чтобъ созерцательная и страдальческая и потому частію страдательная жизнь поглощала всѣ силы благочестивыхъ мужей. Напротивъ того, жизнь дѣятельная, дѣйствительные подвиги челоѡколюбія были существеннымъ дополненіемъ ихъ благочестія. Такъ жилъ одинъ старецъ*), который, будучи еще въ міру, помогаль неимущимъ. Когда видѣль бѣднаго челоѡка, которому печѣмъ посѣять своей нивы, почью, тайно отъ всѣхъ, выходилъ съ своими волами, пахаль ту ниву и засѣваль. Ставь пустынникомъ, отличался онъ такими же подвигами состраданія и челоѡколюбія. Выходилъ онъ на дорогу, ведущую отъ Иордана къ Св. Граду, выносаль съ собою хлѣбъ и воду, и кормилъ и поилъ путниковъ. Когда видѣль кого съ тяжелою ношею, тому помогаль нести до самаго верха горы Елеонской или до Ерихона, а иногда нашиваль и дѣтей, одного ребенка или двоихъ. Если кого встрѣчалъ нага, послѣднюю ризу отдаваль съ себя. Если находилъ на дорогѣ мертвеца, творилъ надъ нимъ службу и хоронилъ, и такъ ежеминутно трудился онъ въ теченіе цѣлаго дня, съ утра до ночи.

Особенно умилительны въ характерѣ этихъ благочестивыхъ идеаловъ описываемой эпохи необыкновенная деликатность и благородное смиреніе, украшаемое чувствомъ собственнаго достоинства.

Такъ у одного монаха**) его товарищъ воровски похитилъ всѣ книги и посуду. Воротившись домой и видя, что его обокрали, старецъ идетъ къ своему сосѣду—монаху, который именно и обокралъ его. Но входя къ нему на дворъ, старецъ видитъ у него свои похищенные вещи и, тотчасъ же догадавшись въ чемъ дѣло, по не подавая и виду, что замѣтилъ, возвращается домой, чтобъ дать вору время спрятать похищенное. Спусти нѣкоторое время воръ былъ схваченъ, и обокраденный старецъ, все не давая знать, что ему извѣстна истина, навѣщалъ его въ темницѣ, поилъ и кормилъ его. Это такъ тронуло преступника, что онъ бросилъ къ ногамъ благороднаго старца, открылся ему во всемъ и просилъ прощенія. Тогда старецъ ему отвѣтствовалъ: „да будетъ извѣстно твоему сердцу,

*) Глава 24 (въ рукописи—27).

**) Глава 211 (въ рукописи—292).

что я не для того приходилъ сюда, я даже не зналъ, что ты изъ-за меня здѣсь посаженъ, но я приходилъ затѣмъ, чтобъ тебя утѣшить и успокоить“.

Разительнымъ примѣромъ величаваго, благороднаго смиренія служить слѣдующій рассказъ. Одинъ игумень монастыря Константина, по имени Сергій, рассказывалъ, какъ однажды съ другими старцами шолъ онъ по пути, и какъ сбились они съ дороги и не знали, куда шли, и вдругъ очутились на лугу одного поселнина и, безъ всякаго намѣренія, помяли на немъ траву. Увидѣвъ старцевъ, поселнинъ со гнѣвомъ сталъ ихъ укорять: „такъ ли монахамъ подобаетъ дѣлать? Боятесь ли вы Бога? Если бы имѣли вы страхъ Божій передъ очами, этого бы не сдѣлали!“ И отвѣчалъ ему одинъ изъ старцевъ: „правду говоришь, чадо! Если бы мы имѣли страхъ Божій, этого бы не сдѣлали!“ Но несмотря на то, поселнинъ не унимался и все укорялъ монаховъ. И опять говорилъ ему тотъ же старецъ: „истину говоришь, чадо! Если бы были мы настоящіе монахи, этого бы не сдѣлали! Бога ради прости насъ! Мы передъ тобой согрѣшили!“ Тогда поселнинъ, изумленный великимъ смиреніемъ, палъ къ ногамъ старца, восклицая: „нѣтъ! я согрѣшилъ передъ вами! Господа ради простите меня и возьмите меня съ собою“. „И дѣйствительно—такъ заключилъ свой рассказъ игумень Сергій—тотъ поселнинъ пошолъ вслѣдъ за нами и отвергся отъ міра сего“.

То же чувство глубокаго смиренія, которымъ благородная душа господствуетъ надъ всѣми случайными столкновениями, съ необыкновенною энергіею выражается въ слѣдующемъ рассказѣ.

Однажды нѣкоторый старецъ *) отправился изъ скита въ Александрію продать свое рукодѣлье. И видитъ: какой то молодой монахъ вошолъ въ корчму. Старецъ опечалился и сталъ его поджидать около, а когда молодой монахъ вышелъ изъ корчмы, старецъ отвелъ его въ сторону и сказалъ: „знаешь ли, о господинъ мой, что ты во образъ ангельскій облеченъ, и не разумѣешь, какъ много въ мірѣ сѣтей дьявольскихъ! Неужели не знаешь ты, что входя въ городъ, мы повреждаемся и очами, и слухомъ, и всѣмъ образомъ? А ты еще и въ корчму ходишь, будучи такъ молодъ! И чего бы ты вовсе не хотѣлъ, тамъ слушаешь и видишь, и съ нечистыми мужами и женами тамъ

*) Глава 194 (въ рукописи 274).

пребываешь! Молю тебя, чадо мое! бѣги въ пустыню, гдѣ можешь Божіею помощью спастись!“ И отвѣчалъ ему молодой монахъ: „Пошолъ прочь, старикъ! Богу ничего другаго не нужно, только чистое сердце!“ Тогда старецъ, воздвигши свои руки къ небу, воскликнулъ: „Слава тебѣ Боже! Я 50 лѣтъ прожилъ въ скитѣ, а сердца чистаго не стяжалъ, а вотъ этотъ монахъ, и въ корчмѣ сидитъ, а стяжалъ чистое сердце!“

Что это? Простодушное смиреніе или иронія? Такъ тонко соединено и то, и другое въ необыкновенно наивномъ восклицаніи благочестиваго старца!

Оставляя множество повѣствованій о борьбѣ отшельниковъ съ различными искушеніями, обратимъ вниманіе на рассказы, имѣющіе предметомъ чудесную силу благочестивыхъ людей надъ царствомъ животныхъ *).

Господствуя надъ стихіями вещественной природы, духъ человѣческой обнаруживаетъ свое могущество и надъ безсловеснымъ животнымъ, заставляя его повиноваться, сколько бы дикъ и кровожаденъ онъ ни былъ. Животное такимъ образомъ какъ бы получаетъ человѣческой смыслъ, понимаетъ свою зависимость отъ человѣка и какъ бы разумно сознаетъ надъ собою его вѣщую силу.

Основная мысль нашихъ повѣствованій о покореніи всей твари духу человѣческому, просвѣтленному вѣрою, особенно ясно выражена въ рассказѣ объ одномъ отшельникѣ, который ходилъ спать въ логовище льва **). Однажды взялъ онъ оттуда двухъ львенковъ и, въ своей одеждѣ принеши въ церковь, сказалъ братіи: „если бы мы, братіе, сохранили всѣ заповѣди Божіи, то намъ покорялись бы эти звѣри, но грѣховъ ради нашихъ сами мы покорены ими и ихъ боимся.“

Однажды левъ появился въ тростникѣ и губилъ многихъ ***). Юліанъ Столпникъ послалъ ко льву своего ученика сказать ему: „во имя Іисуса Христа Сына Божія отъиди отъ земли сей!“ Ученикъ пошолъ безпрекословно къ показанному мѣсту и, увидѣвъ лежащаго льва, сказалъ ему по словамъ Столпника—и звѣрь тотчасъ же всталъ и ушолъ.

*) Это какъ бы эпизоды изъ обширнаго средневѣковаго эпоса о животныхъ (Thierfabel).

***) Глава 18 (въ рукописи—21).

***) Глава 58 (въ рукописи—73).

Особенно интересенъ разсказъ о встрѣчѣ со львомъ*). Однажды отшельникъ Іоаннъ шолъ недалеко отъ своей пещеры по очень тѣсной тропинкѣ между двумя плетнями изъ терновника, которымъ обыкновенно поселяне огораживаютъ свои нивы, а путь былъ такъ тѣсенъ, что и одному человѣку безъ всякой ноши едва можно было пройти. И вдругъ отшельникъ видитъ—навстрѣчу къ нему идетъ левъ. Вотъ они приближаются другъ къ другу. Старецъ не уступаетъ въ пути льву, ни левъ старцу, потому что отъ тѣсноты некуда своротить, а миновать другъ друга имъ также было нельзя. Тогда левъ, увидѣвъ, что благочестивый мужъ хочетъ пройти, сталъ на заднія лапы съ лѣвой стороны и плотно прислонился къ плетню, который оттого подался назадъ и, такимъ образомъ, далъ путь старцу.

Кромѣ льва играетъ роль въ этихъ разсказахъ осель. Оба эти животныя выступаютъ въ слѣдующемъ превосходномъ повѣствованіи о Герасимѣ Іорданскомъ**). Отецъ Герасимъ, педши по пустыни св. Іордана, однажды встрѣтилъ большаго льва, который показывалъ ему свою ногу. Дѣйствительно въ ногу вонзился тернъ, отчего она отекала и загноилась: и умильнымъ образомъ молилъ левъ старца объ исцѣленіи. Старецъ, видя льва въ такой бѣдѣ, сѣлъ, взялъ его ногу и, вытащивъ изъ нея тернъ, очистилъ рану, обвязалъ ногу своимъ платкомъ и отпустилъ льва. Левъ, исцѣлившись, никогда не оставлялъ старца и повсюду за нимъ слѣдовалъ, будто его ученикъ, такъ что всѣ дивились и старцу, и благоразумному звѣрю. Старецъ всегда самъ кормилъ льва. И былъ въ лаврѣ одинъ осель, на которомъ возили воду на потребу отцамъ отъ св. Іордана. Герасимъ повелѣлъ льву, чтобъ онъ пасъ того осла на берегу этой рѣки. Однажды осель, пасомый львомъ, отошолъ отъ него на значительное разстояніе, а въ то время случился тамъ нѣкоторый человѣкъ, педшій изъ Аравіи съ верблюдами, и, увидѣвъ осла, взялъ его и увелъ восвоеси. Левъ же между тѣмъ, долго искавъ понапрасну осла, печаленъ и унылъ воротился къ отцу Герасиму. Старецъ подумалъ, что осла сѣлъ самъ левъ, и говорить ему: „а гдѣ же осель?“ Но левъ молча стоялъ и смотрѣлъ внизъ. „Ты сѣлъ его—продолжалъ старецъ—такъ вотъ же тебѣ: какую службу исправлялъ осель, теперь дѣлай ты самъ.“

*) Глава 18 (въ рукописи--257).

***) Глава 107 (въ рукописи 133).

И дѣйствительно, въ теченіе долгаго времени монахи возили воду на львѣ. Однажды прибылъ къ нимъ какой то воинъ и, сжалившись надо львомъ, далъ имъ три золотыхъ, чтобы они купили себѣ осла и освободили льва отъ такой работы. Потомъ опять случилось тому же купцу, что взялъ осла, проходить мимо. Перебравшись черезъ Іорданъ, вдругъ видитъ онъ того льва, и, сильно перепугавшись, бѣжитъ прочь, оставивъ верблюдовъ и монастырскаго осла. Левъ, узнавъ своего осла, подбѣжалъ къ нему, взялъ его своими устами, по прежнему обычаю, и повелъ его вмѣстѣ съ тремя верблюдами, радуясь и тихо ревя. Тогда то старецъ увидѣлъ, что напрасно оклеветалъ льва, освободилъ его отъ работы и далъ ему имя Іорданъ. Послѣ того жилъ тотъ левъ въ лаврѣ больше пяти лѣтъ, не отлучаясь отъ старца. И померъ наконецъ Герасимъ и былъ погребенъ въ то время, когда левъ былъ въ отсутствіи. Когда онъ воротился, сказалъ ему ученикъ отца Герасима Савватій: „Іордане! нашъ старецъ оставилъ насъ сирыхъ и отошолъ ко Господу!“ И давалъ ему пищу, но левъ не сталъ ѣсть; только туда и сюда поводилъ глазами, ища своего старца, и сильно ревѣлъ и скорбѣлъ. Отецъ же Савватій и прочіе старцы гладили его по хребту и говорили: „отошолъ нашъ старецъ ко Господу и оставилъ насъ!“—и говоря такъ, не могли они унять его отъ воля и рыканія. Сколько ни утѣшали его словами, но левъ все больше издавалъ плачь и рыданіе, и сильно ревѣлъ, очами выражалъ печаль, что не видитъ своего старца. Тогда сказалъ ему отецъ Савватій: „если и намъ не вѣришь, пойдемъ съ нами, и мы покажемъ тебѣ, гдѣ лежитъ старецъ.“ И привели льва къ могилѣ старца. Савватій сказалъ льву: „вотъ здѣсь лежитъ нашъ старецъ, погребенъ“—и преклонилъ свои колѣна, стоя на могилѣ. Тогда левъ наклонился и, ударяя головою о землю, сильно заревѣлъ и тотчасъ же испустилъ духъ свой.

Л е к ц і я 34-я.

Читана 16-го апрѣля 1860 года.

Разказы Лимонаря, или Цвѣтника, имѣющіе предметомъ жизнь свѣтскую, очень разнообразны. Какъ древнѣйшія новеллы, они отлично характеризуютъ бытъ описываемой эпохи и потому, вмѣстѣ съ занимательнымъ чтеніемъ, предлагали нашимъ предкамъ

много поучительнаго о томъ, какъ нѣкогда жили люди въ странахъ образованныхъ, въ Палестинѣ, Египтѣ, прославленныхъ подвигами благочестивыхъ и великихъ людей.

Какъ любозпательные путешественники, Иоапъ и Софроній не пропускали ни одного интереснаго случая, чтобы не извлечь изъ него для себя пользы. Часто проходя по пустыннымъ путямъ или по шумнымъ городскимъ улицамъ, они останавливались, встрѣчая интересныя для себя лица, и вступали съ ними въ бесѣду. Это давало возможность нашимъ путешественникамъ знакомиться съ образомъ жизни и съ понятіями разныхъ классовъ народа и, такимъ образомъ, обогатило ихъ путевыя впечатлѣнія, собранныя въ Лимонарѣ, самыми любопытными подробностями.

Основной тонъ этихъ разсказовъ вполне соответствовалъ быту и возрѣніямъ среднихъ временъ, когда грубость и необузданность страстей могли быть укрощаемы только теплою, искреннею вѣрою.

Однажды въ Александріи случилось нашимъ путешественникамъ въ полдень на улицѣ сидѣть возлѣ троихъ слѣпцовъ и слышать ихъ разговоръ *). Они разсказывали другъ другу, по какому случаю каждый изъ нихъ ослѣпъ. Одинъ говорилъ: „я былъ корабельщикъ и, еще въ молодости своей, плылъ однажды по морю и отъ многого зрѣнія сдѣлались бѣльма на очахъ моихъ.“ Другой говорилъ: „а я былъ стекольщикъ, и по моей неосторожности отъ сильнаго огня выскочили мои очи.“ Послѣ того говорилъ третій слѣпецъ: „еще въ молодости своей я возненавидѣлъ всякій трудъ, дошелъ до того, что мнѣ нечего было ѣсть, и сталъ я воровать. Однажды случилось мнѣ быть на мѣстѣ, гдѣ казнятъ преступниковъ, и я увидѣлъ—несутъ мертваго человѣка, покрытаго дорогою одеждою. Я пошелъ слѣдомъ, чтобы увидѣть, гдѣ его положатъ. Несшіе трупъ обошли сзади церкви Иоанна Великаго, положили его во гробъ и ушли. Послѣ того влѣзъ я во гробъ и совлекъ съ мертвеца все его одѣяніе, оставивъ его въ одной рубашкѣ. И когда выходилъ уже я изъ могилы, вспало мнѣ на мысль снять съ мертвеца и рубашку: показалась она мнѣ хороша. Я воротился и сталъ снимать съ мертвеца его послѣднее одѣяніе, чтобы совсѣмъ обнажить его. Тогда мертвецъ поднялся, сѣлъ

*) Глава 77 (въ рукояси 98).

передо мною и, вцѣпившись своими перстами мнѣ въ лицо, выдраль мнѣ очи, и я со страшною болью и въ ужасѣ, оставивъ все, что съ мертвеца грабилъ, бѣжалъ изъ могилы.“ Этотъ ужасный разсказъ, напоминающій страшныхъ злодѣевъ во множествѣ средневѣковыхъ западныхъ новеллъ, смягчается заключительными словами нашего автора: „Выслушавъ все это, Софроній далъ мнѣ знакъ идти и, когда мы удалялись, сказалъ мнѣ: „О, отецъ Іоаннъ! сохранимъ себя отъ всякаго зла!“ И великую пользу мы отъ того пріяли—присовокупляетъ авторъ—и написали это на пользу всѣмъ, потому что творящій зло отъ Бога не утаится.“

Но и въ эти грубыя времена чувство человѣколюбія спасало великихъ злодѣевъ, и разсказы о такихъ случаяхъ мирили съ дѣйствительностью и смягчали нравы. Такъ однажды наши путешественники бесѣдовали съ сострадательнымъ разбойникомъ, по имени Кирьякомъ*). Долгое время жилъ онъ разбоемъ и до того былъ лють и безчеловѣченъ, что его прозвали Волкомъ. Въ его шайкѣ были и христіане, и жидаы. Однажды на Страстную недѣлю поселяне отправились въ Іерусалимъ повидаться со своими дѣтьми и, посѣтивъ ихъ, возвращались въ свое село къ Свѣтлomu Христову Воскресенію. Тогда разбойники (а атамана Кирьяка съ ними не было) бросились на толпу поселянъ и стали ихъ грабить и убивать. Нѣкоторые изъ спасшихся бѣгствомъ поселянъ встрѣтили атамана разбойниковъ и на его вопросъ разсказали о случившемся. Атаманъ взялъ ихъ съ собою и повелъ къ своей дружинѣ,—вдругъ видитъ страшные слѣды грабежа и убійства, а на землѣ валяются дѣти несчастныхъ. Тотчасъ же казнилъ виновныхъ разбойниковъ, возвратилъ поселянамъ ихъ женъ и дѣтей и самъ проводилъ ихъ до села. Черезъ нѣсколько времени этотъ атаманъ былъ схваченъ и сидѣлъ въ темницѣ цѣлыя десять лѣтъ, но не былъ казненъ, и потомъ былъ выпущенъ на волю. И говаривалъ онъ всѣмъ, что милости ради, которую оказалъ дѣтямъ, избѣжалъ онъ горькой смерти. „Я самъ—заключаетъ нашъ авторъ—бесѣдовалъ съ нимъ, и все это онъ мнѣ повѣдалъ, слава Бога, избавившаго его отъ горькой смерти.“

Не зная народнаго и древнерусскаго быта, который и доселѣ такъ мало еще разработанъ учеными, многіе утверждаютъ, что семей-

*) Глава 165 (по рукописи 232).

ная жизнь древней Руси была въ самомъ грубомъ и бѣдственномъ состояніи, что женщина, какъ супруга и мать семейства, постоянно подвергалась самымъ жестокимъ оскорбленіямъ, и что именно чтеніе аскетическихъ сборниковъ, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи, не мало способствовало оскорбительнымъ понятіямъ нашихъ предковъ о женщинѣ. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ односторонни и неосновательны эти мнѣнія въ отношеніи русской жизни, а теперь снимемъ незаслуженную клевету съ литературныхъ образцовъ, переведенныхъ съ греческаго.

Не имѣя ни времени, ни намѣренія разбирать въ этомъ отношеніи множество превосходныхъ житій и легендъ, имѣющихъ предметомъ чистоту семейныхъ нравовъ и идеальное величіе женщины, какъ дочери, супруги и матери, укажу только на то, какъ было благотворно чтеніе Лимонаря для очищенія русскихъ нравовъ въ быту семейномъ и какъ обаятельно могъ онъ дѣйствовать на чувства и воображеніе нашихъ предковъ возвышенною непорочностью, безкорыстіемъ и благородствомъ изображенныхъ въ этомъ сборникѣ идеальныхъ характеровъ и романическихъ столкновеній въ жизни семейной и общественной *).

Вступленіе въ бракъ рекомендуетъ нашъ сборникъ не по корыстолюбивымъ, грубымъ расчетамъ, а на основаніи душевныхъ качествъ, по нравственной симпатіи, благословляемой свыше. Одинъ житель Цареграда рассказываетъ о себѣ *), какъ онъ, будучи сынъ богатаго отца, вмѣсто наслѣдства пожелалъ себѣ только благословенія Божія, имѣніе же все отецъ его роздалъ бѣднымъ. И жило въ томъ городѣ одно очень богатое семейство, мужъ и жена съ дочерью. И говорила жена своему мужу: „господине мой! много имѣнія далъ намъ Господь Богъ, а имѣемъ мы только одну дочь; и если выдадимъ ее замужъ за такого же богатаго человѣка, что будетъ пользы, когда не будетъ въ немъ добрыхъ обычаевъ? Станетъ онъ только оскорблять ее! Но поищемъ человѣка смиреннаго и богобоязливаго, чтобъ онъ по Богѣ и въ любви съ нею жилъ.“ „Правду говоришь, жена—сказалъ мужъ—иди въ святую церковь и помолись прилежно Богу, и подожди: кто первый войдетъ въ церковныя двери, тотъ и послан-

*) Глава 201 (по рукописи 281).

ный отъ Бога.“ И именно въ тотъ самый часъ, говорить раскащикъ, вошелъ я въ церковь. Жена та черезъ свою рабыню подозвала меня къ себѣ и спрашивала: „откуда ты?“ Я отвѣчалъ, что изъ этого города и назвалъ по имени моего отца. Она же возразила: „не того ли милостиваго человѣка ты сынъ?“ И я рассказалъ ей все, что было, и какъ вмѣсто всякаго богатства избралъ я Христа. Слышавши то, прославила она Бога и спросила меня: „имѣешь ли жену?“ — „Нѣтъ, не имѣю,“ отвѣчалъ я. Тогда сказала она: „добрый твой промысленикъ Христосъ, котораго ты вмѣсто всего избралъ, дастъ тебѣ нынѣ жену и богатство, да примешь ее со страхомъ Божиимъ.“ И сотворили бракъ—заключилъ раскащикъ—и со своею дочерью дали они мнѣ все имѣніе свое: я же молюся, чтобъ мнѣ сподобиться ходить по пути отца моего въ теченіе всей моей жизни.“

Слѣдующая новелла предлагала русскимъ грамотнымъ людямъ разительный примѣръ того, какъ невозможно основывать семейное счастье на пагубныхъ страстяхъ, ведущихъ къ однимъ бѣдствіямъ *). Однажды корабль со множествомъ людей остановился на морѣ, не смотря на попутный вѣтеръ, по той причинѣ, что на кораблѣ была великая грѣшница, которая нѣкоторымъ сверхъестественнымъ гласомъ была открыта кормчому корабля. На его вопросъ такъ она о себѣ повѣдала: „великая я грѣшница и вижу, что ради моихъ тяжкихъ грѣховъ, всѣ вы погибнете. Была я замужемъ и имѣла двоихъ дѣтей и, когда одному изъ нихъ исполнилось девять лѣтъ, а другому пять, мужъ мой померъ и я осталась вдовою. И думала я вторично выйти замужъ за одного воина, но онъ не хотѣлъ взять себѣ жену съ дѣтьми отъ перваго мужа. Слыша, что онъ не хочетъ на мнѣ жениться ради дѣтей моихъ, воспламененная сильною къ нему любовью, я, окалнная, заколола обоихъ дѣтей своихъ и послала къ нему сказать, что у меня уже нѣтъ больше дѣтей. Тогда воинъ съ ужасомъ узнавъ, что я совершила, воскликнулъ: „живъ Господь, живой на небесахъ! Не возьму я себѣ такой жены.“ Эту несчастную преступницу, по повелѣнію таинственнаго гласа спустили въ лодку, которая тотчасъ же вмѣстѣ съ нею исчезла въ морской глубинѣ, а корабль поплылъ.

*) Глава 76 (97).

Эти и многія другія подобнаго содержанія повѣсти достаточно убѣждаютъ насъ, что благочестивые сборники, переходившіе къ намъ изъ Византіи, не только питали аскетическій духъ, но и замѣняли русскимъ читателямъ тѣ средневѣковыя новеллы и другіе народныя рассказы, которыми такъ богата литература западная. Но вотъ что особенно замѣчательно: въ то время, какъ тѣ же самыя древнехристіанскіе сборники повѣстей на Западѣ, расходясь въ массахъ народа, воодушевляли къ новой поэтической дѣятельности, перерабатывались и размножались, у насъ оставались они въ своемъ первоначальномъ видѣ, частію потому, что не могли распространяться въ народѣ, по причинѣ его необразованности, частію потому, что всякая книга представлялась нашимъ грамотнымъ предкамъ или предметомъ благоговѣнія и чествованія, и, слѣдовательно, ненарушимымъ и неприкосновеннымъ памятникомъ святости, или же—навожденіемъ сатаны, если книга почиталась отреченною, то есть, апокрифическою.

Потому и Лимонарь, не смотря на множество содержащихся въ немъ свѣтскихъ повѣстей и новеллъ, въ глазахъ нашихъ предковъ былъ окруженъ какимъ то таинственнымъ свѣтомъ и недоступнымъ величіемъ, и именно какъ такой сборникъ, изъ котораго многіе рассказы внесены въ Пролога.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ его собственно восточномъ, состоящемъ въ преслѣдованіи ересей. Особенно много рассказовъ, опровергающихъ ересь Несторіеву и Севирову, именно рассказовъ о святости Богоматери и церковныхъ таинствъ.

Нашъ сборникъ служитъ доказательствомъ, какъ въ противоположность зловѣрія Несторіева въ V и VI вѣкѣ были уже распространены иконы Богоматери даже въ пещерахъ и пустыняхъ отшельниковъ.

Для примѣра, какъ въ рассказахъ Лимонаря трактуются ереси, привожу одинъ изъ самыхъ разительныхъ, въ которомъ явившаяся Дѣва Марія сама называетъ Несторіа своимъ врагомъ *). Однажды нѣкоторый монахъ изъ монастыря близъ Иордана видѣлъ во снѣ внѣ своей кельи жену, благоговѣйну образомъ, одѣтую въ багряницу, а съ ней двухъ священнолѣпныхъ мужей, и, уразумѣвъ, что то была

*) Глава 46 (56).

сама Дѣва Марія съ Іоанномъ Богословомъ и апостоломъ Петромъ, молилъ Богоматерь войти въ его келью. Но она отвѣтствовала: „Ты имѣешь въ своей кельѣ моего врага,—какъ же ты молишь, чтобъ я вошла?“ Сказавъ это, она исчезла. Возставъ отъ сна, старецъ началъ скорбѣть и со слезами помышлялъ, въ чемъ онъ согрѣшилъ? Потомъ, для духовнаго утѣшенія, взялъ въ руки одну назидательную книгу, чтобъ чтеніемъ хотя малую ослабу отъ печали получить. Прочелъ книгу и на самомъ концѣ ея нашолъ два слова Несторія зловѣрнаго, и тогда то уразумѣлъ, что это и былъ врагъ Богоматери, неудостоившей потому войти въ келью старца.

Теперь обратимся къ Патерику Римскому. Хотя онъ былъ переведенъ на славянскій языкъ уже съ греческаго, но первоначально писанъ по латыни. Такимъ образомъ черезъ письменность Византійскую переходили къ намъ лучшія изъ произведеній древнехристіанскаго Запада.

Римскій патерикъ былъ составленъ св. Григоріемъ Великимъ, папою Римскимъ († 604), слѣдовательно нѣсколькими годами ранѣе патерика Синайскаго. Римскій патерикъ собственно называется Разговорами и Собесѣдованіями*), и по латыни носитъ заглавіе: Четыре книги разговоровъ о жизни и чудесахъ св. Отцовъ Италійскихъ и о безсмертіи душъ. Уже въ VIII в. это сочиненіе было переведено на греческій языкъ, и въ томъ же вѣкѣ были его переводы на арабскій и англосаксонскій. Между славянскими рукописями этотъ патерикъ встрѣчается рѣже Синайскаго, впрочемъ и изъ него много разказовъ внесено въ Пролога, уже по древнѣйшимъ рукописямъ XII-го вѣка**).

Достаточно прочесть нѣсколько страницъ этого патерика, чтобы придти въ изумленіе отъ глубины и величія духа гениальнѣйшаго изъ святыхъ мужей, дѣятельность котораго была неистощимо плодотворна для образованности средневѣковаго Запада. Изъ этого уже можно догадываться, насколько Римскій патерикъ по своему тону и направленію долженъ отличаться отъ Синайскаго. И дѣйствительно, трудно найти двѣ книги, сходныя по содержанію, одинаково

*) Почему и самъ Григорій у насъ называется Двоесловомъ.

**) Въ 1858 г. Римскій патерикъ изданъ въ русскомъ переводѣ въ Православномъ Собесѣдникѣ, журналѣ, выходящемъ при Казанской Духовной Академіи.

проникнутыя благочестивымъ, самымъ искреннимъ вѣрованьемъ—и между тѣмъ столько между собою различныя! Хотя произведеніе Григорія Двоеслова писано нѣсколько ранѣе сборника Синайскаго, но по глубинѣ идей, по широкому взгляду на міръ, кажется, будто на нѣсколько столѣтій ушло отъ этого послѣдняго впередъ. Такъ противоположно было образованіе Запада отъ Востока, что уже въ эти отдаленныя времена, въ VI и VII в., задолго до раздѣленія Церкви, необыкновенно ясно и чувствительно даетъ о себѣ знать. Къ счастью, наша древняя литература въ Римскомъ патерикѣ по крайней мѣрѣ стремилась усвоить себѣ эти западныя, плодотворныя для развитія начала.

Въ патерикѣ Синайскомъ повѣствованія предлагаются безъ всякой внутренней между ними связи, безъ всякой системы и порядка, просто какъ сырые матеріалы, не освѣщенные мыслію. Это не что иное, какъ случайно составленный сборникъ, въ которомъ каждая повѣсть говоритъ сама за себя, не имѣя прямаго отношенія ни къ предыдущему, ни къ послѣдующему.

Напротивъ того, Григорій Двоесловъ рассказываетъ о святыхъ отцахъ въ одушевленной бесѣдѣ съ своимъ ученикомъ, дьякономъ Петромъ. Собесѣдникъ его не лицо страдательное, не внѣшняя подставка, только для того, чтобъ придать сочиненію видъ разговора, но лицо, принимающее разумное участіе во всемъ, что рассказываетъ св. мужъ, и часто своими замѣчаніями и возраженіями вызываетъ его на глубокія размышленія. Чудеса и другія событія въ этой одушевленной бесѣдѣ постоянно получаютъ умѣренный характеръ назиданія. Искрепость религіознаго чувства постоянно сопутствуется глубокимъ взглядомъ философа, который всякую восторженность и аскетическое изступленіе умѣряетъ спокойною и трезвою обдуманностью, впрочемъ проникнутой мистицизмомъ согласно убѣжденіямъ тѣхъ временъ.

Однажды *)—такъ рассказывалъ Двоесловъ—ночью, когда братія спали, св. Венедиктъ всталъ и молился у окна. Вдругъ онъ увидѣлъ въ глубокую полночь необычайный свѣтъ, отъ котораго ночь сдѣлалась свѣтлѣе дня. Изумительное событіе послѣдовало за этимъ освѣщеніемъ. Весь міръ—какъ сказывалъ потомъ онъ самъ—весь

*) Книга 2, глава 35.

міръ собранъ былъ передъ его глазами, какъ бы подъ одинъ лучъ солнца. Венедиктъ устремилъ внимательный взглядъ въ этотъ блескъ небеснаго свѣта и увидѣлъ въ огненномъ сіяніи душу одного усопшаго епископа, несомую ангелами на небо. Изумляясь этому разсказу, собесѣдникъ Двоеслова, дьяконъ Петръ выразилъ свое недоумѣніе: „я не могу понять—говорилъ онъ—какимъ образомъ одинъ человѣкъ своимъ взоромъ могъ объять весь міръ?“ „Вѣрь твердо, Петръ,—говорилъ св. учитель—вѣрь твердо тому, что я сказалъ. Для души, видящей Создателя, мало все сотворенное. Потому кто увидитъ малую часть свѣта Создателя, для него становится обзорно все сотворенное: ибо самый свѣтъ внутренняго видѣнія распространяетъ кругозоръ ума и такъ расширяетъ въ Богѣ, что умъ становится выше міра; душа видящаго бываетъ даже выше самой себя... Св. мужъ, который, взирая на огненный шаръ, видѣлъ даже ангеловъ, возносящихся на небо,—безъ сомнѣнія—могъ видѣть это не иначе, какъ во свѣтѣ Божіемъ. Что же удивительнаго, если видѣлъ міръ, собранный предъ собою, тотъ, кто находился внѣ міра, будучи восхищенъ въ умственномъ свѣтѣ? А если говорится, что передъ его глазами былъ собранъ весь міръ,—не то значить, что небо и земли были, такъ сказать, сжаты передъ его взоромъ, а то, что расширенный духъ видящаго, будучи восхищенъ въ Богѣ, могъ безъ труда видѣть, что ниже Бога. Итакъ, въ свѣтѣ, сіявшемъ передъ внѣшними очами, былъ внутренній свѣтъ ума, который, когда восхитилъ духъ видящаго къ высшимъ предѣламъ, показалъ ему, какъ тѣсно все, находящееся внизу“.

Только живое участіе собесѣдника, высказанное сомнѣніемъ, могло вызвать въ глубокомысленномъ учителѣ такое высоко-христіанское, философское ученіе объ отношеніи души человѣческой къ внѣшней природѣ.

Повѣствованія и анекдоты Римскаго патерика объ италійскихъ подвижникахъ передаются въ оживленной бесѣдѣ назидательнаго характера, потому очень часто бесѣдующіе, отступая отъ историческихъ разсказовъ, входятъ въ разговоры нравственно-философскаго содержанія.

„Не знаю—говорилъ Петръ—какъ думаютъ другіе, но я выше всѣхъ чудесъ считаю чудо воскресенія мертвыхъ, когда души ихъ

возвращаются къ своимъ тѣламъ“ *). „Если смотрѣть на внѣшнюю сторону чуда,—отвѣтствовалъ мудрый учитель—то, безъ сомнѣнія, такъ; а если обратить вниманіе на внутреннюю сторону, то—конечно—чудо обращенія грѣшника словомъ назиданія и утѣшенія будетъ выше, нежели чудо воскрешенія умершаго по плоти. Ибо въ послѣднемъ случаѣ воскресаетъ плоть, которая нѣкогда опять умретъ, а въ первомъ—душа, предназначенная къ вѣчной жизни“.

Въ этой бесѣдѣ неоднократно проглядываетъ—совершенно чуждая Синайскому патерику—пытливость ума, подстрекаемаго сомнѣніемъ. Это уже значительный шагъ впередъ по пути философскаго развитія. Между тѣмъ какъ Іоаннъ и Софроній интересуются богословскими преніями и распрями съ еретиками, Григорій Двоесловъ съ своимъ любознательнымъ ученикомъ рѣшаютъ глубочайшіе вопросы о человѣческомъ духѣ.

Однажды **) Петръ рѣшился въ слѣдующихъ словахъ выразить свое сомнѣніе: „Я былъ при смерти одного брата. Во время разговора внезапно онъ испустилъ духъ, и я вдругъ увидѣлъ умершимъ того, который только что передъ тѣмъ говорилъ со мною. Но вышла ли его душа или нѣтъ, я не видѣлъ: и кажется весьма трудно повѣрить бытію существа, котораго никто не можетъ видѣть“.—Тѣмъ неожиданнѣе и страннѣе это сомнѣніе въ бесѣдѣ, въ которой такъ часто повѣствуется о выходѣ души изъ тѣла даже въ видимомъ образѣ. Но великій учитель, чуждый всякой нетерпимости въ дѣлѣ убѣжденія, не ища доказательствъ въ мірѣ чудесъ, побѣдоносно уничтожаетъ возникшее сомнѣніе логическимъ опроверженіемъ: „Что удивительнаго, Петръ, если ты не видѣлъ исходящей души, которой не видишь и въ то время, когда она находится въ тѣлѣ? Неужели, когда ты разговариваешь со мною, почтешь меня бездушнымъ на томъ основаніи, что не можешь видѣть во мнѣ души моей? Существо души невидимо, и такъ же невидимо она исходитъ изъ тѣла, какъ невидимо въ немъ пребываетъ“.

Таковы глубокія философскія мысли, которыя наши предки могли почерпнуть изъ Римскаго патерику, бывшаго у нихъ подъ руками, частію въ полномъ составѣ, частію въ отрывкахъ, размѣщенныхъ подъ разными числами Пролога.

*) Книга 3, глава 17.

**) Книга 4, глава 5.

Какъ повѣсти и анекдоты Синайскаго и другихъ сборниковъ не развили въ древней Руси самостоятельной литературы свѣтскихъ повѣствованій или новеллъ, такъ еще меньше того философское ученіе Двоеслова могло пробудить умы древнерусскихъ читателей къ самобытному философскому мышленію. Все же однако элементы обще-европейскаго образованія очень рано внесены были къ намъ изъ Византіи, и если туго развивались, по крайней мѣрѣ до позднѣйшихъ временъ удержались въ русской письменности, и въ пей окрѣпли до того, что стали неотъемлемымъ достояніемъ грамотнаго человѣка, еще не знавшаго гражданской печати.

Л Е К Ц І Я 35-я.

Читана 21-го апрѣля 1860 года.

Не изучая исторіи систематически и не сознавая не только необходимости этой науки для умственнаго образованія, но даже и ея бытія, наши грамотные предки гораздо болѣе были свѣдущи въ этой наукѣ, нежели какъ это казалось бы, судя по тѣсному кругу литературныхъ идей древней Руси. Свѣдѣнія изъ всеобщей исторіи, конечно отрывочныя, приобрѣтались нашими предками, какъ обстановка тѣхъ религіозныхъ и назидательныхъ повѣствованій, сборники которыхъ въ настоящее время составляютъ предметъ нашего вниманія. Русскихъ читателей занималъ не сухой прагматизмъ исторіи не идеи о судьбахъ человѣчества, идеи, которыя современный историкъ открываетъ въ сочетаніи фактовъ. Все это стояло впѣ интересовъ древней Руси; все это было недоступно грамотному человѣку не только у насъ въ старину, но даже и на Западѣ. Но являясь правдивою обстановкою чудеснаго разказа, согрѣтаго вѣрованьемъ и пропикнутаго назиданіемъ, тѣмъ крѣпче входили въ память нашихъ древнихъ читателей историческіе факты.

Бросивъ взглядъ на тѣ историческія событія и лица, съ которыми наши предки знакомились изъ Римскаго сборника Двоеслова мы перестанемъ удивляться тому, что въ народныхъ русскихъ книгахъ встрѣчается много свѣдѣній, которыхъ, казалось бы, трудно ожидать.

Первосвященническая дѣятельность нашего автора (590—604 г.) относится къ эпохѣ завоеванія Италіи Ломгобардами, совершивша-

гося во второй половинѣ VI в. (568 г.). Потому главными историческими дѣятелями въ разсказахъ Римскаго патерика являются Лонгобарды, а также и грозные предшественники ихъ, Вандалы и Готы.

Какъ ни велико было средневѣковое броженіе жизненныхъ элементовъ, внесенное въ Италію этими народами, Римскій патерикъ представляетъ его только однимъ изъ эпизодовъ необъятной картины судебъ всего челоуѣчества въ ту великую эпоху, когда христіанскія начала новаго міра восторжествовали надъ древнимъ.

Міръ древній съ его развалинами и капищами языческихъ божествъ, съ его классическою, свѣтскою образованностію, уступаетъ мѣсто новому ученію, которое воздвигаетъ христіанскіе храмы на мѣстѣ сокрушенныхъ капищъ. Такъ св. Венедиктъ († около половины VI в.), основывая свой знаменитый монастырь на горѣ Кассино (Monte Cassino, между Римомъ и Неаполемъ), еще долженъ былъ бороться съ древнимъ язычествомъ. „Монастырь этотъ на высокой горѣ *)—такъ рассказываетъ Двоесловъ—и именно на одномъ просторномъ ея изгибѣ; но гора еще надъ нимъ возвышалась на три поприща, какъ бы къ звѣздамъ поднимая свою вершину. На самомъ верху было древнее капище, въ которомъ, по обычаю древнихъ язычниковъ, грубый народъ поклонялся Аполлону. А около всякаго капища демоновъ росли рощи, въ которыхъ еще въ то время безумная толпа невѣрныхъ приносила многочисленныя жертвы. Припедши туда, св. мужъ сокрушилъ идола, ниспровергъ жертвенникъ, выжегъ рощи и самый храмъ Аполлона обратилъ въ церковь св. Мартину, а на мѣстѣ жертвенника Аполлонова соорудилъ храмъ св. Іоанну“.

Великая эпоха утвержденія христіанства въ Италіи—какъ уже сказано—совершилась въ самой грозной обстановкѣ, когда вся страна была потрясаема погромами сѣверныхъ варваровъ. Страшныя событія даютъ нашему повѣствовательному сборнику необыкновенно величавый характеръ, опредѣляемый торжественностью всемірныхъ переворотовъ. Въ этихъ варварскихъ погромахъ благочестивому воображенію видѣлось предвѣстіе концу міра. „Епископъ Редемптъ**)—говорилъ Двоесловъ—былъ со мною въ дружескихъ отношеніяхъ,

*) Книга 2, глава 8.

**) Книга 3, глава 38.

когда еще я жилъ въ монастырѣ, и самъ, по моей просьбѣ, повѣдалъ мнѣ, какъ еще во времена предшественника моего, папы Іоанна (Іоанна III-го) узналъ онъ о кончинѣ міра. Онъ рассказывалъ, какъ однажды, посѣщая свои приходы, остановился при храмѣ св. мученика Евтихіа. Вечеромъ велѣлъ онъ приготовить себѣ постель возлѣ могилы мученика и легъ спать. Но до полуночи онъ находился не въ сонномъ, ни въ бодрственномъ состояніи. Тогда предсталъ ему св. Евтихій и сказалъ: „приближается конецъ всякой плоти!“ Послѣ того, когда св. мученикъ исчезъ, Редemptъ всталъ съ своего одра и началъ молиться, проливая слезы. Вскорѣ на небѣ появились страшныя знаменія; съ *сѣвера* показались огненныя копья и стрѣлы. Затѣмъ страшный народъ Лонгобардскій выпелъ изъ своихъ жилищъ и напалъ на насъ. Родъ человѣческій, жившій на землѣ, въ неозримомъ множествѣ, какъ колосья на жатвѣ, былъ побитъ и истребленъ. Города опустошены, крѣпости разрушены, церкви пожжены, монастыри мужскіе и женскіе разорены, селенія народомъ покинуты, поля остались невоздѣланными, земля превратилась въ пустыню, такъ что не осталось на ней ни одного жителя, и дикіе звѣри стали обитать тамъ, гдѣ прежде процвѣтали народы.—Не знаю—продолжалъ Двоесловъ—что дѣлается въ другихъ частяхъ свѣта, но на этой землѣ, гдѣ живемъ мы, кончина міра не только близка, но уже и наступила. Потому намъ необходимо тѣмъ съ большою твердостью искать вѣчнаго, чѣмъ быстрѣе исчезаетъ у насъ временное. Мы должны бы были презирать сей міръ, хотя бы даже онъ ласкалъ насъ и прельщалъ счастьемъ; но если онъ поражается такимъ бичемъ, подвергается такимъ бѣдствіямъ, ежедневно раждаетъ для насъ столько скорбей,—этимъ чтò иное онъ проповѣдуетъ, какъ не то, чтобъ мы его не любили?“

Эта необъятная картина гибнущаго міра подъ сокрушительными ударами сѣверныхъ варваровъ даетъ разумѣть намъ о той животрепещущей средѣ историческихъ переворотовъ, въ эпоху которыхъ возникъ Римскій сборникъ.

Мы уже знаемъ, какъ въ Византіи и въ древней Руси представляли себѣ Страшный Судъ. Если Востокъ къ этому представлению присоединялъ рѣшеніе богословскимъ спорамъ и обличеніе зловѣрныхъ еретиковъ, то историческій Западъ въ варварскихъ погромахъ видѣлъ кончину міра.

Извѣстно, что сѣверные дикари много внесли своихъ національныхъ элементовъ въ классическій бытъ Римскихъ провинцій. Въ Римскомъ патерикѣ можно прослѣдить нѣкоторыя нити тѣхъ вѣрованій, которыя принесли съ собою въ Италію нѣмецкія племена. Напримѣръ:

Намъ уже извѣстно, что принадлежности Тора, этого нѣмецкаго Перуна, были молотъ міольниръ (молнія) и два козла, запряженные въ телѣгу, въ которой онъ ѣдетъ. Принесеніемъ козла въ жертву чествовали это божество. Согласно съ этимъ вотъ что говорится въ Римскомъ патерикѣ *): „У Лонгобардовъ былъ обычай приносить въ жертву дьяволу козью голову; жертвоприношеніе сопровождалось бѣганьемъ вокругъ и пѣньемъ бѣсовскихъ пѣсень“.

Нѣмецкія преданья о черныхъ эльфахъ или карликахъ, столь глубоко пустившія корни во множествѣ повѣрій и сказаній, не могли не отразиться въ представленіи злыхъ духовъ. Такъ по одному повѣствованію Римскаго сборника**), пѣкотораго лѣниваго монаха злой духъ постоянно смущалъ на молитвѣ, въ видѣ чернаго мальчика, и тащилъ его вонъ изъ церкви за край его одежды.

Владѣтели подземныхъ сокровищъ и ковачи золота и серебра, эльфы вмѣстѣ съ тѣмъ олицетворяли растительную силу травъ и деревьевъ, коренящихся въ подземномъ царствѣ черныхъ эльфовъ или карликовъ, и получающихъ себѣ оттуда пищу и жизнь.

Въ упомянутомъ выше монастырѣ на горѣ Кассино***), братія хотѣли однажды поднять съ земли камень, но сколько ни употребляли свои силы, ничего не могли сдѣлать безъ чудеснаго содѣйствія св. Венедикта. Но послѣ, когда камень былъ поднятъ, подъ нимъ въ землѣ нашли мѣднаго идола, который, слѣдовательно, своею вражью силою, коренилъ этотъ камень въ землѣ.

Если въ этомъ преданьи очевидно повѣрье о подземномъ карликѣ—ковачѣ****), то въ другомъ еще яснѣе повѣрье объ эльфѣ растительнаго царства, то есть, о стихійномъ существѣ, живущемъ въ растеніи и надѣвающимъ на себя листья и цвѣты*****). Случилось

*) Книга 3, глава 28.

**) Книга 2, глава 4.

***) Книга 2, главы 9 и 10.

****) Сличы волосы Зифы, золотые, выкованные эльфами.

*****) Книга 1, глава 4.

одной монахинѣ пойти въ монастырскій садъ. Увидѣвъ тамъ растеніе называемое латукъ (lactuca), съ жадностью начала она его ѣсть, забывъ предварительно оградить себя крестнымъ знаменіемъ. Вдругъ схватила её нечистая сила и повергла на землю. Когда увидѣли её въ странныхъ мученіяхъ, тотчасъ попросили одного благочестиваго отца, чтобъ онъ посилѣшилъ исцѣлить болящую своею молитвою. Едва только вступилъ въ садъ этотъ благочестивый мужъ, печистый духъ, вошедшій въ монахиню, началъ ся устами кричать, какъ бы прося пощады: „Что я сдѣлалъ—вопіялъ злой духъ—что я сдѣлалъ? Я былъ въ овощахъ, когда она пришла и вмѣстѣ съ овощами приняла въ себя и меня!“

Этотъ любопытный переходъ міеологическихъ вѣрованій въ представленіе злыхъ духовъ эпохи христіанской составляетъ предметъ народной демонологіи, преданіями которой наполнены всѣ средне-вѣковые рассказы и у насъ, и на Западѣ.

Такъ противоположенъ во всемъ Западъ Востоку, что даже въ демонологіи отразилась эта противоположность во всей ясности. Между тѣмъ какъ боязливое и скудное воображеніе восточныхъ пустынниковъ постоянно рисовало себѣ только смутный образъ какого-то эѳіопа, Западъ уже въ VI-мъ вѣкѣ разнообразіемъ своей исторической жизни воплощалъ во множествѣ самыхъ разнообразныхъ явленій злаго духа. Матеріалами для этого онъ имѣлъ не только міеологію классическую, разработанную поэтами и художниками древняго міра, но и особенно міеологическій эпосъ нѣмецкихъ племенъ, съ которыми мы нѣсколько знакомы по сравнительному изученію поэзіи европейскихъ народовъ.

Какъ важно значеніе демонологіи въ исторіи литературы, можно видѣть изъ того, что Дантъ, Шекспиръ и другіе великіе писатели западные почерпали неоднократно свое творческое вдохновеніе изъ этого смутнаго, исполненнаго суевѣрій источника.

Въ отношеніи поэтическомъ бѣдность и однообразіе суевѣрныхъ рассказовъ русскаго народа вполне соотвѣтствуютъ скуднымъ образамъ восточной демонологіи. Можно бы вывести изъ этого по крайней мѣрѣ тотъ утѣшительный результатъ, что однообразіе суевѣрныхъ полуязыческихъ представленій было выгодно для народа въ нравственномъ отношеніи, то есть, менѣе, чѣмъ на Западѣ, загрязняло у насъ

творческую фантазію. Но на самомъ дѣлѣ не видимъ и этого. Русская простионародная фантазія столько же склонна къ суевѣріямъ демонологіи, какъ и на Западѣ: только она постоянно вращается около грубаго и незатѣйливаго типа эфіопа или мурина, между тѣмъ какъ на Западѣ, уже въ самую раннюю эпоху, классическая древность и до-христіанскій нѣмецкій эпосъ дали самую богатую и разнообразную пищу поэтическому творчеству.

Слѣды нѣмецкихъ преданій въ Римскомъ сборникѣ заключу слѣдующимъ любопытнымъ свидѣтельствомъ о древнѣйшемъ періодѣ похоронныхъ обрядовъ (то есть, на водѣ).

„Не умолчу и о томъ—говорилъ нашъ благочестивый повѣствователь—что случилось мнѣ узнать отъ нѣкоторыхъ моихъ сосѣдей, когда я, будучи еще въ міру, жилъ въ Римѣ, въ собственномъ домѣ, доставшемся мнѣ по наслѣдству отъ отца. Подлѣ меня жила одна вдова по имени Галла. Она имѣла юнаго сына, именемъ Евморфія, а недалеко отъ нихъ жилъ нѣкто Стефанъ, помощникъ сотника. Когда пришло Евморфію умирать, онъ позвалъ своего раба, и далъ слѣдующее приказаніе: „иди скорѣе, скажи Стефану—помощнику сотника, чтобъ онъ немедленно шоль; потому что готовъ ужъ корабль, на которомъ намъ нужно ѣхать въ Сицилію.“—И дѣйствительно, въ одно и тоже время померли оба эти человѣка.“ Для насъ совершенно ясна эта переправа мертвецовъ на тотъ свѣтъ, который—по мѣстнымъ воззрѣніямъ—названъ здѣсь Сицилією: „потому что—какъ замѣчаетъ благочестивый рассказчикъ—на этомъ островѣ, преимущественно передъ другими мѣстами, изъ горныхъ жерлъ извергаемый огонь приготовленъ для мученія“*).

Изъ множества рассказовъ о сѣверныхъ варварахъ, громившихъ и опустошавшихъ Италію, остановлюсь на Готѣхъ, и именно на одномъ эпическомъ преданіи о Дигрихѣ или Теодорикѣ**). „Въ правленіе царя Теодорика—говорилъ Двоесловъ—отецъ тестя моего отправлялъ въ Сицилію должность сборщика податей и уже возвращался въ Италію. Корабль его присталъ къ острову, называемому Липари (на немъ вулканъ). Тамъ жилъ одинъ благочестивый мужъ, къ которому отецъ моего тестя съ своими спутниками пошоль по-

*) Книга 4, глава 35.

**) Книга 4, глава 30.

клониться. Св. мужъ принялъ ихъ, и между другими словами сказалъ: „Знаете ли, что Теодорикъ померъ? Вчера онъ, раздѣтый и разутый, со связанными руками отведенъ былъ въ 9-мъ часу папою Іоанномъ *) и Симмахомъ патриціемъ и низвергнутъ въ сосѣднее жерло волкана.“ Такимъ образомъ, какъ аріанинъ, Теодорикъ былъ преданъ вѣчной мукѣ. Въ древности извѣстно было мѣсто, называемое адомъ Теодорика.

Кромѣ историческихъ событій, наши предки получали изъ Римскаго сборника нѣкоторые географическія свѣдѣнія, или, по крайней мѣрѣ, по оживленнымъ поэтическимъ описаніямъ Двоеслова знакомились съ богатою и разнообразною природою южныхъ странъ.

Особенную прелесть очертаніямъ итальянской природы придаетъ разнообразіе ея въ постоянной смѣнѣ прибрежныхъ низменностей и горъ, цвѣтущихъ долинъ и пещеръ. Патерикъ Синайскій суровому взгляду на міръ даетъ и обстановку суровую: это, по большей части, безграничныя песчаныя степи, раскаляемыя жгучими лучами солнца. Напротивъ того, какъ, на примѣръ, свѣжа и разнообразна природа Італіи въ описаніи житія отшельника Мартина на Марсовой горѣ (въ Кампаніи). Жилъ онъ на этой горѣ въ пещерѣ, внутри которой освѣжалъ пустытника журчащій источникъ. Многіе приходили къ святому по благочестивымъ обѣтамъ. Но какъ тропинка, ведшая по скату горы къ его кельѣ, была очень узка, то малый ребенокъ неосторожно оступился и упалъ въ глубокой оврагъ, на обрывѣ котораго висала тропинка. А въ томъ мѣстѣ гора была такъ высока, что огромнѣйшія деревья, росшія въ долинѣ, съ горы казались мелкими прутьями. Странники, бывшіе въ пустыни, ужаснулись, и старательно отыскивали мѣсто, куда обрушился мальчикъ.—Молитвами Мартина онъ избавился отъ всякаго ушиба **).

Этимъ, впрочемъ, не ограничивается описаніе пустыни, гдѣ спасался Мартинъ. Самая пещера его имѣла мѣстный италійскій характеръ. „Надъ пещерою этого св. мужа—продолжаетъ нашъ авторъ—сверху выдавалась огромная скала. Она чуть чуть лѣпилась къ горѣ и, выдаваясь надъ кельею Мартина, ежеминутно грозила своимъ паденіемъ погубить святаго. Сколько ни просили его, чтобъ

*) Это Іоаннъ I, 523 г.

**) Книга 3, глава 16.

онъ на время вышелъ изъ пещеры, пока множествомъ народа скала будетъ низвергнута съ горы въ стремнистую глубину долины. Св. мужъ удалился внутрь пещеры и оставался непреклоненъ. Тогда собралась толпа народа—и начали двигать скалу, стараясь по возможности это сдѣлать безъ вреда святому: и вдругъ, въ виду всѣхъ, произошло удивительное явленіе: скала, уже сдвинутая рабочими, вдругъ сама собою отскочила отъ горы на такое пространство, что миновавъ верхъ пещеры и не нанеши никакого вреда рабу Божію, упала въ отдаленіи.

Согласно красотѣ италійской природы, живыми красками изображенной въ Римскомъ патерикѣ, сами рассказы исполнены иногда высочайшей поэзіи и необыкновенной граціи.

Немного въ древнехристіанской и средневѣковой поэзіи такихъ высокохудожественныхъ рассказовъ, какой предлагаетъ намъ Римскій патерикъ о сестрѣ св. Венедикта, по имени Схоластикѣ*).

Съ самаго младенчества Схоластика была посвящена Господу Богу. И имѣла она обычай приходить къ св. Венедикту однажды въ годъ. Св. мужъ выходилъ къ ней навстрѣчу недалеко за ворота монастыря. Въ одно изъ этихъ свиданій цѣлый день провели вмѣстѣ братъ и сестра въ хвалѣ Богу и въ святыхъ бесѣдахъ, а при наступленіи ночи и поужинали вмѣстѣ. И когда они сидѣли за столомъ, св. Схоластика стала упрашивать своего брата: „не уходи отъ меня, будемъ бесѣдовать всю эту ночь до утра о радостяхъ небесной жизни!“ Св. Венедиктъ отвѣтствовалъ: „что ты говоришь, сестра? по уставу я никакъ не могу долѣе оставаться внѣ монастыря.“—А такое ясное было небо, продолжаетъ краснорѣчивый расказчикъ, что въ воздухѣ не видно было ни облачка.—Благочестивая Схоластика, услышавъ отказъ брата, положила сложенные пальцами руки на столъ и склонила на руки свою голову, и такъ молилась всемогущему Богу. Когда же подняла она отъ стола свою голову, на небѣ вдругъ засверкала молнія, загремѣлъ громъ и полился такой страшный дождь, что ни св. Венедиктъ, ни бывшая съ нимъ братія, не могли двинуть ноги съ того мѣста, на которомъ сидѣли. Такъ благочестивая жена,—присовокупилъ Двоесловъ—наклонивши голову, пролила

*) Книга 2, глава 33.

потоки слезъ, отъ которыхъ ясное небо стало дождливымъ: и не такъ чтобы наводненіе послѣдовало хоть немного спустя послѣ молитвы; нѣтъ! Молитва и наводненіе были такъ одновременны, что когда блаженная Схоластика поднимала голову отъ стола уже гремѣлъ громъ, и въ одно и тоже мгновеніе она поднимала голову—и низводила съ неба дождь. Тогда св. Венедиктъ, видя что за грозой не можетъ воротиться въ монастырь, скорбя и жалуясь, говорилъ св. Схоластикѣ: „да пощадить тебя всемогущій Богъ, о сестра моя! Что это ты сдѣлала!“ Схоластика отвѣтствовала: „вотъ, я тебя просила, но ты не хотѣлъ меня слушать: попросила моего Господа—и Онъ услышалъ меня.“ И такъ св. мужъ поневолѣ долженъ былъ до утра провести время въ бесѣдѣ со своею сестрою. Этотъ превосходный разсказъ, единственный въ своемъ родѣ по замѣчательной художественности необычайныхъ дѣйствій и лицъ, и столь же интересный по красотѣ мысли и чувства, заключаетъ мудрый собесѣдникъ слѣдующими словами: „душа женщины совершила великое чудо силою всемогущаго Бога. И не удивительно, что въ то время болѣе могла совершить женщина, которая давно желала видѣть своего брата, потому что по словамъ св. Іоанна: Богъ любовь есть: отъ того болѣе могла совершить та, которая болѣе имѣла въ себѣ любви.“

Вотъ съ какими идеалами духовной красоты женщины могли знакомиться наши предки въ Римскомъ патерикѣ! Что можетъ быть возвышеннѣе и трогательнѣе этихъ горячихъ слезъ любящей женщины, которая самое небо приводила въ умиленіе и заставляла его трепетать раскатами грома и проливать потоки дождя!

Л Е К Ц И Я 36-я.

Читана 23-го апрѣля 1860 г.

Художественная игривость и нѣкоторая легкость въ представленіи чудеснаго, столь свойственная католицизму, особенно итальянскому, доходитъ иногда до фантастическаго въ нѣкоторыхъ мелкихъ анекдотахъ, которые разсказывались въ народѣ въ то самое время, когда жили наши собесѣдники. „Слѣдующій случай разсказывали

миѣ наши современники—говорилъ нашъ авторъ *): Былъ гѣкоторый пресвитеръ, по имени Стефанъ, близкій родственникъ Бониѳацію, нашему дьякону и эконому. Однажды Стефанъ, воротившись изъ путешествія домой, сказалъ въ разсѣпаніи своему слугѣ: „поди, дьяволъ, разуи мени!“—и тотчасъ же, невидимою силою, какъ бы сами собою ремни башмаковъ его пачали развязываться съ необычайною стремительностью и быстротою. Очевидно, что самъ злой духъ, будучи позванъ, явился къ услугамъ. Тогда пресвитеръ въ ужасѣ сталъ кричать: „удались, проклятый, удались! Не тебѣ это сказалъ я, а моему слугѣ!“ Послѣ того злой духъ тотчасъ отступилъ, а ремни, какъ были имъ развязаны, такъ и остались. „Отсюда можно понять—сказано на концѣ въ видѣ нравоученія, какъ это принято обыкновенно въ повѣствовательныхъ произведеніяхъ среднихъ вѣремъ: „отсюда можно понять, что если висконный врагъ такъ слѣдитъ за каждымъ нашимъ движеніемъ внѣшнимъ, то какъ внимательно онъ устрояетъ безчисленныя козни нашей души.“—„Очень трудно, возразилъ на то смущенный собесѣдникъ мудраго учителя, и даже страшно быть всегда бдительнымъ къ кознямъ врага и постоянно пребывать какъ бы на стражѣ.“—„Не будетъ трудно, отвѣтствовалъ учитель, если охраненіе себя мы вѣримъ не самимъ себѣ, но высшей благодати, впрочемъ такъ, чтобъ и сами мы по возможности бодрствовали подъ ея покровомъ.“

Мы уже видѣли, какъ строго рассчитано всякое необычайное дѣло въ повѣствованіяхъ Лимонаря. Только ради существенной пользы въ дѣлѣ спасенія души человѣческой—по смыслу восточныхъ синайскихъ разсказовъ—природа измѣняетъ свои вѣчные законы, и, уступая высшимъ потребностямъ вѣрующей души, уклоняется отъ своего обычнаго пути, поражая воображеніе чудомъ. Гораздо легче, снисходительнѣе трактуется этотъ предметъ въ сказаніяхъ западныхъ, по смыслу которыхъ очень часто можетъ совершаться что нибудь необычайное, повидимому, безъ всякой особенной цѣли, безъ всякой настоящей пужды, а только для того, чтобъ изумить восторженное воображеніе. Отсюда проистекаетъ самая простосердечная паивность Римскихъ разсказовъ, и доселѣ составляющая отличительную черту итальянскаго католицизма.

*) Книга 3, глава 20.

Напримѣръ, что можетъ быть простодушнѣе слѣдующаго граціознаго разсказа о дѣтствѣ св. Бонифація *)? Мать Бонифація держала у себя на дворѣ нѣсколько домашнихъ птицъ. Но съ сосѣдняго поля повадилась ихъ таскать лиса. Однажды, когда Бонифацій, будучи еще отрокомъ, находился въ загороди, гдѣ держались дворовыя птицы, лисица схватила одну и утащила. Тотчасъ отправился благочестивый отрокъ въ церковь и тамъ, простершись въ молитвѣ передъ иконою, взывалъ: „Господи! неужели тебѣ угодно, чтобъ я даже и не поѣлъ того, что мать моя запасаетъ для меня въ пищу? Вотъ она откармливаетъ птицъ, а лиса ихъ пожираетъ!“ Кончивъ молитву, онъ вышелъ изъ церкви, и вдругъ видитъ—лиса воротилась и несетъ во рту похищенную ею птицу. Выпустивъ её, лиса тотчасъ же сама издохла на мѣстѣ въ глазахъ отрока Бонифація.“—Этотъ разсказъ даже самаго дьякона Петра поразилъ своею наивностью. „Удивительное дѣло—воскликнулъ онъ—какъ Господь исполняетъ молитвы уповающихъ на него, даже въ такихъ ничтожныхъ вещахъ!“—„Все это совершается, возлюбленный Петръ,—съ подобающей строгостью отвѣтствовалъ мудрый учитель—все это совершается по премудрому намѣренію Создателя, чтобъ, получивъ малое, мы воспитали въ себѣ надежду получить и большее. Невинный и набожный ребенокъ увидѣлъ исполненіе своего дѣтскаго желанія, и это должно было вразумить его, какое дерзновеніе можетъ онъ имѣть передъ Богомъ, испрашивая большее.“

Еще примѣръ такой же наивности изъ разсказовъ о дѣтствѣ св. Венедикта, имѣющій сверхъ того интересъ и въ археологическомъ отношеніи **). Когда св. Венедиктъ, окончивъ ученіе, удалился въ пустыню, за нимъ послѣдовала его кормилица, которая очень любила его. Однажды кормилица выпросила себѣ у сосѣдокъ сито, и какъ то по неосторожности его расколола на двѣ части, и начала о томъ горько плакать. Отрокъ Венедиктъ сжалился надъ своею кормилицею, сложилъ обѣ половинки разбитаго сита и сталъ со слезами молиться. По окончаніи молитвы, сито оказалось въ такой цѣлости, что въ немъ нельзя было замѣтить ни малѣйшихъ слѣдовъ поврежденія. Тогда ласковыми словами утѣшая свою кормилицу, Венедиктъ воз-

*) Книга 1, глава 9.

**) Книга 2, глава 1.

вратилъ ей въ цѣлости сито, которое принялъ отъ нея разбитымъ. „Это чудесное дѣло—продолжалъ раскащикъ—въ томъ мѣстѣ (именно Enfide) всѣми было узнано и произвело такое удивленіе, что жители того мѣста повѣсили сито при входѣ въ церковь, дабы знали всѣ входящіе и выходящіе изъ церкви, какую великую благодать получилъ монастырскій отрокъ Венедиктъ. И много лѣтъ оставалось тамъ это сито передъ глазами всѣхъ, и даже до настоящаго нашествія Лонгобардовъ висѣло у церковныхъ воротъ.“

Примѣчаніе. Этотъ любопытный рассказъ своего литературнаго достоинства, для исторіи средневѣковой археологіи важенъ въ двоякомъ отношеніи: 1) онъ свидѣтельствуетъ о древности обычая на иконахъ, а также и на стѣнахъ церкви вѣшать по обѣту (ex voto) различныя вещи, и изображенія (наприм. руки, ноги, кораблекрушенія и т. п.) въ воспоминаніе чудесъ, совершенныхъ иконою или какою нибудь святынею. 2) Изъ этого рассказа видно, что въ древнѣйшую эпоху наружныя стѣны храмовъ, согласно благочестивымъ убѣжденіямъ вѣрующаго, были украшаемы нѣкоторыми предметами, напоминавшими о какомъ нибудь событіи, относящемся къ исторіи самого храма или того угодника, имя котораго связано съ храмомъ. Множество до сихъ поръ необъяснимыхъ скульптурныхъ украшеній при входѣ въ храмъ, около дверей и на наружныхъ стѣнахъ древнѣйшихъ романскихъ зданій—вѣроятно, не что иное, какъ скульптурное воспроизведеніе не только событій изъ средневѣковыхъ рассказовъ, но даже, иногда, и предметовъ, которые прежде, какъ сито св. Венедикта, въ самой натурѣ могли быть вывѣшываемы на стѣнахъ.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ литературныя качества Римскаго сборника. Глубокія мысли христіанскаго философа совокуплены въ немъ въ одно цѣлое съ наивною поэзіею народныхъ рассказовъ. Разнообразіе сюжетовъ соответствуетъ разнообразію жизненныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ историческаго развитія средневѣковой Европы.

Теперь отъ Италійскаго Запада обратимся опять къ Востоку. Скитскій патерикъ, послѣ Синайскаго и Римскаго, составляетъ третій существенный элементъ, вошедшій въ содержаніе нашихъ Прологовъ и назидательныхъ книгъ для народнаго чтенія.

Патерикъ Скитскій, то есть, сборникъ повѣствованій о пустычникахъ и отшельникахъ Египетскихъ, по своему началному происхожденію древнѣе патерика Синайскаго, потому что приписывается Палладію, епископу Елеопольскому (въ Виѳиніи), скончавшемуся въ первой половинѣ V-го вѣка. Книга его о житіи отшельниковъ и подвижничествѣ благочестивыхъ женъ собственно называется Лавсаикомъ, по имени нѣкотораго постельничаго Лавса, для котораго

онъ составилъ свой сборникъ. Впослѣдствіи изъ Лавсаика съ присоединеніемъ другихъ повѣствованій былъ составленъ патерикъ Скитскій, въ который было внесено многое изъ Лимопаря и другихъ аскетическихъ сочиненій. Потому число главъ и редакціи Скитскаго патерика весьма различны *).

Скитскій патерикъ вводитъ насъ уже въ знакомую намъ сферу Синайскаго сборника; только въ немъ главы по большей части обширнѣе и повѣствованія подробнѣе и обстоятельнѣе, иногда содержатъ цѣлое житіе какого-нибудь отшельника, или обширный трактатъ о какомъ-нибудь назидательномъ предметѣ, въ видѣ проповѣди или бесѣды.

Въ образецъ литературнаго достоинства нѣкоторыхъ повѣствованій Скитскаго сборника привожу рассказъ отца Серапіона о Маркѣ Фраческомъ, объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ древнехристіанскихъ пустынниковъ. Этотъ рассказъ изъ Скитскаго патерика помѣщается въ Прологѣ подъ 5-мъ числомъ апрѣля.

„Отправляясь въ Александрію—такъ повѣдалъ отецъ Серапіонъ братіи **)—спросилъ я одного купца, далеко ли до горы Фраческой.— „Воистину, отче,—отвѣчалъ мнѣ купецъ—велика долгота пути того, около тридцати дней.“ Взять я воды въ тыкву (по обычаю пустынножителей) и немного финиковъ, и пошолъ по пустыни. Шолъ дней двадцать, и не видѣлъ ни звѣря, ни птицы, и ничего другаго. Послѣ двадцати дней оскудѣла у меня вода, и я изнемогалъ отъ жажды и лежалъ, какъ мертвый. И явились передо мною два нѣкоторые юноши, воздвигли меня и показали корень отъ пустыннаго растенія. Я поѣлъ нѣсколько, укрѣпился и пошолъ къ горѣ, наконецъ дошолъ до вертепа, гдѣ жилъ св. Маркъ. Когда я приближался ко входу въ вертепъ, вышелъ ко мнѣ онъ самъ: и видѣлъ я—все тѣло его обросло волосами, будто звѣрь,—и пришолъ я въ ужасъ и страхъ, и вострепеталъ, потому что вовсе не видно было въ немъ человѣческаго образа, и ничѣмъ нельзя было позвать его, развѣ только по исходящимъ изъ устъ его словамъ. И говоритъ онъ мнѣ: „чадо! не бойся смотрѣть на меня!“—и потомъ, умиленно заплакавъ, назвалъ меня

*) Я пользуюсь рукописью XVII вѣка, принадлежащею мнѣ, въ листъ, 133 главы, на 350 листахъ.

**) Скитскій Патерикъ, глава 2.

по имени: „чадо Серапіонъ! Зачѣмъ ты приполъ сюда?“—и благословивъ, обнялъ меня своими руками, и такъ говорилъ мнѣ: „Пробылъ я въ пустынѣ 90 лѣтъ, и не видалъ человѣка“. И потомъ спросилъ меня: „стоитъ ли міръ по прежнему обычаю?“ — „Да, отче,—отвѣчалъ я—стоитъ еще, благодатію Христовою и твоими молитвами“.—Потомъ спросилъ онъ опять: „есть ли въ мірѣ какіе святыя, творящіе силы и чудеса, какъ Господь сказалъ: аще вѣру имате, яко зерно горущично, речете горѣ сей: двинься и верзися въ море!“—И только что пустынный вымолвилъ эти слова, тотчасъ же поднялась сама собою стоявшая возлѣ гора и вергнулась въ море. Я наклонился—продолжалъ Серапіонъ—и видѣлъ, какъ она пла. Тогда, помавая головой, сказалъ той горѣ святой пустынный: „что съ тобою, гора? Вѣдь я не тебѣ велѣлъ двинуться! Стань на мѣстѣ твоёмъ!“—и гора немедленно стала. Видѣвши все это, я палъ ницъ отъ страха. Тогда отшельникъ, взявъ меня за руку, поднялъ и сказалъ: „я былъ аѳинянинъ и учился въ училищѣ философскомъ*), но благословенъ Господь Богъ, приведшій меня сюда!“—и пустынный сотворилъ молитву; по скончаніи молитвы, обращаясь къ пещерѣ, воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ: „предложи, чадо, трапезу!“ И когда мы вошли въ пещеру, дѣйствительно увидѣлъ я трапезу и два стула, хлѣбъ, овощи, двѣ рыбы и финики; а когда мы поѣли, Маркъ опять воззвалъ: „чадо! Возьми все это отсюда!“—и въ одно мгновеніе трапеза и все исчезло само собою**).—Въ тотъ же день вечеромъ сказалъ мнѣ святой: „днесъ разлучается душа моя отъ страстей плотскихъ!“—и когда онъ сотворилъ молитву, былъ съ небеси гласъ: „принесите мнѣ сосудъ избранный отъ пустыни!“ Тогда я взглянулъ вверхъ (продолжалъ Серапіонъ) и увидѣлъ душу пустытника, возносиму на небеса: и открылся покровъ небесный, и я видѣлъ толпы бѣсовъ, стоящи готовы: и удержана была душа святого, какъ бы съ часъ времени (т. е., на воздушныхъ мытарствахъ). И слышалъ я гласъ глаголющъ: „возьмите и принесите ее сюда!“—и посрамились бѣсы; ангелы же приняли душу пустытника; и послѣ этого ничего уже больше я не видѣлъ; а было это какъ-бы въ шестомъ часу ночи, и всю ту ночь провелъ я въ

*) Слѣди намеки Даніила Заточника о философскомъ училищѣ въ Аѳинахъ.

**) Обыкновенный сказочный мотивъ и у насъ, и въ нѣмецкихъ сказкахъ.

молитвѣ. По утру, взявъ тѣло Марка, положилъ его въ пещерѣ, и заградивъ двери вертепа, помолился и сошолъ съ горы. И опять тѣ же два юноши, которые прежде являлись мнѣ на пути, предстали предо мною и сказали: „воистину, брате, похоронилъ ты сегодня тѣло, котораго недостойнъ весь міръ“.

Скитскій патерикъ имѣлъ огромное вліяніе на такъ называемыя народныя книги, какъ на рукописныя сборники, такъ и на дубочныя изданія.

Такъ, въ народныхъ книгахъ, имѣющихъ предметомъ загробную жизнь*), постоянно встрѣчаемъ статью о томъ, какъ Макарію Александрійскому ангелы объяснили, почему должно поминать усопшихъ въ 3-й, 9-й и 40-й день. Статья эта заимствуется изъ Скитскаго патерика (гл. 15, листъ 74). Однажды Макарій полъ въ пустынѣ, сопутствуемый двумя ангелами. На пути встрѣтили они мертвое тѣло, по поводу котораго ангелы повѣдали Макарію о томъ, что бываетъ съ душею по выходѣ ея изъ тѣла, и почему должно совершать поминовеніе въ 3-й, 9-й и 40-й день. Пока душа совершаетъ положенное ей странствіе по загробному міру, съ самымъ тѣломъ въ эти дни, по сказанію въ народныхъ книгахъ, совершаются слѣдующія перемѣны: въ третій день человѣкъ измѣняется въ своемъ видѣ: потому третины творимъ; въ девятый—разрушается все зданіе человѣческаго тѣла, за исключеніемъ только сердца: потому творимъ девятины; въ сороковой же день погибнетъ и самое сердце: потому творится поминовеніе и въ сороковой день.

Эта статья постоянно встрѣчается въ Помянникахъ, или Синодикахъ, и въ письменныхъ, и въ старопечатныхъ, дубочныхъ изданіяхъ. Полагаемъ, что это видѣніе Макарія было первоначальнымъ зерномъ, изъ котораго потомъ развились на Западѣ изображенія пляски Макабровъ, т. е. Макаріевъ, или пляски мертвецовъ.

Довольно распространена въ народныхъ книгахъ другая статья о Макаріи, тоже изъ Скитскаго патерика, именно о томъ, какъ Макарій встрѣтилъ въ пустынѣ бѣса въ тыквахъ**). Съ головы до

*) Сличн рукопись Петровской эпохи, принадлежащую мнѣ. Со множествомъ миниатюръ.

***) Глава 46, листъ 113 об.

ногъ нечистый былъ увѣшанъ тыквами, которыя въ степи замѣняютъ сосуды. Въ каждомъ сосудѣ символически заключался какой-нибудь одинъ изъ тяжкихъ грѣховъ.

И въ духовныхъ стихахъ, воспѣваемыхъ слѣпными старцами, и въ народныхъ книгахъ распространена повѣсть изъ Скитскаго патерика о смерти грѣшника и праведника*). Одному старцу благоволилъ Господь Богъ показать, какъ исходитъ душа изъ грѣшника и изъ праведника. Изъ грѣшника грозный ангелъ вышибъ душу трезубцемъ. Послѣ того тотъ же старецъ увидѣлъ въ городѣ на распутьи умирающаго нищаго. Когда наступила нищему минута смерти, явились передъ нимъ два ангела, Михаилъ и Гавриилъ, чтобъ принять его душу, и сѣли возлѣ него, одинъ по правую сторону, другой по лѣвую. Сидѣли они и утѣшали душу, собираясь принять ее: но она не хотѣла оставить тѣла и выйти изъ него. И сказала Гавриилъ Михаилу: „Возьмемъ же ее и уйдемъ!“ Но Михаилъ отвѣчалъ ему: „Мнѣ не велѣно отъ Владыки принуждать душу къ ея исходу изъ тѣла“. Послѣ того Михаилъ возгласилъ громкимъ голосомъ: „Господи! что повелишь намъ о душѣ сей, потому что она не хочетъ выходить изъ тѣла?“ И былъ имъ тогда гласъ, глаголющъ: „Се посылаю Давида со гуслими и пѣніемъ, да изыдетъ душа съ радостію, слышавше красоту пѣнія; вы же сами не принуждайте ее“. И вотъ внезапно явились съ Давидомъ нѣкіе прекрасные мужи и начали пѣть прекрасныя пѣсни**). Слушая тѣ пѣсни, душа съ радостію вышла изъ тѣла на руки къ Михаилу, и ангелы, взявши ее, радостно вознесли на небо.

Приведенныя нами статьи даютъ достаточное понятіе о суровомъ направленіи Скитскаго патерика и о томъ мрачномъ вліяніи, какое онъ произвелъ на наши народныя книги.

Въ заключеніе укажу на одну изъ самыхъ старыхъ дубочныхъ картинокъ, заимствованныхъ изъ того же Скитскаго патерика***). Эта дубочная картинка имѣетъ предметомъ повѣсть о томъ, какъ однажды бѣсъ, по имени Зереверъ, желая искутить одного старца, пришолъ къ нему исповѣдаться и покаяться. Старецъ, по повелѣнію

*) Глава 38, листъ 103 об.

**) Смотри миниатюру въ моемъ сборникѣ.

***) Глава 60, листъ 148.

Господа Бога, въ видѣ искуса велѣлъ бѣсу три года стоять на одномъ мѣстѣ, непрестанно повторяя день и ночь по сту разъ: „Боже, помилуй мя, древнее зло!“ „Боже, помилуй мя мерзости запустѣніе“ и „Боже, помилуй мя помраченную прелесть“. Бѣсъ, конечно, не могъ сокрушить такимъ поканіемъ своей гордыши и, посрамленный, бѣжалъ отъ старца *).

Л Е К Ц І Я 37-я.

Читана 25-го апрѣля 1860 года.

Послѣ патериковъ ни одно изъ повѣствовательныхъ сочиненій не было такъ распространено въ древней Руси и не оказало такого сильнаго вліянія не только на книжную литературу, но и на устную народную поэзію, какъ Исторія, или повѣсть св. и преподобнаго отца нашего Іоанна иже отъ Дамаска, о преподобномъ отцѣ Варлаамѣ пустынножителѣ и о Іосафѣ царѣ Индій-стемъ **).

Повѣсть эта была любимымъ чтеніемъ въ средніе вѣка и у насъ, и на Западѣ, и особнно въ литературѣ западныхъ народовъ пустила она глубокіе корни во множествѣ поэтическихъ передѣлокъ тѣхъ разсказовъ, которые въ видѣ эпизодовъ въ ней содержатся. На Западѣ, именно въ Германію, эта повѣсть была перенесена въ латинскомъ переводѣ изъ Цареграда аббатомъ Гвидо въ началѣ XIII вѣка, и очень быстро разошлась по всей Европѣ въ передѣлкахъ и переводахъ на французскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій ***). Отдѣльныя повѣствованія изъ этой исторіи на Западѣ дали начало многимъ новелламъ и даже имѣли вліяніе на знаменитаго итальянскаго новеллиста Боккачіо. На славянскій языкъ эта исторія была переведена прямо съ греческаго и, вѣроятно, въ Болгаріи. Уже въ

*) Какъ необходимо изучать русскую литературу въ ея первоначальныхъ источникахъ, можно видѣть изъ того, что профессоръ Костомаровъ, не зная разобравныхъ нами патериковъ, заимствовалъ нѣсколько повѣстей изъ разныхъ сборниковъ, вошедшихъ туда изъ патериковъ. Такъ напримѣръ, въ I т. Памятниковъ старинной Русской Литературы на стр. 203 Костомаровъ помѣстилъ эту повѣсть о Зереевѣ.

***) Іоаннъ Дамаскинъ подвизался въ первой половинѣ VII вѣка. Пустыиникъ Варлаамъ жилъ въ III—IV в.

***) Въ западныхъ редакціяхъ Іосафъ называется Іосафатомъ.

древнѣйшихъ спискахъ прологовъ (въ XII в.) встрѣчаются изъ нея отдѣльныя статьи и рассказы. Ее читали русскіе люди уже въ XII в. и вносили въ свои сочиненія изъ нея нѣкоторыя повѣсти. Какъ сочиненіе, издавна пользовавшееся у насъ популярностью, оно очень рано было у насъ напечатано, сначала на югѣ Россіи въ Кутеискомъ монастырѣ въ 1637 г., въ четвертку, на польско-русскомъ языкѣ, а потомъ въ Москвѣ въ 1681 г., въ листъ, на чистомъ церковно-славянскомъ языкѣ, съ отличными гравюрами Аѳанасія Трухменскаго по рисункамъ знаменитаго царскаго живописца Симона Ушакова.

Эта Исторія вся сполна, независимо отъ десятка помѣщенныхъ въ ней эпизодическихъ рассказовъ, имѣла высокій интересъ для благочестивыхъ читателей среднихъ вѣковъ, а у насъ даже до XVIII в. Исторія о пустынникѣ Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ имѣетъ своимъ предметомъ развитіе внутренняго, нравственнаго процесса, совершившагося въ душѣ юнаго индійскаго царевича Іоасафа, сначала язычника, но потомъ, по убѣжденіямъ пустытника Варлаама, принявшаго христіанскую вѣру; по смерти отца, отказался онъ отъ царской власти и по аскетическому влеченію удалился въ пустыню, гдѣ и спасался вмѣстѣ съ Варлаамомъ. Такъ сильно было христіанское воодушевленіе Іоасафа, что онъ не только энергически противился всѣмъ искушеніямъ своего отца язычника, индійскаго царя Авенира, но даже подъ конецъ и его самого обратилъ въ христіанскую вѣру.

Главнѣйшіе моменты въ развитіи благочестивыхъ идей этой христіанской поэмы слѣдующіе.

Индійскій царь Авениръ, желая предохранить своего сына Іоасафа отъ распространявшагося въ Индіи христіанства, устранилъ въ его воспитаніи все, что могло бы напомнить ему о бѣдствіяхъ чело-вѣческихъ, о болѣзни и смерти,—все, что могло бы отрывать вниманіе юноши отъ утѣхъ и радостей временной жизни,—все, что могло бы ему внушить идею о недовольствѣ жизнію земною и о стремленіи вѣрующей души къ вѣчности.

Но старанія язычника Авенира были напрасны. Царевичъ, не смотря на всѣ заботы воспитателей, нечаянно увидѣлъ случаи чело-вѣческихъ бѣдствій и болѣзней и познакомился съ мрачною мыслию о неизбѣжной для всѣхъ смерти.

Тогда то изъ пустыни Сennaарской приходитъ къ Иоасафу во дворець пустынный Варлаамъ, переодѣтый купцомъ, продающимъ драгоценный камень, который, согласно средневѣковымъ представленіямъ, будто бы имѣеть особенную, сверхъестественную силу*). Въ уединенной бесѣдѣ Варлаамъ объяснилъ царевичу Иоасафу, что видѣть этотъ чудодѣйственный камень можно только тогда, когда будетъ къ тому приуготовлено зрѣніе человѣка. Это—камень вѣры, какъ подписано syllabическими виршами на гравюрѣ въ Московскомъ изданіи 1861 г., изображающей эту сцену:

Се Варлаамъ купецъ благій
 Вѣры камень яви драгій:
 Иоасафъ познаваетъ,
 Яко свѣтъ ѿ (т. е., его) просвѣщаетъ.

Такимъ образомъ, нравственный процессъ въ развитіи Иоасафа сначала состоитъ въ приуготовленіи этого душевнаго зрѣнія, чтобъ усмотрѣть душевными очами камень вѣры, то есть, состоитъ въ изученіи началъ христіанской вѣры, чтобы потомъ съ полнымъ сознаніемъ ее принять: и Варлаамъ начинаетъ поучать юнаго Иоасафа въ христіанской вѣрѣ, частію притчами, частію богословскими наставленіями. Какъ князя Владиміра поучалъ греческій философъ, рассказывалъ ему вкратцѣ Св. Исторію и предлагая общія понятія о существѣ христіанской религіи, такъ и Варлаамъ, только въ большей подробности, поучаетъ Иоасафа въ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, потомъ переходитъ къ разсужденію о христіанскихъ догматахъ, о будущей жизни, о Воскресеніи и Страшномъ Судѣ, о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, о крещеніи, о мученикахъ и о крещеніи ихъ собственною кровію, потомъ о второмъ мученичествѣ, то есть, объ иноческой и отшельнической жизни. Распространившись о пустынножителствѣ и воспламенивъ юное воображеніе слушателя аскетическими картинами, Варлаамъ наконецъ открываетъ передъ царевичемъ, что онъ не купецъ, а пустынный, и, совлеки съ себя купеческую одежду, къ удивленію и ужасу Иоасафа, явился передъ нимъ въ своемъ собственномъ, аскетическомъ видѣ: „вся плоть его была измождена и почернѣла отъ солнечнаго зною: а кожа обтянулася около костей, будто

*) Сличь статью о 12-ти камняхъ въ Изборникѣ Святослава 1073 года.

около тонкаго тростника. Власянымъ рубищемъ, раздраннымъ и колючимъ, былъ онъ препоясанъ отъ чреслъ до колѣнъ: такую же и мантию имѣлъ на плечахъ“ *). Послѣ того, преподавъ царевичу ученіе о таинствахъ, крестить его и, причастивъ Св. Таинъ, уходитъ отъ него въ пустыню, оставивъ его уже вполне созрѣвшимъ христіаниномъ.

По отшествіи Варлаама наступаетъ второй періодъ въ духовномъ развитіи Іоасафа царевича **). Принявъ христіанство въ полномъ сознаніи, онъ долженъ былъ выступить теперь на поприще христіанскихъ подвиговъ—войти въ открытую борьбу съ язычествомъ и съ искушеніями дьявольскими и потомъ, вышедши изъ этой борьбы побѣдителемъ, уже удалиться навсегда въ пустыню, предпочетши жизнь вѣчную всякой временной славы сего міра.

Таковъ ходъ всей этой исторіи, которая въ своемъ развитіи мотивируется слѣдующими подробностями.

По удаленіи Варлаама, царь Авениръ, узнавъ о его бесѣдѣ съ Іоасафомъ, посылаетъ схватить пустытника. Но вмѣсто его приводятъ нѣкотораго волхва, чародѣя Нахора, который, принявъ на себя видъ Варлаама пустытника, входитъ въ продолжительное состязаніе съ царевыми философіями о вѣрѣ, и въ довольно обстоятельномъ перечнѣ божествъ языческихъ, доказываетъ всю тщету и ложность идолопоклонства.

Сначала Нахоръ опровергаетъ ученіе о богахъ стихійныхъ, то есть, о поклоненіи Небу, Землѣ, Водѣ, Огню, Вѣтру, Солнцу и Лунѣ; потомъ говоритъ о томъ, что и человѣкъ не можетъ быть чествуемъ, какъ Богъ ***). Далѣе переходитъ къ опроверженію прелести Еллинъ поганыхъ, то есть, классической миѳологіи, называя по именамъ классическія божества, каковы: Зевесъ, Афродита или Венусъ, Артемида или Діана, Аполлонъ, Марсъ и др.

До того сильно направлены были эти доводы противъ язычества, что самъ царь Авениръ поколебался, было, въ вѣрѣ своихъ отцовъ; но является другой волхвъ, по имени Февда, и вновь обращаетъ индійскаго царя къ почитанію языческихъ боговъ и даетъ ему совѣты, какъ бы удержать Іоасафа царевича въ прелестяхъ язычества.

*) Стр. 92.

**) Стъ главы 22.

***) Глава 27.

Здѣсь наступаетъ самое сильное искушеніе для молодаго чело-
вѣка. По наущенію дьявольскому отецъ хочетъ Іоасафа женить на
одной прекрасной царевнѣ язычницѣ, чтобъ не только отклонить
его отъ монашескихъ обѣтовъ, но и возвратить къ идолопоклонству.
Не покоривъ Іоасафа никакими житейскими соблазнами, дьяволъ
рѣшается поразить его истинною душевною любовью къ женщинѣ,
основанною на нравственной симпатіи.

Это мѣсто самое романическое въ исторіи о Варлаамѣ и Іоа-
сафѣ. *)

Злой духъ вложилъ въ сердце молодаго челоѣка любовь къ этой
прекрасной царевнѣ, припадши къ нему и напентывая ему, что она
и добронравна, и прекрасна, и царскаго рода, къ тому же—сирота,
и будучи плѣнницею, лишена родины и отца съ матерью. Разжалобивъ
такимъ образомъ душу Іоасафа горькою судьбою прекрасной
сироты, злой духъ къ тому же вложилъ ему въ сердце—обратить
эту благоправную дѣвицу въ христіанскую вѣру. Царевичъ питалъ въ
своемъ сердцѣ только милосердіе и состраданіе о плѣненіи
ея и о душевной гибели**)—какъ сказано въ подлинникѣ. Та-
кимъ образомъ, нѣжное чувство къ невѣстѣ получаетъ въ душѣ Іоа-
сафа видъ христіанскаго умиленія и состраданія къ язычницѣ и
жалкой сиротѣ.

Преслѣдуя свои задушевные идеи, Іоасафъ обращается къ ней
съ слѣдующими словами: „Познай, о жено, живущаго во вѣки Бога,
да не въ прелести идольстей погибнеша.“ Прекрасная дѣвица (все
будто бы по наущенію злаго духа, но естественнѣе—изъ любви къ
жениху) рѣшается принять христіанскую вѣру, но только съ тѣмъ
условіемъ, чтобъ Іоасафъ непремѣнно женился на ней. „Вскую, о
жено—отвѣчалъ царевичъ—такое ко мнѣ простерла еси моленіе?
Я хочу—продолжалъ онъ—только спасти тебя и вывести изъ глубины
языческой гибели“.

Затѣмъ плѣнная царевна (какъ бы по наущенію злаго духа,
чтобъ отклонить Іоасафа отъ монашества) начинаетъ увѣщевать его
и доказываетъ, что и по христіанскимъ книгамъ (будто-бы ей по-
чему-то извѣстнымъ) бракъ не считается злымъ дѣломъ. „Въ вашихъ

*) Глава 30.

**) Листъ 160 оборотъ.

книгахъ писано же—говорила она: чѣстень бракъ и ложе нескверно. И паки: лучше есть женитися, нежели посягати. И паки: еже Богъ совокупи, человекъ да не разлучаетъ.“

Этотъ дидактизмъ введенъ въ романическую сцену, очевидно, для того, чтобъ доказать, какъ монашеское безбрачїе выше семейной жизни. Иоасафъ, ниспровергая убѣдительные доводы царицы, рѣшительно говоритъ ей, что онъ далъ обѣтъ безбрачїа и навсегда отказался отъ семейнаго счастья.

Не смотря на то, Иоасафъ былъ въ сильномъ колебанїи и волненїи и, можетъ быть, онъ былъ бы покоренъ злымъ духомъ, если бъ не обратился къ Господу съ теплою молитвою. Тогда внезапно былъ онъ погруженъ въ сонъ. И во снѣ было ему чудесное видѣнїе райскихъ радостей для праведниковъ и адскихъ мукъ для грѣшниковъ.

Проснувшись отъ этого страшнаго сна, царевичъ прозрѣлъ духомъ грозившую его душѣ погибель,—и этою сверхъестественною катастрофою прерываются всѣ нити драматическаго романа, завязавшагося между молодыми людьми,—какъ очень часто въ средневѣковой поэзіи подобнымъ же вторженїемъ чудеснаго внезапно останавливается драма волнующихся страстей, и рассказъ получаетъ ровное эпическое теченїе.

Впрочемъ, надобно прибавить къ великой похвалѣ автора и его высокихъ поэтическихъ способностей—этимъ чудеснымъ сповидѣнїемъ онъ не вполне снимаетъ съ души Иоасафа царевича весь гнетъ тревожившихъ его ощущенїй. Если Иоасафъ уже не любилъ той, которую ему предлагали въ невѣсты, то все же онъ приведенъ былъ въ крайнее умиленїе и состраданїе, чисто христіанское, и потому внезапный поворотъ въ его душѣ отъ симпатїи къ равнодушїю сильно подѣйствовалъ на все нравственное и физическое существо его. Иоасафъ изнемогъ въ этой трудной борьбѣ и впалъ въ тяжкую болѣзнь, такъ что не могъ двинуться съ своего одра. (Впрочемъ,—замѣтимъ мимоходомъ—авторъ наивно объясняетъ это изнеможенїе силъ тѣмъ, что Иоасафъ объять былъ желанїемъ оныхъ благихъ мѣстъ райскихъ и страхомъ мѣстъ скорбныхъ въ аду, которыя онъ узрѣлъ въ своемъ видѣнїи).

Послѣ того Иоасафъ царевичъ побѣждаетъ силою креста всѣхъ бѣсовъ и самого волхва Ѳевду и обращаетъ его въ христіанскую

вѣру. Самъ отецъ Іоасафа, индійскій царь Авенирь, становится христіаниномъ. По смерти его, Іоасафъ отказывается отъ царства и спасается въ пустыни вмѣстѣ съ Варлаамомъ.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе этой знаменитой въ средніе вѣка Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ. Несмотря на многія отступленія и эпизоды, она содержитъ въ себѣ одну общую мысль, которая проведена въ ней отъ начала до конца. Это—назидательная исторія о постепенномъ и полномъ обращеніи юной души язычника въ христіанство и о побѣдѣ этой религіи—въ господствовавшей тогда самой строгой формѣ аскетизма—не только надъ язычествомъ, но и надъ всѣми соблазнами и прелестями міра сего,—исторія о торжествѣ жизни небесной и вѣчной надъ временною и тлѣнною.

Это, какъ извѣстно, были господствующія идеи въ литературѣ и жизни отдаленныхъ среднихъ вѣковъ, а у насъ и до XVIII в., и потому не удивительна та популярность, которою пользовалась въ старину книга, съ такою полнотою и занимательностью выразившая эти идеи.

Къ этому въ книгѣ присовокуплено было множество назидательныхъ трактатовъ богословскаго содержанія, которые замѣняли читателямъ первыя основы христіанскаго богословія: и тѣмъ назидательнѣе были эти богословскія отступленія о вѣрѣ, о тайнствахъ, о мученикахъ, объ аскетизмѣ, что они тѣсными узами были связаны съ главною идеею повѣствованія, были необходимыми эпизодами поэмы, означая—такъ сказать—духовныя степени, по которымъ восходила юная душа Іоасафа царевича въ высшій міръ христіанскихъ идей и добродѣтелей.

Теперь обратимся къ отдѣльнымъ рассказамъ и повѣстямъ, введеннымъ въ эту исторію.

По образцу восточныхъ бесѣдъ, доводы и побудительныя причины часто излагаются въ этой исторіи въ замысловатой формѣ притчи или повѣсти; и эти то притчи и повѣсти, вставляемыя то въ бесѣду Варлаама, обращающаго въ христіанскую вѣру Іоасафа, то въ доводы и совѣты волхва Ѳевды, который противоборствуетъ христіанству,—составляли, какъ было сказано, главную привлекательную силу Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ для старинныхъ читателей.

Обращу вниманіе только на тѣ рассказы, которые особенно важны для исторіи средневѣковой литературы по сближенію древней Руси съ Западомъ, а также для русской старины и народности.

1. *Для исторіи древне-христіанской символики и толкованія Библейскихъ книгъ.* Въ главѣ 12-й помѣщена притча о инорогѣ, пропасти, деревѣ и двухъ мышахъ*) слѣдующаго содержанія. „Людей, непрестанно въ тѣлесныхъ страстяхъ пребывающихъ—говорилъ Варлаамъ въ бесѣдѣ съ Іоасафомъ—а души свои оставляющихъ томиться голодомъ, я полагаю подобными нѣкоторому чело-вѣку, который бѣжалъ, спасаясь отъ страшнаго инорога, и вдругъ съ разбѣгу упалъ въ глубокую пропасть. Но, падая, ухватился онъ за дерево, вѣтвями своими спускавшееся въ пропасть, и на вѣтвяхъ утвердилъ онъ свои ноги. Взглянувъ внизъ, увидѣлъ онъ—двѣ мыши, одна бѣлая, другая черная, непрестанно надгрызаютъ корень дерева. Посмотрѣвъ на дно пропасти, увидѣлъ страшнаго змія, дышащаго огнемъ и готоваго пожрать его. Взглянувъ опять на вѣтви, на которыхъ онъ утвердилъ свои ноги, увидѣлъ отъ стѣны четыре головы аспидовы. Потомъ увидѣлъ онъ отъ вѣтвей тѣхъ каплетъ непого меду. И забывъ всѣ грозныя ему смертныя опасности, онъ устремился „ко сладости малаго меду онаго“. Эту притчу Варлаамъ объясняетъ царевичу Іоасафу слѣдующимъ образомъ: инорогъ—смерть, гонящаяся за чело-вѣкомъ; пропасть—міръ сей, исполненный всяческихъ золъ и смертоносныхъ стѣй; дерево, за которое ухватившись мы держимся—время жизни каждаго чело-вѣка; бѣлая и черныя мыши, подгрызающія дерево—день и ночь; четыре аспиды—четыре стихіи, изъ которыхъ составленъ чело-вѣкъ (обыкновенное въ средніе вѣка ученіе о составѣ чело-вѣческаго тѣла); огнеобразный и неистовый змій—утроба адская; медвяныя же капли—сладость міра сего, которою прельщаясь, чело-вѣкъ оставляетъ заботу о своемъ спасеніи.“

Въ этой притчѣ прежде всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что она имѣетъ замѣчательное сходство съ однимъ восточнымъ рассказомъ въ арабской передѣлкѣ съ индійскаго сборника притчей и басенъ, извѣстнаго подъ именемъ Гитопадеша**). Въ

*) Притча эта изображена на наружной стѣнѣ кампаниллы (колокольни) при соборной церкви въ Пармѣ.

**) Арабское сочиненіе называется Калила ве Димна.

этомъ разсказѣ точно также спасается нѣкоторый человѣкъ, только не отъ инорога, а отъ слона, и падаетъ въ ровъ. Падая, также ухватился за вѣтви дерева, а ногами укрѣпился въ стѣнахъ пропасти на травѣ. Корень дерева подгрызаютъ также двѣ мыши, бѣлая и черная. Также въ глубинѣ пропасти грозитъ висящему человѣку драконъ, и также четыре змѣиныя головы, только онѣ подрываютъ дернъ, на которомъ укрѣпился висящій человѣкъ. Наконецъ, точно также съ вѣтвей каплетъ медъ, который, забывая объ опасности, сталъ подлизывать человѣкъ, находившійся въ такомъ бѣдственномъ состояніи.

Это представленіе Древа жизни—замѣчу мимоходомъ—напоминающее Скандинавскій Иггдразиль, съ вѣтвей котораго также каплетъ медвяная роса въ пищу пчеламъ, удержалось во множествѣ поэтическихъ, живописныхъ и скульптурныхъ изображеній средне-вѣковой Европы *). Въ позднѣйшее время съ перевода Рюккертова эта притча была внесена въ новую нашу литературу въ передѣлкѣ Жуковскаго, подъ заглавіемъ: Изъ Талмуда.

Но что особенно замѣчательно—это восточное представленіе Древа жизни грамотными людьми древней Руси было примѣняемо къ символическому толкованію Псалтыри. Уже въ рукописи Псалтыри, писанной въ Угличѣ въ 1485 году**), мы находимъ изображеніе Древа жизни, совершенно согласное съ притчею Варлаама, при псалмѣ 143-мъ, вѣроятно въ объясненіе текста: „Человѣкъ суетъ уподобися: дніе его, яко сѣнь, преходятъ“.

Л Е К Ц І Я 38-я.

Читана 28-го апрѣля 1864 года.

Мы остановились на историческомъ обзорѣннѣ отдѣльныхъ повѣстей и эпизодовъ Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ.

1. Символическое значеніе повѣсти объ инорогѣ и проч. въ толкованіи Псалтыри было показано въ прошедшей лекціи.

2. Слѣдующая повѣсть изъ Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ вполнѣ убѣдитъ насъ въ той мысли, что эта книга уже въ XII-мъ

*) См. въ раскольничей книгѣ, по рукописи VIII вѣка, подъ заглавіемъ Книга о семи небесахъ.

**) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Отд. I, № 5 (Толст. I, № 32.)

вѣкъ имѣла вліяніе на одного изъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ русскихъ, на Кирилла, епископа Туровскаго *).

Увѣщевая Іоасафа принять христіанскую вѣру, Варлаамъ между другими притчами рассказываетъ ему слѣдующую **). Былъ нѣкогда царь, во благо управлявшій своимъ царствомъ, кротокъ и тихъ къ подданнымъ, только однимъ былъ неисправенъ: исповѣдывалъ языческую вѣру. И имѣлъ онъ у себя одного совѣтника, человека благочестиваго, познавшаго истинную вѣру. Скорбя о заблужденіи царя, думалъ онъ обличить его и выжидалъ удобнаго времени. Однажды ночью сказалъ ему царь: „пойдемъ гулять по городу, не увидимъ ли чего полезнаго?“ Гуляя по городу, увидѣли они свѣтъ изъ одного окна и отправились въ ту сторону. Пришли—и видятъ подъ землею какое-то жилище, будто пещеру, въ ней же сѣдѣяше мужъ, въ послѣдней нищетѣ живой, и въ худыя нѣкія рубы оболченъ: ему же предстоящи жена его, вино черплющи, наливаше. Мужеви же стѣкляницу въ руцѣ взявшу, сладкую пѣснь она воспѣваше, сладость ему творящи, и мужа похвалами услаждающи. Бывшіе съ царемъ очень дивились тому, какъ это люди, будучи въ такой нищетѣ, не имѣя ни дома, ни одежды, проводили жизнь въ такомъ веселіи; даже самъ царь позабывалъ ихъ жизни. Тогда, воспользовавшись случаемъ, царевъ совѣтникъ объяснилъ царю тщету временной жизни, указывая на истинное блаженство тѣхъ, которые вѣчная возлюбиша паче временныхъ.

Повѣсть или притча Кирилла Туровскаго къ игумену Василию о бѣлоризцѣ человекѣ и о мнишествѣ и о души и о покаяніи—очевидно есть не только подражаніе, но просто передѣлка приведенной нами повѣсти изъ Истории о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ, съ удержаніемъ даже нѣкоторыхъ подробностей въ самыхъ выраженіяхъ.

Вотъ содержаніе притчи Кирилла Туровскаго. Въ нѣкоторомъ городѣ жилъ царь кроткій и милостивый, многое попеченіе имѣлъ о людяхъ своихъ, но нерадѣлъ только о военной защитѣ. Этотъ царь имѣлъ у себя много совѣтниковъ и одну дочь, отличнаго

*) Туровъ въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губерніи.

***) Глава 16.

ума. Одинъ совѣтникъ, скорбя о неисправности воинской защиты, искалъ удобнаго времени подать царю совѣтъ. Однажды ночью случился сильный мятежъ въ городѣ. Царь вышелъ внезапно съ своими совѣтниками узнать, что бы это значило, и, не находя причины волненія, недоумѣвалъ. Тогда благоразумный совѣтникъ повелъ его съ дочерью къ большой горѣ, вмѣщавшей въ себѣ множество оружія, и увидѣли они тамъ великій свѣтъ, изъ окна исходящій и, приникнувъ къ тому окну, увидѣли они внутри вертепа жилище, „въ немъ же сѣдѣше мужъ, въ послѣдней нищетѣ живя, худыми оболченъ рубы, емуже присѣдѣше искръ своя жена, поюще пѣснь, слажшю паче всякаго брашна. Предстояше же ему нѣкто красенъ и высокъ, на твердѣ камени, питая ѿ (т. е. его) и вино черпля; и мужу чашу пріемшу, тогда похвалами вѣнчавааху и многую радостію мужа“. Смотри на такое блаженство невѣдомаго бѣднаго человѣка, царь умилился душею и, обращаясь къ своимъ спутникамъ, говорилъ, что этотъ бѣднякъ въ своемъ потаенномъ житіи проводитъ жизнь лучше его самого, и свѣтлѣе внѣшнихъ внутренняя сіяютъ.

Разказавъ эту притчу по Варлааму съ немногими измѣненіями, Кирилль Туровскій даетъ ей другое символическое толкованіе. Городъ—тѣло; царь—умъ, обладающій тѣломъ; люди—пять чувствъ; перадѣніе о воинской защитѣ—безпечаліе о душѣ своей; совѣтники царскіе—душевные помыслы; дочь—душа; ночное время, когда царь вышелъ,—волненіе сего свѣта; мятежъ—нечаянная на человѣка напасть; внезапный выходъ цари—смерть; большая гора—монастырь; множество оружія—иноческія добродѣтели; смотрѣніе царя въ окло—слушаніе душеполезнаго ученія; вертепъ—монастырская церковь; мужъ въ рубищѣ—иноческій чинъ; жена его—неотлучная смертная память; предстоящій нѣкто, красенъ и высокъ, на камнѣ, и подающій пищу и питіе—самъ Іисусъ Христосъ.

Съ повѣстью Варлаама Кирилль Туровскій могъ познакомиться въ Прологѣ, гдѣ она помѣщается подъ 23 числомъ ноября.

3. Изъ многихъ примѣровъ сродства нашей письменной литературы съ западными новеллами, заимствованными изъ тѣхъ же источниковъ, приведу самый назидательный. Когда волхвъ Оевда явился къ Авениру съ совѣтомъ, чтобъ онъ удержалъ своего сына

въ язычествѣ, женивъ его на прекрасной царевнѣ, онъ приступилъ къ царю сначала съ слѣдующею притчею *).

У нѣкотораго царя былъ только одинъ сынъ. Когда родился онъ, врачи, наблюдая глаза ребенка, рѣшили, что если онъ будетъ видѣть, свѣтъ огня или солнца до 12-ти лѣтъ, то непременно ослѣпнетъ. Потому царь заключилъ своего сына въ темную храмину, будто въ вертепъ, и, вмѣстѣ съ его воспитателями, держалъ его въ темнотѣ, удалявъ отъ всего міра, до 12-тилѣтняго возраста.

Когда отроку, никогда не видѣвшему ничего въ мірѣ, минуло 12 лѣтъ, вывели его на свѣтъ Божій и, чтобъ познакомить его со всѣмъ, что на землѣ существуетъ, царь велѣлъ показывать ему всѣ предметы по одиночкѣ и по родамъ ихъ. Въ одномъ мѣстѣ были мужчины, въ другомъ—женщины; тамъ—золото и серебро; тамъ—драгоценныя камни и дорогія одѣянія; тамъ—многоцѣнныя колесницы съ царскими конями въ золотыхъ уздахъ, на коняхъ всадники въ полномъ вооруженіи; тамъ—стада воловъ и овецъ, однимъ словомъ, все, что только есть на землѣ.

Царевичъ спрашивалъ, какъ что называется, а бояре и оруженники называли ему каждый предметъ его именемъ. Когда же отрокъ, указывая на женщину, спросилъ: „а это какъ называется?—тогда одинъ изъ мечниковъ царскихъ, шутя, отвѣчалъ: „а это называются бѣсы.“ Послѣ того, когда отрокъ возвратился, отецъ спрашивалъ его, что же больше всего ему понравилось, царевичъ отвѣтствовалъ: „больше всего понравились мнѣ бѣсы.“

Этою наивною притчею Февда убѣдилъ Авенира отклонить Іосафа отъ христіанства и пустынножительства, женивъ его на языческой царевнѣ.

Въ собраніи итальянскихъ новеллъ XIII или начала XIV в., подъ названіемъ *Novellino*, или *Cento novelle* (т. е., сто новеллъ), заимствована отсюда 14-ая новелла о томъ, какъ царь велѣлъ воспитать своего сына въ темнотѣ до 10-ти лѣтъ, и потомъ показалъ ему всѣ предметы въ мірѣ, и какъ при осмотрѣ женщины были ему названы также дьяволамъ. Изъ этого источника, а можетъ-быть и прямо изъ Исторіи о Варлаамѣ и Іосафѣ, эта шутливая притча распространилась по всей средневѣковой Европѣ. Ее находимъ мы

*) Глава 30.

не только въ Декамеронѣ Боккаччіо *), куда она перешла, вѣроятно, прямо изъ *Cento nouvelle*, но и въ древненѣмецкихъ стихотвореніяхъ **).

Итакъ, Исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ послужила источникомъ христіанской символикѣ, народнымъ и даже раскольничимъ книгамъ, древнерусскому проповѣднику XII вѣка, и, наконецъ, забавнымъ и шутивнымъ новеллистамъ Італіи и Германіи.

Наконецъ, 4. Исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ, какъ источникъ русской народной поэзіи. Въ концѣ книги, по Московскому изданію 1861 г., напечатана въ виршахъ Молитва св. Іоасафа, въ пустыню входяща. Хотя это стихотвореніе, съ своимъ натянутымъ силлабическимъ складомъ, имѣетъ въ себѣ мало народнаго, но оно свидѣтельствуетъ намъ, что издатели Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ имѣли въ виду народный, очень распространенный стихъ: Разговоръ Іоасафа царевича съ пустынею ***), потому что для силлабическихъ виршей избрали именно этотъ, а не другой какой нибудь предметъ изъ множества притчей и эпизодовъ изучаемой нами Исторіи.

Въ народномъ стихѣ Іоасафъ царевичъ разговариваетъ съ пустынею, какъ съ живымъ существомъ, называя ее прекрасною матерью—что напоминаетъ намъ въ древнехристіанскихъ и русскихъ миниатюрахъ символическое представленіе пустыни въ видѣ прекрасной женщины, увитой цвѣтами, или съ цвѣтами въ рукахъ:

Прекрасная ты, Пустыня! (взываетъ Іоасафъ)
 .Любимая моя мати!
 Прими меня, матъ пустыня,
 Отъ юности прелестныя. . . .
 Научи ты меня, матъ пустыни,
 Волю Божію творити!

Прекрасная пустыня сначала отклоняетъ юнаго царевича отъ пустынножителства, обращая его взоры на царскія обязанности, на

*) Во вступленіи въ 4-ый день.

**) Hagen, *Gesammt-abenteuer*, гдѣ собраны стихотворныя повѣсти древненѣмецкія.

***) Въ изданіи Кирѣвскаго № 9.

удовольствія міра сего, и описывая тѣ труды и лишенія, которые его ждуть въ пустынь:

Прекрасная ты моя Пустыня!

(отвѣчаетъ царевичъ)

Любимая ты моя мати!

Не страдай ты меня, мать пустыни,

Своими великими страстями!

Могу я жить въ пустынь,

Волю Божію творити. . . .

Опять говоритъ ему пустыня:

Ты млáдый царевичъ Осафій!

Не жить тебѣ въ пустынь!

Придетъ мать весна красна,

Лузья, болоты разольются,

Древа листьями одѣнутся,

И запоютъ птицы райски

Архангельскими голосами—

А ты изъ пустыни вонъ изыдешь;

Меня, мать прекрасную, покинешь!

Замѣчательна эта поэтическая черта народной пѣсни. Не увлекаютъ Иоасафа ни труды, ни удовольствія мірскія, ни громкая слава; тогда пустыня обращается какъ-бы къ его эстетическому чувству, къ тихимъ радостямъ, внушаемымъ человѣку явленіями весенней природы. Потому, наложивъ на себя суровый обѣтъ пустынпожительства, Иоасафъ долженъ отказаться не только отъ всего житейскаго, отъ всѣхъ интересовъ здѣшней жизни, но даже убить въ себѣ всякое чувство къ красотамъ природы. Иоасафъ царевичъ отказывается и отъ этого послѣдняго утѣшенія въ жизни, прерывая такимъ образомъ всѣ нити, связывающія его съ природою.

Прекрасная мать пустыня,

Любимая моя мати! (воскликаетъ онъ)

Хотѣ (т. е., хотя) придетъ мать весна красная,

И лузья, болоты разольются,

И древа листьями одѣнутся,

И запоютъ птицы райски

Архангельскими голосами:
 Не прельщусь я на всё благовонные цвѣты!
 Оброщу (т. е., отрощу) я свои власы
 По могучія плечи,
 И не буду взирать я вольное царство;
 Изъ пустыни я вонь не изыду,
 И тебя, мать прекрасная, не покину.

Довольная этимъ послѣднимъ испытаніемъ, пустыня, наконецъ, пріемлетъ въ свои объятія юнаго аскета:

Свѣтъ млáдый царевичъ, Осафій!
 Чадо ты мое милое!
 Когда ты изъ пустыни вонь не выдешь,
 И меня, мать прекрасную, не покинешь,—
 Дарю я тебя золотымъ вѣнцомъ!
 Возьму я тебя, млáдый царевичъ,
 На небеса царствовать,
 Съ праведными лики ликовати!

Вотъ какую мрачную тѣнь о безотрадномъ для земной жизни аскетизмѣ оставила по себѣ въ русской народной фантазіи та же самая Исторія о Варлаамѣ и Иоасафѣ, которая могла же внушить западнымъ повѣствователямъ самый забавный сюжетъ упомянутыхъ выше новелль!

Если въ настоящее время о пустынѣ Иоасафа царевича поется только въ простонародьи, то въ старину это стихотвореніе было достояніемъ высшихъ классовъ общества, людей грамотныхъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ.

Въ XVII вѣкѣ изъ Польши черезъ Кіевъ распространилась въ Москвѣ и по другимъ городамъ мода въ часы досуга пѣть стихотворные псалмы, а также стихи па Рождество Христово, въ похвалу Богородицѣ и т. п. Отъ XVII в. и отъ начала XVIII-го дошло до насъ много рукописныхъ сборниковъ, въ которыхъ помѣщены эти стихи съ нотами, частію на великорусскомъ и чистомъ церковно-славянскомъ языкѣ, частію на польско-русскомъ, малорусскомъ и даже на польскомъ. Впослѣдствіи къ духовнымъ стихамъ были присовокупляемы торжественныя оды въ силлабическихъ виршахъ, воспѣва-

юція Петра Великаго, Елизавету. Въ этихъ же сборникахъ помѣщались стихи о похвалѣ пустыни и о Страшномъ Судѣ, сохранившіеся въ настоящее время только въ устахъ простаго народа.

Въ подобномъ рукописномъ сборникѣ стиховъ и пѣсенъ съ нотами, начала XVIII вѣка, принадлежащемъ мнѣ, читается слѣдующая пѣснь въ похвалу пустынѣ:

О прекрасная пустыни! *)
 Прими мя во своя густыни,
 Яко мати свое чадо,
 Питаемо сосци (т. е., сосцами) младо.
 Возлюбихъ тя надъ полаты (т. е., выше палать, больше палать),
 Надъ чертоги многи златы:
 Возлюбихъ тя надъ чертоги,
 Надъ полаты свѣтлы многи.
 Убѣгаю міра сегд....
 Пойду въ луги, пойду въ красны и т. д.

Въ заключеніе изслѣдованья о патерикахъ и другихъ назидательныхъ сборникахъ повѣстей аскетическаго содержанія, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о другихъ аскетическихъ сочиненіяхъ, особенно распространенныхъ въ древнерусской письменности и имѣвшихъ сильное вліяніе на образованіе грамотныхъ людей древней Руси. Чаще всего встрѣчаются въ нашей аскетической литературѣ имена Старчество, повѣсть или слово отъ Старчества, и Лѣствица.

Подъ Старчествомъ разумѣется сборникъ словъ, поученій и повѣстей, имѣющихъ предметомъ монашескую жизнь. Въ пролога внесено много статей отъ Старчества. Въ одной рукописи**), содержащей въ себѣ какъ-бы полный курсъ монашескаго чтенія, это сочиненіе озаглавлено такъ: Книга, имя ей Старецъ (л. 133).

Книга Лѣствица, дошедшая до насъ въ рукописяхъ XII в., часто переписывавшаяся, въ 1647 году изданная въ Москвѣ, и далеко распространившаяся въ простомъ народѣ въ дубочныхъ картинкахъ,

*) Пустыни по древнему, вмѣсто пустыня; какъ въ старину княгиня, вмѣсто княгиня.

**) Принадлежитъ мнѣ.

есть сочиненіе Іоанна Лѣстичника или Схоластика, иначе Іоанна Синаита, названнаго такъ по Синайской горѣ, гдѣ онъ подвизался въ отшельнической и монашеской жизни въ половинѣ VI в. (около 564 г.). Это сочиненіе строгаго подвижника объ иноческой жизни содержитъ въ себѣ опредѣленіе и описаніе нравственныхъ ступеней, ведущихъ инока къ райской жизни: потому и называется Лѣствица. Она состоитъ изъ 30-ти ступеней, которыя называются нравственными понятіями: 1, о любви; 2, о безстрастіи; 3, о молитвѣ; 4, о безмолвіи, и проч. Въ заключеніи 30-й ступени Лѣствицы помещено приглашеніе на подвигъ нравственнаго восхожденія, состоящее въ воззваніи: всходите, всходите!

Лѣствица пользовалась такою же популярностью въ древней Руси, какъ и патерики, что явствуетъ изъ лубочныхъ картинокъ Лѣствицы, и доселѣ, вмѣстѣ со Страшнымъ Судомъ, составляющихъ для народа любимый предметъ назидательнаго созерцанія.

Замѣчательны двѣ редакціи лубочнаго изображенія Лѣствицы.

Одна редакція извѣстна намъ по русской гравюрѣ 1629 г., отрывокъ которой, какъ драгоценность, хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

Повтореніе ея, сдѣланное тоже въ XVII в., вставлено въ рукописный сборникъ духовныхъ повѣствованій, принадлежащій мнѣ, вмѣстѣ съ древнею гравюрою бѣса Зеревера.

Лубочное изображеніе Лѣствицы лучше всего знакомитъ съ странностями аскетическаго направленія въ его крайностяхъ.

Листъ раздѣленъ на нѣсколько четверугольниковъ. Въ каждомъ изображенъ какой либо одинъ изъ строгихъ и часто жестокихъ подвиговъ аскетизма и добровольнаго мученія плоти. Надъ каждымъ четверугольникомъ подпись силлабическими виршами, описывающая изображеніе.

Общее заглавіе тоже въ стихахъ:

Преподобный Іоаннъ, Лѣствицу списавый,
Преподобныхъ подвижниковъ дѣтели (т. е., дѣла) сказавый,
Въ монастырской темницѣ гдѣ кто обитаете,
Какъ плоть свою и страсть трудомъ умерщвляете.

1. Изображеніе: юный инокъ съ завязанными назадъ руками и съ наклоненною головою. Вирши:

Въ молитвѣ сій ставъ, назадъ связа руки,
Лице на землю склонивъ, терпитъ муки.

2. Изображеніе: юный инокъ, въ одномъ вретницѣ, сидитъ, весь согнулся, приклонивъ голову къ колѣнямъ. Вирши:

Во вретници ся и пепелѣ мучить,
Къ колѣномъ главу приклонь, блаженствъ учить.

3. Изображеніе: инокъ съ бороною, во вретницѣ, бьетъ себя и терзаетъ свое лицо. Вирши:

Слезъ не имѣя, сей самъ себѣ бьетъ,
Вздыхаетъ рѣвно, да тья (т. е., слезы) изліетъ.

4. Изображеніе: двое монаховъ сидятъ рядомъ, во вретницахъ съ засученными рукавами, одинъ старикъ, другой молодой, оба ежеминутно трясутъ головою. Вирши:

Сѣдяще дряхло (т. е. печально) на землю поникли,
Зыбати главы присно си обыкли,
Изъ среды сердца яко львы рыкають,
Оставленія грѣховъ своихъ прошають.

5. Изображеніе: инокъ старецъ, въ короткомъ одѣяніи съ засученными рукавами, далеко высунуль языкъ. Вирши:

У сего языкъ опалѣнный бѣше,
Изъ устъ, яко пещъ, оный испущаше.

Эти примѣры во всей наивности передаютъ намъ то мрачное и тяжелое настроеніе, которое подобныя изображенія и вирши поселяли въ умахъ и воображеніи русскихъ людей.

Другая редакція Лѣствицы болѣе распространена въ народѣ въ настоящее время, и теперь можно видѣть ее въ новыхъ лубочныхъ изданіяхъ по базарамъ и на стѣнахъ на улицахъ. Это собственно двѣ лѣствицы, приписываемыя Іоанну Лѣствичнику: одна о 37 степеняхъ восходитъ къ небу, а другая, тоже о 37-ми степеняхъ, низводитъ въ адъ. Потому все изображеніе раздѣлено на двѣ половины: на одной лѣствица добродѣтелей, на другой—грѣховъ. На верхней ступени лѣстницы добродѣтелей праведную душу увѣнчиваютъ ангелы. Съ послѣдней ступени лѣстницы грѣховъ демоны тащатъ въ адскій огонь отчаяннаго грѣшника. Все пространство листа по обѣ-

имъ сторонамъ лѣстницъ наполнено кругами, въ которыхъ изображаются добродѣтели и грѣхи въ различныхъ сценахъ; напริมѣръ, добродѣтели:

Вѣра. Идетъ человѣкъ, въ одной рукѣ крестъ, въ другой сердце.

Надежда. Человѣкъ съ якоремъ.

Кротость и молчаніе, какъ добродѣтели, прогоняющія бѣсовъ: сидитъ человѣкъ, отъ котораго бѣгутъ бѣсы.

Гораздо разнообразнѣе представленіе грѣховъ.

Немилосердіе. Двое бичуютъ одного обнаженнаго.

Пьянство. Мужикъ съ стекляницею.

Сребролюбіе. Позади богача, сидящаго за столомъ съ деньгами, стоитъ дьяволъ.

Волшебство. Человѣкъ отдаетъ бѣсу запись на свою душу.

Жестокость къ животнымъ. Мужикъ бьетъ лошадь.

Эта лубочная картинка, составленная подъ вліяніемъ сочиненія Іоанна Лѣствичника, имѣла вліяніе на нравы народа, знакома съ первоначальными понятіями о добродѣтеляхъ и порокахъ. Средневѣковая Европа предлагаетъ намъ множество изображеній того же содержанія и въ живописи, и въ скульптурѣ.

Л Е К Ц І Я 39-я.

Читана 30-го апрѣля 1860 г.

Какъ съ понятіемъ объ устной народной словесности русской, то есть съ пѣснями, сказками, пословицами, привыкли соединить мысль о чемъ-то въ высшей степени невѣжественномъ, варварскомъ, чуждомъ всякихъ интересовъ общечеловѣческаго, европейскаго просвѣщенія, такъ и въ религіозной письменности древней Руси видятъ только одни восточныя, византійскія начала, которыя будто бы не способны были дать живительнаго движенія нашей литературѣ.

Изъ обзорѣнія русской народной поэзіи въ сравненіи ея съ поэзіею славянскихъ племенъ и прочихъ народовъ средневѣковой Европы, особенно съ поэзіею нѣмецкихъ племенъ, мы уже вполнѣ убѣдились, что начала поэтическаго творчества народной фантазіи въ русскомъ народѣ представляютъ самое родственное сходство съ эпическими произведеніями остальной Европы. Такъ и теперь, разсматривая другой составной элементъ нашей народной словесности,

элементъ христіанскій, мы приходимъ къ тому же убѣжденію, встрѣчаемъ такое же сродство въ общихъ началахъ литературы русской и обще-европейской. Патерики и другіе повѣствовательные сборники, перенесшіе къ намъ черезъ Болгарію изъ Византіи, не могутъ быть названы памятниками исключительно византійскими, потому что они вошли въ основу всей христіанской литературы Запада, не могутъ быть названы исключительно источниками духовной или религіозной литературы, потому что на Западѣ давали они содержаніе даже шутивымъ новелламъ и игривымъ стихотворнымъ повѣстямъ. Если же у насъ эти древнехристіанскіе памятники мало способствовали самостоятельному развитію поэзіи, то вина не въ нихъ, а въ недостаткѣ образовательныхъ началъ древней Руси, въ незрѣлости русскаго народа, который не умѣлъ усвоить себѣ литературныхъ идей этихъ памятниковъ. Съ XI и до XVIII в. они только переписывались въ различныхъ сборникахъ, а если и входила какая нибудь повѣсть изъ прологовъ въ общее достояніе народа, то она получала видъ народной пѣсни или сказки и такимъ образомъ, изъ письменной литературы только спускалась въ низшую область безыскусственной поэзіи между тѣмъ, какъ тѣ же древнехристіанскіе источники уже въ XII и XIII в. дали въ Европѣ начало множеству художественныхъ произведеній въ новеллахъ, мистеріяхъ, повѣстяхъ и т. д.

Итакъ, только незнаніе древнехристіанскихъ памятниковъ европейской литературы могло привести къ ложному понятію о томъ, что Византія губительно дѣйствовала на русскую жизнь, оставивъ у насъ свое вліяніе въ неподвижности и коснѣніи литературныхъ идей. Тѣ же литературные источники, тѣ же аскетическія повѣсти, тотъ же Римскій патерикъ, тотъ же Варлаамъ и Іоасафъ были любимымъ чтеніемъ и на Западѣ, и у насъ: только разница въ томъ, что кромѣ этихъ древнехристіанскихъ источниковъ—въ Германіи, Франціи, Италиі—уже въ самую раннюю эпоху чувствуется присутствіе и другихъ цивилизующихъ началъ, именно классической литературы и нѣмецкаго эпоса, давшихъ идеямъ то живительное разнообразіе, которое такъ рано уже дало о себѣ знать въ художественныхъ произведеніяхъ поэзіи и другихъ искусствъ. Свѣтская классическая литература, произведенія римскихъ поэтовъ и прозаиковъ были уже

извѣстны на Западѣ, когда по монастырямъ стали распространяться аскетическія и символическія повѣствованія патериковъ: слѣдовательно вліяніе послѣднихъ на жизнь и литературу не могло быть одностороннее, какъ у насъ въ древней Руси, когда немногіе грамотные люди ничего иного не знали, кромѣ тѣхъ немногихъ книгъ, которыя были, такъ сказать, насущною потребностью благочестиваго монаха. Зато это небольшое тѣмъ въ бѣльшей чистотѣ сохранилось у насъ, чѣмъ меньше въ народѣ развита была самодѣятельность, чѣмъ малосложнѣе и бѣднѣе были духовные интересы. Потому то народныя книги и лубочныя картинки XVIII и даже XIX в. пробавляются скудною пищею патериковъ или какой нибудь другой аскетической книги въ родѣ Лѣтвицы.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что литература западная уже въ XIII в. такъ двинулась впередъ на основѣ тѣхъ же древнехристіанскихъ источниковъ, какъ у насъ не могла развиться даже въ XVII в.; потому что, когда уже въ XIII в. итальянскій новеллистъ свободно передѣлывалъ притчи Варлаама въ шутивыя повеллы, а нѣмецкій стихотворецъ перелагалъ ихъ въ игривыя повѣсти, у насъ въ XVII в. лучшіе люди старались во всей сохранности сберечь самый источникъ этихъ новеллъ и стихотвореній, и въ Москвѣ только въ 1681 г. издали его со всѣмъ возможнымъ въ тѣ времена типографскимъ изяществомъ.

Такимъ образомъ, изучая повѣствовательные сборники духовнаго содержанія, мы разсматриваемъ не восточный, византійскій элементъ древнерусской литературы, а вообще одинъ изъ элементовъ образованія общеевропейскаго, именно древнѣйшій христіанскій элементъ, который очень рано осложнился на Западѣ, а у насъ отъ XI до XVII в. пребывалъ въ своей первоначальной чистотѣ.

Въ этомъ отношеніи литература русская составляетъ какъ бы древнѣйшій періодъ литературы западной, или точнѣе—общей европейской.

Самое лучшее доказательство малосложности литературныхъ интересовъ древней Руси и необыкновенной ея стойкости и неподвижности представляютъ прологъ, пользовавшіеся самою обширною популярностью между древнерусскими читателями и оказавшіе громадное вліяніе на нашу литературу. Пергаменныя рукописи прологовъ на славянскомъ языкѣ дошли до насъ отъ XII и XIII вѣковъ,

потомъ во множествѣ экземпляровъ переписывались они въ послѣдующія столѣтія и, наконецъ, съ 1641 г., неоднократно были печатаемы въ XVII в., преимущественно въ Москвѣ.

Прологъ, или Синаксарь (значить: сборникъ), есть не что иное, какъ въ порядкѣ мѣсяцеслова расположенный сборникъ краткихъ житій святыхъ, историческихъ свѣдѣній о церковныхъ празднествахъ, нравоучительныхъ повѣстей, притчей и анекдотовъ и, наконецъ, проповѣдей, бесѣдъ, или вообще назидательныхъ словъ.

Прологъ составленъ былъ на греческомъ языкѣ и уже въ ту эпоху, когда послѣ IX вѣка литература восточная отдѣлилась отъ западной, принявъ болѣе исключительное, строгое направленіе, известное подъ именемъ византійскаго. Въ концѣ IX-го и въ началѣ X-го вѣка особенно развилась на Востокѣ литература житій святыхъ; во главѣ писателей этого направленія прославился Симеонъ Метафрастъ, составившій изъ разныхъ источниковъ обширные сборники житій святыхъ. Въ то же время для этого новаго рода литературы возникло новое направленіе и въ живописи. Миниатюристы, украшавшіе картинками рукописи о житіяхъ святыхъ, не могли уже пользоваться прежними образцами и для новыхъ въ письменности сюжетовъ должны были сочинять сами новыя миниатюры. Это время, то есть, копецъ X-го вѣка и XI-ый вѣкъ, когда именно начинается письменность на Руси, замѣчательно въ исторіи христіанскаго искусства и литературы, какъ эпоха, съ которой начинается явственное ослабленіе и истощеніе художественныхъ и умственныхъ интересовъ на Востокѣ, въ Византіи, между тѣмъ какъ на Западѣ литература и искусство начинаютъ заирать новыя силы подъ вліяніемъ мощной народности сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ. Искусство въ этомъ случаѣ служитъ самымъ видимымъ мѣриломъ успѣховъ образованности: съ XI в. Византія не только остановилась, но даже пошла назадъ, потому чѣмъ древнѣе памятники византійскаго искусства, тѣмъ лучше: миниатюры X в. изящнѣе миниатюръ XI-го в.; IX-го в. еще лучше, VIII-го еще лучше, и т. д., до ранней эпохи искусства древнехристіанскаго. Напротивъ того, съ XI-го вѣка литературное и художественное образованіе Запада такъ быстро идетъ впередъ, что въ XIII в. возможны уже такіе великіе художники, какъ скульпторъ Николай Пизанскій и живописецъ Чимабуэ.

Къ эпохѣ печальнаго перелома въ исторіи византійской литературы и искусства принадлежит замѣчательнѣйшій памятникъ греческой письменности, хранящійся въ Ватиканской библиотекѣ въ Римѣ и содержащій въ себѣ Мѣсяцословъ (Menologium) съ 430 великолѣпными на золотомъ полѣ миниатюрами*). Онъ былъ писанъ по приказанію императора Василия Багрянороднаго (989—1025)**). Въ этомъ Мѣсяцословѣ на каждый день мѣсяца предлагаются краткія свѣдѣнія о святыхъ и о празднествахъ, воспоминаемыхъ подѣ тѣмъ числомъ. Изъ святыхъ особенное вниманіе обращается на мучениковъ, вѣроятно потому, что самые ранніе сборники житій святыхъ были мартирологіи, то есть, перечни мучениковъ, съ краткими свѣдѣніями о ихъ мученіи.

Разсматривая миниатюры въ Мѣсяцословѣ императора Василия, не можемъ уже не замѣтить страннаго противорѣчія въ ихъ исполненіи. Изображающія пророковъ, апостоловъ, ветхозавѣтныя и новозавѣтныя празднества отличаются замѣчательнымъ изяществомъ, потому что скопированы съ древнѣйшихъ образцовъ цвѣтущаго періода; тѣ же миниатюры, на которыхъ представлены мученія, бросаются въ глаза самыми грубыми очерками и полнымъ отсутствіемъ художественнаго такта и чувства природы.

Этотъ знаменитый памятникъ письменности и искусства византійскаго важень въ исторіи русской образованности въ двухъ отношеніяхъ: 1, предлагаетъ въ себѣ древнѣйшій видъ нашихъ прологовъ, и 2, послужилъ основою древнерусскимъ иконописнымъ подлинникамъ, какъ это видно изъ самаго предисловія, къ нему составленнаго въ 1658 г. „Сію книгу Менологіумъ, или рещи Мартирологіумъ, еже есть выличенье (т. е., изображеніе) на кійждо день святыхъ въ лѣта Господня, Восточный Цесарь Василій Македонянинъ повелѣ письменными образы описать“ и пр.***)

Теперь обратимся къ Прологамъ. Изъ сказаннаго явствуетъ, что Прологъ не могъ быть составленъ ранѣе X-го вѣка. Этотъ родъ сборниковъ былъ въ Византіи литературною новостью, когда въ X-мъ вѣкѣ разцвѣтала болгарская письменность, а въ XI-мъ стала распространяться она и на Руси.

*) Миниатюры только при первой половинѣ года, начиная съ сентября.

**) Издавъ Альбани въ 1727 г. въ 3-хъ томахъ, въ листъ.

***) По рукописному подлиннику Царскаго, № 315.

Въ основу Пролога былъ взятъ мартирологій; потому почти на каждый день приходится въ прологѣ по одному, а иногда и по нѣсколькѣ извѣстій о мученикахъ, и притомъ эти извѣстія бѣльшею частію предшествуютъ въ каждомъ днѣ житіямъ другихъ святыхъ. Это первая составная часть Прологовъ.

2-я—житія святыхъ.

3-я—свѣдѣнія о праздникахъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ и о нѣкоторыхъ событіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу христіанской церкви.

4-я составная часть—это повѣсти, притчи и анекдоты изъ тѣхъ патериковъ и сборниковъ, которые уже намъ извѣстны, и, наконецъ,

5-я составная часть,—слова Отцовъ Церкви, поученія и похвалы святымъ и праздествамъ, составляющія содержаніе сборниковъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Торжественниковъ.

Между Прологами должно отличать краткіе и распространенные. Краткіе содержатъ въ себѣ только житія святыхъ и повѣствованія о мученичествѣ. Въ распространенныхъ къ этому первоначальному содержанію прибавляются повѣсти и слова, или бесѣды. Пролога краткой редакціи очень рѣдки и, вѣроятно, мало употреблялись на Руси, за то Пролога распространенные, то есть, съ повѣстями и словами, сохранились во множествѣ рукописей и старопечатныхъ изданій.

Древнѣйшія славянскія рукописи Прологовъ XIII—XIV в. еще мало содержатъ въ себѣ элементовъ русской и, вообще, славянской святыни. Такъ, на примѣръ, по древней редакціи въ продолженіе цѣлаго полугодія, отъ сентября до февраля, встрѣчаются только слѣдующія пять вставокъ славяно-русскихъ:

Сентября 5-го. Убіеніе князя Глѣба (только означено, безъ повѣствованія).

Ноября 4-го. Подробности о сооруженіи храмовъ и о распространеніи христіанскаго просвѣщенія на Русь княземъ Ярославомъ. (Изъ лѣтописи Нестора).

Ноября 6-го. Житіе Варлаама Хутынскаго (1199—1230 г.) Превосходная статья въ литературномъ отношеніи.

Ноября 26-го. Освященіе храма св. великомученика Георгія въ Кіевѣ при Ярославѣ.

Февраля 14-го. О Кириллѣ Философѣ Славянскомѣ.

Вставки о русскихъ событіяхъ явственнo свидѣтельствуютъ намъ, что Прологъ первоначально осложнялся на Руси подъ вліяніемъ двухъ главнѣйшихъ мѣстностей—Кіева и Новагорода (Хутынская обитель близъ Новагорода), какъ двухъ главнѣйшихъ сосредоточій литературной дѣятельности древней Руси.

Впослѣдствіи, особенно въ концѣ XVI в. и въ первой половинѣ XVII-го, Прологъ уже въ изобиліи осложнился прибавленіями житій русскихъ святыхъ; въ такомъ осложненномъ видѣ являются уже старопечатные Пролога, начиная съ 1641 г., въ Москвѣ. Позднѣйшія русскія статьи помѣщаются въ концѣ каждаго дня, уже какъ очевидная прибавка къ древнему греческому содержанію.

Въ старопечатныхъ Прологахъ статьи располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Церковныя празднества.
2. Лица ветхозавѣтныя.
3. Мученики.
4. Прочіе святые, по греческому менологію.
5. Повѣсти, притчи и анекдоты.
6. Слова и поученія, и наконецъ,
7. Въ послѣднее время прибавленные русскіе святые и русскія празднества.

Какъ по разнообразному содержанію, такъ и по назначенію своему, Прологъ долженъ былъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ огромное вліяніе на русскую жизнь и литературу. Всякій грамотный человѣкъ ежедневно читалъ его, или съ нимъ справлялся, желая усвоить себѣ церковное значеніе каждаго числа мѣсяца. Принимаясь за перо, онъ невольно припоминалъ прочитанное имъ въ Прологѣ, что относится къ тому дню. Сверхъ того, богатое и разнообразное содержаніе Пролога давало грамотному русскому человѣку образцы для подражанія въ составленіи поученій и словъ, повѣстей, притчей и житій святыхъ.

У насъ въ настоящее время въ публикѣ такъ называемой образованной, привыкли соединять съ самымъ именемъ Пролога, равно какъ и Патерика—мысль о чемъ то чрезвычайно скучномъ и сухомъ, и совершенно чуждомъ всякому литературному интересу.

Между тѣмъ, большая половина Прологовъ занята самыми занимательными повѣстями, притчами и анекдотами, которыми хорошо умѣли пользоваться западные поэты, и которые въ новѣйшее время съ Запада же были переводимы на русскій языкъ съ позднѣйшихъ передѣлокъ, какъ извѣстная притча, заимствованная Жуковскимъ у Гюккерта, и всегда бывшая извѣстною нашимъ предкамъ изъ Пролога, куда она помѣщалась изъ Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Грамотное простонародье, т. е., раскольники, и теперь постоянно читаютъ Пролога, пренебрегая Четы-минееми Дмитрія Ростовскаго, въ которомъ видятъ опи написта. Чтобъ наше университетское образованіе дѣйствительно стало во главѣ просвѣщенія народнаго, надобно основательно знать, что читаетъ народъ, чѣмъ онъ пробавляется. Только тогда будетъ законна и успѣшна борьба нашего университетскаго просвѣщенія съ народнымъ невѣжествомъ.

Вся повѣствовательная, то есть, собственно литературная часть Прологовъ, намъ уже извѣстна. Она заимствована изъ разсмотрѣнныхъ нами повѣствовательныхъ сборниковъ, а именно:

1. Изъ Лимонаря, или Лимониса, особенно много. Напримѣръ:

Подъ 1-мъ числомъ октября о томъ, почему не вошла Богородица въ келью одного старца. (Въ ней былъ ея врагъ, то есть, въ книгѣ два слова Несторія).

Подъ 4-мъ числомъ марта, о томъ, какъ Герасиму Іорданскому прислуживаетъ левъ.

Подъ 19-мъ числомъ марта, о томъ, какъ нѣкоторая вдова, желая выйти замужъ, убила своихъ дѣтей.

Подъ 27-мъ числомъ марта, о томъ, какъ богатые родители нашла для своей дочери жениха въ церкви.

Подъ 24-мъ числомъ мая, о нѣкоторомъ монахѣ, который думалъ спастись и въ корчмѣ, и мног. друг.

2. Изъ Патерика Римскаго, напримѣръ:

Подъ 14-мъ числомъ марта, чудо св. Венедикта надъ разбитымъ ситомъ или рѣшетомъ.

3. Изъ Патерика Скитскаго, напримѣръ:

Подъ 5-мъ числомъ апрѣля, о Маркѣ Фраческомъ.

4. Изъ Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ. Самое житіе Варлаама подъ 17-мъ числомъ ноября, а Іоасафа подъ 19-мъ

числомъ того же мѣсяца. Сверхъ того, цѣлый рядъ повѣстей и притчей изъ этой исторіи помѣщены, какъ бы въ связи съ житіемъ, въ томъ же мѣсяцѣ, подъ 19, 20, 22, 23, 24, 25 и 28 числами, и потомъ въ апрѣлѣ, подъ 11 и 16.

5. Изъ житія Василія Новаго. Подъ 30 ч. декабря о мытарствахъ Θεодоры.

Теперь, въ доказательство вліянія Прологовъ на нашу литературу, приведу нѣсколько данныхъ изъ самыхъ знаменитыхъ произведеній древней Руси.

1. Поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ. Въ самомъ началѣ князь приводитъ мѣсто изъ слова Василія Великаго. Это мѣсто взято изъ Пролога подъ 8-мъ числомъ декабря, изъ Слова о наказаніи, како есть лѣпо чернцемъ быти. „Лѣпо есть черноризцу—говоритъ Василій—паче всего житія небреши имѣнія отнюдь: имѣти же и тѣлеси удрученіе, нравъ удобренъ, гласъ умиленъ, и слово благочинно. Яденіе и питіе безъ роптанія, съ молчаніемъ, предъ старцы молчаніе, множае разумѣти, а мало глаголати. Не дерзу быти словомъ. Не пререковати въ рѣчехъ. Не скоро въ смѣхъ впасти. Долу имѣти очи, а душу горѣ,“ и проч.

2. Слова Кирилла Туровскаго. Мы уже знаемъ, что его притча о Бѣлоризцѣ челоуѣцѣ заимствована изъ притчи Варлаама, помѣщенной въ Прологъ подъ 23-мъ числомъ ноября. Особенно знаменито того же русскаго оратора слово, въ которомъ онъ жалуется, что мало ходять въ церковь слушать его поученія. Онъ сравниваетъ себя съ посланнымъ отъ царя или отъ князя съ грамотою, которую подобаешь слушать почтительно не ради послапнаго, а ради пославшаго; и иронически говоритъ, что вотъ, если бы я раздавалъ золото или серебро, либо медъ и пиво, то много бы приходило ко мнѣ народу. Я же словеса Божія раздаю, которыя дороже всякаго злата и слаще всякаго меду, а вы неидете ко мнѣ въ церковь. Прежде думали, что это слово принадлежитъ все сполна Кириллу Туровскому, по изученіе Пролога открываетъ намъ, что оно съ немногими измѣненіями помѣщается въ немъ подъ 24-мъ числомъ апрѣля, приписанное Іоанну Златоусту.

3. Слово Даниіла Заточника. Энергическія выходки этого раздраженнаго челоуѣка противъ злоупотребленій монашества могли

быть вызваны чтеніемъ слова Космы Пресвитера, помѣщаемаго въ Прологахъ подъ 21-мъ числомъ марта, о хотящихъ ити въ черныя ризы отъ міра сего. Слово проникнуто самымъ благороднымъ негодованіемъ противъ лицемѣрія, ханжества и тунеядства, празднои жизни монашествующихъ. Просвѣщенный ораторъ преслѣдуетъ даже аскетизмъ и суетное паломничество, или хожденіе къ Св. мѣстамъ, на чтò жаловались и русскіе люди уже въ XII в. „Видимъ другихъ уродствующихъ себя отроченными волосами и небреженіемъ тѣла, уподобляющихся лицемѣрамъ“—говоритъ онъ объ аскетахъ; а о паломничествѣ: „Не давай воли сердцу твоему взыскати Рима и Іерусалима: но преданныя тебѣ игуменомъ молитвы твори, пребывая въ кельѣ своей“. Говоря о монахахъ, Заточникъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду самое пачало этого слова: „Многіе отходятъ отъ міра сего въ монастырь, не имѣя силы терпѣть томительныхъ трудовъ, и опять въ міръ прибѣгаютъ и возвращаются... Иные монахи ходятъ по городамъ и больше прежняго согрѣшаютъ, даромъ чужой хлѣбъ поѣдая, и, праздные отъ трудовъ, проводятъ свои дни, смекая, гдѣ бываютъ пиры,—такіе—рабы своему чреву, а не Богу“.

Указавъ вліяніе Прологовъ на древне-русскихъ писателей, съ чувствомъ сожалѣнія должны мы признаться, что, снявъ съ многихъ изъ нихъ чужія, византійскія украшенія, строгая ученая критика сведеть ихъ съ того высокаго пьедестала, на который безусловные читатели старпы ихъ помѣщали, какъ русскихъ Цицероновъ, Тацитовъ и Златоустовъ. Можетъ быть, объяснивъ во всей подробности вліяніе Прологовъ на нашихъ предковъ, мы перестанемъ удивляться глубокой ихъ начитанности въ произведеніяхъ Отцевъ Церкви, и увидимъ ясно, что съ Іоанномъ Златоустымъ, Василиемъ Великимъ и другими знаменитыми писателями они знакомились не по полнымъ, или, по крайней мѣрѣ, не по отдѣльнымъ собраніямъ ихъ сочиненій,—а скорѣе отрывками изъ тѣхъ же Прологовъ.

Л Е К Ц І Я 40-я.

Читана 3-го мая 1860 года.

Отъ повѣствовательныхъ сборниковъ и Прологовъ переходимъ къ памятникамъ историческимъ, между которыми особенно важны по вліянію своему на народную русскую словесность Палей и Хронографы.

Палея (знач. Ветхая) есть не что иное, как повѣствовательное переложеніе Ветхозавѣтныхъ книгъ съ толкованіями и со статьями апокрифическими, особенно любопытными для исторіи народной поэзіи среднихъ вѣковъ. Начинаясь днми творенія, Палея составляетъ какъ бы первую часть Хронографа, въ которомъ къ исторіи христіанской церкви присовокуплены важнѣйшія событія и изъ исторіи гражданской.

Палея и Хронографы принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ славянской письменности, переведеннымъ съ греческаго въ Болгаріи. Еще для Болгарскаго царя Симеона († 927) іеромонахъ Григорій перевелъ съ греческаго Хронографъ Іоанна Маламы, со вставками изъ Палеи и съ присоединеніемъ обширныхъ эпизодовъ о взятіи Трои и объ Александрѣ Македонскомъ. Тогда же былъ переведенъ и другой Хронографъ, составленный Георгіемъ, по прозванію, Амартоломъ (т. е., Грѣшнымъ). Этотъ послѣдній, равно какъ и Палея, оказали свое вліяніе на русскую литературу уже въ XI вѣкѣ, именно на лѣтопись Нестора. Что же касается до полноты списковъ на славянскомъ языкѣ, то Палея не восходитъ у насъ въ рукописяхъ ранѣе XV вѣка, а большая часть Хронографовъ дошла до насъ въ рукописяхъ XVI и даже XVII в.

Если Евангеліе въ полномъ составѣ наши предки имѣли уже въ XI в. *), то книгами Ветхаго Завѣта пользовались болѣе въ отдѣльныхъ чтеніяхъ помѣщаемыхъ въ Паремейникахъ, или же въ спискахъ Толковыхъ. Первые употреблялись въ церковной службѣ, послѣдніе въ домашнемъ келейномъ чтеніи. Изъ Ветхозавѣтныхъ книгъ съ ранней эпохи была распространена въ отдѣльныхъ спискахъ только Псалтырь. Полнаго собранія Ветхозавѣтныхъ книгъ древняя Русь не имѣла до конца XV вѣка, когда впервые было оно составлено въ Новѣгородѣ по повелѣнію архіепископа Геннадія въ 1499 г. Само собою разумѣется, что при такомъ недостаткѣ книжнаго образованія, Палея замѣняла грамотнымъ предкамъ Ветхозавѣтныя книги; она была для нихъ и Толковою Библіею, и занимательнымъ чтеніемъ, въ которомъ библейскія истины смѣшиваются съ поэтическимъ вымысломъ апокрифическихъ статей. Сверхъ

*) Остромировъ списокъ 1056—7 г. Четвероевангеліе по Синодальному списку 1143 г.

того Палея имѣла интересъ богословскій: толкованія въ пей постоянно направлены противъ жидовскихъ злоученій*). Наконецъ, объясненіе міротворенія замѣняло напимъ предкамъ свѣдѣнія въ естественной исторіи, такъ что Палея съ поэзією апокрифовъ соединяла въ себѣ суевѣрныя ученія Бестиаріевъ.

Вотъ на примѣръ какую картину природы предлагаетъ Палея въ толкованіи 3-го дня міротворенія: „Видишь ли преблагаго художника (въ рукописи: хитреца) Господа Бога, всея твари создателя? И какъ мгновенно земля произвела безчисленное множество растений, покрывъ ими лицо свое, будто волосами! Произрастила всякіе цвѣты благовонные, и будто багряницею себя украсила. . . . Когда Господь повелѣлъ землѣ прозябнуть сѣмена сѣменитыя, тогда и виноградныя лозы, вышедши на землю, вознеслись до своей высоты. Матка на отдѣльныя вѣтки раздѣлилась, будто дѣтямъ своимъ, по ровну раздѣлила она имъ свое имѣніе, заботясь одинаково о каждомъ изъ своего рода-племени; какъ бы жезлы даетъ имъ, и будто руками сцѣпившись поднимаются онѣ въ высоту, чтобъ вѣтеръ не разнесъ ихъ отъ родной мѣтицы. Держатся онѣ близко другъ друга, чтобъ поддержать тяготу гроздій. Имѣетъ же матица и густые листья, чтобъ сохранить своихъ чадь отъ сильныхъ дождей. Листья же имѣетъ устроены будто дверцы, которыми, входя, солнечный лучъ приноситъ пріятную теплоту, но не великую, чтобъ не сотворить вреда гроздіямъ. Но кто можетъ описать всѣ растенія на землѣ? Иное въ горахъ, иное въ пропастяхъ, иное на холмахъ, иное въ равнинахъ, иное на морскихъ берегахъ, иное по рѣкамъ!“

Въ толкованіи 4-го дня, о свѣтилахъ: „когда приступаетъ луна къ солнцу, тогда свѣтъ зрака своего скрываетъ: точно такъ, если кто отъ слугъ царевыхъ станетъ передъ лицомъ царевымъ, то не уравнился царю, но со страхомъ предстоить: такъ и луна, приближаясь къ солнцу, свѣтъ свой скрываетъ, а когда отступаетъ отъ солнца далѣе, тогда и свѣтъ ея растеть и по вселенной распространяется.“ Къ описанію свѣтилъ присовокуплены наблюденія надъ разными примѣтами въ измѣненіи солнца и луны, для того чтобъ предугадывать перемены погоды. Когда, напр., солнце съ той или другой стороны особенно блеститъ, то будетъ съ той или другой

*) Сличи мнѣха Григорія житіе Василя Новаго, тоже противъ жидовъ.

стороны вѣтерѣ. Иногда солнце кажется кровавымъ, иногда будто волоса простираетъ; такъ и луна иногда бываетъ чиста и тонка, иногда почернѣетъ, иногда чище будетъ тотъ или другой ея рогъ. Все это, будто бы, предзнаменуетъ извѣстныя перемѣны въ природѣ: „такія знаменія Преплагій Творецъ повелѣлъ солнцу и лунѣ творить, говоритъ Палея—дабы видѣли ихъ плавающіе по морскимъ пучинамъ, а также земледѣльцы и другіе рабочіе люди.“

Суевѣрное убѣжденіе, что явленія въ солнцѣ и лунѣ имѣютъ особую вѣщую силу, было очень распространено въ древней Руси, и въ нашихъ Лѣтописяхъ постоянно встрѣчаемъ описанія знаменій солнечныхъ и лунныхъ, проникнутыя страхомъ суевѣрнаго ожиданія какихъ-либо бѣдствій. Впрочемъ, Палея предостерегаетъ благочестивыхъ людей отъ астрологическихъ бредней. „Слышали мы—въ ней сказано—какъ нѣкоторые пустые люди (въ рукописи: пустошники) говорятъ, будто люди во звѣзды рождаются*): потому одинъ бываетъ русъ, другой бѣлъ, иной черенъ. Эта прелесть пошла отъ невѣрныхъ Еллинъ. Также полагаютъ узнавать по звѣздамъ о болѣзняхъ и смерти людей, о доблести, о богатствѣ или убожествѣ.“

Въ толкованіи 5-го дня встрѣчаемъ уже любопытныя подробности изъ Бестіаріевъ, на примѣръ:

„Есть птица, по имени Алконость**). Имѣетъ гнѣздо на песчаномъ берегу моря. Тутъ она и несетъ яйца. Дѣтей же выводитъ зимою. Когда почуветъ она время вывода дѣтей, беретъ та птица свои яйца и несетъ на средину моря, и пуцаетъ ихъ въ глубину. А море тогда многими бурями къ берегу приражается. И садится Алконость на одномъ мѣстѣ вверху моря, а яйца остаются въ глубинѣ. Тогда море неколеблемо бываетъ въ теченіе семи дней, до тѣхъ поръ пока Алконостовы дѣти выйдутъ изъ глубины моря и познаютъ родителей своихъ***). Смотри же ты—присовокупляетъ Палея—великаго Давца, всемогущаго Бога, какъ о безсловесныхъ промышляетъ! Иона, который пробылъ въ глубинахъ морскихъ во чревѣ кита, про-

*) Потому и звѣзды тѣ пазывались Рожаницами. Сличи: Родъ и Рожаница (божество судьбы).

**) Есть лубочная картинка райской птицы Алконоста. Доселѣ продается по базарамъ.

***) Всѣ эти свѣдѣнія о животныхъ изъ Пален и Хронографовъ внесены въ Азбуковники.

образуетъ тридневное воскресеніе. Помянемъ же и Петра верховнаго апостола, ходившаго по водамъ“ и т. д.

„Есть рыба Многоножица. Правъ ея таковъ: къ какому камню морскому подойдетъ, такова и явится: къ зеленому—зеленая, къ бѣлому—бѣлая, къ иному—иная. Потому молодыя рыбы, не замѣчая ея и полагая, что это камень, въ челюсти ея впадаютъ. Такіе же бывають и люди: съ погаными живутъ, какъ поганые, съ христіанами—христіане, съ невѣрными—невѣрные.“

„Есть иная птица, нарицаемая Кукушка (въ рукописи: Зегзуля). Птица та злопавна. Когда несетъ свои яйца, кладетъ ихъ въ чужія гнѣзда. Сама же она гнѣзду своему не хранитель, но инымъ птицамъ отдаетъ свое отродіе. Такъ и вы, окаянныя жида, принявъ, какъ свое отродіе, Божественныя книги, отверглись отъ ученія ихъ и предали Святыя Писанія въ чуждыя вамъ страны.“

„Есть еще птица въ великой Индіи, называемая Финиксъ, о которой Давидъ Пророкъ въ 91-мъ псалмѣ сказалъ: „Праведникъ яко Финиксъ процвѣте.“ Это—птица единогогнѣздна, и не имѣетъ подружія себѣ, ни дѣтей. Живетъ одна въ своемъ гнѣздѣ. Пищу себѣ добываетъ, летая въ кедры ливанскіе. Облетая тамъ, исполняетъ крылья свои ароматами; потому всегда она благовошна. Когда состарѣется, взлетаетъ на высоту и беретъ огня небеснаго. Потомъ, спустясь внизъ, зажигаетъ гнѣзду свое и вмѣстѣ съ нимъ стараетъ сама. Послѣ того въ пеплѣ гнѣзда своего родится червь, а изъ червя опять становится птица съ тѣмъ же естествомъ и нравомъ. Эта птица Финиксъ показываетъ собою образъ вѣрующимъ истинно: хотя бы они и мученіе за Христа пріяли, но большую пищу въ Раю обрѣтутъ и во благоуханіи райскомъ водворятся.“

Въ толкованіи 6-го дня приведены нѣкоторыя подробности анатомическія и психологическія, потому что рѣчь идетъ о составѣ человѣческаго существа. Въ примѣръ анатомическаго ученія привожу слѣдующее о черепѣ: „у мужчины, какъ говорятъ, на головѣ три шва, угломъ составлены, а женская голова имѣетъ одинъ шовъ, обходящій кругомъ головы. По этому признаку можно отличить въ гробу мужскую голову отъ женской.“ Затѣмъ говорится о корняхъ, то-есть, нервахъ, которые идутъ отъ мозга къ глазамъ, ушамъ, языку, носу. Потомъ слѣдуетъ психологическое ученіе о душѣ: „безплотная

же душа, какъ царь, на высокомъ мѣстѣ сидитъ; слышимое разумѣетъ скоро, и все видимое очами разсуждаетъ... Умъ безплотенъ, обходитъ всю землю, какъ бы крылами возлетаетъ на высоту, проходитъ воздухъ и облака и паритъ надъ звѣздами, все видитъ и созерцаетъ, и между тѣмъ находится въ своемъ тѣлѣ: точно такъ горитъ свѣча на земли, и пламень ея отъ земнаго существа, но родственъ горнему свѣту, потому и стремится горѣ.“

О сотвореніи Еввы любопытно слѣдующее замѣчаніе: „отъ ребра мужа сотворилъ Богъ жену, да не возносится надъ мужемъ своимъ жена, и да покровительствуетъ и хранитъ рука мужская свое ребро.... О великое диво! Какъ ребро исполнилось плотію! Откуда явились очи въ ребрѣ, откуда взялось сердце?... откуда жилы протянулись? какъ внутренности сотворились? какъ утвердился языкъ, сотворились ноздри, какъ прострогались уста, какъ вознеслись уши или какъ процвѣли волоса? откуда изникли ногти и какъ вошла кровь?“

Къ этимъ философскимъ и физиологическимъ толкованіямъ былъ присовокупленъ цѣлый рядъ апокрифическихъ сказаній. Нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются уже и въ древнихъ редакціяхъ Палеи, другія въ народныхъ Библіяхъ съ миниатюрами или отдѣльными статьями въ сборникахъ.

По народнымъ книгамъ древо познанія добра и зла было випоградное, какъ и изображается оно на миниатюрѣ Козмы Индикоплова по рукописи 1542 г. въ Макарьевскихъ Минеяхъ.

По изгнаніи изъ рая Адамъ началъ орать землю*), и будто бы приползъ къ нему сатана и сказалъ: „зачѣмъ землю мою орешь? Дай мнѣ на себя и на Евву рукописаніе своею рукою, и потомъ, что хочешь, дѣлай!“ И далъ Адамъ на себя и на Евву рукописанье, а сатана указывалъ.

Когда Каинъ убилъ Авеля**), Адамъ и Евва плакались надъ трупомъ послѣдняго 30 лѣтъ, и не знали, какъ похоронить его, а оно оставалось въ цѣлости и не согнивало. И по повелѣнію Божию прилетѣли двѣ горлицы. Одна изъ нихъ умерла, а другая выкопала

*) Смотри Лицевую Библію по рукоп. XVI—XVII в. Графа Уварова, въ 4-ку, № 34.

**) Смотри лубочное изданіе книги Бытія начала XVIII в., въ 8-ку. Смотри также мой рукописный сборникъ съ миниатюрами, конца XVII в., въ листъ.

яму, вложила въ нее умершую и похоронила. Видѣвъ то, Адамъ и Ева погребли Авеля и перестали плакать.

То же самое, вѣроятно, по Палеѣ, рассказываетъ у Нестора греческій философъ Владиміру князю, когда пришолъ къ нему обратиться его въ православную вѣру (Лѣтопись, 1, стр. 38).

Изъ апокрифическихъ сказаній объ Адамѣ особенно любопытно о Крестномъ деревѣ*).

Сидѣлъ Адамъ передъ дверьми райскими, когда приближались дни его къ смерти, и сильно страдалъ болѣзнію, но всѣ окружающіе его дивились, что съ нимъ дѣлается, потому что не знали еще никогда болѣзни**). Тогда сынъ его Сиѡъ сказалъ своей матери: „ты знаешь все, что съ нимъ бываетъ,—скажи намъ, отчего онъ страдаетъ?“ Ева отвѣтствовала: „о сынъ мой! всегда желаетъ онъ райскаго блага, воспоминаетъ о немъ и тогда страждетъ“.—„Пойду же я въ рай—сказалъ Сиѡъ—и принесу ему, чего онъ желаетъ“. Подошолъ къ раю и воиная съ плачемъ. И принесъ ему Архангелъ древо, отъ котораго вкусилъ Адамъ, и сказалъ Сиѡу: „вотъ древо, которое разрѣшаетъ грѣхи и прогоняетъ нечистыхъ духовъ, оно просвѣщаетъ темныхъ: вѣруйте въ меня и не заблудитесь.“ Взялъ Сиѡъ дерево отъ Архангела и принесъ къ отцу своему Адаму. Увидѣвъ его и познавъ, Адамъ глубоко вздохнулъ и сказалъ: „вотъ древо, за которое я изгнанъ изъ рай!“ Взялъ его, свилъ изъ него себѣ вѣнецъ, и положили его въ вѣнцѣ въ землю. И выросло изъ того вѣнца превысокое дерево и пречудное.... Когда Соломонъ строилъ свой храмъ, тогда нѣкіе духи вырвали это дерево съ корнемъ изъ головы Адамовой и принесли въ Іерусалимъ, гдѣ оно и было употреблено въ постройкѣ храма вмѣстѣ съ другими двумя деревьями, на которыхъ впослѣдствіи были распяты два разбойника, и которыхъ происхожденіе по рассказамъ возводится также далеко, какъ и о деревѣ Адамовомъ. Между тѣмъ голова Адамова оставалась въ корняхъ дерева и никто не зналъ о томъ. Однажды Соломонъ отправился на охоту, гдѣ застигла его внезапная буря. За нимъ отправился одинъ изъ его отроковъ съ собакою и ястребомъ, но отъ царя какъ то отсталъ. Во время бури вошолъ онъ въ пещеру, и видитъ, что она

*) По Болгарской рукописи XV в. профессора Григоровича въ Казани.

**) См. Лицевую Библію по рукописи XVI—XVII в.

изъ кости, а не изъ камня. То была голова Адама. Такимъ образомъ Соломонъ открылъ Адамову голову и перенесъ ее въ Иерусалимъ.

О Ноѣ. Ной былъ праведенъ во всѣхъ человѣкахъ; люди же жили тогда въ великомъ согрѣшеніи *). И восхотѣлъ Господь скверну человеческихъ дѣлъ очистить и сотворить потопъ на землѣ. И послалъ къ Ною праведному своего ангела и повелѣлъ Ною сотворить ковчегъ. И созидаль Ной ковчегъ, по ангелову благовѣстію, тринадцать мѣсяцевъ, а женѣ своей не сказывалъ, куда ходитъ и что дѣлаетъ. Тогда сатана пришолъ къ женѣ Ноевой и спрашивалъ: „жено! повѣдай мнѣ, куда ходитъ твой мужъ Ной?“—Она отвѣтствовала: „крѣпокъ мой мужъ: не говоритъ мнѣ своей тайны.“ Послѣ того сатана принесъ женѣ Ноевой хмѣлевую вѣтвь и сказалъ: „изъ этого овощу сдѣлай квасу и дай мужу своему пить, и доспроси у него, куда онъ отъ тебя ходитъ.“ И сошолъ Ной съ горы по обычаю, пици ради, и сказалъ женѣ своей: „жено! дай мнѣ квасу; отъ работы своей сильно хочу пить.“ Жена, наливъ чашу, подала ему. Онъ выпилъ и попросилъ еще. Жена налила ему еще двѣ чаши. Тогда жена начала его ласковыми словами выспрашивать: „куда, господине мой, ходишь и что творишь?“ И рассказалъ ей Ной все по ряду—а сатана слушаетъ у окошка! На утро пошолъ Ной въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ горько плакать. Явился ему ангель Господень и сказалъ: „не велѣлъ я тебѣ повѣдать этого дѣла женѣ твоей. Вотъ дьяволъ услышалъ и разорилъ твой ковчегъ.“ Потомъ далъ онъ Ною дерево, изъ котораго тотъ вновь соорудилъ ковчегъ.

Это сказаніе изъ народной Библии перешло въ повѣсть о Высокоумномъ хмѣлѣ; сверхъ того оно и доселѣ живетъ въ устахъ народа между его рассказами и легендами. Изъ этого же апокрифа на Западѣ въ средніе вѣка была обработана одна изъ забавныхъ драматическихъ мистерій **).

Предложенные мною самые странные рассказы изъ Палеи, какъ видно изъ сличеній, господствовали у насъ въ теченіе многихъ столѣтій, и даже доселѣ сохранились частію въ устахъ народа. Эти

*) См. Лицевую Библию по рукоп. XVI—XVII в.

**) См. въ Лѣтописяхъ Русской Литературы мою статью о журналѣ Эберта (Книга 2, III, стр. 167.)

разказы, искажавшіе истину и болѣе принадлежащіе исторіи поэзіи, нежели русской церкви, находимъ мы и въ лѣтописи Нестора, и въ Лицевой Библии, и въ Азбуковникахъ, и въ пародныхъ книгахъ, и въ повѣсти о Хмѣлѣ, и въ лубочныхъ изданіяхъ, и даже въ современныхъ устныхъ разказахъ.

Казалось бы не стоило обращать большаго вниманія на эти разказы, иногда пошлые до глупости; но самое существованіе ихъ въ жизни народа въ теченіе вѣковъ заслуживаетъ, чтобы наука отнеслась къ нимъ съ болѣе серьезной точки зрѣнія. Имѣя въ виду эти разказы, заслонявшіе для народа библейскую истину, мы должны будемъ составить себѣ самое скромное понятіе о книжномъ, христіанскомъ просвѣщеніи древней Руси. Между тѣмъ, не зная этихъ фактовъ, извлеченныхъ нами изъ Палеи, такъ называемые славянофилы видятъ идеаль христіанскаго просвѣщенія въ древней Руси. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ объ этомъ предметѣ одинъ профессоръ въ своей книгѣ, изданной не ранѣе, какъ въ 1858 г. „Что собственно до ученія, или умственнаго образованія народа, оно было въ рукахъ духовенства, въ рукахъ священниковъ и діаконовъ, слѣдовательно, распространялось по приходамъ или общинамъ, было общинное. Мы начинаемъ наше ученіе, такъ сказать, по порядку училищъ, съ ученія въ школахъ приходскихъ. Это значеніе и положеніе древнѣйшихъ русскихъ школъ подтверждается даже въ Стоглавѣ. *Но для мыслящаго христіанина приходская школа, учившая его читать и писать могла служить: основаніемъ и глубокой мудрости: потому что онъ читалъ въ ней не Илиаду, не Одиссею, не вымыслы чело-вѣческіе, какъ бы ни были они прекрасны, а истинное ученіе о сотвореніи міра, о явленіи промысла въ исторіи избраннаго народа древности, объ искупленіи отъ грѣха всего рода чело-вѣческаго самою Любовію. Потомъ читалъ онъ проповѣди и поученія св. Отцевъ,—житія угодниковъ Божіихъ,—дѣянія своего народа,—сказанія своихъ паломниковъ и путешественниковъ. Высшія школы нужны были для облегченія его труда: но и безъ нихъ, при усиліи *самомыслия*, христіанинъ могъ образоваться до степени духовнаго витія, до безсмертія народнаго лѣтописателя. Сколько великаго могла совершить школа временъ (Русской) Правды, это видимъ мы изъ исторіи перваго русскаго митрополита Иларіона, изъ житія св. Пе-*

черскаго Θεодосія,—изъ дѣятельности перваго лѣтописца Нестора и другихъ лицъ.“

Не буду касаться мысли о глубокомъ христіанскомъ значеніи и древнерусскихъ приходскихъ школъ, потому что историческія свѣдѣнія о нихъ чрезвычайно скудны: а о предположеніяхъ состязаться бесполезно. Но увѣреніе, что русскій человѣкъ не читаль и не хотѣль знать вымысловъ человѣческихъ, подобныхъ Иліадѣ и Одиссеѣ, опровергается фактами. Мы теперь уже знаемъ, что Палей, имѣвшая вліяніе на Русь въ теченіе многихъ столѣтій, исполнена *вымысловъ*, и *вымысловъ грубыхъ*, которые вдохновляли кисть миниатюриста и фантазію народнаго разскащика. Эти вымыслы, искажавшіе преданія библейскія и за святую истину выдававшіе ложь и кощунство, были вреднѣе для христіанскаго просвѣщенія, нежели чтеніе Иліады и Одиссеи. Сверхъ того, изъ той же Палеи и изъ хронографовъ, наши предки знакомились съ содержаніемъ этихъ поэмъ, только къ сожалѣнію, не въ ихъ прекрасной поэтической формѣ, а въ сухой передѣлкѣ византійскаго прозаика.

Итакъ, чтобы установить вѣрный взглядъ на христіанское просвѣщеніе русскаго народа и предохранить себя отъ ложныхъ увлеченій и взглядовъ, надобно было познакомиться и съ нелѣпыми разсказами, которымъ посвящена была эта лекція.

Л Е К Ц І Я 41-я

Читана 5-го мая 1860 года.

Особенно видное мѣсто въ Палеяхъ и Хронографахъ занимаетъ повѣствовательный эпизодъ о Соломонѣ, послужившій источникомъ множеству средневѣковыхъ поэтическихъ произведеній и народныхъ разсказовъ. Главныя части этого эпизода слѣдующія.

1. Суды царя Соломона*). Извѣстный разсказъ въ Библии о судѣ этого премудраго царя надъ двумя матерями о спорномъ ребенкѣ послужилъ поводомъ къ составленію цѣлаго ряда замысловатыхъ повѣствованій, имѣющихъ предметомъ остроумное рѣшеніе царемъ Соломономъ различныхъ судебныхъ случаевъ. Для образца вотъ одинъ изъ нихъ. „Во дни царя Соломона былъ нѣкоторый

*) По рукописямъ 1477 г. въ Синодальной Библиотекѣ (№ 210) и 1494 г. въ Румянцевскомъ Музеѣ (№ 453).

человѣкъ, имѣвшій у себя троихъ сыновей. Умирая, завѣщалъ онъ имъ слѣдующее: „Я оставляю въ такомъ-то мѣстѣ въ землѣ сокрытыя три сосуда, стоящіе другъ на другѣ. Но смерти моей пусть старшій возьметъ верхній сосудъ, средній возьметъ средній сосудъ, а меньшой—исподній сосудъ.“ По смерти отца вскрыли сыновья при свидѣтеляхъ тѣ три сосуда: верхній былъ полонъ золотомъ, средній—съ костями, а нижній—съ землею. И поссорились между собою братья изъ-за такого раздѣла, и пошли къ Соломону судиться. Мудрый царь такъ разсудилъ ихъ: „Все, что осталось послѣ отца золотомъ,—то старшему брату, а что осталось стадами и всякимъ скотомъ,—то среднему, по смыслу сосуда съ костями, а что осталось виноградниками, нивами и всякимъ житомъ,—то меньшому брату, по смыслу сосуда съ землею. Отецъ вашъ былъ человѣкъ мудрый—присовокупилъ Соломонъ въ заключеніе—и премудро раздѣлилъ васъ живо.“

2. О царицѣ Савской или Южской. На основѣ библейскаго разсказа о посѣщеніи, сдѣланномъ этою царицею Соломону, въ средніе вѣка составилось много повѣствованій, имѣющихъ предметомъ состязаніе въ премудрости между царемъ Соломономъ и Южскою царицею, а также и между философами того и другой.—Это состязаніе будто бы происходило въ видѣ мудреныхъ задачъ и замысловатыхъ загадокъ, по обычаю эпическихъ разсказовъ народной поэзіи. Главныя черты этого повѣствованія по различнымъ редакціямъ русской письменности отъ XV до XVII в. слѣдующія. Царица Савская, пришедшая со своими философами испытать мудрость Соломона и видѣть все его великолѣпіе, принесла ему великіе дары. Черезъ нѣсколько дней призвалъ ее къ себѣ царь вмѣстѣ съ ея философами, желая слышать ея премудрости. „Повѣдай мнѣ, царица,—сказалъ ей Соломонъ—чего хочешь ты вкусить, отъ какихъ звѣрей, отъ скота или птицъ? Я велю тебѣ изготовить.“ Царица отвѣтствовала ему на это загадкою: „вели приготовить мнѣ кушанье отъ тѣхъ звѣрей, которые безъ перьевъ летаютъ межъ неба и земли, костяныя крылья имѣютъ, на небо не взираютъ, голоса не имѣютъ.“ Соломонъ тотчасъ проразумѣлъ, что царица хочетъ вкусить осетрины, и велѣлъ приготовить. Послѣ того царица велѣла тихонько отъ Соломона нарядить въ одинаковое одѣяніе мальчиковъ и дѣвочекъ,

остригши послѣднимъ волоса и надѣвъ на нихъ мужское платье. Представила ихъ Соломону и сказала: „узнай, которые изъ нихъ мальчики и которыя—дѣвочки.“ Тогда Соломонъ велѣлъ слугамъ своимъ принести овощей и передъ ними просыпать: мальчики стали хватать овощи и класть въ карманы, а дѣвочки—въ рукава*). Такимъ образомъ Соломонъ и рѣшилъ задачу Южской царицы. По хронографу XVI в. **), Соломонъ узнаеть переодѣтыхъ иначе. Велитъ имъ умыться, и по чертамъ лица отличаетъ дѣвочекъ отъ мальчиковъ: ибо мужскій полъ крѣпко и сильно лицо имать, женскій же полъ—мягко: и сего ради удивися царица зѣло.“—Послѣ того царица воротилась въ свою землю и стала съ своими философами думать, какъ бы искутить Соломона премудростью. И надумавшись, послала къ нему своего слугу съ слѣдующимъ порученіемъ: „пришли мнѣ, Соломонъ, небеснаго съ бѣсными, а умнаго съ умнымъ.“ Соломонъ, разсудивъ тѣ слова, послалъ ей вина съ скоророхомъ, а философа съ книгами. Подивилась царица премудрости Соломона и опять, по его желанію, пришла къ нему для состязанья. Послѣ обѣда Соломонъ сѣлъ съ своими боярами и философами, а царица съ своими напротивъ него, желая его испытать. И спросила его: „что есть четыре *статьи*—сухое, горячее, мокрое и студеное, которыми весь свѣтъ содержится?“ И отвѣчалъ Соломонъ: „сухое—весна, горячее—лѣто, мокрое—осень, студеное—зима.“ Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ цѣлѣпныхъ вопросовъ, которые опровергаются нелѣпностью отвѣтовъ. Напримѣръ: царица спрашиваетъ: „если соль загниетъ, то чѣмъ пособить, чтобъ соевѣмъ не сгнила?“—„Коневымъ рогомъ“—отвѣчаетъ Соломонъ. „Когда же у коня рога бываютъ?“ возражаетъ царица.—„А когда же и соль гниетъ?“ отвѣтствуетъ Соломонъ. „А когда мертвецъ расплачется, чѣмъ его утѣшить?“ вновь спрашиваетъ царица. „Дать ему мгляное яйцо,“ отвѣчаетъ тотъ. „Какъ же можно изъ мглы сдѣлать яйцо?“ спрашиваетъ она. „Какъ же можетъ и мертвецъ расплакаться?“ возражаетъ Соломонъ.

Но самая любопытная изъ повѣстей, относящихся къ Соломону,—это

*) Такъ сказано по редакціи XV в. По редакціи XVII в.—орѣховъ вм. овощей.

**) Принадлежитъ мнѣ. Съ заставками на золотѣ.

3. Повѣсть о Китоврасѣ*). Имя Китоврасъ есть не что иное, какъ греческое Кентаурось, то есть, Центавръ. Представляется онъ какимъ-то существомъ демоническимъ, одареннымъ мудростью и вѣщею силою прозрѣнія, особенно въ древнѣйшихъ редакціяхъ XV в. „Однажды понадобилось Соломону спросить о Китоврасѣ—такъ рассказывается въ Палеяхъ и Хронографахъ по рукописямъ XV в.—и посланные нашли его жилище въ пустынѣ. И по мудрости своей замыслилъ Соломонъ сковать желѣзные цѣпи и желѣзную гривну, на которой велѣлъ написать *зарокъ* во имя Божіе. И послалъ Соломонъ боярина лучшаго съ отроками, велѣлъ имъ взять съ собою вина, меду и овечьего руна. Пришли они къ мѣсту, гдѣ живетъ Китоврасъ, и видятъ: три колодезя, а его самого нѣтъ. Взяли они, вылили изъ колодезей воду, въ два колодезя налили вина, а въ третій меду и заткнули ихъ овечьимъ руномъ. Китоврасъ, возвратившись домой, захотѣлъ пить. Подходить къ колодезю, видитъ—вино. Тогда сказалъ онъ: „всякъ пій вино не умудряетъ“—потомъ, томимый жаждою, онъ воскликнулъ: „ты еси вино, веселящее сердца чловѣкомъ!“—и выпилъ всѣ три колодезя. Охмѣлѣлъ и крѣпко заснулъ. Тогда посланный бояринъ наложилъ на него желѣзные цѣпи и гривну съ зарокомъ. Проснувшись, Китоврасъ хотѣлъ было вырваться изъ оковъ, но бояринъ сказалъ ему: „Имя Господне съ запрещеніемъ на тебѣ!“—и тотъ, видѣвъ на себѣ зарокъ, кротко пошолъ. А нравъ Китоврасъ имѣлъ такой: не ходилъ онъ путемъ кривымъ, а всегда правымъ. Когда привели его въ Іерусалимъ, тогда по всему городу пролагали ему путь и даже ломали дома, стоявшіе ему на пути. И подошли они къ дому одной вдовицы; тогда вдовица, умоляя Китовраса, возопила: „пощади меня! Я убогая вдовица!“ Китоврасъ внял ея просьбѣ, и, не сступая съ пути, обогнулся около угла и сломалъ себѣ ребро; потомъ присовокупилъ: „мягкое слово кость ломить, а жесткое слово гнѣвъ воздвигаетъ.“ Когда потомъ вели его по базару, услышать онъ, какъ нѣкоторый чловѣкъ спрашивалъ себѣ сапоговъ на семь лѣтъ,—и разсмѣялся; затѣмъ видѣлъ другаго чловѣка, который ворожилъ проходящимъ,—и опять разсмѣялся; наконецъ видѣлъ—играють

*) По Палеямъ и Хронографамъ XV—XVII в., по народнымъ сказкамъ о Соломонѣ XVII в. и по другимъ источникамъ.

свадьбу—и заплакалъ. Когда былъ онъ приведенъ къ Соломону, Соломонъ его спрашивалъ: „зачѣмъ ты разсмѣялся человѣку, спрашивавшему себѣ сапоговъ на семь лѣтъ?“—„А я видѣлъ уже на немъ,—отвѣчалъ Китоврасъ—что не будетъ живъ онъ и послѣ семи дней.“—„А зачѣмъ разсмѣялся тому, который ворожилъ?“—„Онъ повѣдалъ людямъ сокровенныя дѣла, а самъ не зналъ, что подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ сидѣлъ, зарытъ кладъ.“—И сказалъ Соломонъ своимъ слугамъ: „испытайте!“ Испытали и дѣйствительно нашли такъ, какъ сказалъ Китоврасъ. Потомъ спросилъ Соломонъ: „зачѣмъ ты расплакался, видя свадьбу?“—„Мнѣ было жалко—отвѣчалъ Китоврасъ—потому что женившійся не проживетъ и 30 дней.“ Царь велѣлъ освѣдомиться, и дѣйствительно такъ и сбылось.

По другой, болѣе подробной и, надобно думать, позднѣйшей редакціи *) Соломонъ и Китоврасъ представляются въ болѣе интересномъ, романическомъ отношеніи; Китоврасъ же является оборотнемъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Былъ въ Иерусалимѣ царь Соломонъ, а въ городѣ Лукорѣ царствовалъ царь Китоврасъ. Обычай же онъ имѣлъ такой: днемъ царствуетъ онъ надъ людьми, а по ночамъ оборачивается звѣремъ Китоврасомъ, и царствуетъ надъ звѣрьми, а по родству—братъ царю Соломону. И узналъ царь Китоврасъ, что у Соломона жена прекрасна, и умыслилъ ее похитить. Срядилъ корабль со многими товаромъ и послалъ на немъ въ Иерусалимъ своего человѣка волхва, который, залучивъ супругу Соломонову къ себѣ на корабль для покупки товаровъ, увезъ ее къ Китоврасу. Китоврасъ женился на ней, а Соломонъ отправился по разнымъ странамъ отыскивать свою супругу. Приходить въ Китоврасово царство, какъ прохожій старецъ; вошелъ въ садъ и увидѣлъ царицыню дѣвицу, почерпнувшую воды золотымъ кувшиномъ, попросилъ у ней себѣ пить и, напившись, далъ ей за то свое кольцо. Какъ-то однажды Китоврасова царица, бывшая супруга Соломона, увидала у дѣвицы это кольцо, и по немъ узнала о прибытіи Соломона. Желая отъ него избавиться, она выдала его Китоврасу, который схватилъ его и засадилъ въ темницу, съ тѣмъ, чтобы предать его казни. Повѣсть оканчивается тѣмъ, что Соломонъ торжествуетъ надъ преступною женою и вѣроломнымъ

*) По рукописи XVII в.

братомъ, и съ помощію своего войска, къ нему подоспѣвшаго, обоихъ ихъ велить повѣсить*). Наконецъ,

4. Любопытно извѣстіе, помѣщаемое въ Хронографахъ, о томъ, что Соломонъ былъ авторомъ такъ называемыхъ Физиологовъ или Bestiаріевъ: „Писалъ же Соломонъ и о древахъ, начиная отъ кедра Ливанскаго и до тростника, и о скотахъ, и о гадахъ, и о рыбахъ, и о лѣченіи всякихъ болѣзней. Отъ него заимствовали свое ученіе Пифагоръ, Платонъ и другіе греческіе философы.“

Вымышленные рассказы эти, заимствованные изъ еврейскихъ источниковъ, разошлись въ средніе вѣка по всей Европѣ**). Рассказъ о Китоврасѣ по древнѣйшей редакціи XV в. вполне согласенъ съ тѣмъ, что повѣствуетъ одинъ итальянскій новеллистъ XVI в. Страпарола о Сатирѣ***), въ одной изъ своихъ повелль, имѣющей предметомъ принцессу, переодѣтую рыцаремъ. Между нѣмецкими народными книгами есть цѣлый романъ о Соломонѣ и Морольфѣ, или Маркольфѣ. Морольфъ—хитрый мужикъ и шутъ, въ родѣ испанскаго Санчо Пансы, есть лицо, принадлежащее собственно западнымъ редакціямъ. Соломонъ задаетъ ему разные мудренныя задачи и вопросы, а Морольфъ умѣетъ ихъ искусно рѣшить. Между прочимъ Соломонъ спрашиваетъ его: „скажи мнѣ, веселый товарищъ, откуда взялась въ тебѣ такая пронырливость и острота ума?“ Морольфъ отвѣчалъ важнымъ тономъ: „однажды во времена Давида, твоего отца, когда ты былъ еще малымъ ребенкомъ, поймали огромную сову и стали въ кухнѣ готовить изъ нея какое-то цѣлительное снадобье. Твоя мать взяла свиное сердце, положила его въ горшокъ, зажарила въ вздобной подливкѣ и дала тебѣ съѣсть: я случился тогда тоже въ кухнѣ, и она вылила мнѣ на голову подливку, которую всю облизалъ я. Вотъ я и думаю, что отъ этого самаго во мнѣ такая пронырливость, а въ тебѣ мудрость отъ свиного сердца.“

Теперь переходимъ собственно къ Хронографамъ. Уже было замѣчено, что Палея составляетъ ихъ первую часть, конечно, въ сокращенномъ видѣ. Къ историческимъ свѣдѣніямъ объ ассирианахъ,

*) Повѣсть о Соломонѣ по рукописи XVII в. съ миниатюрами въ библиотекѣ Забѣлна. Эти апокрифы о Соломонѣ изданы у меня въ Христоматіи.

***) Указаны у Эйзенменгера въ его сочиненіи: Entdecktes Judenthum, 1711 г.

***) Le tredici piacevolissime notti. Ночь 4-я, новелла 1-я.

вавилонянахъ, грекахъ, римлянахъ въ Хронографѣ присовокупляется множество баснословныхъ выдумокъ, которыя были господствующими въ средніе вѣка на всемъ Западѣ. Сюда относятся, на примѣръ, свѣдѣнія о чудовищныхъ народахъ, или дивовищахъ. Эти свѣдѣнія присовокупаются къ повѣствованію о столпотвореніи: „По столпотвореніи и смѣшеніи языковъ, люди на землѣ размножились. И не только смѣшались они своими голосами и языками, но измѣнились своимъ видомъ, нравами и обычаями; потому что были они лукавы передъ Господомъ, Творцомъ своимъ, и заблудились дѣлами своими. Оттого уподобились они звѣрямъ и скотамъ, какъ своимъ видомъ, такъ и образомъ жизни“. Затѣмъ идетъ исчисленіе этихъ вырожденъ человѣчества, или дивовищъ, каковы на примѣръ:

„Есть люди, называемые Сатиры*). Жилища ихъ въ лѣсахъ по горамъ, а хожденіе ихъ скоро. Когда бѣгутъ, никто не можетъ догнать ихъ. Ходятъ нагіе. Живутъ вмѣстѣ съ звѣрями. Тѣло ихъ обросло волосами. Языкомъ не говорятъ, а только кричатъ голосомъ.“

„Люди Аримаспы живутъ въ дальнихъ земляхъ татарскихъ, а имѣютъ по одному глазу. Воюютъ съ грифами за жемчугъ и золото.“

„Есть еще люди, живутъ въ Индійской землѣ. Сами мохнаты, безъ губъ; питаются отъ деревьевъ и пахучихъ кореньевъ и цвѣтовъ: только они не пьютъ, ни ѣдятъ, а только нюхаютъ.“

„Есть люди на полунощи Окіяна-моря: уши у нихъ такъ велики, что покрываютъ они ими все тѣло.“

„Люди Неврилы (иначе Невры) живутъ въ дальнихъ татарскихъ земляхъ; умѣютъ обращаться изъ человѣка въ волка, и изъ волка опять въ человѣка.“

„Люди Щириты живутъ въ татарскихъ земляхъ, безъ ушей.“

„Люди, зовомые Апотаміи (Гиппопотамы), ходятъ на рукахъ и ногахъ, бороды у нихъ долги; половина человѣкъ, а другая—конь, а живутъ въ водѣ.“

„Много и иныхъ всякихъ людей, чудныхъ по своей природѣ, въ Африкѣ, Индіи и другихъ странахъ**). У иныхъ песьи головы;

*) Эти баснословные рассказы о дивовищахъ внесены въ наши древніе Азбуковники.

**) Изображенія этихъ дивовищъ встрѣчаются какъ въ старопечатныхъ книгахъ Западной Европы, такъ и на миниатюрахъ въ русскихъ народныхъ книгахъ даже до XVIII в.

а иные безъ головъ, а на грудяхъ у нихъ зубы, а на локтяхъ глаза. Иные о двухъ лицахъ и о четырехъ глазахъ, а иные по шести роговъ на головѣ носятъ; у иныхъ по шести перстовъ на рукахъ и ногахъ, а у иныхъ по шести рукъ и ногъ, а у иныхъ по одной рукѣ и ногѣ. А всѣ тѣ люди на вселепную пошли отъ одного человѣка, то есть, отъ Адама, но учинились таковыми за умноженіе грѣховъ своихъ.“

Эти баснословныя представленія составляютъ достояніе всей средневѣковой Европы. Многія изъ чудовищныхъ фигуръ въ скульптурныхъ украшеніяхъ романскихъ и, частію, готическихъ храмовъ объясняются этими представленіями, которыя вмѣстѣ съ Бестиаріями составляютъ какъ-бы особенную мифологію средневѣковаго искусства и поэзіи. Хотя у насъ не развился самостоятельный романскій стиль въ разнообразномъ сочетаніи чудовищныхъ и символическихъ представленій въ такомъ богатствѣ формъ, какъ на Западѣ, но все-же кое-гдѣ встрѣчаемъ мы въ прилѣпахъ, или стѣнныхъ барельефахъ, а также и въ барельефахъ металлическихъ на вратахъ—то символическую птицу съ человѣческимъ лицомъ, то центавра, то даже Китовраса*). Что художники и у насъ чувствовали потребность въ изученіи символики природы, это видно изъ того, что въ 1384 г. какой то Димитрій Зоографъ (то есть, живописецъ) съ греческаго перевелъ на русскій языкъ сочиненіе Георгія Писиды (жилъ въ половинѣ VII в.) подъ названіемъ „Похвала Творцу міра.“ Сочиненіе это, писанное въ подлинникѣ стихами, содержитъ въ себѣ много фантастическаго и баснословнаго въ описаніи животныхъ, но согрѣто вѣрующимъ чувствомъ къ Творцу, къ прославленію котораго направлено.

Въ заключеніе о чудовищныхъ животныхъ и людяхъ привожу одну въ высшей степени фантастическую Повѣсть о Сивильскомъ царствѣ**).

„Межь Юга и Запада, за Нилою рѣкою, за Палитарскою землею, есть гора, имя ей скала, черезъ которую нельзя пройти ни одному человѣку: такъ она высока. Сквозь нея есть пещера, а ити

*) На Дмитровскомъ Соборѣ во Владимірѣ, на Корсунскихъ вратахъ, въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, и другихъ.

***) По сборнику Синодальной Библіотеки XVII в., № 850.

ею 40 дней со свѣчами. Пропедши пещеру ту, увидятъ свѣтъ неизреченный. Земля же та равна. Нѣтъ на пей ни горъ, ни раздолій. Только много на ней различнаго винограду. Золота тамъ очень много и всякаго драгоцѣннаго каменія. А живутъ въ горѣ той въ пещерахъ каменныхъ все дѣвицы пескверніи и безсмертніи, Божіимъ повелѣніемъ и ихъ умоленіемъ. Одежду на себѣ носятъ золотомъ тканую, только до пояса, а отъ пояса все тѣло ихъ нагое. А по тѣлу ихъ врѣзаны каменья дорогіе, самоцвѣтные. Царствуетъ у нихъ въ той землѣ дѣвица Сивилла, царица нескверна же и безсмертна. А приходятъ къ нимъ изъ разныхъ странъ послы, и приводятъ къ нимъ въ даръ все дѣвочекъ, до 10-ти лѣтъ, или до 12-ти, а старше того годами не приводятъ. И берутъ себѣ за то тѣ послы золота, серебра и драгоцѣннаго каменія, сколько хотятъ. Да и тѣ у нихъ приводимыя дѣвицы безсмертны же бывають Божіимъ повелѣніемъ, какъ скоро тѣхъ дѣвиць водою измоютъ; а измывъ водою, по тѣлу рѣжутъ бритвами и вставляють въ тѣ раны каменіе многоцѣнное. А болѣзни тѣ дѣвицы никакой на себѣ не имѣють: тотчасъ же рана и заживаетъ. А пословъ тѣхъ учатъ дѣвицы небесному движенію и земному коловрату“ (то есть, астрологіи?).

Итакъ, вмѣсто настоящаго христіанскаго просвѣщенія во всей чистотѣ его, мы встрѣчаемъ въ древней Руси ту же чудовищную смѣсь суевѣрія съ истиною, нелѣпыхъ понятій и представленій съ христіанскими именами, какую представляетъ намъ средневѣковая поэзія Запада. Только на Западѣ эти нелѣпости рано были поняты, какъ поэтическія созданія фантазіи, и въ художественной формѣ стиха или барельефа оцѣнены были по достоинству въ ихъ художественномъ или поэтическомъ значеніи: между тѣмъ, какъ у насъ онѣ облечены были торжественностью книжнаго ученія, составляя часть Палей или Хронографа, къ которымъ читатель обращался только за назиданіемъ и поученіемъ.

Впрочемъ, надобно сказать правду, что Хронографъ, какъ историческое руководство, былъ отличною книгою для образованія древней Руси. Не взирая на указанныя мною басни, читатель находилъ въ немъ множество для себя полезнаго. Это самая полная всемірная исторія для грамотнаго человѣка среднихъ вѣковъ. Послѣ исторіи еврейскаго народа тутъ находилъ онъ исторію Греціи и Рима, пер-

выхъ вѣковъ христіанства, Западной Римской имперіи, наконецъ. Византіи съ особенною подробностію. Къ этому присовокуплены, гдѣ слѣдуетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, сказанія о св. мученикахъ, о знаменитыхъ отшельникахъ и основателяхъ монастырей, о знаменитыхъ чудесахъ, о вселенскихъ соборахъ и т. п. Если возьмемъ въ соображеніе, какъ еще недавно привилось въ новѣйшее время дѣльное изученіе всеобщей исторіи въ нашихъ университетахъ, если припомнимъ, что лѣтъ двадцать пять тому назадъ, даже въ лучшихъ университетахъ русскихъ читалась она кое-какъ, то еще болѣе выиграетъ въ нашихъ глазахъ древнерусскій Хронографъ, перешедшій къ намъ изъ Византіи черезъ Болгарію. Еще доселѣ ни въ одномъ университетѣ русскомъ не читается подробнаго и основательнаго курса Византійской исторіи, столь необходимой для познанія русской старины,—между тѣмъ, какъ наши грамотные предки въ Хронографѣ имѣли для своего времени очень подробное изложеніе исторіи Византійской.

Еще одно соображеніе. Только двадцать лѣтъ тому назадъ стали въ нашихъ университетахъ преподавать этнографію и исторію славянскихъ племенъ; а въ изложеніи всеобщей исторіи и до сихъ поръ еще не умѣютъ связать западную исторію съ исторіею Болгаръ, Сербовъ и другихъ славянъ въ одно органическое цѣлое (что необходимо для всякаго русскаго образованнаго человѣка). Между тѣмъ, Хронографъ, съ малыми своими средствами и съ наивными приѣмами средневѣковаго лѣтописца, предлагаетъ намъ въ общемъ обзорѣни всемірной исторіи и судьбы славянскихъ народовъ, и особенно Болгаръ и Сербовъ: такъ что въ хронологическое обзорѣніе Византійской имперіи, гдѣ слѣдуетъ, съ IX в. постоянно вставляются событія изъ исторіи Болгаріи и Сербіи. Лѣтопись Нестора органически развилась изъ Хронографа, которымъ нашъ лѣтописецъ и начинается, примыкая исторію Руси къ хронологіи византійской. Потомъ, гдѣ слѣдуетъ, стали вставляться въ Хронографъ и событія русскія.

Конечно, немного было въ древней Руси читателей, но тѣ, которые могли читать Хронографъ, знали многое, чего не слѣдуетъ забывать и новѣйшимъ русскимъ ученымъ.

Л Е К Ц И Я 42-я.

Читана 7-го мая 1860 года.

Самое видное мѣсто между эпизодами литературнаго содержанія въ нашихъ Хронографахъ занимають два повѣствованія: о взятіи Трои и объ Александрѣ Македонскомъ. Эти повѣствованія были очень распространены въ народѣ.

Мы уже знаемъ, что еще въ X вѣкѣ, въ Хронографѣ, переведенномъ для Болгарскаго царя Симеона, была помѣщена повѣсть о Троѣ. Повѣсть эта съ различными видоизмѣненіями въ редакціяхъ постоянно встрѣчается въ позднѣйшихъ спискахъ Хронографовъ. Любопытнѣе всѣхъ редакція, помѣщенная въ моемъ Хронографѣ XVI в.*), подъ заглавіемъ: Повѣсть о созданіи и поплѣненіи Тройскомъ и о конечномъ разореніи, еже бысть при Давидѣ царѣ Иудейстѣмъ**). Царь Пріамъ велитъ женѣ своей Екамѣ (т. е., Гекубѣ)***) предать смерти новорожденнаго сына, о которомъ пророчили ему злое. Но царица Екама, пощадивъ жизнь дитяти, велѣла повергнуть его вдали отъ города, гдѣ пастырь овчій нашолъ и воспиталъ ребенка и назвалъ его Фарижъ (т. е., Парисъ) Пастыревичъ. „И егда возрасте Фарижъ съ добрыми витязи, сирѣчь, съ дѣтьми боярскими, и преодолѣваше ихъ во всякой игрѣ и прободѣ за щитомъ единого витязя. И въ то время бракъ творяше Велешъ царь и призва всѣхъ бояръ своихъ и боярыни и Фарижа Пастыревича. И придоша на оно веселіе три жены, иже и *пророчицы* нарицаху (т. е., Юнона, Миперва и Венера), и едину не позваща, яко свадлива (т. е., сварлива, бранчива) бѣ: она же за оно незваніе помышляше, како бы сваду сотворити (т. е., вражду, брань). И сотвори яблоко злато; и написа на немъ: которая отъ трехъ тѣхъ женъ и пророчиць благообразѣйши, да будетъ той сіе златое яблоко. И повелѣ яблоко вверца въ вертоградъ, его же обрѣтоша три оны жены, и прочетше молаху Фарижа Пастыревича кояждо ихъ, да присудитъ ей яблоко. Послѣди же третія рече: присуди миѣ

*) Она же и въ новѣйшемъ спискѣ, сдѣланномъ для графа Румянцова. Въ его Музеѣ, подъ № 454.

**) Глава 106, листъ 211.

***) Иначе Якама.

сіе яблоко, и повѣждь мене добрѣйшу тѣхъ, да ти дамъ Елену царицу, Менелая царя Греческаго, иже бысть всѣхъ насъ и греческихъ женъ добрѣйши (т. е., прекраснѣйшая): и дамъ ти имя ново, и будетъ имя твое Александръ Фарижъ, и да ти повѣмъ, отца и матери: нѣси бо ты того старца сынъ, но отецъ ти есть Пріамъ царь, а мати Екама царица. И присуди Венуши*) госпожи яблоко. И слышавъ отъ нея сіе возвеселися зѣло.“ Въ такомъ же видѣ, совершенно отличномъ отъ поэмы Гомера, рассказывается вся повѣсть съ замѣчательными искаженіями въ собственныхъ именахъ. Миѳологическія понятія чрезвычайно спутаны: то *пророчицами* и *госпожами* называются богини, то *дьяволами* греческіе боги. Такъ, два діавола земленіи помогаютъ Пріаму строить городъ: одинъ по имени Тебушь (Phoebus, Фебъ, Аполлонъ), другой Нептенабушь (Neptunus). Особенно замѣчательно то, что нѣкоторыя имена замѣнены славянскими (и можетъ быть миѳологическими, подъ которыми скрыты славянскіе миѳы). Діана названа Велешкою (отъ Велесъ или Волосъ?) Ифигенія—Цвѣтанюю. „Нѣкая жена именемъ Велѣша, ея же пророчицу нарицаху, иже обладаше волшебствомъ, морскими волнами; у нея же убиша копуту (лань) бояре Агамена (т. е., Агамемнона) царя, и сего ради разгнѣвася и пусти морское волненіе, да погубить вся корабли греческіе... И вопросы Колкаша попа (т. е., жреца); онъ же повѣда имъ: яко копуты ради хочеть васъ потопити пророчица, и глаголетъ, яко аще не дастъ Агамень царь мнѣ своєю дщери Цвѣтаны, не имамъ ихъ пустити. Царь же Агамень оскорбися зѣло, и не хотя дастъ свою дщерь Цвѣтану, и устави бурю, и придоша подъ Трой.“

Не смотря на то, что повѣсть эта не передавала нашимъ предкамъ богатаго поэтическаго содержанія Иліады, а только способствовала къ умноженію суевѣрій и ложныхъ понятій, все же имя Гомера было имъ извѣстно. Въ концѣ повѣсти сказано: „написа же повѣсть о Тройскомъ плѣненіи творецъ Омиръ.“

Повѣсть о Трой, внесенная въ наши Хронографы, есть не что иное, какъ прозаическая передѣлка поэмы, составленная въ Греціи. и потомъ распространенная въ латинскомъ переложеніи по всему средневѣковому Западу. Впослѣдствіи, съ XVII в. появилась на Руси

*) Латинск. Venus. Очевидно вліяніе латинской редакціи.

другая редакція Трои, перешедшая къ намъ уже прямо съ Запада. Она была составлена на латинскомъ языкѣ Гвидономъ Мессинскимъ*) во второй половинѣ XIII в., и вскорѣ потомъ была переведена на итальянскій языкъ, а немного послѣ на французскій, нѣмецкій. Въ средніе вѣка вообще мало уважали Гомера; потому и Гвидонъ не хотѣлъ имъ пользоваться, на томъ основаніи, что онъ скрывалъ настоящую истину событія, выдумывая, чего не было, и рассказывая иначе то, что было: потому что, продолжаетъ Гвидонъ, Гомеръ вводитъ языческихъ боговъ, которые будто бы сражались въ битвахъ, какъ настоящіе люди; однимъ словомъ, средневѣковой писатель не понималъ высокой поэзіи Гомера, и, осуждая его какъ историка, пользовался для своего сочиненія тѣми прозаическими, сухими и грубыми источниками, которыми обязана своимъ происхожденіемъ и въ нашихъ древнихъ Хронографахъ повѣсть о Трой**). Хотя все эпическое сглажено у Гвидона въ прозаическомъ разсказѣ историческаго характера, однако, какъ писатель времянь рыцарскихъ, онъ придавъ своей мнимой исторіи колоритъ романтической. Ахиллесъ и Гекторъ изображены средневѣковыми рыцарями, а дворець Цріама въ видѣ средневѣковаго феодальнаго замка.

Свой историческій разсказъ онъ постоянно снабжаетъ нравственными разсужденіями, то о легкомысліи женщинъ и вѣтренности молодежи, то объ испорченности жрецовъ и т. п. Бѣдственная судьба Трои имѣла, по его мнѣнію, благотворныя слѣдствія, потому что отдаленныя страны Европы были заселены троянскими выходцами. Брутъ отправился въ Британію, Франкъ во Францію, Антеноръ въ Венецію, Сикуть въ Сицилію, Эней въ Италію и проч. Впрочемъ, писатели среднѣковаго Запада пошли еще далѣе Гвидо де Колумна. Одинъ нѣмецкій поэтъ XIII в. (Конрадъ Вюрцбургскій) увѣряетъ, что подъ Тройю выставили свои войска также Венгрія, Россія, Данія, Англія, Норвегія, Испанія и другія страны, а нѣмецкіе рыцари, какъ и слѣдуетъ ожидать, одержали тамъ верхъ надъ всѣми другими.

Троянская исторія Гвидо де Колумна очень распространена была у насъ на Руси въ XVII в., когда, вѣроятно, и была переве-

*) Гвидо де Колумна или Колонна, 1262—1272 г.

***) Подробности объ этомъ въ соч. Шырина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. 1857 г. Въ Запискахъ Академіи Наукъ. Стр. 57.

дена, а при Петрѣ Великомъ въ 1709 г. была напечатана подъ заглавіемъ: Исторія, въ ней же пишеть о разореніи града Трои Фригійскаго царства, и о созданіи его, и о великихъ ополчительныхъ бранехъ, како ратовашася о ней царіе и князи вселенныя, и чего ради толико и таковое царство Троянскихъ державцовъ низвержеся, и въ поле заустенія положися всеконечнымъ заустеніемъ и проч. Значительное число изданій этой книги у насъ въ теченіе XVIII в. и даже въ первой четверти XIX-го достаточно говоритъ въ пользу ея популярности на Руси.

Еще болѣе распространена была въ средніе вѣка и у насъ, и на Западѣ баснословная исторія объ Александрѣ Македонскомъ, или, такъ называемая, Александрія, сдѣлавшаяся источникомъ множества поэтическихъ сказаній и романовъ объ этомъ великомъ завоевателѣ*). Исторія объ Александрѣ Македонскомъ была въ средніе вѣка и на Востокѣ, и на Западѣ любимую народною книгою, что объясняется занимательною личностью героя и поэтическимъ колоритомъ, приданнымъ повѣствованію о его чудесныхъ подвигахъ. Далекіе походы Александра, слава и важное значеніе его завоеваній оставили въ воображеніи народовъ неизгладимое впечатлѣніе. На Востокѣ онъ не забытъ въ устахъ народа и доселѣ; въ средніе вѣка на Западѣ онъ увлекалъ своимъ рыцарскимъ характеромъ, своею неутолимою жаждою къ познанію всего тайнаго и далекаго, своею пытливостью и стремленіемъ къ открытіямъ въ отдаленныхъ земляхъ Восточныхъ. Въ немъ видѣли какъ бы предшественника тѣмъ искателямъ приключеній, которые толпами ходили на Востокъ въ эпоху Крестовыхъ походовъ.

Сказочная исторія называетъ отцомъ Александра не Филиппа, а Египетскаго царя Нектанеба. Этотъ царь обладалъ волшебными знаніями, помощію которыхъ легко побѣждалъ враговъ. Однажды, когда угрожала ему такая опасность, противъ которой были тщетны его вѣщія средства, онъ рѣшился искать спасенія въ дальнихъ странахъ. Долго ожидавшіе своего царя египтяне получили отъ оракула слѣдующій отвѣтъ: „Скрывшійся царь придетъ въ Египетъ, только не старцемъ, а юношею, и побѣдитъ враговъ Египта—персовъ.“ Между тѣмъ Нектанебъ, поселившись въ Македоніи, своею мудростью снискалъ себѣ славу, и тогда то отъ Олимпіады, дочери Эѳіопскаго

*) См. при Пышина то же сочиненіе, стр. 25.

царя, родился у него сынъ Александръ. Уже въ ранней молодости своей Александръ предпринялъ походъ противъ персовъ. Узнавъ о предпріятіи Александра, Дарій Персидскій отправляетъ къ нему высокоумныя письма, и съ ними игрушки, которыми Александру будто всего приличнѣе заниматься, какъ ребенку. Рѣшительно отвѣчаетъ Александръ на эти обиды и вступаетъ съ Даріемъ въ битву. Побѣдивъ Дарія и женившись на его дочери Роксанѣ, Александръ предпринимаетъ походъ въ Индію противъ Пора, который встрѣчаетъ Александра со львами и слонами. Но Македонскій герой побѣждаетъ и его и садится на его престоль.

Въ походѣ противъ Пора Александръ встрѣчаетъ на пути множество удивительныхъ вещей. Разсказъ объ этомъ походѣ есть не что иное, какъ рядъ самыхъ фантастическихъ повѣствованій о различныхъ чудесахъ природы, о необычайныхъ животныхъ и уродливыхъ народахъ или дивовищахъ. Причиною этого похода становится уже не завоеваніе, а непреодолима любознательность. Забывая войну, Македонскій герой старается проникнуть все таинственное въ природѣ. На пути встрѣчаются ему люди съ собачьими головами, люди съ птичьими головами, безголовые съ глазами и ртомъ на груди, одноногіе, одноглазые, великаны, пигмеи и т. п. То проходитъ онъ страну, гдѣ войско его мучится отъ жестокаго зноя, то теряетъ дорогу отъ непроницаемаго мрака и идетъ въ это время по землѣ, покрытой драгоценными каменьями, то встрѣчаетъ непроходимый ровъ и строитъ черезъ него желѣзный сводъ. Онъ отправляется даже въ воздушное путешествіе на грифахъ, прислушивается къ говору птицъ, которыхъ спрашиваетъ объ ихъ жизни, законахъ и обычаяхъ; опускается въ глубину моря, чтобъ извѣдать его внутренность, и рыбы толпами стекаются къ великому герою. Онъ приходитъ къ Солнечному городу (Геліополь), откуда солнце восходитъ, встрѣчаетъ ужасные нечистые народы, и чтобъ избавить отъ нихъ міръ, запираетъ ихъ камнемъ сунклитомъ въ горахъ сѣверныхъ, откуда имъ нѣтъ исхода: „сунклить же такова вещь—никакое желѣзо распилить его не можетъ и огонь не возьметъ его.“ Въ числѣ этихъ народовъ, по преданію древней Руси, были и тагары. Послѣ того въ одномъ озерѣ велѣлъ Александръ поймать рыбу, въ которой нанли камень свѣтеть, какъ солнце сіяетъ въ нощи. Потомъ сра-

жался онъ съ чудными людьми: „горѣ чловѣкъ, долу конь, иже нарицахуси исполины.“ Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ эти чудовища названы полканами, какъ они называются вообще и въ лубочныхъ картинкахъ. Встрѣтилъ онъ и царство Амазонокъ и послалъ имъ вмѣсто себя въ правители копье. Услышавъ о говорящихъ деревьяхъ, онъ послѣшилъ къ нимъ спросить ихъ о будущемъ. Деревья предсказали ему, что онъ умретъ въ Вавилонѣ и не оставитъ по себѣ дѣтей.

Одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ Александрии—это о Рахманахъ (т. е., Врахманахъ, или Брахманахъ), которыхъ посѣтилъ Александръ*). Отправляясь въ ихъ страну, Македонскій герой видѣлъ много чудеснаго. Сначала видѣлъ онъ страну, гдѣ родится перецъ. „Въ одномъ мѣстѣ въ Индіи живутъ люди малыя и худосильныя. Живутъ они въ каменныхъ пещерахъ, окруженныхъ высокими стѣнами, по которымъ тѣ люди лазятъ. И растутъ тамъ деревца малыя, на которыхъ рождается перецъ. Когда перецъ созрѣетъ, испекается отъ солнца. Тогда люди тѣ, вышедши изъ пещеръ, раскладываютъ солому и хворостъ и жгутъ ихъ. А земли ихъ полна змѣевъ и всякаго гаду; отъ того огня весь гадъ скрывается въ ямы. Тогда зажигаютъ тѣ люди огонь и на ямахъ, и отъ огня и отъ дыму весь гадъ подохнетъ. Тогда всѣ тѣ жители—мужи, жены и дѣти отрясаютъ деревья, собираютъ перецъ и уносятъ его въ пещеры. И ничего другаго тѣ люди не дѣлаютъ, но перцемъ все покупаютъ. Измаильяне возятъ къ нимъ пшеницу и промѣниваютъ на перецъ. А люди тѣ низки ростомъ и съ огромными головами, волоса имѣютъ великія и не стригутъ ихъ; цари же ихъ служатъ Индійскому царю. Сквозь же ту землю идетъ рѣка, нарицаемая Индось, и однажды въ годъ покрываетъ всю ту землю. Въ рѣкѣ той берутъ камень измарагдъ и самфиръ и карвункулосъ. То есть господиень всѣмъ камнямъ: въ ночи свѣтитъ. И топазій есть камень: то есть гнѣздо карвункулосу. Топазій жолтъ, а въ немъ ядро червленное, будто уголь горящій: онъ то и свѣтитъ въ ночи. Есть и другіе многіе камни дорогіе и бисеръ. Оттуда вополь Александръ въ великій островъ Прованскій. Въ томъ островѣ живетъ великій царь Индійскій, которому подвластны всѣ прочіе владѣтели. И принадлежатъ къ тому острову до тысячи другихъ острововъ. Никто туда

*) По Хронографамъ XVI-го в.

входить не можетъ, потому что тамъ желѣзная мѣтаца (т. е., магнитъ), которая желѣзо привлекаетъ къ себѣ. Потому корабли дѣлаются тамъ съ деревянными гвоздями. На томъ острову пять рѣкъ, и никогда не бываетъ онъ безъ овощей. Въ одно и то же время одинъ цвѣтетъ, другой растетъ, тотъ зрѣетъ, а тотъ мякнетъ. Есть тамъ и финики и орѣхи великіе индійскіе, какъ дыни; дорогіе камни и жемчугъ, и бисеръ, и золото; и нѣтъ тамъ убогихъ, всѣ богаты; есть тамъ и птицы райскія. А люди живутъ лѣтъ по ступятидесяти... Тамъ исходитъ изъ Едема рѣка едина и раздѣляется на четыре начала: Фисонъ, Ниль, Тигръ и Евфратъ... Въ пустыняхъ же водится много слоновъ: а ловятъ ихъ такъ: имѣетъ слонъ ноги несгибающіяся, и спитъ у дерева прислонясь. Ловцы, усмотрѣвъ слона, подпиливаютъ дерево пилою: тогда слонъ упадетъ и не можетъ встать, и такъ его ловятъ. И инныя многія мѣста проходилъ Александръ и видѣлъ различныхъ людей и животныхъ. И видѣлъ горы, изъ которыхъ многими мѣстами исходитъ огонь. Въ томъ огнѣ рождаются и живутъ черви, именуемые саламандры. Тѣ черви источаютъ нити, какъ шолкъ; изъ тѣхъ нитей жены ткуть полотно и готовятъ одежды. Когда одежды загрязнятся, ихъ не моютъ, а бросаютъ въ огонь, и вынимаютъ изъ него чистыми... И помышляя идти Александръ къ Рахманамъ, слышавши о житіи ихъ... Рахмане, узнавъ, что пришолъ къ нимъ Александръ, послали къ нему писаніе: „Если идешь съ нами биться, то ничего у насъ не найдешь. Мы человѣки нагіе и ничего не имѣемъ, но въ любоумудріи обыкли жить, сотворены отъ Вышняго Промысла.“ Александръ, прочитавъ писаніе, умилился и, перешедши рѣку Гангисъ, вошолъ въ ихъ страну. И видѣлъ дерева прекрасныя во множествѣ, всякими плодами украшены. Рѣка обходила всю ихъ землю; а вода въ ней сладка, и свѣтла, и бѣла, будто молоко. И росли финики многіе и очень плодовые, и виноградныя лозы, изъ которыхъ на каждой до тысячи гроздій. Сами же Рахмане обнаженные, живутъ въ куцахъ и вертепахъ, мужья по одну сторону рѣки Гангиса, а жены съ дѣтьми по другую, будто стада на паствѣ. Видятся же они между собою, переходя рѣку, въ іулѣ и августѣ въ теченіе 40 дней.—Удивлялся Александръ и спрашивалъ ихъ: „есть ли у васъ города?“ Они же отвѣчали: „вотъ нашъ городъ: здѣсь отдыхаемъ“

мы на землѣ, здѣсь пріемлемъ сонъ; потому что земля насъ рождаетъ, земля питаетъ, въ землю же и ляжемъ мы по скончаніи, въ чаяніи воскресенія отъ Горняго Промысла.“ И спросилъ ихъ Александръ: „что есть премудрость?“ Они же отвѣчали: „обаче нѣсть премудрость, еже убивати человѣка, по разбойническо дѣлю; мужество же есть не человѣку противиться, но воздуху обнаженными тѣломъ, удерживаться отъ похотей чрева и не бытъ побѣждену отъ него страстями; не желать славы и богатства тлѣннаго. Вотъ что побѣди, Александръ! вотъ что убей! И если все это побѣдишь, нѣтъ тебѣ нужды со внѣшними врагами бороться. Если внутренними врагами побѣждаемъ бываешь, нѣтъ тебѣ пользы внѣшнихъ побѣждать. Вотъ мы, Рахмане, внутреннія рати побѣдивши, со внѣшними не боримся. Листіемъ облачаемся, плоды ѣдимъ, воду пьемъ, и Богу славу восіѣвасмъ, желалъ будущихъ благъ; мало говоримъ, много смыслимъ. У васъ умъ языкъ есть и при устахъ смыслъ. Золото и серебро собираете; дома и великіе города имѣете. Ыдите и пьете, какъ скоты нечистые, и великихъ звѣрей гнѣвъ имѣете.“ Послѣ того Александръ, умиленный мудростію Рахмановъ, свидѣлся съ ихъ старѣйшиною и въ продолжительной бесѣдѣ многому отъ него научился. Нужно ли говорить о томъ, что въ премудрыхъ Рахманахъ средневѣковому читателю видѣлся образъ отшельниковъ и въ идиллической простотѣ ихъ жизни чувствовалась мечтательная прелесть аскетическаго удаленія отъ суеты міра сего?

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе Александріи, въ высшей степени заманчивое для простодушныхъ читателей среднихъ вѣковъ. Какъ на Западѣ этотъ интересный предметъ былъ неоднократно обрабатываемъ въ стихотворной формѣ, и по французски, и по испански, и по нѣмецки, такъ и у насъ въ XVII в. ходили въ народѣ отдѣльныя довольно обширныя повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ и украшались миниатюрами*). Какъ глубоко вошли въ народную жизнь русскую нѣкоторые изъ эпизодовъ Александріи, можно видѣть изъ того, что въ южной (Галицкой) Руси и доселѣ сохранились пословицы о Рахманахъ: „постимся, какъ Рахмане,“ „На Рахманскій великъ день.“

*) Особенно замѣчательна рукопись Александріи съ миниатюрами, XVII в. въ собраніи г. Забѣлина.

Л Е К Ц І Я 43-я.

Читана 10-го мая 1860 г.

Александрія подверглась той же судьбѣ и на Западѣ и у насъ, какая постигла и всѣ прочіе литературные источники, общіе всѣмъ средневѣковымъ народамъ. Между тѣмъ какъ на Западѣ давала она разнообразное содержаніе для самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ свѣжимъ воодушевленіемъ, у насъ отъ X-го и до XVII-го в. оставалась сырымъ матеріаломъ, котораго не коснулось народное творчество, и который только болѣе и болѣе распространялся въ народѣ, по мѣрѣ того какъ въ теченіе столѣтій увеличивалось на Руси число людей грамотныхъ. Дѣйствіе этой повѣсти на русскую жизнь было внѣшнее, состоявшее въ постепенномъ распространѣніи ея въ народѣ, а не внутреннее, которое оцѣнивается самостоятельными творческими произведеніями, претворяющими чужой матеріалъ въ собственную плоть и кровь національнаго организма.

Вслѣдствіе тѣхъ же производительныхъ причинъ, по которымъ апокрифическіе рассказы объ Адамѣ и Еввѣ, или о Ноѣ обрабатывались на Западѣ въ художественной формѣ мистерій, или притчи изъ исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ давали содержаніе рѣзвымъ и замысловатымъ новелламъ,—и Александрія изъ прозаическаго рассказа о различныхъ диковинныхъ вещахъ и чудесахъ претворилась подъ перомъ поэтовъ французскихъ, испанскихъ, нѣмецкихъ въ прекрасную средневѣковую поэму, исполненную самыхъ свѣжихъ поэтическихъ мотивовъ *).

Не говори уже о плодотворныхъ поэтическихъ силахъ, воспитанныхъ нѣмецкимъ эпосомъ еще со временъ язычества, не говори о городской образованности, возникшей на преданіяхъ классическаго Рима, много способствовала раннимъ успѣхамъ западной литературы сообщительность между народами. Поэты нѣмецкіе заимствовали сюжеты для своихъ произведеній у французскихъ уже въ XII в., и, нисколько не стѣсняя себя заимствованнымъ содержаніемъ, свободно видоизмѣняли его, руководствуясь единственно своимъ поэтическимъ творчествомъ. Въ то время, какъ у насъ безыменный авторъ со-

*) Уже въ XI и XII в.

ставилъ знаменитое Слово о полку Игоревѣ, нѣкоторый нѣмецкій священникъ съ низовьевъ Рейна, по имени Лампрехтъ, передѣлалъ на нѣмецкій ладъ французскую поэму объ Александрѣ Великомъ, написанную какимъ то Альберихомъ Безансонскимъ (Aubry de Besançon).

Въ эту поэму вошли всѣ тѣ матеріалы, которые въ сыромъ видѣ читались нашими предками въ хронографахъ и потомъ въ отдѣльныхъ, болѣе подробныхъ редакціяхъ. Но матеріалы эти получили новый, поэтический колоритъ и были освѣжены новыми интересными подробностями. Любимый въ средніе вѣка Македонскій герой является образцомъ рыцарскихъ доблестей. Сочувствіе къ нему поэта-священника объясняется именно тѣмъ, что въ средніе вѣка этотъ герой представлялся даже очищеннымъ отъ языческихъ заблужденій, хотя, по самому времени, когда онъ жилъ, и не могъ еще быть христіаниномъ. По убѣжденію Лампрехта, Александръ Македонскій былъ самый великій изъ царей на землѣ, за исключеніемъ Соломона, съ которымъ онъ не можетъ равняться потому только, что былъ изычникъ. Самое рожденіе героя было ознаменовано необычайными явленіями природы: потряслась земля и солнце потеряло на время свой блескъ. Ребенокъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и когда минуло ему только три дня, былъ таковъ, какими не бывають дѣти даже трехъ мѣсяцевъ. Когда что раздражало его, онъ взглядывалъ, какъ волкъ, стерегущій свою добычу. Красныя космы его волосъ казались львиною гривой; одинъ его глазъ былъ черный, а другой голубой, какъ у дракона. Все возвѣщало въ немъ будущаго героя.

У него были самые мудрые наставники. Наивный поэтъ даетъ ему воспитаніе княжескихъ дѣтей своей эпохи. Будто бы одинъ наставникъ училъ Александра языкамъ латинскому и греческому и письму на пергаментѣ, другой—музыкѣ и пѣнью, третій—счисленію, Аристотель—звѣздному теченію*), пятый—военному искусству и рыцарскимъ потѣхамъ, наконецъ шестой—суду и расправѣ.

Въ своихъ воинскихъ подвигахъ герой отличается не только необычайной храбростью, но и благородствомъ и великодушіемъ. Когда Александръ взялъ въ плѣнъ мать, жену и дѣтей Дарія, къ нему явился одинъ изъ персидскихъ князей и предложилъ ему из-

*) Тайная Тайныхъ Аристотеля была у насъ извѣстна въ XVI в.

мѣною захватить самого Персидскаго царя и какъ плѣнника выдать Александру. Съ презрѣніемъ отвѣчалъ ему Македонскій герой: „мой подданные не нуждаются въ твоей помощи, потому что безъ всякой необходимости предаешь ты своихъ повелителей, которые оказывали тебѣ милости. Ступай же, обезславленный, къ своему господину и помогай ему защищать отъ враговъ его землю. Не заслуживаешь ты довѣрія ни мужчины, ни женщины.“ Между тѣмъ Дарій письменно изъявлялъ Александру благодарность за то, что онъ кротко обращается съ плѣнною его фамиліею. Александръ ему отвѣчалъ на то: „благовари мою мать за все то, что я сдѣлалъ для твоей супруги, потому что изъ любви къ моей матери я готовъ предлагать свои услуги всѣмъ дамамъ*). Стало быть, за это я не хочу отъ тебѣ никакой награды.“

Сраженіе Александра въ Индіи со слонами напоминаетъ намъ польскаго Крака, который погубилъ змія начиненными горючимъ веществомъ быками, или кievскаго Кирилла Кожемяку, который обмотавшись коноплею съ сѣрою воспламенилъ утробу днѣпровскаго чудовища. Нравъ слоновъ будто бы такой, когда они кого лизнутъ своимъ языкомъ, тотъ мгновенно умираетъ. Александръ велѣлъ надѣлать мѣдныхъ чучель въ видѣ воиновъ и наполнить ихъ греческимъ огнемъ. Только что слоны бросились къ нимъ и стали ихъ лизать, тотчасъ же пережгли свои языки и, опрометью пустившись назадъ, разстроили всѣ индійскія войска.

Покоривъ индійское войско, Александръ отправляется въ страну Брахмановъ, или, какъ у насъ, Рахмановъ. Столкновеніе тревожныхъ идей цивилизаціи съ этими самодовольными бѣдняками, не знающими городовъ и стоящими внѣ всякихъ условій гражданственности—эта любимая мысль поэтовъ всѣхъ временъ не могла не остановить на себѣ вниманія нашего автора, который, какъ мы увидимъ, не смотря на свою симпатію къ независимому образу мыслей пустынножителей, все же во имя цивилизаціи рѣшился принести въ жертву уснѣхамъ жизни дѣйствительной, исторической—неподвижную идиллію самодовольнаго пустынножителства. Точно такъ же, какъ въ нашей Александріи, Брахманы нѣмецкаго священника смущаютъ великаго завоевателя своими простыми вопросами: „Не за тѣмъ ли пришолъ ты

*) Рыцарское служеніе дамамъ.

въ нашу землю, чтобъ жечь грабить и убивать? Не велика будетъ тебѣ отъ того слава! О чемъ ты хлопочешь, Македонскій герой? Нечего взять тебѣ у насъ; нѣтъ у насъ ни щитовъ, ни мечей. Напрасно пришолъ ты сюда! воротись лучше назадъ.“ Разсмотрѣвъ съ удивленіемъ ихъ образъ жизни, Александръ предлагаетъ имъ, чтобъ они просили у него какой хотятъ милости. Брахманы просятъ, чтобъ онъ далъ имъ безсмертіе. Съ гнѣвомъ отвѣчаетъ имъ на то завоеватель, что онъ, какъ человѣкъ, не можетъ исполнить ихъ необычайной просьбы.— „Зачѣмъ-же ты, будучи человѣкомъ, производишь такіе на землѣ перевороты? Укротись же! Всякому дѣлу должна быть своя мѣра“,—возразилъ па то Александру одинъ изъ пустынныхъ философовъ. Тогда то герой изрекъ тѣ замѣчательныя слова, которыя поражаютъ глубиною историческаго смысла, неукротимою жаждою бодрой дѣятельности на пути историческаго развитія:

„Дѣла, которыя мы совершаемъ,—отвѣтствовали великій завоеватель,—опредѣлены на нашу долю Выспимъ Промыслomъ. Къ чему мы предназначены, должны мы исполнить. Чтo мутитъ море, какъ не вѣтры? И въ ужасѣ плывутъ на немъ корабельщики! Покаместъ я живу на свѣтѣ и владѣю своими чувствами, хочу я дѣлать то, чтo мнѣ кажется хорошимъ. Къ чему была бы намъ и жизнь, еслибы всѣ думали такъ, какъ думаете вы!“

Нельзя, кажется, въ бoльшей простотѣ и энергіи представить эту роковую дѣятельность великаго человѣка, который, какъ вихрь на морѣ, воздвигаетъ бури въ судьбахъ человѣчества и, наводя страхъ и трепетъ на пловцовъ, все стремится впередъ, пока не исполнитъ своего назначенія. Въ этомъ роковомъ историческомъ стремленіи читателямъ западной Александріи чувствовались не только фанатическіе походы крестоносцевъ, но и тѣ неистовыя полчища, которыя мчатся въ облакахъ вслѣдъ за Одиномъ, этимъ воинственнымъ идеаломъ воинственныхъ племенъ, давшихъ новый видъ исторіи всего человѣчества.

О чудесахъ Индіи въ средніе вѣка ходило письмо, будто бы писанное Александромъ къ его матери и Аристотелю. Западная Александрія усвоила себѣ именно форму этого письма въ описаніи всѣхъ чудесъ и дивовищъ, какія Александръ съ своимъ войскомъ встрѣчалъ въ Индіи. Чтобъ показать, сколько увлекательны были эти описанія для средневѣковыхъ читателей, въ самостоятельной

передѣлкѣ даровитыхъ поэтовъ, обращаю вниманіе на эпизодъ о дѣвахъ—цвѣтахъ, въ которомъ миѳическія преданія о нѣмецкихъ эльфахъ и о нашихъ вилахъ и русалкахъ (конечно по доисторическому сродству) получаютъ необыкновенно игривый характеръ въ этой таинственной обстановкѣ фантастическаго Востока. „Когда мы шли вдоль моря,—писалъ Александръ своей матери и наставнику,—отправился я съ тремя тысячами воиновъ взглянуть на одно чудо. Вдали увидѣли мы прекрасную рощу, и когда мы вошли въ нее, услышали необыкновенно пріятные звуки, раздавалось прекрасное пѣніе, сопровождаемое арфами и лирами. Роща примыкала къ зеленому лугу, орошаемому прозрачными и прохладными ручейками. Лѣсъ былъ необыкновенно хорошъ, деревья были высоки, вѣтви широки и густы, такъ что солнце не могло проникать сквозь нихъ на землю. Мы сошли съ коней и вступили въ лѣсъ. Долго шли мы, и вдругъ видимъ необычайное чудо: болѣе ста тысячъ прекрасныхъ дѣвицъ играли и рѣзвились на зеленой муравѣ; и пѣли онѣ такія сладкія пѣсни, что всѣ мы, сколько насъ ни было, забыли всѣ свои печали и тяжкіе труды и всякую заботу, какая у кого была на сердцѣ. Если желаете знать, что это такія за дѣвицы, откуда онѣ произошли и какой конецъ ожидаетъ ихъ, слушайте великое чудо. Когда проходитъ зима и наступаетъ лѣто, зазеленѣютъ луга и въ лѣсу покажутся прекрасные цвѣты: такъ и блестятъ они своею красотою, далеко мечутся въ глаза сіяющею бѣлизною и румянцемъ. Красивѣе тѣхъ цвѣтовъ на землѣ уже не бываетъ. Видомъ они круглы, какъ паръ, туго сомкнуты и необыкновенно велики. Когда тѣ цвѣты распускаются, изъ каждаго выходитъ прекрасная дѣвица *). Дѣвицы тѣ ходятъ и живутъ, имѣютъ человѣческій разумъ и говорятъ. Онѣ станомъ статны и лицомъ прекрасны, съ прекрасными глазами. Всегда онѣ веселы и рѣзвы, все смѣются и поютъ такими сладкими голосами, лучше которыхъ человѣкъ никогда не слыхалъ. Эти дѣвицы могутъ жить только въ тѣни. Если на которую падетъ солнечный лучъ, та мгновенно умираетъ **). Итакъ, лѣсъ оглашался

*) Саксонское преданіе о томъ что дѣвицы на деревьяхъ растутъ. Русалки съ травявыми волосами. Вила родится въ рошѣ, на листьяхъ древесныхъ ея колыбель, вѣтеръ ее убаюкиваетъ.

**) Сличн карлика Веснянку, котораго солнце превратило въ камень. Сербскій Троянъ растаялъ отъ солнца. Онъ ѣздилъ только по ночамъ.

сладкимъ пѣніемъ птичекъ и этихъ дѣвиць. Самая одежда на нихъ выросла и, какъ цвѣты, была алая и облоснѣжная.“ Александръ послалъ за всѣмъ своимъ ополченіемъ и всѣхъ воиновъ переженить на этихъ чудныхъ дѣвицахъ. „Но—продолжаетъ онъ въ своемъ письмѣ,— не продолжительно было семейное счастье, не долѣе трехъ мѣсяцевъ и двѣнадцати дней. Цвѣты въ лѣсу стали вянуть, а прекрасныя женщины умирать, деревья теряли свои листья, источники изсыкали и птички переставали пѣть. Тоска цемила мое сердце, невыносимо тошно было смотрѣть, какъ ежедневно умирали прекрасныя женщины и увядали цвѣты, и печально удалился я вмѣстѣ съ своими воинами изъ тѣхъ мѣстъ.“

Послѣ многихъ смѣлыхъ подвиговъ и чудесныхъ приключеній, Македонскій герой вознимѣлъ высококомѣрное желаніе посѣтить самый рай и покорить своей власти находящіеся тамъ лики ангеловъ. Опытнѣйшіе изъ его совѣтниковъ увѣщываютъ его остановиться въ своемъ намѣреніи и не выступать противъ самого Бога. Но отважная молодежь говорила другое: „пѣть, не то мы совѣтуемъ тебѣ. Подумай, смѣлый герой, люди эти уже стары, они устали и облѣнились. Они совѣтовали тебѣ остаться потому, что боятся за собственную свою жизнь. Ты можешь покорить себѣ рай при помощи твоей молодежи. Со щитомъ и копьемъ добудемъ мы тебѣ то, чего ты желаешь, или ляжемъ костями на полѣ битвы.“ Итакъ, вверхъ по Ефрату отправился Александръ съ своимъ войскомъ осадить райскія обители. Подступаютъ къ высокимъ стѣнамъ изъ драгоценнаго камня, находить врата и начинаютъ страшно стучать въ нихъ. Но даже и не замѣчаютъ всего этого шума находящаяся внутри блаженныя души и ангельскіе лики. Однако изнутри подходитъ къ воротамъ нѣкоторый старецъ и спрашиваетъ, что имъ надо?—„Находящіеся въ этихъ райскихъ обителяхъ должны прекратить свое пѣніе и принести дань своему повелителю Александру“,—таковъ былъ отвѣтъ пришедшихъ.— „А кто таковъ Александръ?“—спросилъ старецъ. Воины объяснили ему, что это величайшій изъ всѣхъ героевъ. Тогда старецъ велѣлъ подождать отвѣта и, воротившись опять къ воротамъ, сказалъ, чтобъ Македонскій завоеватель удалился отъ этихъ стѣнъ, если не желаетъ умереть. „Пусть онъ смирится,—присовокупилъ старецъ,—много сдѣлалъ онъ зла; грѣшенъ онъ предъ Богомъ, но Господь Богъ долготер-

пѣливъ. И если вашъ повелитель покается, получить милость отъ Бога, и чтобъ онъ непремѣнно воротился, а то будетъ ему великая бѣда...“ Послѣ того онъ вручилъ воинамъ нѣкоторый камень, чтобъ они передали его Александру, а самъ отошолъ отъ воротъ. Завоеватель оставилъ свое намѣреніе и немедленно воротился. Когда онъ прибылъ въ Грецію, показывалъ многимъ тотъ драгоцѣнный камень*), желая узнать его таинственную силу. Но никто не могъ ему объяснить того. Тогда вспомнилъ Александръ объ одномъ старикѣ жидѣ и велѣлъ его позвать къ себѣ. Жидъ сталъ тотъ камень вѣшать. Въ одну чашку вѣсовъ положилъ множество золота, а въ другую тотъ камень: былъ онъ величиною въ человѣческой глазъ, и однако перевѣсилъ все золото. Потомъ жидъ покрылъ камень щепоткою земли, а въ другую чашку вѣсовъ положилъ перышко, и это перышко перегянуло камень. Итакъ, камень этотъ есть не что иное, какъ ненасытное, завидущее человѣческое око: ему мало золота со всего міра, а между тѣмъ тоже самое око, когда покроется землею,—на вѣсахъ судьбы легче всякого перышка.

Какъ кажется, въ этомъ символическомъ дарѣ, вынесенномъ воинами Александра изъ самага рая, заключается основная идея всей поэмы. Поэтъ хотѣлъ не только представить идеалъ великаго героя, побѣждающаго всѣ препятствія на землѣ, но и дать урокъ неукротимымъ умамъ своихъ современниковъ, напоминая имъ, что всякому стремленію долженъ быть разумный предѣлъ. Здѣсь уже видно направленіе писателя, его личная мысль. Его рассказъ не грубый, невоздѣланный матеріалъ, а рядъ мыслей, приведенныхъ въ извѣстный порядокъ и сосредоточенныхъ къ одной идеѣ. Поэма заключается краткимъ обращеніемъ къ читателямъ, чтобъ они не предавались алчности и чтобъ, обративъ свой умъ къ небесному, улучили они себѣ радости ангельскихъ ликовъ и пріяли мзду въ вѣчномъ Сіонѣ.

Такимъ образомъ сравнительное изученіе литературы русской и литературъ западныхъ, развившихся изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, лучше всего даетъ намъ понятіе о томъ, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ русской народности, воспятанной книжнымъ ученіемъ. Достаточно приведенныхъ мною фактовъ, чтобъ

*) *Смичи* въ Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ символическій камень вѣры.

убѣдиться, что Франція, Испанія или Германія въ XII и даже въ XI в., въ отношеніи литературномъ, были болѣе развиты, нежели древняя Русь даже въ XVII в., когда Александрія читалась у насъ и переписывалась съ миниатюрами, только какъ сырой матеріалъ, изъ чужихъ земель къ намъ привезенный, и невоздѣланнымъ оставшійся въ теченіе вѣковъ. Нѣмецкій священникъ XII вѣка хорошо зналъ, что онъ рассказываетъ вымышленныя походы, или по крайней мѣрѣ, что Македонскій завоеватель былъ язычникъ и ничего общаго не имѣетъ съ христіанскими личностями, между тѣмъ какъ русскіе грамотные люди даже въ XVI в., въ своихъ рукописныхъ сборникахъ, наивно смѣшивали вымышленныя диковины Александріи съ историческими повѣствованіями изъ житій святыхъ. Такъ напримѣръ, въ одномъ Синодальномъ Цвѣтникѣ XVI в. (№ 687), вслѣдъ за повѣствованіями о житіи Печерскихъ угодниковъ, и именно послѣ статьи о чудесахъ Исакія Печерскаго, грамотные русскіе люди читали: „А се иное чудо Александра: Бысть нѣкто Александръ Макидонскій, былъ въ Рахманской земли, и рече: идетъ рѣка Индѣя сквозъ ю, въ ней же живетъ звѣрь великъ“ и проч., то есть, извѣстная уже намъ басня о томъ, какъ Рахмане живутъ по одну сторону рѣки, а жены ихъ и дѣти по другую (л. 93 об.).

А тотчасъ же вслѣдъ за этою нелѣпою статьею идетъ опять назидательное Сказанье объ епископахъ.

Въ теченіе нашего историческаго обозрѣнія постоянно будемъ встрѣчать мы подобные этому примѣры незрѣлости въ усвоеніи народомъ литературныхъ элементовъ. Тѣмъ не менѣе элементы эти, смѣняемые другъ другомъ, заносимые къ намъ то съ Востока, то съ Запада, накопиются въ массѣ народныхъ представленій, и составляютъ то странное цѣлое, которое въ теченіе столѣтій давало знать о себѣ, то какою нибудь ересью, то расколомъ, то нелѣпою сказкою, то наконецъ цѣлымъ мифомъ какого то загадочнаго двоевѣрнаго происхожденія.

Между тѣмъ какъ западная общительность связывала между собою литературные интересы разныхъ народовъ и нѣмецъ Лампрехтъ перелагалъ на нѣмецкіе стихи французскую поэму Альбериха или Обри, у насъ къ незрѣлости книжнаго ученія присовокуплялась другая причина многовѣковаго коснѣнія литературныхъ идей—страш-

ное разъединеніе между городами и областями, раздѣленными между собою не только физическими преградами, но и недостаткомъ книжныхъ пособій, посредствомъ которыхъ одна мѣстность могла бы со-общаться съ другою.

Теперь, бросивъ бѣглый взглядъ на третій отдѣлъ литературныхъ источниковъ, то есть, на сочиненія содержанія поучительнаго и назидательнаго будемъ преслѣдовать оставленную нами на время нить историческаго развитія нашей литературы по различнымъ мѣстностямъ древней Руси.

Л Е К Ц І Я 44-я.

Читана 17-го мая 1860 года.

Намъ уже извѣстно, что грамотные предки наши знакомились съ поучительными словами и бесѣдами Отцовъ Церкви преимущественно изъ Прологовъ. Само собою разумѣется, что толкованіе Св. Писанія и духовное ораторство составляли самую высшую сферу литературнаго образованія благочестивыхъ людей древней Руси, и этотъ важный предметъ могъ бы дать содержаніе для обширныхъ изслѣдованій; но такъ какъ онъ мало представляетъ разнообразія въ литературномъ отношеніи, то мы ограничимся въ отдѣлѣ нравоучительныхъ и назидательныхъ сочиненій только такими, которые особенно оказали вліяніе на русскую народную словесность. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ рядъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ.

Пчела есть не что иное, какъ сборникъ нравоучительнаго содержанія, составленный изъ отдѣльныхъ текстовъ Св. Писанія и изъ назидательныхъ изреченій знаменитыхъ мужей, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Пчела дѣлится на нѣсколько главъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ какую нибудь нравственную тему, напримѣръ: о житейской добродѣтели и о злобѣ, о мудрости, о правдѣ, о покаяніи, о трудолюбіи, о богатствѣ и убожествѣ, о зависти, о истинѣ и лжи, о безуміи, о смѣхѣ и т. п. Содержаніе всѣхъ этихъ главъ расположено въ одномъ и томъ же порядкѣ. Сначала идутъ тексты изъ Св. Писанія, и притомъ, во первыхъ, изъ Евангелія и Апостола, и уже во вторыхъ, изъ Ветхаго Завѣта; потомъ изъ Отцовъ Церкви (Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова), далѣе изъ раз-

ныхъ писателей христіанскихъ, и уже наконецъ изъ писателей языческихъ, то есть, изъ греческихъ и римскихъ классиковъ, между которыми встрѣчаются имена Платона, Аристотеля, Плутарха, Демосѳена и др.

Конечно, Пчела была составлена въ Греціи, и къ намъ вошла черезъ Болгарію въ переводѣ, но она у насъ уже очень рано распространилась въ рукописяхъ, которыя восходятъ даже до XIV вѣка. Изъ Пчелы наши предки могли знакомиться не только съ именами классическихъ авторовъ, но и съ нѣкоторыми ихъ глубокомысленными изреченіями и остроумными анекдотами. Напримѣръ: „Платонъ мудрецъ, увидѣвъ одного благороднаго юношу, расточившаго отеческое имѣніе, который, сяди передъ чужими дверями, ѣлъ хлѣбъ съ маслинами и съ водой,—сказалъ ему: еслибъ ты ѣлъ по своей волѣ, то не имѣлъ бы такого скуднаго завтрака.“ — „На вопросъ, почему люди такъ часто бываютъ печальны?—Скифскій философъ Анахарсисъ отвѣчалъ: потому что они печалятся не только о своихъ напастяхъ, но и о счастіи другихъ.“ — „Нѣкоторый властитель сдѣлалъ одного человѣка судьей, но потомъ, узнавъ, что онъ краситъ краскою свою голову и бороду, отставилъ его отъ судейской должности, сказавъ: если ты даже своимъ волосамъ не вѣрешь, то какъ же можешь быть вѣренъ людямъ и суду?“ — „Одинъ мудрецъ, видя, что другъ его заказываетъ живописцу съ себя портретъ на камнѣ, сказалъ ему: ты заботишься, чтобы камень былъ похожъ на тебя, а о томъ не позаботишься, чтобъ самому-то не быть похожу на камень.“

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ изреченій встрѣчаются даже мифологическіе намеки; напримѣръ: „какъ Актеонъ, вскормивъ своихъ собакъ, ими же и былъ съѣденъ, такъ и льстецы снѣдаютъ того, кто ихъ питаетъ.“

Предки наши къ Пчелѣ присовокупляли Слово Даніила Заточника, потому ли что этотъ несчастный русскій мудрецъ заимствовалъ въ свое посланіе многое изъ Пчелы, или потому что, по собранію остроумныхъ изреченій и назидательныхъ житейскихъ правилъ, оно казалось имъ сродно по своему содержанію съ Пчелою. Во всякомъ случаѣ для насъ важенъ тотъ фактъ, что Слово Даніила Заточника, отъ XV и до XVII в., постоянно встрѣчается въ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ Пчелу.

Какъ Троянская Война или Александрія, въ разныхъ редакціяхъ, то сокращенныхъ, то распространенныхъ, проходятъ черезъ всѣ столѣтія русской литературы и составляютъ народное чтеніе даже въ эпоху Петра Великаго, такъ и Пчела была такимъ же вѣковымъ, монументальнымъ фактомъ въ исторіи русской литературы. Въ XVII в. Пчелы были распространены у насъ въ двухъ редакціяхъ: въ распространенной*), въ которую, по разнымъ главамъ, вошло почти все Слово Данила Заточника, разбитое такимъ образомъ по частямъ; и въ краткой редакціи, подъ заглавіемъ: Словеса избранная изъ Пчелы, еже мало глаголати, а много разумѣти, не дерзу (то есть: не дерзку) быти словомъ, не пререковати въ рѣчахъ (то есть: не противорѣчить), съ присовокупленіемъ выбора изреченій изъ Измарагда. Эта малая Пчелка содержитъ въ себѣ рядъ житейскихъ правилъ, краткихъ наставленій и пословиць. Какъ руководство въ мудрости и благоразуміи, она имѣла большое влияніе на умы древней Руси, и особенно тѣмъ болѣе потому, что содержащаяся въ ней изреченія близко подходили къ народной пословицѣ.

Для примѣра привожу нѣсколько изреченій изъ этой краткой редакціи, съ удержаніемъ самыхъ формъ древняго языка, необыкновенно сильнаго и выразительнаго, проникнутаго свѣжею народностью**).

Какъ въ сборникѣ пословиць, изреченія не состоятъ между собою въ связи по своему содержанію.

„Пчела летитъ на звонъ, а мудрый человѣкъ на полезное слово“—такъ начинается сборникъ, и тотчасъ же затѣмъ: „Лучше есть на необузданнѣ конѣ ѣздити, нежели съ безумнымъ бесѣдовать.“

„Тіунъ (т. е. судья) золь горѣ (злѣе) разбойника: разбойникъ оружіемъ губить, а судія словомъ губить злымъ и неправдою. Кажеть побѣда храбраго, а бѣда умнаго. Лютаго коня уздою воздержати, а скорой гнѣвъ умомъ обуздати, а броткое слово разрѣшаетъ гнѣвъ“ ***).

*) Напримѣръ, въ Синодальной рукописи подъ № 854.

**) По рукописи XVII в., принадлежащей мнѣ.

***) Сличн изреченіе Киповраса: покорное (или кроткое) слово кость ломить

„Аще кто много уничижается, таковый льстець есть. Богатый, сгда богатства лишаемъ, плачется и скорбитъ, якоже праотець напѣ Адамъ рая лишаемъ бываетъ.“

„Не лѣпо быти звѣрю безъ главы, а полку безъ воеводы: тако не мочно быти человѣку безъ ученія.“ (Даніиль Заточникъ).

Какъ въ Словѣ Даніила Заточника встрѣчаемъ мы суровыи выходки противъ женщины, такъ и здѣсь: „Человѣче, аще хочещи мужъ совершенъ быти, то учащай жену свою ранами неизживучими (т. е., бей ее всегда, чтобъ и раны не заживали на ея тѣлѣ!), и не давай тѣлу ея ни на единъ часть здравѣти, и къ приснымъ ея рѣчамъ не прилагай сердца своего, да не погибнеша отъ нея. Бѣжи красоты женскія невозвратно, яко Ной отъ потопа, и яко Лотъ отъ Содомы и Гоморы. Лучше есть руками своими желѣзо варити, нежели злую жену учить. Въ мутнѣ водѣ дна не видѣти, тако и въ невѣстѣ добраго нрава не узнати“

„Иже бо кто противу истины творить прѣвнѣ, то аки больными очами тщится противу солнца зрѣти.“ — Та же мысль другими словами: „аще кто истинѣ противится, то аки больными глазами на солнце взираеть.“

Особенно любопытны по слоеи наивности слѣдующія правила: „Стара видя поклонися ему; на бесѣдѣ со старыми сиди, а съ недругомъ въ пиръ не ходи. На чужой сторонѣ со всякимъ знайся, а правды сердечныи не сказывай. Во царевѣ дворѣ учися молчанію: что видишь дурно, молчи; куды тебѣ пошлютъ—пойди; вверхъ по хоромамъ и по окнамъ не смотри, зри на землю: и добрые люди тебѣ похвалятъ: не верхоглядь есть! добрый человѣкъ!“ — „На складѣ (т. е. въ компаніи) ни съ кѣмъ не торгуй, да не бываетъ вражды: а чужому товару цѣны не уставлявай. Съ богатымъ не тяжися, а съ сильнымъ не борися, а со пьянымъ не бранися; а въ пиръ не званъ не ходи; а гдѣ въ пиру честь надъ тобою держать, до пьяна не упивайся; а по ворѣ не ручайся: то есть мудрыхъ философвъ ученіе. Со всѣми любись и со всѣми дружись, а всѣхъ берегись: иногда бо другъ твой врагъ тебѣ бываетъ. Якоже злаго искушается въ огнѣ, такоже и другъ вѣренъ при бѣдѣ, при власти бывъ на судѣ. Не люби друга потаковника, люби себѣ друга сопротивника, пользу тебѣ дающа, и сопротивляющася безумнымъ и несмыслен-

нымъ твоимъ словамъ. Иже кто ласкается около друга въ богатствѣ и чести временнѣй, тотъ невѣрный другъ, временный.“

„На рати желѣзо дороже злата, а при животѣ умъ паче богатства: ни коня мочно удержати безъ узды, ни богатствомъ владѣти безъ ума.“

„Нѣкто, ходи по пустыни, обрѣте жену, стоящу и плачущую, и вопросы ея тотъ человекъ: жено, повѣдай ми, что плачешися? И рече ему жена: азъ есмь истина; того ради плачуся: въ малыхъ бо нынѣ есмь человекѣхъ, а во многѣхъ лжа. Ни радость вѣчна, ни печаль безконечна: по радости бываетъ жалость, а по жалости радость.“

„Человекъ подобни суть облацы: иногда свѣтли, иногда темни.“

„Аще богатъ гордъ, подобенъ неподковану коню, скачущу по льду: конь упадетъ, а гордый пропадетъ“.

„Лѣнивый человекъ болѣе больнаго: больной лежитъ да не ясть, а лѣнивый лежа ясть. Мужъ, аще убогъ да мудръ, та ему мудрость вмѣсто богатства. Пияница горѣе (т. е. хуже) бѣснаго, иже самохотѣниемъ бѣсится, не помѣсячно, но по вся дни. Пияница спить, а крестъ на немъ; пришедъ, бѣси говорятъ: мѣхъ нашъ, а печать не наша.“

„Языкъ человекъ, аки мечъ остръ: и пилить, и знобить.“

„Сынъ наказанъ*), что соколь изученъ: радость и веселіе отцу и матери. Соколь—потѣха господину. Сынъ чтитъ и похваляетъ отца и мать, благая и необходимая имъ подаетъ: такоже и соколь ловъ господину творить и тѣшить, и побиваетъ, а господинъ подбираетъ. Сынъ ненаказанъ, что конь слѣпъ: печаль отцу и матери, а сынъ добръ, что щить твердъ. Дочь добра, что умный гость въ дому, а дочь глупа, что злоумный гость въ дому. Дочь умна—веселіе и слава и честь всему роду; дочь зла—смѣхъ и срамъ и безчестіе роду.“

„Жена добра—домовная метла: вмѣстѣ сметаетъ, чада и челядь питаетъ. Жена зла—лопата въ дому: врозь вѣетъ. Женская мудрость, что звѣриная лютость“ и проч. Эта малая Пчела заключается самою рѣзкою филиппикою противъ злыхъ женъ**). . . .

Изъ сказаннаго выше явствуетъ, что греческая Пчела была вполнѣ усвоена нашею народностью. Слово Даніила Заточника, такъ

*) Наказанъ—наученъ: сличн наказъ—приказаніе, уставъ.

**) Также статья и у Даніила Заточника.

сказать, выросло на нравственных изреченіяхъ этого сборника и потому дотога съ нимъ срослось, что всегда составляло одну изъ его частей. Изреченія Пчелы входили въ уста народа, какъ пословицы, и впослѣдствіи народныя пословицы вставлялись въ переводный текстъ Пчелы по ея позднѣйшимъ редакціямъ.

Обозрѣніе греческихъ источниковъ нашей литературы заключимъ краткимъ свѣдѣніемъ о Кормчей книгѣ. Слово кормчій происходитъ отъ глагола кормити въ значеніи управлять; слѣд. Кормчая книга собственно значить книга Правиль или книга Правящая, управляющая*) (Номоканонъ). Древняя Русь имѣла еще другой выразительный терминъ для означенія церковныхъ правилъ и постановленій—это Мѣрило Праведное**). Кормчая книга, содержащая въ себѣ соборныя постановленія и церковныя правила, съ толкованіями, составлена была на греческомъ языкѣ и съ позднѣйшей редакціи***) переведена на болгарскій языкъ, и потомъ въ болгарскомъ переводѣ перешла на Русь во второй половинѣ XIII вѣка (въ 1270 г.), когда была она изъ Болгаріи прислана Ростовскому епископу Кириллу. Тотчасъ же послѣ того Кормчая книга стала распространяться по Руси въ спискахъ, въ которыхъ правописаніе болгарское уже измѣнено на русское. Въ 1282 г. былъ составленъ списокъ Кормчей въ Новѣгородѣ, а въ 1284 въ Рязани. Новгородскій списокъ Кормчей былъ положенъ въ церкви Св. Софіи на почитаніе священникомъ и на послушаніе крестьяномъ (т. е. христіанамъ), какъ сказано въ предисловіи къ этому списку.

Къ греческому Номоканону присовокуплены въ этой рукописи нѣкоторыя русскія статьи и между прочимъ Русская Правда. Это ея древнѣйшій списокъ, 1282 года.

Не имѣя намѣренія расширить объема исторіи русской литературы внесеніемъ въ нее элемента юридическаго, почитаю однако не лишнимъ обратить вниманіе на то, что нѣкоторыя статьи Кормчей книги замѣчательны и въ литературномъ отношеніи. Особенно любопытно 62-е Правило Шестаго Собора. Въ немъ говорится о

*) „Книгы глаголемыя кърмчія, рекше правило закону, гречькимъ языкомъ номоканонъ.“

**) Въ одной изъ рукописей Мѣрила Праведнаго помѣщена и Русская Правда.

***) XII вѣка, съ толкованіями Зонары и Аристиппа.

языческомъ чествованіи Календъ*), или первыхъ чисель каждаго мѣсяца, о маскированьи и сценическихъ представленіяхъ. Но вотъ собственныя слова въ толкованіи этого правила: „Не повелѣвають (Церковныя правила) мужамъ облачатся въ женскія ризы, ни жепамъ въ мужскія, какъ творять многіе въ Діонисовы праздники пляшучи; ни лицъ косматыхъ возлагать на себя, ни козлихъ, ни сатурскихъ,“ (т. е. масокъ комическихъ, трагическихъ и сатирическихъ!). „Косматыя лица убо суть на поруганіе нѣкимъ ухщрена; козлія же яко жалостына и на плачь подвизающе“**); сатурскія же лица употреблялись во время Діонисова праздника, потому что Сатуры (Сатиры) были „плясцы около Діонисія.“

Само собою разумѣется, что такая статья, естественно вытекавшая изъ условій греческой жизни, не имѣла никакого отношенія къ древней Руси. Многими столѣтіями опережала она успѣхи русской литературы, говоря о такихъ поэтическихъ явленіяхъ, которыя стали возможны на Руси развѣ съ конца XVII в. Если бы мы коснулись собственно юридическихъ вопросовъ Кормчей книги, можетъ быть, съ недоумѣніемъ остановились бы и на другихъ, подобныхъ этой, статьяхъ, которыя по своей не примѣнимой для русскаго быта предупредительности вполнѣ могли бы быть названы гласомъ вопіющаго въ пустынь. Какъ бы то ни было, но статья о косматыхъ, козлихъ и сатурскихъ лицахъ должна была производить любопытный хаосъ въ головѣ древне-русскаго читателя, который никогда и не догадывался о существованіи трагедіи, или комедіи, развѣ гдѣ нибудь случайно встрѣчалъ дикое для него слово *козломалоганіе*, которымъ переводилось греческая *трагедія****).

Въ заключеніе нашихъ изслѣдованій объ источникахъ древнерусской словесности, собственно христіанскихъ, слѣдуетъ сказать о томъ, какое имѣли они вліяніе на русскую жизнь и литературу. Изъ постояннаго сравненія съ соответствующими явленіями на Западѣ, мы уже неоднократно замѣчали, что христіанская литература, заимственная Русью отъ Византіи, оставалась въ своемъ первоначальномъ видѣ въ теченіе столѣтій, не усвоенная русскимъ умомъ

*) Отсюда наша Коляда (Колѣда).

***) То есть, для представленій комическихъ и трагическихъ.

****) Трагедія—слово въ слово: *козлотыіе*.

и не воздѣланная фантазіей Русскаго народа. Но чтобъ избѣжать односторонности во взглядахъ, почитаю обязанностью привести здѣсь самое рѣзкое мнѣніе славянофильской партіи о высокому христіанскомъ образованіи древней Руси *).

Разбирая Исторію Русской Церкви епископа Макарія, одинъ изъ знатоковъ этого предмета позволяетъ себѣ говорить слѣдующее:

„Христіанство вступило (на Руси) въ общество, еще не сложившееся, въ жизнь, не выработавшую никакихъ учрежденій и не вкусившую мысли **). Тихо, почти безъ сопротивленія ***) приняла земля новыя, необычныя ей, церковныя учрежденія. Жизнь не могла противопоставить имъ ничего, кромѣ предразсудковъ ****), тѣмъ менѣе способныхъ къ дѣятельному сопротивленію, чѣмъ менѣе они были признаны, и чѣмъ ближе къ народному сознанию и чувству †) являлась вѣра, припосимая на родномъ языкѣ. Народъ не имѣлъ даже духовныхъ понятій †*) въ языкѣ, чтобы бороться съ понятіями новыми. Вѣра, можно сказать, не столько замѣщала у насъ старое, сколько восполняла отсутствовавшее. Скоро весь народъ сталъ православнымъ †**); и вмѣстѣ съ тѣмъ Православіе стало проникать, какъ начало, въ глубь народной жизни †***). Подъ вліяніемъ его измѣнялись бытовыя и гражданскія отношенія, или, по крайней мѣрѣ, теряли старый смыслъ и принимали новый; самая домашняя жизнь подчинялась новому началу ††), образуя распредѣленіе своего времени съ порядкомъ дня богослужебнаго. При такомъ положеніи, собственно народныя

*) Русская Бесѣда 1859 г., № 3.

***) А семейный и родовой или племенной бытъ Полянъ? Дружина? Княжеская власть?

****) А борьба противъ князей и духовенства на Бѣлѣозерѣ и въ другихъ мѣстахъ?

†) Всякая мифологія есть предразсудокъ.

†*) На Западѣ идеи христіанскія ближе были къ народному сознанию и чувству, какъ видимъ изъ литературы.

†**) Слова—вѣра, богъ, грѣхъ, правда—были уже въ языкѣ до принятія Русью христіанства.

†***) Христоробецъ называетъ его двоевѣрнымъ.

††*) Припомнимъ чудеса Александра Македонскаго, присоединяемая къ сказаніямъ о Печерскихъ угодникахъ, въ рукописи XVI в.

†††) Какъ же до христіанства не было на Руси никакихъ учрежденій, какъ сказано выше?

начала *) безсильны были выработать что нибудь односторонне-самостоятельное, и воздѣйствіе ихъ на внесенный религіозный элементъ могло быть только ничтожное **). Готовые кодексы церковныхъ правилъ, наставительное и понятное богослуженіе, духовная переводная литература, вмѣстѣ съ живымъ словомъ свитителей, большую частью гречески образованныхъ ***) , рѣшили вопросы прежде, нежели они могли изъ бытовыхъ причинъ возникнуть въ народномъ сознаніи, удовлетворяли духовнымъ потребностямъ прежде, нежели они могли опредѣленно быть почувствованы ****). Младенчествовавшему народу оставалось только вводить въ сознаніе готовый смыслъ, чтобъ освящать явленія своей жизни, и усвоить готовый уставъ для своей дѣятельности. То самое и видимъ въ первыхъ четыреста лѣтъ Русской Церкви. Этотъ первый ея періодъ можно назвать періодомъ преобладающаго значенія Православія, какъ исключительно признаннаго начала народной мысли и жизни †), и господствующаго положенія Церкви, какъ исключительно существующаго единства общественнаго... Частнѣйшимъ образомъ, въ первомъ періодѣ могутъ быть различены два послѣдовательныя положенія Церкви,—положеніе ея до Татарскаго нашествія, гдѣ видимъ болѣе внѣшнее распространеніе христіанства, вмѣстѣ съ постепеннымъ *†) умаленіемъ остатковъ язычества, и эпоха Татарщины, гдѣ обстоятельства содѣйствовали преимущественно уже къ углубленію и укрѣпленію въ народѣ началъ Православія, равно и усиленію положенія Церкви.“

Таковы рѣзкія положенія о православномъ развитіи древней Руси, высказанныя въ духѣ самаго крайняго славянофильскаго направленія!

Не желая утомлять вниманія подробнымъ разборомъ всѣхъ логическихъ и фактическихъ противорѣчій этого мнѣнія, и безъ

*) Слѣдовательно, эти начала, т. е., учрежденія, обычаи, права и т. п. были.

**) А двоевѣріе?

***) Но много ли ихъ было для обширной Руси?

****) Это то и дурно! Такова напр. статья въ Кормчей о сценическихъ представленіяхъ. Говорить о неизвѣстномъ значить спутывать понятія.

†) А двоевѣріе?

*†) А выше было сказано, что скоро весь народъ сталъ православнымъ, и православіе вошло въ глубь его жизни. Это постепенное умаленіе язычества безъ борьбы быть не могло.

того, кажется, очевидныхъ, не могу однако не выразить своего крайняго удивленія, какимъ образомъ, высказывая такія, казалось бы, вполне національныя убѣжденія, ревнители русской старины не чувствуютъ, сколько незаслуженнаго оскорбленія наносятъ они русской народности? Неужели такъ бессмысленны и такъ ничтожны были въ отношеніи нравственномъ и умственномъ славянскія племена, населявшія Русь, что въ теченіе многовѣковаго своего бытія, и вплоть до X вѣка, когда приняли христіанство, они жили только *скотски*, не выработавъ ни одного учрежденія, не почувствовавъ потребности ни въ одномъ духовномъ понятіи, ни разу не попробовавши мыслить *человѣчески*? Это было бы страшно подумать, было бы невыносимо прискорбно убѣдиться, что принадлежишь къ націи, которая въ теченіе столѣтій, до принятія христіанства, была бессмысленною толпою, лишенною всякаго человѣческаго достоинства! И могла ли бы такая нечеловѣческая толпа, чуждая человѣческой мысли, усвоить себѣ христіанство?

Л Е К Ц І Я 45-я.

Читана 21-го мая 1860 года.

Если древнехристіанскіе и византійскіе источники медленно и туго входили въ общіе интересы народа даже въ позднѣйшія столѣтія, то на немногихъ избранныхъ людей древней Руси дѣйствовали они благотворно, не только воспитывая въ нихъ искреннее христіанское благочестіе, но и образуя въ отношеніи литературномъ. Читатели христіанскаго просвѣщенія древней Руси имѣютъ полное право уже въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ нашихъ писателей XI и XII в. видѣть „блестательные памятники чистаго (?) славянскаго краснорѣчія, прекрасные плоды живаго и сильнаго чувства, глубокаго познанія вѣры и ума свѣтлаго“, — какъ выражается архіепископъ Филаретъ *)

словахъ св. Иларіона митрополита Кіевскаго (съ 1050 г.). Определеніе Ветхаго и Новаго Завѣта, изложенное имъ подѣ символическими образами Агари и Сарры, показываетъ намъ, что этотъ писатель XI в. умѣлъ такъ же основательно усвоить себѣ древнехристіанскую символику, какъ и знаменитый нашъ ораторъ XII в.,

*) Обзоръ Русской Духовной Литературы, § 12, стр. 14.

Кирилль Туровскій, который ту же идею излагаетъ въ символическомъ противоположеніи весенняго времени зимѣ. Слово, въ которомъ ораторъ предлагаетъ одушевленную бесѣду Іисуса Христа съ разслабленнымъ, исполнено замѣчательнаго драматизма, который и въ настоящее время могъ бы произвести благопріятный эффектъ съ каеэды проповѣдника.

Благочестивое созерцаніе Евангельскихъ событій, чтеніе Синайскаго патерика и вообще духъ среднихъ вѣковъ, восторженно стремившійся къ Іерусалиму, въ которомъ видѣли центръ всей земли,—отразились у насъ паломничествомъ *) или хожденіемъ на богомолье къ Св. Мѣстамъ, ко Гробу Господню. Паломничество было распространено на Руси уже въ XII в., когда ходилъ въ Іерусалимъ нѣкоторый игуменъ Даніиль (Паломникъ), въ княженіе Святополка-Михаила, и довольно подробно описалъ свое хожденіе, дошедшее до насъ во многихъ рукописяхъ (начиная съ XV в.). Съ великимъ умиленіемъ ступилъ нашъ Паломникъ на Св. Землю и совершалъ свое богомольное хожденіе по ней, постоянно волнуемый двумя противоположными ощущеніями—невыразимымъ восторгомъ, что сподобился посѣтить Св. Мѣста,—и сердечнымъ сокрушеніемъ о своемъ недостойнствѣ—сподобиться, какъ подобаетъ, этого великаго блага. Для насъ особенно важно національное чувство смиреннаго игумена и его сознаніе о единствѣ Русской земли, проникнутой уже государственнымъ началомъ,—какъ это было высказано имъ по случаю повѣствованія о поставленіи разными народами кандиль **) на Гробѣ Господнемъ: „и я хотѣлъ поставить кандило свое на Гробѣ святомъ Господнемъ отъ всея Русскія земли, и за вся князя наши, и за вся христіяне Русскія земли.“ Замѣчательно то обстоятельство, что нашъ скромный богомольецъ нашолъ себѣ покровителя въ знаменитомъ Іерусалимскомъ королѣ Балдуинѣ, который много способствовалъ ему въ посѣщеніи Св. Мѣствъ, и къ которому онъ обратился съ просьбою о поставленіи кандила Русскаго. „Княже мой, Господине!—говорилъ русскій игуменъ Балдуину:

*) Паломниками (palmieri) назывались ходившіе къ Св. Мѣстамъ, потому что возвращались изъ Іерусалима съ пальмовыми вѣтвями, съ которыми стояли они у заутрени въ Вербное воскресенье.

**) Т. е. лампадъ.

молю ти ся Бога дѣля, и князей дѣля Русскихъ!“—И король радужно исполнилъ его благочестивое національное желаніе.

Даніиль встрѣтилъ въ Іерусалимѣ многихъ русскихъ паломниковъ, изъ Новагорода и Кіева, изъ этихъ двухъ сосредоточій древнерусской жизни. Въ древнемъ языкѣ богомольцы-странники называются каликами переходжими. Слово калика встрѣчается уже въ Уставѣ о Церковномъ Судѣ (приписывается этотъ уставъ самому св. Владиміру). По этому уставу калика, или богомолецъ, странникъ, наравнѣ съ слѣпцомъ, хромцемъ, священникомъ и со всѣмъ церковнымъ причтомъ, подчиняется суду митрополичьему, а не княжескому.

Между древнерусскими стихотвореньями встрѣчается не одно, имѣющее предметомъ хожденіе паломниковъ и каликъ переходжихъ къ Святымъ Мѣстамъ.

Пѣсня подъ заглавіемъ: Сорокъ каликъ со каликою (стр. 226), свидѣтельствуетъ намъ, что паломники, отправляясь на богомолье, выбирали между собою наибольшаго, или атамана. Такимъ наибольшимъ былъ у этихъ сорока каликъ нѣкто Касьянъ Михайловичъ. По дорогѣ въ Іерусалимъ проходили они мимо Кіева. Навстрѣчу имъ попадаетъ самъ Владиміръ князь:

Ѣздитъ онъ за охотою,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ;—
Пригодилось ему ѣхати по близости:
Завидѣли его калики тутъ переходжіе,
Становилися во единый кругъ,
Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ—
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ Княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали...

Итакъ, это уже не смиренные богомольцы, а тѣ беспокойныя шайки празднопшатающихся, которыя уже въ XII в. свое бродяжни-

чество прикрывали богомольнымъ хожденіемъ, и противъ которыхъ уже въ то время люди благонамѣренныя, какъ намъ извѣстно, думали принимать свои мѣры. Но возвратимся къ пѣснѣ:

Едва пробудится Владиміръ Князь,
Разсмотрѣлъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ.
Они-то ему поклонилися,
Великому Князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостыню,
А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти.
Отвѣчаетъ имъ ласковый Владиміръ Князь:
„Гой еси вы, калики перехожіе!
Хлѣбы съ нами завозные,
А и денегъ со мною не годилось,
А и ѣзжу я, Князь, за охотою...
Изволите вы идти во Кіевъ градъ
Ко душѣ Княгини Анраксѣевнѣ,—
Честна роду дочь, Королевична,
Напоить, паковать васъ добрыхъ молодцевъ,
Надѣлать вамъ на дорогу злата, серебра.“

Отправились калики въ Кіевъ, стали тѣмъ-же порядкомъ посреди двора Княженецкаго—

Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
Съ теремовъ верхи повалилися,
А съ горницъ охлопы попадали,
Въ погребахъ пята всколебалися:—
Становилися во единый кругъ,
Прошаютъ святую милостыню
У молоды Княгини Анраксѣевны.

Вотъ въ какомъ грозномъ видѣ являлось древне-русское нищенство и богомолье!

Молода Княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
Звать каликъ во свѣтлу гридню.

Приходить, Спасову образу молятся, Княгинѣ поклоняются.

Молода Княгиня Апраксѣевна,
 Поджавъ ручки, будто Турчаночки,
 Со своими нянюшки и мамушки,
 Съ красными, сѣпными дѣвушки.
 Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
 Садился въ мѣсто большое.
 Отъ лица его молодецкаго,
 Какъ бы отъ солнышка отъ краснаго,
 Лучи стоятъ великіе.

Здѣсь пѣсня, видимо, противопоставляетъ святость Касьяна басурманскимъ обычаямъ Апраксѣевны, которая сравнивается съ турчанками. Далѣе пѣсня подражаетъ Библейскому повѣствованію о Прекрасномъ Іосифѣ и женѣ Пентефріевой. Посрамленная отказомъ Касьяна—веселиться и забавныя рѣчи съ нею баити, Апраксѣевна клеветою обвиняетъ его въ покражѣ серебряной чарки. За это Касьяна зарывають по поясъ въ землю, а товарищи его отправляются въ Іерусалимъ. И цѣлые шесть мѣсяцевъ стоялъ Касьянъ по поясъ въ землѣ, а Княгиня между тѣмъ впала въ страшную болѣзнь, въ проказу за то, что нанесла рѣчь напрасную на Касьяна Михайловича. Пѣсня оканчивается тѣмъ, что этотъ святой мужъ исцѣляетъ своимъ дуновеньемъ Княгиню и съ своими возвратившимися изъ Іерусалима каликами уходитъ изъ Кіева.

Но еще больше переноситъ насъ въ древне-русскій бытъ пѣсня о томъ, какъ Василій Буслаевъ молиться ѣздилъ въ Іерусалимъ. Этотъ новгородскій герой не разъ съ своею дружиною объявлялъ войну мужамъ новгородскимъ и вступалъ съ ними въ кровавыя свалки. Наконецъ рѣшился онъ искупить свои грѣхи богомольемъ, отправившись въ Іерусалимъ ко Гробу Господню.

„Гой еси вы, гости корабельщики!

(говорилъ онъ встрѣтившимся ему на пути корабельщикамъ)---

А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
 Смолоду бито много, граблено—
 Подъ старость надо душа спасти:
 А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
 Ко святому граду Іерусалиму.“

Въ этомъ чистосердечномъ признаніи, будто въ зеркалѣ, отражаются неукротимые нравы средневѣковой рыцарской отваги, которая, утомившись преступленіями, смирилась наконецъ подь монашескою схимою или въ восторженной молитвѣ передь Гробомъ Господнимъ. Не смотри на возмужалый возрастъ и самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, нашъ герой, согласно обычаямъ древней Руси, не рѣшался ни на одимъ подвигъ безъ благословенія матери. Такъ и теперь, собираясь въ Іерусалимъ, Василій Буслаевъ—

Какъ вьюнъ около ея увивается,
 Просить благословеніе великое:
 „А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
 Мать вдова Амелѣа Тимоѣевна!
 Дай мнѣ благословеніе великое,
 Идти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ,
 Со всею дружиною хороброю,
 Мнѣ-ко Господу помолитися,
 Святой святынѣ приложитися,
 Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.“

Мать отвѣчаетъ ему на это, будто имѣя въ виду, что не всѣ отправляющіеся въ Іерусалимъ имѣютъ добрыя намѣренія (что совершенно согласно съ предостереженіями русскихъ людей XII в. отъ злоупотребленій паломничества):

„Гой еси ты, мое чадо милое,
 Молодой Василій Буслаевич!
 То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
 Тебѣ дамъ благословеніе великое;
 То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
 И не дамъ благословенія великаго—
 А и не носи Василья сыра земля!“
 Камень отъ огня разгорается,
 А булатъ отъ жару растопляется—
 Материно сердце распущается:
 И даетъ она много свинцу, пороху,
 И даетъ Василью запасы хлѣбные,
 И даетъ оружье долгомѣрное:
 „Побереги ты, Василій, буйну голову свою!“

Но не сберегъ своей головы отважный паломникъ. На возвратномъ пути изъ Іерусалима, онъ вздумалъ показать свою удаля богатырскую, скакаль черезъ камень на Сорочинской горѣ, и ушибся до смерти. Его вѣрная дружина-товарищи воротились на корабль въ Новгородъ одни и принесли Амелѣ Тимоѣевнѣ печальную вѣсть о ея сынѣ. Заплакала она и сказала:

„Гой еси вы, удалы-добры молодцы!
У меня нынѣ дѣлать вамъ печево.
Подите въ подвалы глубокіе—
Берите золотой казны не считаючи!
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
„Спасибо, матушка Амелѣа Тимоѣевна,
Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ.“

Потомъ подносили имъ по чарѣ зеленого вина:

А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

Такова эта замѣчательная пѣсня, характеризующая древній новгородскій бытъ и нашихъ витязей-паломниковъ. Самый крупный фактъ въ исторіи русскаго паломничества XII в. предлагается въ житіи преподобной Евфросиніи Полоцкой († 1173 г.). Въ міру называлась она Предслава; была внука знаменитаго Полоцкаго князя Всеслава Брячиславича. Когда исполнилось ей 12-ть лѣтъ родители хотѣли выдать ее замужъ, но она тайно отъ родителей ушла въ женскій монастырь къ своей теткѣ, бывшей тамъ монахиней, и была пострижена. Послѣ того нѣкоторое время, по древнему обычаю, жила въ кельѣ при Софійскомъ соборѣ, проводи дни въ молитвѣ и списываніи церковныхъ книгъ. Потомъ построила монастырь Всемиловитаго Спаса, куда между прочимъ приняла въ монахини родную сестру свою Гордиславу и двоюродную—Звениславу. Однажды пришло къ ней братъ ея Вячеславъ съ своею княгиней и со двумя своими дочерьми, Киринією и Ольгою. Евфросинія, не смотря на смятеніе и плачь князя Вячеслава, постригла въ монашескій чинъ

обѣихъ своихъ племянницъ.—Наконецъ пожелала она поклониться Гробу Господню, и, взявъ съ собою брата своего Давида и двоюродную сестру Звениславу, во иночествѣ—Евпраксію, отправилась въ путь. Посѣтила Цареградъ и, прибывъ въ Іерусалимъ, заболѣла и скончалась, и была тамъ погребена въ общежительномъ Феодосіевомъ монастырѣ. Въ своей обители, въ Спасскомъ храмѣ оставила она по себѣ драгоценный крестъ (въ 1161 г.), который и доселѣ сохраняется.

Житіе княжны Евфросиніи Полоцкой, довольно скудное бытовыми поэтическими подробностями, въ высшей степени замѣчательно и важно для исторіи древне-русской женщины. Оно свидѣтельствуетъ намъ о томъ высокомъ религіозномъ воодушевленіи, которое проникло уже въ княжескіе терема XII столѣтія. Евфросинія была женщина образованная по своему времени, не только умѣла читать, по и много упражнялась въ списываньи (что по тогдашнему очень высоко цѣнилось). Будучи игуменьей, она окружила себя монашесствующими изъ высшихъ, княжескихъ фамилій. Удаляясь въ Іерусалимъ, назначила она по себѣ игуменьей свою двоюродную сестру. Ея хожденіе въ Іерусалимъ свидѣтельствуетъ не только о горячей пажности, но и о предприимчивомъ духѣ.

Характеристику духовнаго образованія древняго періода Руси до Татарскаго нашествія заключимъ нѣкоторыми свѣдѣніями объ Аврааміи Смоленскомъ, жившемъ во второй половинѣ XII в. и въ началѣ XIII-го. Житіе его, составленное его ученикомъ, инокомъ Ефремомъ, исполнено самыхъ вѣрныхъ историческихъ подробностей, драгоценныхъ для того, чтобы составить себѣ понятіе не только о внутреннемъ бытѣ Смоленска, но и вообще о томъ, до какой степени достигло христіанское просвѣщеніе въ лучшихъ русскихъ людяхъ XII—XIII в., которыхъ представителемъ былъ этотъ великій человекъ. Онъ прославился не только своимъ высокимъ благочестіемъ, но и всестороннимъ образованіемъ, какое только тогда возможно было на Руси. Онъ былъ очень начитанъ. Читалъ не только собственно церковныя книги, но и патерики и житія Святыхъ, а также былъ знакомъ и съ отреченными или апокрифическими книгами (зналъ какою-то книгу по имени Глубину)*). Самъ списы-

*) Въ рукописи: Глубинныя книги.

валь, а также упражнялся въ иконописи. Его живописный талантъ находилъ себѣ пищу въ предметахъ, занимавшихъ всѣ умы въ раннюю эпоху средневѣковую. Онъ писалъ двѣ въ то время знаменитыя иконы Страшный Судъ втораго Пришествія и Испытанія воздушныхъ мытарствъ. Но особенно сильно дѣйствовалъ онъ на своихъ современниковъ живымъ словомъ, какъ даровитый ораторъ.

Толпами стекался къ нему народъ, слушая его воодушевляющія поученія. Высокія дарованія этого необыкновеннаго человѣка возбудили въ духовенствѣ къ нему зависть. Онъ былъ схваченъ и судимъ. Но правда восторжествовала, и онъ мирно кончилъ дни въ своемъ монастырѣ.

Смотр. Житіе Авраамія Смоленскаго (въ Прологѣ подъ 21 числомъ августа) въ Православномъ Собесѣдникѣ. 1858 г. Сентябрь и Ноябрь. Сверхъ того о немъ же: Макарія Исторія Русской Церкви. Кн. 3, стр. 47—50, 171—175. Шевырева Исторія Русской Словесности, Ч. 3, стр. 13—16. Муравьева Житія Святыхъ. Августъ, стр. 107 и слѣд.

Разсмотрѣвъ во всей подробности два главныхъ элемента древнерусской словесности, то есть, элементъ до-христіанскій, языческій, и элементъ христіанскій въ книгахъ, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи черезъ Болгарію, обратимся теперь къ историческому развитію нашей національной литературы. Сопутствуя сложению и возрастанію Русскаго государства подъ наитіемъ двухъ властей—церковной и гражданской, служа вѣрнымъ выраженіемъ вкорененію въ Русской землѣ православія и расширенію княжескаго могущества, и потомъ собиранію Русской земли подъ одно начало, древняя литература наша имѣетъ своимъ содержаніемъ все существенное, чѣмъ жила Русь нравственно въ теченіе многихъ столѣтій, и что доселѣ, какъ основа всему современному, не утратило своего обаятельнаго могущества. Если русскій народъ, по различнымъ мѣстностямъ нашего великаго отечества, получилъ какую либо нравственную физиономію, если путемъ историческимъ сложился его нравственный характеръ, то этимъ обязанъ онъ медленному возрастанію въ теченіе тѣхъ столѣтій, которыхъ литературу надлежитъ прослѣдить намъ теперь.

Словесность древняя и народная, какъ плодъ родной земли, была такъ сказать прикована къ извѣстной мѣстности; какъ растеніе

своего климата, она постепенно возникала и процвѣтала то на сѣверѣ Россіи, то на югѣ, то на западѣ, то на востокѣ. Намъ уже извѣстны поэтическія и литературныя преданія двухъ древнѣйшихъ центровъ русской жизни—Кіева и Новагорода. Вмѣстѣ съ расширеніемъ православія и княжеской власти, умножаются средоточія исторической дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ и слагаются народныя сказанія во Владимірѣ, Москвѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ и въ другихъ областяхъ; и какъ изъ всѣхъ этихъ мѣстностей сложилось наконецъ Русское царство съ Москвою въ своемъ средоточіи, такъ и всѣ мѣстныя, такъ сказать удѣльныя сказанія и преданія, какъ эпизоды великаго національнаго эпоса, составляютъ главное и существенное содержаніе древне-русской литературы. Чтобъ составить себѣ ясное понятіе о нравственномъ характерѣ русскаго народа надобно войти въ мѣстные интересы всѣхъ частей, изъ которыхъ этотъ характеръ сложился. И доселѣ еще каждый изъ древнихъ городовъ, каковы Новгородъ, Муромъ, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ, Псковъ, сберегли свои мѣстные преданья и сказанья, которые даютъ особенную нравственную фیزیономію каждому изъ нихъ. Эти мѣстные особенности обязательны для всякаго русскаго человѣка, потому что всѣ вмѣстѣ составляютъ онѣ его завѣтное національное сокровище.

И тѣмъ необходимѣе обратить вниманіе на эти мѣстныя черты общей русской національности, что вошедши вглубь народной жизни, онѣ уже потеряли силу къ дальнѣйшему развитію въ литературѣ; потому что литература новая, то есть, съ тридцатыхъ годовъ XVIII в. до нашихъ временъ, стремится стать уже выше всякаго мѣстнаго стѣсненія. Это уже не Кіевская литература, ни Новгородская, Муромская или Владимірская, даже не Московская или Петербургская, но вообще литература Русская или точнѣе сказать Великоорусская (по нарѣчію, въ отличіе отъ Малорусскаго и Бѣлорусскаго нарѣчія). Даже въ самомъ внѣшнемъ выраженіи литература новая ревниво преслѣдуетъ свое отвлеченное отъ жизни стремленіе: она гнушается провинціализма, она не терпитъ при себѣ развитіе литературныхъ идей на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Конечно, можно бы вполнѣ простить новой литературѣ, что она заглушила своей дѣятельностью все провинціальное, если бы она была дѣйствительно Русскою, и если бы она сложилась изъ мѣстныхъ элементовъ, какъ Русское

государство изъ удѣловъ и областей. Напротивъ того, отрѣшившись отъ мѣстной родной почвы, наша новая литература цѣлое столѣтіе робко влачилась по слѣдамъ литературъ Западныхъ и все болѣе и болѣе уклонялась отъ интересовъ національныхъ. Она избрала себѣ отвлеченный языкъ для того, чтобъ передавать отвлеченныя отъ русской жизни идеи, чуждыя ей понятія и убѣжденія. Итакъ, надобно обратиться къ историческому развитію древней литературы, чтобъ усвоить себѣ національныя основы русской жизни.

Намъ уже извѣстны древнѣйшія національныя сказанія Кіева и Новагорода. Обратимся теперь ко Владиміру, слѣдуя за историческимъ теченіемъ русской жизни.

Л Е К Ц І Я 46-я.

Читана 24-го мая 1860 года.

Монументальныя остатки прошедшей исторической жизни питаютъ въ народѣ его національное чувство, внушаютъ не только уваженіе къ своей прожитой старинѣ, но и сознаніе собственнаго своего достоинства. Эти историческіе остатки, хотя бы и бесполезныя для практическаго употребленія развалины—имѣютъ въ жизни народа важное значеніе: онѣ говорятъ о старинѣ и преданіи, и наглядно поучаютъ cadaго, точно такъ, какъ стѣнная живопись въ средневѣковыхъ храмахъ и миниатюры въ народныхъ книгахъ предназначались нѣкогда для назиданія неграмотныхъ. Неистощимое богатство этихъ монументальныхъ слѣдовъ исторической жизни на Западѣ—и необыкновенная бѣдность и однообразіе у насъ—на первомъ же шагу при вступленіи въ обзорѣніе національныхъ преданій по разнымъ мѣстностямъ нашего отечества—должны бы, кажется, остановить насъ.

И дѣйствительно, разнообразіемъ древнихъ зданій, сооруженій и вообще осязаемыхъ остатковъ прошедшаго сильнѣе вкореняются въ народѣ его поэтическія и бытовья преданія; народъ крѣпче и надежнѣе усаживается на мѣстности, которая уже сама говоритъ ему о его прошедшемъ, о его родѣ и племени, о его вѣковыхъ привычкахъ и симпатіяхъ. У насъ же на Руси, при великомъ недостаткѣ въ мастерахъ и въ техническихъ средствахъ, самый матеріаль

изъ котораго городили города и сооружали храмы, препятствовали долговѣчности: это не камень, а дерево, которое легко исчезало и отъ переменъ суроваго климата, и отъ огня.

Сравнивая это повидимому противоположное отношеніе къ родной старинѣ и на Западѣ, и у насъ, многіе изъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ приходили къ тому убѣжденію, что русскій народъ не привыкъ дорожить своею историческою жизнію, не умѣетъ и не можетъ дорожить ею; будто, за отсутствіемъ прочныхъ національныхъ преданій, русскій народъ, не будучи приврѣпленъ къ родной мѣстности никакими историческими воспоминаніями, можетъ только, или бессмысленно коспѣть въ суевѣріяхъ раскола, или же—безъ всякаго сожалѣнія промѣнять свой получеловѣческій бытъ на всякій другой, по новымъ требованіямъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ. Этотъ взглядъ, поселяющій презрѣніе къ русскому народу, могъ образоваться только по крайнему невѣдѣнію исторіи русскаго быта и литературы.

Чѣмъ однообразнѣе и бѣднѣе монументальными остатками наша старина, тѣмъ удивительнѣе должно быть для насъ, какъ и доселѣ сохраняются въ народѣ мѣстные преданія и сказанья не только отъ временъ Іоанна Грознаго, отъ временъ Татарщины и удѣловъ, но даже отъ эпохи миѣической. Намъ уже извѣстны древнѣйшія поэтическія и литературныя преданія Новагорода и Кіева: и доселѣ освѣжаются они въ памяти народа, будучи присоединяемы, то къ какому нибудь собственному имени монастыря, какъ напр. Перюньскій скитъ (въ Новгородскихъ сказаніяхъ), то къ урочищу, какъ Кожемяки въ Кіевѣ и т. п.

Теперь, переходя въ сѣверовосточную глушь древней Руси XII и XIII в., въ Залѣсье, въ дикую страну Суздальской области, мы встрѣчаемъ, при бѣдности монументальныхъ слѣдовъ исторической жизни, то же богатство и разнообразіе національныхъ сказаній, частію записанныхъ въ памятникахъ нашей литературы отъ XII и до XVIII в., частію и доселѣ живущихъ въ устахъ народа.

Эта сѣверовосточная глушь Суздальской области должна быть особенно дорога нашему національному чувству, потому что отъ нея доносятся до насъ самыя раннія преданія о городѣ Владимірѣ, объ этомъ центрѣ новаго порядка вещей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о

Москвѣ. Особенно замѣчательно то обстоятельство, что въ литературныхъ и народныхъ сказаніяхъ начало Москвы связывается съ учрежденіемъ великокняжеской власти во Владимірѣ.

Дѣйствительно, и въ политическомъ отношеніи Владиміръ составляетъ естественный переходъ отъ Кіева къ Москвѣ.

Намъ уже извѣстны основныя нити преданія, сохранившагося въ родѣ Мономаховичей, нити домашняго фамилнаго преданія, которыми съ Кіевскою святынею связывалась земля Ростовская и Суздальская, то есть наслѣдственная область Всеволодова дома или Мономаховичей. Мы уже знаемъ, какъ было дорого этому княжескому роду Кіевопечерское преданіе о Варягѣ Шимонѣ, знаемъ, что варяжскія святыни прославлены были чудесами особенно въ фамиліи Всеволода, и что сынъ его, Владиміръ Мономахъ, взявъ мѣру Кіевопечерской церкви Успенія Богородицы, мѣру, опредѣленную варяжскимъ поясомъ, соорудилъ церковь, во всемъ сходную съ Кіевопечерскою, и въ своемъ княженіи въ Ростовѣ; и что, наконецъ, сынъ его Георгій, какъ бы слѣдуя родовому преданію, слышавъ отъ своего отца о чудесахъ Печерскаго храма, въ ту же мѣру соорудилъ храмъ и въ своемъ княженіи, въ городѣ Суздаль.

Андрей Боголюбскій, по внушенію фамилныхъ преданій, въ 1158 г. положилъ основаніе Успенскому собору во Владимірѣ на Клязьмѣ. Это родовое Кіевопечерское преданіе соединено было во Владимірѣ съ новою, уже чисто мѣстною святынею, впрочемъ все же связанною исторически съ Кіевомъ.

Вмѣстѣ съ иконою Богоматери Пирогощей*), была принесена изъ Цареграда въ даръ Юрію Долгорукому въ Кіевъ другая икона Богородицы, писанная, по преданію, евангелистомъ Лукою. Она была поставлена въ Вышегородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и скоро обратила къ себѣ вѣрующія сердца великими чудесами. „Крилошаны входятъ въ церковь,—говоритъ Кіевскій лѣтописецъ,—а та чудная икона, съ мѣста своего выпедь, стоитъ особѣ средь церкви своей. И молился князь Андрей (т. е. Боголюбскій) той иконѣ, и взявъ ночью святую икону безъ отчаго повелѣнія и поѣхалъ на Русскую

*) Иля—слѣдуя преданіямъ—отъ купца Пирогощи, который вывезъ икону, или вѣрнѣе—отъ мѣста, гдѣ она была поставлена—на Пироговкѣ. И доселѣ около Кіева есть селеніе Пирогово.

землю съ своею княгинею и съ своимъ дворомъ, и взялъ съ собою крилошанъ Вышегородскихъ, попа Микулу и зятя его, Нестора дьякона. И много чудесъ было имъ идущимъ до Владиміра отъ чудной иконы; и поставилъ ей храмъ на рѣкѣ на Клязьмѣ и двѣ церкви каменные *).“

Благочестивый и воинственный князь Андрей Юрьевичъ, во всѣхъ своихъ походахъ, постоянно имѣлъ при себѣ двѣ святыни—эту икону, привезенную изъ Вышегородскаго монастыря, и мечъ св. Бориса, который былъ пѣкогда княземъ въ землѣ Ростовской, въ дѣдинѣ и отчинѣ князи Андрея Боголюбскаго. Этотъ князь, при содѣйствіи святочтимой иконы побѣдивъ 1-го августа 1164 г. болгаръ, въ одинъ день съ побѣдою греческаго императора Мануила надъ сарацинами, установилъ праздновать въ этотъ день память той и другой побѣды. Съ тѣхъ поръ икона получила во имя Владимірской.

Къ этому надо присовокупить, что 26 августа 1395 г., по желанію в. к. Василія Димитріевича и митрополита Кипріяна, эта икона была перенесена въ Москву, спасла ее отъ нашествія Тамерлана, и постановлена въ Успенскомъ соборѣ, которымъ Москва также связывается съ Кіевомъ черезъ Владиміръ, Суздаль и Ростовъ. Встрѣчена была икона въ Москвѣ на Кучковомъ полѣ, гдѣ тогда же построенъ былъ Срѣтенскій монастырь.

Для насъ, въ литературномъ отношеніи, особенно важно это Кучково поле, напоминающее родственниковъ и убійцъ Андрея Юрьевича, т. е. фамилію Кучковыхъ, о которыхъ сказанія принадлежатъ къ древнѣйшимъ преданіямъ Владиміро-Московскимъ.

Примѣчаніе. Со Владимірскою иконою не должно смѣшивать Боголюбскую, которая отличается отъ нея изображеніемъ, и, которая, представляя видѣніе, бывшее Андрею Боголюбскому, по его заказу была писана иностранными изографами (т. е. живописцами).—Отправившись изъ Вышеграда съ иконою, писанною евангелистомъ Лукою, Андрей Юрьевичъ черезъ Владиміръ хотѣлъ ѣхать въ Ростовъ. Но икона остановилась и ничѣмъ не могли ее сдвинуть съ мѣста. Велѣно было пѣть молебны. Къ ночи князь вошелъ въ свой шатеръ и долго со слезами молился, тогда „въ полунощи—какъ сказано въ житіи этого

*) Рождества Богородицы и Покрова.—Икона же была изъ Боголюбова перенесена во Владимір только въ 1164 г. и поставлена въ Успенскомъ соборѣ.

князя—явилась сама Пресвятая Богородица очевиднѣ въ наметѣ стоящая, держа въ одной рукѣ хартію, и сказала ему: не хочу, да образъ мой несешъ въ Ростовъ, но постави его во Владимірѣ, а на семь мѣстѣ во имя моего Рождества церковь каменную воздвигни и обиталище инокомъ состави.“

Такимъ образомъ и былъ основанъ городъ Боголюбовъ и монастырь Боголюбскій*). Итакъ подѣ наитіемъ высшихъ Божественныхъ силъ, надобно было оставить старые города, бѣжать изъ Кіева, даже тайно, какъ говоритъ преданіе о князѣ Андрѣ, и, не доходя до стараго Ростова, основаться на новомъ, дотолѣ необитаемомъ мѣстѣ. Таковъ историческій смыслъ этихъ священныхъ преданій.

Теперь перейдемъ собственно къ поэтическимъ мѣстнымъ сказаньямъ и преданьямъ.

Мы уже не разъ замѣчали, что христіанскіе просвѣтители водружали крестъ и ставили храмъ истинному Богу на развалинахъ древнихъ языческихъ капищъ. Построеніе городовъ нашими князьями было вмѣстѣ и распространеніемъ на Руси государственнаго порядка и обращеніемъ народа въ христіанскую вѣру, особенно въ дикихъ мѣстахъ Сѣверовосточной Руси. Судя по урочищамъ, и доселѣ удержавшимъ языческія названія, надобно полагать, что около города Владиміра издавна было какое-то средоточіе мѣстныхъ жителей—язычниковъ. Долина, находящаяся между Владиміромъ и Боголюбовымъ, и доселѣ именуется Яриловою. Ярило (отъ ярий—свѣтлый и горячій и ярь—весна, оттуда яровой хлѣбъ) было божество плодоносящее, божество свѣта и тепла весенняго времени. Потому и доселѣ на Яриловой долинѣ, между Владиміромъ и Боголюбскимъ монастыремъ, ежегодно весною, въ день сошествія Св. Духа бываетъ простонародное гуляніе съ хороводами, въ которыхъ особенно въ этотъ день поется языческая пѣсня:

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой, Дидъ Ладо! сѣяли и пр.

По Яриловой долинѣ протекаетъ рѣчка Почайна—южное имя, вывезенное, вѣроятно, изъ Кіева дружинами Мономаховичей. Почайна опрошаетъ такъ называемый Княжій лугъ.

Во Владимірскихъ преданіяхъ сохранилась память о другомъ языческомъ божествѣ, о Волосѣ, въ наименованіи Волосова Нико-

*) Село Боголюбово отстоитъ отъ Владиміра на 11 верстѣ.

лаевского монастыря, нынѣ упраздненнаго (въ 16 верстахъ отъ Владиміра). По преданію, сохранившемся въ народѣ, Николаевскій монастырь стоялъ прежде на возвышенности, надъ рѣкою Колочкою, на мѣстѣ уничтоженнаго языческаго капища, посвященнаго богу—Волосу; и церковь, и монастырскія строенія были деревянныя*). Но потомъ образъ св. Николая угодника съ этого мѣста сходилъ туда, гдѣ впослѣдствіи была построена каменная церковь—уже подъ горою,—и являлся на деревѣ висящимъ на волосахъ, почему будто бы и монастырь получилъ названіе Волосова: это уже этимологія позднѣйшихъ временъ, когда даже стало забываться мифологическое значеніе Волоса.

Теперь переходимъ къ сказаніямъ, связывающимъ начало Москвы съ судьбою Андрея Боголюбскаго. Исторически извѣстно, что Москва, какъ маленькое мѣстечко отдаленной Суздальской области, существовала уже въ 1147 г., когда марта 28 угощаль въ ней Георгій Долгорукій Святослава Ольговича и бояръ его.

Разсказываютъ позднѣйшія лѣтописи, будто Георгій же и построилъ этотъ городъ**). Къ этому присовокупляютъ, будто бы этотъ князь, пріѣхавъ на берегъ Мосевы рѣки, въ село богатаго боярина Степана Ивановича Кучки, велѣлъ умертвить его за какую то дерзость, а сына своего Андрея, княжившаго тогда во Владимірѣ Суздальскомъ, женилъ на прекрасной дочери казненнаго боярина. По сказаніямъ, эта супруга Андрея называлась Улитюю. Какъ бы то ни было, но исторически извѣстно, что братья ея Кучковичи ночью въ распахъ умертвили князя Андрея въ Боголюбовѣ, мстя за то, что онъ казнилъ за какое то преступленіе одного изъ ихъ братьевъ.

Можетъ быть, въ этомъ убійствѣ и въ послѣдовавшемъ затѣмъ грабежѣ слѣдуетъ видѣть не одну семейную распрю; можетъ быть, это было возстаніе прежнихъ вотчинниковъ и дикаго населенія противъ водворявшейся въ центрѣ ихъ новой силы. Но для насъ важна именно эта семейная драма, которая оставила по себѣ глубокіе слѣды въ мѣстныхъ народныхъ сказаніяхъ.

Въ народѣ доселѣ живутъ преданія о мѣстѣ казни убійць Андрея Боголюбскаго. Верстахъ въ семи отъ города Владиміра, не

*) Смотри Владимірскій Сборникъ. Тихонравова. 1857 г., стр. 110.

**) Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, т. 2, стр. 217 и примѣч. 301, по 2-му изд.

въ дальнемъ разстояніи отъ лѣваго берега рѣки Клязьмы, находится такъ называемое Пловучее озеро, съ одной стороны окруженное густымъ сосновымъ боромъ, а съ другой мелкимъ кустарникомъ *). Болотистые, заросшіе мохомъ берега его, обильные ягодами, привлекаютъ сюда и горожанъ, и поселянъ. Но лишь только начинается смеркаться, всѣ спѣшатъ удалиться отъ этого озера, въ черной водѣ котораго будто бы и доселѣ плаваютъ колоды съ тѣлами казненныхъ убійць князя Андрея Боголюбскаго. Мшистыя зеленыя кочки, плавающія отъ одного берега озера къ другому, преданіе обратило въ могильныя колоды, не сгнившія будто бы въ теченіе многихъ столѣтій. Тѣла Кучковичей, которыхъ, какъ говоритъ преданіе, вели къ мѣсту казни съ подрѣзанными пятками, стали не подвержены тлѣнію для вѣчныхъ томительныхъ мученій.

Ночь на 29 іюня, когда въ 1175 г. было совершено убіеніе князя Андрея—по мѣстнымъ разсказамъ—бываетъ самая мучительная для Кучковичей и самая страшная для запоздалаго путника. Будто бы слышится тогда унылый стонъ заключенныхъ злодѣевъ, колоды ихъ потрясаются и озеро волнуется.

Фантазія народная, отдавая такимъ образомъ по своему отчетъ объ историческихъ дѣятеляхъ отдаленной эпохи, не пощадила въ своихъ преданіяхъ и супруги Андреевой, Улиты, которая будто бы волею или неволею была соучастницею въ злодѣянніи. Тоже верстахъ въ семи отъ Владиміра, по большой Муромской дорогѣ, есть другое озеро, называемое Поганымъ или Поганцѣмъ. Въ народѣ разсказывается, будто по повелѣнію брата Андреева Михаила за свое преступленіе княгиня Улита, дочь Кучки, брошена въ это озеро съ тяжелымъ жерновомъ на шеѣ, и будто бы съ тѣхъ поръ получило оно названіе Поганаго.

Та же самая семейная драма, съ измѣною, убійствами и местию вносится въ сказанія о началѣ Москвы, съ грубыми анахронизмами, но, очевидно, по стариннымъ народнымъ преданіямъ. Кучковичи и Улита также играютъ главныя роли, но стоятъ въ другихъ отношеніяхъ, и вмѣсто Андрея Боголюбскаго является какой то Данило Ивановичъ, иначе Александровичъ **). Самое уже начало одного изъ

*) Смотри Древній Боголюбовъ городъ и монастырь. Доброхотова. 1825 г. стр. 116—118.

***) Смотри Временникъ 1851 г., № 11. Сказаніе о началѣ Москвы. Слѣхи тоже у Карамзина, т. 2, примѣч. 301.

этихъ сказаній, по рукописи XVII в., своимъ размѣромъ напоминаетъ народныя стихи и сказки:

„Почему было бы на Москвѣ царству быти, и кто зналъ, что Москвѣ царствомъ слыти? Были на семь мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ села красныя хорошаго боярина Кучки Степана Ивановича. Боярина же того были два сына вельми красны. И свѣда про нихъ князь Данила Александровичъ Невскаго и нача просити у Кучки боярина дву сыновъ его къ себѣ во дворъ“—а если не отдасть, то князь Даниилъ Суждальскій грозилъ ему войною; Кучка утѣшился князя и отдалъ ему обоихъ сыновей. Даниилъ одного изъ нихъ пожаловалъ въ стольники, другаго въ чапники. Были они оба прекрасны, и супругу князя Даниила, княгиню Улиту Юрьевну (?)—какъ сказано въ подлинникѣ—уязви врагъ: возлюбила она „красоту лица ихъ“,—и вмѣстѣ съ ними составила преступный планъ, какъ бы погубить князя, и рѣшено было привести его въ исполненіе на охотѣ. Кучковичи позвали князя Даниила въ полѣ ѣздити, утѣшенія ради смотрѣти звѣрскаго уловленія зайцевъ. Во время охоты напали они на князя и его ранили. Раненый князь ускакалъ отъ нихъ на конѣ въ лѣсъ, потомъ, бросивъ коня, дошелъ до Оки-рѣки и хотѣлъ въ лодкѣ переѣхать на ту сторону. У князя въ ту пору денегъ съ собой не было, заплатить за перевозъ не чѣмъ, а перевозчикъ, не узнавъ князя, подплывая къ нему съ другой стороны, говорилъ: „лихи де вы люди обманчивы, какъ де васъ перевезу рѣку (по древнему вмѣсто: черезъ рѣку), и вы не давъ ничего такъ и уходите.“

Несчастный Даниилъ предлагаетъ перевозчику свой перстень. Первозчикъ, не довѣряя обѣщанію, требуетъ, чтобъ перстень былъ ему отданъ впередъ. Протянулъ изъ лодки весло, и князь положилъ на него свой перстень. Но коварный лодочникъ, взявъ плату, отчалилъ лодку и оставилъ князя на берегу. Тогда князь, боясь своихъ гонителей, влѣзъ въ маленькій срубъ, гдѣ былъ погребень какой то мертвецъ. Между тѣмъ Кучковичи вездѣ искали его и не находили. Они очень беспокоились, чтобъ князь Данила не отправился во Владиміръ къ своему брату Андрею Александровичу (?) и чтобы вмѣстѣ съ нимъ не отомстилъ имъ за измѣну. Тогда княгиня Улита говорила братьямъ Кучковичамъ, повѣдая имъ всѣ тайны своего

мужа: „есть де у мужа моего песъ выжлецъ*), и какъ де онъ князь Даниль ѣздитъ противъ враговъ своихъ на побоище, на татаръ или на крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ, поѣзжая: егда де я отъ татаръ или крымскихъ людей убиенъ буду, или инымъ какимъ случаемъ придетъ смерть мнѣ безвѣстная, или на бою въ трупахъ человѣческихъ сыскати и познати мя не мощно; и ты пошли на взысканіе дворянъ своихъ съ тѣмъ псомъ моимъ, и вели имъ пустити того пса передъ собою проста, а самимъ ѣхати за псомъ, и той песъ взыщеть мя неложно, и тѣло мое будетъ лизать радостно.“

И дала княгиня Улита Кучковичамъ того пса. Онъ бросился по слѣдамъ своего любимаго господина, и нашедши его нача шією вертѣти и махати, радуясь ему. Застигнувъ такимъ образомъ князя, Кучковичи убили его, похоронивъ его тѣло въ томъ самомъ срубѣ. Потомъ приѣхали въ городъ Суздаль и привезли княгинѣ Улитѣ кровавую ризу ея убитаго супруга.

Не скоро дошла вѣсть объ этомъ злодѣяніи во Владимірѣ городѣ ко князю Андрею Александровичу. Отъ князя Данила остался юный сынъ Иванъ Даниловичъ. Вѣрный слуга, по имени Давидъ, сжалившись надъ нимъ, увезъ его во Владимірѣ и разсказалъ тамъ о случившемся.

Составитель сказанія сравниваетъ въ этомъ мѣстѣ убиеннаго Данила съ Борисомъ и Глѣбомъ, а Кучковичей съ Святополкомъ, рекомымъ Поганополкомъ, Андрея же Александровича, какъ мстителя за своего брата, сравниваетъ съ Ярославомъ. Это риторическое отступленіе имѣетъ для насъ ту цѣну, что, по Владимірскому сказанію, Андрей Боголюбскій также сближается съ св. Борисомъ: при немъ всегда былъ мечъ этого князя мученика.

Князь Андрей собралъ во Владимірѣ войско и пошолъ на Суздаль. Кучковичи пришли въ ужасъ, не будучи въ силахъ отразить нападеніе, а суздальцы, нисколько не сопротивляясь Андрею, говорили: „Мы не совѣтники на смерть государя своего и не участники въ убиеніи твоего брата“—и выдали ему княгиню Улиту, которая тогда же была казнена. Потомъ, взявъ съ собою и суздальское ополченіе, Андрей отправился на Степана Ивановича Кучку—а

*) Охотничья собака.

около его красныхъ селъ не было тогда ограды каменной и острога деревяннаго, потому князь легко взялъ приступомъ тѣ села и слободы красныя, и плѣнивъ Кучку съ его обоими сыновьями, всѣхъ ихъ казнилъ смертію. Однако селъ и слободъ тѣхъ, по обычаю времени,—не пожогъ, но остался тамъ отдохнуть, а на утро осмотрѣлъ всѣ села и слободы. И вложилъ ему Богъ въ сердце поставить тамъ городъ, и молился князь Андрей со слезами: „Боже Вседержителю, Творче всѣмъ и Создателю! Прослави, Господи, мѣсто сіе и подаждь, Господи, помощь желанію моему устроить городъ и создати св. церкви.“ И съ тѣхъ поръ князь Андрей сталъ тамъ жить. Построилъ деревянную церковь во имя Благовѣщенія и основалъ городъ около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ, и назвалъ тотъ городъ Москва. „Пособствована суждальцы, владимірцы и ростовцы, и всѣ окрестніи“—говоритъ сказаніе, указывая на связь Москвы съ Владимірскимъ княженіемъ.

Итакъ, родомъ Кучковыхъ и ихъ (фамильною катастрофою связываются преданія Владимірскія съ Московскими. Съ основаніемъ Москвы, также какъ и съ возвышеніемъ Владиміра соединяется въ сказаніяхъ память о какомъ-то великомъ преступленіи, о кровавой драмѣ. Еще Карамзинъ (Т. 2, стр. 214) приводитъ слѣдующія слова одного стариннаго повѣствователя: „Москва есть третій Римъ, и четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова человѣческая: Москва также на крови основана, и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣлалась царствомъ знаменитымъ.“ Согласно съ этимъ и доселѣ слыветъ въ народѣ пословица, что Москва на крови стоитъ.

Л Е К Ц І Я 47-я.

Читана 26-го мая 1860 года.

Къ сказаніямъ о связи основанія Москвы съ судьбою Андрея Боголюбскаго присовокупимъ нѣсколько позднѣйшихъ повѣствованій тоже объ основаніи этого города, повѣствованій нелѣпныхъ, но имѣющихъ отношеніе къ русской народной поэзіи.

Подобно полянской сказкѣ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, повѣствованія эти основаны на этимологіи собственныхъ именъ уро-

чищъ*). Въ XVII в. рассказывали, будто сынъ Іафетовъ Мосохъ, первый обитая съ родомъ своимъ въ Московской области, имѣлъ прекрасную жену, именемъ Кву, сына Я и дочь Взу или Узу; будто ихъ четырема именами названы рѣки: Москва (Мосохъ и Ква) и Яуза (Я и Уза или Ва), и будто Мосохъ, первый князь и патріархъ Россіи, основалъ городъ Москву на устьѣ Яузы. Какъ ни наивна эта дѣтская сказка, въ ней видна однако та мысль, что величіе Московскаго царства должно опираться на маститой давности библейскихъ преданій.

Другіе, болѣе скромные рассказы заставляютъ принимать участіе въ основаніи Москвы только грековъ и римлянъ. Въ XVII же вѣкѣ рассказывали, будто какой то великій князь Данило Ивановичъ, послѣ Рюрика, короля Римскаго, въ 14 лѣто припоздъ изъ Новгорода въ Суздаль, гдѣ родился ему сынъ Георгій, и во имя его создалъ князь городъ Юрьевъ Польскій. Потомъ поѣхалъ Данило изыскивать мѣста, гдѣ бы ему создать престольный городъ своему великому княженію. И взялъ онъ съ собою пѣкѣго гречина, именемъ Василия, мудра зѣло и вѣдающаго, чему и впредь быть; и вѣхалъ съ нимъ князь на островъ темный и непроходимый, въ которомъ было болото великое и топкое, и посреди того острова и болота увидѣлъ великій князь превеликаго звѣря, троеглава и красна зѣло (т. е. прекраснаго). Тогда грекъ Василій сказалъ князю Данилу: „Великій княже! на семь мѣстѣхъ соизидется городъ великъ, и распространится царствіе треугольное, и въ немъ умножатся разныхъ орды люди.“ Князь Данило въ томъ острову посреди болота наѣхалъ островецъ малъ, а на немъ хижина, а въ ней живетъ пустынникъ, а имя ему Букаль, и хижина потому называется Букалова: и нынѣ на томъ мѣстѣ Царскій дворъ и церковь Спасъ на бору. Послѣ того в. к. Данило Ивановичъ съ тѣмъ же гречиномъ наѣхалъ горы, а въ горахъ хижину, а въ той хижинѣ человекъ римлянинъ, имя ему Подонъ, исполненъ Св. Духа, и сказалъ тотъ римлянинъ: „Возлюби, княже великій, мѣсто сіе!“— И князь на хижинѣ Букаловой черезъ шесть лѣтъ послѣ того заложилъ городъ Москву, а на хижинѣ Подоновой заложилъ церковь Спаса.

*) Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, 2, примѣч. 301.

Къ этимъ страннымъ разсказамъ присовокупляется одна подробность, важная для исторіи народной поэзіи: будто бы Москва рѣка называлась прежде Смородиною, а имя Москвы получила уже потомъ отъ мостковъ—этимологія, безъ сомнѣнія, ошибочная, потому что слово Москва, вѣроятно, финскаго происхожденія. Но въ народной поэзіи рѣка Москва дѣйствительно называется Смородиною и описывается рѣкою глубокою, непроѣздною, черезъ которую очень опасны броды и переправы. Сверхъ того, какъ рѣка эпохи миѳической, изображается Смородина въ видѣ красной дѣвицы, соответственно тому, какъ рѣка Лыбедь была сестрою Кія, Щека и Хорива, и какъ Дунай, Донъ и Волховъ представляются въ народной фантазіи то витязями и богатырями, то полубогами и чародѣями.

Въ одной старинной пѣснѣ изображается печальная участь одного злосчастнаго добра молодца *):

Скатилась лгодка съ сахарнаго деревца,
Отломилась вѣточка отъ кудрявья отъ яблони,
Отстаецъ добрый молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери,
А пынѣ ужъ молодцу безвременье великое:
Господь Богъ прогнѣвался, Государь Царь гнѣвъ взложилъ,
Отецъ и мать молодца у себя не въ любви держать,
А и родъ-племя молодца не могутъ и видѣти,
Сусѣди ближніе не чтуть, не жалуютъ,
А друзья-товарищи на совѣтъ не съѣзжаются,
Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати
Про службу царскую и про службу воинскую.

И съ той кручины и печали великой, садился тотъ несчастный добрый молодецъ на своего коня и поѣхалъ на чужую, дальнюю сторону.

Какъ бы будетъ молодецъ у рѣки Смородины,
А и взмолятся молодецъ:
„А и ты мать, быстра рѣка, ты быстра рѣка, Смородина!
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты про броды кониные,
Про мосточки калиновы, перевозки частые.“

*) Древнія Россійскія Стихотворенія, стр. 295—8.

Провѣщится быстра рѣка человѣческимъ голосомъ,
 Да и душой красной дѣвицей:
 „Я скажу тѣ (т. е. тебѣ), быстра рѣка, доброй молодецъ,
 Я про броды кониные, про мосточки калиновы, перевозки
 частые:

Со броду конинаго я беру по добру коню,
 Съ перевозу частаго по сѣделечку черкесскому,
 Со мосточку калинова по удалому молодцу;
 А тебя безвременнаго молодца
 Я и такъ тебя пропущу.“

И дѣйствительно, добрый молодецъ переѣхалъ безпрепятственно, и отѣхавши съ версту, сталъ въ своемъ глупомъ разумѣ похваляться, что сказывали про быструю рѣку Смородину: „ни пройти, ни проѣхать по ней ни пѣшему, ни конному, а она хуже той лужи дождевой!“ Тогда вскричала быстрая рѣка Смородина, будто въ погонь за молодецъ гонится:

„Безвременный молодецъ! Ты забылъ за быстрой рѣкой
 Два друга сердечные, два остра ножа булатные,
 На чужой дальней сторонѣ оборона великая!“

Воротился молодецъ за рѣку Смородину, но потерявъ бродъ, попалъ на глубокіе омуты и сталъ тонуть, громко жалуясь на быструю рѣку, что она его топить. Тогда провѣщала рѣка человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей:

„Безвременный молодецъ! Не я тебя топлю,
 Безвременнаго молодца, топить тебя,
 Молодецъ, похвальба твоя—пагуба!“

Итакъ, заключаетъ пѣсня:

Утонуть добрый молодецъ во Москвѣ рѣкѣ—Смородинѣ.

Согласно Владиміро-Московскому преданію о семейной драмѣ, основанной на мщеніи и убійствѣ, и народныя пѣсни съ именемъ Москвы рѣки—Смородины соединяютъ, кромѣ гибели этого безвременнаго добраго молодца, воспоминаніе, столь же мрачное, трагическое о томъ, какъ нѣкоторый князь Романъ жену терялъ—

Жену терялъ, онъ тѣло терзаль,
 Тѣло терзаль, во рѣку бросаль,

Во ту ли рѣку во Смородину.
 Слегалися птицы разныя,
 Сбѣгалися звѣри дубравые;
 Откуль взялся младъ сизой орель,
 Унесъ онъ рученьку бѣлую,
 А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Взыскалась своей матери молодая княжна Анна Романовна, спрашиваетъ князя Романа: „Государь, мой батюшка! куда ты дѣвалъ мою матушку?“ Отецъ отвѣчаетъ, что княгиня ушла въ высокіе теремы—„мыться и бѣлится, въ цвѣтно платьѣ наряжати.“ Отправилась княжна съ няньками и мамками въ терема, и, не нашедши тамъ своей матери, возвращается къ отцу и опять его спрашиваетъ: „а и гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?“ Князь отвѣчаетъ, что она пошла гулять во зеленый садъ, въ вишенье, въ орѣпенье. Отправилась любящая дочь искать свою мать въ зеленый садъ, съ няньками, мамками, весь садъ повигуляли—никого не нашли. Только въ зеленомъ саду увидѣли новую диковинку:

Ни отколь взялся младъ сизой орель,
 Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
 А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
 Уронилъ орель бѣлу руку,
 Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
 Въ тотъ ли зеленый садъ.

Подхватили ту руку нянюшки—мамушки, подавали своей княжнѣ.

А втапору Анна Романовна,
 Увидѣла она бѣлу руку,
 Опознавала она хорошъ зѣлотъ перстень
 Ея родимыя матушки.
 Ударилась о сыру землю,
 Какъ бѣлая лебедушка скрикнула,
 Закричала тутъ молода княжна:
 „А и гой еси вы, нянюшки, мамушки,
 А сѣнныя красныя дѣвушки!
 Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
 На быстру рѣку Смородину!

А что тамо птицы слетаются!
Дубравные звѣри сбѣгаются.“

Только самая грубая эпическая старина могла внушить народной фантазіи такую ужасную сцену. Дикіе звѣри и хищныя птицы дѣлятъ между собою остатки несчастной супруги князя Романа. Но чѣмъ суровѣе эта кровавая картина, тѣмъ разительнѣе нѣжное чувство любящей дочери, безутѣшно оплакивающей потерю своей матери:

А ходить тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа Анна Романовна,
А носить она руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ. . . .

Безвинно ли пострадала несчастная княгиня, или совершила какое преступленіе—пѣсня не помнитъ; ей этого даже не нужно: она воспѣваетъ только трагическое событіе, совершившееся нѣкогда на быстрой Москвѣ рѣкѣ—Смородинѣ.

Таковы мрачныя преданія литературы и народной поэзіи, доносящіяся до насъ изъ темной варварской эпохи съ береговъ Клязьмы и Москвы рѣки. Сколько ни старались украсить эти воспоминанія услужливые повѣствователи XVII вѣка различными риторическими выдумками, все же изображали мѣстность Московскую въ темной глуши, съ дебрями и топкими болотами, а вмѣсто красныхъ сель и слободъ боярина Кучки—видѣли бѣдныя хижины отшельниковъ, которые даже лестное предсказаніе о Москвѣ облекали въ суровыя фразы, намекавшія на татарщину: „въ Москвѣ умножатся разныхъ ордѣ люди“,—говорили они князю Даніилу Ивановичу.

Отъ поэтическихъ гаданій народной фантазіи перейдемъ опять на болѣе твердую почву историческихъ сказаній. Нами рассмотрѣны еще не всѣ національныя преданія, относящіяся ко времени Андрея Боголюбскаго. Мы уже знаемъ, въ какія отношенія ставятъ они возникающее Владимірское княженіе къ Кіевской святынѣ и къ зарождающейся Москвѣ. Остается сказать о Новгородѣ.

Ко времени Андрея Боголюбскаго, именно къ 1170 г. (ноября 27 дня) относится мѣстное Новгородское сказаніе о знаменіи отъ иконы Пресв. Богородицы, сказаніе сдѣлавшееся впоследствии священнымъ достояніемъ всей земли Русской. Извѣстно, что вслѣдствіе

разныхъ неудовольствій Андрей Боголюбскій послалъ на Новгородъ сына своего Мстислава. Въ этомъ походѣ противъ Новгорода участвовали князья: Смоленскій, Рязанскій, Муромскій, Полоцкій. Въ Новгородѣ княжилъ тогда Романъ Мстиславичъ, сынъ Кіевского в. к. Мстислава Изяславича, у котораго войною отнялъ Кіевъ Андрей Боголюбскій въ 1169 г.

Въ Новгородскомъ Трефологіонѣ или Патерикѣ предлагается слѣдующее повѣствованіе объ осадѣ Новагорода и о знаменіи отъ иконы Богородицы. Какъ одно изъ самыхъ основныхъ мѣстныхъ сказаній, начинается оно издалека, объемля всю предыдущую исторію Новагорода въ общемъ обзорѣніи *).

Когда Ярославъ Владиміровичъ Великій, отомстивъ Святополку за убіеніе св. Бориса и Глѣба, оставилъ Новгородъ и сталъ княжить въ Кіевѣ, тогда „Новгородцы отъ него за великое ихъ исправленіе къ нему и за премногую ихъ добродѣтель и помощь, юже показаша противъ враговъ его, почтѣни быша самовластіемъ, еже и по немъ имѣти имъ у себя начальствующаго князя по воли ихъ, его же возлюбятъ они отъ сыновъ Ярославлихъ и отъ внучатъ его, и отъ всего корени ихъ въ роды и роды. И данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не преходити предѣль, прежде уставленныхъ. И тако гражданае они многа дѣта начальствуема бяху отъ великихъ князей Россійскихъ, ихъ же сами себѣ избираху, урокъ же послушанію и данемъ княжимъ никогда же преступаемъ бываше, иже и въ зависть многіе грады сподвиже. Потомъ навѣтомъ челоуѣкоубійцы дьявола помалу граждане самовластіе на ся взяша и гордынею побѣдишася, и ко княземъ ихъ многажды, аще и миръ содѣвающе и честнымъ крестомъ утверждахуся, но ни мало правды удерживахуся; и многажды мирное завѣщаніе преступаху, и тако отъ обоихъ (т. е., и отъ Новгородцевъ, и отъ князей) преступленію бывающу потомъ отъ уставленнаго урока: овогда Новгородцемъ преслушаніе показующимъ и сопротивленіе къ державнымъ, овогда же и княземъ уставленный урокъ преступающимъ, но наипаче убо граждане многажды безлѣпно волнуещяся и крамоляху.“

*) Вотъ какими путями проходили въ массу древнерусскихъ читателей историческія свѣдѣнія и крѣпи въ ихъ умахъ вмѣстѣ съ воспоминавіями о святочитимыхъ преданіяхъ!

Затѣмъ разсказывается о знаменіи отъ иконы Богородицы, какъ о событіи, ниспосланномъ отъ Господа въ наказаніе и исправленіе Новгородцамъ.

Было въ лѣта державы в. к. Андрея Георгіевича, рекомаго Боголюбскаго, внука Владиміру Мономаху,—явилось знаменіе дивное: отъ трехъ святыхъ иконъ Пречистой Богородицы слезы текли; и таковымъ слезнымъ видѣніемъ увѣряла Владычица въ непреложныхъ своихъ молитвахъ къ Сыну своему и Богу нашему о родѣ человѣческомъ, да не искоренитъ его до конца, но помилуетъ, потому что Новгородцы колебались своимъ нестроеніемъ и посрамляя князей своихъ отъ себя изгоняли и между собою много крови проливали. Того ради преславныя эти знаменія прообразовали бѣды и напасти, не только Новугороду, но и тѣмъ, которые собирались противъ него ратовать.

Сказаніе объясняетъ походъ на Новгородъ тѣмъ, что Андрей Боголюбскій разгнѣвался на Новгородцевъ за то, что они отразили его войска, пришедшія брать съ Двинянъ дань. Собравши ополченіе съ различныхъ странъ, Андрей самъ хотѣлъ имъ предводительствовать: „Богъ же, хотя удержати начинающееся кровопролитіе, болѣзнь наведе князю оному, яко да престанеть отъ начинанія своего, и не ратуеть Богомъ покрываемаго града онаго: но ума ненаказаннаго ничтоже возможеть исдѣлти. Якоже и лютый онъ Фараонъ, многими ранами отъ Бога Моисеомъ наказуемъ, никакоже преста отъ прежняго злаго и звѣрскаго своего начинанія, дондеже богопустнымъ гнѣвомъ потопленъ бысть, такоже и сей князь Андрей никакоже преста, но гнѣвомъ дыша посылаетъ сына своего со всѣмъ воинствомъ Суждальскія земли“ и т. п.

Въ то время, какъ Новгородское мѣстное сказаніе о знаменіи отъ иконы Богородицы изображаетъ Андрея Боголюбскаго лютымъ Фараономъ, мѣстныя преданія Владимірскія называютъ этого князя святымъ и вносятъ его житіе въ мѣстный Владимірскій Патерикъ. Подобныя столкновенія мѣстныхъ интересовъ и симпатій неоднократно замѣчаются въ исторіи древне-русской литературы. Между тѣмъ какъ Боголюбскій герой побѣдоносно идетъ съ своею Вышегородскою святынею въ Сѣверо-восточную Русь и во имя покровительствующей ему иконы Богоматери одерживаетъ въ 1164 г. по-

бѣду надъ Болгарами,—Новгородцы вооружаются на того же самого боголюбиваго героя подъ покровительствомъ своей мѣстной чтимой святины и вслѣдствіе чудесной отъ нея защиты прогоняють союзныя войска Владимірскаго ополченія въ 1170 г.

Говоря о союзномъ ополченіи князей на Новгородъ, съ негодованіемъ продолжаетъ сказаніе, что князья эти, „забыша единокровнаго племени и по духу сродства св. крещенія, понеже вси единъ родъ суть Россійскій; и тако исполни конникъ и пѣшець земля, якоже глаголють нѣціи, собралася тогда вяще (т. е. больше) седмидесяте князей съ вой съ своими, и до толика, яко мало не вся Русская земля совокупися на разореніе единаго града онаго. Вси завистию взимающеса, понеже тогда бѣша Новгородцы словуща богатствомъ паче всѣхъ градовъ Россійскихъ, зане самовластіемъ управляющеса и ни единому же отъ прежде бывшихъ князей обладати собою попускающе, но уставленная и умѣренная дающе имъ*).“

Если враги Новгорода изображаются въ сказаніи о знаменіи завистливыми и несправедливыми, то сами Новгородцы благочестивыми: „ни откуда же помощи надѣющеса, но точію всю надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу возлагающе: бѣша бо зѣло благочестиви отъ отецъ, и церквамъ Божіимъ прилежаще нелѣбно, и къ нищимъ податливи и милостиви.“

Великое утѣшеніе и помощь получили тогда Новгородцы отъ своего чудотвориваго архіепископа Іоанна († 1186). Въ то время какъ граждане изнемогали, отражая отъ стѣнъ своего города великія союзныя силы, архіепископъ Іоаннъ однажды ночью молился передъ образомъ Спасителя и со слезами просилъ объ избавленіи города. И былъ ему отъ иконы гласъ: „Епископе! услышана молитва твоя. Иди въ церковь Всемиловитаго Спаса на Ильину улицу и возьми икону Пресвятыя Богородицы и вознеси на забрала града противу супостать, и узришь спасеніе отъ Господа.“ По этому случаю сказаніе, благословляя Новгородцевъ, гремитъ проклятїями противъ враговъ ихъ: „Господь Богъ—говорить сказаніе—такъ прославилъ пречистый образъ Матери своея, да посрамятся проклятїи иконоборцы,

*) Явственно выражается здѣсь мѣстный, новгородскій характеръ сказанія, надмѣнно противопоставляющій себя всему, что не согласовалось съ нимъ въ древней Руси.

утвердятся же большею вѣрою правовѣрніи иконопоклонницы, и да имѣють града сего жителіе въ вѣчныя роди сію яко стѣну необориму и твердую надежду града; противнымъ же въ большій студъ и посрамленіе, гражданомъ же въ похваленіе, яко таковое защищеніе имѣють.“ И такъ взята была икона Богоматери и перенесена на городскія стѣны; но осаждающіе не убоились и не устыдились при видѣ иконы; разъярились пуще прежняго и въ гордости своей думали уже, что тотчасъ же и весь городъ будетъ въ рукахъ, и уже улицы городскія дѣлили между собою по городамъ, хвалясь не только дома, но и церкви Божія разорить; и до того допли въ своемъ неистовствѣ, что даже въ тотъ чудотворный образъ Богородицы стрѣлы пускали. Тогда дивная та икона сама собою отворотилась отъ враговъ, и своимъ лицомъ *) повернулась къ городу, и изъ очей своихъ испустила слезы, которыя тотчасъ же архіепископъ Іоаннъ принялъ въ фелонь свой **). И этимъ великимъ знаменіемъ своимъ отняла она у враговъ силу и навела на нихъ слѣпоту, „вѣрнымъ же своимъ рабомъ дерзновеніе дарова: по своему бо градъ Богородица побораючи безъ крови побѣду показа.“ Пораженные сверхъестественнымъ ужасомъ, враги слѣпли и поражали другъ друга, или же въ страхъ и трепетъ бѣжали. И тяжекъ былъ имъ обратный путь: многіе отъ голода и мороза перемерли; иные отъ великаго голода во св. Великій постъ ѣли конину.

Таково Новгородское сказаніе о знаменіи, проникнутое самымъ исключительнымъ мѣстнымъ характеромъ. Этотъ новгородскій колоритъ выступить для насъ еще разительнѣе, когда мы прочтемъ о томъ же событіи краткія и простыя слова Суздальскаго лѣтописца, можетъ быть, также не чуждыя мѣстныхъ симпатій и нѣкотораго пристрастія къ князю Владимірскому. Союзныя войска русскихъ князей—по словамъ этого лѣтописца—„подошли къ Новугороду, а Новгородцы затворились въ городъ съ княземъ своимъ Романомъ, и бились крѣпко изъ города, и многихъ избили отъ нашихъ. Осаждающіе ничего не успѣли сдѣлать и пошли назадъ; многіе едва воротились домой пѣши, а другіе померли съ голода, и никогда не было

*) Здѣсь, какъ кажется, надобно разумѣть лицо (такъ и въ подлинникѣ)—лицевая сторона иконы, а не ликъ, обличіе.

***) Фелонь—въ древн. языкѣ муж. рода.

болѣ тяжкаго пути людямъ: иные даже конину ѣли въ Великій постъ. И было это за грѣхи наши. Слышали мы, что за три года передъ тѣмъ было въ Новѣгородѣ знаменіе, которое всѣ видѣли. Въ трехъ церквахъ новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ св. Богородица. Божія Матерь, провидѣвши пагубу, грозящую Новгороду и его волости, молила Сына своего со слезами, дабы Новгородцевъ отнюдь не искоренилъ, но помиловалъ. Такъ и было. Богъ и Божія Матерь очевидно избавили ихъ милостію своею, потому что они христіане. „Наказуя накажи мя, Господи, а смерти не предаждь мене“—сказалъ Давидъ. Такъ и людей Новгородскихъ наказалъ Богъ и крѣпко смирилъ, за преступленіе крестное (т. е., за нарушеніе крестнаго цѣлованія), и за гордость, но милостію своею избавилъ ихъ городъ. Мы не скажемъ: правы Новгородцы, что издавна освобождены прадѣдами князей нашихъ. Но еслибы и такъ было, то велѣли ли имъ прежніе князья креста преступить, или внуковъ и правнуковъ срамить, и, цѣлуя честный крестъ ко внукамъ ихъ и правнукамъ, преступать крестное цѣлованіе? Доколѣ Богу терпѣть надъ ними? За грѣхи навелъ и наказалъ по достоянью, рукою благовѣрнаго князя Андрея*).

Послѣднія слова явно выражаютъ ненависть Суздальца къ Новгородцамъ и тщетное желаніе во что бы то ни стало, хотя бы противорѣча себѣ самому, выставить въ благопріятномъ свѣтѣ подвиги Боголюбиваго князя Андрея.

Сопоставленіе этихъ словъ Суздальскаго лѣтописца Новгородскому сказанію о знаменіи, какъ кажется, лучше всѣхъ разсужденій убѣдятъ насъ въ той мысли, что древне-русская литература развивалась и видоизмѣнялась по различнымъ мѣстностямъ нашего обширнаго отечества; она выражала мѣстные интересы, иногда наивно и пристрастно, но всегда подъ вліяніемъ искренняго чувства, подъ вліяніемъ страстей, которыми волновались цѣлыя города.

Но въ теченіе послѣдующаго историческаго развитія русской жизни время сгладило всѣ эти мѣстныя симпатіи и антипатіи, и какъ всѣ города и области слились въ одно государство Россійское, такъ и мѣстныя сказанія Владимірское и Новгородское, нѣкогда проникнутыя духомъ удѣльной исключительности, впоследствии миро-

*) Собраніе Русскихъ Лѣтописей, I, стр. 154.

любовно были приняты въ Пролога; и вмѣстѣ со многими другими, нѣкогда столь же исключительно мѣстными сказаніями, составили одно національное цѣлое, въ которомъ содержится завѣтное преданіе нашей родной старины.

Л е к ц і я 48-я.

Читана 28-го мая 1860 г.

Ни одна изъ мѣстностей древней Руси не отличается такимъ богатствомъ и свѣжестью чисто народныхъ поэтическихъ сказаній, какъ Муромъ. Заселенная племенами финскаго происхожденія, область Муромская до конца XII вѣка находилась еще въ язычествѣ. Хотя Владиміръ Святой отдалъ Муромъ въ удѣлъ сыну своему Глѣбу, но этотъ св. князь—какъ сказано въ Муромскомъ патерикѣ или житейникѣ—„не возможе отвратити поганья люди отъ идолопоклоненія, немного бо лѣтъ пребывшу ему ту при отцѣ, младу сущу заклану отъ братоубійцы окаяннаго Святополка; а во градъ Муромъ тогда живяху поганія чловѣцы, мнози и различніи языцы, зліи суще, и градъ Муромъ славенъ баше въ нашей Россійстей земли.“ Составители Муромскихъ сказаній, забывъ уже, что названіе и города, и области произошло отъ финскаго племени Муромы, и пользуясь мѣстными городскими толками, такъ объясняли себѣ имя этого города: „во дни древніе созданіе града имѣя стѣны каменныя и мраморныя (?!), и того ради градъ нарицается Муромъ; и многимъ лѣтомъ минувшимъ, пренесенъ бысть на ино мѣсто, вскрай того-же града, и поставленъ, идѣже и нынѣ стоитъ.“

Исторически извѣстно, что по кончинѣ св. Глѣба, Муромъ, въ продолженіе всего княженія Ярославова, принадлежалъ великокняжескому престолу, и въ 1054 г., по смерти Ярослава, вошелъ во владѣніе сына его Святослава, князя Черниговскаго, сталъ въ зависимости Черниговскаго княженія, откуда присылались посадники управлять имъ. При сынѣ Святослава Олегѣ Муромъ былъ главнымъ пунктомъ борьбы этого князя съ Мономаховичами. Потомъ, продолжая составлять собственность рода Святославова и Ольговичей, Муромъ подчинился князьямъ Рязанскимъ, перешедши въ удѣлъ одному изъ нихъ, и наконецъ, по утвержденіи великокняжеской власти во Владиміръ, сталъ уже болѣе зависеть отъ этого послѣдняго.

Мѣстныя Муромскія сказанія, во многомъ несогласныя съ лѣтописными извѣстіями, и, вѣроятно, заимствованныя изъ туземныхъ источниковъ, восходятъ своими данными не далѣе второй половины XII в., когда Константинъ Святославичъ (1205 г.) съ своими сыновьями Михаиломъ и Феодоромъ взялъ приступомъ языческой Муромъ и крестилъ жителей въ Окѣ рѣкѣ, подобно тому, какъ Владимиръ Святой крестилъ народъ Кіевскій въ Днѣпрѣ. Для характеристики богатой мѣстности Муромской любопытно мѣсто въ житіи этихъ св. князей: „слыша бо благовѣрный князь Константинъ о градѣ Муромѣ, яко великъ и славенъ, и множество людей, живущихъ въ немъ, и богатствомъ всякимъ кипящій, сирѣчь, лѣсы пчельными, рѣками и езера рыбными и пажитями сѣножатными, и въ лѣсахъ звѣрьми, отъ ихъ же кожь господскіе ихъ кобзухи учреждахуся; всего больши и всѣмъ главизна—поля хлѣбородныя.... И нача благовѣрный князь Константинъ просити у отца своего Святослава градъ сей Муромъ въ удѣлъ себѣ, не еже хотя въ немъ господствовати, но желая паче обратити въ вѣру крещеную.“

Когда послѣ отчаяннаго сопротивленія жителей, Муромъ былъ взятъ, и когда Константинъ привелъ народъ въ крещеную вѣру, тогда сталъ раздавать новокрещеннымъ различныя милости,—людямъ именитымъ—села и отчины, инымъ—грамоты льготныя, инымъ—одежду, другимъ—золото и серебро. Выражая свой благочестивый восторгъ о принятіи Муромцами христіанства, составитель житія присовокупляетъ: „гдѣ прежде чтились дупловатыя деревья, тамъ теперъ поклоняются кресту; гдѣ чествовали водные источники, тамъ теперъ текутъ рѣки благословенія.“ И потомъ восклицаетъ: „гдѣ нынѣ рѣкамъ и озерамъ требы кладущіе? гдѣ кланяющіеся колодеземъ и умывающіеся очныя ради немощи? гдѣ повергающіе въ воду серебряныя деньги? гдѣ тѣ язычники, которые по своихъ мертвецахъ заколали коней и вмѣстѣ съ покойниками закапывали ременные плетенья древолазныя*)?... Все это сокрушилось и пало. Куда ни пойдешь теперъ по Муромской области, нигдѣ не услышишь уже проклятыхъ многобожныхъ именъ, ни Перуна, ни Мокоша, которымъ поганые люди требы творили.“

*) Вѣроятно употребляемыя въ бортныхъ или пчелиныхъ промыслахъ.

Изъ послѣднихъ словъ сказанія надобно заключить, что язычники Муромскій области были не одни финны, но и славяне, поклоняющіеся, какъ извѣстно, Перуну и Мокоши.

Безпрепятственное укорененіе и распространеніе язычества до конца XII в. не мало способствовало въ Муромской области привольному развитію народнаго миѳологическаго эпоса. Хотя въ циклѣ Владиміровыхъ богатырей довольно сглажены уже черты мѣстныхъ особенностей, однако знаменитѣйшій изъ богатырей, прославленный не только необычайною силою, но и благородствомъ, и величіемъ духа—былъ житель земли Муромской, Илья Муромецъ.

Между тѣмъ какъ мѣстныя сказанія Киевскія, Новгородскія, Владимірскія XII в. уже носятъ на себѣ явственныя слѣды исторической жизни, запечатлѣны даже личною мыслию извѣстнаго политическаго направленія—какъ разсмотрѣнное нами въ прошлую лекцію сказаніе Новгородское, въ то самое время и даже позднѣе, именно въ началѣ XIII в., сказанія Муромскія носятъ еще въ фантастической области народнаго эпоса.

Церковныя преданія къ 1228 г. относятъ кончину Муромскаго князя Петра и супруги его Февроніи (въ иночествѣ Давида и Ефросиніи), и въ Прологѣ подъ 25 числомъ іюня помѣщено краткое житіе этихъ угодниковъ, въ которомъ не находимъ никакихъ ни историческихъ, ни бытовыхъ подробностей*), а встрѣчаемъ только общія замѣчанія, что Петръ и Февронія были благочестивыми супругами, любили монашескій и церковный чинъ, были милостивы къ нищимъ. Само собою разумѣется, что только въ уваженіе этихъ благочестивыхъ качествъ Петръ и Февронія сдѣлались святочитимыми лицами въ нашихъ православныхъ преданіяхъ. Но независимо отъ этихъ краткихъ извѣстій, принятыхъ нашею церковью, до позднѣйшихъ временъ не только въ Муромѣ, но и по всей Руси распространялось другое подробное сказаніе о Петрѣ и Февроніи, исполненное не только поэтическихъ образовъ и любопытныхъ данныхъ о древне-русскомъ житьѣ-бытьѣ, но даже намековъ миѳологическихъ. Надобно думать, что оно впервые записано было въ XVI в., но жило въ устахъ народа въ Муромской области съ древнѣйшихъ

*) Въ томъ же видѣ рассказано это житіе и у Муравьева: мѣс. іюнь, стр. 238 и слѣд.

временъ *). Оно очень часто попадаетъ въ сборникахъ житій святыхъ въ XVII в., и даже до позднѣйшаго времени составляло доходную статью промышленности для переписчиковъ, снабжавшихъ суевѣрныхъ жителей Мурома этимъ поэтическимъ сказаніемъ о святочтимыхъ въ той мѣстности лицахъ.

Есть преданіе, что Димитрій Ростовскій, составляя свои четвѣрмины,—для свѣдѣній о Петрѣ и Февроніи муромскихъ, выписалъ было себѣ изъ Мурома это поэтическое сказаніе, но, не нашедши въ немъ ничего для себя годнаго, воротилъ назадъ.

Итакъ, это сказаніе, не имѣющее никакого значенія для исторіи русской церкви, тѣмъ важнѣе для исторіи литературы, что предлагаетъ намъ образецъ народной поэзіи, которою вообще бѣдна наша древняя письменность, и притомъ поэзіи, запечатлѣнной мѣстнымъ характеромъ Муромской области.

Въ мѣстныхъ поэтическихъ сказаніяхъ Муромской области останавливаетъ на себѣ вниманіе одна замѣчательная особенность. Нигдѣ въ памятникахъ нашей письменности не представляется столько любопытныхъ, поэтическихъ и бытовыхъ подробностей для исторіи древне-русской женщины, какъ въ сказаніяхъ Муромскихъ, потому ли, что будучи проникнуты творчествомъ народной фантазіи, они менѣе подверглись строгимъ идеямъ аскетизма, или потому что поэтическіе вымыслы давали большій просторъ воображенію, рисуя передъ нами домашній и семейный бытъ,—а въ центрѣ его является граціозный образъ женщины—то нѣжной супруги, которая выше всѣхъ сокровищъ ставитъ любовь свою къ мужу, то любящей сестры, за свое родственное чувство награжденной свыше, то, наконецъ, преданной, великодушной матери, которая своими высокими душевными качествами вдохновляетъ своего собственнаго сына описать житіе ея, по ея смерти.

Безпредѣльная супружеская любовь женщины изображена въ сказаніи о Петрѣ и Февроніи; родственная привязанность двухъ сестеръ—въ сказаніи о Крестѣ на рѣкѣ Унжѣ, что въ 25 поприщахъ отъ Муромскихъ предѣловъ, и наконецъ идеаль матери и женщины, столько же благочестивой, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ

*) Въ этомъ же поэтическомъ видѣ вошло оно и въ Муромскій патерикъ или житейникъ.

великодушной, видимъ мы въ житіи боярыни Юліаніи Лазаревской, составленномъ сыномъ ея Каллистратомъ Осорьинымъ. Два первыя произведенія относятся къ изучаемой нами эпохѣ, послѣднее же будетъ разсмотрѣно въ обзорѣннѣ XVII в., когда оно было составлено.

Начнемъ съ древнѣйшаго по содержанію сказанія, то есть, о князѣ Петрѣ и Февроніи. Оно самое популярное въ Муромѣ. Историческія данныя, любопытныя для исторіи русскаго быта, перемѣшаны въ немъ съ поэтическими вымыслами, и христіанскія идеи омрачены смутными образами языческой фантазіи.

Княжилъ въ Муромѣ князь Павелъ. И повадился въ его хоромы летать непріязненный, летучій змій. Прилетая, змій принималъ на себя образъ самого князя Павла, такъ что никто изъ окружающихъ не могъ отличить этого непріязненнаго двойника отъ того, чей образъ на себя принималъ онъ. Долго думалъ князь Павелъ, какъ бы избавиться отъ этой непріязни, наконецъ змій, обманутый хитростью, проговорился, сказавъ, что его смерть—отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча. Этотъ Петръ былъ не кто другой, какъ братъ Муромскаго князя Павла, герой нашего сказанія. По указанію нѣкотораго чудеснаго, внезапно явившагося юноши, Петръ находитъ Агриковъ мечъ въ церкви женскаго монастыря Воздвиженскаго, въ олтарной стѣнѣ, между камнями въ скважинѣ. Добывъ мечъ, разъ встрѣчаетъ онъ летучаго змія въ княжескихъ палатахъ и поражаетъ его. Издыхая, змій окропилъ князя Петра своею кровью. Оттого князь оступѣлъ и покрылся язвами, и пришла на него тяжкая болѣзнь, подобно тому, какъ богъ Торъ и англосаксонскій Беовульфъ, поразивъ чудовищныхъ змиевъ, сами умираютъ отъ выпущеннаго зміями яду.

Но князь Петръ не умеръ. Долго лѣчился онъ у врачей, не получая исцѣленія, и, услышавъ, что особенно искусны врачи въ Рязанской землѣ, велѣлъ себя везти туда. Когда онъ прибылъ туда, одинъ изъ его юношей отправился въ весъ (т. е. деревню), называемую Ласково; подошелъ къ воротамъ одного дома и вошелъ въ него, никого не встрѣтивъ. Вступаетъ въ свѣтлицу и видитъ чудное зрѣлище. Сидитъ какая то дѣвица и точетъ кроснѣ, а передъ нею скачетъ заяцъ. Эта дѣвица и стала впоследствии Муромскою княги-

нею Февронією. Увидѣвъ юношу, дѣвица проговорила, выражаясь, какъ сѣверная Валькирія, загадками или рунами: „не хорошо быть дому безъ ушей, а храму безъ очей“ *). Юноша, разумѣется, не понявъ этихъ словъ, спрашивалъ дѣвицу: „гдѣ хозяинъ этого дома?“ Дѣвица опять отвѣчала таинственно: „Отецъ и мать моя пошли взаемъ плакать, братъ же мой пошелъ черезъ ноги *въ нави* **) зрѣти.“ Юноша опять не понялъ загадки, и дивился, видя и слыша дѣла, подобныя чуду. На вопросъ его, что все это значитъ, вѣщающая дѣвица объяснила: „Какъ же ты не понимаешь? Прииошь ты въ этотъ домъ, и въ хоромину мою воиошь, и увидѣшь меня, сидящую въ простотѣ (т. е. запросто, какъ у себя дома). Если бы въ дому нашемъ былъ песь, и, почувявъ, какъ ты подходишь къ дому, залаля бы на тебя, то не увидалъ бы ты меня сидящую въ простотѣ: это дому уши. А если бы въ храмѣ моей былъ мальчикъ, то, увидѣвъ, что ты сюда входишь, сказалъ бы мнѣ: это храму очи. А говорила я тебѣ, что отецъ мой и мать поили взаемъ плакать, такъ они пошли на погребеніе одного покойника, и тамъ плачутъ. Когда по нихъ по самимъ смерть придетъ, другіе по нихъ стануть плакать: это заимодавный плачь. А про своего брата сказала я потому, что онъ и отецъ мой древолазцы ***): въ лѣсу съ деревъ медь собираютъ. Братъ мой и отправился на такое дѣло. А лѣзучи вверхъ на дерево, надобно черезъ ноги къ землѣ смотрѣть, думая, чтобъ не урваться съ высоты. Кто урвется, погибнетъ. Потому и сказала я, что поиошь черезъ ноги въ нави зрѣти“.

Юноша повѣдалъ вѣщей дѣвѣ Февроніи о болѣзни князя Петра и спросилъ, не знаетъ ли она врачей по имени и гдѣ живутъ?— Она же въ отвѣтъ на то: „Если бы кто потребовалъ князя твоего себѣ, то могъ бы уврачевать.“ Юноша отъ имени больного князя обѣщаль большую награду и просилъ указать жилище врача. „Приведи сюда князя,—говорила Февронія,—и если онъ будетъ мягкосердъ и смиренъ въ отвѣтахъ, будетъ здоровъ,“—но къ этому присокупила одно условіе: если не будетъ она его супругою, то не

*) Это изреченіе встрѣчаемъ между пословицами въ одномъ сборникѣ XVII в.

**) Сличи, нава—могила и лодка; навіе—мертвецы. Навѣскій день—день поминовенія мертвыхъ. Нави—адъ.

***) Согласно съ бортными промыслами древняго Муромъ и съ языческими обычаями погребать мертвецовъ съ ременными илетеньями древолазными.

станеть лѣчить его. Отрокъ передалъ князю слова Февроніи. А князь, пренебрегая словами ея, и помысливъ о томъ, какъ князю взять себѣ въ супруги дочь древолазца, черезъ посланнаго велѣлъ ей сказать обманомъ: „Пусть уврачуетъ; я женюсь на ней!“—Тогда Февронія, взявъ малый сосудецъ, почерпнула квасу, дунула на него, и сказала: „да учредятъ князю вашему баню, и вотъ этимъ помажутъ его, и выздоровѣетъ; а одинъ струпъ оставьте не помазанъ.“ Когда къ князю принесли это снадобье, онъ велѣлъ приготовить баню, а дѣвицу вздумалъ искутить въ отвѣтахъ, дѣйствительно ли такъ мудра, какъ онъ слышалъ объ ней отъ своего отрока. Слѣдующее затѣмъ состязаніе въ загадкахъ и задачахъ напоминаетъ намъ извѣстныя уже намъ средневѣковыя повѣсти о Соломонѣ и царицѣ Савской или Южской.

Итакъ, князь Петръ послалъ къ вѣщей дѣвицѣ одно повѣсмо*) льну, сказавъ: „эта дѣвица хочетъ быть моей супругою ради своей премудрости. Если она точно премудра, пусть учинитъ мнѣ изъ этого повѣсма льну одежду и убрусецъ, въ то время, пока я буду въ банѣ.“ Когда слуга принесъ Февроніи это порученіе, она дала ему небольшой отрубокъ полѣна, сказавъ: „отдай это князю и скажи: пока я повѣсмо льна очешу, пусть приготовитъ мнѣ князь изъ этого отрубка станокъ и все строеніе, чѣмъ сотку для него полотно.“ Получивъ отвѣтъ, князь велѣлъ ей сказать, что изъ такого малаго деревца и въ такой короткій срокъ нельзя исполнить ея порученія. Тогда и Февронія тѣмъ же отвѣчала и на требованіе князя.

И дивился князь ея премудрости, и, исполнивъ все, что она велѣла ему сдѣлать съ лѣчебнымъ снадобьемъ, исцѣлился, оставивъ на тѣлѣ только одинъ струпъ. Но жениться на Февроніи не хотѣлъ, отечества ея ради, и послалъ къ ней дары: даровъ Февронія не приняла. Князь отправился было изъ Рязанскихъ предѣловъ домой, но отъ оставленнаго струпа стали расходиться по всему его тѣлу другіе, и онъ со стыдомъ долженъ былъ воротиться къ вѣщей дѣвицѣ за вторичнымъ исцѣленьемъ. Ни мало не держа гнѣва, она исцѣлила его подъ тѣмъ же условіемъ, и князь уже сдержалъ слово, женился на ней; и, прибывъ въ Муромъ, жили они во всякомъ благочестіи, ничтоже отъ Божіихъ заповѣдей оставляюще.

*) Малая мѣра льна; вѣроятно, отъ—вѣситъ.

Между тѣмъ черезъ нѣсколько времени князь Павелъ померъ и послѣ него сталъ княжить въ Муромѣ братъ его Петръ. Но княгини его Февроніи бояре не любили, женъ ради своихъ, потому что стала она княгинею не отечества ея ради, Богу же прославляющую, добраго ради житія ея. Это возмущеніе боярынь города Мурома противъ своей княгини незнатнаго происхожденія имѣеть нѣкоторый интересъ для исторіи древне-русской женщины.— Итакъ, однажды приходятъ къ князю Петру бояре, и въ ярости говорятъ: „всѣ мы хотимъ праведно служить тебѣ, но княгини Февроніи не хотимъ, да государствуетъ жéнами нашими; и если хочешь самодержецъ быть, да будетъ тебѣ другая княгиня. Февронія же пусть возьметъ себѣ богатства довольно, и идетъ, куда хочетъ.“

Замѣчательно, что князь согласился на это постыдное предложеніе боярѣ. Какъ мы видѣли, онъ уже не разъ измѣнялъ своему слову и съ малодушіемъ соединялъ обманъ. Народная фантазія видимо не хочетъ щадить Петра, выставляя въ особенномъ свѣтѣ величіе его вѣщей супруги. Но грамотный авторъ, человѣкъ благочестивый, въ своемъ религіозномъ умиленіи постарался сгладить эти щекотливыя отношенія между супругами, наивно присовокупивъ: „Князь же, не имѣя обычая предаваться ярости отъ чего бы то ни было, со смиреніемъ отвѣчалъ боярамъ: „пустъ скажутъ объ этомъ самой Февроніи: и якоже речеть, да слышимъ.“

Тогда бояре умыслили сдѣлать пиръ, и, будучи навеселѣ, много издѣвались надъ княгинею Февроніею, и въ глаза ей говорили, что они не хотятъ ея имѣть княгинею. „Возьми богатства довольно и иди, куда хочешь“—воскликали они.—„Чтò просите, будетъ вамъ—отвѣчала Февронія: только и вы дайте мнѣ, чего я у васъ попрошу“ *). Бояре съ клятвою обѣщали исполнить ея желаніе. Тогда изгоняемая княгиня сказала: „ничего другаго не прошу у васъ, только супруга своего, князя Петра!“ Они же отвѣтствовали: „какъ хочетъ самъ князь,“ потому что—прибавляетъ сказаніе—врагъ вложилъ имъ помысль поставить себѣ инаго самодержца, если не будетъ у нихъ

*) Почти тотъ же мотивъ разсказывается въ одной сербской сказкѣ, вообще по содержанію замѣчательно сходной съ муромскимъ народнымъ преданіемъ. Въ собраніи Вука Караджича, № 25, подъ заглавіемъ: Какъ дѣвица перемудрила царя. Слѣдовательно, мѣстное муромское сказаніе возникло на общеславянскихъ преданіяхъ!

князя Петра, и каждый изъ бояръ держалъ себѣ на умѣ, чтобъ самому быть княземъ въ Муромѣ. Затѣмъ сказаніе примиряетъ читателя съ княземъ Петромъ. Не возлюбилъ онъ временной власти и, ни во что вѣнчивъ ее, послѣдовалъ заповѣдямъ Божиимъ и вмѣстѣ съ своею княгинею оставилъ городъ, и поплыли они въ лодкѣ по Окѣ рѣкѣ. Когда къ вечеру суда причалили къ берегу, сгрустнулось князю Петру, что онъ лишился своей власти; но княгиня его ободрила и утѣшила. Но на другой день утромъ, когда они собирались плыть далѣе, изъ города Мурома пришли бояре съ извѣстіемъ, что въ городѣ происходитъ великое кровопролитіе, по причинѣ споровъ между боярами, кому изъ нихъ княжить. Потому для прекращенія общаго бѣдствія, посланные, отъ имени всего города, прося у князя прощенія, умоляли его воротиться и княжить надъ Муромомъ.

Князь Петръ, никогда не держа гнѣва (прибавляетъ сказаніе), воротился вмѣстѣ съ своею супругою, и властвовали они оба, заботясь о благѣ своихъ подданныхъ.

Когда пришло время ихъ смерти, просили они Бога, чтобъ преставленіе ихъ было въ одинъ и тотъ же часъ, и сотворили завѣтъ, да будутъ положены въ одномъ гробѣ, раздѣленномъ перегородкою; и оба въ одно время облеклись въ монашескія ризы.

Однажды Февронія работала воздухи для соборнаго храма Пречистыя Богородицы, вышивая на нихъ лики святыхъ. Князь Петръ присылаетъ къ ней сказать, что онъ уже отходитъ отъ жизни. Февронія проситъ его подождать, пока кончитъ воздухи. Онъ присылаетъ къ ней въ другой разъ, наконецъ въ третій. Тогда Февронія, не дошивъ на воздухахъ только ризы одного святаго, оставила работу. Воткнула иглу въ воздухи, привертѣла ее ниткою, которою шила, и послала къ своему князю увѣдомить его о преставленіи купномъ (т. е. совокупномъ).

Неразумные же люди, какъ при жизни ихъ возмущались, такъ и по честномъ ихъ преставленіи. Презрѣвъ ихъ завѣщаніе, бояре положили тѣла ихъ въ разные гробы, говоря, что въ монашескомъ образѣ не подобаешь класть князя и княгиню въ одномъ гробѣ. Князя Петра положили въ особомъ гробѣ, внутри города въ соборномъ храмѣ Богородицы, а княгиню Февронію за городомъ, въ женскомъ монастырѣ, въ церкви Воздвиженія (гдѣ былъ пайдень и

Агриковъ мечъ); общій же гробъ, еще при жизни заготовленный изъ камня, оставили пустымъ въ Соборномъ храмѣ. На другой день особные гробъ очутились пусты, и оба тѣла лежали въ общемъ гробѣ. Ихъ опять разлучили, и опять на другой день оба тѣла покоились вмѣстѣ: и съ тѣхъ поръ ниго уже не смѣлъ святотатственно ихъ тревожить.

Сказаніе оканчивается похвалой, составленной уже, безъ сомнѣнія, не въ народѣ, а набожнымъ усердіемъ позднѣйшаго писателя.

„Радуйся Петре,—воскликаетъ онъ—яко дана ти бысть отъ Бога благодать убити летящаго, свирѣпаго змія. Радуйся, Февронія, яко въ женстѣй главѣ святыхъ мужъ мудрость имѣла еси. Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на тѣлеси своемъ нося, доблестнѣ претерпѣлъ еси скорби. Радуйся, Февронія, яко отъ Бога имѣла еси даръ въ дѣвственнѣй юности недуги цѣлити. Радуйся, Петре, яко заповѣди ради Божія самодержавства волею отступи, еже не остави супруги своєї“ и проч.

Похвалу эту писатель заключаетъ личнымъ обращеніемъ къ блаженнымъ супругамъ: „Да помянете же и мене грѣшнаго, списавшаго, елико слышахъ, не вѣдый, аще инии суть написали вѣдуще выше мене. Аще бо и грѣшенъ есмь и грубъ, но на Божию благодать и на щедроты его уповаю, и на ваше моленіе ко Христу надѣяся, трудихся мыслями, хотя вы на землѣ почтити.“

Есть мнѣніе, будто древне-русская жизнь и поэзія, по своей крайней грубости, были не въ силахъ выработать идеальный характеръ женщины. Бросивъ бѣглый взглядъ на предложенное мною сказаніе, кажется, не нужно прибѣгать къ доказательствамъ, чтобъ видѣть, какъ ложно это мнѣніе, оскорбительное для національнаго чувства.

Съ вѣщею силою Февронія соединяетъ любящее сердце. Не смотря на обманъ князя, она этою вѣщею силою своего духа господствуетъ надъ нимъ и выходитъ за него замужъ. Не смотря на преслѣдованья со стороны бояръ и на презрѣніе къ ней боярынь, не смотря на слабость воли и на кажущееся равнодушіе супруга къ ея нѣжной любви и глубокой преданности, она, и лишившись княжеской власти, бодро идетъ въ изгнаніе, только бы не разлучаться съ милымъ ей человѣкомъ.

Безграничная любовь ея наконецъ увѣнчалась желанною взаимностью: „радуйся, Петре,—восклицаетъ писатель—яко, заповѣди ради Божія, самодержавства волею отступи, еже не остави супруги своея.“ Но и потомъ, огорченный изгнаніемъ и какъ бы раскаивающійся, что увлекся своимъ сердцемъ, князь Петръ находитъ себѣ утѣшеніе и подпору въ той же преданной любви своей супруги.

Даже при концѣ жизни, не князь сопутствуетъ своею смертію умирающей супругѣ, но все она же, любящая и великодушная, не успѣвъ докончить своей священной работы, преданно умираетъ вмѣстѣ съ нимъ въ одно и то же мгновеніе.

И по смерти, супружеская любовь, благословенная свыше, соединила ихъ навѣки въ одномъ гробѣ *).

Л Е К Ц І Я 49-я.

Читана 2-го іюня 1860 г.

Какъ сказаніе о Петрѣ и Февроніи, относящееся по народнымъ преданіямъ и по самому содержанію своему къ эпохѣ древнѣйшей, записано было не ранѣе XVI в., такъ и Сказаніе о явленіи чудотворнаго и животворящаго Креста Господня, еже есть въ Муромскихъ предѣлѣхъ, 25 поприщъ **), при рѣцѣ, глаголемѣй Унжѣ—относится по мѣстнымъ преданіямъ ко временамъ до татарскихъ погромовъ, когда Русь находилась въ ближайшихъ и частыхъ сношеніяхъ съ Цареградомъ, но списано оно уже въ XVII в., то есть, обработано въ литературной формѣ на основѣ народныхъ рассказовъ и какихъ то мѣстныхъ записокъ.

Во введеніи къ этому сказанію говорится, что крестъ этотъ изъ древнихъ лѣтъ прославлялся въ Муромской области своими чудесами, что благочестивые люди, влекомые вѣрою, желали знать, откуда и какъ обрѣтена эта святыня, и тщетно вопрошали о томъ церковно-служителей того чудотворнаго креста, и что эти послѣдніе сами ничего не могли сказать достовѣрнаго: „зане убо многимъ лѣтомъ минувшимъ, еще же и многого ради татарскаго расплѣненія, древнія писанія изгибоша.... но токмо на малѣй хартіицѣ просто-

*) Сличя въ Лекціяхъ Шевырева, ч. 3, стр. 63—64.

**) То есть, въ 25-ти поприщахъ отъ Мурома.

рѣчіемъ, якоже поселяне написали, и державу памяти ради.“ И такъ, побуждаемые богомольцами, іереи просили благословенія отъ Моисея, архіепископа Рязанскаго и Муромскаго, да „обрящутъ мужа, могуща повѣсть сію благохитростнѣ преписати, Богу ему поспѣшествующу: еже и бысть.“

Отсюда видно, что Муромское сказаніе о Крестѣ съ давнихъ временъ жило въ устныхъ преданіяхъ народныхъ, было даже записано просторѣчіемъ, какъ поселяне написали, и потомъ эти простонародныя записки были переписаны благохитростнѣ, то есть, получили литературную форму, съ разными риторическими украшениями, на языкѣ церковно-славянскомъ, въ высокомъ церковномъ стилѣ, который однако не могъ сгладить слѣдовъ народной рѣчи.

Уже эта внѣшняя исторія Муромскаго сказанія, то есть, переходъ народнаго преданья въ произведеніе литературное—заслуживаетъ нашего полнаго вниманія по вопросу о связи древне-русской литературы съ народностью.

Желая познакомить съ интересными подробностями этого повѣствованія, напоминающаго своимъ стилемъ средневѣковыя новеллы, я прелагаю церковно-славянскій, нѣсколько напыщенный текстъ на русскій складъ, болѣе приличный содержанію.

„Были двѣ сестры, дочери одного вельможи. Имя одной Марья, другой Марѳа. Марья вышла замужъ за нѣкотораго Іоанна въ Муромской области, а Марѳа была выдана за Логина, въ Рязанскую область. И былъ Іоаннъ по своему отечеству честнаго рода, по имѣніемъ пооскудѣлъ, а Логинъ родомъ былъ ниже Іоанна и его отечества, но имѣніемъ очень богатъ.

И случилось однажды имъ обоимъ быть у своего тестя и тещи на пиру, и произошла между ними распря о мѣстахъ. Іоаннъ хотѣлъ выше сѣсть по отечеству своему и по старшинству, потому что былъ старшій зять, а Логинъ не давалъ ему перваго мѣста, ради своего богатства. И отъ того времени они много лѣтъ не сѣзжались между собою сами, и женъ своихъ не пускали, ни письмами не ссылались, до самой своей смерти.

И по многихъ лѣтахъ умерли они оба въ одинъ день, и жены ихъ овдовѣли, но Марья не вѣдала о Логиновѣ преставленіи, а

Марѳа объ Иоанновѣ. И опечалились о томъ объ сестры. И помыслила себѣ Марія, говоря: „поѣду къ зятю своему Логину въ Рязань и увижу сестру свою, и если они полюбятъ меня, буду у нихъ жить; а если не возлюбятъ, и я прощусь съ сестрою и ворочусь домой.“—И Марѳа тоже самое помыслила себѣ, говоря: „поѣду къ зятю своему Иоанну и къ сестрѣ своей, и увижу, если они меня призрятъ, и я имѣніемъ своимъ обогачу ихъ, и будутъ они богаты, какъ былъ и мужъ мой, и славный о своемъ отечествѣ.“

Какъ замыслили сестры, такъ и сдѣлали. Въ одинъ и тотъ же день обѣ поѣхали изъ домовъ своихъ и встрѣтились на пути, и станы—каждая особо—сдѣлали, а не вмѣстѣ, потому что не знали, съ кѣмъ встрѣтились. И послала меньшая слугу своего спросить: „кто тамъ стоитъ станомъ? И если то женскій полъ, то вмѣстѣ сойдемся въ одинъ станъ; а если мужской полъ, то поѣдемъ дальше.“ Пришедши слуга спрашивалъ, и услышалъ отвѣтъ, что ѣдетъ вдова отъ Муромъ на Рязань къ сестрѣ своей. Воротившись слуга повѣдалъ своей госпожѣ. Она же сказала: „сойдемся вмѣстѣ.“ И сошлись и поклонились между собою, но не признали другъ друга, что родныя сестры, пока не спросили объ именахъ и отечествѣ. Потомъ спознались и начали лобызаться со слезами и съ радостью и скорбѣть о мужьяхъ своихъ, что были между собою не въ любви до самой своей смерти; скорбѣли не столько о нихъ, сколько о себѣ, что столько лѣтъ не видались, ни письмами другъ о другѣ извѣстія не получали. Но о томъ радовались, что далъ имъ Богъ свидѣться на кончинѣ лѣтъ ихъ; и учредили трапезу, и ѣли, и пили во славу Божию и веселились.

И легли спать, но не спали совершенно, однако и бодрствовать не могли. Во мгновеніе ока явился имъ обѣимъ во снѣ ангель, и далъ имъ золота и серебра: Марѳѣ золото, а Маріи—серебро; и повелѣлъ имъ сотворить—въ золотѣ Животворящій Крестъ, а въ серебрѣ ковчегъ, и сказалъ, чтобъ то золото и серебро отдали онѣ первому человѣку, который по этому пути утромъ поѣдетъ. Сестры, взявши во снѣ золото и серебро, завертѣли себѣ за рукава и проснулись. И рассказывала одна сестра другой: „явился мнѣ во снѣ ангель Господень и далъ мнѣ золото, говоря: „Господь прислалъ къ тебѣ злато, по твоей вѣрѣ; сотвори въ немъ Животворящій

Крестъ“—и поглядѣла я у себя за рукавомъ, и тамъ, точно, на яву было золото. И повелѣлъ мнѣ то золото отдать первому человѣку, который поутру поѣдетъ этимъ путемъ.“ И Марія сказала: „и мнѣ также во снѣ явился ангелъ Господень, далъ мнѣ серебро, и повелѣлъ также отдать, и сотворить Животворящему Кресту ковчегъ,—и, поглядѣвъ, нашла я у себя за рукавомъ серебро.“

И начали обѣ плакать со слезами и радостью, и потомъ Богу помолились о томъ предивномъ чудѣ, что даровалъ имъ Господь Богъ такую благодать. Вдругъ увидѣли онѣ—по дорогѣ идутъ трое монаховъ. Подозвали ихъ къ себѣ и повѣдали все случившееся, какъ явился имъ во снѣ ангелъ Господень и далъ имъ золото и серебро,—и предлагали то и другое монахамъ. Монахи отвѣчали имъ: „для того мы къ вамъ и пришли.“ Тогда сестры, не имѣя никакого къ нимъ сомнѣнія, тотчасъ же отдали имъ золото и серебро и велѣли въ золотѣ сотворить крестъ, а въ серебрѣ ковчегъ. Монахи взяли золото и серебро и отошли въ путь свой.

Сестры прибыли въ Муромъ къ своимъ сродникамъ и повѣдали имъ все бывшее на пути. Но сродники стали на нихъ роптать, зачѣмъ такую благодать отдали онѣ невѣдомымъ старцамъ: развѣ въ городѣ нѣтъ такихъ мастеровъ (въ рукописи—хитрецовъ), кому въ золотѣ честный крестъ сотворить, а въ серебрѣ ковчегъ? И отвѣчали имъ сестры: „намъ такъ велѣно было сдѣлать.“

Сдѣлавъ совѣщаніе, всѣ родственники поѣхали на то мѣсто, и собралось къ нимъ множество народа, и начали они уговариваться, кому куда ѣхать путемъ вслѣдъ тѣхъ старцевъ, отыскивать золото и серебро. И утвердили такой совѣтъ, чтобъ господинъ ѣхалъ съ чужими рабами, а рабы съ чужими господами, чтобъ имъ—догнавши тѣхъ монаховъ—не утайтъ между собою того золота и серебра. И урядили, кому куда ѣхать, не только по большимъ дорогамъ, но и по малымъ тропинкамъ. И вдругъ видятъ—идутъ трое старцевъ, несутъ Животворящій Крестъ, сдѣланный изъ золота, и ковчегъ изъ серебра. И подступили было къ нимъ за разспросами молодые люди, но монахи имъ говорили: „ступайте туда, куда совѣщались идти.“ Тогда вельможи запретили юнымъ, чтобы не оскорбляли старцевъ а сами сошли съ коней, и съ честью ихъ принимали. Монахи, подошедши къ двумъ сестрамъ, сказали: „Марѳа и Марія! Въ томъ

золотѣ и серебрѣ, которое явилось вамъ во снѣ, сотворилъ Господь Богъ Животворящій Крестъ и ковчегъ, вамъ на долголѣтіе, а міру на исцѣленіе.“ И спрашивали старцевъ, гдѣ они были? Старцы отвѣтствовали: „въ Цареградѣ.“ И опять ихъ спрашивали: „давноли оттуда?“ — „Третій часъ“ — отвѣчали они. Тогда хотѣли монаховъ угостить обѣдомъ, но они сказали: „мы не ядущіе и не пьющіе; это только вамъ повелѣлъ Господь ѣсть и пить“ — и сказавъ это они исчезли.

Послѣ того Марѳа и Марія совѣтовались съ своими родственниками, гдѣ постановить этотъ Животворящій Крестъ, въ дому ли своемъ или гдѣ въ церкви. И обѣимъ имъ было видѣніе во снѣ, отъ чудотворнаго Креста, который сказалъ имъ самъ: „поставьте меня въ святилищѣ Божіи, въ церкви Архистратига Михаила Честнаго Собора, еже есть на погостѣ, недалеко отъ пути мѣста того, какъ бы съ версту.“ Марѳа и Марія возрадовались о видѣніи, что не презрѣлъ Господь желанія ихъ. И пошли онѣ со тщаніемъ, и поставили тотъ святой Животворящій Крестъ въ сказанной церкви Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ, честнаго ихъ собора, въ уѣздѣ города Мурома, какъ бы поприщъ за 25 отъ города, во Унжескомъ стану, на рѣкѣ Унжѣ.

Таково это любопытное мѣстное сказанье, которое я передалъ во всей полнотѣ, съ удержаніемъ всѣхъ его наивныхъ подробностей.

Художественный стиль сказанія явствуетъ уже съ перваго взгляда. Оно возникло тогда, когда въ искусствѣ господствовали символизмъ и строгая, но наивная симметрія иконописнаго стиля.

Героинями являются двѣ женщины — Марія и Марѳа — имена столь знакомыя и прославленныя въ извѣстномъ Евангельскомъ разсказѣ.

Ихъ родственная симпатія наивно проведена черезъ цѣлый рядъ симметрическихъ событій. Обѣ онѣ въ одно и то же время выходятъ замужъ, въ одно и то же время лишаются своихъ супруговъ, въ одно и то же время отъѣзжаютъ въ путь, каждая будучи влекома родственной любовью, сердечнымъ желаніемъ — навѣстить сестру. Обѣ видятъ одинъ и тотъ же сонъ, и, наконецъ, обѣ одинаково надѣлены отъ Бога высшею благодатью.

Эта симметрія, напоминающая строгое размѣщеніе фигуръ въ древне-христіанской живописи, составляетъ основу многихъ средне-вѣковыхъ сказаній, легендъ и новеллъ.

Такимъ образомъ, религіозно-поэтической мысли соотвѣтствуетъ извѣстный художественный стиль, въ самомъ проведеніи этой мысли по различнымъ подробностямъ.

Но для того, чтобъ литературное произведеніе возникло, недостаточно только отвлеченной мысли, необходима дѣйствительность, къ которой бы мысль была примѣнена, или изъ которой была бы она извлечена. Отсюда необходимо оказывается связь религіозно-поэтической идеи съ историческими и мѣстными обстоятельствами, дающими матеріалъ и всю обстановку произведенію художественному.

Сестры были несчастны. Пагубная вражда ихъ мужей, возникшая изъ родовыхъ предразсудковъ, давшихъ въ послѣдствіи начало мѣстничеству, была причиною ихъ разлуки. Какъ тяжело было сестрамъ въ теченіе долгихъ лѣтъ между собою не видѣться, видно изъ того, что онѣ тотчасъ же готовы были свидѣться и сойтись, какъ миновала причина ихъ разлуки. Повѣствованіе это возникло, очевидно, въ духѣ миролюбія и христіанской идеи братства, которой были противны всѣ разногласія между родами, точно такъ, какъ потомъ—учрежденія и обычаи мѣстничества. Итакъ, это протестъ противъ безсмысленнаго и вреднаго предразсудка, протестъ, произнесенный во имя семейной, братской любви и смиренія христіанскаго.

Сестры еще не высказываютъ своихъ мыслей противъ этого предразсудка явно и рѣшительно; онѣ будто бы еще не сознаютъ своимъ умомъ всей нелѣпости этого зла, но только своимъ любящимъ сердцемъ постигаютъ его, отвращаются отъ него, опечаленныя и глубоко оскорбленныя въ своей взаимной братской любви.

Такимъ образомъ повѣсть эта становится особенно важна не только для исторіи мѣстничества и вообще вражды между родами, но и для исторіи древне-русской женщины, о которой вообще довольно скудны наши литературные источники.

Мы видимъ изъ повѣсти, что вдовы пользовались на Руси значительной самостоятельностью и независимостью. Ѣзжали въ путь однѣ, въ сопровожденіи своихъ слугъ. На дорогѣ останавливались станомъ и легко сближались съ другими незнакомыми женщинами; но мало довѣряли вѣжливости мужчинъ, и встрѣтившись на пути съ мужчиною, боярыни немедленно снимали свой станъ и спѣшили удалиться, или изъ боязни быть оскорбленными, или изъ ложнаго

стыда, отъ непривычки быть въ обществѣ мушкетѣровъ. Довѣрчивости вообще мало было въ средневѣковомъ обществѣ и на Западѣ, и у насъ. Родственники двухъ сестеръ, не уваживъ монашескаго сана, собрались въ погоню за тремя старцами, которыхъ приняли за бродягъ. Какъ мало было довѣрія даже между родными, видно изъ опасенія и изъ наивныхъ предосторожностей, чтобъ погнавшійся за монахами и у нихъ отнявшій золото и серебро не утаилъ его у себя. Впрочемъ между господиномъ и его рабами все было шито да крыто, изъ страха ли рабовъ передъ господиномъ, или же изъ взаимныхъ связей и выгодъ—рѣшать не будемъ. Во всякомъ случаѣ, чтобъ предупредить утайку или другой какой поступокъ, надобно было развести господина съ его рабами. Очень наивная, но любопытная подробность.

Не смотря впрочемъ на грубость нравовъ, не смотря на малое развитіе общественной жизни, препятствовавшее благотворному вліянію женщины на смягченіе суровой эпохи, все же протестъ противъ пагубной вражды между родами, даже противъ мѣстничества—былъ скорѣе почувствованъ на Руси женщиною. По крайней мѣрѣ въ этой повѣсти женщина съ своимъ любящимъ сердцемъ стоитъ на сторонѣ прогресса, и за свое человѣколюбіе и христіанское смиреніе награждается свыше. Она является героинею, скромною предшественницею историческихъ событій, прекратившихъ мѣстничество со всѣми его родовыми преданьями. Подвигъ ея на землѣ не громокъ: она только страдала отъ пагубнаго зла. Потому и увѣнчалась не земной славою, а чудесною благодатью, ниспосланною ей съ небесъ.

Какъ ни важно въ историческомъ отношеніи это поэтическое возсозданіе идеальнаго характера древне-русской женщины въ разбираемомъ нами сказаніи, но для благочестивыхъ предковъ нашихъ главный интересъ его сосредоточивался на чудесномъ происхожденіи самой святыни. Мы уже знаемъ, что по древнѣйшимъ преданьямъ христіанскія святыни Кіева и Новагорода частію шли отъ Варяговъ и изъ Рима, частію отъ Цареграда. Притомъ, по убѣжденію древней Руси, всякая святыня, принесенная къ намъ съ Запада, должна быть какъ бы узаконена и навѣки укрѣплена за православными преданьями вліяніемъ Цареграда, какъ это особенно явствуетъ въ сказаніи о построеніи Кіевопечерской церкви Успенія Богородицы.

Повѣсть о явленіи Креста въ Унженскомъ стану относится къ тѣмъ преданьямъ, которыя связываютъ съ Византією происхожденіе древне-русскихъ святынь. Эта мысль лежитъ въ основѣ всей повѣсти, мысль чисто религіозная, и притомъ мысль восточная—православная, въ противоположность древне-русскимъ сказаньямъ о вліяніи западномъ на нѣкоторыя изъ святочитимыхъ памятниковъ нашей старины.

Третье Муромское повѣствованіе, въ которомъ является жепщина еще въ повомъ свѣтѣ, какъ идеаль матери, теперь разбирать не можемъ, потому что оно и по своему происхожденію и по идеямъ относится уже къ XVII в.

Но теперь, въ заключеніе, по поводу двухъ изученныхъ нами поэтическихъ произведеній, возникшихъ въ Муромской мѣстности, почитаю не лишнимъ сдѣлать общее замѣчаніе объ отношеніи интересовъ религіозныхъ къ поэтическимъ въ древней Руси.

Вводимые въ обманъ только внѣшнею формою изложенія, то есть, славянскимъ языкомъ, принятымъ въ церковныхъ книгахъ, многіе изъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей или, слѣдуя западному направленію, вовсе не видятъ въ древней русской письменности ничего поэческаго, собственно литературнаго, или же, вдаваясь въ крайности славянофильства, утверждаютъ, что древняя Русь, при недостаткѣ въ развитіи художественномъ и поэтическомъ и при скудномъ образованіи ума познаніями, все же могла стоять на высокой степени только одного духовнаго просвѣщенія. По крайпей мѣрѣ, одинъ изъ достойнѣйшихъ дѣятелей въ разработкѣ русской старины, архіепископъ Филаретъ, въ своей Исторіи Русской Церкви*), между прочимъ говоритъ слѣдующее: „такъ какъ духовное образованіе души совсѣмъ не то, что эстетическое образованіе вкуса, не то, что и образованіе ума познаніями: то недостатки образованія вкуса и ума—не указатели на недостатокъ духовнаго образованія предковъ нашихъ.“

Этотъ неблагоприятный взглядъ на нашу старину и народность, основанный на неестественномъ, чудовищномъ отдѣленіи въ душѣ человѣческой интересовъ ума и воображенія отъ интересовъ духов-

*) Изданіе 3-е, 1857 г., ч. I, стр. 137.

ныхъ, то есть, религіозныхъ, могъ произойти, какъ кажется, отъ того, что въ поэтическомъ и умственномъ хотѣли видѣть только одно грѣховное, или чувственный соблазнъ художественной формы, или же кичливую мысль еретика философа. Если наша старина отъ этихъ крайностей удержалась, по малому развитію вообще всякихъ литературныхъ интересовъ, и особенно отъ крайности въ чувственномъ направленіи художественныхъ формъ, то это не значить, чтобъ въ ней вовсе не было поэтическихъ и художественныхъ инстинктовъ, напротивъ того—это указываетъ только на правильное отношеніе фантазіи къ благочестивому духу въ народѣ христіанскомъ, какъ это вполнѣ явствуетъ изъ обоихъ Муромскихъ сказаній, въ которыхъ поэзія и вѣрованье сливаются въ одно прекрасное цѣлое. Такое нормальное отношеніе литературы и искусства къ религіи было нѣкогда вездѣ въ раннюю эпоху господства религіозныхъ идей надъ всѣми прочими интересами жизни, на Западѣ до XIV в., а у насъ даже до тридцатыхъ годовъ XVIII столѣтія. Безусловные читатели нашей старины выпускаютъ изъ виду самое главное—именно то, что періоды древне-русской, да и вообще русской жизни надобно сравнивать съ періодами западнаго развитія, такъ сказать, заднимъ числомъ, то есть, нѣсколькими столѣтіями назадъ, и въ то время, какъ въ западной литературѣ и искусствѣ съ конца XV в. и съ начала XVI образуется стиль Возрожденія, древняя Русь находится въ эту эпоху еще на той степени первобытнаго, вѣрующаго настроенія духа, какое возможно было въ Италиі или Германіи развѣ въ XII или XIII столѣтія. Если мы не находимъ въ произведеніяхъ нашей старины ни матеріализма, ни античнаго язычества, которыми стали отличаться и поэзія и искусство на Западѣ со времени Возрожденія, то это значить только то, что робко зачинавшееся художественно-литературное развитіе древней Руси—при всей его незрѣлости—было постановлено въ болѣе благоприятныя обстоятельства, предохранявшія его отъ преждевременной порчи. И такое образованіе вкуса, полуязыческое, какое представляетъ намъ стиль Возрожденія, противорѣчило уже духовному образованію въ чистыхъ идеяхъ христіанства. Но въ высшей степени странно было бы предположить, что глубокое религіозное чувство, воссоздавшее на Западѣ въ XIII-мъ и XIV в. великіе образцы готическаго стиля могло развить эстетическій

вкусъ въ ущербъ религіозному благочестію. Въ такомъ же точно нормальномъ отношеніи находятся творческая фантазія и религіозное чувство и въ произведеніяхъ древнерусской письменности. Эти произведенія потому только сильно дѣйствовали на массу древнихъ читателей, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ духа въ область религіи, вполне занимали и воображеніе и чувство, сосредоточивали на себѣ всѣ литературные и художественные интересы, возводя ихъ къ религіи, какъ къ высшему своему началу.

Конечно, такіа духовныя сказанія, каковы разсмотрѣнныя нами Муромскія, распространялись между нашими предками и устно, и письменно не ради поэтической занимательности, а по той теплой вѣрѣ, которую наши предки питали къ самымъ лицамъ и къ священнымъ предметамъ, въ сказаніяхъ описаннымъ. Но эта глубокая, теплая вѣра въ описываемое въ сказаніяхъ, не только не мѣшала поэтическому интересу, но даже увеличивала его, увлекая фантазію въ міръ чудесъ, возвышая ее надъ условіями ежедневной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ смягчая сердце нѣжными, человѣколюбивыми ощущеніями. Религіозное чувство, чтобы стать достояніемъ народныхъ массъ, всегда распространяется въ нихъ въ обаятельной формѣ преданія и сказанія.

Итакъ, отдавая бѣльшую справедливость творческой фантазіи древней Руси, не отдѣляя насильственно воображенія и ума отъ вѣрованья, какъ это дѣлаетъ почтенный авторъ Исторіи Русской Церкви, мы тѣмъ болѣе оцѣнимъ и духовное просвѣщеніе нашихъ благочестивыхъ предковъ.

Л е к ц і я 50-я *).

Духовное развитіе древней Руси подъ вліяніемъ христіанства и государственнаго порядка внезапно было потрясено во всѣхъ концахъ нашего отечества татарскими погромами, о которыхъ умильную (т. е. печальную) повѣсть съ ужасомъ и трепетомъ вносятъ лѣтописцы въ свои писанія. Проповѣдники призываютъ народъ къ покаянiю, указывая на страшную Божию казнь, на батога**) Бо-

*) Время прочтенія этой лекціи не обозначено. С. Д.

**) Батогъ—палка.

жій—по выраженію лѣтописца—казнь, ниспосланную на Русь за тяжкіе грѣхи ея, за пьянство и объяденіе, за грабительство и междоусобныя брани и особенно за темное язычество, которое еще гнѣздилося по всѣмъ концамъ древней Руси.

Св. Серапіонъ, епископъ Владимірскій*), спустя 40 лѣтъ послѣ опустошительнаго нашествія Батыева, въ своихъ словахъ, исполненныхъ задушевной искренности и краснорѣчивой простоты, такъ увѣщевалъ свою паству: „многую печаль чувствую въ сердцѣ своемъ, не видя, чтобъ вы уклонялись отъ дѣлъ недостойныхъ. Не такъ скорбитъ мать о своемъ больномъ дѣтицѣ, какъ я, грѣшныи отецъ вашъ, скорблю, видя васъ болящихъ беззаконными дѣлами. . . . Еще же и поганскихъ обычаевъ держитесь, волхвованію вѣруете и пожигаете огнемъ невинныхъ людей. . . . Отъ какихъ книгъ, или отъ какихъ писаній слышали вы, что волхвованіемъ голодъ бываетъ на землѣ и волхвованіемъ же умножается жито? Если вы вѣруете въ волхвовъ, то зачѣмъ пожигаете ихъ? Вѣдь вы имъ молитесь и ихъ чтите и дары имъ приносите, чтобъ они устроили міръ, и дождь пускали на землю, и тепло приводили, и плодородіе давали полямъ. Но вотъ теперъ три лѣта нѣтъ житю рода не только въ Руси, но и въ Латинахъ: волхвы ли вездѣ виноваты? . . . Еще же вы и топите женщинъ по напрасну, испытывая, кто волхвуетъ, и воду послухомъ (т. е. свидѣтелемъ) ставите, и говорите: если начнетъ утопать, то невинна, а если поплыветъ—вѣдьма. . . .

Слышали ли вы, братія, самого Господа Бога, глаголюща въ Евангеліи, что въ послѣднія времена будутъ знаменія въ солнцѣ и въ лунѣ, и въ звѣздахъ, и землетрясенія, и голодъ? Реченное тогда Господомъ Богомъ нынѣ сбывается, при послѣднихъ людяхъ. Сколько разъ видѣли мы, какъ солнце погибало и луна меркла и звѣзды измѣнялись въ свѣтѣ своемъ? Нынѣ же и трясеніе земли своими очами мы видѣли. Земля отъ начала утверждена и недвижима повелѣніемъ Божиимъ—нынѣ движется, грѣхами нашими колеблется, беззаконія нашего носить не можетъ. . . . Не глаголетъ уже къ намъ Господь своими устами, но самымъ дѣломъ наказуетъ—землею трясетъ и колеблетъ—беззаконія грѣхи многіе отъ земли отрясти хочеть, яко листвіе отъ древа. . . . И навелъ на насъ Господь Богъ

*) Игуменъ Печерскаго монастыря, а съ 1274 г. епископъ Владимірскій.

народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, нещадищій ни юной красы, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей. Двинули мы на себя ярость Господа Бога нашего!... Разрушены Божественныя церкви, осквернены священные сосуды, потоптаны святые святители; тѣла преподобныхъ иноковъ птицамъ на съѣденіе повержены были! Кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ вода многая, напоила землю. Книзей нашихъ и воеводъ крѣпость исчезла; храбрые наши, страхомъ объяты, бѣжали; множество братій нашихъ въ плѣнъ отведены, села наши запустѣли и поросли плевелами. Величіе наше смирилось, красота погибла; богатство наше инымъ въ корысть досталось; трудъ нашъ поганые наслѣдовали; земля наша стала достояніемъ иноплеменикамъ; и сами мы стали въ поношеніе всѣмъ живущимъ вскрай земли нашей (т. е. сосѣдямъ), въ посмѣхъ врагамъ нашимъ; потому что сами себѣ низвели мы, какъ дождь съ небеси, гнѣвъ Божій!... Въ какое время видѣли мы такія напрасныя смерти? Иные, не успѣвъ распорядиться о домѣ своемъ, внезапно были похищаемы; иные съ вечера здоровые отходили ко сну, и на утро уже не вставали. Убойтесь—молю васъ—этого напраснаго разлученія! Если пойдемъ въ волѣ Господней, всѣмъ утѣшеніемъ утѣшитъ насъ Богъ нашъ; какъ сыновъ своихъ, помилуетъ насъ; печаль земную отъ насъ отниметъ, и исходъ мирный подастъ намъ въ оную жизнь, „идѣже радости и веселія безконечнаго насладимся съ добрѣмъ удивившими Господу Богу.“

И могъ бы привести длинный рядъ умильныхъ сѣтованій изъ нашихъ лѣтописцевъ и другихъ писателей, оплакивающихъ порабощенную татарами Русскую землю, но не буду многословіемъ ослаблять впечатлѣніе, производимаго на душу этимъ потрясающимъ душу плачемъ благочестиваго проповѣдника Владимірскаго. Скажу только, что это великое бѣдствіе лежало тяжелымъ камнемъ на сердцѣ всякаго русскаго человѣка, чей только голосъ изъ темнаго времени татарщины до насъ доносится. Не говорю уже о лѣтописцахъ, которые по самому содержанию своихъ повѣствованій должны были касаться татарскихъ погромовъ, не говорю о писателяхъ, повѣствовавшихъ о русскихъ святыхъ, замученныхъ и побіенныхъ татарами; укажу на какого нибудь безвѣстнаго переписчика церковныхъ книгъ въ это печальное время: и онъ, увлекаясь общимъ потокомъ народ-

наго гори, въ послѣсловіи, къ своей теплой молитвѣ о спасеніи души присоединяетъ національное воззваніе къ Господу Богу объ избавленіи Русской земли отъ злыхъ иноплеменниковъ *): „Пощади, Господи, люди свои, и не даждь достоянія своего въ поношеніе—обладать иноплеменникамъ, да не рекуть: гдѣ есть Богъ ихъ?“

Какъ глубоко потрясена была въ своихъ основахъ жизнь всего Русскаго народа татарскими погромами и игомъ, видно изъ того, что и доселѣ еще раздается раздирающей душу плачь о бѣдствіяхъ родной земли отъ безбожныхъ татаръ, переданный изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ народной пѣснѣ, которая, описывая различныя событія Русской исторіи, наполняетъ ихъ борьбою съ татарами и воспоминаніями о тяжкомъ ягѣ и мученьяхъ, которымъ подвергались русскіе люди **). Возвеличивая своего любимаго героя, Владимира—Красно-Солнышко, пѣсня заставляетъ его бороться съ этими лютыми врагами.—Изъ Орды-Золотой земли—поетъ она: подымался злой Калинь царь, Калиновичъ,—

Ко стольному городу, ко Кіеву,
 Со своею силою съ поганою;
 Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
 Становился Калинь у быстра Днѣпра.
 Сбиралоса съ нимъ силы на сто верстъ,
 Во всѣ тѣ четыре стороны.
 Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
 Зачѣмъ не разступится?
 А отъ пару было отъ конишаго,
 А и мѣсяцъ, солнце померкнуло—
 Не видать луча свѣта бѣлаго!
 А отъ духу татарскаго
 Не можно крещенымъ намъ живымъ быть!

Эти звуки, проникнутые такимъ искреннимъ, глубокимъ чувствомъ, очевидно, относятся по своему происхожденію ко временамъ Татарщины. Но народъ удержалъ ихъ въ своей памяти до сихъ поръ, какъ бы давая тѣмъ разумѣть намъ, что эпоха татарская не даромъ

*) Въ послѣсловіи къ Псалтыри по рукоп. 1296 г., въ Синод. Библиот. № 235.

**) Древнія Россійскія Стихотворенія, стр. 242 и слѣд.

пронеслась надъ нашими предками, что она оставила свои кровавые слѣды, запечатлѣнные въ памяти народа этими поэтическими, унылыми звуками.

Южная Русь, опустошенная и разграбленная татарами, и доселѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе передаетъ прекрасную легенду, въ которой подъ символическимъ образомъ кievскихъ Золотыхъ воротъ—представляется бѣдственная судьба Южной Руси, разгромленной татарами.

„Какъ было лихолѣтье *), пришло чужеземецъ—Татаринъ, и вотъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Киеву. А тутъ былъ богатырь—Михайликъ. Какъ взомолъ онъ на башню, да пустилъ изъ лука стрѣлу, такъ стрѣла и упала тому Татарину въ миску; а Татаринъ только что сѣлъ у скамейки обѣдать, только что благословился было поѣсть, стрѣла и воткнулась въ печеню **).— „Э!“—говорить: „да тутъ есть сильный богатырь!... Выдайте“—говорить Кіевлянамъ:—„выдайте мнѣ Михайлика, такъ отступлю.“—Вотъ Кіевляне! шупу-шупу—и совѣтуются: „а что же отдадимъ“—говорятъ. А Михайликъ имъ на то: „Коли выдадите меня—то въ послѣдній разъ видѣть вамъ Золотыя ворота!“—Сѣлъ на коня, обернулся къ нимъ и воскликнулъ: „Ой! Кіяне, Кіяне! честная громада. Поганая ваша рада ***)! Кабы Михайлика не выдавали—пока свѣтъ солнца—враги бы Кіева не достали!“

И поднялъ онъ копьемъ ворота—вотъ какъ поднимаешь снопы святаго жита—поднялъ Золотыя ворота и поѣхалъ черезъ татарское войско—прямо въ Цареградъ: а татары и не видятъ его. А вотъ какъ онъ открылъ входъ—чужеземцы и ввалились въ Кіевъ, да и пошли по́топтомъ.

А богатырь Михайликъ и до сихъ поръ живетъ въ Цареградѣ. Передъ нимъ стоитъ стаканчикъ воды, да просвирка лежитъ: больше ничего не ѣсть. И Золотыя ворота стоятъ тамъ же, въ Цареградѣ. И какъ идучи мимо, ктонибудь скажетъ: „О Золотыя ворота! стоять вамъ опять тамъ, гдѣ стояли!“—то золото такъ и засілетъ. А если не скажетъ, или же подумаетъ: „Нѣтъ ужъ—не бывать вамъ

*) Смотри Кулиша, Записки о Южной Руси, ч. I, стр. 3 и слѣд.

***) Печеню—жареное.

***) Громада—мірская сходка, міръ. Рада—совѣтъ,

въ Кіевѣ!—то золото такъ и померкнетъ.—И будетъ, говорятъ, такое время, когда Михайликъ вернется въ Кіевъ и поставитъ ворота на свое мѣсто.“

Символическое значеніе Кіевской святыни и ея связь съ Цареградомъ, откуда дѣйствительно взятъ былъ для неѣ образецъ—едва ли можно выразить поэтичнѣе этого прекраснаго сказанья о разореніи Кіева татарами!

По преданьямъ кіевскимъ, Золотыя ворота, сооруженныя Ярославомъ по образцу Цареградскихъ, на которыя нѣкогда Олегъ въ знакъ побѣды, повѣсилъ свой щитъ—исповонъ вѣку были символомъ бытія и благоденствія Кіева. Еще Ярославъ, по сказанью древнѣйшихъ лѣтописцевъ, на этихъ воротахъ заложилъ церковь св. Богородицы—Благовѣщенія—„да будетъ всегда радость граду тому св. Благовѣщеньемъ Господнимъ и молитвою св. Богородицы и архангела Гавріила, радости благовѣстника.“ Лѣтописцы польскіе сообщаютъ о кіевскихъ Золотыхъ воротахъ слѣдующую басню: будто бы Болеславъ, вѣзжая въ Кіевъ въ 1018 г., въ знакъ побѣды, ударилъ саблею въ Златыя врата (которыя,—какъ извѣстно, тогда еще и не существовали); будто эта сабля, данная прежде Болеславу ангеломъ, названа Щербцемъ, по причинѣ щербины, т. е. зазубрины, сдѣлавшейся отъ того на ея лезвѣ. Щербецъ этотъ, какъ національная святыня, хранился въ Краковскомъ арсеналѣ; короли Польскіе препоясывали его при коронаціи и всегда съ нимъ ходили на войну, но будто бы эта драгоценность въ послѣдствіи, во время мятежей, неизвѣстно куда была изъ Кракова кѣмъ то похищена.

Особенно близко къ легендѣ о богатырѣ Михайликѣ сказаніе въ нашихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ о томъ, какъ Половецкій ханъ Бонякъ, ограбивъ въ 1096 г. Кіевопечерскій монастырь, выломалъ также Златыя врата какъ воинскій трофей отвезъ ихъ въ землю Цоловецкую*). Впрочемъ народная легенда объ удаленіи Золотыхъ воротъ изъ Кіева во время татарскаго нашествія—гораздо деликатнѣе относится къ этой мѣстной святыни, съ которой неразрывно связано бытіе Кіева. Народному чувству тяжело было допустить мысль о томъ, что священныя врата были просто на просто ра-

*) Смотри Лѣтопись и Описаніе города Кіева, Закревскаго въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ, 1857 г. Кн. 2, стр. 117—120.

зорены этими варварами. Надобно было представить ихъ въ воображеніи вѣчно существующими, какъ символъ бытія самого Кіева. Но гдѣ же эта святыня находится? Конечно, не въ Половецкой или Татарской землѣ: это было бы противно идеѣ о святости національнаго символа: и вотъ—Золотыя ворота кіевскія—переносятся въ Цареградъ къ своему первообразу и источнику, и, какъ идея святости Кіева, рано ли, поздно ли—воротится на свое родное мѣсто.

По смыслу легенды богатырь Михайликъ, жертва предательства кіевлянъ, долженъ былъ быть человѣкъ святой, праведный. Лишенный этого священнаго обаянія, является онъ въ великорусской пѣснѣ о Калинѣ царѣ (изъ которой уже приведенъ отрывокъ выше) подъ именемъ Василья Пьяницы.

Похваляется Калинъ царь, что возьметъ столпный Кіевъ градъ,

А Владиміра князя въ полонъ полонить,
Божьи церкви на дымъ пустить.

.
Втапоры Василій пьяница
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатый,
Калену стрѣлу переную. . . .
Стрѣлялъ онъ тутъ во Калина царя,
Не попалъ во. . . Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака—
Угодила стрѣла ему въ правый глазъ—
Ушибъ его до смерти.

Калинъ царь такъ же требуетъ выдачи Василья Пьяницы, какъ въ легендѣ требуетъ Татаринъ богатыря Михайлика. Только за Василья заступился Илья Муромецъ, схватилъ за поги татарина, который ѣздилъ отъ Калина царя посломъ въ Кіевъ—

И зачалъ татаринѡмъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ—съ переулками. . . .

Какъ вдругъ—

Оторвется глава его татарская,
Угодила та глава по силѣ вдоль—

И бьеть ихъ, ломить, въ конецъ губить;—

Достальные татара на побѣгъ бѣгутъ,

Сами они заклинаются:

„Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,

Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей!

Неужто въ Кіевѣ всѣ таковы?

Одинъ человекъ всѣхъ татаръ прибилъ!“

Достальные татары на побѣгъ пошли,

Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ.

Какъ живо чувствуется въ этихъ звукахъ вѣковая вражда народа къ татарамъ и увѣренность, что Русь свергла ихъ иго своими богатырскими, непобѣдимыми силами. Сверхъестественный подвигъ любимаго героя—Ильи Муромца—не пустая похвальба молодецкая, но поэтическое выраженіе упованій и надеждъ народа въ печальную годину его бѣдствій.

Кончивъ свой подвигъ—

. . . . называетъ Илья того пьяницу

Василья братомъ названнымъ.

Этою наивною чертою великодушнаго героя оканчивается пѣсня.

Татарскіе погромы сопровождались грабежомъ и полопомъ. Русская дѣвица, оплакивающая свою судьбу въ плѣну у татаръ, или—какъ поется въ пѣсняхъ—русская полаяночка—одинъ изъ типическихъ идеаловъ русской женщины, обязанный своимъ происхожденіемъ татарскому періоду. Русскій богатырь, подобно западному рыцарю, обыкновенно является спасителемъ прекрасной дѣвицы и освобождаетъ ее изъ плѣна.

Такъ однажды Михайло Казаряпинъ, по приказанію князя Владиміра, отправляется на охоту*). Разбѣзжая по широкимъ раздольямъ, вдругъ

. . . увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра,

Стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,

На бесѣдѣ сидятъ три татарина,

*) Древнія Россійскія Стихотворенія, стр. 209 и слѣд.

Три собаки наѣздники.
 Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
 Русская дѣвица—полоняночка,
 Во слезахъ не можетъ слово молвити.
 Добрѣ жалобно причитаючи:
 „О, злосчастная, моя буйна голова!
 Горько-горькая, моя руса коса!
 А вечеръ тебя матушка расчесывала,
 Расчесала матушка, заплетала;
 Я сама, дѣвица, знаю-вѣдаю—
 Расплетать будетъ мою русую косу
 Тремъ татарамъ наѣздникамъ.“

Одинъ изъ татаръ говоритъ ей:

„Не плачь, дѣвица—душа, красная!
 Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго!
 А съ дѣлу*) татарину достанешься—
 Не продамъ тебя, дѣвицу, дешево,
 Отдамъ за сына за любимаго,
 За мирнаго сына въ Золотой Ордѣ.“

Только что татаринъ проговорилъ эти слова, напунцается на враговъ Михайло Казарянинъ—

Перваго татарина копьемъ скололъ,
 Другаго собаку конемъ стопталъ,
 Третьяго о сыру землю.

Узнавъ въ плѣнницѣ свою родную сестру, богатырь вмѣстѣ съ нею и съ добычею, оставленною татарами—съ тремя отличными конями, возвращается къ ласковому князю Владиміру, который, припивъ отъ него татарскихъ коней, милостиво сказалъ ему:

„Исполать тебѣ, добру молодцу,
 Что служишь Князю вѣрою и правдою!“

Типическій идеаль русской полоняночки такъ глубоко вошелъ въ преданія народныя, что не могъ не отразиться въ разныхъ концахъ Россіи мѣстными сказаньями, приуроченными къ извѣстнымъ урочищамъ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ

*) Т. е. по раздѣлу.

поэтическое преданіе о Дѣвичь-горѣ, которою называется одинъ высокій курганъ Кіевской губеніи, Каневского уѣзда, въ селѣ Сахновкѣ.

Объ этомъ курганѣ рассказываютъ слѣдующее преданіе. Давно, когда еще Русь была подъ игомъ татарскимъ, въ селѣ Сахновкѣ жилъ старикъ пастухъ; стада у него были лучше всѣхъ и опъ слылъ за челоуѣка вѣщаго, знахаря. У него была дочь, красавица. Однажды жители села пришли въ страшное волненіе: сторожевые люди повѣстили о набѣгѣ татаръ. Поселяне, бросая полевья работы, спѣшили защищать свои дома. А въ то ужасное время—какъ свидѣтельствуеть это мѣстное сказаніе—при вѣсти о набѣгѣ, жители одного селенія повѣщали другія объ опасности, и, соединясь вмѣстѣ, давали отпоръ, или же, изнемогши въ защитѣ, оставляли дома и разсѣивались по лѣсамъ. При вѣсти о набѣгѣ, красавица, дочь пастуха, спѣшила навстрѣчу отцу и плѣнною досталась въ руки татарскаго набѣзника. Межъ тѣмъ обстоятельства измѣнились,—жители опрокинули татаръ. Они погнались за похитителемъ красавицы, который, не видя возможности удержать свою добычу, закололъ дѣвицу и бросилъ преслѣдователямъ. Тѣло убитой было предано землѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ было найдено.

Безутѣшный старикъ первый бросилъ горсть земли на могилу дочери и объявилъ, что „всякая женщина этого села, если хочетъ чтобъ скоть ея былъ такъ же хорошъ, какъ его стадо, должна ежедневно, отпуская свою скотину въ поле и встрѣчая изъ стада, бросать по горсти земли на могилу убитой русской полоняночки.“

Завѣщаніе это было свято наблюдаемо. Преданіе переходило изъ рода въ родъ, могила росла и разрослась курганомъ, который и доселѣ слыветъ Дѣвичь-горою. Мѣстные старожилы помнятъ, что даже въ началѣ текущаго столѣтія обычай этотъ еще существовалъ между жителями села Сахновки.

Нѣтъ сомнѣнія, что память о Татарщинѣ въ этомъ преданіи присоединена къ болѣе древнимъ мифологическимъ основамъ. Героиня дѣва, по имени которой названа плодотворная Дѣвичь-гора—есть существо божественное, въ лицѣ котораго обоготворялась плодоносящая земля. Но богиня низошла въ народныхъ сказаніяхъ до героини, когда Русь потрясена была погромами татарскими, и нѣтъ

существа сверхъестественнаго стала мѣстнымъ, поэтическимъ идеаломъ русской дѣвицы—полоняночки.

Такъ отразилась Татарщина въ народной поэзіи, въ сказаньяхъ и мѣстныхъ преданьяхъ, которыя и доселѣ живутъ въ устахъ народа.

Теперь обратимся къ поэтическимъ и религіознымъ повѣствованьямъ о Татарщицѣ, во множествѣ сохранившимся въ нашей древней литературѣ.

Л Е К Ц І Я 51-я.

Читана 9-го іюня 1860 года.

Изъ прошедшей лекціи, кажется, можно вывести убѣжденіе, что Татарщина оставила по себѣ глубокіе слѣды въ народной поэзіи, въ сказаньяхъ и преданьяхъ, которыя еще и доселѣ живутъ въ народномъ сознаніи. Такъ какъ страшные враги представляются наивной фантазіи эпическаго періода въ образѣ чудовищъ и великановъ, то и татарскія орды въ русскихъ сказкахъ и былинахъ иногда изображаются подъ видомъ чудовищнаго змія, который плыветъ по рѣкамъ и беретъ русскіе города, иногда—даже въ священныхъ легендахъ (какъ увидимъ потомъ)—представителемъ татарскихъ силъ является эпическій великанъ, подобный Редедѣ, котораго поразилъ Мстиславъ, воспѣтый Бояномъ. Въ пѣсняхъ о Владимірѣ и его богатыряхъ представителемъ Татарщины является Тугаринъ-Змиевичъ, то есть, сынъ того татарскаго змія, который громиль Русь.

Какъ ни очевидны сами по себѣ предложенные мною факты изъ исторіи русской народной поэзіи, добросовѣстность въ ученыхъ вопросахъ обязываетъ при этомъ случаѣ привести мнѣніе, совершенно противоположное принятому нами убѣжденію, и мнѣніе особенно важное потому, что оно принадлежитъ первому знатоку русской народной поэзіи, который въ теченіе всей своей жизни собиралъ пѣсни, сказки, былины по всеѣмъ концамъ нашего отечества. Этотъ знатокъ и собиратель, недавно похищенный у науки о русской народности смертію, Петръ Кирѣевскій, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и коренныхъ славянофиловъ. По случаю изданныхъ имъ пѣсенъ въ 1852 г. въ Московскомъ Сборникѣ (славянофильскаго состава), вотъ что говоритъ онъ о вопросѣ, который насъ въ настоящей лекціи занимаетъ:

„Особенно замѣчательно совершенное почти (?) отсутствіе пѣсенъ объ эпохѣ такъ называемаго Татарскаго ига. По крайней мѣрѣ*) въ моемъ собраніи пѣсенъ (а оно, безъ преувеличенія, должно быть названо очень многочисленнымъ) нѣтъ ни одной, которую бы можно было несомнѣнно отнести къ этому времени. Такое отсутствіе воспоминаній объ этой эпохѣ можетъ служить сильнымъ свидѣтельствомъ противъ лицъ, называющихъ это несчастное время эпохою Татарскаго владычества, или ига, а не эпохою татарскихъ опустошеній, какъ было бы справедливѣе.“

Не будемъ покамѣстъ состязаться о словахъ, какъ приличнѣе назвать то время—эпохою татарскаго ига или татарскихъ погромовъ; но не подлежитъ сомнѣнію то, что самый лучший сборникъ народныхъ пѣсенъ, записанный изъ устъ народныхъ пѣвцовъ XVIII в., и изданный Калайдовичемъ подъ именемъ Древнихъ Русскихъ Стихотвореній,—рѣшительно противорѣчитъ мнѣнію перваго и лучшаго въ наши времена собирателя народныхъ пѣсенъ. Мнѣнію противопологаемъ мы факты, и изъ фактовъ выводимъ убѣжденіе. Какъ же понимать такое странное въ нашей наукѣ явленіе? Кажется, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить этого желанія насильственно стереть слѣды Татарщины съ народной памяти, какъ славянофильскимъ опасеніемъ, чтобъ, расширивъ значеніе Татарскаго періода, не набросить невыгодной тѣни на древнюю Русь. Но неужели такъ неискренна и такъ щекотлива наша любовь къ отечеству, что ее надобно заманивать только свѣтлыми призраками? Неужели мы отвернемся отъ своей родины, когда во всѣ глаза увидимъ, что въ то печальное время она не только страдала отъ страшныхъ насилій, но и падала нравственно, невольно подчиняясь противному игу? По смыслу евангельской любви, тѣмъ трогательнѣе и теплѣе должно быть наше къ ней сочувствіе, чѣмъ болѣе она, по слабости человѣческой природы, временно подверглась нравственному паденію; по общему закону человѣколюбія тѣмъ больше чувствуемъ жалости къ тому, кто несчастнѣе: а что можетъ быть бѣдственнѣе порока, развращенія нравовъ, нравственнаго униженія?

*) Совершенно и почти—противорѣчіе. Почти и по крайней мѣрѣ—извиненія, ослабляющія мысль.

Впрочемъ спокойный взглядъ историка, помимо этихъ побужденій чувствительности, въ самомъ развитіи литературныхъ и религіозныхъ идей древней Руси найдетъ для себя желанное примиреніе со всѣмъ тѣмъ нравственнымъ зломъ, которое внесено было Татарщиною въ русскую жизнь.

Но прежде нежели приступимъ къ фактамъ изъ исторіи русской письменности, еще одно соображеніе, которое лежитъ намъ на пути.

Относительно древне-русской литературы татарамъ обыкновенно приписываютъ вліяніе только отрицательное: будто бы они только задержали развитіе литературныхъ идей, такъ быстро раскрывавшееся на Руси въ XII вѣкѣ. Не говоря покамѣстъ о движеніи идей въ эпоху Татарщины, обращу вниманіе на самое положительное рѣшеніе этого вопроса путемъ статистическимъ, то есть, цифрами. Рукописей, не только XI в., но и XII-го, очень немного, онѣ почти всѣ на перечетъ внесены въ литературныя руководства; XIII-го уже гораздо больше, а XIV-го, когда Татарщина оказала уже свое губительное вліяніе на русскіе нравы—рукописей такъ много, что даже всякому частному лицу безъ большихъ затрудненій можно пріобрѣсти себѣ, хотя одну рукопись этого вѣка, и притомъ письма чисто русскаго. Самый текстъ Св. Писанія уже такъ обрусѣлъ къ началу XIV в., что по однимъ евангеліямъ этой эпохи, писаннымъ, разумѣется, по церковно-славянски, но съ описками русскаго писца,—можно составить довольно обстоятельную грамматику русскаго языка. Слѣдовательно, Св. Писаніе все болѣе и болѣе вѣдрялось въ сознаніе народное, по мѣрѣ размноженія числа русскихъ переписчиковъ; церковно-славянскія выраженія его болѣе и болѣе упрощались и, такъ сказать, получали болѣе внятны для народа смыслъ черезъ перемѣну реченій болгарскихъ на русскія. Равномѣрно съ XIII-го и особенно съ XIV в. замѣтно возрастаетъ число дипломатическихъ и юридическихъ актовъ, болѣею частію писанныхъ на областномъ языкѣ различныхъ мѣстностей древней Руси. Итакъ, просвѣщеніе книжное шло впередъ, по крайней мѣрѣ оно не остановилось при татарахъ, но даже болѣе и болѣе распространялось географически, если даже принять въ соображеніе то обстоятельство, что на первыхъ порахъ, въ погромахъ татарскихъ много

погибло русскихъ рукописей отъ XII-го в.. Даже отрицательное вліяніе Татарщины на Южную Русь, до тла разоренную, отозвалось положительно на Сѣверо-востокѣ, гдѣ нашли себѣ русскія силы свѣжую почву для дѣятельности на поприщѣ государственномъ, религіозномъ и литературномъ. Образуется національность великорусская, начало которой положено было отторженіемъ интересовъ Сѣверо-восточной Руси отъ Кіевской, Южной въ эпоху татарскую. Ядромъ этой великорусской національности было княженіе Владиміро-Московское, ставшее на ноги и укрѣпившееся въ темное время татарскаго ига.

Какъ бы мы ни называли Татарщину—игомъ или опустошеніями, въ томъ и другомъ случаѣ—въ литературѣ, всегда служащей выраженіемъ духовныхъ интересовъ народной жизни—эта эпоха отразилась длиннымъ рядомъ умильныхъ сказаній о мученикахъ, своею кровію запечатлѣвшихъ слѣды, по которымъ татары опустошали, жгли и грабили Русскую землю. До тѣхъ поръ между русскими святыми были по преимуществу изъ монашескаго или вообще изъ духовнаго чину. Погромы татарскіе открываютъ нашимъ взорамъ цѣлый рядъ героев-князей, которые, защищая родную землю отъ поганыхъ татаръ, пали подъ мечемъ враговъ и тѣмъ снискали себѣ вѣнецъ мученическій.

Такъ какъ всѣ нравственныя силы, государственныя и народныя, стали собираться на Сѣверо-востокъ, то Владиміръ, Ростовъ, Рязань первые выступаютъ съ своими святочтимыми героями-князьями этой ужасной эпохи. Нѣкоторыя изъ лицъ, претерпѣвшихъ мученіе отъ татаръ, признаны церковію за святыхъ угодниковъ всея Россіи. Другія, которыя прежде вносились въ общій списокъ святыхъ, чествуются нынѣ только по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ они подвизались, и гдѣ крѣпче сохранились они въ памяти. Не вдаваясь въ подробности самыхъ сказаній, приведу выдержки о святочтимыхъ князьяхъ, замученныхъ татарами въ первые ихъ погромы. (Изъ Книги, глаголемой о Россійскихъ Святыхъ).

Ростовъ.

Св. благовѣрный князь Василій Константиновичъ, зовомый Василько, убіенъ отъ Батяя царя въ лѣто 6747 (1238), марта въ 4 день.

Владиміръ.

Св. благовѣрный великій князь Георгій Всеволодовичъ, Владиміръскій чудотворецъ, убіенъ отъ Батяя царя въ лѣто 6747 (1238), февраля въ 4 день. Св. благовѣрная великая княгиня Агаѳія Всеволодовна Чермнаго, жена княже-Георгіева, сестра князя Михаила Черниговскаго, и святыя княгини Марія и Христина—снохи ея, и св. княжна дщерь ея Θεодора дѣвица, пострадаша отъ Батыевыхъ татаръ, во взятіе града Владиміра, въ Соборной церкви отъ огня и дыма; скончашася въ лѣто 6747 (1238), февраля въ 3 день.

Рязань и Переяславль Рязанскій.

Св. благовѣрный князь Олегъ Ингоревичъ Пронскій, во св. крещеніи Козма, убіенъ отъ Батяя царя за исповѣданіе Христова въ лѣто 6755 (1247). Св. благовѣрный князь Θεодоръ Юрьевичъ Рязанскій, убіенъ отъ Батяя царя въ лѣто 6755 (1247), на Воронежѣ рѣцѣ, положены мощи его у св. Николы Зарайскаго.

Св. благовѣрная княгиня Евпраксія, жена его, сама ринуся съ высока терема за чистоту тѣлесную, и съ сыномъ своимъ княжичемъ Иоанномъ единоклѣтникомъ.

О судьбѣ этихъ несчастныхъ супруговъ сохранилось слѣдующее мѣстное преданіе, которое сообщаю словами Карамзина*): „Юрій Рязанскій, оставленный великимъ княземъ, послалъ сына своего, Θεодора, съ дарами къ Батюю, который, узнавъ о красотѣ жены Θεодоровой, Евпраксіи, хотѣлъ видѣть ее; но сей юный князь отвѣтствовалъ ему, что христіане не показываютъ женъ злочестивымъ язычникамъ. Батый велѣлъ умертвить его, а несчастная Евпраксія, свѣдавъ о погибели любимаго супруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ, Иоанномъ, бросилась изъ высокаго терема на землю и лишилась жизни. Съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось зарѣзомъ или убоемъ“.

Наконецъ, общеприпятый церковью, св. благовѣрный князь Романъ Ольговичъ Рязанскій, убіенъ отъ ордынскаго царя Менгу-Темира за Христа въ лѣто 6778 (1270).

Умолчавъ до время о другихъ князьяхъ-мученикахъ и святыхъ герояхъ эпохи татарской, упомяну здѣсь о св. мученикахъ: князѣ

*) Исторія Государства Россійскаго, по 2-му изданію, ч. 3, стр. 277—8.

Черниговскомъ Михаилѣ Всеволодовичѣ и бояринѣ его Теодорѣ, которые были убиты въ Ордѣ Батыемъ въ 1245 г.

Память объ этихъ Черниговскихъ святыхъ была связана съ Владиміромъ и Суздадемъ по мѣстнымъ сказаньямъ о сестрѣ и дочери князя Михаила. Мы уже упоминали о мѣстнотимой супругѣ в. к. Георгія, Агаѳіи, которая была родная сестра Михаила Черниговскаго. Сверхъ того у него была дочь, по имени Теодулія, которая была обручена за князя Суздальскаго Мину. Когда Теодулія была привезена въ Суздаль, жениха своего не застала уже въ живыхъ, постриглась въ монахини въ Суздальскомъ монастырѣ Ризъ Положенія, принявъ имя Ефросинія, и впоследствии была тамъ игуменьею. По сказанію, составленному уже въ XVI в., она была очень образована, получивъ воспитаніе отъ мудраго и начитаннаго Михаила боярина Теодора. Когда князь Михаилъ и бояринъ Теодоръ были принуждаемы въ Ордѣ совершить языческіе обряды, будто бы Ефросинія своимъ посланіемъ укрѣпила отца и своего наставника въ рѣшимости пострадать за Христа и удостоиться мученическаго вѣнца.

Итакъ, Татарщина въ исторіи Русской земли ограничилась не одними опустошеніями и погромами. Она пробудила русскій духъ къ сознанію своей христіанской національности въ противоположность поганымъ варварамъ, которые обагрили Русскую землю святою кровью мучениковъ и героевъ отечества. Такимъ образомъ наглядно составилось понятіе о своемъ родномъ въ отличіе отъ чужеземнаго, варварскаго. Ненависть къ латинству, которую до тѣхъ поръ внушало народу наше и византійское духовенство, была плодомъ болѣе отвлеченнаго, богословскаго ученія, нежели опытовъ дѣйствительной жизни. Напротивъ того, татарское басурманство въ теченіе столѣтій воочію противопоставилось православію во всѣхъ подробностяхъ жизни дѣйствительной. Такимъ образомъ составила идея о русскомъ, національномъ православіи, искупленномъ кровію мучениковъ, идея о Православной, Святой Руси, во главѣ которой стоятъ князья, не только властители свѣтскіе, но и св. мученики, пострадавшіе за Русскую землю.

Впрочемъ должно сказать правду, что всѣ эти сказанія о герояхъ-мученикахъ, которыми татарскій періодъ обогатилъ наши святцы, въ ихъ литературномъ, распространенномъ видѣ, съ рѣзкими выход-

ками противъ татаръ, относятся ббльшею частію уже къ XVI в., когда уже не страшно было во всеуслышаніе протестовать противъ поганныхъ басурманъ. Извѣстно, что высшіе слои древней Руси, то есть, духовенство и князья—очень рано вошли въ полюбовныя сдѣлки съ татарами. Уже Кирилль II, митрополить Кіевскій (1243—1280), умѣлъ исходатайствовать отъ хана Менгу-Темира ярлыкъ или льготную грамоту въ пользу духовенства. Точно также очень скоро, по свидѣтельству сказанія, примирились съ своимъ раболѣпнымъ положеніемъ и князья.

Такимъ образомъ въ исторіи народныхъ сказаній татарскаго періода надобно отличать двѣ эпохи—эпоху паденія нравовъ, эпоху раболѣпія и, такъ сказать, нравственной неурядицы, когда нелѣпо смѣшивались интересы князей и духовенства съ интересами татарскими; и во вторыхъ—эпоху возстанія національнаго чувства собственнаго достоинства Православной Руси противъ басурманъ.

Мамаево побоище (1380 г.) составляетъ границу, раздѣляющую эти двѣ эпохи*). Легенды и сказанія первой эпохи составлены въ духѣ потворства татарамъ и съ готовностью на всякую уступку въ пользу ихъ могущественнаго вліянія, не потому чтобъ русскіе люди не смѣли въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ протестовать противъ татаръ, которымъ, конечно, и дѣла не было до нашей негласной, скромной письменности, но потому, что въ неразвитыхъ нравахъ, униженныхъ рабскимъ игомъ, еще не была признана, еще не могла созрѣть самая идея о національной, государственной независимости.

Сказанія и легенды второй эпохи уже свободны отъ этого жалкаго раболѣпія, прибѣгавшаго къ разнымъ хитростямъ, чтобъ примирить свою совѣсть разными наивными способами, въ изложеніи самыхъ возмутительныхъ разсказовъ о симпатическихъ сношеніяхъ русскихъ властей съ татарами. Сказанія второй эпохи дышатъ уже тѣмъ благороднымъ сознаніемъ своихъ національныхъ силъ, котораго энергическое выраженіе замѣтили уже мы въ русскихъ пѣсняхъ.

*) Само собою разумѣется, что вліяніе Мамаева побоища не вдругъ отозвалось въ литературѣ, и многія сказанія даже XV—XVI в. могли отзываться потворствомъ Татарщинѣ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, при которыхъ устные и письменныя преданія перерабатывались въ сказанія и легенды.

Этимъ вторымъ періодомъ русская творческая фантазія какъ бы искупааетъ все то нравственное униженіе, которое такъ наивно проглядываетъ въ сказаніяхъ перваго періода.

Къ послѣднему же, лучшему времени татарской литературы относятся и вышеупомянутыя сказанія о князьяхъ-мученикахъ, хотя бы самыя событія принадлежали первымъ годамъ татарскихъ погромовъ.

Пагубное вліяніе Татарщины на древнюю Русь оказалось не столько въ опустошеніяхъ и во всѣхъ бѣдствіяхъ чужеземнаго ига, сколько въ нравственной неурядицѣ и униженіи, которое на многіе вѣка наложило свою печать на нравы народа и особенно высшихъ слоевъ его. Чтобъ дать понятіе о томъ хаосѣ, какой господствовалъ въ умахъ нашихъ предковъ по странному смѣшенію національнаго—русскаго съ чужеземнымъ—татарскимъ и православнаго съ басурманскимъ, привожу любопытнѣйшее сказаніе о князѣ Ѳеодорѣ Смоленскомъ, а потомъ Ярославскомъ*).

Князь Ѳеодоръ былъ сынъ Смоленскаго князя Ростислава. Послѣ убіенія татарами Георгія, великаго князя Владимірскаго, и Василька, князя Ростовскаго, услыхавъ, что дочь Всеволода, по имени Марія, оставалась въ Ярославлѣ, Ѳеодоръ Ростиславичъ отправился туда, и, женившись на ней, завладѣлъ Ярославлемъ и сталъ въ немъ княжить. Вскорѣ родился у него отъ Маріи Всеволодовны сынъ Михаилъ.

А въ то время—говорить сказанье—за грѣхи наши попустилъ Богъ въ гнѣвъ своемъ на Русскую землю владычество татаръ. И стали ходить Русскіе князья въ Орду къ царю, просить у него себѣ отчинъ и своего наслѣдія. Съ ними же пошолъ и князь Ѳеодоръ и принесъ дары. „Царь же**) и царица вельми его любяше и на Русь его не хотяху пустити, мужества ради и красоты лица его: онъ же всегда у царя предстояше и чашу подаваше ему.“ Такимъ образомъ, сошедшись съ княземъ Ѳеодоромъ, ханъ не отпускатъ его въ продолженіе трехъ лѣтъ. Особенно милостива была

*) По рукописи гр. Уварова, № 225. Смотри также въ Прологъ подъ 19 ч. сентября.

**) Менгу-Гимуръ, или же Ногай—какъ предполагаетъ Карамзинъ. Ист. Г. Рос., ч. 4, стр. III.

къ нему ханша*), которая хотѣла за него выдать замужъ дочь свою, но самъ царь того не хотѣлъ. (Подъ этимъ семейнымъ разногласіемъ очевидно скрывается въ сказаніи какая то домашняя ордынская интрига). Θεодоръ будто бы только тогда объявилъ царю и царицѣ, что онъ уже женатъ. (Странно, что въ теченіе трехъ лѣтъ онъ не успѣлъ ни разу объявить о томъ въ Орду). Потомъ просился домой. Царь отпустилъ его въ Русь съ великою честію. Когда князь Θεодоръ прибылъ къ Ярославлю, въ немъ затворились сынъ его Михаилъ и тетка Ксенія съ боярами и не хотѣли его впускать, черезъ посла сказавъ ему: „мы не имѣемъ такого обычая, чтобы пріѣзжихъ принимать на княженіе: есть у насъ свой вотчenniнъ, князь Михаилъ.“ Тогда Θεодоръ воротился въ Орду и пошолъ къ царю съ жалобою, сказалъ ему свою обиду и много просилъ онъ царя, чтобъ онъ послалъ въ Ярославль своего посла съ приказаніемъ отдать этотъ городъ Θεодору. Царь, будучи умоленъ, послалъ посла съ великою грозою, дабы приняли князя Θεодора на его княжескій столъ. Но когда татарскій посолъ подошолъ съ воинскою силою къ Ярославлю, его въ городъ не пустили, даже не слушали, такъ что онъ долженъ былъ воротиться въ Орду ни съ чѣмъ. Между тѣмъ князь Θεодоръ все жилъ у царя въ Ордѣ. „Царица же вельми его любяше зѣло и хотяше за него дщерь свою дати, а царь не хотяше, понеже улусникъ его бяше и служебникъ. Царица же его вельми любяше, и царю паки много печаловашеся, дабы дщерь свою повелѣлъ за него дати.“ Наконецъ царь согласился, но предъ бракосочетаніемъ—будто бы—„повелѣ еѣ царь преже крестити, а православныя вѣры повелѣ не осквернити“—и царевну нарекли въ крещеніи Анною. Потомъ далъ онъ своему зятю Θεодору въ услуженіе князей и бояръ русскихъ, одаривъ его золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями.

(Въ позднѣйшихъ редакціяхъ и въ печатномъ прологѣ женитьба Θεодора на татаркѣ объясняется тѣмъ, что первая жена тогда уже умерла).

Царь же—наивно говоритъ сказаніе—вельми чтяше блаженнаго князя Θεодора, и повелѣлъ ему садиться противъ себя и

*) Если жена Ногай, то она была христіанка. Такъ желаетъ думать Карамзинъ.

приказалъ домъ ему устроить и снабдить всѣмъ, что подобаеть его сану. Феодоръ такъ долго оставался въ Ордѣ, что у него родился отъ татарской жены сначала сынъ Давидъ, потомъ, времени миновавшу не малу—другой сынъ Константинъ.

Наконецъ пришла вѣсть изъ Руси, что сынъ отъ первой жены его, князь Михаилъ, померъ, и тогда князь Феодоръ сталъ проситься вмѣстѣ съ женою и дѣтьми въ Русь, на княженіе Ярославское. Царь отпустилъ его съ великою честію. И отправился князь Феодоръ изъ Орды къ Ярославлю съ силою великою воинскою, взявъ городъ Ярославль, потому что граждане сдались, и—наивно присовокупляеть сказаніе— „нача въ немъ княжити по прежнему своему обычаю благочестно и богоугодно.“ Пришло же съ нимъ много силы, князей и бояръ земли Русской, и отъ царева двора множество татаръ— „и кои были ему обиды отъ гражданъ, и онъ царевымъ повелѣніемъ мсти обиду свою, а татаръ отпусти въ свою землю, въ Орду, съ честію великою ко царю. Самъ же благовѣрный и христілюбивый князь Феодоръ о храмѣ Господни вельми печашеся и вся благолѣпнѣ украси иконами и книгами, и о всѣхъ церквей Божіихъ устроеніи вельми подвизашеся, и Пречистую Матерь Божію икону чуднѣ украси каменіемъ драгимъ и жемчугомъ и златомъ... Въ монастырь же Св. Спаса всегда приходаше, и братію довольно кормяше, и милостынею удоволяше, и божественнымъ книгамъ прилежалъ день и ночь, и земнаго ничтоже въ себѣ не помышляше.“

Таково странное, хаотическое смѣшеніе идей наивнаго повѣствователя! Кажется, не нужно вдаваться въ разборъ подробностей, чтобъ указать и безъ того очевидныя въ нихъ противорѣчія.

По обычаю того времени, подъ конецъ жизни, въ глубокой старости Феодоръ постригся въ монахи и возложилъ на себя схиму, и былъ погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Когда несли тѣло князя Феодора*), простодушное сказанье увѣряеть, что „бысть во всемъ народѣ плачь неутешимъ, и не бѣ слышати гласа поющихъ отъ вопля и кричанія людскаго: всѣмъ бо быше общая скорбь и туга“ **).

Впрочемъ и къ этому темному времени относятся многіе изъ

*) Феодоръ † 1299, его сыновья—Давидъ († 1321) и Константинъ.

**) Сличн въ Лекціяхъ Шевырева, ч. 3, стр. 61—62.

свѣтлыхъ идеаловъ Русской народности. Уже достаточно припомнить себѣ героев-мучениковъ, князей и ихъ семейства, погибшія въ бѣдственное время первыхъ татарскихъ погромовъ, чтобъ примириться и со всѣмъ тѣмъ, что тогдашняя Русь представляетъ намъ невзрачнаго въ отношеніи нравственномъ.

Фамилія князей Владимірскихъ, послѣ мученической кончины Георгія и варварскаго истребленія его семейства, была прославлена въ сказаніяхъ блистательною личностью Александра Ярославича Невскаго *) († 1263 г.). Въ житійникахъ сказаніе о немъ составляетъ какъ бы вторую часть мѣстнаго Владимірскаго сборника житій, первую часть котораго занимаетъ разсказъ о мученическомъ подвигѣ Георгія **). Печальной участи остальной Россіи, разгромленной татарами, новгородцы могли противопоставить тогда блистательные подвиги своего князя Александра, прозваннаго Невскимъ, храбраго, мудраго и прекраснаго. „Се же, братіе, слышите—говоритъ сказаніе—яко преудивленнаго ради благообразія и превысокаго разума св. Александръ сей велехвалень бысть во всѣхъ родѣхъ земныхъ и во всѣхъ странахъ и царѣхъ.“ Съ далекаго Запада приходили къ нему взглянуть на его величіе и красоту и подивиться его разуму. Силою вышней побѣдилъ онъ шведовъ на Невѣ, пособіемъ св. князей Бориса и Глѣба, которые, явившись въ ладѣ нѣкому Пелгую—называли князя Александра своимъ братомъ. Какъ человекъ мудрый, онъ подчинился горькой необходимости—и ѣздилъ въ Орду поклониться хану.

Съ блистательною личностью Невскаго героя соединяется въ нашихъ народныхъ преданіяхъ святочитая память сына его, Даніила, который былъ первымъ княземъ, возвеличившимъ—какъ выражается Карамзинъ—„достоинство владѣтелей Московскихъ“ ***), и былъ первый изъ Московскихъ князей погребенъ въ Москвѣ, въ церкви св. Михаила († 1303). Впрочемъ, долгое время святочитая память его была въ забвеніи, вплоть до Іоанна, когда князь Даніиль явился у своего гроба на берегу Москвы рѣки, одному придворному юношѣ, тамъ ѣхавшему и сказалъ ему: „рцы в. к. Ивану: се убо самъ вся-

*) Сынъ Ярослава Всеволодовича.

***) Напр. въ рукописи гр. Уварова, въ листѣ. (№ 355), Царскаго № 411.

***) Исторія Государства Россійскаго, ч. 4-я, стр. 158; также см. примѣч. 189.

чески себе утѣшаеши, мене же забвенію предаль еси.“ Хотя съ тѣхъ поръ и велѣно было пѣть соборныя панихиды о Московскихъ князьяхъ и о кн. Даниилѣ, но даже при Василии Іоанновичѣ остатки Даниила были еще въ небреженіи, какъ видно изъ слѣдующаго. Однажды бояринъ Иванъ Михайловичъ Шуйскій, ѣдучи верхомъ за государемъ, хотѣлъ съ надгробнаго камня Даниилова сѣсть на лошадь, но едва было не лишился жизни и потомъ выльчился молебнами, отпѣтыми на томъ мѣстѣ. Такимъ образомъ мало по малу возобновлялась въ мѣстныхъ московскихъ преданіяхъ память о святочтимомъ князѣ Московскомъ Даниилѣ, сынѣ блистательнаго князя Новгородскаго и Владимірскаго, св. Александра Ярославича Невскаго.

Впрочемъ, справедливость вынуждаетъ признаться, что не всѣ сказанія татарскаго періода относятся къ чести только что зачинавшася тогда Московскаго княженія. Сынъ Даниила, Георгій, женившись на сестрѣ хана Узбека, Кончакѣ, былъ другомъ татаръ и соучастникомъ Кавгадыю въ убіеніи Михаила Ярославича Тверскаго († 1319), причисленнаго православною церковью къ лику святыхъ*). Тверь протестовала противъ злодѣйства Московскаго князя благочестивыми сказаніями о мученіи своего князя Михаила и о святости жизни и героическомъ духѣ супруги его Анны, взятой имъ изъ города Кашина, и потому извѣстной между мѣстными святыми подъ именемъ Анны Кашипской. Впрочемъ сказаніе о Михаилѣ Тверскомъ, распространенное уже въ позднѣйшей редакціи, составленной подъ вліяніемъ Московскаго господства, видимо выгораживаетъ Георгія Даниловича въ жестокостяхъ противъ Михаила и всю вину сваливаетъ на татарина Кавгадыя. Однако самое дѣло было столь гласно и поразительно, что все же и по этому сказанію Московскій князь является болѣе въ темномъ свѣтѣ, нежели Кавгадый. Московскій князь постоянно является спутникомъ и товарищемъ татарину въ истязаніяхъ князя Михаила. Напр., „Кавгадый же сыроидецъ и князь Георгій послаша убійцы“**). Убилъ и вырѣзалъ сердце Михаилу—Романецъ, очевидно, русскій. „Вѣжу (т. е. полатку) блаженнаго (по его смерти) разграбиша Русь и татарове.“ Когда тѣло

*) Михаилъ былъ внукомъ Ярослава Всеволодовича и дядею своего убійцы Георгія Даниловича.

**) По рукописи гр. Уварова, въ 4-ку. № 419 (Царск. 123).

св. мученика безъ прирѣнія валялось на земли, самъ Кавгадый, по сказанію, укорилъ Георгія въ безчеловѣчіи, съ яростью сказавъ ему: „не братъ ли тебѣ старѣй сей бѣ и яко отецъ? Да почто тако лежитъ тѣло его наго повержено?“ Что же касается до пѣснопѣній въ честь св. Михаила, то въ нихъ устраниены уже всѣ намеки на Георгія Московскаго. Проклинается только одинъ Кавгадый.

По исторіи извѣстно, что Димитрій отомстилъ смерть своего отца Михаила, убивъ Георгія въ Ордѣ *). На другой годъ по убіеніи Георгія (т. е. въ 1327 г.) явился въ Твери въ княженіе Александра Михайловича, ханскій посолъ Шевкаль, сынъ Дюденева и двоюродный братъ Узбека, съ многочисленными толпами грабителей, но вмѣстѣ съ ними былъ истребленъ храбрымъ княземъ. Память народная объ этомъ татарскомъ послѣ до позднѣйшаго времени сохранилась въ пѣснѣ, извѣстной подъ именемъ Щелканъ Дудентьевичъ **).

Л Е К Ц І Я 52-я.

Читана 11-го іюня 1860 года.

Самое видное, вовсе не отрицательное, совершенно положительное вліяніе Татарщины на русскую словесность обнаружилось въ національныхъ, православныхъ сказаньяхъ о св. герояхъ-мученикахъ, съ одной стороны, и въ наивныхъ въ высшей степени странныхъ повѣствованіяхъ, которыя ярко рисуютъ передъ нами печальную неурядицу правовъ той эпохи. Тогдашняя жизнь во всемъ ея разнообразіи, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, возникаетъ передъ нами въ этихъ литературныхъ произведеніяхъ отъ XIII до XV вѣка.

Что опустошенія и погромы татарскіе были менѣе гибельны для нашей словесности, нежели это многимъ кажется, видно изъ того, что мѣстные, областные интересы и особенности народнаго быта получаютъ въ эту эпоху бѣльшее, противъ прежняго, развитіе. По мѣстнымъ сказаньямъ, мы уже видѣли, какъ относились къ этимъ бѣдственнымъ событіямъ Владиміръ, Рязань, Черниговъ, Новгородъ, Ярославль и наконецъ Москва съ Тверью.

*) Исторія Государства Россійскаго Карамзина, ч. 4, стр. 202.

**) Смотри Древнія Россійскія Стихотворенія, стр. 31—36.

Теперь бросимъ взглядъ на два противоположные конца Сѣверной Руси, въ которыхъ совершенно противоположно выразилось отношеніе нравственныхъ интересовъ къ татарскому игу, именно взглянемъ на востокъ, гдѣ остановимся на Ростовѣ, а потомъ, обратившись къ западу, остановимся на Смоленскѣ и Псковѣ.

Мы уже знаемъ, что первыя святыни Ростова, по фамильнымъ преданьямъ Мономаховичей, ведутъ свое начало отъ Кіевопечерскаго монастыря. Храмъ Успенія Богородицы построенъ былъ Владиміромъ Мономахомъ въ мѣру Печерскаго, принесенную изъ Варягъ Шимонъ. Знаемъ также, что икону Богородицы, писанную св. Алипіемъ Печерскимъ, тотъ же боголюбивый князь принесъ изъ Кіева въ Ростовъ. Согласно съ этимъ, святочтимые Ростовскіе епископы, св. Леонтій и св. Исаія *)—оба были иноками Кіевопечерскаго монастыря, а второй былъ даже игуменомъ обители св. Дмитрія въ Кіевѣ. Связь Ростовской святыни съ Кіевопечерскою прекрасно выражена въ сказаніи о томъ, какъ св. Исаія однажды утромъ былъ перенесенъ въ облакъ изъ Ростова въ Кіевъ на освященіе храма Богоматери и какъ въ облакъ же воротился назадъ. Пастырская дѣятельность обоихъ этихъ епископовъ была обращена на искорененіе язычества въ Ростовской области и на обращеніе язычниковъ въ христіанство. Въ житіи Леонтія особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее. Чтобъ успѣшнѣе достигнуть цѣли, святитель, встрѣчая упорное сопротивленіе своей христіанской проповѣди со стороны взрослыхъ и стариковъ, обратился преимущественно къ дѣтямъ. Собиралъ ихъ въ церковь, самъ наставлялъ въ истинной вѣрѣ и крестилъ.

Говоря о вліяніи Кіева на Ростовъ, не надобно впрочемъ забывать другаго мѣстнаго преданія, по которому обращеніе ростовскихъ язычниковъ въ христіанство совершилось я подѣ вліяніемъ сѣвернаго сосредоточія русской образованности, то есть подѣ вліяніемъ Новгорода. Это преданіе сохранилось въ житіи ростовскаго угодника Авраамія, основателя и архимандрита Богоявленскаго Аврааміева монастыря.

*) Въ святцахъ Леонтій означается подѣ 993 г.: историки полагаютъ его современникомъ Изяслава (1054—1077). Св. Исаія въ Святцахъ подѣ 1090: въ сочиненіи гр. Толстова о Ростовѣ подѣ 1089 г.

Авраамій*) родился въ городѣ Чухломѣ, когда еще вся та страна была въ язычествѣ, отъ богатыхъ родителей—язычниковъ и самъ былъ язычникомъ до 18-ти лѣтняго возраста. До этихъ лѣтъ былъ въ великомъ разслабленіи и лежалъ, не двинувшись съ мѣста. Однажды услышалъ онъ бесѣду нѣкоторыхъ благочестивыхъ новгородцевъ, случившихся въ дому отца его, о вѣрѣ въ Господа Иисуса и о чудесахъ, совершающихся въ христіанствѣ. Тогда сталъ онъ размышлять въ себѣ: „вотъ у отца моего много боговъ, а ни одинъ мнѣ не помогъ. У новгородцевъ одинъ Богъ и многимъ подаетъ исцѣленіе. Если бы и мнѣ даровалъ онъ здравіе, сталъ бы я вѣровать въ него и служить ему вѣчно, и пошолъ бы въ страну ихъ.“ И дѣйствительно, Авраамій исцѣлился и въ странахъ Ладожскаго озера, на островѣ, въ Валаамской пустыни крестился и былъ постриженъ въ монахи. Оттуда отправился въ Ростовскую область проповѣдовать христіанство, сокрушилъ идола Велеса (изъ камня изгналъ бѣса Велеса) и крестилъ язычниковъ**).

Таковы древнѣйшія преданія о святыхъ Ростова, одного изъ самыхъ важныхъ пунктовъ въ исторіи древнерусскаго христіанскаго просвѣщенія. Изъ сказаній о Ростовскихъ угодникахъ видно, что церковныя и монастырскія земли въ Ростовской области издавна были очень обширны. Изъ одного повѣствованія о чудесахъ въ житіи Леонтія и Авраамія Ростовскихъ мы видимъ, что смежность имѣній церковныхъ съ мірскими подавала поводъ ко многимъ тяжбамъ, образецъ которыхъ предлагаетъ намъ сказанное повѣствованіе.

Нѣкотораго князя слуга, именемъ Захарія, жилъ въ своемъ селѣ близъ храма Св. Богородицы и св. Леонтія. Малая часть земли Св. Богородицы подошла къ тому селу Захарьину. И помышлялъ въ себѣ безумный, какъ бы присвоить эту часть земли къ своему селу. Подумалъ и сдѣлалъ. Называетъ ту часть земли своего села и лже-свидѣтелей поставилъ. Свидѣтели говорили: „мы памятуемъ за много лѣтъ, что эта земля Захарьина села.“

Обычай же былъ издавна у прежнихъ епископовъ: когда у кого будетъ спорное слово о землѣ, то священника съ крестомъ св. Леонтія посылать на разводъ, или межеванье, а не такъ, какъ въ дру-

*) Языческое имя его было Иверкъ.

**) Припомнить слѣдуетъ Волосовъ монастырь во Владимірской области.

гихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно суды и тяжбы производились и лилась кровь. И посылаетъ епископъ къ тому Захаріи священника съ животворящимъ крестомъ св. Леонтія. Священникъ пришолъ и по обычаю на землѣ съ крестомъ сталь; приполю и Захарія съ своими лживыми свидѣтелями. И стали разводить земли: попили лжесвидѣтели, какъ угодно было Захаріи, который слѣдовалъ за ними, не устыдившись честнаго креста, а потомъ уже за Захаріею на разводѣ шолъ священникъ съ св. крестомъ, и такъ отвелъ земли Св. Богородицы. Не сытъ былъ Захарія своимъ селомъ—прибавляетъ повѣствователь,—а довольно бы ему было трехъ локтей на могилу, которой никому не миновать, довольно бы было единой горсти земли на его безстыдныя очи, по слову пророка: „очи безумнаго на краѣхъ земли.“

Когда священникъ съ крестомъ удалился, Захарія радуясь пошолъ на ту отведенную ему землю: но вскорѣ получилъ отмщеніе—говоритъ сказаніе—по пророческому слову: „обратися болѣзнь его на главу его, и на верхъ его неправда его снидетъ.“ Только что ступилъ Захарія на землю Св. Богородицы, тотчасъ же возопилъ великимъ голосомъ. Хотѣлъ бѣжать и не могъ. „Горе мнѣ, окаянному—вопіялъ онъ: эта земля на мнѣ стоитъ: она меня покрываетъ, она меня погубить! Вотъ уже и прахъ этой земли засыпаетъ мои окаянныя очи!“—Силою привели Захарію домой, но онъ все вопилъ: „о горе мнѣ! Эта земля, какъ облако, надо мною виситъ и на меня рушится, и прахъ очи мои засыпаетъ, и зло стражду я, окаянный!“—Однако никто, кромѣ его самого, ничего не видѣлъ.

Тогда родственники (въ рукоп. сердоболи) повели его къ городу къ архіепископу Трифону тогда бывшему († 1469 г.). Тамъ Захарія приходитъ въ себя, и покаяніе показываетъ. С писателемъ, умиляясь передъ чуднымъ событіемъ, съ наивностью трижды повторяетъ: „покаяніе, покаяніе, покаяніе показусть!“—Раскаиваясь, падаетъ Захарія къ ногамъ архіепископа, и, слезами ноги его омывая, восклицаетъ: „согрѣшилъ я, о честный отче! Прости меня!“—и землю ту, уже засѣянную, возвращаетъ. Послѣ того архіепископъ отправляется въ храмъ Св. Богородицы и, отслуживъ молебенъ, разрѣшаетъ грѣхъ Захаріи и у гроба св. Леонтія исцѣляетъ его отъ болѣзни.

Замѣчательнъ энергическій тонъ этого повѣствованія, направленнаго противъ святотатственныхъ притязаній въ борьбѣ мірягъ съ

церковью за владѣніе землями. Очевидно, нужно было страхомъ Божиимъ и грозой ограждать церковныя имѣнія отъ частныхъ покушеній со стороны корыстолюбиваго нечестія.

Ту же самую мысль встрѣтимъ мы въ самомъ интересномъ изъ мѣстныхъ сказаній Ростовскихъ, относящемся къ временамъ Татарщины.

Мы уже знаемъ, что въ самыхъ первыхъ погромахъ Батыевыхъ Ростовъ ознаменовалъ себя мученическою кровію своего св. князя Василька Константиновича († 1238). Схваченный татарами, онъ отказался воевать за одно съ ними, и за то былъ безчеловѣчно мучимъ и убитъ, а тѣло его было безъ призранія брошено въ лѣсу. Василько погибъ въ цвѣтъ лѣтъ на 29-мъ году. Лѣтописцы хвалятъ цвѣтущую красоту его, взоръ свѣтлый и величественный, отвагу на звѣриной ловлѣ, его умъ и познанія, а также благотворительность, кротость и добродушіе. „Кто служилъ ему—говорятъ лѣтописцы—кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ нимъ чашу, тотъ уже не могъ быть слугою иного князя.“

Василько оставилъ по себѣ супругу Марію, дочь св. мученика Михаила Черниговскаго, съ двумя сыновьями, Борисомъ и Глѣбомъ. Когда они возмужали, старшій Борисъ остался княжить въ Ростовѣ, а младшій Глѣбъ получилъ удѣлъ Бѣлозерскій. Это раздѣленіе Ростовской области послѣдовало въ 1251 г.

Надобно знать всѣ эти мѣстныя обстоятельства, чтобъ вполнѣ понять и оцѣнить едва ли не самое лучшее сказаніе изъ временъ Татарщины, описывающее самыми яркими красками бытъ древней Руси, уже падшей нравственно, уже отатарившейся, въ ту печальную эпоху, когда русское и татарское наивно смѣшивались и когда это смѣшеніе производило странную путаницу и неурядицу въ русскихъ правахъ.

Это Ростовское сказаніе, имѣющее предметомъ житіе Петра царевича Ординскаго, по прозванію Берки, изображаетъ передъ нами вѣковую борьбу Татарщины и Православія въ древнемъ Ростовѣ, борьбу татарскаго элемента, усиленнаго вліяніемъ духовенства, съ элементомъ княжескимъ. Сказаніе это обработано было не ранѣе XV вѣка, но, безъ сомнѣнія, на основѣ древнѣйшихъ преданій XIII и XIV столѣтій. Оно содержитъ въ себѣ не только житіе этого

св. царевича Ординскаго, но и борьбу всего его рода-племени съ князьями Ростовскими.

Вотъ самое сказаніе въ его важнѣйшихъ подробностяхъ.

Въ 1253 г. Кирилль, епископъ Ростовскій, ходилъ въ Орду къ хану Беркаю или Беркѣ, брату Батыеву, по дѣламъ о нуждахъ церковныхъ.

Исцѣливъ ханскаго сына, епископъ щедро былъ одаренъ въ Ордѣ и получилъ ханскій ярлыкъ, по которому ежегодная дань князей Ростовскихъ и Ярославскихъ предоставлялась Ростовской епископіи въ домъ Пречистыя Богородицы. Въ Ордѣ, когда епископъ повѣствовалъ хану о томъ, какъ св. Леонтій крестилъ Ростовскую землю,—съ великимъ вниманьемъ слушалъ это повѣствованье племянникъ хана, воодушевился истинами христіанской религіи, и тайно отъ своихъ, вмѣстѣ съ епископомъ бѣжалъ изъ Орды въ Ростовъ, гдѣ потомъ и принялъ христіанскую вѣру. При этомъ въ сказаніи упоминается любопытная подробность. Богослуженіе въ Ростовскомъ храмѣ Св. Богородицы совершалось на двухъ языкахъ: на лѣвомъ клиросѣ пѣли по-гречески, а на правомъ по-славянски.

По прибытіи царевича Петра изъ Орды въ Ростовъ, епископъ Кирилль померъ въ 1262 г. Ему наслѣдовалъ владыка Игнатій, при князѣ Борисѣ Васильевичѣ Ростовскомъ, то есть, при упомянутомъ уже выше сынѣ св. мученика князя Василька Ростовскаго.

Не оставляя своихъ царскихъ потѣхъ, однажды царевичъ Петръ охотился ловчими птицами вдоль Ростовскаго озера, и, утомившись охотою, къ вечеру заснулъ на берегу его. Тогда явились ему два свѣтлыхъ мужа. Когда царевичъ въ ужасѣ палъ предъ ними, они, взявъ его за руку, говорили ему: „друзе, Петре! не бойся! мы посланы къ тебѣ отъ Бога, въ котораго ты увѣровалъ и крестился; посланы для того, чтобъ укрѣпить родъ твой и племя, и внуковъ твоихъ до скончанія міра“. Потомъ дали они царевичу два мѣшка, въ одномъ золото, а въ другомъ серебро, и велѣли вымѣнить ему въ городѣ три иконы, одну Св. Богородицы съ Младенцемъ, другую св. Димитрія и третью Николая Чудотворца*). Царевичъ сначала подумалъ, что эти чудесные мужи въ татарахъ племя ему укрѣпляютъ, но, узнавъ, что они апостолы Петръ и

*) Сличи Муромское сказанье объ Унженскомъ Крестѣ.

Павелъ, уразумѣлъ истину. Потомъ велѣли они царевичу съ вымѣненными иконами явиться къ епископу и сказать отъ имени первоверховныхъ апостоловъ, чтобъ онъ соорудилъ имъ церковь при озерѣ, гдѣ царевичъ спалъ. Въ ту же ночь являлись они и самому епископу съ тѣмъ же повелѣніемъ о сооруженіи церкви. Когда на другой день епископъ Игнатій бесѣдовалъ о томъ съ княземъ Ростовскимъ, приходитъ къ нимъ царевичъ Петръ съ вымѣненными иконами, которыя сіяли, какъ солнце, и повѣдалъ имъ о своемъ видѣніи. Князь и епископъ, поклонившись иконамъ, много удивлялись, какъ могъ царевичъ вымѣнить такія на торгу, потому что въ городѣ не было иконописцевъ; видѣли также, что царевичъ былъ молодъ и отъ невѣрныхъ. Но когда Петръ разрѣшилъ ихъ недоумѣніе, епископъ пѣлъ иконамъ молебны, и, отправившись на указанное мѣсто при озерѣ, заложилъ храмъ апостоламъ Петру и Павлу. Когда храмъ былъ готовъ, и царевичъ поставилъ въ немъ тѣ три иконы, тогда князь Ростовскій, сядя на коня, глумясь, сказалъ возвращавшемуся вмѣстѣ съ нимъ царевичу Петру: „владыка тебѣ церковь устроилъ, а я мѣста не дамъ: что тогда будешь дѣлать?“ Петръ отвѣчалъ: „княже! повелѣніемъ святыхъ апостоловъ я куплю у тебя, сколько благодать твоя отлучить отъ земли этой.“ Князь же, видѣвъ мѣшки Петровы въ епископіи, помолчалъ немного, потомъ сказалъ: „Петре! вопрошу тебя: дашь ли за мою землю столько, сколько ты далъ за иконы?“ Петръ отвѣчалъ: „святые апостолы говорили мнѣ: что владыка Игнатій повелитъ, то и сотвори; потому спрошу его самого.“ Тогда владыка, на вопросъ царевича, благословилъ его и сказалъ: „Господь изрекъ своими святыми устами: просящему у тебя дай; и ты, чадо, не пощади родителей имѣнія*), дай князю, сколько онъ захочетъ.“ Петръ царевичъ, вѣруя словамъ владыки, поклонился ему до земли, пошелъ къ князю и сказалъ ему: „да будетъ, княже, воля святыхъ апостоловъ и твоя!“ Тогда князь велѣлъ протянуть вервь**) отъ воды и до воротъ, и отъ воротъ до угла, а отъ угла возлѣ озера: мѣсто это велико. Послѣ того Петръ сказалъ: „повели, княже, ровъ копать, какъ въ Ордѣ бываетъ***), чтобъ

*) Слѣд. это не только даяніе св. апостоловъ, но и съ присовокупленіемъ богатства, вывезеннаго царевичемъ изъ Орды.

**) Вотъ объясненіе древнерусской верви, упоминаемой въ Русской Правдѣ.

***) Замѣчательно, что рвы введены на Русь отъ татаръ.

не погнбло то мѣсто.“ Такъ и сдѣлали: выкопали ровъ, который виденъ и донннѣ. А Петръ началъ отъ воды класть деньги поодиночкѣ, вынимая изъ мѣшковъ девять литръ серебра и десятую золота. И наполнили воза Петровыми кунами и тѣ колесницы, на которыхъ клѣтъ возили, такъ что кони едва тронули съ мѣста. Князь же и владыка, види множество выложеннаго серебра и золота, а мѣпки все также полны, дивились великому чуду.

Спустя нѣкоторое время однажды князь и владыка говорили между собою о царевичѣ Петрѣ: „если этотъ мужъ царскаго племени уйдегъ въ Орду, будетъ неладно нашему городу.“ А Петръ былъ ростомъ великъ и лицомъ красивъ. И потомъ оба они говорили ему: „Петре! хочешъ ли, мы тебя женимъ?“ Петръ же прослезился и отвѣчалъ князю и владыкѣ: „я возлюбилъ вашу вѣру и пришолъ къ вамъ: да будетъ воля Господня и ваша!“ Князь взялъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, потому что были тогда въ Ростовѣ ординскіе вельможи. Владыка вѣнчалъ царевича Петра и устроилъ ему церковь и освятилъ её по заповѣди святыхъ апостоловъ.

Князь всегда бралъ Петра на царскую утѣху около озера; ястребами, кречетами и прочими утѣхами тѣшилъ его, дабы въ напей вѣрѣ утвердился. Однажды во время охоты сказалъ ему князь: „ведію благодать обрѣлъ ты передъ Богомъ и граду нашему. Писано есть: что воздамъ Господевн о всѣхъ, яже воздастъ намъ: пріими же, господине Петре, малую эту землю отъ нашей отчины и воды отъ этого озера: я тебѣ напишу и грамоты.“ И отвѣчалъ ему царевичъ: „я, княже, отъ отца и матери не умѣю землю владѣть; а грамоты эти для чего?“ „Все это я тебѣ сдѣлаю—говоритъ князь: а грамоты для того, чтобъ послѣ насъ мои дѣти, внуки и правнуки не отняли тѣхъ земель у твоихъ дѣтей и внучать.“ Петръ принялъ предложеніе, а князь велѣлъ передъ владыкою писать грамоты: множество земель, отъ озера воды и лѣса были уряжены Петру.

Орда была тогда тиха много лѣтъ, и князь такъ любилъ Петра, что и хлѣба безъ него не ѣлъ, и при владыкѣ побратался съ нимъ въ церкви. И прозвался Петръ братомъ князю, и народились у него сыновья; и спустя малое время померъ владыко Игнатій († 1288), который потомъ причисленъ къ лику святыхъ; померъ и князь

Ростовскій, а дѣти звали царевича Петра дядею и до старости. И много лѣтъ въ благоденствіи пожилъ царевичъ Петръ и наконецъ преставился въ глубокой старости, принявъ монашескій чинъ († 1290*). И положили его у св. апостоловъ Петра и Павла, у его усыпальница; и отъ того времени установился тамъ монастырь, который и доселѣ существуетъ около Ростова и называется Петровскимъ чтò на Полѣ.

Внуки же стараго Ростовскаго князя, забывъ Петра и добродѣтель его, начали отнимать луга и украинны земли у Петровыхъ дѣтей. Тогда сынъ Петровъ пошолъ въ Орду, сказался внукомъ брата царева; возрадовались дядья его, почтили его многими дарами и испросили ему у царя посла.

Царевъ посолъ пришолъ въ Ростовъ и разсмотрѣлъ грамоты Петра и стараго князя; и положены были тогда рубежи землямъ по грамотамъ стараго князя, а Петрова сына посолъ отправилъ и грамоту ему далъ съ золотою печатью.

Когда посолъ воротился въ Орду, молодые князья Ростовскіе стали говорить между собою и съ боярами: „слышали мы, что родители наши звали Петра дядею, и что дѣдъ нашъ много у него серебра взялъ и братался съ нимъ въ церкви; а вѣдь это родъ татарскій, а кость не наша: что это намъ за племя? Серебра же намъ не оставили ни дѣдъ, ни родители наши!“ Такъ говорили они, а не искали чудотвореній святыхъ апостоловъ—присовокупляетъ сказаніе: и забыли любовь своихъ родителей. И жили они много лѣтъ, зазирая Петровымъ дѣтямъ за то, что они въ Ордѣ выше ихъ честь принимали.

И народились у сына Петрова, у Лазаря, сыновья и дочери. Одинъ изъ внуковъ Петровыхъ, именовъ Юрій, навывши отъ родителей своихъ честь творить Св. Госпожѣ Богородицѣ въ Ростовѣ, возлагалъ на нее гривны златыя, и учреждалъ пиროванья владыкамъ и всему клиросу и собору, въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, торя ежегодно память по родителямъ.

И ловили рыбы ловцы Петровы гораздо больше, чѣмъ ловцы городскіе. Петровы ловцы въ шутку закинуть сѣти и вытаскать множество рыбы, городскіе же—сколько ни трудятся—все понапрасну.

*) Память его празднуется въ нашей Церкви іюня 30 дня.

И стали городскіе ловцы говорить князю: „господине княже! если Петровы ловцы не перестанутъ ловить, то все озеро наше оцуетъеть: всю рыбу повыловятъ.“ Тогда правнуки стараго князя Ростовскаго стали говорить Юрью: „слышали мы, что дѣдъ вашъ грамоты у прародителей нашихъ на мѣсто монастыря вашего взялъ, и рубежи земли его, а озеро наше: на него грамоты не было взято. Потому запрещаемъ вашимъ ловцамъ ловить въ этомъ озерѣ.“ Слышавъ то, внукъ Петровъ Юрій пошолъ въ Орду и сказался правнукомъ брата царева. Дяди же многими почестями его почтили и дарами многими, и посла у царя испросили ему. И пришолъ посоль татарскій въ Ростовъ и сѣлъ при озерѣ, у св. апостоловъ Петра и Павла. И былъ страхъ Ростовскимъ князьямъ отъ царева посла. И сталъ онъ ихъ судить со впуками Петровыми. Юрій положилъ передъ нимъ грамоты; и посоль, воззрѣвъ на грамоты, сказалъ: „положены ли грамоты на эту куплю? Ваша ли вода? Есть ли подъ нею земля? И можете ли снять воду отъ земли той?—И отвѣчали князья Ростовскіе: „такъ, господине! положены эти грамоты, а земля подъ водою есть, а вода, господине, наша отчина, а снять ее съ земли не можемъ.“ Тогда сказалъ имъ посоль царева: „если не можете снять воду отъ земли, то почто своею называете? А сотвореніе есть выпитиго Бога на службу и на пищу всѣмъ челоуѣкамъ и скотамъ.“ И присудилъ царева посоль по землѣ и воду внукамъ Петровымъ: какъ есть купля землямъ, такъ и водамъ*). Потомъ далъ Юрью грамоту съ золотою печатью и ушелъ въ Орду; князья же Ростовскіе перестали Юрью творить зло и утишились на многія лѣта.

И возросъ правнукъ Петровъ; у Юрья сынъ Игнатій. При немъ случилось слѣдующее происшествіе. Пришолъ Ахмыль царь на Русскую землю и пожогъ городъ Ярославль; оттуда направился со всею своею силою на Ростовъ. Устрашилась вся земля, а князья Ростовскіе бѣжали; бѣжать и владыка Прохоръ**). Но Игнатій, погнавшись съ обнаженнымъ мечомъ за владыкою, сказалъ ему: „если не пойдешь со мною навстрѣчу Ахмылу, то убью тебя! Это наше племя и сродники!“ И послушалъ его владыка: со всѣмъ клиро-

*) Это мѣсто чрезвычайно важно для исторіи русскаго права, которое—какъ отсюда видно—въ самыхъ существенныхъ вопросахъ подчинилось вліянію татарскому.

***) Прохоръ † 1328 г.

сомъ, въ ризахъ, съ крестами и хоругвями, пошолъ противъ Ахмыла, а Игнатій съ гражданами передъ крестами. Взялъ онъ тѣшь царскую—соколовъ и кречетовъ, и дорогіа шубы, и цвѣтныя ткани, и питья различныя, и, будучи край поля и озера, сталъ на колѣна передъ Ахмыломъ и сказался ему древняго брата царевымъ племенемъ: „а это—говорилъ онъ—село царевое и твое, господине! а купля прадыда нашего, гдѣ чудеса творились, господине!“ И страшно было видѣть рать Ахмылову вооруженну. Тогда Ахмыль сказалъ: „ты тѣшь подаешь, а это кто въ бѣлыхъ ризахъ, и что это за хоругви? Или биться съ нами хотятъ?“ Игнатій отвѣчалъ: „это богомольцы цареви и твои, да благословятъ тебя, а носятъ они божницу по закону нашему, господине!“

Въ то самое время у города Ярославля былъ въ тижкомъ недугѣ сынъ Ахмыловъ, и возили его на возилахъ. Ахмыль велѣлъ привезти его, да благословятъ его. Владыка Прохоръ, со всѣмъ клиросомъ, моляся Богу, пѣлъ чудотворцамъ молебны, и, освятивъ воду, далъ испить больному царевичу и благословилъ его крестомъ,—и тотчасъ же сталъ здоровъ сынъ Ахмыловъ. Самъ же Ахмыль возрадовался, сошолъ съ коня передъ крестами и, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: „Благословенъ вышній Богъ, вложившій мнѣ въ сердце придти сюда! Праведенъ ты еси, господине епископе Прохоре! ибо молитва твоя воскресила моего сына. Благословенъ и ты, Игнатіе! Ты уберегъ людей своихъ и спасъ этотъ городъ, ты—наше племя, царева кость! И если будетъ тебѣ здѣсь обида, не лѣнись дойти до насъ!“ Сказавъ это, далъ онъ 40 литръ серебра владыкѣ и 30 его клиросу, а самъ взялъ отъ Игнатія царскую тѣшь, цѣловалъ его и, поклонившись владыкѣ, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Орду восвоеси. Игнатій же, проводивъ Ахмыла съ честію, возвратился вмѣстѣ со владыкою и со гражданами въ великой радости и, пѣвши молебны, прославили они Бога и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ.

Это превосходное Ростовское сказаніе, отъ котораго такъ и вѣетъ нравственною неурядицею эпохи татарской, имѣетъ предметомъ не одно житіе царевича Петра, но и повѣствованіе обо всемъ его родѣ, который татары величали своимъ племенемъ и своею костью. Это какъ бы похвальное слово въ честь Петрова племени,

вкоренившася въ Ростовѣ, какъ это явствуетъ изъ самого заключенія: „Дай же, Господи, угѣху почитающимъ и пишущимъ древнихъ родителей дѣянія, здѣ и въ будущемъ вѣцѣ покой! А Петрову бы сему роду соблюденіе и умноженіе живота и неоскудѣніе до старости, и безпечаліе, и вѣчная ихъ память до скончанія міра, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава во вѣки, аминь.

Л Е К Ц І Я 53-я.

Читана 25-го августа 1860 г.

Отъ Ростова, мѣстныхъ сказанія котораго свидѣтельствуетъ намъ о сильнѣйшемъ вліяніи Татарщины на русскій бытъ, обратимся къ западу, гдѣ увидимъ болѣе отрадныя явленія въ эту тяжкую для нашего отечества эпоху. Здѣсь въ отношеніи литературномъ особенное вниманіе обращаетъ на себя Смоленскъ, который своими мѣстными сказаніями, религіозными и поэтическими, смѣло протестуетъ противъ татарскаго ига и какъ бы предупреждаетъ пресловутую повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ.

Но сначала бросимъ бѣглый взглядъ на древнѣйшія мѣстныя преданія этого города, частію намъ уже извѣстныя.

Преданія о святиняхъ Смоленска связываются съ исторіею Владиміра Мономаха и его знаменитаго рода*). Самъ Владиміръ Мономахъ соорудилъ въ Смоленскѣ храмъ Пресвятой Богородицы въ 1101 г., безъ сомнѣнія, по образцу Кіевопечерскаго храма, а еще прежде того получилъ изъ Греціи икону Богородицы Одигитрии (Путеводительницы), которая—по преданію—писана св. евангелистомъ Лукою. (И доселѣ икона эта украшаетъ Успенскій соборъ).

Смоленскіе князья ведутъ свой родъ отъ внука Владиміра Мономаха, отъ Ростислава Мстиславича (княжившаго съ 1128 по 1160 г.). Этотъ князь, прозванный отъ лѣтописцевъ Набожнымъ, въ 1145 г. повелѣлъ при рѣчкѣ Смядынкѣ (давно пересохшей) построить каменный храмъ во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба, въ память мученической смерти послѣдняго изъ нихъ, убитаго на

*) Смори Достопамятности города Смоленска, Мурзакевича. Въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1846 г., № 2.

томъ мѣстѣ въ 1015 г. Въ слѣдующемъ 1146 г. князь Ростиславъ соорудилъ другую церковь во имя первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, которая съ нѣкоторыми пристройками сохранилась и до нашихъ временъ. Слѣдующіе князья также оставили по себѣ память въ подвигахъ благочестія и книжнаго просвѣщенія. Романъ Мстиславичъ (1160—1181) завелъ въ Смоленскѣ училище, въ которомъ—какъ говоритъ преданье—учились не только по-церковнославянски, но даже по-гречески и по-латыни, а Давидъ Ростиславичъ (1181—1197) построилъ такую церковь во имя архистратига Михаила, которая, по свидѣтельству Кіевскаго лѣтописца, была великолѣпнѣйшимъ и богатѣйшимъ храмомъ во всей Сѣверной Россіи.

При этихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ становится для насъ вполне понятнымъ въ концѣ XII вѣка явленіе такого просвѣщеннаго, по тогдашнему времени, человѣка, какъ знаменитый смоленскій подвижникъ Авраамій.

Географическое положеніе Смоленска—къ западу—также много способствовало просвѣщенію этого города, приводя въ сношенія съ Ригю и Готскимъ берегомъ. Въ этомъ отношеніи Смоленскъ подчинялся общей судьбѣ съ другими болѣе образованными пунктами Сѣверо-западной Руси, съ Новгородомъ и Псковомъ. Вліяніе Западной Европы на эту половину древней Руси усилилось съ XIII в., послѣ того какъ епископъ Ливонскій, Альбертъ въ 1200 г. основалъ городъ Ригу, а въ 1201 г. Орденъ Христовыхъ Воиновъ или Меченосцевъ, получившихъ уставъ Рыцарей храма. Вскорѣ потомъ ливонскіе рыцари присоединились къ нѣмецкому Ордену св. Маріи Іерусалимской. Земли епископа Ливонскаго и нѣмецкихъ рыцарей называлась областію Пресвятой Богородицы, имени которой посвящали они свои подвиги. Находясь въ постоянныхъ, то во враждебныхъ, то въ дружескихъ сношеніяхъ съ Сѣверо-западною Русью, нѣмецкіе рыцари хорошо были извѣстны нашимъ предкамъ и назывались у нихъ слугами Божіими или Божіими дворянами.

Въ XIII в. Смоленскъ постоянно сносился съ нѣмецкими колоніями. Отъ этого столѣтія дошло до насъ нѣсколько договоровъ Смоленскихъ князей съ Ригю и Готскимъ берегомъ. Договоры эти свидѣтельствуютъ намъ, что какъ смольняне часто посѣщали Нѣмецкую землю, по дѣламъ торговымъ, также и много нѣмцевъ жило въ

Смоленскѣ. Въ доказательство этихъ частыхъ и близкихъ сношеній привожу начало договорной грамоты Смоленскаго князя Мстислава Давидовича, заключенной въ 1229 г. съ Ригю и Готскимъ берегомъ *).

„Что дѣлается по временамъ, то и отходить со временемъ, а если приказано будетъ добрымъ людямъ утвердить грамотою, то будетъ всѣмъ вѣдомо, кто и послѣ въ живыхъ останется. Того лѣта, коли Альбрахтъ владыка Рижскій умеръ, вздумалъ князь Смоленскій Мстиславъ, Давидовъ сынъ—прислалъ въ Ригу своего лучшаго попа Еремея и съ нимъ умнаго мужа Пантелея изъ своего города Смоленска. Эти двое были послами въ Ригѣ, а изъ Риги ѣхали на Готскій берегъ, тамъ утвердить миръ. И утвердили миръ, что было немирно всѣмъ купцамъ промежду Смоленска и Риги и Готскаго берега. Про этотъ миръ трудились добрые люди: Ролфъ изъ Кашеля, Божій дворянинъ, и Тумашъ смолнянинъ, чтобы миръ былъ до вѣка, и урядили, чтобы было любо Руси и всему Латинскому (иначе: Нѣмецкому) языку, кто только въ Руси гостить **). Чтобы миръ твердъ былъ и чтобы было любо князю и рижанамъ всѣмъ, и всему Латинскому языку, и всѣмъ тѣмъ, кто на Востокъ моря ходитъ (т. е., на Балтійское море, Ostsee), и чтобы пашоль правду, на томъ миру положено написать, какъ держать правду Руси съ Латинскимъ (иначе: Нѣмецкимъ) языкомъ и Латинскому (или Нѣмецкому) языку съ Русью.“ Пропуская мелочныя подробности торговаго договора, не имѣющія значенія въ исторіи литературы, приведу одну статью для опредѣленія степени сношеній Руси съ Западомъ. „Если латинскій (или нѣмецкій) гость придетъ къ городу (Смоленску), свободно ему продавать, а противъ того не молвить никому. Такъ дѣлать и Руси въ Ригѣ и на Готскомъ берегу. Если латинскій (нѣмецкій) гость захочетъ ѣхать изъ Смоленска со своимъ товаромъ въ иную сторону, про то князю не держать его, ни иному никому же. Такъ и русину ѣхать изъ Готскаго берега до Травны или до Любока ***).“

*) Договоръ, изданный въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, ч. 2, стр. 1—5, исанъ на областномъ русскомъ языкѣ. Въ переложеніи удерживаю нѣкоторыя народныя реченія подлинника, а также и искаженныя собственныя имена иностранныхъ.

**) Т. е. пріѣзжаетъ гостемъ—кунцемъ, для торговли.

***) Т. е. до Травенюнде и до Любока.

Образецъ суда Руси съ нѣмцами можно видѣть въ Правой грамотѣ Смоленскаго князя Ѳедора Ростиславича, по судному дѣлу о нѣмецкомъ колоколѣ, 1284 г. *).

„Се язъ князь Смоленскій Ѳедоръ судилъ Бириля съ Армановичемъ про колоколъ про нѣмецкій. Бириль правъ, а Армановичъ виноватъ. Выдалъ я Армановича и съ дворомъ за колоколъ. А тутъ были на судѣ со мною бояре мои: Григоръ намѣстникъ, Данило, Артемій, Микула Дядковичъ, Лука окольничій, Путьята Дядковичъ. А отъ нѣмцевъ были на судѣ, искали колокола: Янъ, Алъбратъ изъ Брюнжвика, Генъци, Яганъ Варенъдоръпръ. Мойсей княжъ печатникъ Ѳедоровъ **) печаталъ. Сія грамота писана, когда изошло отъ Рождества Господня до сего лѣта тысячу лѣтъ и двѣсти лѣтъ и восемьдесятъ лѣтъ и три лѣта, а на четвертое лѣто была писана. А Ѳедорко писецъ княжъ писалъ.“

Такова вся сполна эта наивная грамота! Между прочимъ, она замѣчательна и тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о западномъ вліяніи считать года отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра.

Послѣ этихъ данныхъ о смоленскомъ бытѣ, обратимся къ мѣстной литературѣ времянь Татарщины, память о которой присоединяется въ преданіяхъ смоленскихъ къ героическому имени витязи Меркурія, мученически пролившаго кровь въ самыя первыя времена Батыевыхъ погромовъ, т. е. въ 1237 г. Память Меркурія Смоленскаго празднуется нашею церковью 24-го ноября.

Смоленское преданіе о витязѣ Меркуріи дошло до насъ въ различныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна болѣе носитъ на себѣ слѣды устныхъ разсказовъ, а другая, принятая въ Макарьевскія Четы-Мишеи, обработана уже въ литературномъ стилѣ. Обѣ эти редакціи дополняютъ другъ друга, предлагая намъ одно изъ красивѣйшихъ произведеній нашеи древней и народной литературы.

Сначала предлагаю это сказаніе по редакціи народной, очевидно, удержавшей на себѣ слѣды устныхъ поэтическихъ преданій ***).

Въ городѣ Смоленскѣ жилъ нѣкто молодой человекъ, по имени Меркурій. Былъ благочестивъ, въ заповѣдяхъ Господнихъ поучался

*) По изданію Актонъ, касающихся до споменія Сѣверо-западои Руси съ Ригю. Изд. Археограф. Ком. 1857 г.

**) Т. е. Печатникъ князя Ѳедора.

***) По Синодальному Цвѣтнику 1665 г. № 908, л. 218 и слѣд.

день и почь, процвѣталъ преподобнымъ житіемъ, постомъ и молитвою, и сіялъ, какъ звѣзда богоявленнаѧ, посреди всего міра.

Былъ умиленъ душою и слезенъ, и часто приходилъ къ Кресту Господню молиться за міръ, зовомый Петровскаго ста*).

А въ то время злочестивый царь Батый плѣнилъ Русскую землю и мучилъ христіанъ, проливая безвинную кровь, какъ сильную воду. И пришолъ тотъ царь съ великою силою на богоспасасмый градъ Смоленскъ, и сталъ отъ него за 30 поприць; много святыхъ церквей пожогъ и христіанъ побилъ, и твердо вооружился на тотъ городъ. Люди же всѣ были въ великой скорби, умильно молясь о спасеніи своемъ въ соборной церкви Пречистой Богородицы.

И было нѣкое смотрѣніе Божіе къ гражданамъ. Недалеко отъ города за Днѣпромъ рѣкою въ Печерскомъ монастырѣ преславно явилась Пречистая Богородица пономарю и сказала: „о человѣче Божій! скоро изыди къ оному Кресту, гдѣ молится угодникъ мой Меркурій, и рцы ему: зоветъ тебя Божія Матерь!“ Пономарь отправился, нашолъ его молящимся у Креста и назвалъ по имени: „Меркуріе!“—А тотъ отвѣтствовалъ: „что ти есть, господине мой?“ И сказалъ ему пономарь: „иди скоро, брате! тебя зоветъ Божія Матерь въ Печерскую церковь!“ И пошолъ богомудрый Меркурій во святую церковь и увидѣлъ тамъ Пречистую Богородицу на золотомъ престолѣ съ Христомъ въ нѣдрахъ своихъ, окруженную ангельскимъ воинствомъ. И палъ онъ къ ногамъ еѧ съ великимъ умиленіемъ и ужасомъ. Божія Матерь возставила его отъ земли и сказала ему: „чадо Меркуріе, избранниче мой! Посылаю тебя, иди скоро, сотвори отмщеніе крови христіанской; ступай, побѣди злочестиваго царя Батю и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человекъ, прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову, ты же возьми еѧ въ руку свою и ступай въ свой городъ: тамъ примешь кончину, и положено будетъ твое тѣло въ моей церкви.“—Меркурій горько востужилъ о томъ и восплакалъ, и говорилъ: „О Пречистая Госпожа Богородица, мать Христа Бога нашего! Какъ же я, окаянный и худой, непотребный рабъ твой, могу быть силенъ на такое дѣло! Развѣ не достало тебѣ небесныхъ

*) Въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, или—какъ говорилось—у Креста, подвизался и Авраамій.

силъ, о Владычица, побѣдить злочестиваго Батюя?“—Потомъ взялъ отъ нея благословеніе, и весь вооруженъ былъ и отпущенъ; и поклонившись до земли, выпелъ изъ церкви. И напольш онъ тамъ прехрабраго коня; сѣлъ на него и выѣхалъ изъ города. Достигши полковъ злочестиваго царя, Божіею помощію и Пречистой Богородицы, побивалъ онъ враговъ, собирая плѣнныхъ христіанъ и отпущая ихъ въ свой городъ, и скакалъ по полкамъ, какъ орелъ летаетъ по воздуху. Злочестивый же царь, видя побѣду надъ людьми своими, одержимъ былъ страхомъ и ужасомъ, и скоро бѣжалъ отъ города того безъ успѣха съ малою дружиною. Уполю въ Угры, и тамъ былъ убитъ царемъ Стефаномъ.

Тогда предсталъ Меркурію прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему и отдалъ все свое оружіе; потомъ преклонилъ свою голову и былъ усѣченъ. И такъ, блаженный, взявъ голову свою въ одну руку, а другою ведя коня своего подъ устцы, пришолъ въ свой городъ, безглавенъ. Люди же, смотря на него, дивились Божію устроению. И такъ дошолъ онъ до Мологинскихъ воротъ. Тогда нѣкоторая дѣвица, вышедши по воду, увидѣла, какъ святой идетъ безъ головы, и начала его нелѣпо бранить. Онъ же въ тѣхъ воротахъ легъ и честно предалъ душу свою Господу, а конь его сталъ невидимъ.

И пришолъ епископъ того города со крестами и со множествомъ народа, дабы взять честное тѣло святаго. И не вдался имъ святой. Великій плачь былъ тогда въ людяхъ и рыданіе, что не восхотѣлъ святой подняться. Епископъ же былъ въ великомъ недоумѣніи, моляся о томъ Господу. И былъ къ нему гласъ, глаголавшій: „О слуга Господень! не скорби о семъ! Кто послалъ его на побѣду, тотъ и погребетъ.“ И три дня лежалъ святой, не погребенъ. Епископъ всю ночь безъ сна пребывалъ моляся Богу, да явить ему эту тайну. И смотря въ оконце свое, прямо къ соборной церкви, видитъ онъ: ясно, въ великой свѣтлости, какъ въ солнечной зарѣ, вышла изъ церкви Пречистая Богородица съ архистратигами Господними, съ Михаиломъ и Гавріиломъ, и, дошедши до того мѣста, гдѣ лежало тѣло святаго, взяла оно Пречистая Богородица въ полу свою, и принесла въ свою соборную церковь, и положила на его мѣсто, гдѣ и донынѣ, видимъ всѣми, творить чудеса во славу Христа Богу нашему, благоухая, какъ кипарисъ. Епископъ, вошедши

въ церковь къ заутрени, увидѣлъ преславное чудо: святой уже лежалъ на своемъ мѣстѣ, почивая. Сошолся народъ, и, видя то чудо, прославилъ Господа Бога.

Такова народная редакція этого мѣстаго Смоленскаго сказанія. Теперь обратимся къ литературной редакціи, по Макарьевскимъ Четьямъ-Минеямъ (за мѣсяць ноябрь, по Синодальной рукописи № 176, листь 2273 и слѣд.).

Кромѣ нѣкоторой разницы въ содержаніи, она отличается вѣтватостію и систематическимъ изложеніемъ.

Великое чудо предлагается нынѣ въ повѣсти, которая долгое время предана была забвенію и нерадѣнію (такъ начинается эта редакція). О господа и братія, богатые и маломощные, вельможи и властители (оставя всякую гордость), и все народное множество людей города нашего! Воспомянемъ дивное чудо сіе, какъ дивнѣйшая заступница и милостивая помощница наша, Госпожа Богородица невидимою божественною силою своею и святымъ своимъ омофоромъ осѣняетъ и покрываетъ городъ нашъ*) отъ всякаго искушенія и язвы, отъ тайно находящихъ бѣдъ и золь. Воспоминается въ этомъ чудѣ о пособіи нашему городу отъ Непорочной Дѣвы черезъ св. Меркурія и о твердой побѣдѣ города нашего.

—Затѣмъ описывается въ сказаніи лютое нашествіе татаръ и немилостивое кровопролитіе и плѣненіе Русской земли.—

И восплакалась тогда сама земля, какъ чадолюбивая мать, видя ту бѣду, бывшую на всѣхъ странахъ христіанскихъ. Общая наша мать-земля вопіяла своимъ голосомъ и стонала: „О сыны Рускіе! какъ же мнѣ оставить васъ, о любимые мои дѣти, прогнѣвавшіе Господа своего, и моего Творца, Христа Бога! Вижу васъ отторгнутыхъ отъ моей груди и судомъ Божиимъ въ поганскія руки немилостивно впадшихъ и рабское иго имущихъ на своихъ плечахъ. И стала я бѣдна вдова: о комъ же прежде я буду сѣтовать, о мужѣ или о любимыхъ чадахъ? Вдовство мое—запустѣніе монастыремъ и святымъ церквамъ и многимъ городамъ. Не терпя лютой бѣды, возопію къ Творцу Господу Богу: Боже, сотворивый вся и содѣтелю всѣхъ! Презри беззаконіе людей своихъ и милосердно помилуй, и утоли праведный гнѣвъ свой!“...

*) Слѣд. это сочинено въ Смоленскѣ.

Слышите ли—воскликаетъ авторъ—какъ земля, не терпя той бѣды, возопила гласомъ своимъ, моляся Творцу! Кольми паче стократное молитвенное показалось на насъ дивное заступленіе Госпожи Богородицы. Если бы не Она, святая, умолила Сына своего Христа Бога нашего и праведный Его гнѣвъ съ прещеніемъ утолила, кто бы избавилъ насъ отъ такой бѣды и горькаго мучительства?*)

...И умыслилъ злой мучитель Батый тайное нашествіе на бого-спасаемый градъ Смоленскъ; съ нимъ былъ и исполинъ съ сыномъ своимъ.... Въ ту ночь во святой своей церкви явилась Госпожа Богородица отъ святой своей иконы пономарю и сказала: „иди, человекъ, къ рабу моему Меркурію на Подоліе, на такое то мѣсто“— и дворъ назвала пономарю— „и скажи ему: „Госпожа зоветъ тебя!“— а шедши туда, не просто ко двору приходи и не стучи въ ворота, но кого найдешь среди двора, того и зови, говоря ему тихо: „Меркуріе! иди скорѣй! Госпожа зоветъ тебя во всемъ твоёмъ воинскомъ подобіи.“ Пономарь нашолъ Меркурія въ полномъ вооруженіи молящимся Богу и привелъ его въ церковь. Тогда икона Богородицы провѣщала: „Угодниче мой Меркуріе! Азъ посылаю тя огрозити домъ мой! Азъ бо ты на сіе призвахъ раба моего.“

Былъ же св. Меркурій отъ Римскихъ пазухъ, отъ славнаго рода, княжескаго, изъ земли Римской**), а заѣхалъ въ Смоленскъ еще въ юномъ возрастѣ на службу къ самодержцу того города Смоленска, или же справедливѣе сказать (говоритъ авторъ) воззваніемъ отъ Госпожи Богородицы и посланіемъ на чудотвореніе и на великую помощь своему городу и превеликой своей церкви. Какъ мы сказали, родомъ былъ онъ римлянинъ, но вѣрою благочестивъ, святой вѣры греческой, и соблюдалъ себя въ дѣвствѣ, да будетъ святъ чистотою тѣлесною.***)

И говорила ему сама Богородица: „Вотъ идетъ безбожный мучитель въ тайнѣ; въ эту ночь хочетъ напасть на мой городъ своею ратію; съ исполиномъ и сыномъ его хотятъ опустошить городъ

*) Замѣчательнъ этотъ параллелизмъ между землею и Богородицею.

**) Согласно съ сношеніями Смоленска съ Рнгою и Готскимъ берегомъ. Народная редакція не упоминаетъ о западномъ происхожденіи Меркурія.

***) Въ договорахъ смоленскихъ Латинскій и Нѣмецкій языки—одно и тоже. Безъ сомнѣнія Меркурій былъ нѣмецъ. Сличн извѣстіе о монахѣ Прусинѣ въ житіи Авраамія, откуда видно, что иностранцы были даже монахами въ Смоленскѣ.

мой.... Повелѣваю тебѣ выйти навстрѣчу злому мучителю, но такъ, чтобъ граждане того не вѣдали, ни старѣйшины градскіе, ни самъ святитель превеликой той церкви; всѣ бы оставались въ ту ночь въ городѣ, ничего не вѣдая. Ты же выдь па мѣсто, называемое Долгій мостъ, гдѣ злой богоборецъ уготовалъ рати на мой городъ. Тамъ побѣдишь ты исполина, помощію и силою Христа Бога. И Я сама буду тамъ съ тобою, помогая тебѣ на враговъ. Потомъ возвращу тебя назадъ, опять на это мѣсто, передъ городомъ, гдѣ ты увѣнчаешься своею кровію, и побѣды вѣнецъ отъ Христа примешь“ — тамъ, прибавляетъ сказатель отъ себя, гдѣ и нынѣ мѣсто то знаемо есть на крови его, на полѣ, внѣ передъ городомъ.

Меркурій тотчасъ же пошолъ на подвигъ. Убилъ сильнаго исполина и поразилъ во мракѣ ночи множество враговъ, такъ что только по зарѣ татары увидѣли свое пораженіе. Потомъ стали подступать къ городу, но Меркурій и здѣсь побѣдилъ ихъ, и враги, со срамомъ обращаясь въ бѣгство, восклицали: „о горе намъ, братіе, молніеносные мужи поборають насъ и немилостиво посѣкають; а еще видѣли мы и больше того: стояла тамъ нѣкая прекрасная жена, превеликая и солнцеобразная; она и мертвыхъ на помощь воскрешала и посылала противъ насъ!“

Совершивъ свой подвигъ, Меркурій молилъ Богородицу сподобиться ему мученической смерти и вѣнца св. мучениковъ.—Послѣ того, св. Меркурій подклонилъ свою голову, по суду Божию. Тогда пришолъ одинъ лютый варваринъ, сынъ того исполина, и убилъ св. Меркурія мечомъ своимъ*). Послѣ того и тотъ варваринъ и самъ Багій съ войскомъ бѣжали отъ города Смоленска.

Меркурій же принялъ свою отсѣченную голову своими руками и къ городу принесъ передъ всѣми. И провѣщальъ святой своею головою, повѣдая о побѣдѣ и заступленіи Госпожи Богородицы. И всѣ граждане стеклись на это чудо и слышали о дивномъ заступленіи Богородицы, честное же тѣло преславнаго Меркурія съ великою честью, съ псалмами и пѣснями взяли и положили въ церкви Пречистой Богородицы, передъ лѣвымъ крылосомъ, на сторонѣ отъ Красныхъ воротъ.

*) Существенное отлічіе отъ народной редакціи, по которой смерть Меркурія была отъ прекраснаго юноши.

Не забудемъ сказать и того—заключаетъ писатель—что вскорѣ послѣ явился Меркурій тому же пономарю, какъ живой, на конѣ, во всемъ воинскомъ подобіи, и сказалъ: „Повѣдай гражданамъ, да повѣсятъ оружіе мое, копье и щитъ, падъ моимъ гробомъ, и когда будетъ какаѣ бѣда городу, да износятъ мое оружіе, прославляя Господа Бога и рождѣшую Его Богоматерь, а меня смиреннаго раба Божія поминая, да подастъ Господь Богъ побѣду отъ моего оружія и да посрамитъ враговъ города.“ Итакъ, граждане, по завѣщанію святаго, повѣсили оружіе надъ гробомъ, какъ и донинѣ всѣми нами видимо есть.

Къ этому почитаю необходимымъ присовокупить, что дѣйствительно и теперь въ Успенскомъ соборѣ въ Смоленскѣ хранятся доспѣхи св. Меркурія—желѣзный шпашакъ, и военная обувь, очень грубой работы.

Замѣчу мимоходомъ о странномъ противорѣччіи этому минейному сказанью въ Книгѣ глаголемой о Россійскихъ Святыхъ. Вотъ что въ ней упомянуто между святыми кіевскими: „Святый великомученикъ Меркурій воинъ, Смоленскій чудотворецъ, въ лѣто 6747 (1239) ноемврія въ 14 день во гробѣ въ Кіевѣ приплы.“

Сказаніе о Меркуріи въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, могло сложиться только тогда, когда народъ пересталъ уже трепетать передъ сокрушительною силою татаръ, когда уже онъ началъ увѣряться въ возможности сломить доголѣ представлявшееся неодолимымъ ихъ страшное могущество, когда наконецъ печальное раболѣпіе передъ татаринимъ уступило благородному сознанію національной независимости. Въ Меркуріи Смоленскомъ выраженъ идеаль этого благороднаго національнаго сознанія. Народная фантазія такъ высоко превознесла геройство святаго витязя, что даже убіеніе его приписала не сыну татарскаго исполина, а свѣтлому воину, существу сверхъестественному. Символь побѣды надъ врагами, выраженный въ лицѣ Меркурія, по смыслу народной редакціи, не долженъ былъ носить на себѣ никакихъ слѣдовъ ослабленія своего могущества, не долженъ былъ дѣлать никакихъ уступокъ вражеской силѣ. Даже литературная редакція допускаетъ смерть Меркурія отъ меча татарскаго только по соизволенію и по молитвѣ самого героя.

Происхожденіе героя заслуживаетъ вниманія. Легенда въ этомъ отношеніи колеблется. Въ народной редакціи ничего не говорится

объ иностранномъ происхожденіи героя; слѣдовательно, въ народѣ Меркурій могъ слыть за русскаго; но литературная редакція, слѣдуя церковнымъ пѣснопѣніямъ, называетъ смоленскаго героя иностранцемъ, римляниномъ, то есть, нѣмцемъ или католикомъ. Въ этомъ преданіи очевидны слѣды сношеній Смоленска съ Ригію, Готскимъ берегомъ и вообще съ нѣмцами. Меркурій, хотя и принялъ православіе и сталъ смоленскимъ гражданиномъ, однако сохранилъ въ себѣ благородный духъ геройской независимости, искони свойственный нѣмецкимъ племенамъ. Сочувствіе свое къ нѣмцамъ и уваженіе къ ихъ благороднымъ качествамъ смольняне ничѣмъ лучше не могли засвидѣтельствовать, какъ признаніемъ нѣмецкаго происхожденія въ своемъ великомъ героѣ и защитникѣ.

Если Ростовъ, грустно примиряясь съ Татарщиной, составлялъ легенду о татарскомъ царевичѣ Петрѣ, то Смоленскъ, съ надеждою обращающій взоры на Западъ Европы, хотя и безсознательно, превознесъ въ своемъ героѣ плоды западнаго просвѣщенія и противопоставилъ его восточному насилію и варварству.

Потому весь характеръ Смоленскаго героя проникнуть рыцарствомъ: это крестоносецъ, совершающій чудеса храбрости; это Божій дворянинъ, поборющій за христіанство противъ поганныхъ мусульманъ; это паладинъ изъ полчищъ Карла Великаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивый рыцарь, посвятившій себя на служеніе Мадоннѣ.

Л Е К Ц І Я 54-я.

Чтѣна 27-го августа 1860 г.

Отъ разсмотрѣнія мѣстныхъ національныхъ сказаній о Татарщинѣ, на востокѣ и западѣ древней Руси, намъ слѣдовало бы теперь перейти къ Москвѣ, тѣмъ болѣе потому, что героическое повѣствованіе о Меркуріи Смоленскомъ служитъ какъ бы предвѣстіемъ блистательныхъ подвиговъ Донскаго, доселѣ прославляемыхъ въ народѣ, въ извѣстномъ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ. Но для полноты обзорѣнія Татарскаго періода, слѣдуетъ бросить взглядъ на тѣ области, гдѣ менѣе чувствовалась въ то время бѣдственное раболѣпіе передъ татарскимъ могуществомъ. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ Псковъ съ своими мѣстными пре-

даніями о героической личности князя Довмонта. Но предварительно надобно бросить взглядъ на псковскую старину вообще и на мѣстныя преданія, особенно сосредоточивающіяся на святочтимой памяти Псковскаго князя Всеволода Мстиславича (во святомъ крещеніи Гавріила, † 1138 г.).

Въ высшей степени важно обратить вниманіе на то, что въ древней Руси многіе изъ князей почитались святыми, нынѣ не внесенные въ Святыя всероссійскихъ угодниковъ. Такъ въ Книгѣ, глаголемой о Россійскихъ Святыхъ*), помѣщены между святыми, напимѣръ, слѣдующіе князья, которыхъ нѣтъ въ нынѣшнихъ святцахъ:

Царствующаго града Москвы:

„Святой благовѣрный великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита.“ „Святой благовѣрный великій князь и царь Дмитрій Ивановичъ Донской и Московскій чудотворецъ.“ „Святой благовѣрный царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ.“

Точно также между Владимірскими святыми, помѣщено: „Святой благовѣрный князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, Владимірскій чудотворецъ; убіенъ бысть отъ шурей своихъ Кучковыхъ.“ Между Новгородскими святыми: „Святой благовѣрный великій князь Владиміръ Ярославичъ Владимірича... Положенъ въ Софійскомъ соборѣ.“ „Святая благовѣрная княгиня его Анна.“ „Святой благовѣрный князь Мстиславъ Ярославичъ.“ „Святой благовѣрный князь Мстиславъ Мстиславичъ.“ Равнымъ образомъ и Довмонтъ и даже супруга его упомянуты въ числѣ Псковскихъ святыхъ: „Святой благовѣрный князь Домантъ, во св. крещеніи Тимошей.“ „Святая благовѣрная княгиня Марія Дмитровна, Александровича Невскаго, жена Домантова.“

Такимъ образомъ, каждая область древней Руси, каждый самостоятельный городъ, сосредоточивали свои мѣстныя, національныя симпатіи къ знаменитой личности князя, осѣняя его святочтимую память сіяніемъ праведника.

По малому знакомству съ Византією и съ нашею стариною иные могли бы объяснить эту особенность русскихъ народныхъ преданій вліяніемъ византійскимъ (какъ многое наобумъ объясняютъ

*) Составлена въ началѣ XVIII-го в.

въ нашей народности этимъ вліяніемъ). Но подобныя же явленія встрѣчаемъ мы и на Западѣ, въ ранніе средніе вѣка; имя Карла Великаго прославлялось въ народныхъ сказаньяхъ не ради однихъ завоеваній и мудрыхъ учрежденій, но и ради святости, лучами которой преданіе осѣнило этого великаго героя. Уже изъ самыхъ убѣжденій и вѣрованій благочестивой эпохи вытекало это набожное отношеніе къ героическимъ личностямъ. Всякій героизмъ, все, что теперь называемъ мы великимъ и идеальнымъ, просвѣтлялось въ глазахъ вѣрующаго благочестія сіяніемъ святости. Потому-то любимый народомъ князь, или покровитель города, украсившій его святыми храмами и монастырями, побѣдитель враговъ и поборникъ за родную землю, или же предприимчивый просвѣтитель, какой-нибудь дотолѣ безвѣстный отшельникъ, проложившій путь по непроходимымъ лѣсамъ и болотамъ древней Руси, и въ далекой глуши положившій начало будущему просвѣщенію сооруженіемъ часовни и при ней келейки, однимъ словомъ—великій человѣкъ, достойный всякаго уваженія, оставлялъ по себѣ въ памяти благочестивыхъ потомковъ идеальный образъ, озаренный лучами святости.

Одинъ бояринъ временъ Іоанна Грознаго, Михайль Тучковъ, описывая житіе Михаила Клопскаго, со всѣмъ увлеченіемъ древняго благочестія подтверждаетъ нашу мысль слѣдующими словами: „Слышалъ я нѣкогда, какъ читали Книгу о плѣненіи Трои*). Въ этой книгѣ плетены многія похвалы елинамъ, отъ Омира (Гомера) и Овидія. Только единой ради буйственной храбрости такой похвалы сподобились, что память о нихъ не изгладилась въ теченіе вѣковъ. Но хотя Еркуль (Геркулесъ) и храбръ, однако въ глубину нечестія погружался, и тварь паче Творца почиталъ. Также и Ахиллъ и Троянскаго царя Пріама сыновья были елины, и отъ елиновъ похваляемы, сподобились такой прелестной славы. Кольми паче мы должны похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ, и великихъ нашихъ чудодѣлателей, которые такую побѣду надъ врагами одержали и такую отъ Бога благодать пріяли, что не только человѣки, но и самые ангелы ихъ почитаютъ и славятъ. Мы ли же не будемъ о чудесахъ ихъ проповѣдать?“

*) Уже извѣстно вамъ сочиненіе, вставляемое въ Хронографы.

Ясно, что этотъ благочестивый авторъ, раздѣляя убѣжденія старины, вмѣсто идеальныхъ героевъ свѣтской литературы, указываетъ читателямъ на святыхъ мужей, которые одни должны прославляться въ памяти народной, а чтеніе литературное должно быть замѣняемо чтеніемъ житій. Самая лѣтопись, сосредоточиваясь къ знаменитымъ дѣятелямъ, которые чествовались, какъ святые, казались нашимъ предкамъ не столько свѣтскимъ или мірскимъ чтеніемъ, сколько благочестивымъ, церковнымъ, какъ чтеніе житій и другихъ душеполезныхъ повѣствованій. Слѣдовательно, чтобъ понять самую лѣтопись, необходимо обратить вниманіе на отношеніе ея къ преданьямъ о мѣстныхъ святыняхъ, къ преданьямъ, изъ которыхъ сложилось убѣжденіе въ святости православной, національной старины по всѣмъ ея мѣстнымъ проявленіямъ, то есть, мѣстнымъ святынямъ, въ совокупности составляющимъ то, что въ народѣ чествуется подъ именемъ Святой Руси.

Всѣ эти мѣстныя національныя преданія слились въ одно цѣлое—какъ увидимъ—собирателями земли Русской въ Москвѣ, какъ въ центрѣ древне-русскаго образованія. Но до тѣхъ поръ каждая мѣстность энергически отстаивала свои собственныя преданія, и часто даже ревниво противопоставляла ихъ другимъ городамъ и областямъ земли Русской. Разъединеніе мѣстныхъ областныхъ интересовъ развивало въ жителяхъ каждого города туземную, областную національную гордость, которая находила себѣ пищу въ чествованіи святоотеческой памяти своихъ собственныхъ князей, а иногда даже просто начальниковъ или основателей городовъ, какъ напр. въ той же Книгѣ о Россійскихъ Святыхъ, между святыми Устюжскими помѣщены: „св. праведный Іоаннъ и святая праведная Марія, жена его, начальники града Устюга; положены у церкви Вознесенія Господня на Посадѣ.“

Мѣстныя преданія Пскова сосредоточиваются къ личностямъ двухъ князей—Всеволода (Гавріила) Мстиславича († 1138) и Довмонта († 1299 г.). Псковская лѣтопись, повѣствуя о героическихъ подвигахъ Довмонта, уже постоянно приводитъ на память святоотеческое имя Всеволода Мстиславича, всякій разъ, какъ псковичи обращаются съ молитвою къ Господу Богу, при пособіи своего святаго князя.

Дѣятельность князя Всеволода относится къ той рѣшительной эпохѣ, когда утверждение новаго княжества Владимірскаго и Суздальскаго грозило затмить славу древнему Кіеву, и вмѣстѣ съ тѣмъ покушалось наложить свое вліяніе и на другой древній центръ русскаго просвѣщенія—на старый Новгородъ.

Память св. князя Всеволода-Гавріила празднуется православною церковью 11-го февраля. Житіе этого князя, исполненное разсказами о междоусобныхъ тревоженіяхъ, есть не что иное, какъ эпизодъ изъ лѣтописей Псковскихъ. Вотъ оно.

Князь Всеволодъ былъ сынъ Мстислава, внукъ Владиміра Мономаха, правнукъ Всеволода Ярославича. Послѣ Мстислава, бывшаго потомъ княземъ Кіевскимъ, сѣлъ на княжескій столъ въ Новѣгородѣ сынъ его Всеволодъ, еще при жизни дѣда своего Владиміра Мономаха. Управляя Новгородомъ, Всеволодъ сооружалъ храмы, отличался благочестіемъ и снискалъ себѣ людей преданныхъ въ этомъ городѣ. Потомъ онъ отошолъ въ Переяславль. Но тогда „ненавидѣй искони рода чловѣча врагъ діаволь подвиже на блаженнаго князя Всеволода пѣкоаго князя люта, Бога не боящася*), именемъ Юрья Владимировича, хотя взяти градъ Переславль, идѣже блаженный живяше.“ Не устоявъ противъ Суздальскаго князя, Всеволодъ долженъ былъ бѣжать. „Блажени изгнанніи правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное“—присовокупляетъ къ этому писатель житія себѣ и читателямъ въ утѣшеніе: „и изыде, якоже Авраамъ отъ земли своея, тако же и сей святыи изъ града Переславля“—и опять перешолъ въ Новгородъ. Вскорѣ потомъ повелъ новгородцевъ ратью на Суздаль и Ростовъ, съ тѣмъ чтобъ эти города покорить Новгороду. Суздальцы и ростовцы, соединившись вмѣстѣ, храбро отразили новгородцевъ на мѣстѣ, называемомъ Жданова гора (нынѣ во Владимірской губерніи). Новгородцы, раздраженные поражениемъ, свою меудачу приписали предводительствовавшему ими Всеволоду; схватили его и засадили въ темницу на архіепископскомъ дворѣ. Несчастныи князь долженъ былъ оставить Новгородъ. При этомъ писатель приводитъ слова Евангелія: „Аще гдѣ васъ не пріемлютъ во имя мое, ту и прахъ отрясите отъ ногъ своихъ и бѣжите во инъ градъ.“ „Якоже Лоть праведныи изыде отъ Содома и вселися у

*) Такъ величается здѣсь Георгій Долгорукой!

Авраама, такоже и сей блаженный князь Всеволодъ изыде отъ нихъ изъ Великаго Новаграда къ Кіеву, къ стрюю (т. е. къ дядѣ) своему князю Ярополку Владимеровичу.“ Кіевскій князь далъ тогда Всеволоду Вышеградъ. Въ это время пришли къ Всеволоду псковичи и молили его, дабы шолъ къ нимъ на княженіе городу Пскову. Прибывъ во Псковъ князь Всеволодъ прославился не только подвигами благочестія и покровительствомъ духовному чину, но и дѣлами воинскими: „Языцы же латиньстіи вси бояхуся имени его святаго и не смѣяху приходити на градъ Псковъ.“

Преданіе приписываетъ этому князю сооруженіе въ Псковѣ каменной церкви во имя Св. Троицы, вмѣсто старой деревянной, сооруженной будто бы еще во времена св. Ольги. Вообще въ преданіяхъ и сказаніяхъ Псковскихъ начало города Пскова и его судьба состоятъ въ связи съ началомъ этого храма и съ его чудодѣйственнымъ и символическимъ значеніемъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ исторіи Псковской.

Мѣстныя сказанія объясняютъ слѣдующими подробностями, почему главная святыня Пскова была во имя Св. Троицы. Когда св. княгиня Ольга, будучи христіанкою, посѣщала отдаленныя предѣлы своего княженія, вездѣ распространяла христіанскую вѣру. Осматривая мѣстность нынѣшняго Пскова, гдѣ тогда были великъ лѣсъ и многія дубравы, находилась св. княгиня на лѣвомъ берегу рѣки Великой, при впаденіи въ нее съ правой стороны рѣки Псковы. Вдругъ видитъ она—три свѣтлыхъ луча падаютъ съ неба и своимъ троичнымъ свѣтомъ озарили крутое возвышеніе противоположнаго берега рѣки Великой. Тотчасъ же понявъ смыслъ этого знаменія, Ольга сказала находившимся съ нею: „Разумно да будетъ вамъ, яко волею Божіею на семь мѣстѣ церковь имать быти во имя Пресвятыя Единосущныя и Животворящія и Нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Св. Духа, еще же и градъ здѣ великъ будетъ, и славенъ, и изобилень.“ Такъ и сбылось. По возвращеніи въ Кіевъ, св. Ольга прислала золота и серебра на сооруженіе храма на рѣкѣ Великой. Соорудили храмъ во имя Св. Троицы, а около него поселились жители. Такъ и произошолъ славный городъ Псковъ.

Какъ человѣкъ благочестивый и вмѣстѣ съ тѣмъ понимавшій мѣстныя интересы псковичей, князь Всеволодъ возобновленіемъ этой

мѣстной святыни вполне удовлетворялъ не только набожнымъ, но и честолюбивымъ видамъ жителей, которымъ хотѣлось уже соперничествовать съ самимъ Новгородомъ, столь богатымъ мѣстными святынями.

Уже самое принятіе къ себѣ князя, изгнаннаго и бѣжавшаго изъ Новгорода указываетъ на непріязненность псковитянъ къ новгородцамъ. Кончина св. князя еще яснѣе выкажетъ передъ нами ревнивыя отношенія между ними.

Когда скончался князь Всеволодъ, былъ великій плачь и рыданіе въ городѣ Псковѣ. Мужичи псковскіе теряли въ немъ оборонителя и забрало граду Пскову отъ поганыхъ нѣмецъ, вдовицы, сироты и всѣ печальныя теряли своего кормителя и утѣшителя. Въ то время новгородцы, узнавъ о преставленіи святаго, послали въ Псковъ протопопа св. Софіи, именемъ Полюда, и съ нимъ благовѣрныхъ мужей, чтобъ они взяли отъ Пскова святаго мощи блаженнаго князя Всеволода на утвержденіе Великому Новгороду и на исцѣленіе недугамъ. Прибывъ во Псковъ, протопопъ Полюдъ и новгородскіе мужичи приступили къ рацѣ св. князя, чтобъ взять ее и нести къ Великому Новгороду. Но не подвинулась рака съ мѣста своего; потому что благоволилъ Господь Богъ пребывать святому, гдѣ преставился. Тогда Полюдъ и всѣ мужичи новгородцы стали плакать у раки святаго, говоря: „О царю святой, блаженный княже Всеволоде! Не прогнѣвайся на насъ рабовъ своихъ за то, что мы много тебѣ зла сотворили отъ своего неразумія въ жизни твоей. Но дай же намъ знаменіе, Великому Новгороду на утвержденіе и на исцѣленіе недуговъ, отъ мощей твоихъ святыхъ: „и абіе въ томъ часѣ невидимо спусти ногу отъ честныя руки своея, и дасться Полюдови протопопу*); христолюбивіи же мужичи Великаго Новуграда взявше честно съ великою радостію ногу святаго руки его, и прославиша Бога и Пречистую Богородицу и св. чудотворца великаго князя Всеволода, и отъидоша въ путь свой къ Великому Новуграду, радующеса и веселящеса духомъ.“

Кажется, нельзя уже яснѣе въ религіозномъ повѣствованіи выразить взаимную ревность двухъ городовъ въ отношеніи къ націо-

*) Такъ и въ Прологѣ, подъ 11 числомъ февраля: „только спусти ногу съ честныя и святаго своея руки и дадеса Полюдови протопопу.“

нальной святынѣ, какъ она высказана въ этомъ сказаніи, очевидно, составленномъ въ интересахъ Пскова.

Какъ въ сказаніи о Знаменіи Богородицы (1170 г.) новгородцы заявили свой протестъ противъ возникающаго могущества Владимірскаго княженія, такъ псковичи въ своемъ мѣстномъ преданіи о святочтимомъ князѣ, не оцѣненномъ въ Новѣгородѣ, и прославленномъ во Псковѣ, нанесли сильный ударъ гордости новгородцевъ, которые должны были довольствоваться только ногтемъ отъ побѣдоносной руки св. героя псковскаго.

Мало того, на утверженіе и оборону Пскова остался побѣдоносный символъ, бранное оружіе св. князя, которое было поставлено на его гробѣ, мечъ и щитъ—„на похвалу и утверженіе граду Пскову, яже суть и донынѣ,—какъ свидѣтельствуеетъ сказаніе:—ибо святыи не оставляеть чудодѣйствовать и по смерти, побѣждая поганыхъ нѣмцевъ и охраняя градъ свой отъ латинства.“

Сначала гробъ св. князя находился въ церкви св. Дмитрія Селунскаго, а потомъ перенесенъ въ сооруженный имъ соборный храмъ Св. Троицы.

И доселѣ на ракъ св. Всеволода, въ ногахъ, подъ крестомъ—помѣщены мечъ и копье*). Но особенно знаменитъ мечъ. Онъ западнаго происхожденія, даже съ латинскою надписью: „*Nonogem meis nemini dabo*“ (то есть: чести моей никому не отдамъ**).

Теперь о другомъ псковскомъ героѣ, Довмонтѣ или Домантѣ. Святая память его чтится только мѣстно, во Псковѣ, съ XIV в.***); въ 1374 г. выстроена была во имя его и церковь, которой впрочемъ теперь уже нѣтъ.

Всѣ подвиги этого князя состоятъ въ походахъ на Литву и Ливонскихъ рыцарей, и описаніе ихъ, помѣщаемое въ житіи князя Довмонта, имѣетъ интересъ чисто историческій, а не литературный. Я ограничусь только древнею надписью, находящеюся на гробницѣ

*) Въ Житіи сказано: „бранное же его оружіе, мечъ и щитъ, поставлено бысть на гробѣ его.“ А въ Прологѣ подъ 11 февраля: „бранное же оружіе его и щитъ поставлено бысть на гробѣ святаго.“

***) Смотри Князева, Историческое описаніе Псковскаго Троицкаго собора. 1858 г., стр. 28 и 78—9. Его же, Указатель достопамятностей города Пскова, 1858 г., стр. 2.

****) Служба Довмонту составлена уже въ XVI в.

Довмонта-Тимоѣя, въ Троицкомъ соборѣ: „Св. благовѣрный князь Тимоѣей, прежде крещенія именовался Домантъ, родился въ земли Литовской отъ Литовскаго князя Миндовга, и въ лѣто 1266, оставивъ землю Литовскую, преселися во градъ Псковъ со всѣмъ родомъ своимъ и въ немъ крещеніе прия; мужества же ради и добронравія княженіемъ Псковскимъ бысть почтенъ. Во время же своего княженія во градѣ Псковѣ многія преславныя одержа побѣды надъ Литвою и Нѣмцами, многіе грады ихъ разори и Чудь и Поморье поплѣни; за дарованныя же отъ Бога побѣды въ знакъ благодаренія и для памяти будущимъ родомъ многія святыя постави церкви и поживъ свято и богоугодно въ постѣ и молитвахъ, преставися въ небесную славу въ лѣто 1299 мѣсяца мая въ 20 день, и положено честное тѣло его въ соборной церкви Пресвятыя Троицы“.

Слѣдую древнему обычаю, псковичи повѣсили у гробницы его мечъ, который и донныѣ сохраняется. Этотъ самый мечъ полагалъ Довмонтъ въ церкви Св. Троицы передъ алтаремъ, когда собирался идти на враговъ, и совершивъ усердную молитву, былъ препоясываемъ тѣмъ мечомъ отъ руки игумена.

Вмѣстѣ съ сказаніемъ объ Александрѣ Невскомъ, повѣствованіе о Довмонтѣ составляетъ свѣтлую страницу въ лѣтописяхъ и житіяхъ эпохи Татарской. Къ тому же Довмонтъ въ своихъ воинскихъ подвигахъ былъ послѣдователемъ и продолжателемъ того, чѣмъ прославилъ себя на сѣверо-западѣ Руси, и даже въ самомъ Псковѣ, герой Невскій. Сверхъ того Довмонтъ приходился родственникомъ Александру Невскому, будучи женатъ на его внукѣ, дочери в. к. Димитрія Александровича, которая въ Книгѣ о Россійскихъ Святыхъ также причислена къ числу святыхъ города Пскова.

Но собственно въ литературномъ отношеніи заслуживаетъ вниманія обычная рѣчь или слово, которое, по свидѣтельству Псковской лѣтописи, говаривалъ своимъ воинамъ этотъ знаменитый герой. Это отличный образецъ простой и выразительной рѣчи древне-русскихъ предводителей: „Братья, мужи Псковичи,—говорилъ Довмонтъ, собираясь въ походъ—кто старъ, то отецъ, а кто младъ, той братъ! Слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ! Се же, братья, намъ предлежитъ животъ и смерть! Братья мужи Псковичи! Потягните за Святую Троицу и за святыя церкви, и за свое отечество!“

Потомъ онъ вспоминалъ имя святаго, которому празднуется память въ тотъ день и присовокуплялъ его къ святочтимымъ именамъ псковскихъ святынь, то есть, Св. Троицы и св. Всеволода. Такъ однажды къ своей любимой рѣчи, въ день св. мученика Леонтія, идя на Литву, онъ воскликнулъ: „Святая Троица и святой великій воевода Леонтій, и благовѣрный княже Всеволоде! Помогите намъ въ часъ сій на супротивные враги!“

Такимъ образомъ между мѣстными національными преданьями встрѣтили мы любопытный образецъ военнаго краснорѣчія древней Руси, съ обычными оттѣнками мѣстнаго колорита.

Эта краткая рѣчь Довмонта долго жила въ памяти потомковъ и обыкновенно повторялась предводителями, идущими въ бой.

Л Е К Ц И Я 55-я.

Читана 30-го августа 1860 г.

Разсмотрѣвъ національныя преданія и сказанья старыхъ городовъ и областей, приступаемъ къ Москвѣ. Относительно Кіева, Новгорода, Пскова, Владиміра, Смоленска, Мурома, Ростова—Москва городъ новый. Мѣстныя преданья Москвы не восходятъ далѣе XIV вѣка, за исключеніемъ немногихъ сказаній, которыми начало Москвы связывается съ началомъ Владиміра *).

Несмотря на энергію, съ какою возникали многія изъ національныхъ сказаній въ различныхъ мѣстностяхъ древней Руси, нами разсмотрѣнныя, молодая Москва, такъ поздно заявившая свои права на сосредоточеніе въ себѣ всей русской народности, до того заслонила собою все предшествовавшее ей развитіе, что имя Московіи вскорѣ покрыло собою всѣ прежніе центры русской жизни, собрало около себя всѣ старые города и области и стало господствующимъ названіемъ, подъ которымъ наше отечество въ теченіе вѣковъ было извѣстно въ Европѣ.

Только мѣстныя преданія, сохранившіяся въ народныхъ сказаньяхъ и пѣсняхъ, да немногіе храмы, уцѣлѣвшіе отъ пожаровъ и погромовъ татарскихъ, остались намъ въ память отъ того, что было на Руси до XIV-го столѣтія. Отсутствіе собственно изящной; искус-

*) Такovy разобранныя нами преданія о Кучковичахъ, о рѣкѣ Смородинѣ и нѣкоторыя другія.

ственной литературы было самым очевидным свидетельством того, как была неразвита жизнь общественная, как мало было распространено книжное образование, как наконец мало были выработаны какія бы то ни было учрежденія въ жизни общественной, городской, политической.

Какъ мало подготовлена была Москва предшествовавшимъ развитіемъ русскаго просвѣщенія, видно изъ того, что въ теченіе всего XIV-го вѣка этотъ новый центръ древней Руси представляетъ намъ совершенное безплодіе въ литературномъ отношеніи, полное отсутствіе собственно такъ называемой литературы. Вотъ причина, почему до сихъ поръ русскіе ученые, принимая въ соображеніе Москву XIV-го вѣка обыкновенно проходили молчаніемъ все это столѣтіе, въ отношеніи литературномъ. Но мы уже знаемъ, что когда Москва только что стала заводиться своими святыми храмами и строить стѣны вокругъ маленькаго городка на мысу, образуемомъ впаденіемъ Неглинной въ Москву рѣку;—тогда старые города и области самостоятельно развивали начала русской народности въ своихъ мѣстныхъ сказаніяхъ, которыя потомъ, будучи сосредоточены къ Москвѣ, стали общими національнымъ достояніемъ Всероссійскимъ.

Такимъ образомъ, по самой бѣдности въ мѣстныхъ преданьяхъ, Москва, чтобъ стать во главѣ древнихъ городовъ, должна была, завоевывавъ старые области, такъ сказать, брать съ боя и мѣстныя ихъ сказанья, вмѣстѣ съ мѣстными святынями; которыя въ видѣ побѣдныхъ трофеевъ помѣщала въ своемъ новосооруженномъ Успенскомъ соборѣ *).

Смотря съ этой точки зрѣнія; безъ сомнѣнія, мы примиримся съ дѣятельностью старыхъ областей до-московскаго періода, и спускательнѣе взглянемъ на кажущееся безплодіе національныхъ нравственныхъ силъ Москвы въ тотъ темный періодъ времени, когда, раболѣпствуя передъ татарскими ханами и при помощи татарскихъ силъ поражая старые города и области русскія, она наконецъ выразила свое могущество открытою и рѣшительною борьбою съ татарами.

Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ**), происходившемъ въ 1380 г., относится уже къ концу XIV-го вѣка, или вѣрнѣе къ на-

*) Смотри Снегирева, Памятники Московской Древности, стр. 11—12—13—14—15—16—35—36.

**) Извѣстна болѣе по редакціи рязанскаго іерея Софронія или Софонія.

чалу XV-го. Эта повѣсть есть первое и самое блистательное явленіе собственно—Московской національной литературы. Ею начинается новый Московскій періодъ въ исторіи нашей литературы: все же предшествовавшее время должно назвать эпохою переходною отъ Татарщины къ лучшей будущности. Этотъ переходъ совершился на Москвѣ.

Маленькій городокъ, въ глуши лѣсовъ и болотъ, только что становясь—какъ говорится—на ноги, въ печальную эпоху татарскаго ига, долженъ былъ упрочить за собою твердыя основы своихъ собственныхъ, мѣстныхъ святынь. Надобно было родственными узами историческаго преданья соединить ихъ съ Владиміромъ и Кіевомъ.

Само собою разумѣется, что эти историческія преданія приведены были въ систему и сдѣланы господствующими тогда уже, когда въ XV-мъ вѣкѣ Москва стала во главѣ всей Сѣверо-восточной Руси.

Эти преданья слѣдующія.

„Царственный градъ Москва—такъ значитъ въ житіи Алексія митрополита († 1378 г.), по Прологу, подъ 12 числомъ февраля—быше изначала княжество частное (удѣль), въ немже господствоваху дѣти и братія великихъ князей Россійскихъ: самое же великое (*начальственное*, такъ объяснено на поляхъ) княжество Россійское быше въ Кіевѣ. И во днехъ в. к. Кіевскаго Владиміра Мономаха, пятаго суца родомъ отъ в. к. Владиміра, крестившаго Россійскую землю, господствоваше въ Москвѣ сынъ того Мономаха Владиміра князь Георгій Долгорукій.“

Итакъ, нужно было, во первыхъ, въ историческихъ преданіяхъ зачинавшейся Москвы обратить вниманіе на родственную связь Московскихъ князей съ самою популярною въ древней Руси личностью Владиміра Мономаха, отъ котораго они идутъ по прямой линіи.

„По плѣненіи же Россійской земли отъ безбожнаго Батгя—продолжаетъ Прологъ—преста великое княженіе быти въ Кіевѣ: пренесеса же престоль великаго княженія изъ Кіева во градъ Владимірь: и бысть тамо яко на лѣта токмо осмьдесятъ, или мало нѣчто вѣщше или менше, до пришествія оттолѣ великаго княженія на Москву. Преселися же и митрополитъ всея Россіи Максимъ изъ Кіева во Владимірь (1299 г.). Въ Московскомъ же княженіи еще удѣльномъ сущемъ, даномъ въ наслѣдіе отъ Александра Ярославича Невскаго сыну князю Даніилу господствующу.“

Во вторыхъ, указана связь съ другою свѣтлою личностью, съ св. Александромъ Невскимъ, отъ котораго уже собственно идетъ родъ Московскихъ князей.

„И во днехъ державы его (т. е. Даниила Александровича) родися блаженный Алексій во градѣ Москвѣ отъ благочестивыхъ родителей Θεодора именемъ славнаго, бояръ Черниговскихъ, и супруги его Маріи, преселившихся изъ Чернигова въ градъ Москву, за частыя нашествія варварь,.... его же отъ святыя купели восприемникъ бысть князь Иоаннъ Даниловичъ Калита, не еще тогда сущъ князь Московскій.“

Первый князь Московскій Данииль Александровичъ причтенъ къ лику святыхъ Всероссійскихъ; а Иоаннъ Даниловичъ Калита помѣщенъ въ Книгѣ о Россійскихъ Святыхъ между мѣстными святыми Московскими. При первомъ уже Московскомъ князѣ рождается въ Москвѣ знаменитый святитель и митрополитъ—Алексій.

Таковы первыя священныя преданія въ историческихъ сказаньяхъ о Москвѣ. Время Иоанна Калиты изображается въ нихъ золотымъ вѣкомъ, тою священною эпохою, отъ которой идетъ начало и основаніе всѣмъ Московскимъ святынямъ (1328—1340 г.).

Будучи восприимникомъ будущаго святителя Алексія, онъ былъ современникомъ уже перваго митрополита Московскаго Петра († 1326 г.), который хотя по древнему обычаю и назывался Кіевскимъ, но уже оставилъ и Южную Русь, и старый Владиміръ для Мосевы, куда переселился. Родился онъ въ землѣ Волынской и въ юности получилъ образованіе; зналъ иконопись и написалъ икону Успенія Богоматери, которая и доселѣ показывается въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Для поставленія въ митрополиты отправлялся въ Цареградъ. Переселившись въ Москву, однажды сказалъ онъ кн. Ивану Даниловичу въ духѣ пророчества: „О боголюбезнѣйшій и великій княже! еще совѣта моего, сыну, послушаеши, и во градѣ своемъ Москвѣ соборную церковь каменну поставиши во имя Пречистыя Богоматери,— и тебе самого имать Богъ благословити и прославити паче всѣхъ князей, и распространити градъ сей паче инѣхъ градовъ, и имя его святое сугубо прославится въ немъ, и не оскудѣютъ державніи отъ сѣмени твоего, обладая и царствуя мѣстомъ симъ въ роды и роды, и во вѣки, и въздуть руки ихъ на плещу врагъ

ихъ, еще же и святители поживуть въ немъ, паче же и мои кости здѣ имуть положены быти *)“.

Это знаменательное пророчество положено было въ основу древнѣйшимъ московскимъ преданьямъ.

Иоаннъ Калита исполнилъ желаніе св. Петра, и въ 1326 г. заложилъ въ Москвѣ на площади первую церковь каменную во имя Успенія Богоматери, а митрополитъ собственными руками сложилъ себѣ каменный гробъ въ стѣнѣ ея и той же зимою преставился: „Сій преосвященный митрополитъ чудотворивый Петръ первый положенъ во градѣ Москвѣ святитель“ — сказано въ житіи для прославленія возникающей силы этого до тѣхъ поръ незначительнаго, новаго города.

Сооруженіе знаменитой московской святыни было совершенно, очевидно, по слѣдамъ древнѣйшихъ національныхъ преданій не только Владиміра, гдѣ сооруженъ былъ храмъ тоже во имя Успенія, но и особенно Кіева, потому что, какъ Кіевопечерскій храмъ получилъ свое вѣ-имя отъ иконы Успенія, чудесно принесенной изъ Цареграда, такъ и икона, писанная св. Петромъ, была въ Цареградѣ, во время его поѣздки туда, и вмѣстѣ съ нимъ воротилась на Русь, и какъ древнѣйшая святыня сохраняется въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Здѣсь же присовокуплю, что кромѣ этого храма, Иоаннъ Даниловичъ соорудилъ церковь во имя Іоанна Лѣствичника, вѣроятно, своего ангела (что потомъ колокольна Иванъ Великій), а также церковь во имя Преображенія или Спаса; и сверхъ того возобновилъ стѣны кругомъ города, тогда сгорѣвшія, или кремникъ, иначе — дѣтинецъ.

Опустошеніе Южной Руси татарами и потомъ основаніе могущественнаго княжества Литовскаго, распространившаго вліяніе на всю Западную Русь, много способствовало тому, чтобъ къ XV-му вѣку въ Москвѣ сосредоточилось господство православныхъ идей, которое явственно дало о себѣ знать цѣлымъ рядомъ святыхъ митрополитовъ, преемственно другъ за другомъ управлявшихъ церковью:

Петръ † 1326.

Феогностъ † 1353.

*) Въ житіи св. Петра, составлен. митрополитомъ Кипріаномъ († 1406 г.).

Алексій † 1378.

Кипріанъ † 1406.

(Шимень † 1390, не причисленъ къ святымъ).

Фотій † 1431

(Исидоръ 1437—1441, тоже не причисленъ).

Иона † 1461.

Не смотря на усиленіе церковнаго и политическаго могущества, отношенія Москвы къ Татарщинѣ долгое время были предосудительны въ нравственномъ отношеніи. Раболѣпствуя передъ татарскимъ ханомъ, Московскіе князья старались всѣми мѣрами сокращать силы старыхъ удѣловъ и княжествъ. Конечно, впоследствии, это оказалось необходимымъ для будущаго возрастанія могущественной Москвы, давшей центръ великому государству: но не въ силу политическаго предвѣдѣнія дѣйствовали Георгій Даниловичъ, Иванъ Калита и Симеонъ Гордый, когда унижались передъ татарами и имъ льстили, для того, чтобы крѣпче сидѣть въ своемъ княженіи и чтобы съ помощью татаръ и часто въ ихъ пользу—громить русскіе города и проливать христіанскую кровь.

Какъ бы то ни было, только другъ и союзникъ, и покровитель Ивана Калиты и Симеона, тестъ Георгія Даниловича, знаменитый Узбекъ, пролившій столько русской крови, и вмѣстѣ съ тѣмъ мучитель св. князя-мученика Михаила Тверскаго—и доселѣ оставилъ по себѣ мрачную память въ русской народной поэзіи, которая такимъ образомъ явственно заявляетъ свой протестъ противъ безнравственныхъ отношеній юной Москвы къ татарскимъ ханамъ:

А и дѣялось въ Ордѣ,
 Передѣялось въ Большой—
 На стулѣ золотѣ,
 На рытомъ бархатѣ,
 На червчатой камкѣ,
 Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
 Азвякъ Тавруловичъ:
 Суды рассуживаетъ,
 И ряды разряживаетъ,
 Костылемъ размахиваетъ,
 По бритымъ тѣмъ усамъ,

По татарскимъ тѣмъ головамъ...
 Шурьевъ царь дариль,
 Азвякъ Тавруловичъ,
 Городами стольными:
 Василья на Плесу,
 Г'ордѣя къ Вологдѣ
 Ахрамея къ Костромѣ *) и т. д.

При всей умѣренности въ своихъ сужденіяхъ, вотъ что говорить Карамзинъ объ отношеніяхъ Московскихъ князей къ татарамъ **): „Любимцы прежнихъ хановъ искали завоеваній: любимцы Узбековы требовали взяткоу и продавали его милости; а князья Московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и новыми торговыми сборами, находили ревностныхъ друзей въ Ордѣ, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбію ея вельможъ, и называясь смиреннымъ именемъ слугъ ханскихъ, сдѣлались могущественными государями. Симеонъ, въ бодрой юности достигнувъ великокняжескаго сана, умѣлъ пользоваться властію, не уступалъ въ благоразуміи отцу и слѣдовалъ его правиламъ: ласкалъ хановъ до уничиженія, но строго повелѣвалъ князьями Россійскими и заслужилъ имя Гордаго“.

Само собою разумѣется, что неловкое, такъ сказать, ложное положеніе Московскихъ князей, какъ союзниковъ татарскихъ, въ отношеніи къ православнымъ русскимъ городамъ могло ставить иногда не совсѣмъ въ выгодномъ свѣтѣ и Московскія церковныя власти.

Этотъ важный предметъ требуетъ такой осмотрительности и строгости въ рѣшеніи, что я ограничусь характеристиками Карамзина и точными словами источниковъ по печатнымъ Прологамъ.

Извѣстно, что не одинъ Михаилъ Тверской пострадалъ отъ жестокости татаръ, но почти и весь родъ его. Въ княженіе Ивана Калиты, при митрополитѣ Феогностѣ, сыновья князя Михаила Тверскаго должны были ѣхать на поклонъ къ Узбеку. Но Александръ Михайловичъ, находясь въ Псковѣ, не явился къ хану. Послы Московскаго князя и новгородскіе съ архіепископомъ Новгородскимъ,

*) Древнія Россійскія Стихотворенія, стр. 31—2.

***) Исторія Государства Россійскаго, изданіе 2-е, т. 4, стр. 251—252.

отправившись въ Псковъ, убѣждали Александра явиться къ хану на судъ *). „Итакъ вмѣсто защиты—отвѣтствовалъ князь Тверской—я нахожу въ васъ гонителей! Христіане помогаютъ невѣрнымъ, служатъ имъ и предають своихъ братьевъ.“ Когда псковичи, не боясь татарской грозы, рѣшились не выдавать Александра, самъ Іоаннъ Калита съ митрополитомъ Θεогностомъ и многими князьями отправился въ Новгородъ и оттуда ко Пскову и даже расположился станомъ: „но (слова Карамзина) видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнуль къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ церкви, устращивала народъ. Однакожь граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михайлова.“

Но уже самъ Александръ оставилъ Псковъ.

„Великій князь былъ доволенъ, а митрополитъ, разрѣшивъ Псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ ханскаго гнѣва, но добрые Россіане не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ гналъ своего родственника и заставилъ Θεогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи.“

Какъ бы то ни было, только когда Александръ съ своимъ юнымъ сыномъ Θεодоромъ явились къ Узбеку, ихъ схватили, мучили, и, убивъ, розняли ихъ по суставамъ.

Несчастныя отношенія Москвы къ татарамъ придають какой то мрачный и тяжелый колоритъ даже и самымъ лучшимъ страницамъ исторіи Москвы того времени. Какъ, напримѣръ, печально и тяжело для національнаго чувства звучитъ слѣдующій рассказъ о митрополитѣ Алексіи (по печатному Прологу, подъ 12 числ. февраля), по тому случаю, когда ханъ Чанибекъ писалъ великому князю Іоанну Іоанновичу: „мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго попа вашего: да испроситъ же онъ здравіе моей супругѣ!“—Царица Тайдула—„бѣше бо три лѣта слѣпа, къ сему и демонствуема, —говоритъ житіе Алексія по Прологу,—онъ же

*) Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, т. 4, стр. 217 и слѣд.

аще за смиренномудріе и отрицапеса, обаче пѣвъ молебное пѣніе Господу Богу у гроба св. Петра чудотворца, идѣже свѣща о себѣ самой возжжеса, юже розда по части народу на благословеніе, останокъ же съ собою взя. И емяся пути съ клиромъ, немедленно допедь въ Орду, приємлется честно отъ царя Чжанибека и сына его Бердебека и прочихъ его сыновъ, и уврачева молитвою своею недугующую царицу: и отъ всѣхъ удивленъ и почествованъ и одарованъ велми, отпушенъ съ великою честію, прииде на Москву.“

Послѣ того въ Ордѣ было великое смущеніе. Злодѣй Бердебекъ, удавивъ своего отца и перебивъ всѣхъ братьевъ, завладѣлъ ханскою властью и послалъ грозныхъ пословъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ, покушаяся ити воевати россійское христіанство (сказано въ Прологѣ): „слышавъ же сія в. к. Іоаннъ и вѣдая буеть варвара того, молитъ святѣйшаго Алексія митрополита ити въ Орду, и утолити гнѣвъ злонравнаго онаго царя. Онъ же, ни мало стуживъ, иде въ Орду и многую тамо злостужность отъ безбожныхъ татаръ притерпѣ: обаче гнѣвъ царевъ укроти, и благополучно на престолъ свой возвратися, миръ земли Россійстѣй нося. Къ сему даде ему царь ярлыкъ свой, рекше грамоту свободительную, яко-вья и прежде сущимъ митрополитомъ: Михаилу второму, Іоанну, Петру и Θεогносту, преждніи Ординстіи цари даяху, и отъ всякихъ даней и поборовъ свободны творяще церкви и монастыри, и земли ихъ, и воды, и ограды, и вся движная и недвижная даная церквамъ и монастыремъ, да свободно отъ всѣхъ плищей и попеченій клирицы и монаси живутъ, и безмолвно и немлятежно Бога молятъ.“

Эти послѣднія разсужденія писателя особенно наивны по тому, что могло ли духовенство безмятежно и спокойно молиться Богу, когда другіе классы народа бѣдствовали подъ игомъ невѣрныхъ татаръ?

Л Е К Ц І Я 56-я.

Читана 1-го сентября 1860 г.

Нельзя уже было ожидать отъ Москвы въ XIV-мъ вѣкѣ грамотнаго просвѣщенія и потому, что не было въ ней до половины этого столѣтія монашескаго общежитія, которое въ древней Руси служило единственнымъ источникомъ грамотности. Народныхъ мѣстныхъ преданій не могло быть въ этомъ новомъ станѣ княжескомъ,

расположенномъ въ безлюдной, лѣсной глуши на берегахъ Москвы рѣки и Неглинной; а если были какія преданія о повгородскомъ выходцѣ бояринѣ Кучкѣ съ его родомъ, то они давно уже вошли въ составъ мѣстныхъ сказаній древняго княжества Владимірскаго и Суздальскаго.

Татары, пользовавшіеся въ Москвѣ пріязнью и чествованіемъ, не могли обогатить лестными для нея эпизодами сокровищницу національныхъ сказаній, а по враждѣ и разладу съ прочими городами и областями древней Руси, неловко и щекотливо было москвичамъ, сошедшимся въ этотъ новый центръ изъ разныхъ старыхъ городовъ, съ сердечнымъ влеченіемъ патриотическимъ воспоминать мѣстныхъ преданій своей прежней родины.

Гораздо позднѣе, въ XV-мъ и даже въ XVI-мъ вѣкѣ Москва могла собрать въ себѣ мѣстные преданья и сказанья старыхъ русскихъ областей, именно тогда только, когда покоривъ ихъ, стала къ нимъ въ торжествующемъ побѣдоносномъ отношеніи. До тѣхъ поръ надобно было ей путемъ, чисто практическимъ, именно—политическою дѣятельностью и заведеніемъ книжнаго ученія—снискать себѣ право на умственное и нравственное господство, передъ которымъ бы преклонилось все то, что до тѣхъ поръ выработано было русскою народностью въ другихъ городахъ. Потому древнѣйшія мѣстные сказанья Москвы отличаются отъ всѣхъ прочихъ мѣстныхъ преданій значительною прозаичностью, отсутствіемъ той поэтической восторженности и наивности, которою отличаются сказанья кievскія, новгородскія, ростовскія, псковскія и другія, нами рассмотрѣнныя.

Даже въ преданіяхъ объ основаніи монастырей въ Москвѣ чувствуется печальный тонъ татарскаго вліянія. Такъ Чудовъ монастырь основанъ былъ (въ 1365 г.) Алексіемъ митрополитомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ татарскій конюшенный дворъ, будто-бы подаренный этому святителю ханомъ Чанибекомъ за исцѣленіе его супруги отъ слѣпоты и бѣснованія *).

Въ самомъ просвѣщеніи книжномъ, водворявшемся въ Москвѣ, встрѣчаемъ явственныя черты отчужденія отъ прочихъ городовъ и областей, съ которыми она входила въ соперничество и борьбу.

*) Смотри о Чудовомъ монастырѣ въ Памятникахъ Московской Древности Снегирева.

Духовныя власти, отъ которыхъ должно было пойти въ этомъ городѣ книжное ученіе, были или изъ опустошенной татарами Южной Руси, какъ митрополитъ Алексій, сынъ черниговскаго боярина, спасагося въ Москвѣ отъ погромовъ татарскихъ, или же греки, которыми начинающаяся Москва связывала себя съ источникомъ православія въ Цареградѣ, и въ отличіе отъ русскаго, національнаго духовенства другихъ городовъ какъ бы возобновляла въ себѣ во всей чистотѣ греческое православное просвѣщеніе. Таковъ былъ Фотій († 1431 г.). Къ числу духовныхъ лицъ, связывавшихъ Москву съ Византією должно присовокупить и Кипріяна († 1406 г.), который хотя родомъ былъ сербъ, но получилъ самое обширное по тому времени духовное образованіе въ Греціи, и приполъ изъ Цареграда въ Кіевъ и оттуда въ Москву.

Исходя въ своемъ сужденіи отъ безграмотной Москвы XIV-го в. и не взявъ въ соображеніе другихъ болѣе образованныхъ центровъ русской народности того времени, наши ученые видятъ въ Кипріянѣ возстановителя русскаго просвѣщенія, падшаго въ періодъ Татарщины.

Митрополитъ Евгеній говоритъ *): „Сей пастырь былъ первымъ возстановителемъ по нашествіи татаръ упавшаго въ Россіи просвѣщенія. Онъ привезъ къ намъ нѣсколько славянскихъ переводовъ разныхъ церковныхъ и отеческихъ книгъ, сохранившихся у задунайскихъ славянскихъ поколѣній“ (то есть, древнихъ болгарскихъ переводовъ, переписанныхъ сербами: распространеніе этихъ болгаро-сербскихъ рукописей, способствуя церковному просвѣщенію, въ отношеніи собственно литературномъ, имѣло и свои невыгоды, наводнивъ русскія писанія варваризмами болгаро-сербскими и удаливъ на нѣкоторое время нашу письменность отъ чистой русской рѣчи).

Слѣдуя Евгенію, и архіепископъ Филаретъ повторяетъ о Кипріянѣ **): „Пастырь образованный, много заботившійся о возстановленіи упавшаго просвѣщенія въ Россіи.“ Но, дѣятельность его ограничивается по преимуществу Москвою, а въ этомъ городѣ не могло просвѣщеніе пасты, потому что его еще не могло тамъ и быть.

*) Словарь Историческій о Писателяхъ Духовнаго Чина, т. 1, стр. 320.

***) Обзоръ Русской Духовной Литературы, стр. 110, § 74.

Впрочемъ, ставя этого замѣчательнаго дѣятеля въ прямые отношенія къ Москвѣ и другимъ мѣстностямъ древней Руси его времени, тѣмъ не менѣе мы должны воздать должное его значительнымъ литературнымъ заслугамъ. Бывъ призванъ въ Москву изъ Кіева Димитріемъ Донскимъ, въ славный для Москвы годъ Мамаева побоища (1380), Кипріанъ уже ясно сознавалъ величіе и силу этого новаго центра русской жизни, и почелъ обязанностью возвеличить историческія преданія Москвы, описавъ житіе Петра митрополита, предсказавшаго о Московскихъ властителяхъ, что они будутъ обладать и царствовать въ мѣстѣ томъ въ роды и роды, и что руки ихъ взыдутъ на плещу врагъ ихъ. Этому же московскому святителю приписывается первый на Руси опытъ собственной исторіи нашего отечества (а не лѣтописи, какъ было дотолѣ), извѣстной подъ именемъ Степенной книги, то есть, историческаго руководства, расположеннаго по степенямъ родословія великихъ князей *).

Для образца приведу начало 12-ой степени (о Димитріи Донскомъ), которою Кипріанъ, вѣроятно заключилъ свое историческое обзорѣніе **): „Сій Богомъ препрославленный и достохвальный в. к. Димитрій, иже родися отъ благородну и отъ пречестну родителю, великаго князя Ивана Ивановича и отъ матери великія княгини Александры, внуку же бысть в. к. Ивана Даниловича, собирателя Русской земли, правнукъ в. к. Данила Александровича Московскаго, праправнукъ в. к. и чудотворца Александра Ярославича Невскаго, отъ корене святаго и Богомъ насажденнаго саду отрасль плодоносна и цвѣтъ прекрасный царя Владиміра, новаго Константина, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, отъ него же бысть 12-я степень, а отъ Рюрика 15-я, бысть же сродникъ новымъ чудотворцемъ Борису и Глѣбу.“

Итакъ, въ теченіе какихъ нибудь ста лѣтъ, вотъ на какую твердую историческую почву умѣла себя постановить молодая Москва, что въ концѣ XIV-го в. или въ самомъ началѣ XV-го высказала уже свое историческое сознаніе о превосходствѣ надъ всею предшествовавшею Русью, подчинивъ все ея прошлое развитіе по-

*) Эта книга потомъ была передѣлана и дополнена при Иванѣ Грозномъ митрополитомъ Макаріемъ.

**) Томъ 1-й, стр. 488.

степенному ходу, въ этой исторической лѣствицѣ, высшія ступени которой предназначены уже князьямъ Московскимъ. Великая будущность этихъ властителей, предсказанная митрополитомъ Петромъ, имѣеть и свое великое прошедшее, то есть, все святое и славное, чѣмъ когда либо сильна была Русь. Дмитрій Донской—это отрасль святаго корене, прекрасный цвѣтъ царя Владиміра, крестившаго Русскую землю; онъ родственникъ великимъ національнымъ святымъ—Борису и Глѣбу, внукъ собирателя земли Русской, правнукъ уже собственно Московскаго князя и праправнукъ святаго Александра Невскаго. Такимъ образомъ, каждый эпитетъ, прилагаемый къ имени в. к. Дмитрія Іоанновича, служить къ возвеличенію и укрѣпленію его историческихъ правъ и предсказываетъ великую будущность его потомкамъ.

Если по своей идеѣ Степенная книга представляется намъ выраженіемъ возникающаго могущества Москвы, то способъ расположенія этого руководства по родословнымъ степенямъ, какъ кажется, долженъ быть объясненъ наивнымъ обычаемъ лѣтописцевъ и особенно писателей житій, которые, говоря о какомъ нибудь князѣ, чтобъ опредѣлить его личность, всегда называютъ, кто былъ его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, прапрадѣдъ. Такъ въ памяти писателей и читателей составились степени, по которымъ они ориентировались въ опредѣленіи личности княжеской. Этому обычаю данъ былъ систематическій видъ въ такъ называемой Степенной книгѣ. Итакъ, это первое историческое руководство древней Руси, обязанное своимъ происхожденіемъ юной славѣ и величію Москвы, было естественною потребностью людей грамотныхъ, удовлетворенъ давно принятаго обычая опредѣлять историческія лица по родословнымъ степенямъ. Это уже не безсвязная лѣтопись какого либо города, не сборъ разныхъ свѣдѣній изъ общественной и частной жизни, а Московская исторія всей Руси, расположенная по родословію князей, для прославленія ихъ подвиговъ.

Надобно полагать, что Кипріанъ имѣлъ самое ограниченное понятіе о нашей письменности, предшествовавшей его времени, вѣроятно, судя по разоренной Южной Руси и по юной Москвѣ, не успѣвшей еще завести книжнаго ученья. Для чего было ему переводить Псалтырь, когда славянскій текстъ его въ отличномъ пере-

водѣ существовалъ на Руси съ XI-го в.? Онъ же перевелъ Служебникъ, то есть, текстъ литургіи, между тѣмъ какъ въ Новѣгородѣ были уже собственные служебники Антонія Римлянина (XII в.) и Варлаама Хутынскаго (XIII в.). Всѣ эти три служебника и доселѣ сохраняются въ Патріаршей библіотекѣ. Кипріану же приписываютъ даже новый переводъ Кормчей книги, то есть, церковныхъ законовъ, между тѣмъ какъ доселѣ сохранилось нѣсколько рукописей Кормчей отъ XIII-го в., и одна, писанная въ Новѣгородѣ, съ присовокупленіемъ Русской Правды, означена 1282-мъ годомъ.

Итакъ, дѣятельность этого знаменитаго митрополита, родомъ серба, могла быть очень полезна въ отношеніи письменности для Москвы, въ которой нужно было завести Кормчую книгу, служебники по рукописи самого митрополита, Псалтырь и другія церковныя книги; но это вовсе не служить свидѣтельствомъ въ отсутствіи такихъ же книгъ въ старыхъ городахъ древней Руси, и, безъ сомнѣнія, въ древнихъ переводахъ и притомъ въ изложеніи болѣе очищенномъ отъ болгарскихъ реченій, между тѣмъ какъ языкъ Кипріановыхъ книгъ справедливо подвергался порицанію даже въ XVI-мъ в. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ учениковъ Максима Грека *): „Митрополитъ Кипріанъ по гречески гораздо не разумѣлъ **) и нашего языка довольно не зналъ же—аще съ ними единъ нашъ языкъ, сирѣчь, словенскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ молодежово и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся—и онъ мнилъ, что поправилъ псалмы по нашему, а большее неразуміе въ нихъ написалъ, въ рѣчахъ и словехъ все по сербски написалъ“.

Таковы были малые начатки книжнаго просвѣщенія вплоть до начала XV-го в. Самый просвѣщенный изъ московскихъ литераторовъ запасался только самыми необходимыми церковными книгами, переводя ихъ на нечистый славянскій языкъ, между тѣмъ, какъ въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Ростовѣ, эти книги давно уже расходились во множествѣ списковъ. Что же касается до упомянутой выше Степенной книги, то если идея ея принадлежитъ образованному сербу, то полная и окончательная редакція совершена была уже въ XVI-мъ в.

*) Архіепископъ Филаретъ, Обзоръ Русской Духовной Литературы, стр. 192.

**) То есть, не былъ такимъ знатокомъ, какъ знаменитый Максимъ Грекъ.

Макаріємъ, который принесть свое книжное образованіе въ Москву изъ Новагорода.

За недостаткомъ собственно Русской письменности и литературы, Москва—какъ бы противодѣйствуя своимъ подозрительнымъ связямъ съ Ордою—гордилась греческимъ образованіемъ своихъ духовныхъ властей. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія слѣдующія свидѣтельства о митрополитѣ Алексіи, въ житіи его по печатному Прологу*): „Требуется же и сіе привоспомянути, яко научися св. Алексій еллинскому діалекту, и знаяше и писанія греческая, и читати, и писати... Глаголется же, яко и книгу Новый Завѣтъ, Священное Евангеліе, и Апостоловъ Святыхъ Дѣянія и Посланія, и Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова преведе изрядно св. Алексій съ греческа на славенскій діалектъ, и написа своею рукою на пергаментѣ“... И далѣе—знаніе греческаго языка и литературы распространено и вообще на всѣхъ русскихъ архіереевъ, то есть, собственно на московскихъ: „И вси убо архіерее россійстіи вѣдаху писанія еллинская, и читати, и писати, яко показуется отъ подписанія грамотъ ихъ руками ихъ по гречески.“

Впрочемъ, не должно льстить себя этими заманчивыми свидѣтельствами о греческомъ образованіи московскаго духовенства, потому что Москва даже въ половинѣ XVI-го в. была еще такъ мало развита въ литературномъ отношеніи, что должна была пробавляться по преимуществу плодами новгородской образованности, слѣды которой очевидны въ лучшихъ умахъ московскихъ дѣятелей той эпохи.

Итакъ, если слишкомъ опрометчиво и односторонне, съ точки зрѣнія славянофильской, видѣть въ Москвѣ сокровищницу всей древне-русской національности; то съ другой стороны, еще опрометчивѣе и неосновательнѣе, съ точки зрѣнія западниковъ обвинять Москву въ развитіи и поддержаніи устарѣлыхъ византійскихъ началъ, которыя, будто-бы, тяготѣли надъ живыми началами русской народности и задерживали ея успѣхи своимъ коснѣніемъ. Надобно слишкомъ мало, неискренно любить свое отечество, чтобъ вмѣстѣ съ славянофилами взять Москву знаменемъ для своихъ убѣжденій. Надобно вовсе не любить своей народности, чтобъ видѣть въ нашей старинѣ одно византійское, хотя единовѣрное намъ, но все же иностранное, не родное.

*) Подъ 12-мъ числомъ февраля.

Какъ скоро Москва опредѣлила свое высокое значеніе въ исторіи Руси, тотчасъ же должно было оказаться ея нравственное, умственное и литературное вліяніе, которое, по свойству древне-русскаго образованія, могло выразиться не иначе, какъ въ формѣхъ религіозной. И это вліяніе состояло не въ византійской образованности, но въ основаніи новаго центра, чисто національнаго, изъ котораго стало распространяться христіанское просвѣщеніе вмѣстѣ съ началами грамотности и общежитія по глухимъ захолустьямъ Сѣверо-восточной Руси.

Основаніе этого новаго центра въ предѣлахъ Радонежскихъ, въ дремучихъ, непроходимыхъ лѣсахъ, не далѣе, какъ въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, было совершено преподобнымъ Сергіемъ (†1391 г.), который, по своему нравственному вліянію, былъ однимъ изъ величайшихъ дѣятелей въ исторіи просвѣщенія Россіи.

Изъ его учениковъ и многочисленныхъ послѣдователей выпелъ цѣлый рядъ энергическихъ и даровитыхъ дѣятелей, изъ которыхъ иные знамениты, какъ основатели монастырей и пустыней, другіе, какъ писатели и даже художники. Монастыри московскіе—Андроніевъ и Симоновъ—получили свое начало отъ Троицкаго Сергіева. Андроніевъ, основанный мотрополитомъ Алексіемъ*), получилъ перваго своего игумена въ лицѣ ученика св. Сергія—Андроника. Симоновъ—былъ основанъ самимъ Сергіемъ, куда онъ постановилъ игуменомъ своего племянника Θεодора. Знаменитые живописцы конца XIV-го и начала XV-го в. слывутъ учениками св. Сергія, или же ихъ товарищами и сотрудниками. Таковы Даніиль, Игнатій Златый и особенно Андрей Рублевъ, который въ подлинникахъ прямо называется радонежскимъ иконописцемъ и который въ исторіи нашей иконописи знаменитъ работами въ Андроньевомъ монастырѣ, гдѣ онъ написалъ знаменитую въ древности икону Нерукотвореннаго Спаса. Бѣлозерскій монастырь, столь прославленный за благочестіе и книжное ученіе, былъ основанъ Кирилломъ († 1427 г.), который, родившись уже въ Москвѣ, получилъ начала благочестиваго воспитанія и книжнаго просвѣщенія въ Симоновомъ монастырѣ при игуменѣ Θεодорѣ, племянникѣ св. Сергія. Тамъ былъ товарищемъ, или какъ встарину говорили, сопостникомъ иконописцу Игнатію Златому.

*) Около 1360 года.

Въ какой мѣрѣ были сильны въ литературномъ образованіи ученики Сергія, лучше всего свидѣтельствуеъ житіе его, отлично составленное однимъ изъ нихъ, монахомъ Епифаніемъ *).

Въ этомъ житіи со всею тщательностью собраны всѣ мельчайшія подробности изъ жизни святителя, и его знаменитая личность искусно вставлена въ общую картину столь знаменитой въ ту эпоху исторіи Москвы. Не забыты также всѣ связи, которыми скрѣплены новыя обитатели и нѣкоторые изъ благочестивыхъ дѣятелей съ личностью св. Сергія.

Не имѣя въ виду распространяться о жизни этого великаго челоуѣка, почитаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о его происхожденіи. Онъ былъ родомъ изъ Ростова, въ которомъ, подъ вліяніемъ Новагорода и Кіева, издавна водворилось книжное просвѣщеніе, и который въ XIII-мъ и XIV-мъ вѣкахъ имѣлъ уже свои собственные, мѣстные интересы литературные. Отецъ Сергія, по имени Кирилль, былъ однимъ изъ богатыхъ бояръ ростовскихъ. Но потомъ обнищаль и оскудѣлъ—какъ говорить житіе св. Сергія: „частыми хоженми еже со княземъ въ Орду, частыми ратми татарскими еже на Русь, частыми послы татарскими, частыми тяжкими даньми и выходы еже во Орду, частыми глады хлѣбными.“

Потомъ—„паста насилуваніе, сирѣчь, княженіе великое досталося князю великому Ивану Даниловичу, купно же досталося княженіе Ростовское къ Москвѣ. Увы, увы! (воскликаетъ авторъ, оплакивая Ростовъ) тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава, и вся прочая—потягну къ Москвѣ.“ Изъ Москвы въ Ростовъ былъ посланъ нѣкто Василій Кочевъ съ москвичами. „Тогда возложиста великую нужду на градъ, да и на вся живущая въ немъ, и гоненіе много умножися. И не мало ихъ отъ ростовецъ москвичемъ имѣнія своя съ нуждею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ со укоризно взирающе.“

Не будучи въ силахъ претерпѣть всѣ эти бѣды и напасти, бояринъ Кирилль оставилъ свой родной городъ и вмѣстѣ съ своимъ родомъ переселился въ городокъ Радонежь, удѣль князя Андрея Иоанновича.

*) Впослѣдствіи дополненное Пахоміемъ Логоветомъ.

Такова знаменательная, печальная связь фамилии св. Сергія съ старымъ городомъ Ростовомъ. Но время должно было взять свое, и этотъ великій человѣкъ положилъ для Москвы основы ея будущаго нравственнаго вліянія.

Какъ главный историческій дѣятель своей эпохи, онъ былъ участникомъ и великаго событія, описаннаго въ Мамаевомъ побоищѣ, о которомъ будетъ сказано въ слѣдующей лекціи.

Л Е К Ц І Я 57-я.

Читана 3-го сентября 1860 года.

Литература, и особенно народная, всегда выражающая убѣжденія и понятія цѣлыхъ массъ, служить лучшимъ мѣриломъ умственнаго и нравственнаго расположенія изучаемой эпохи. Какъ бы мы ни разсматривали съ ученой, критической точки зрѣнія подвигъ в. к. Димитрія Іоанновича на Куликовомъ полѣ; если бы даже этотъ подвигъ, будучи вставленъ, какъ отдѣльный эпизодъ, въ историческое изложеніе цѣлаго ряда фактовъ о борьбѣ Москвы съ татарами, и умалился въ своемъ историческомъ значеніи въ глазахъ строгаго критика: все же народная молва, изъ вѣка въ вѣкъ переходившая отъ поколѣнія къ поколѣнію, останется въ пользу Задонщины, какъ говорилось въ старину, или Мамаева побоища, о которомъ и доселѣ грамотное простонародье читаетъ въ своихъ лубошныхъ изданіяхъ съ картинками. Это многовѣковое народное убѣжденіе въ величій побѣдоноснаго подвига Димитрія Донскаго ясно говоритъ намъ о томъ, что Москва, выступивъ наконецъ изъ темнаго періода Татарщины, пробудила своимъ грознымъ величіемъ общее національное къ себѣ сочувствіе, которое уже въ XV-мъ вѣкѣ выразилось въ нашей литературѣ и поэтическими, и витіеватыми, риторическими повѣствованьями о Задонщинѣ. Это уже не мѣстное преданье о какомъ нибудь витязѣ, отразившемъ татаръ отъ своего города, или о борьбѣ татарской и русской партій въ какомъ нибудь одномъ изъ городовъ древней Руси (каковы сказанія Смоленское и Ростовское): это уже общее національное сказанье о низложеніи татарскаго ига славными подвигами Московскаго князя, которыми Москва впервые заявила свои высокія права на поэтическія преданья Русской народности,

Съ Куликовскою битвою народная память соединяетъ уже преданіе о благочестивомъ участіи св. Сергія и учениковъ его, Пересвѣта и Осляби, прославляя, такимъ образомъ, въ Задонщинѣ блистательную и священную эпоху Москвы въ концѣ XIV-го вѣка.

Народная литература древне-русская, какъ уже не разъ было замѣчено, состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ священными, церковными преданіями. Въ поэтическомъ изложеніи Задонщины эта связь выражена участіемъ въ битвѣ Пересвѣта и Осляби, которые, въ Книгѣ о Россійскихъ Святыхъ, причислены къ мѣстнымъ Московскимъ угодникамъ: „О Московскихъ же святыхъ, преподобныхъ мученицѣхъ—сказано въ этой книгѣ: здѣ на старомъ Симоновѣ положени, у церкви древняго Рождества Богородицы, ученики св. Сергія Радонежскаго: Ослябя, во иноцѣхъ Андреянь, и Пересвѣтъ, во иноцѣхъ Александръ, что были посланы отъ преподобнаго Сергія великому князю Дмитрію Ивановичу на безбожнаго царя Мамаю въ помощь, побѣдiti его, еже и бысть; и сами послѣди убіени быша на Дону отъ татаръ въ лѣто 6889 (1380), и оттолѣ взяты мощи ихъ честнѣ, и положены въ полаткѣ каменной подь колоколнею, и дски на нихъ рядомъ каменные положены“.

По сказанью о Задонщинѣ, вся православная Русь участвовала въ славномъ подвигѣ Донскаго, и князя Бѣлозерскіе, и Литовскіе Ольгердовичи, внуки Довмонтовы, и посадники Новгородскіе: „Стоять мужи Новгородскіе у Софѣи Премудрые, а говорятъ такъ: ужъ намъ, братцы, не поспѣтъ на пособъ къ в. к. Дмитрію Ивановичу, а какъ то слово изговорили, будто орлы слетѣлись; а вѣдь то не орлы слетались, выѣзжали посадники Новагорода съ 7000 войска къ в. к. Дмитрію Ивановичу и къ брату его князю Владиміру Андреевичу“.

Получивъ благословеніе отъ св. Сергія, великій князь собирается въ походъ и говоритъ своему товарищу и другу князю Владиміру Андреевичу: „Брате, князе Владиміръ Андреевичъ! Поѣдемъ въ походъ! Купимъ животу своему славы, а старымъ людямъ повѣсть, а молодымъ память, а храбрыхъ своихъ воиновъ испытасемъ, а рѣку Донъ кровью прольемъ за землю Русскую и за вѣру христіанскую“.

Потомъ, обратившись къ русскимъ князьямъ, которые собрались подь его начальство, сказалъ онъ: „Братья, князья Русскіе! Всѣ мы

гнѣздо в. к. Владиміра Кіевскаго! Не на обиду родились мы, ни лстребу, ни кречету, ни тому черному воропу—поганому Мамаю!“

Помолившись Богу и Пречистой Его Матери, взялъ свой мечъ и вступилъ въ золотое стремя. „Солнце ему на востокъ сіяетъ и путь повѣдуетъ, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздаютъ за сродники своя“.

Видимо подражая автору Слова о полку Игоревѣ, повѣствователь Задонщины повторяетъ знакомые для своихъ читателей поэтическіе образы этого древняго произведенія. „Быть стуку великому на рѣчкѣ Непрядвѣ—воскликаетъ онъ: межъ Дономъ и Днѣпромъ, пасть трупу человѣческому на полѣ Куликовѣ, пролиться крови на рѣчкѣ Непрядвѣ. Уже заскрипѣли телѣги межъ Дономъ и Днѣпромъ, а то идутъ поганые ханы на Русскую землю. Прибѣжали сѣрые волки отъ усть Дона и Днѣпра; ставши на рѣкѣ, воютъ, хотятъ ступить на Русскую землю. А то были не сѣрые волки—пришли поганые татарова, хотятъ проити, воюючи всю Русскую землю.“

И бились русскіе съ татарами изъ утра до полудни въ субботу на Рождество Св. Богородицы (8-го сентября). Не туры загремѣли на полѣ Куликовѣ, не туры побѣждены у Дона *) великаго: то посѣчены князья Русскіе, и бояра и воеводы в. к. Дмитрія Ивановича.

„Пересвѣта чернеца, Брянскаго боярина, на Суженое мѣсто **“) привели. И сказалъ Пересвѣтъ чернецъ в. к. Дмитрію Ивановичу: „лучше намъ убитымъ быть, нежели полоненымъ отъ поганыхъ татаръ“. И поскакиваетъ Пересвѣтъ на своемъ добромъ конѣ, а злаченымъ доспѣхомъ посвѣчиваетъ—а иные лежатъ посѣчены у Дона великаго на берегу. А и въ то время стару надо помолодѣтъ, а удалымъ людямъ плечъ своихъ попытать. И молвилъ Ослябя чернецъ своему брату Пересвѣту старцу: „Брате Пересвѣте! Вижу на тѣлѣ твоемъ раны великія. Уже, брате, летѣти главѣ твоей на траву-ковыль, а чаду твоему Іакову лежати на зеленой ковыль-травѣ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ, за вѣру христіанскую, за землю Русскую и за обиду в. к. Дмитрія Ивановича“.

*) Въмѣсто Донъ иногда употребляется Дунай, по старобытнымъ преданьямъ объ этой послѣдней рѣкѣ.

**) Судъ Божій—смерть, битва: мѣсто Суда Божьяго, или Суженое мѣсто—мѣсто битвы.

Такъ вставлена священная легенда о монахах-мученикахъ въ поэтическое сказанье о Задонщинѣ! Надобно глубоко вникнуть въ нравственныя убѣжденія нашихъ предковъ, чтобъ во всей ясности понять самую тѣсную связь поэтическихъ созданій древней Руси съ идеями религиозными и со сказаньями о Русскихъ святыхъ.

Между тѣмъ, какъ еще не рѣшилась судьба битвы, въ Москвѣ распространились уже зловѣщія слухи: примахнули къ женамъ Куликовскихъ героевъ—говорить авторъ—отъ быстрого Дону полоняныя вѣсти, принося великую бѣду, что ссѣли удалцы съ добрыхъ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликовѣ. И восплакались всѣ княгини и боярыни, и всѣ воеводскія жены объ избѣженныхъ, обращаясь въ своихъ причитаньяхъ къ быстрому Дону рѣкѣ, чтобы прилежялъ Донъ ихъ супруговъ къ нимъ, потому что веселье ихъ поникло въ Москвѣ, въ отсутствіи отъ своихъ государей (такъ боярыни и княгини называютъ своихъ мужей). Восплакались и жены Коломенскія, причитая: „Москва, Москва—быстрая рѣка! Зачѣмъ залелѣила мужей нашихъ отъ насъ въ землю Половецкую? Можешь ли, господине князь великій веслами Днѣпръ запрудить? Замкни, государь, Окѣ-рѣкѣ ворота, чтобы потомъ поганые татарове къ намъ не ѣздили! Уже мужей нашихъ рать утрудила“....

Но, того же дня, въ субботу, на Рождество Богородицы, христіане посѣкли поганые полки татарскіе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Князь Владиміръ Андреевичъ, поощряя храбрые подвиги великаго князя, говоритъ ему: „Брате, Дмитрій Ивановичъ! понуждай свои полки на крамольщиковъ! Уже поганые татара поля обступили, а храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупахъ челоувѣческихъ борзые кони не могутъ скочити, а въ крови по колѣно бродятъ, а уже, брате, жалостно видѣти кровь христіанскую!“ И говорилъ тогда своимъ боярамъ в. к. Дмитрій Ивановичъ: „Братья бояра и воеводы, и дѣти боярскія! Вотъ вамъ—ваши московскіе сладкіе меды и великія мѣста*)! Тутъ, братья, старому помолодѣть, а молодому чести добыть!“

И начали русскіе полки басурмановъ бить и сѣчь безъ милости; и князья татарскіе пали съ коней, и трупами татарскими поля были насѣяны, кровью татарскою рѣки протекли. Тутъ поганые раз-

*) Намекъ на чествованіе по мѣстамъ, мѣстничество.

лучились въ разныя стороны, побѣжали неготовыми дорогами въ лукоморье, скрежеща зубами своими и восклицая:

„Уже намъ, братья, въ земли своей не бывать*),
И дѣтей своихъ не видать,
А въ Русь ратью не хаживать,
А выхода**) намъ у русскихъ людей не прашивать.

И возстонала Татарская земля бѣдами и печалью, а по Русской землѣ простерлось веселье и радость; вознеслась слава русская по всей землѣ. И отскочилъ поганый Мамай отъ своей дружины, сърымъ волкомъ взвыль, и прибѣжалъ къ Фрягамъ***). Фряги говорили ему: „зачѣмъ, поганый Мамай, посягаешь ты на Русскую землю? Вѣдь, вотъ же побила тебя Орда залѣсская****). А не бывать тебѣ въ Батя царя! У Батя царя было четыреста тысячъ кованной рати, а воевалъ онъ всю Русскую землю отъ востока и до запада: а тогда казнилъ Господь Богъ Русскую землю за ея согрѣшенья! И ты пришелъ на Русскую землю, царь Мамай, со многими силами, съ девятью ордами, съ семидесятью князьями, а нынѣ ты, поганый, бѣжишь самъ-девятъ въ Лукоморье—не съ кѣмъ тебѣ въ полѣ зимы зимовать! Нѣ что тебя князья русскіе гораздо подчивали? Ни князей съ тобой, ни воеводъ: нѣ что гораздо упилися они у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ, на ковыль-травѣ. Бѣги же ты, поганый Мамай, отъ насъ! Позадѣнешь и намъ отъ земли Русской бѣды!“

И помиловалъ Господь Богъ, въ великомъ побоищѣ, русскихъ князей, Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича. И сталъ великій князь съ своимъ братомъ и съ остальными своими воеводами на костяхъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Грозно было и жалостно, о братья, въ то время посмотришь, сколько лежало трупья христіанскаго у Дона великаго на берегу, и Донъ-рѣка три дня кровью текла. И сказалъ в. к. Дмитрій Ивановичъ: „считайтесь, братья, сколько у насъ воеводъ нѣтъ, и сколько молодыхъ людей нѣтъ?“

Это мѣсто почитаю самымъ поэтическимъ и оригинальнымъ во всей Задонщинѣ, между тѣмъ какъ вообще видно въ ней слишкомъ

*) Это, очевидно, стихи.

**) Выходъ—дань.

***) Фряги—франки, въ общемъ смыслѣ Романскихъ племенъ, италянцы.

****) То есть, Московскія полчища изъ залѣся.

рабское подражаніе Слову о полку Игоревѣ. Сцена на костяхъ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ поэтическихъ созданій русской фантазіи: и тѣмъ обаятельнѣе высокая и трогательная поэзія этой сцены, что въ основѣ ея—историческая правда. Такъ много въ ней поражающей своими подробностями дѣйствительности, мѣтко схваченной поэтическимъ творчествомъ изъ русскаго быта и нравовъ той эпохи.

Итакъ, великій князь велѣлъ считать, сколько побито воеводъ и витязей. И сталъ тогда между трупами считать поименно убитыхъ на рати московскій бояринъ, Михайло Александровичъ, обращаясь съ своею роковою рѣчью къ великому князю. Въ этомъ поминовеніи храбрыхъ на костяхъ читатель впервые узнаетъ перечень ихъ по городамъ, и великую силу московскаго ополченія. Было бы утомительно и скучно читать перечень этихъ воиновъ, когда они шли на битву. Но теперь когда они пали за Русскую землю противъ враговъ христіанства, исчисленіе ихъ, какъ въ благочестивомъ церковномъ поминаніи, или синодикѣ, получаетъ особенный трогательный смыслъ въ томъ умиленіи, съ какимъ слушаетъ великій князь московскаго боярина, стоя на костяхъ.

„Государь великій князь Дмитрій Ивановичъ!—говорилъ бояринъ Михайло Александровичъ—нѣтъ, Государь, у насъ 40 бояръ Московскихъ, 12-ти князей Бѣлозерскихъ, 30-ти Новгородскихъ посадниковъ, 20-ти бояръ Коломенскихъ, 40-а бояръ Серпуховскихъ, 30-ти пановъ Литовскихъ, 25-ти бояръ Костромскихъ, 35-ти бояръ Володимірскихъ, 8-ми бояръ Суздальскихъ, 40-а бояръ Муромскихъ, 70-ти бояръ Рязанскихъ, 34-хъ бояръ Ростовскихъ, 23-хъ бояръ Дмитровскихъ, 60-ти бояръ Можайскихъ, 30-ти бояръ Звенигородскихъ, 15-ти бояръ Углицкихъ: а всего посѣчено отъ безбожнаго Мамаю полтретья ста тысячъ*) и три тысячи. Слава тебѣ Господи Боже нашъ, помиловалъ насъ!“—Наивно, но чрезвычайно вѣрно дѣйствительности заключаетъ московскій бояринъ свой кровавый отчетъ.

Но глубоко отозвалась эта рѣчь въ сердцѣ великаго князя, и онъ, какъ бы вдохновенный величіемъ грознаго мѣста, гдѣ стоялъ, громко воззвалъ къ падшимъ героямъ: „Братья князи и бояра, и дѣти боярскія! То вамъ суженое мѣсто межъ Дономъ и Днѣпромъ,

*) То есть, 250 тысячъ съ 3-мя тысячами.

на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ! Положили вы свои головы за святыхъ церкви, за землю Русскую, за вѣру христіанскую! Простите же меня, братья, и благословите! Всѣмъ вамъ вѣнецъ въ будущемъ! Пойдемъ теперь, брате, князь Владиміръ Андреевичъ въ свою Залѣсскую землю, къ славному городу Москвѣ, и сядемъ, брате, на своемъ княженьи; а чести, брате, мы добыли себѣ и славнаго имени—Богу нашему слава!“

Этотъ превосходною, поэтическою сценою заключается Задонщина, въ ея болѣе народной, безыскусственной редакціи. Но уже въ XV-мъ вѣкѣ Мамаево Побойице было обработано въ витѣватой, напыщенной формѣ, во вкусѣ тогдашней литературы, съ присовокупленіемъ не менѣе витѣватой похвалы Дмитрію Донскому и супругѣ его, которые представляются образцомъ благочестія и супружеской любви.

Похвала эта, составленная нѣкоторымъ священникомъ рязанскимъ *) по случаю кончины Донскаго героя, имѣетъ предметомъ не только возвеличить этого первоначальника Русской славы, но и выразить ту любовь, какую питала къ нему супруга его Евдокія. Потому главную часть этой похвалы составляетъ ея надгробное причитанье, въ которомъ обычныя эпическія формы народныхъ плачей значительно понорчены усердіемъ витѣватаго грамотника.

Этотъ плачь великой княгини Евдокія, какъ отдѣльный самостоятельный эпизодъ, очень извѣстенъ былъ въ древней Руси, и иногда попадаетъ отдѣльною статьею въ сборникахъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что писатели этою народною чертою быта эпическаго, хотѣли засвидѣтельствовать потомству о нѣжной привязанности Евдокія къ своему супругу. Сверхъ того, ея благочестіе, строеніе церквей и основаніе Дѣвичьяго монастыря въ Кремлѣ, а также строгое воздержаніе и подвиги аскетической жизни, тщателью ею скрываемыя отъ всѣхъ, спискали ея имени святочтимую память въ Русской церкви.

Древняя Русь, благоговѣя передъ памятью Донскаго героя, почитала и его сіяніемъ святости, и, по свидѣтельству Книги о Россійскихъ Святыхъ, именовала его московскимъ чудотворцемъ:

*) Софоніемъ или Софроніемъ.

такъ что, излагая Задонщину,—мы упражнялись, по убѣжденію нашихъ предковъ, надъ благочестивымъ эпизодомъ изъ житія св. в. к. Дмитрія Ивановича Донскаго, Московскаго чудотворца*).

Л Е К Ц І Я 58-я.

Читана 6-го сентябрю 1860 г.

Въ XV-мъ вѣкѣ уже стала наслѣдственной, уже получила свое историческое преданіе мысль о сверженіи татарскаго ига, даже о конечномъ сокрушеніи могущества татаръ, о возможности и легкости побѣды надъ ними при содѣйствіи Высшей Благодати, покровительствующей православной Руси противъ безбожныхъ басурмановъ.

Только черезъ 15 лѣтъ послѣ Мамаева Побоища, то есть, въ 1395 г., при в. к. Василии Дмитріевичѣ было нашествіе на Русь Тамерлана, остановленное, безъ гибельныхъ слѣдствій, и не допущенное къ Москвѣ чудодѣйственною помощью иконы Владимірской Богоматери. Это чудесное знаменіе Божіей милости надъ Москвою и всею Русью, внесенное во Всероссійскіе Святцы подъ названіемъ Срѣтенія иконы Пресвятыя Богородицы, нарицаемая Владимірскія (подъ 26 ч. августа), въ подробности описано въ отдѣльномъ Сказаніи, которое, послѣ Задонщины, составляетъ какъ бы вторую главу, или второй эпизодъ изъ національнаго, историческаго эпоса о низверженіи нашими предками татарскаго ига.

Какъ Задонщина сдѣлалась предметомъ народнаго чтенія въ любочныхъ изданіяхъ; такъ Срѣтеніе, будучи освящено церковью, обогатило наши Святцы и дало превосходныя національныя черты для изображенія этого событія въ иконописи.

Сказаніе о Срѣтеніи Владимірской иконы, заявляя объ усиленіи нравственнаго вліянія Москвы, тѣмъ особенно отличается отъ другихъ національныхъ повѣствованій, что съ священными преданьями земли Русской соединяетъ преданія татарскія о Тамерланѣ. Такимъ образомъ Москва вноситъ въ основы своихъ мѣстныхъ національныхъ интересовъ элементъ татарскій, но уже взятый въ его подчиненіи элементу русскому, православному.

*) Таково высокое, національное значеніе житій въ нашей литературѣ.

Сказаніе начинается повѣствованьемъ о Тамерланѣ, или какъ онъ называется здѣсь—о Темиръ-Аксакѣ*). Это повѣствованье, очевидно, основано на поэтическихъ преданьяхъ Востока о могущественномъ и страшномъ завоевателѣ.

Во дни благовѣрнаго и христілюбиваго в. к. Василя Дмитріевича, при боголюбивомъ архіепископѣ Кипріанѣ, „приде нѣкоторый царь, именемъ Темиръ-Аксакъ, съ восточныя страны, отъ Синія Орды, отъ Шамахинскія земли, отъ Залицкихъ татаръ, и велику брань сотвори, и многъ мятежъ воздвиже въ Ордѣ и Россіи своимъ приходомъ“. Объ этомъ Темиръ-Аксакѣ нѣкоторые рассказываютъ (говорить сказапье)—безъ сомнѣнія по восточнымъ поэтическимъ преданьямъ,—будто онъ былъ родомъ ни царь, ни князь, ни боярскаго рода, но отъ худыхъ людей, отъ Залицкихъ татаръ. Ремесломъ былъ ковачъ желѣза, „и всѣмъ злымъ дѣломъ бяше начальникъ“**).

Преданіе о ковачѣ или кузнецѣ, замышляющемъ всякое зло, кующемъ всякіе ковы (откуда коварство и ковачъ, коваль)—есть общее достояніе средневѣковыхъ поэтическихъ сказаній и у Европейскихъ народовъ, какъ напр. у нѣмцевъ сказанія о кузнецѣ Волупдѣ или Виландѣ, о подземныхъ ковачахъ—черныхъ Эльфахъ—карликахъ, о коварномъ кузнецѣ, у котораго въ ученьи былъ Зигурдъ или Зигфридъ и проч.

Къ этому же роду коварныхъ ковачей средневѣковыхъ эпическихъ преданій относится и Темиръ-Аксакъ. И былъ онъ въ услуженіи у нѣкотораго господина; и злонравія его ради господинъ прогналъ его отъ себя съ побоями. Послѣ того, скитаясь, онъ укралъ овцу. Его поймали и били безъ милосердія по всему тѣлу; потомъ перешли ему ногу и бедра и бросили его псамъ на съѣденье. Оправившись нѣсколько отъ болѣзни, онъ всталъ и перековалъ себѣ желѣзомъ ногу свою, и съ тѣхъ поръ хромалъ.

Потому и прозвали его Темиръ-Аксакомъ: Темиръ—*половецкимъ****) языкомъ зовется желѣзо, а Аксакъ—хромецъ, а вмѣстѣ: Темиръ-Аксакъ—желѣзный хромецъ.

*) По старинному Темиръ.

***) Исторически онъ признается сыномъ одного ничтожнаго князька въ имперіи Чагатайскихъ Моголовъ (по словамъ Карамзина, въ Исторіи Государства Россійскаго, т. 5, стр. 137).

***) По другимъ редакціямъ—татарскимъ языкомъ.

Эта новая поэтическая черта известна также и Европейским народамъ, у которыхъ въ сказкахъ неоднократно встрѣчаются герои съ золотыми или серебряными руками и ногами. Отрубленные руки наставить золотыми—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ сказочныхъ мотивовъ. Такъ и вѣщій ковачь Темиръ-Аксакъ, этотъ Виландъ татарскаго эпоса, перековалъ желѣзомъ свою разбитую ногу.

Затѣмъ сказаніе объясняетъ намъ, какъ этотъ герой изъ мелкаго грабителя и разбойника сталъ могущественнымъ повелителемъ множества кочующихъ ордъ. Это мѣсто въ сказаніи особенно любопытно по тому, какъ наши предки понимали явленіе и возрастаніе страшныхъ ополченій восточныхъ. Исцѣлившись отъ своей болѣзни, Темиръ-Аксакъ не оставилъ своихъ прежнихъ обычаевъ, не смирился, но еще пуще прежняго сталъ лютымъ разбойникомъ: „потомъ приложились къ нему юности немилостивые, мужи суровые, злые челоуѣки, подобные ему разбойники и хищники. Когда набралось ихъ числомъ сто, назвали они Темиръ-Аксака старѣйшиною разбойниковъ, то есть, атаманомъ, а когда стало ихъ числомъ до тысячи, тогда уже клизеть его называли. Когда же еще болѣе умножилось ихъ, и когда Темиръ-Аксакъ поплѣнилъ многія земли и взялъ многіе города, страны и царства, тогда стали называть его уже царемъ.“

Покоряя въ своихъ походахъ цѣлыя народы и царства, наконецъ пришолъ онъ ратью на царя Тохтамыша, а оттуда замыслилъ идти на Русскую землю, и, вступивъ въ предѣлы Рязанскіе, взялъ городъ Елецъ.

Услышавъ о томъ, в. к. Василій Дмитріевичъ собралъ войско и пошолъ съ Москвы къ Коломиѣ навстрѣчу къ Темиръ-Аксаку и сталъ на Окѣ*); а ханъ медлилъ въ то время на одномъ и томъ же мѣстѣ цѣлыя двѣ недѣли. Городъ же Москва былъ въ великомъ смущеніи, въ страхѣ отъ неминуемой осады, потому что собралось въ Москву отовсюду множество народу. И ежедневно приходили къ Москвѣ частыя вѣсти о гнѣвѣ и грозѣ Темиръ-Аксака, какъ онъ готовится воевать Русскую землю, какъ похваляется идти къ Москвѣ, плѣнить русскихъ людей, жечь церкви и христіанскую вѣру искоренить, а христіанъ бить и гнать, томить и мучить, огнемъ печь и

*) Этимъ же путемъ шолъ въ походъ противъ Мамаю и Дмитрій Донской.

жечь и мечомъ посѣкать: „бѣше бо сей Темиръ-Аксакъ вельми нежалостивъ и зѣло немилостивъ, и лють мучитель, и золь гонитель, и жестокъ томитель“.

Когда въ Москвѣ распространялись эти зловѣщіе слухи къ великому ужасу жителей, митрополитъ Кипріанъ заповѣдалъ всеѣмъ людямъ поститься и молиться, и пѣть молебны. А в. к. Василій Дмитріевичъ, подумавъ съ митрополитомъ и со всеѣми князьями и боярами, и со старѣйшинами, восхотѣлъ призвать на помощь св. Богородицу, заступницу нашу въ печали и утѣшеніе наше. Какъ умыслили, такъ и сотворили, послали по икону Богородицы, во старій, въ столѣный градъ Володимерь.

Итакъ, вотъ новая, нравственная связь Владиміра съ Москвой. Знаменитая икона Богоматери, вывезенная нѣкогда изъ Цареграда въ Кіевъ, была принесена изъ Вышеграда во Владиміръ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ, какъ священное знаменіе связи и родства Владиміра съ Кіевомъ. Теперь, въ тяжкую для Руси годину, старій Владиміръ уступаетъ свою святыню Москвѣ.

Въ тоже самое время, какъ изъ Москвы было послано по икону, во Владиміръ, въ церкви Пресвятой Богородицы протопопъ и все священники и дьяконы, совѣщавшись между собою, взяли Владимірскую икону Богоматери и понесли ее отъ города Владиміра на Москву— „страха ради татарскаго, паче же страха ради Темиръ-Аксака, его же нѣкогда въ повѣстѣхъ слышахомъ далече суща, подъ востоки солнечными, нынѣ же близь, яко при дврехъ приближился есть, и готовится, и поцрляется, и вооружается на ны зѣло“.

И было это въ 15 день мѣсяца августа, въ самый праздник Успенія Богоматери (день знаменитый въ священныхъ преданіяхъ русской старины по сооруженію Успенскихъ храмовъ въ Кіевѣ, Владимірѣ, Ростовѣ, Москвѣ).

Когда же принесена была Владимірская икона къ городу Москвѣ, тогда все жители вышли на срѣтеніе ея (26-го августа), и встрѣтили её честно, Кипріанъ митрополитъ и епископы, и архимандриты, и попы, и дьяконы, и весь причетъ церковный, князья и бояре, княгипи и боярыни, мужи и жены, юноши и дѣвы, старцы и дѣти и младенцы, сироты и вдовицы, пищіе и убогіе, черпеды и

черницы, и всякъ возрастъ, мужескій полъ и женскій, отъ мала и до велика, множество безчисленное, со крестами и съ иконами, съ Евангеліемъ, со свѣчами и кадилами, съ псалмами и пѣснями духовными, но всего больше со слезами; и не было никого, кто бы не плакалъ, но всѣ съ молитвою и съ плачемъ и воздыханіемъ, и рыданьемъ, руки воздѣвая, молились ко святой икопѣ и вопіяли: „о Святая Владычица Богородица! Избави градъ сей отъ нахождения поганого Темиръ-Аксака, и всякъ градъ и страну нашу! Защити князя и людей отъ всякаго зла, заступи градъ нашъ Москву отъ нахождения ратныхъ иноплеменниковъ и избави отъ поганныхъ плѣненія, отъ огня и отъ меча, и отъ напрасныя смерти, и отъ нынѣшнія обдержанія скорби и печали.“

Итакъ — говорить сказаніе — Божією благодатью и молитвами Богородицы, Москва градъ нашъ сохраненъ бысть, а Темиръ-Аксакъ возвратился вспять и пошолъ во свою землю. Въ тотъ самый день, какъ около Москвы встрѣчена была икона Владимірская, Темиръ-Аксакъ утравился и ужаснулся: „и вниде страхъ въ сердце его, и ужасъ въ душу его, и трепеть вниде въ кости его, и скоро отвержеса и отречеса воевати Русскія земли“ — и поспѣшно бѣжалъ въ свои Орды, гонимый гнѣвомъ Божіимъ.

Въ сказаніи, какъ мы видимъ, повѣствуется глухо о сверхъестественномъ страхѣ и ужасѣ Темиръ-Аксака. Но въ лѣтописяхъ этотъ чудесный случай объясняется слѣдующимъ разсказомъ. Будто бы въ тотъ самый день и часъ, когда москвичи встрѣтили Владимірскую икону, Темиръ-Аксакъ дремалъ въ своемъ патрѣ и видѣлъ страшный сонъ. Снилось ему, будто съ высокой горы идуть къ нему святители съ золотыми жезлами. Надъ тѣми святителями, въ лучезарномъ сіяніи, явилась нѣкая жена, красоты и величія неописаннаго, окруженная тьмами молніеобразныхъ воиновъ, которые всѣ грозно устремились на Темиръ-Аксака. Онъ затрепеталъ, проснулся, и, созвавъ своихъ вельможъ, спрашивалъ, что бы значило такое сновидѣніе. „Эта прекрасная и величественная жена, — отвѣтствовали мудрѣйшіе изъ вельможъ, — есть Богоматерь, защитница христіанъ“. — „Итакъ мы не одолѣемъ ихъ“, сказалъ Тамерланъ, и велѣлъ полкамъ своимъ воротиться назадъ.

Высокій національный тонъ сказанія о Срѣтеніи Владимірской

иконы состоятъ въ непоколебимомъ убѣжденіи о сокрушеніи татарскихъ силъ, угнетавшихъ порабощенную Русь.

Убѣжденіе это основывалось не на увѣренности въ своихъ собственныхъ силахъ, но въ благочестивомъ упованіи на заступничество самого Бога, который наконецъ укротилъ свой гнѣвъ, каравшій Россію, и, внимая молитвамъ Своей Богоматери, чудодѣйственно спасаетъ наше отечество отъ ужаснѣйшаго изъ восточныхъ завоевателей, отъ самого Тамерлана.

Историки, вмѣстѣ съ Карамзинымъ*), могутъ объяснять быстрое возвращеніе полчищъ Тамерлана различными соображеніями естественнаго порядка вещей, какъ напримѣръ, тѣмъ, что добыча, найденная татарами въ Ельцѣ и другихъ городахъ Рязанской области, не удовлетворяла ихъ корыстолюбивому хищничеству и не могла вознаградить за труды похода въ землѣ сѣверной, лѣсистой, скудной паствами; тѣмъ, что наступала дождливая осень, и съ полчищами, привыкшими кочевать въ мѣстахъ плодоносныхъ и теплыхъ, не благо-разумно было идти далѣе къ сѣверу навстрѣчу зимы со всѣми ея лишеніями, и т. п.

Такія соображенія, удовлетворяющія историка, были бы вовсе не утѣшительны для нашихъ предковъ, оставляя по себѣ опасеніе, что при иныхъ обстоятельствахъ возможно повтореніе бѣдствія, отъ котораго Русь спаслась только случайно. Нѣтъ, искреннее вѣрованье въ заступленіе Высшихъ Силъ должно было возстановить падшій духъ націи, и въ назиданіе потомству—выразиться торжественнымъ, величавымъ тономъ о чудесахъ въ цѣломъ сказаніи о томъ, какъ Москва въ тяжкую годину для всей Руси приеѣмлетъ въ свои стѣны священный символъ, положенный въ основу стараго княжества Владимірскаго, отъ котораго пошла Москва, какъ пригородъ, ставшая теперь во главѣ ополченія противъ татаръ, чтобы спасти всю Русь отъ великихъ бѣдствій.

Таковъ всероссійскій, національный смыслъ разбираемаго нами сказанья. „Милостивъ есть Богъ и силенъ, елико хочетъ—и можетъ!“—воскликаетъ писатель сказанія: „еще и нынѣ милость его велика есть на насъ, яко избавилъ ны есть Господь и въ

*) Исторія Государства Россійскаго, изд. 2-е, т. V, стр. 150.

руки врагъ нашихъ татаръ... Не наша воеводы прогнаша Темиря-Аксака, ни наша воинства устрашили его, но силою невидимою нападе на нь страхъ и трепеть, и страхомъ Божиимъ ужасеся и гнѣвомъ Божиимъ гонимъ бысть, отыде отъ Русскія земли“.

Замѣчательная черта древнихъ сказаній благочестивой эпохи: именно въ этомъ-то смиренномъ сознаніи о собственномъ безсиліи и выражалось здѣсь чувство національнаго могущества, ниспосылаемаго чудодѣйственно свыше!

Митрополитъ Кипріянь и в. к. Василій Дмитріевичъ, сотворивъ между собою совѣтъ, поставили церковь Богородицы, во имя честнаго Срѣтенія, на томъ мѣстѣ, гдѣ икона была встрѣчена жителями Москвы, близъ города, на Кучковомъ полѣ, на большой дорогѣ Володимірской*).

Итакъ, въ блистательную эпоху своего нравственнаго возрастанія Москва своими преданіями опять встрѣчается съ роковымъ именемъ Кучковичей на дорогѣ во Владиміръ. Но темная старина уже забыта, и Кучково поле получило новый, монументальный характеръ, будучи ознаменовано сооруженіемъ на немъ Срѣтенскаго монастыря.

Теперь, исходя отъ того же національнаго центра новаго просвѣщенія въ Московскомъ княжествѣ, то есть, отъ обителя св. Сергія, мы должны бросить взглядъ на распространеніе образованности по сѣверовостоку нашего отечества въ концѣ XIV-го и особенно въ XV-мъ вѣкѣ. Но прежде нежели войдемъ въ подробности, почитаю полезнымъ предложить общую характеристику этого предмета.

Если мы говоримъ: распространеніе образованности или просвѣщенія въ Сѣверовосточной Руси XV в.,—то подъ образованіемъ ничего другаго не должны разумѣть, какъ только назначеніе немногихъ пунктовъ, изъ которыхъ со временемъ должны были исходить первыя начала христіанскаго ученія въ глухихъ и дотогдѣ безлюдныхъ пространствахъ, кое гдѣ заселенныхъ дикарями. Слѣдовательно—это даже не заведеніе школъ, не обученіе грамотности, но основаніе монастырей, около которыхъ потомъ образовывались сосредоточія мѣстныхъ интересовъ для окрестныхъ жителей.

*) Къ 1397 году относится и основаніе Срѣтенскаго монастыря, на томъ мѣстѣ, что нынѣ на Срѣтенѣ.

Не надобно также обольщать себя мыслию, что водвореніе этихъ благочестивыхъ средоточій, можно сказать, вообще человѣческой жизни между дикарями было желаемо и покровительствуемо туземцами, хотя бы и слышными за крещеныхъ въ православную вѣру.

Нѣтъ, факты во множествѣ житій отъ XIV-го и до XVII-го вѣка скорѣе говорятъ противное! Вотъ въ общихъ чертахъ тяжелая участь пустынника на Руси, идущаго въ глушь для основанія обители.

Человѣкъ, по большей части темнаго, неизвѣстнаго происхожденія, изъ крестьянъ, а иногда и боярскаго рода, отличающійся душевною энергіею, силою воли и благочестивою восторженностью, одинъ, иногда въ товариществѣ, пролагаетъ себѣ путь по лѣсамъ и болотамъ, въ далекія страны. Водружаетъ крестъ, какъ апостоль Андрей на горахъ Кіевскихъ, или какъ св. Ольга на мѣстѣ, гдѣ потомъ стала Псковъ. Около креста строить часовню, а при ней для себя келью. Окрестные жители, слышавъ о сосѣдствѣ отшельника, немедленно принимаютъ противъ него рѣшительныя мѣры и гонять его отъ себя, какъ врага, опасаясь, чтобъ благочестивый человѣкъ, утвердившись жильемъ около нихъ и основавъ монастырь, не отпаялъ у нихъ земли и лѣса и воды съ рыбными ловлями. Изгнанный пустынникъ, не унывалъ духомъ, и въ своемъ смиреніи не осуждалъ гонителей, идетъ дальше, все въ глубь лѣсовъ, ища необитаемыхъ угодьевъ, и наконецъ, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, утверждается въ постоянномъ жилищѣ. Иногда весь путь, по которому онъ идетъ, отовсюду гонимый мѣстными жителями, ознаменовывается онъ рядомъ крестовъ и келеекъ, гдѣ потомъ гнѣздятся другіе отшельники. Наконецъ, какъ бы испытавъ на себѣ эпоху кочевыхъ племенъ, и укрѣпившись на постоянномъ мѣстѣ, какъ бы получивъ осядлость, онъ привлекаетъ къ себѣ послѣдователей. Строится монастырь, учреждается общежительство. Но и потомъ спокойствіе благочестивыхъ богомольцевъ не обезпечено. Не одинъ разъ разбойники врываются въ мирную обитель въ надеждѣ покориться богатствомъ набожныхъ старцевъ. Впослѣдствіи еще страшнѣе были для богатыхъ монастырей хищныя набѣги мѣстныхъ воеводъ и начальниковъ волостей. Они также разбоемъ врываются въ обители и вооруженною рукою грабили безъ всякаго зазрѣнія совѣсти.

При такихъ обстоятельствахъ понятно, что благочестивымъ пустынникамъ негдѣ было искать себѣ защиты и покровительства, кромѣ княжеской власти, которая, стоя во главѣ просвѣщенія, всего больше сочувствовала благочестивымъ стремленіямъ странствовавшихъ основателей монастырскаго образованія. И именно Москва, покровительствуя этимъ предприимчивымъ людямъ и основаннымъ ими монастырямъ, все болѣе и болѣе усиливала свое нравственное вліяніе.

Слава и величіе Москвы повсюду входили въ молву, будучи разпосимы отшельниками, воодушевляемыми по преимуществу благочестивымъ идеаломъ св. Сергія, Московскаго угодника.

Л Е К Ц І Я 59-я.

Чтана 10-го сентября 1860 г.

Самыя крупныя явленія въ исторіи просвѣщенія Сѣверовосточной Руси, подъ вліяніемъ Москвы, представляются намъ въ основаніи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, одного изъ образованнѣйшихъ монастырей древней Руси XV-го и XVI-го вѣковъ, и въ просвѣщеніи пермскихъ зырянъ христіанскою вѣрою, совершенномъ трудами св. Стефана, епископа Пермскаго.

Сначала о Кириллѣ Бѣлозерскомъ и его просвѣщенной дѣятельности († 1427 г.).

Было уже указано на связь этого благочестиваго подвижника съ учениками св. Сергія. Кирилль находился въ Симоновомъ монастырѣ при игуменѣ Θεодорѣ, племянникѣ св. Сергія, и послѣ Θεодора самъ былъ тамъ игуменомъ. Здѣсь же былъ сопостникомъ знаменитаго иконописца Игнатія Златаго, который украшалъ своими иконами Симоновъ монастырь. Присовокуплю къ этому, что и самъ игуменъ Θεодоръ занимался иконописью, и, по преданію, написалъ образъ дяди своего, св. Сергія.

Къ образованному обществу въ монастырѣ Кирилль, вѣроятно, былъ уже нѣсколько подготовленъ еще до своего вступленія въ монашество, потому что всю молодость свою провелъ у своего родственника, окольничаго Тимофея, который принадлежалъ къ знаменитѣйшимъ и самымъ богатымъ боярамъ в. к. Димитрія Іоанновича Донскаго.

Согласно духу своего времени, юный Кирилль (мірское его имя Кузьма) питалъ въ себѣ восторженное влеченіе къ монашеской

жизни, и любилъ ходить по монастырямъ; но его нигдѣ не приимали въ монахи, страшась гнѣва родственника его, окольного Тимофея, который былъ противъ благочестивыхъ стремлений молодого аскета. Наконецъ, къ прискорбію и великому гнѣву окольного, одному благочестивому отшельнику удалось тайно облечь Кирилла въ иноческія одежды и отдать въ Симоповъ монастырь къ извѣстному уже намъ Теодору *).

Упражняясь въ благочестивыхъ подвигахъ на Старомъ Симоновѣ, Кириллъ постоянно побуждаемъ былъ своимъ восторженнымъ духомъ къ пустынному уединенію, и однажды ночью, читая акаѳистъ Божіей Матери, онъ узрѣлъ въ окно кельи свѣтъ отъ Бѣлозера.

Это чудесное явленіе было для него знаменіемъ—идти въ ту сторону и основать монастырь на берегу Свирскаго озера, въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, состоявшихъ тогда подъ властью князей, зависѣвшихъ отъ в. к. Московскаго **). Кириллъ находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Верейскимъ княземъ, сыномъ Донскаго, съ Андреемъ Дмитріевичемъ, которому тогда принадлежала Бѣлозерская область. Къ этому князю онъ писалъ назидательныя посланія о судѣ и правдѣ и о всякомъ благочиніи: „Да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни сильна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради. . . Внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было, занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне, господине, пропиваются, а души гибнуть. . . Также, господине, и разбоя бы и татьбы въ твоей отчинѣ не было, и аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. . . И аще, господине, не потщишия всего того управити, все то на тебѣ взыщется; понеже властитель еси своимъ людямъ, отъ Бога поставленъ. А крестьянамъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнитя и молитвы, и поста. . . А милостынку бы есте по силѣ давали, понеже, господине, поститись не можете, а молиться лѣнитесь: ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнить.“

*) Въ видѣ послушничества Кириллъ трудился въ Симоновомъ монастырѣ въ пекарнѣ. Преподобный Сергій, каждый разъ какъ приходилъ въ обитель, шолъ прежде всего въ пекарню къ Кириллу и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

**) Соборный храмъ монастыря Бѣлозерскаго и самый монастырь во имя Успенія Богородицы указываютъ на связь этой обители съ священными преданьями древней Руси.

Чтобъ оцѣпить по достоинству эту просвѣщенную, рѣдкую въ то время для монаха терпимость, такъ наивно выраженную, надобно имѣть въ виду то обстоятельство, что св. Кирилль для монаховъ своей Бѣлозерской обители далъ самый строгій, аскетическій уставъ общежителства, который потомъ былъ принятъ въ другихъ обителяхъ, размножившихся въ Сѣверовосточной Руси.

Въ столь же благородныя отношенія постановилъ себя благочестивый подвижникъ и къ в. к. Московскому, Василию Дмитріевичу, котораго онъ между прочимъ умолялъ въ посланіи о примиреньи съ князьями Суздальскими: „Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, между васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда передъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себя (то есть, уступи); а въ чемъ будетъ твоя правда передъ ними, и ты, господине, за себя стой по правдѣ. А почнуть тебѣ, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ.“ „Слышалъ я, что князья тѣ заратились,—продолжаетъ Кирилль,—и ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жаловалье, чтобъ не погибли въ заблужденіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались.“

Благочестивый основатель знаменитаго Бѣлозерскаго монастыря относится къ Василию Дмитріевичу не только какъ къ князю Московскому, но какъ властителю всей земли Русской, какъ къ господину, поставленному надъ прочими удѣльными князьями, которыхъ онъ можетъ судить и жаловать. Симпатіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря къ Москвѣ, какъ къ мѣсту родины его основателя и какъ къ источнику благочестивой жизни въ лицѣ св. Сергія, должны были усиливаться вслѣдствіе политическаго вліянія Москвы въ области Бѣлозерской и въ землѣ Двинской, въ странахъ, гдѣ тогда (1398 г.) новгородцы боролись съ московскими силами*), выжгли старый городъ Бѣлозерскъ и взяли дань съ новаго Бѣлозерска, жгли и опустошали Устюгъ, даже ограбили и сожгли соборную въ немъ церковь, взявши изъ нея чудотворную икону Богоматери и святотат-

*) Въ самую эпоху основанія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (1395 г.).

ственно называя ее своею плѣнницею. Объ этой послѣдней подробности лѣтопись *) повѣствуетъ слѣдующее: „Воеводы Новгородскіе... церковь соборную Пречистыя (т. е. Богоматери) пограбиша, и икону чудотворную Одигитріи взяша въ полонъ, и несли въ насадъ (т. е. въ судно), и насадъ отъ берегу не поиде. Единъ Ляпунъ старъ вскочи въ насадъ, и связа икону убрисомъ (т. е. полотенцемъ), и глагола тако: никой полоняникъ не связанъ на чужую землю нейдетъ. И поидоша прочь, а церковь соборную зажгоша, и поидоша внизъ по Двипѣ воюючи.“ Но нечестіе было наказано. Когда грабители пошли къ Новгороду— „и бысть на нихъ гнѣвъ Божій: начало имъ корчити руки и ноги, и хребты имъ ломати и мало ихъ придоша здоровыхъ въ Новгородъ, и тамъ на нихъ слѣпота бысть.“

Это замѣчательное сказаніе, такъ живо характеризующее эпоху, будучи направлено противъ жестокости и нечестія повгородцевъ, очевидно говоритъ въ пользу московскаго вліянія.

Связь Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря съ Москвою, столь естественная уже при самомъ его основаніи, постоянно поддерживалась тѣмъ чествованьемъ, какое этой обители оказывали и впоследствии великіе князья и цари Московскіе. Такъ ходили въ этотъ монастырь на богомолье: в. к. Василій Васильевичъ Темный со всѣмъ своимъ семействомъ (въ 1447 г.); в. к. Василій Ивановичъ съ супругою (въ 1529 г.); царь Иванъ Васильевичъ Грозный трижды: въ дѣтствѣ своемъ (въ 1545 г.), во второй разъ по взятіи Казани съ царицею Анастасіею, и въ третій разъ (1569 г.) съ царицею Маріею и съ царевичами Иваномъ и Ѳеодоромъ.

Вкладная книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря**), начинающаяся вкладами и милостынями монастырю отъ в. к. Василія Ивановича, отца Ивана Васильевича Грознаго, свидѣтельствуетъ намъ о великихъ богатствахъ, въ этой обители скоплявшихся въ видѣ вкладовъ на поминъ душѣ. Сверхъ изобилія во всякихъ домашнихъ запасахъ, сверхъ золота, серебра и разныхъ драгоценностей, были

*) Архангельская лѣтопись. Сличн у Карамзина, Исторія Государства Россійскаго, т. 5, примѣч. 171.

**) Подлинная, современная самымъ вкладамъ, рукопись въ 4-ку, въ библиотекѣ графа С. Г. Строганова.

частые вклады книгами, иконами и другими произведениями искусства, так что монастырь этот съ удобствами жизни, соединялъ въ себѣ всѣ плоды тогдашней русской образованности, которая въ немъ шла, по преданію, отъ самого основателя. Самъ Кирилль любилъ книжное ученье и переписывалъ многія рукописи, изъ которыхъ нѣкоторыя дошли и до нашихъ временъ. Также собиралъ книги для благочестиваго упражненія своихъ учениковъ, изъ которыхъ иные были также искусными писцами. Кромѣ того, въ монастырѣ были искусные иконописцы. Діонисій Глушицкій писалъ икону Успенія Богородицы и икону, изображающую св. Кирилла*), еще при жизни его: обѣ иконы дошли до нашихъ временъ; мѣстная же икона въ соборѣ, Успеніе Богородицы, писана знаменитымъ Андреемъ Рублевымъ, инокомъ Андроньева монастыря, послѣдователемъ и современникомъ св. Сергію.

Таковы литературныя и религіозно-художественныя преданья, соединяемыя съ именемъ и эпохою Кирилла Бѣлозерскаго. И доселѣ его обитель славится сохраненными въ ней рукописными и художественными сокровищами**).

Теперь обратимся къ дѣятельности св. Стефана, епископа Пермскаго († 1396 г.), подвизавшагося на пользу христіанскаго просвѣщенія между пермскими зырянами.

Прежде всего, чтобъ не упустить изъ виду историческихъ и географическихъ нитей, которыми мы руководствуемся въ изложеніи литературы, надобно опредѣлить отношеніе этого просвѣщеннаго дѣятеля къ благочестивой школѣ св. Сергія Радонежскаго. Мы уже знаемъ, что св. Сергій родомъ былъ изъ Ростовскихъ предѣловъ. Отецъ Сергія былъ очевидцемъ тѣхъ притѣсненій и жестокостей, какія ростовцы терпѣли отъ москвичей. Изъ Ростова же былъ и монахъ Елифаній, составившій отличное житіе своего учителя Сергія. Тотъ же Елифаній написалъ самое обстоятельное житіе Стефана Пермскаго, съ которымъ былъ связанъ тѣсною дружбою въ Ростовѣ. Въ-

*) Смори снпмокъ съ иконы св. Кирилла у Шевырева въ Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

**) Смори описаніе древностей и рѣдкихъ вещей въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, составленное архимандритомъ Варлаамомъ въ Читеніяхъ Общества Исторіи Древностей Россійскихъ 1859 г., № 3.

стѣ съ Кирилломъ Бѣлозерскимъ, Стефанъ Пермскій и Епифаній были самыми образованными людьми своего времени. Епифаній былъ прозванъ отъ современниковъ Премудрымъ; что же касается до Стефана Пермскаго, то онъ долженъ былъ обладать большою по тогдашнему времени ученостью, чтобъ изобрѣсти удобную для зырянскаго нарѣчія азбуку, и на этотъ языкъ перевести всѣ необходимыя богослужебныя книги, съ славянскаго языка, при пособіи греческаго.

Книжное просвѣщеніе Стефанъ получилъ въ Ростовѣ, будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ монахомъ въ самомъ образованномъ Ростовскомъ монастырѣ, въ которомъ было много книгъ*). Въ то время Ростовомъ управляли князья Александръ и Василій Константиновичи, участвовавшіе съ Димитріемъ Донскимъ въ Куликовской битвѣ. Нѣкоторыя характеристическія подробности быта и нравственное расположеніе умовъ того времени въ городѣ Ростовѣ намъ уже извѣстны изъ мѣстнаго Ростовскаго сказанья объ Ординскомъ царевичѣ Петрѣ и о вѣковой тяжбѣ его потомковъ съ князьями Ростовскими. Не смотря на господство татарскаго элемента, старый Ростовъ, на основаніи своихъ древнихъ христіанскихъ преданій, все же былъ въ XIV-мъ вѣкѣ такъ богатъ, по своему времени, книжными пособіями, что могъ служить источникомъ для просвѣщенія такихъ людей, какъ Епифаній Премудрый, Стефанъ—просвѣтитель Пермскаго края, и отецъ св. Сергія со всѣмъ своимъ благочестивымъ родомъ.

Таковы умственные и нравственные услуги, оказанныя старымъ Ростовомъ новой Москвѣ.

Впрочемъ, для опредѣленія дѣятельности Стефана Пермскаго мы должны бросить взглядъ на его родину, на Великій Устюгъ, въ Двинской области, гдѣ господствовало чудское или финское нарѣчіе, которому могъ научиться Стефанъ еще съ самаго дѣтства, что дало ему полную возможность для совершенія впоследствии предпринятаго имъ перевода церковныхъ книгъ на зырянское нарѣчіе.

Мы уже знаемъ, въ какомъ отношеніи находился въ то время Устюгъ къ Новгороду и Москвѣ. Постоянно поворяемый новгородцами, Великій Устюгъ зависѣлъ сначала отъ князей Суздальскихъ, потомъ отъ Ростовскихъ, а въ эпоху Стефана Пермскаго—уже отъ

*) Въ монастырѣ св. Григорія Богослова, «нарицаемомъ Въ затворѣ, близъ епископіи, яко многи книги бяху ту».

Москвы, но по старымъ преданьямъ и по церковной зависимости этотъ городъ и тогда подчинялся Ростову.

Потому-то Стефанъ для духовнаго просвѣщенія съ своей родины переселился въ Ростовъ.

Чтобъ вполне усвоить себѣ характеристическія черты эпохи и войти во всѣ обстоятельства, ее окружающія, намъ слѣдуетъ, по принятой нами системѣ, сказать нѣсколько словъ о мѣстныхъ преданьяхъ Великаго Устюга. Впрочемъ этотъ эпизодъ такъ тѣсно связанъ съ предметомъ лекціи, что непосредственно приведетъ насъ къ личности знаменитаго Пермскаго просвѣтителя.

Изъ Книги, глаголемой о Россійскихъ Святыхъ, намъ уже извѣстны Начальники града Устюга, причисленные къ мѣстнымъ святымъ: св. праведный Іоаннъ и св. праведная Марія, жена его. По мѣстнымъ сказаньямъ, Устюгъ прежде стоялъ на высокой горѣ, а имя ей было Гледенъ (т. е. Глядѣнъ), потому что съ вершины ея можно было глядѣть на всѣ окрестности; и самый городъ, по имени горы, назывался Гледеномъ (это, вѣроятно, былъ сторожевой пунктъ, острогъ, или крѣпость,—построенный на высотѣ для обороны отъ враговъ). Но рѣка Югъ начала подмывать ту гору, и жители переселились на нынѣшнее мѣсто Устюга, назвавъ свой городъ отъ Устья рѣки Юга, сливающагося тамъ съ Сухопою (Усть-Югъ, откуда Усть-южане, т. е. жители на Усть-Югѣ, на устьѣ Юга).

Древнѣйшія преданія о святыняхъ Устюжскихъ свидѣтельствуютъ (какъ и слѣдуетъ ожидать) о вліяніи Новгорода, какъ это ясно видно въ житіи знаменитаго устюжскаго угодника, Прокопія Юродиваго († 1303 г.).

Прокопій—какъ сказано въ житіи—былъ отъ сѣверныхъ странъ, отъ Латинскаго языка, отъ Нѣмецкія земли (слѣдовательно, такъ же, какъ Антоній Римлянинъ и Меркурій Смоленскій). Въ домѣ родителей воспитывался онъ въ великомъ богатствѣ. Пришедъ въ возрастъ, снарядилъ онъ корабль, наполнилъ его имѣніемъ (вѣроятно, товарами), и отправившись изъ своего отечества, прибылъ на кораблѣ и съ тѣмъ своимъ имѣніемъ „въ Великій пресловущій Новгородъ, съ прочею своею дружиною, съ елнины (т. е. съ язычниками, какъ наши предки называли всѣхъ западныхъ христіанъ),

якоже обычай они имуща ту по вся лѣта приходити купецкимъ обычаемъ“. Просвѣтившись въ Новѣгородѣ православною вѣрою, Прокопій поселился въ монастырѣ Хутынскомъ (близъ Новагорода), еще при жизни св. основателя этой обители, Варлаама Хутынскаго († 1230 г.), и пожертвовалъ туда все свое имѣніе. Влекомый на благочестивые подвиги, въ одномъ рубищѣ и безъ всякихъ средствъ къ существованію, отправился онъ къ восточнымъ странамъ, и проходилъ многіе города, дремучіе лѣса и топкія болота: но все то съ радостью онъ терпѣлъ—сказано въ житіи—Христа ради, желая възыскати древле погибшаго отечества: то есть, отказавшись отъ своей земной родины, искалъ онъ родины небесной, предаваясь всевозможнымъ лишениямъ, въ своемъ неутомимомъ, и, казалось бы, безцѣльномъ шествіи. Проходя по городамъ и селамъ, принималъ онъ многую досаду и укороеніе, и побои отъ неразумныхъ людей, которымъ онъ казался юродивымъ*). Наконецъ достигъ онъ славнаго града и многонароднаго Устюга Великаго, и, пребывая въ юродствѣ, терпя всевозможныя лишеныя, поселился на паперти у Соборной церкви Успенія Богородицы**).

Здѣсь то познакомился онъ и подружился съ причетникомъ этой церкви Симеономъ, отцомъ знаменитаго Стефана Пермскаго. Во всемъ Устюгѣ только съ однимъ Симеономъ Прокопій Юродивый былъ откровененъ, передавая ему въ дружеской бесѣдѣ жалобы на бѣдственную свою жизнь и свои вѣщія видѣнія.

Къ этому должно присовокупить слѣдующее мѣстное сказанье о томъ, какъ еще задолго до рожденія Стефана Пермскаго, было предсказано о его великихъ подвигахъ Прокопиемъ Устюжскимъ. Однажды, послѣ вечерни, выходила изъ Успенскаго собора трехлѣтняя дѣвочка, по имени Марія. Прокопій приблизился къ ней поклонился ей въ землю, и воскликнулъ: „Се грядетъ мати великаго отца нашего Стефана, епископа Пермскаго!“ И эта Марія, въ послѣдствіи, дѣйствительно была матерью знаменитаго просвѣтителя.

Обратимся же теперь къ нему самому. На своей родинѣ вполне познакомился онъ съ бытомъ и правомъ зырянъ, а въ Ростовѣ усвоилъ себѣ книжное ученье, необходимое для предстоящихъ подви-

*) Якоже имъ юродъ вмѣняшеса.

***) Эта церковь построена и освящена была въ 1290 г.

говъ. Дѣйствуя между зырянами въ пользу христіанскаго просвѣщенія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ представителемъ московскаго вліянія въ тѣхъ странахъ. Когда онъ препирался въ знаніи съ языческимъ волхвомъ, съ сотникомъ Памою, о вѣрѣ, объ устройствѣ міра и о первоначальномъ состояніи рода человѣческаго, тогда Пама, обращаясь къ собравшейся толпѣ, сказалъ слѣдующія слова, живо характеризующія эпоху: „Отъ Москвы можетъ ли что добро быти намъ? Не отгуду ли тяжести намъ быша и дани тяжкія, и насильства, и тивуны, и доводчики, и приставницы? Сего ради не слушайте его, но мене паче слушайте, добра вамъ хотящаго. Азь бо родъ вашъ (т. е. вашего рода) и единыя земли съ вами. Азь есмь вашъ давній учитель.“

Какъ живо чувствуются убѣжденія язычества, основывающія свои права на давности національныхъ преданій!

Мѣстныя сказанія передаютъ намъ множество любопытныхъ подробностей о героическихъ подвигахъ, совершенныхъ Стефаномъ Пермскимъ при искорененіи язычества.

Приведу одно, о прокудливой березѣ, на мѣсто которой основаны были Стефаномъ Архангельская церковь и Архангельскій Устьвымскій монастырь.

Когда прибылъ Стефанъ къ Вымскимъ зырянамъ или вымичамъ, то поселился на горѣ, подлѣ самой кумирницы зырянской, куда язычники ходили поклоняться идоламъ*). Близъ кумирницы стояла необыкновенной величины береза, которую зыряне почитали за божество, принося ей въ жертву звѣриныя шкуры, вѣшая ихъ на вѣтвяхъ березы, и совершая передъ нею языческіе обряды. Чтобъ изгнать св. Стефана отъ кумирницы и березы и сокрушить его, зыряне осадили то мѣсто, собравшись многочисленною толпою. Но великій подвижникъ не устранился, и, чтобы поразить враговъ, рѣшился срубить священную для зырянь прокудливую березу. Сталъ рубить дерево, и съ каждымъ ударомъ топора разносились въ воздухѣ жалобныя стоны: „Стефане, Стефане! зачѣмъ насъ гонишь? Здѣсь наше древнее жилище!“ Съ каждымъ ударомъ топора струились изъ березы ручьи крови. Только на третій день Стефанъ успѣлъ

*) Обція понятія о мнѣическихъ преданьяхъ финновъ намъ уже извѣстны изъ ихъ народнаго эпоса—Калевалы.

срубить березу. Съ шумомъ и воплемъ пала она въ рѣку Вымъ; земля потряслась и взволновалась рѣка. Послѣ того береза и кумирница были сожжены; самый прахъ былъ разсѣянъ поднявшимся вихремъ и смытъ съ лица земли проливнымъ дождемъ. На этомъ томѣстѣ и была сооружена вскорѣ церковь во имя Архангеловъ Михаила и Гавріила и прочихъ безплотныхъ силъ: „да проговяютъ и побѣждаютъ они мечтательную силу вражію.“ Пень прокудливой березы находился подъ престоломъ деревянной церкви, а потомъ, по сооруженіи каменной—подъ амвономъ, откуда въ концѣ XVIII вѣка (въ 1787 г.) этотъ пень былъ разобранъ по кускамъ зырянми, чтившими еще память своихъ предковъ и предметъ ихъ обожанія.

Житіе Пермскаго просвѣтителя, наполненное многими подробностями о бытѣ и миѳологіи зырянъ, чрезвычайно важно для изученія финской старины. Даже въ самомъ изобрѣтеніи зырянской азбуки, можетъ быть, видно вліяніе мѣстныхъ начертаній и нарѣзовъ, которые зыряне употребляютъ для расчетовъ, и календаря на палочкахъ (вродѣ руническихъ письменъ). Подобный календарь на палочкѣ, доселѣ сохранившійся*), приписывается самому Стефану. Сверхъ того, есть преданье, что этотъ образованный подвижникъ упражнялся и въ живописи.

За шесть лѣтъ до своей смерти (въ 1390 г.) отправившись въ Москву, проходилъ онъ въ десяти верстахъ около Троицкаго монастыря, и св. Сергій чудесно прозрѣлъ его привѣтствіе, которое онъ сдѣлалъ Сергію, остановившись у креста**).

Св. Стефанъ померъ въ Москвѣ и погребенъ у Спаса на Бору.

Л Е К Ц І Я 60-я.

Читана 13-го сентября 1860 года.

Говоря о просвѣщеніи Сѣверо-востока древней Руси, мы не только не унизили нашу старину, ограничивъ это просвѣщеніе даже не заведеніемъ школъ и грамотности, а только установленіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ для общежитія и сношенія другъ съ другомъ разсѣянныхъ между лѣсами и болотами жителей и распростране-

*) Въ Археологическомъ Обществѣ.

**) Смотри Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа Пермскаго, соч. А. М. 1856 г.

ніемъ между ними первоначальныхъ понятій о христіанской религіи: мы даже сказали слишкомъ много, если, на основаніи Соловецкаго патерика, составленнаго уже въ началѣ XVI в. *), бросимъ взглядъ на дѣятельность Савватія († 1435 г.) и Зосимы († 1478 г.) на морѣ-океанѣ, на далекомъ островѣ Соловецкомъ. Это уже не только просвѣтителі края, но и предприимчивые путешественники, которые открываютъ дотолѣ неизвѣстныя или заброшенныя страны и силою своей воли покоряютъ себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространяютъ господство своихъ національныхъ началъ между чуждыми племенами.

Потому Соловецкій патерикъ, содержащій въ себѣ житія Зосимы и Савватія, въ отношеніи литературномъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ путешествіе предприимчивыхъ старцевъ на пустынный островъ, гдѣ основываютъ они не только монастырь, но и первыя осѣдлыя становища для отважныхъ промышленниковъ, пускающихся въ море за рыбными и звѣриными промыслами. Если въ старину благочестивое чтеніе объ этихъ старцахъ путешественникахъ замѣняло Одиссею**), то въ настоящее время, кромѣ литературнаго интереса, какъ путешествіе,—патерикъ Соловецкій можетъ предложить любопытныя свѣдѣнія статистическія для исторіи промысловъ на Бѣломъ морѣ.

Такимъ образомъ, въ Средніе вѣка (которые у насъ тянутся почти до второй четверти XVIII в.) житіе было любимою литературною формою, подъ которой излагались самыя разнообразныя данныя для исторіи быта, поэзіи, политическихъ и всякихъ другихъ отношеній.

„Во дни благочестиваго в. к. Василія Васильевича Владимірскаго и Московскаго и всея Россіи—такъ повѣствоваль заточенный на Бѣлѣозерѣ митрополитъ Спиридонъ въ патерикѣ Соловецкомъ—и во дни великаго князя Бориса Александровича Тверскаго и в. к. Феодора Ольговича Рязанскаго, при митрополитѣ Фотіи, въ одномъ изъ монастырей Бѣлозерскихъ, именуемомъ Кирилловымъ, то есть, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ, былъ пѣкій благочестивый ста-

*) Въ 1503 г. митрополитомъ Спиридономъ, по желанію новгородскаго архіепископа Геннадія, на Бѣлѣозерѣ, въ заточеніи, въ Ферапонтовѣ монастырѣ.

**) Согласно съ мыслию Тучкова, автора житія Михаила Клопскаго—русскіе угодовики должны были замѣнять на Руси вымышленныхъ героевъ древности.

рець Савватій“. Своею строгою монашескою жизнію снискалъ онъ уваженіе всей братіи. Узнавъ, что есть озеро въ Новгородской области, глаголемое Нево (т. е. Ладожское), а на немъ островъ Валаамъ (по древнему Валамъ), а на островѣ монастырь во имя Спаса-Преображенія, Савватій перешолъ туда для бѣльшихъ подвиговъ въ уединеніи. Но и здѣсь не оставался долго, будучи влекомъ жаждою къ пустынножительству. Услышавъ онъ отъ живущихъ на Валаамѣ о нѣкоторомъ островѣ, называемомъ Соловки, въ морѣ-окіанѣ зовомомъ; отстоятъ же тотъ островъ отъ земли на два дня пути; и рассказываютъ, что величиною онъ во сто поприць кругомъ его, и что посреди его есть озера, въ которыхъ множество разной рыбы, и что рыба та не морская, а иже въ морѣ, то морская есть; и что кругомъ того острова ловятъ рыбу ловцы, но потомъ уходятъ во свояси, и что островъ тотъ разными деревьями наполненъ, на горахъ растутъ сосны, а по подолинамъ всякія другія деревья и кустарники, изобильные ягодами, а что сосны тамъ огромныя, и могутъ дать отличный матеріалъ для всякой постройки. Слыша все то, преподобный Савватій уязвися безмолвія любовію, и однажды ночью тайно оставилъ Валаамъ, и отправился къ морю. Достигнувъ морскихъ береговъ, сталъ онъ освѣдомляться отъ тамошнихъ жителей объ островѣ Соловкахъ. Жители подтвердили ему, что островъ тотъ великъ и все къ устроенію человѣческаго житія имѣеть, и что многіе люди въ разныя времена хотѣли было тамъ водвориться, но не могли страха ради морскаго и нужды. Другіе ему говорили: „о старче! ты во всякомъ убожествѣ и нищетѣ,—чѣмъ будешь ты тамъ питаться и какъ ты будешь тамъ согрѣваться?“ Иные же просто надругались надъ его необычайнымъ замысломъ.

Однако на берегу моря у одной часовни Савватій нашелъ себѣ такого же, какъ и самъ, предприимчиваго товарища въ лицѣ старца Германа. вмѣстѣ съ нимъ переправился Савватій въ маленькой лодкѣ на островъ Соловки, и поставили себѣ хижину на озерѣ, въ верстѣ отъ морскаго берега, и водрузили крестъ.

И стали они воздѣлывать землю, копая еѣ заступами, и тѣмъ кормились отъ своихъ трудовъ. Между тѣмъ люди, живущіе на материкѣ противъ острова, стали завидовать старцамъ, говоря: „вѣдь мы ближе всѣхъ къ острову, мы сродники и наслѣдники острова

того; намъ слѣдуетъ въ немъ участіе имѣть и наслѣдіе по отчеству, и чадамъ нашимъ въ родъ и родъ“. И дѣйствительно, по примѣру старцевъ, переселилась было на островъ одна семья съ берегу, мужъ съ женою. Вскорѣ послѣ того, благочестивые старцы вдругъ услышали однажды жалобный вопль. Германъ пошелъ освѣдомиться и видитъ плачущую женщину. Она пла кѣ своему мужу—такъ говорила она Герману: и встрѣтили её двое свѣтлыхъ юношей и немилосердо стали бить её палками, присовокупляя: „изыдите отъ мѣста сего! Вамъ бо не достойно быти здѣ; но сіе мѣсто устроилъ Богъ въ жилище иноческому чину, да соберутся здѣ множество черноризцевъ, и прославится ими имя Божіе. Вы же отыдите скоро отсюда, да не злѣ смертію умрете“. Поселянинъ, услышавъ все это отъ жены своей и видя её избитую, гонимый Божіимъ страхомъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ женою съ острова, и повѣдалъ всѣмъ поселянамъ, своимъ сосѣдямъ, о случившемся: и съ тѣхъ поръ никто уже изъ близъ живущихъ не смѣлъ переселяться на островъ. Такимъ образомъ, владѣніе островомъ укрѣпилось за двумя предприимчивыми старцами, еще прежде, нежели на немъ былъ основанъ монастырь. Савватій скоро померъ, но не на островѣ, а на материкѣ, близъ часовни, гдѣ и былъ похороненъ нѣкоторымъ игуменомъ и однимъ новгородцемъ.

Потомъ приходитъ въ Поморье, т. е. къ морскому берегу нѣкто Зосима, уроженецъ Новгородской области, человекъ грамотный и монахъ, и, встрѣтившись съ Германомъ, вмѣстѣ съ нимъ поселяется на Соловецкомъ островѣ. На первый разъ жили они просто въ патрѣ. Зосимъ пришла уже мысль построить храмъ и основать монастырь, потому что уже по преданію, основанному на чудѣ о біеніи жены двумя свѣтлыми юношами—сіе мѣсто острова наслѣдіе иноческаго житія есть.

Однажды къ осени отправился Германъ на материкъ, и, будучи застигнутъ зимнею непогодю, долженъ былъ перезимовать въ Поморьѣ, оставивъ на все это время Зосиму одного на пустынномъ островѣ.

Такъ описываетъ Соловецкій патерикъ морскую непогоду: „Была уже осень и воздухъ небесный перемѣнился на студень, пошли снѣга и возстало волненіе морское неукротимое, а льдины плавали по морю. Нивому нельзя тогда приступить къ острову: „бяху бо на

мори льдове снѣжніи, естество водное неукротимо преходить сѣмо и овамо (т. е. туда и сюда), со устремленіемъ быстрясь зѣло: о семь убо Давидъ пророкъ писа въ Псаломстѣй книзѣ: Духомъ усть его вся сила ихъ, собираай, яко мѣхъ, воды морскія“ и проч.

Умный старецъ не потерялъ даромъ времени, проведеннаго въ Поморѣ. Какъ только открылся морской путь, онъ воротился на островъ и привезъ съ собою одного очень богатаго человѣка, который, рѣшившись раздѣлить свою судьбу съ старцами, захватилъ съ собою много всякихъ запасовъ на домашнюю потребу и для рыбной ловли. Вскорѣ стали стекаться на островъ и многіе другіе, безъ сомнѣнія по вліянію Германа, цѣлую зиму проведеннаго въ Поморѣ, и такъ составилась цѣлая пустынь. Построили храмъ во имя Преображенья (по образцу Валаамова монастыря). Надобно было только освятить храмъ и дать монастырю игумена. Для этого послали одного старца въ Новгородъ къ архіепископу Іонѣ. Іона спрашиваетъ посланнаго, откуда и зачѣмъ приполь?—„Владыко, святой! отвѣчалъ старецъ: совершися Божеству храмъ вновѣ, въ морскомъ островѣ моря-окіяна. Даруй намъ, святой Владыко, благословеніе свое на освященіе храма и игумена даждь намъ со благословеніемъ“. Тогда архіепископъ сказалъ: „Гдѣ это, такъ далеко отъ людей? Кто же тамъ можетъ жить? Вѣдь это около земли Норвежской. Какъ же тамъ церкви быть?“—Потомъ, подумавъ немного, присовокупилъ: „Впрочемъ невозможное для людей—возможно Господу Богу“,—и далъ въ Соловецкій монастырь игумена вмѣстѣ съ благословеніемъ освятить церковь.

Итакъ, составился монастырь. Монахи подвизались не только постомъ и молитвою, но и всякимъ ручнымъ дѣломъ. То копали землю заступами, то готовили лѣсъ на постройку, то рубили дрова, или же черпали изъ моря воду и варили соль, продавая ее торговцамъ и получая отъ нихъ себѣ все нужное для монастыря; а также занимались рыбною ловлею.

Не смотря на такую дѣятельность соловецкихъ отшельниковъ, игумень, данный отъ Новгородскаго архіепископа, не могли сносить пустыннаго житія, чрезъ короткое время ушолъ восвоися, и, по благословенію того же архіепископа, поставленъ былъ въ игумены самъ Зосима.

Итакъ, Соловецкій островъ былъ подъ рѣшительнымъ вліяніемъ Новагорода. Даже мощи Савватія, выходца изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, были нѣкоторое время какъ бы забыты, находясь на материкѣ близъ упомянутой часовни. Но въ такихъ отношеніяхъ не могла оставаться судьба пустыннаго острова, когда уже и самому Новгороду грозила усиливающаяся Москва паденіемъ. Связь между Соловками и Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ, преданнымъ Москвѣ, была уже обозначена личностью св. Савватія. Надобно было поддержать, эту связь, чтобъ не дать перевѣсу новгородскому вліянію. И вотъ, по сказанію Соловецкаго Патерика, игумень Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря съ братією посылають слѣдующее посланіе Зосимѣ Соловецкому: „Возлюбленному о Христѣ брату нашему, преподобному игумену Зосимѣ благодать и милость отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа и со всею еже о Христѣ братією радоватися. Слышали мы нѣкогда отъ приходящихъ страны вашей до насъ о островѣ томъ Соловецкомъ, что не приближно было тамъ человѣкамъ прежде того, по причинѣ морской скорби и нужды, а нынѣ, слышимъ, на томъ островѣ Божіимъ изволеніемъ и трудами вашими монастырь составился. Только единаго дара лишены вы. Первые труды положилъ тамъ преподобный старецъ Савватій, и потомъ скончался въ Поморьѣ и былъ погребенъ нѣкоторымъ новгородскимъ купцомъ, какъ идетъ о томъ слухъ въ Новѣгородѣ. А пишемъ къ вамъ о томъ потому, что и сами мы были свидѣтелями добродѣтельнаго его житія; ибо преподобный Савватій пребывалъ прежде въ дому Пресвятой Богородицы, въ Кирилловѣ монастырѣ. Итакъ, даемъ вашей святынѣ совѣтъ, да не лишены будете такого великаго дара: принесите со тщаніемъ мощи святаго и положите ихъ тамъ, гдѣ потрудился онъ много лѣтъ. Здравствуйте о Христѣ Иисусѣ въ вѣчную жизнь, а о насъ молитесь“.

Въ этомъ посланіи очевидно вліяніе образованнаго Кириллова монастыря на пустынный островъ. Зосима съ братією перевезли мощи св. Савватія съ Поморья на островъ, и тогда же перестроена была церковь Соловецкая, и къ храму Преображенія присоединенъ былъ придѣлъ во имя Успенія Богородицы, какъ бы для выраженія духовной связи съ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ, посвященнымъ этому же празднику.

Монастырь вскорѣ усилился и разбогатѣлъ вслѣдствіе дарованныхъ ему льготъ и по самой мѣстности, ставившей его въ сношеніе съ людьми промышленными.

Чудеса, которыми сопровождаются житія Соловецкихъ угодниковъ, предлагаютъ драгоцѣннѣйшіе матеріалы для исторіи народныхъ понятій, быта и мѣстныхъ промысловъ. Приведу въ доказательство одинъ эпизодъ*).

Нѣкоторый молодой человекъ, именемъ Анѳимъ, пришолъ изъ Новагорода съ однимъ купцомъ въ Поморье, для торговыхъ промысловъ. Наступило тогда вешнее время и промышленники стали собираться въ море на добытки весновальные**). Отправился съ ними на промыслы и тотъ молодой человекъ Анѳимъ. Плаваніе ихъ было благополучно и звѣриная ловля прибыльна. Много добыли они звѣрей: „глаголю же—присовокупляетъ писатель въ объясненіе—сало звѣриное и кожи: то есть добытки ихъ морскіе.“ Радуюсь добычѣ, возвращались они назадъ; но вѣтромъ принесло ихъ къ острову Соловецкому. А на Соловахъ былъ такой обычай: если кого принесетъ вѣтромъ къ острову съ добыткомъ, то, по жалованной Государевой грамотѣ, старцы берутъ съ промышленниковъ десятину со всякаго участка ихъ добычи, въ монастырскую казну. Только что промышленники причалили къ берегу, тотчасъ высланъ былъ къ нимъ изъ монастыря старецъ за обычною десятиною. Молодой новгородецъ Анѳимъ, не противорѣча, съ радостью отдалъ свою часть; но прочіе его товарищи, по скупости, отказались отъ уплаты десятины: „А дадимъ—говорили они—развѣ какую малость, что обѣщались мы дать Николѣ на молебень“. (По древне-русскому обычаю—давать обѣтъ Николаю Чудотворцу, отправляясь въ путь по водамъ). Само собою разумѣется, что молодой новгородецъ за свою щедрую набожность былъ вознагражденъ сторицею въ промыслахъ, а скупые его товарищи потерпѣли на морѣ крушеніе и потеряли все, что добыли.

Впрочемъ, не смотря на основаніе монастыря, мѣстные жители, поселяне и боярскіе люди не переставали предъявлять свои права на владѣніе Соловками, ловили тамъ рыбу и препятствовали стар-

*) Глава 33-я.

**) То есть, на звѣриные промыслы весною; и ничѣ такъ они называются въ Поморьѣ.

памь въ ихъ промыслахъ, утверждал, что Соловецкій островъ по отчеству есть наслѣдіе поморскихъ жителей и бояръ, слуги которыхъ были въ тяжбѣ со старцами.

Чтобъ прекратить всѣ непріятности и упрочить островъ за монастыремъ, Зосима отправился въ Новгородъ искать покровительства архіепископа. „Господине мой, владыко святой,—говорилъ Зосима архіепископу: буди намъ милостивъ, заступи насъ отъ оскорбляющихъ: приходятъ къ намъ боярскіе рабы и насельники и насъ притѣсняютъ, грозя разорить монастырь и всѣхъ насъ оттуда выгнать“.

Архіепископъ и бояре новгородскіе приняли живое участіе въ судьбѣ Соловецкой братіи и дали Зосимѣ грамоту на владѣніе островомъ за печатами.

Между тѣмъ, ища покровительства монастырю, пошолъ Зосима жаловаться на притѣснителей къ нѣкоторой боярыньѣ, по имени Марѣѣ (то есть, къ знаменитой Марѣѣ Посадницѣ, супругѣ посадника Исаака Борецкаго). Но она его не допустила къ себѣ и даже велѣла отогнать отъ своего дому*). Преподобный, отходя прочь и качая головою, сказалъ бывшимъ съ нимъ ученикамъ своимъ: „Се дніе грядутъ, иже дому сего жителіе не изслѣдятъ стопами своими двора сего, и затворятся двери дома сего и къ тому не отверзутся, и будетъ дворъ ихъ пустъ“.

Итакъ, вотъ до какого высокаго историческаго тона доходитъ доселѣ смиренное изложеніе Соловецкаго патерика! И чѣмъ далѣе, тѣмъ интереснѣе и поэтичнѣе становится разсказъ, переносящій читателя съ пустыннаго острова на самое любопытное поприще исторической жизни той эпохи.

Раскаившись въ своемъ крутомъ поступкѣ, боярыня Марѣя пожелала отъ преподобнаго мужа получить благословеніе, и позвала его къ себѣ на обѣдъ. Когда Зосима сидѣлъ за столомъ**), взглянулъ на бывшихъ съ нимъ на пиру бояръ, и видитъ ужасное видѣніе, страха и трепета исполненное: видитъ—сидятъ передъ нимъ шестеро бояръ, а головъ на нихъ нѣтъ. Зосима взглянулъ опять, и опять видитъ—сидятъ вмѣстѣ съ нимъ за столомъ обезглавленные шестеро

*) Домъ ея славился своимъ великолѣніемъ.

**) Припомните, какъ у Шекспира тѣнь Банко является на пиру у Макбета.

боярь. Взглянулъ еще разъ, и опять видитъ то же. И былъ въ удивленіи и ужасѣ о преславномъ видѣніи, поникъ долу, и во весь обѣдъ ничего уже не могъ вкусить.

Вѣщее видѣніе скоро (1478 г.) сбылось. „Приде благовѣрный князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Россіи самодержецъ—сказано въ Патерикѣ—со всею братьею своею, князьями русскими, и со служащими ему царями и князьями татарскими, со всеми силами воинскими, и совокупи безчисленное множество войска на Великій Новгородъ. И самъ великій князь сталъ въ Русѣ съ братьею своею; а дву воеводъ своихъ посла на Шелону. Новгородцы же собравшеса поидоша противъ ихъ и срътоша ихъ на Шелонѣ, и бысть имъ битва. Воеводы же великаго князя овыхъ избиша, а иныхъ емше въ плѣнъ поведоша, а инымъ князь великій повелѣ главы отсѣщи. Яша же (т. е. взяли) и тѣхъ шесть бояриновъ, ихъ же видѣвъ преподобный Зосима на пиру сѣдящихъ, а главъ не имущихъ на рамѣхъ своихъ... и тѣмъ главы отсѣкоша“.

Итакъ—старина Новгородская со своими вѣковыми преданьями и грозная Москва, вооруженная татарскими силами, притѣсненія пустынному монастырю на далекомъ островѣ—и предприимчивость благочестиваго подвижника, скромнаго монаха, который невольно сталъ прорицателемъ великаго переворота въ землѣ Русской—вотъ тѣ чувствительныя струны, которыхъ такъ ловко касается это сказаніе, возникшее въ смутныхъ, перепутанныхъ условіяхъ дѣйствительности, и возведшее эту дѣйствительность до идеала, подчинивъ еѣ вѣщему, трагическому видѣнію и прорицанію Соловецкаго пустытника.

(Окончаніе въ слѣдующей Московской книгѣ.)

ЗАПИСКА ІЕРОМОНАХА ІОНЫ О ПРЕБЫВАНІИ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

Въ октябрѣ 1817 года министръ духовныхъ дѣлъ князь А. Н. Голицынъ сообщилъ архіепископу Московскому Августину, что Государю угодно было потребовать отъ настоятелей московскихъ монастырей и церквей обстоятельныя и на сущей истинѣ основанныя описанія того, что происходило въ монастыряхъ, соборахъ и церквахъ во время занятія Москвы непріателемъ. Государь, по словамъ князя Голицына, требуетъ этихъ свѣдѣній единственно въ намѣреніи узнать короче бывшія происшествія, при чемъ не предполагается ни обслѣдовацій, ни сужденій о лицахъ, а чистосердечное объявление примется во благо; только бы свѣдѣнія изложены были просто, кратко, удовлетворительно.

Вотъ побудительная причина составленія предлагаемой записки настоятелемъ Университетской церкви іеромонахомъ Іоною о своемъ вмѣстѣ съ священникомъ Архіерейскаго дома Іоанномъ пребываніи въ Саввинскомъ, что на Тверской улицѣ, подворьѣ во время занятія Москвы непріателемъ. Записка эта извѣстна мнѣ въ копіи, сохранившейся въ одной рукописи собранія Ундольскаго, № 1383, хранящейся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ. Подписана она однимъ іеромонахомъ Іоною и помѣчена декабремъ мѣсяцемъ 1817 года. Въ рукописи она нѣсколько странно озаглавлена: „Описание Савинскаго на Тверской улицѣ подворья, которое именуется Архіерейскимъ домомъ Московскаго Викарія, Московскаго Императорскаго университета Татиановской церкви настоятелемъ іеромонахомъ Іоною и онаго дома священникомъ Іоанномъ, что нынѣ экономъ іеромонахъ Иннокентій“.

С. Доловъ.

Мы выше именованные іеромонахъ и священникъ, жившіе въ одной кельѣ онаго дома, первый потому, что хотя и опредѣленъ былъ въ университетъ, но до сего бывши при домѣ Его Преосвященства экономъ, за неочищеніемъ при университетѣ іеромонашескаго покоя, не переходилъ, а другой поступилъ только въ число братства Савина монастыря.

Преосвященный Августинъ, на Савинскомъ подворьѣ пребываніе свое имѣвшій, въ нашествіе непріятели къ царствующему граду Москвѣ выѣхалъ изъ онаго въ два часа по полуночи на второе число сентября, а куда, намъ тогда было неизвѣстно.

Оставшись по отбытіи Преосвященнаго, пошли осмотрѣть покои, и нашедъ въ кабинетѣ на столикѣ горящую свѣчу, погасили, и всѣ кельи надлежащимъ образомъ заперли. Дождавшись дня, увидѣли, что Московскіе жители несутъ изъ арсенала ружьи, пистолеты, сабли, и слыша въ народѣ молву, что будетъ передъ Москвою рѣшительное сраженіе, и на защиту оной жители должны быть всѣ готовы, въ сихъ мысляхъ и мы расположились ждать онаго.

И сверхъ нашего чаянія того-жъ числа по полудни въ четыре часа неожиданно вошелъ въ Москву и непріятель. Въ Московскихъ жителяхъ востало великое смятеніе, необычайный вопль и плачъ. Отъ сего будучи поражены и мы страхомъ и отчаяніемъ, за нужное тогда почли съ служителями завалить подворскія ворота, и едва успѣли, какъ артилерія, конница и пѣхота непріятельская Тверскою улицею шли всѣ вмѣстѣ въ неисчислимомъ количествѣ, и кричали: пардонъ, пардонъ. И тѣмъ народъ нѣсколько усмиряли.

Первую ночь на 3-е число сентября непріятели ночевали въ Москвѣ почти всѣ по улицамъ. На другой день по утру рано начали разбивать съ домовъ ворота. Почему и мы отвалили подворскія, и тотчасъ въѣхали повозки какого-то французскаго принца. Военные и служители онаго, голодные, обобравъ прежде печеной хлѣбъ, крѣпко насъ истязовали, требованіемъ винъ, коихъ въ домѣ не имѣлось. Потомъ собравъ находившіеся годовые въ домѣ всѣ жизненные припасы: муку, крупу, овесъ и сѣно на свои повозки, и нѣсколько себя пицею укрѣпя, чрезъ двои сутки съ подворья съѣхали.

5-го числа появились отъ непріятели всѣ неистовства, грабежи и насилія. И первая партія пришедъ прямо къ намъ въ келью,

безчеловѣчно насъ тесаками мучили, приставляя къ груди птыки и пистолеты, а саблями колоть угрожали, говоря: аржіонъ, аржіонъ. Мы пораженные необычнымъ страхомъ и отчаяніемъ, внѣ себя были, падая на землю тѣмъ только и отвѣчали, ибо ни мы, чтò они говорятъ, ни они насъ не разумѣли. И такое насиліе двѣ недѣли день и ночь продолжалось, а паче у насъ, ибо на Тверской тогда противъ градоначальникова дома была ихъ главная обвахта. И всегда являлись новые, такъ что почти все это время пребыли стоя на ногахъ. Ибо не успѣтъ одна партія минутъ со двора, какъ другая уже съ горящими церковными свѣчами приходили съ такимъ же истязаніемъ. И имѣющееся у насъ имущество все ограбили.

При сихъ жестокостяхъ производили вездѣ великіе пожары, которой 7-го числа въ ночь дошелъ и до Савинскаго подворья. Въ семь случаѣ штатные служители, простясь съ нами, и прочіе подворскіе жители всѣ бѣжали, кто куда попалъ. И мы, омрачившись умомъ, перешли на сосѣдній дворъ князя Адуевского, гдѣ былъ рускій народъ и пламя казалось не столь опасно. И какъ скоро на подворской конюшнѣ кровля обвалилась, то по обгорѣлымъ каменнымъ развалинамъ рѣшились на оное перейти обратно. Мнѣ іеромонаху посчастливилось перебраться безвредно, а священникъ попалъ тогда въ ретирадное мѣсто, изъ коего съ трудомъ освободился. Я, видя, какъ въ домовой церкви, такъ и въ нижнемъ этажѣ горѣвшія рамы, при всей опасности, сколько было возможно, водою залить успѣлъ, и тѣмъ весь тотъ большой корпусъ сохранить отъ пожара, а какъ вокругъ его окружающаго пламени могъ уцѣлѣть онъ, это явное чудо. Прочее же строеніе того подворья все сгорѣло. О чемъ узнавши, служители съ женами и дѣтьми своими, и прочіе жители паки собрались въ оный уцѣлѣвшій корпусъ, а непріатели еще жесточайшее тиранство свое продолжали, и чѣмъ далѣе, тѣмъ бѣднѣе одни другихъ являлись, иные почти полунагіе. Сія то и послѣдніе посняли съ насъ сапоги и рубашки, а съ священника и крестъ, носимый на тѣлѣ, саблей отрѣзали, ибо былъ серебряной и позлащенъ.

19-го числа пришедъ два французскіе чиновника, и съ ними третій рядовой, наибъ чувствительнѣйше терзали насъ: волочили за волосы, таскали за бороды, и приведа къ дверямъ домовой ризницы, въ которой никто еще изъ непріателей не былъ, требовали ключа,

когого у насъ не имѣлось, наступая ногами на наши головы, били по хребту тесаками безъ всякой пощады, представляя, что могу отпереть ризницу. И, если-бы рядовой солдатъ не успѣлъ выбить въ окнѣ желѣзную рѣшетку, смерть предстояла намъ не избѣжна. Гдѣ водравшись, искали съ великимъ усиліемъ серебра и золота, и разметавъ всѣ священныя одежды, надѣли на себя двѣ оставшіяся архіерейскія митры, въ коихъ и пошли, и насъ съ собою захватя въ рубищахъ, босыхъ, съ открытою главою, довели только до переднихъ воротъ *). Къ счастью нашему встрѣтился въ оныхъ какой то отличный ихъ чиновникъ, и поговоря съ ними на своемъ языкѣ, по видимому съ большимъ гнѣвомъ и негодованіемъ, а на насъ съ удивленіемъ посмотря, и плечами пожавъ, отпустилъ въ домъ обратно.

Возвратясь отъ воротъ въ свое жилище, ни мало не мѣшгавъ, пошли къ ризницѣ, и то разломанное окно доскою заложили, а дверь какъ была заперта, такъ не разломана и осталась, и тѣмъ вся ризница въ цѣлости сохранилась.

20-го числа въѣхали стоять въ архіерейскіе покои три маіора и четвертый комендантъ, и жили до самаго выхода. Служащіе при нихъ въ домовоі церкви съ престола, жертвенника и одежды, и отъ царскихъ дверей завѣсу снимали, со святыхъ иконъ вѣнцы ободравъ, на полъ побросали, ибо были аплике, а насъ отнятіемъ всякой пищи такъ тѣснили, что едва не умерли съ голоду. Только и питались одною капустою, а хлѣба рѣдко кто изъ служителей или жильцовъ, гдѣ либо добывъ самымъ малымъ количествомъ, и то съ великимъ опасствомъ проносить могъ, и тѣмъ по сухарю ту минуту дѣлились. Словомъ, во все то горестное состояніе, каковымъ были изнуряемы голодомъ, страхомъ и отчаяніемъ самой жизни, всего того объяснить не возможно. Явно сила Божія въ нашихъ немощахъ совершалась.

Октября съ 1-го числа непріатели, какъ было примѣтно, не такъ дерзки и веселы показывались, а нѣсколько и приуныли.

Съ 6-го числа начали выходить изъ Москвы паратомъ и съ музыкою, и часъ отъ часу уменьшаться.

*) Надъ сими воротами имѣвшійся образъ преподобнаго Саввы Сторожевскаго, въ полуциркульномъ деревянномъ окружіи, во время пожара чудесно цѣлъ сохранился. Ибо тогда въ сіе отверстіе пламя съ Тверской улицы при великой бурѣ и кругообразательномъ вихрѣ неслою огненною рѣкою: ворота сгорѣли, а онъ на томъ же стоя брусѣ, какъ нынѣ есть видимъ, тотъ самый существуетъ.

9-го числа стоявшіе въ домѣ вышесказанные чиновники, услышавъ чрезъ своихъ служащихъ, что російскіе казаки въ Москвѣ появились, тотчасъ ушли на верхъ и подъ желѣзную кровлю спрятались. А намъ слухъ палъ, что всѣхъ оставшихся въ Москвѣ жителей велѣно переколотъ, да ужъ де и колютъ. И мы съ служителями для укрытія вбѣжали туда же, и въ слуховыя окна обозрѣвая, между собою говорили: никого и ничего не видать такого. Они вслушась въ разговоръ нашъ, одинъ за другимъ ползкомъ изъ подъ кровли вылазя, самымъ робкимъ голосомъ спрашивали: есть казаки, или еще нѣтъ казаки. Мы совсѣмъ объ нихъ не знавъ, и тутъ же ихъ сверхъ чаянія нашего видя, своимъ страхомъ содрагаемые, отвѣчали: нѣтъ, не видать казаковъ. И, немедленно сбѣжавъ они на низъ, сами собою осѣдлали своихъ лошадей, подвязавъ круглые свои чемоданы, захвата при томъ имѣвшіяся у нихъ съ вареньемъ стеклянныя большія банки,—уѣхали въ Кремль.

10-го числа по утру и служащіе ихъ съ своими повозками туда-жъ отправились. Мы по выходѣ непріятелей не медля со штатными служителями архіерейскіе покои отвсюду заперли, и все, что въ нихъ было, и въ какомъ видѣ осталось, до пріѣзда Его Преосвященства, въ томъ самомъ и соблюдали.

Освободясь всѣхъ вышеозначенныхъ острыхъ искушеній и разстройствъ, утомленность наша паче всего требовала покоя, мы со всѣми живущими въ домѣ подъ 11 число самымъ тонкимъ сномъ забылись, и около полуночи или за полночь, вѣрно зная время было не по чему, внезапно сдѣлался столь сильный ударъ, что какъ бы вся Москва разрушилась: ибо во всемъ домѣ въ одно мгновеніе ока почти ни одинаго стекла не осталось, всѣ вонъ вылетѣли. Отчего едва могли почувствоваться и вразумить себя. И того-жъ числа къ обрадованію нашему и ободренію услышали, что и войско наше вступило въ Москву, чѣмъ восхищаясь, какъ бы воскресли.

12-го числа утромъ весьма рано генералъ маіоръ Иловайскій четвертой прислалъ къ намъ на подворье чиновника, чтобы мы явились къ нему въ квартиру, состоящую на Тверской улицѣ противъ церкви Димитрія Селунскаго, съ тѣмъ, чтобы и приготовились служить литургію и благодарный молебень о избавленіи Москвы отъ непріятеля. Но какъ я іеромонахъ ничего не имѣлъ, даже сорочки

и сапогъ (кромя ветхихъ, нанковаго халата, шерстяной рясы, и камилавки съ клобукомъ, непріятелямъ неудобныхъ), то въ такомъ чрезвычайномъ случаѣ спабдили меня: живущій при домовой канцеляріи Преосвященнаго отставной сержантъ Михайловъ далъ сорочку, университетскій солдатъ Волковъ сапоги. А священникъ имѣлъ шубу и сорочку, штофную рясу, за ветхостію непріятелями оставленную, и худые сапоги. И, готовя себя къ священнослуженію, явились къ генералу Иловайскому, который лично просилъ насъ отслужить литургію и молебенъ въ Страстномъ монастырѣ. И какъ только въ оной мы пришли, вскорѣ прибылъ и генералъ Иловайскій съ воинствомъ. Гдѣ соборомъ совершая божественную литургію, пѣли по клиросамъ люди всякаго званія съ великимъ восхищеніемъ. Потомъ начали благодарный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ при толь многочисленномъ стеченіи народа, что кажется все жители, кои оставались въ Москвѣ, при томъ были, и при неизреченной радости съ пролітіемъ слезъ возсылали моленія Всеблагому и Милосердому Богу. По окончаніи онаго былъ надлежащій звонъ, войны и народъ кричали ура....

Литургію совершалъ я іеромонахъ Іона съ двумя только священниками, съ вышеозначеннымъ Іоанномъ и другимъ монастыря того. Съ ними же и молебенъ исправлялъ. Были при томъ и еще: Чудова монастыря казначей іеромонахъ Іоанникій, Новодѣвичья монастыря протопопъ, и другіе священники и діаконы, а отъ какихъ церквей намъ не извѣстно.

Сверхъ же сего другихъ каковыхъ либо особенныхъ происшествій при толь тѣсныхъ обстоятельствахъ замѣтить не могли, а многого и не припомнимъ. Декабря, дня 1817-го года.

Университетской церкви настоятель Іеромонахъ Іона.

ПѢСНЯ И ПОВѢСТЬ ОБЪ АЗОВѢ.

Въ собраніи рукописей Графа Уварова мнѣ встрѣтился сборникъ, состоящій изъ 15-ти статей, писанныхъ въ XVIII вѣкѣ. Среди нихъ весьма интересны двѣ: пѣсня о взятіи Азова Петромъ Великимъ въ 1696 году, занесенная сюда не позже 30 лѣтъ послѣ событія, и повѣсть объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи донскихъ казаковъ въ 1641 году.

Сборникъ № 1927 (142; 135; 50) *) въ 4 д. л., на 34 л., разнообразенъ по бумагѣ и разновремененъ по письму статей. До 13 л. и съ 20 по 28 включительно идетъ бумага съ гербомъ города Амстердама недурного рисунка, съ 14 по 19—съ двуглавымъ орломъ, имѣющимъ на груди М; съ 29—34 включительно вилетена твердая, шершавая, сѣрая бумага въ родѣ оберточной, повидимому, безъ всякаго знака. Составъ и письмо книги таковы:

Л. 1—конецъ повѣсти о гордомъ царѣ, нач. „иерея шити и кротокъ і до всякого челоуѣка милостив быти и тихъ“ (слова ангела, возвращающаго скипетръ царю); у а. Леонида не упомянута. Л. 1—4. „В море перед балшими рыбама сказаніе о ерше и о ершове сыне о щетине, о ябедниве о воре о разбоинике о лихом челоуѣке, как с нимъ тегалис рыбы лещъ да головълъ“—у а. Леонида приведено не точно. Л. 4—6 об. Повѣсть объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи безъ заглавія. Л. 6 об. Загадка, тутъ же отрывокъ поученія, зачеркнутъ. Л. 7—7 об. Пѣсня о взятіи Петромъ Великимъ Азова. Загадка, поученіе и пѣсня у а. Леонида не упомянуты. Л. 8—13 об.

*) А. Леонидъ, Систематическое описаніе сл.-рус. рукописей Гр. А. С. Уварова, ч. IV, М. 1894 г., стр. 314—316. Сборникъ описанъ съ пропусками, цитаты не точны, опредѣленіе времени письма слишкомъ обще и мѣстами невѣрно.

Копія съ указа Петра Великаго о бѣглыхъ крестьянахъ, со ссылкой на указъ 1718 г. Л. 1—13 об. писаны скорописью съ чертами полуустава въ 1-ой $\frac{1}{4}$ XVIII в., повидимому, 3-мя руками: 1-ой повѣсть объ Азовѣ, другой—остальные тексты кончая л. 7 об., третьей—л. 8—13 об. Зачеркнутый отрывокъ и загадку не принимаю во вниманіе, какъ вписанныя послѣ и не имѣющія никакого значенія.

Л. 14—19. „Выписано істененной книги, іс первой на десять грани, из главы девятой. Посланіе Василя архиепископа новгородского тверскому епископу Θεодору“. Л. 19 об. „Исторія, сирѣчь повѣстник о епископіяхъ, еликіи подлежат и послушни суть митрополиту Кіевскому і всея Русіи“. Эти двѣ статьи писаны мелкой изящной скорописью послѣдней $\frac{1}{4}$ XVII вѣка.

Л. 20—22 об. Повѣсть о Шемякиномъ судѣ, нач. „В нѣкихъ мѣстехъ живяше два брата близнецы, единъ богатъ, а другой убогъ“. Л. 22 об. Молитва—у а. Леонида не упомянута. Обѣ статьи писаны тѣмъ же почеркомъ, что и Повѣсть объ Азовѣ, или очень похожимъ.

Л. 23. Титуль турецкаго султана—повидимому, переводъ съ польскаго. Л. 24—26 сказаніе (безъ начала) о чудесахъ отъ живоноснаго источника и о построеніи около него храмовъ Львомъ, Юстиніаномъ, Василиемъ Македоняниномъ, его сыномъ Львомъ Мудрымъ и другими виз. императорами. Л. 27—28. „Предисловіе ко благочестивому читателю“—у а. Леонида не упомянута. Обѣ эти статьи писаны скорописью того изысканнаго рисунка, который встрѣчается въ прописяхъ. Время написанія ихъ опредѣляется записью на л. 27 об.: „Писана сия тетратъ 3378 (1694—5) году, писалъ Іванъ Петров Дедюшин“.

Л. 29—34 об. Дѣло Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 1724 года (у а. Леонида 1721 г.) объ отпускѣ поляковъ, живущихъ въ Россіи на родину, если они того пожелаютъ. Писано грубою скорописью 3-ей $\frac{1}{4}$ XVIII в.

Текстъ объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи, написанный на лл. 4—6 об. въ 1-й $\frac{1}{4}$ XVIII в. (не ранѣе 1718 года), относится къ разряду поэтическихъ редакцій Повѣсти, и, повидимому, восходитъ къ лучшему изъ нихъ. Для реконструкціи основнаго ихъ текста онъ имѣетъ лишь нѣкоторое значеніе, и не въ этомъ его цѣнность. Мы

знаемъ, что переработки основныхъ текстовъ иногда имѣютъ большее литературное значеніе, чѣмъ ихъ оригиналы. Читаясь и переписываясь, эти оригиналы, часто блѣдные и сухіе, понемногу оживаютъ и поэтизируются. Вотъ къ этому именно виду передѣлокъ, довольно частыхъ въ XVII в., и относится Повѣсть уваровскаго сборника. Изложеніе ея непослѣдовательно, но въ ней есть интересныя народно-поэтическія черты: народная рѣчь, ритмичность, эпитеты, новыя и древнія худож. формулы, приведенныя самостоятельно и поэтически повторенныя и т. п.—черты, дѣлающія этотъ текстъ очень цѣннымъ. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ. Во первыхъ начало: „Братіе, послушайте о нашемъ Азовскомъ (с)идени“. Этого начала нѣтъ ни въ одномъ старомъ спискѣ повѣсти объ Азовскомъ сидѣніи—всѣ остальные начинаются цитатой изъ столбца Посольскаго приказа. Далѣе, про крымскихъ и каинскихъ мужиковъ редакторъ говоритъ, что они живутъ „по сю сторону теплаго моря“. Эпитетъ „теплый“ замѣнилъ книжный „синій“ или „черный“. Пушекъ пришло столько, что „море колышетъ“. Турецкій царь припелъ къ Азову „межъ обѣдніи и заутрени“, а не въ ранній самый обѣдъ, какъ обычно. Онъ „полатки расговлял, знамена распушал, яко маковы цветы въ поли расцвели, і повелъ гихъ съ выотою, иза горы нашего Азова города не видать“. Это мѣсто, не совсѣмъ ясное въ другихъ текстахъ здѣсь передано очень своеобразно. Далѣе опять идетъ ритмичный текстъ: „бочки подкатил, свечи заполил“. Замѣчательно, что здѣсь, какъ и въ пѣсняхъ, дѣйствія приписаны вождю, а не войску. Стрѣльба описана очень своеобразно: „и будемъ мы козаки стрелять пушка по пушки, ружье по ружью; ихъ побили, какъ черная грязь, мостъ мостомъ лежать“. Послѣдняя формула (мостъ) восходитъ къ глубокой древности, она уже есть въ русскомъ переводѣ Іосифа Флавія о разореніи Іерусалима, въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1261 г., въ повѣсти Искандера о взятіи Царьграда, въ Иномъ сказаніи о Смутномъ времени. Что касается до „черной грязи“, то это выраженіе, обычное въ народно-поэтическихъ памятникахъ, могло получиться хотя бы, напримѣръ, отъ такого книжнаго; „и *нагрязе* озеро труповъ и щитовъ и шеломовъ“ (Ипат. 1258 г.). Интересно, что русскіе богатыри названы „тернскими“ и „дынскими“; я понимаю—терскими и донскими, такъ осмыслены „орды“ и ихъ книжныя

названія. Народный языкъ и поэзія отражены такими выраженіями, какъ: „думу думать“ (bis), „долгомерные мужкѣты“ (bis), „что вы нам улишаете на свое красное золота, на чистая серебро“ (bis), „по чести по любви, без бою і без драки“ (bis), „зговорить“, „живых песком засыпали“ (обычно—землею), „два мужика“ вм. „два мужа“ (дѣло идетъ о явленіи святыхъ), „глас гласет, говоритъ“. Но всего любопытнѣе фраза: „и ото вашего Азова города проч побезить Обрагим царь турецки многими дорогами, как галеча стада полетит“. Это галичье стадо есть только въ Словѣ о полку Игоревѣ: „галици стады бѣжать въ Дону великому“ *). Въ параллель еще, пожалуй, можно привести: „и сбиша Угры въ мячь, яко соколь галицѣ сбиваетъ“ (Ипат. 1097) и „видѣ вой свой располошенъ, аки птичье стадо“ (Житіе Михаила Тверского, привед. Е. В. Барсовымъ въ Словѣ о полку Игоревѣ I, 434); ср. въ Задонщинѣ: „уже бо тѣ соколы и кречаты за Донъ борзо перелегѣли и ударилися о многіе стада лѣбѣдиные (по сп. Ундольскаго, Временникъ, кн. XIV, м. 1852, стр. 4, и въ Повѣданіи о Мамаевомъ побоищѣ: „и выедоша изъ дубравы единомысленныя друзи, аки соколы испущени, и ударихася на стада жаравлины“ (изд. Снегиревымъ въ Рус. Истор. Сборн. т. III, к. 1, М. 1838, стр. 59—это по списку Тамковскаго, ср. ib. примѣч. 2-е по сп. кн. Оболенскаго).**) Но параллели эти очень отдаленныя. Италѣ, приходится думать, что выраженіе „галичье стадо“ заимствовано сюда или изъ Слова о полку Игоревѣ (непосредственно или черезъ посредство), или изъ устной поэзіи. Хотѣлось бы поставить въ связь со Словомъ о полку и начало „Братіе послушайте...“, но такъ начинаются и многія церковныя сочиненія и нѣкоторыя повѣсти, такъ иногда приглашаетъ къ вниманію и пѣсня ***).

Конецъ повѣсти позволить намъ перейти къ пѣснѣ о Петровскомъ взятіи Азова. Повѣсть оборвана на словахъ: „запоемъ мы ко-

*) Слово о полку Игоревѣ, изд. Н. Тихоураховымъ, изд. 2-е, М. 1868, стр. 2.

**) Ссылки на формулы повѣстей взяты сюда изъ моей статьи въ Читеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс. 1902 г.: „Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей“.

***) Можно еще возразить, что было бы очень трудно предположить такое незначительное по объему вліяніе Слова о полку Игоревѣ. Но подобные случаи бывають: см., напримѣръ, несомнѣнное вліяніе Повѣсти Искандера о взятіи Константинополя на Чудовской текстъ (№ 57, 359) Исторической повѣсти о взятіи Азова 1637 года, выразившееся въ нѣсколькихъ строкахъ.

заки". Далѣе, какъ выше сказано, идутъ позднія вписки, а затѣмъ почеркомъ, похожимъ на полууставъ повѣсти, а можетъ быть и тѣмъ же, написана пѣсня (л. 7 и об.), раздѣленная не всегда удачно на строфы и стихи, съ указаніемъ на двукратное повтореніе послѣдняго, второго стиха каждой строфы. Это, повидимому, свидѣтельствуетъ о предназначеніи текста къ пѣнію. Стихъ неровный, частію виршевой, силлабическій, частію съ чертами народной версификаціи. То же можно сказать и о языкѣ—въ немъ слиты кпичная и народная стихи. Несомнѣнно, это не народная пѣсня, но она сочинена человекомъ, не чуждымъ безыскусственной поэзіи: горячій почитатель Петра Великаго, онъ усвоилъ онѣмеченную рѣчь его эпохи, но не забылъ и обороты лѣтописнаго языка, зналъ стиль южно-русскихъ виршъ, учился и у народныхъ пѣвцевъ, не лишенныхъ юмора, плохо укладывающагося въ книжный стихъ.

Вирши, посвященные прославленію Петра I и Шейна за взятіе ими Азова, встрѣчаются еще на иконѣ съ изображеніями: Иоанна Предтечи, Михаила архангела, Знаменія Богородицы и архангела Гавріила, видѣнной В. Срезневскимъ въ главномъ храмѣ Вассіановой пустыни. Они напечатаны въ его Отчетѣ о побѣдѣ въ Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губерніи (Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. А. Н. 1903 г., т. VIII, кп. 2-я, стр. 240—241). Имѣя кое-что общесъ приводимыми мною, вирши иконы болѣе вычурны и писаны менѣе народнымъ языкомъ.

Въ заключеніе скажу, что сосѣдство текстовъ о до-петровскомъ боѣ изъ-за Азова и о его завоеваніи при Петрѣ встрѣчается и въ другихъ рукописяхъ. Иногда даже рассказы о томъ и другомъ событіи взаимно мѣнялись въ сборникахъ опредѣленнаго состава. Напр. въ сборникѣ Древлехранилища Погодина № 1609 послѣ титулярника 1678 г. идетъ Повѣсть о взятіи Азова Петромъ, что такъ и напечатано въ Древп. Росс. Вивліювикѣ, изд. 2, ч. XVI, 86—246, 251—282; въ сборникѣ же Императорской Публичной Библіотеки Q. IV. № 308 послѣ того же титулярника помѣщена повѣсть объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи.

Приношу глубокую благодарность Графинѣ П. С. Уваровой, любезно предоставившей мнѣ сборникъ № 1927 для изслѣдованія.

Повѣсть объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи *).

Братіе, послушайте об нашем Азовскомъ (с)идени, якъ мы козаки сидѣли в осаде в Азове городе; и нас казаков сидѣла дружина молая, пять тысячъ; і в нас казаков пушекъ двенадцеть, и те дробю зарежены. Под наш под Азов город (4 об.) собирался Аброгим царь по три годы, на четвертой год в ход пошел под нашъ под Азов город. С ним с Аброгимомъ съ царемъ турскимъ пришло силы: шесть полковников немецкихъ, двенадцеть головъ еныческихъ, двадцеть пошеи турецкихъ; со всякою головою по двенадцети тысячей в полку пришло мужиков крымскихъ и каѳимскихъ, которыя жувуть по сю сторону теплого моря. Да с нимъ же пришло двадцеть пушекъ ломовых, пятьсотъ полковых, аки море колышетъ. І придетъ же он Аброгимъ царь турецкий меж обѣдніи и заутрениі, полатьки растовляя, знамена распущал, яко маковы цветы в поли расцвели; і повел гих с высокою, иза горы нашего Азова города не видать; бочки подкатил, свечи заполил, и збрасила на ихъ собачи таборы. И мы видимъ сами козаки, что намъ во своемъ Азове городе не отсидѣтъца, станимъ мы козаки промеж сабою думу думать: хорошо нам братьцы умерть в полні, а не въ яме; поидемъ мы козаки против их собачьева воіска. Брали мы козаки долгомерные мужкѣты и будемъ (5) мы козаки стрелять пушка по пушки, руже по ружью. Ихъ побили, какъ черная грязь, мостъ мостом лежать. И отбили у них двадцет пушекъ ломовых, пятьсотъ полковых. І поидем мы козаки во свои Азов город в осад сидѣтъ. Заутра рано приплеть к нам казакам голову свою турѣцкою з глатькою речью: вы нам козаки здайте свої Азовъ город по чести по любви, без бою и без драки, и нашъ Аброгимъ царь турѣцки вас пожалуетъ до любви, платя на вас положитъ златоя главы на

*) Надъ издаваемыми текстами заглавія составлены мною.

вас клеймомъ турѣцким, і у нас вас стануть звать тернѣскими и дынскими сильными могучими боготырями. А вамъ от московского царства не будетъ ни выручки ни запасов. Знаем мы сами козаки, что нам от московского царства не будетъ не выручки ни запасов, и говоритъ голова козачей: псы тотарове, что вы нам улишайте на свое красное золота, на чистоя серебро: у вас у псовъ у тотар за морем берем. Знаем мы сами козаки, (об.) что нам от московского царства не будетъ не выручки ни запасовъ: и нас козаков питаетъ Господь Богъ рыбами марскими, зверьми полскими, пѣтицы поднебесными. Не здаемъ мы вам ворама псамъ тотаром своего Азова города по чести по любви, без бою і без драки. І поѣхал от нас голова турецки і сказывал своему Оброгиму царю турецкому: намъ козакиі своего Азова города не здають по чести по любви, без бою и без драки. Но изновъ пришлетъ к нам козакамъ голову свою турецкою і просить у нас козаковъ мертвыя тела разбирать: и берите за всякое тело по золотому, за начальныхъ людей по двенадцети залотыхъ, за пашей за турецкихъ, сколько ани могутъ залотых потянут. Зговорит голова козачей: псы тотарове, что вы намъ удецаите на свое красная золота, на чистоя серебро: у вас за морем беремъ. Мы вашими мертвыми собачеми телами не торгуемъ. Накормимъ лютых зверей кровью вашею, напоим черных воронов. І вы у нас тела разбираите. І они тела разбирали и ямы копали і въ ямы побрасали. И онъ (6) пришлетъ к нам козакамъ голову свою турецкою з грозною речю: али вам ворама козакам про не вѣдама, каков был царь косылбатцки, і тот не могъ во своих городахъ отсидетьца, и мы их живых песком засыпали. На вас на ворах на козоках не столко власовъ на главах ваших, сколько с нашим царем турскимъ пришло силы, и он царь буди к вашему Азову городу. Премѣнно в ночи бьютъца дватцетъ тысячей, во дни бьютъца сорок тысячей. Они псы тотарове збирали нашъ Азовъ город по самою по доштву, и розвалилися все азовские крѣпости, толка оставалася чесовня во имя Иоанна Предтечему. Мы сами козаки видимъ, что нам во своем Азове городе не отсидѣтъца, станим мы козаки служит молебны Иоаннѣ Предтечему, Михаилѣ архангелу, Матери Божей Богородицы. А всесвятыя светители вели нам змеино гнездо разорить, теперича нас отдаете въ певѣрною арду, самъ тотаром на поруганя. І по волу азовскому ходють два мужика, с сидѣ-

нами украшены; глас гласет говорить намъ козакамъ: подьте вы козаки против их собачева воиска, и ото вашего Азова города проч побезить Обрагим царь турецки многими дорогами, как галечя стада полетит. И мы козаки промеж сабою думу думали: быт намъ братьцы Иоаннѣ Претечему, Михаилѣ архангелу глас слышетъ, а ухо не видѣт. І поїдемъ мы козаки на вылоску против ихъ собачева воиска псов тотар. И брали мы козаки (об) козакиі долгомѣрные мужкеты, запоемъ мы козаки...

ПѢСНЯ О ВЗЯТІИ АЗОВА ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ.

(7) Возлетал есть орель славны от росиския страны, ||
 побѣждаетъ черны враны, злыя бесурмены. ѿ ||
 Черны враны бесурмены от орла паряще убѣгающи ||
 со страхомъ, какъ отъ огня поляще. ѿ ||
 Тои бо орель свѣтлозрачны і высокопарны, ||
 Пресвѣтлеиши і великиі, от Бога избранны, ѿ ||
 Блговѣрны царь московски Петръ Алексѣевичъ, ||
 всеа Росіи і странъ многихъ есть отчичъ и де||дичъ ѿ ||
 Войско свое росиское мудрому вручаетъ боярину во- ||
 еводе, Алексѣю іменемъ, ѿ ||
 Славну в дѣлехъ и искусну, Шеину прозваниемъ. ѿ ||
 Тои же под..ацямъ чинно устрояетъ ; ; ||
 Крестомъ святымъ, щитомъ вѣрнымъ всѣхъ ||
 ..урежаетъ. ѿ ||
 Турки с моря в оборонѣ тугъ всѣ приходили ко- ||
 роблями, оуркитами з бупкалами. ѿ ||
 (об.) Адмиралъ же турокъ хотяще ка Озову силно испробити ||
 И сѣдящимъ во Азовѣ помощь учинити. ѿ ||
 Адмиралъ же противъ турковъ воско вооружаетъ, ||
 камондера славно мудра с ними посылаетъ: ѿ ||
 Петра храбра, благоудравна, в свѣтлости явна, ||
 корабельныхъ дѣл и земныхъ хитреца изрядна. ||

Тоі же с войском на оуркатахъ в море выгребали, на вся ||
сюды на всю силу бусурманскою боемъ наступали. ѿ ||

Тогда туркомъ поблезнили и много побили, какъ я- ||
гнать, и с судами в море потопили. ѿ ||

В чистой степи звѣровидно Нарадынъ с кубанцы ||
набежал самъ с тотарами, силными поганцы. ѿ ||

Норадын же сам уязмень преложился в бѣгство, ||
тогож дѣ яка (?) въ его мѣсто палъ в сметное бѣдство. ѿ ||

И по двѣсте на семь тысящъ въ четвертое || лѣто
крѣпок Азов град: ихъ войско было да село. ||

А. Орловъ.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ХОВАНСКАГО, ЕГО СЕМЬИ И РОДСТВЕННИКОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переписка найдена въ столбцахъ Приказнаго стола Разряда*), куда она, очевидно, попала вслѣдствіе конфискаціи всѣхъ бумагъ кн. П. И. Хованскаго и его родственниковъ, произведенной непосредственно вслѣдъ за казнью его отца, кн. Ив. Андреевича, и брата, кн. Андрея Ивановича, 17 сентября 1682 года. На это указываетъ то обстоятельство, что среди датированныхъ писемъ нѣтъ ни одного съ позднѣйшей противъ указанной выше датой; такую же увѣренность позволяетъ намъ высказать знакомство съ содержаніемъ и недатированныхъ писемъ.

Вся переписка можетъ быть раздѣлена на 4 отдѣла.

I. Переписка кн. Петра Ивановича Хованскаго съ: а) родителями, братомъ, женой, сыномъ, родственниками и знакомыми о семейныхъ, домашнихъ и служебныхъ дѣлахъ, а также о придворныхъ и военныхъ вѣстяхъ (отъ 50 лицъ около ста писемъ) и б) приказчиками, старостами и другими лицами о хозяйственныхъ дѣлахъ и разныхъ вѣстяхъ и слухахъ (отъ 10 лицъ около 20 писемъ).

II. Переписка жены его кн. Парасковіи Андреевны Хованской, урожденной Кафтыревой, съ мужемъ, родственниками, знакомыми и прислугой о семейныхъ, домашнихъ и хозяйственныхъ дѣлахъ и разныхъ вѣстяхъ (отъ 13 лицъ болѣе 30 писемъ).

III. Переписка сына его кн. Андрея Петровича Хованскаго съ отцемъ, дядей Андр. Ив. Хованскимъ и Кирил. Хлоповымъ о семейныхъ и служебныхъ дѣлахъ (3 письма).

*) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столбецъ № 519.

IV. Переписка родственниковъ кн. П. И. Хованскаго между собой и съ другими лицами о семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ и о разныхъ вѣстяхъ (около 20 писемъ).

Всего переписка заключаетъ въ себѣ около 170 писемъ отъ 85-ти лицъ. Письма всѣ, за исключеніемъ двухъ, которыя прямо названы „спискомъ съ грамотокъ“, подлинныя: всѣ они имѣютъ на оборотной сторонѣ адресъ, а иногда и приписку о томъ, кто ихъ доставилъ, откуда и когда; всѣ они носятъ на себѣ слѣды отъ складыванія ихъ въ разнообразныя формы, а многія и слѣды отъ запечатыванія ихъ краснымъ или чернымъ сургучомъ.

Попадается, повидимому, много писемъ и собственноручныхъ, написанныхъ крайне небрежнымъ и неразборчивымъ почеркомъ*), доступнымъ и, можетъ быть, легко понятнымъ лишь для хорошо знающихъ руку пишущаго близкихъ людей. Само собой разумѣется, что такаа небрежность и неразборчивость почерка естественно должна исключать всякую мысль объ участіи здѣсь наемныхъ писцовъ или домашнихъ секретарей.

Число датированныхъ писемъ въ перепискѣ весьма незначительно: обыкновенно корресподентъ сообщаетъ лишь, что онъ по такое-то число мѣсяца, т. е. по день написанія письма, — живъ. Но во всякомъ случаѣ какъ немногочисленныя датированныя письма, такъ и недатированныя своимъ содержаніемъ даютъ возможность отнести переписку, главнымъ образомъ, къ царствованію Ѳедора Алексѣевича, т. е. къ 1676—82 годамъ, за исключеніемъ однако переписки родственниковъ кн. П. И. Хованскаго**), которая относится къ царствованію царя Алексѣя Михайловича и иногда даже, повидимому, къ первой половинѣ его.

Касаясь теперь самой техники передачи рукописнаго матеріала для печатанія его, прежде всего долженъ сказать, что въ засѣданіи 4-го ноября прошлаго года Комиссіи сборника, столь гостепріимно пріютившаго у себя переписку Хованскихъ, было постановлено, для облегченія чтенія переписки, не придерживаясь дословно тогдашняго правописанія и сохраняя лишь тамъ, гдѣ отъ измѣненія

*) Не могу не выразить моей благодарности уважаемымъ сослуживцамъ по Архиву Мин. Юст. П. Н. Маркову, С. П. Соколову и Н. П. Чулкову, много мнѣ помогавшимъ при разборѣ такихъ писемъ.

**) По будущей его женѣ.

его измѣнилось бы и самос произношеніе даннаго слова. Исключеніе было допущено лишь для нѣкоторыхъ лицъ изъ семейства Хованскихъ, въ виду чего мною переписаны съ сохраненіемъ подлиннаго правописанія: оба письма кн. Ивана Андреевича, одно—его сына Андрея, три—другого сына Петра и одно внука Андрея Петровича. *) Письма кн. Ивана Андреевича, кромѣ того, прилагаются и fac simile. Изъ нихъ видно, между прочимъ, какія затрудненія представляетъ упомянутая небрежность почерка въ письмѣ; очень часто не возможно съ точностью разобрать, что именно писалъ авторъ, и многое приходится устанавливать лишь догадкой, конечно, иногда и сомнительной.

Что касается до порядка въ расположеніи писемъ, то, въ виду невозможности примѣнить хронологическій порядокъ, я помѣстилъ письма фамиліи Хованскихъ въ началѣ, а затѣмъ письма остальныхъ лицъ въ алфавитномъ порядкѣ, причемъ, по крайней мѣрѣ, для писемъ отдѣльнаго лица старался соблюсти возможную послѣдовательность во времени.

Въ своихъ примѣчаніяхъ относительно встрѣчаемыхъ въ перепискѣ лицъ,—что являлось особенно необходимымъ въ виду преобладающаго въ ней числа недатированныхъ писемъ,—я пользовался главнымъ образомъ родословными кн. П. Долгорукова, Руммеля и Голубцова и кн. Лобанова-Ростовскаго, „Указателемъ фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, изд. Моск. Арх. М. Ю.“ М. 1853 г., Русскимъ Біографическимъ Словаремъ СИБ. 1901 г. и Истор. Рос. Соловьева, кн. III. При чемъ заранѣе извиняюсь за неполноту примѣчаній, обусловленную тѣмъ обстоятельствомъ, что переписка издается не отдѣльной книгой, а въ сборникѣ, гдѣ уже, естественно, является нѣкоторая зависимость во времени и отъ размѣра отведеннаго въ немъ мѣста.

Придерживаясь при перепискѣ всюду подлинника, я тѣмъ не менѣе допускалъ въ немъ исправленіе очевидныхъ описокъ, а равно и добавленіе не дописанныхъ словъ, при чемъ добавленное мною заключалъ въ круглыя скобки.

Въ заключеніе полагаю, что интересная по языку (обыденно-разговорный языкъ разныхъ слоевъ общества того времени, во мно-

*) Л. л. 23, 73, 129, 130, 132, 136, 196 и обор. Приказн. стол. ст. № 519.

гомъ отличный отъ приказнаго, дѣловаго языка) издаваемая „переписка“ представить извѣстный интересъ для историка, біографа, генеалого и для изучающаго хозяйственный бытъ Руси во второй половинѣ XVII столѣтія. Кромѣ того несомнѣнно, что письма, адресованныя очень близкимъ людямъ и родственникамъ и, конечно, не предназначенныя для общаго свѣдѣнія, во многихъ случаяхъ скорѣе могутъ гарантировать точность и истинность, чѣмъ даже оффиціальныя акты, предназначенныя въ свое время для публики. Такія письма представляютъ иногда цѣлое откровеніе, такъ какъ въ нихъ зачастую съ точностью и необыкновенно живо рисуются и тогдашнія событія и дѣятели, ярко опредѣляются взгляды и настроеніе эпохи.

При изданіи писемъ въ началѣ cadaго изъ нихъ помѣщена въ скобкахъ цифра листа, которою онъ занумерованъ въ столбцѣ Приказнаго стола № 519, хранящемся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Князья Хованскіе происходятъ отъ Гедимины, великаго князя Литовскаго. Внукъ Гедимины Патрикей Александровичъ, князь Звенигородскій, прибывъ въ Москву въ 1408 г., вступилъ на службу великаго князя Василія Дмитріевича. Его сынъ, князь Федоръ, имѣлъ сына Василія, который прозывался Хованскимъ; онъ то и былъ родоначальникомъ князей Хованскихъ, игравшихъ такую видную роль въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ XVII столѣтія, которая и привела нѣкоторыхъ членовъ этой фамиліи къ глубокотрагическому концу.

Отсылая желающихъ ознакомиться съ жизнью Ив. Андр. Хованскаго и сына его Андрея (единственныхъ изъ встрѣчающихся въ перепискѣ Хованскихъ, о которыхъ имѣются біографическія свѣдѣнія) къ Русскому Біографическому Словарю, изданному подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова, я приведу лишь нѣсколько данныхъ, касающихся событій, предшествовавшихъ ихъ казни и непосредственно слѣдовавшихъ за нею, основываясь на добытыхъ новыхъ архивныхъ матеріалахъ, находящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Тутъ прежде всего встрѣчаемся съ грамотой, заготовленной для надворной пѣхоты и долженствовавшей объяснить причины арестованія ея начальника.

„Отъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ— московскихъ выборныхъ полковъ генерала нашего думного Агѣя Алексѣевича Шепелева урядникомъ и рядовымъ солдатомъ. Въ прошломъ во 190 году по нашему великихъ государей указу велѣно приказъ Надворные Пѣхоты вѣдать боярину нашему князю Ивану Хованскому, *) и онъ будучи въ томъ приказѣ всякія дѣла дѣлалъ по своимъ прихотямъ безъ нашего великихъ государей указу самовольствомъ своимъ, не докладывая насъ великихъ государей, да онъ же князь Иванъ, приходя къ намъ, великимъ государемъ, на васъ и всѣхъ полковъ на надворную пѣхоту приносилъ многія лживыя слова, чего отъ васъ не бывало, а отъ насъ великихъ государей выходя къ вамъ, говорилъ многія жъ слова на смуту, чего у насъ великихъ государей не бывало, и иныя всякія дѣла дѣлалъ умысломъ своимъ, противяся нашему великихъ государей указу.

А сентября во 2-мъ числѣ нынѣшняго 191 году въ нашемъ великихъ государей походѣ въ селѣ Коломенскомъ объявилось у переднихъ воротъ прилѣплено письмо, а въ томъ письмѣ написано, что онъ князь Иванъ съ сыномъ своимъ князь Андреемъ умышляютъ на наше великихъ государей здоровье и на державу нашу злыя хитрости, хотятъ насъ великихъ государей извести, и государствомъ нашимъ завладѣть, и быть на Московскомъ государствѣ государемъ. А каково то письмо объявилось, и по нашему великихъ государей милостивому указу посланъ къ вамъ списокъ подъ сею нашею великихъ государей грамотою.

А онъ князь Иванъ и сынъ его князь Андрей по нашему великихъ государей указу за тѣ ихъ великія вины и за многія ихъ воровства и измѣну казнены смертью.

И какъ къ вамъ ся наша великихъ государей грамота придетъ, и вы бѣ пятидесятники и десятники и рядовые о томъ нашъ великихъ государей указъ и его князь Иванову и сына его князь Андрея

*) У Соловьева, кн. III стр. 904 сказано такъ: „У надворной пѣхоты не было начальника; начальникомъ ея сталъ, не извѣстно по чьему указу, князь Хованскій.“

явную измѣну, и на наше великихъ государей здоровье злой умысль, и подь государствомъ нашимъ подысканье вѣдали, а никакимъ его и дѣтей его и сродниковъ прелестнымъ и лукавымъ словамъ и письмамъ не вѣрили, и на себя наше великихъ государей опалы и никакого гнѣву не опасались, и никакого сумнѣнія въ томъ не имѣли, потому что нашего великихъ государей гнѣву на васъ нѣтъ. И вы бѣ въ томъ однолично на нашу великихъ государей милость были надежны безо всякаго сумнительства и опасенія, и себѣ нашу великихъ государей грамоту и съ письма списокъ вычетъ всемъ [вслухъ о томъ дѣлѣ намѣреніе свое объявили и къ намъ великимъ государемъ отписали безъ мотчанья.] *)

Писанъ въ нашемъ великихъ государей Троицкомъ походѣ въ нашемъ дворцовомъ селѣ Воздвиженскомъ лѣта 7191-го сентября въ день“.

Внизу грамоты приписано: „А Родіонова полку Жданова писать“. Еще ниже дана форма обращенія къ нему: „Московского выборнаго стольника и полковника Родіонова полку Жданова урядникомъ и рядовымъ солдатомъ.“

Изъ первоначальнаго текста видно, что эта грамота заготовлена была для надворной пѣхоты и при томъ на случай слѣдствія и суда надъ Хованскими, такъ какъ на мѣстѣ сообщенія объ ихъ казни стояло: „а его князь Ивана и сына его князь Андрея указали мы великіе государи для розыску въ томъ дѣлѣ взять къ намъ великимъ государемъ въ походъ.“ **)

Отсюда очевидно, что такая скорая казнь Хованскихъ не входила въ намѣреніе правительства, а произведена была подь вліяніемъ особаго давленія съ чьей либо стороны.

Нѣкоторый свѣтъ на это, быть можетъ, проливаетъ челобитная кн. Вас. Вас. Голицына по поводу событія, случившагося за недѣлю съ небольшимъ до казни Хованскихъ.

„Царемъ государемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ бьетъ челомъ холопъ вашъ Васька Голицынъ: въ нынѣшнемъ, государи, во 191 (1682) году сентябрь въ 8 день были людишки

*) Слова, заключенныя въ скобки, въ текстѣ вычеркнуты.

**) М. А. М. Ю. Московскаго стола столбець № 639, лл. 14—16.

мои у праздника на Бутыркахъ, и по знакомству были въ гостяхъ выборнаго полку у солдатъ. И какъ пошли къ Москвѣ, и на дорогѣ напали на нихъ невѣдомо какіе люди, и учили ихъ бить и, бивъ, покинули замертво. А одного человѣка моего Родьку Чернева привели въ приказъ Надворные Пѣхоты, а сказались надворная жъ пѣхота Матвѣева полку Марышкина.

И человѣченко мой, Родька, въ приказѣ разспрашиванъ, и послѣ разспросу бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій велѣлъ того моего человѣченка поставить передъ собою въ верху и велѣлъ его разспрашивать съ великимъ пристрастіемъ вдругорядь, а прежнія его разспросныя рѣчи велѣлъ отставить. И мстя мнѣ, холопу вашему, недружбу, что у меня съ сыномъ его съ бояриномъ со княземъ Андреемъ Ивановичемъ ссора, посылалъ на дворишко мой по битыхъ людей моихъ капитана со мною надворною пѣхотою. И людишка мои отъ того страху разбѣжались, а битыхъ моихъ людишекъ съ двора взяли и привели въ приказъ.

Милосердые государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, тѣхъ моихъ битыхъ людишекъ и приводъ ихъ и разспросныя рѣчи изъ приказу Надворные Пѣхоты отослать въ иной приказъ и про бой людишекъ моихъ разыскать, кому вы, великіе государи, укажете, и велите, государи, о томъ дать къ нему боярину ко князю Ивану Андреевичу Хованскому свою великихъ государей грамоту. Цари государи смилуйтесь“.

На оборотѣ помѣта: „191 г. сентября въ 11 день государи пожаловали, велѣли тѣхъ людей и приводъ ихъ и разспросныя рѣчи взять въ Сибирской приказъ, и по тому дѣлу доложить себя, государей, окольничему Ивану Ивановичу Чаадаеву*), а къ боярину ко князю Ивану Андреевичу Хованскому съ товарищи послать о томъ свою государскую грамоту“.

И въ тотъ же день Хованскому была послана изъ дворцоваго села Павловскаго, тогдашняго мѣстопробыванія государей, соотвѣтствующая тому грамота**).

*) Какъ видно изъ переписки, сынъ кн. Ивана Андреевича, кн. Петръ Ивановичъ, былъ женатъ на Прасковѣ Андреевнѣ Кафтыревой, родной племянницѣ Ивана Ивановича Чаадаева.

**) М. А. М. Ю. Московскаго стола столбецъ № 639, л. л. 69—70.

Несомнѣнно, что князь Ив. Андр. Хованскій вслѣдствіе своего крутого, несдержаннаго характера имѣлъ много враговъ, и въ томъ числѣ могущественнаго боярина Ивана Михайловича Милославскаго, а тутъ еще къ нимъ присоединился не менѣе могущественный человѣкъ кн. В. В. Голицынъ, ближній совѣтчикъ царевны Софьи, фактически стоявшей во главѣ тогдашняго правительства.

И кто знаетъ, какую роль сыгралъ этотъ человѣкъ въ полной трагизма судьбѣ князей Ивана и Андрея Хованскихъ!

Любопытно прослѣдить, какъ чувствовало себя правительство послѣ внезапной, совершенной безъ суда и слѣдствія казни Хованскихъ.

Мы уже видѣли, что оно съ лихорадочной поспѣшностью рассылало оправдывающія себя и преувеличенно обвиняющія во всемъ Хованскихъ грамоты не только къ надворной пѣхотѣ, начальникомъ которой состоялъ казненный Иванъ Хованскій, но, повидимому, и ко всѣмъ другимъ полкамъ. Мало этого, слишкомъ крупной величиной были Хованскіе, чтобы съ ними не приходилось считаться правительству! И вотъ, полетѣли такія же грамоты и въ города, какъ это мы видимъ изъ отвѣтной отписки козловскаго воеводы Василія Дмитріева *): „... октября въ 9 день въ вашей великихъ государей... грамотѣ изъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Козловъ ко мнѣ, холопу вашему, за приписью дьяка Еремѣя Полянскаго написано: по вашему великихъ государей указу князь Иванъ Хованскій и сынъ его князь Андрей за многое ихъ воровство и за измѣну казнены смертію; и по той государи вашей великихъ государей грамотѣ велѣти бѣ мнѣ холоцу вашему полковниковъ и полуполковниковъ, и всѣхъ чиновъ служилыхъ людей, также стрѣльцовъ и солдатъ призвать къ приказной избѣ и о томъ, государи, что писано въ той вашей великихъ государей грамотѣ имъ объявить, и вашу великихъ государей грамоту велѣти имъ прочесть всѣмъ вслухъ, а, прочесть, говорить стрѣльцомъ и солдатомъ, что они, будучи на вашихъ великихъ государей службахъ, вамъ великимъ государемъ служатъ вѣрно и никакимъ прелестнымъ и смутнымъ словамъ не вѣрятъ и къ нимъ не пристають и во всемъ показываютъ къ вамъ великимъ государемъ свою службу и вѣрность, и

*) М. А. М. Ю. Бѣлгородскаго стола столбецъ № 1029, л. л. 117—120.

обыкное повиновеніе и всякое послушанье, и вы великіе государи ихъ стрѣльцовъ и солдатъ и всякихъ чиновъ служилыхъ людей за ихъ вѣрную службу жалуете, милостиво похваляете, и они бѣ и впредь никакимъ его князь Ивановымъ и дѣтей его прелестнымъ письмамъ не вѣрили и на вашу великихъ государей милость были надежны, и буде гдѣ прелестныя письма его князь Ивановы и дѣтей его объявятся, и они бѣ, служа вамъ великимъ государемъ, извѣщали о томъ мнѣ холопу вашему, а письма приносили въ приказную избу, и тотъ ихъ извѣтъ велѣти бѣ мнѣ, холопу вашему, записывать, а письма принимать, и тѣхъ людей, буде до кого дѣло дойдетъ, спрашивать и разыскивать накрѣпко, и тѣхъ людей и письма присылать къ вамъ великимъ государемъ. А буде гдѣ кто Хованскихъ объявятся, и ихъ, потому-жъ имая и спрашивая, присылать къ вамъ великимъ государемъ за крѣпкими караулы съ великою осторожностью.

А кто, государи, о такихъ прелестныхъ письмахъ извѣститъ и письма воровскія въ приказную избу принесетъ или кого Хованскихъ, поймавъ, приведетъ, или про нихъ извѣститъ, и по его извѣту изыманы будутъ, и за то отъ васъ великихъ государей тѣ люди вашею великихъ государей милостью будутъ разысканы.

И я, холопъ вашъ, прочеть тое вашу великихъ государей грамоту протопопу и священникомъ, и козловцомъ градскимъ и уѣзднымъ всякихъ чиновъ людямъ, которые въ то число прилучились въ Козловѣ, велѣлъ быть въ соборную церковь и за ваше государское здорье, что всемогущій и всеильный въ Троицѣ славимый Богъ избавилъ васъ, государей, отъ враговъ вашихъ и покорилъ тѣхъ враговъ вашихъ и сопостатовъ подъ ноги вапа, и злой замысль разрушилъ и искоренилъ, велѣлъ пѣть молебень.

А отпѣвъ молебень, по вашему великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ указу, солдатскаго строю полковника Мартина Болдина и начальныхъ людей, которые нынѣ въ Козловѣ, и козловцовъ всякихъ чиновъ людей, такъ же стрѣльцовъ и солдатъ велѣлъ я холопъ вашъ призвать къ приказной избѣ и вашу государскую милость, что писано въ вашей великихъ государей грамотѣ, имъ козловцомъ сказалъ и грамоту вашу великихъ государей

велѣлъ вычести всѣмъ вслухъ. И они козловцы всякихъ чиновъ служилые люди, также стрѣльцы и солдаты, выслушавъ тое вашу великихъ государей грамоту, о вашемъ государскомъ здоровьѣ зѣло обрадовались, и за вапу государскую милость вамъ великимъ государемъ били челомъ и сказали, что они вамъ великимъ государемъ служить и обыкное повиновеніе и всякое послушаніе противъ вашего государскаго крестнаго цѣлованья чинить и впредь ради, а будетъ де, государи, гдѣ объявятся Хованскіе или ихъ письма, и они де, государи, тѣхъ Хованскихъ, изымавъ, приведутъ, а письма ихъ принесутъ въ Козловъ въ приказную избу“

Тоже самое происходило, вѣроятно, и въ другихъ городахъ, въ какіе только попадали царскія грамоты съ извѣщеніемъ о смерти Хованскихъ.

Внезапная казнь когда то всесильныхъ Хованскихъ, которымъ не дали времени не только оправдаться, но и приготовиться похристиански къ смерти, произвела глубокое впечатлѣніе на народъ; и, говорятъ, существовало преданіе, что въ селѣ Троицкомъ, называемомъ также Недѣльнымъ, гдѣ были зарыты отецъ и сынъ Хованскіе, они выходятъ ночью на встрѣчу путникамъ, снимаютъ свои шапки вмѣстѣ съ окровавленными головами и горько жалуются на черную неблагодарность царевны Софьи, которой они помогли сдѣлаться правительницей государства, и на малодушіе бояръ, осудившихъ ихъ съ такой поспѣшностью на смерть.

Дѣйствительно, трудно и представить, какую душевную муку переживали Хованскіе 17 сентября 1682 г., когда они стояли въ селѣ Воздвиженскомъ передъ осудившими ихъ на смерть боярами. Муку тѣмъ болѣе тяжелую, что, повидимому, ничто не могло указывать на скорый роковой конецъ, такъ какъ правительство неизмѣнно продолжало обращаться въ важныхъ случаяхъ все къ тому же вѣдавшему Москву, за отъѣздомъ государей, боярину князю Ивану Андреевичу съ товарищи: еще за недѣлю до казни имъ была получена грамота относительно движенія войскъ на Украинѣ, „въ которыя мѣста пристойно,“ и отписано объ исполненіи, а за три дня, т. е. 14 сентября,—грамота о высылкѣ въ с. Воздвиженское московскихъ чиновъ для встрѣчи сына гетмана Самойловича (Московскаго стола столбцы №№ 621 и 632).

Неодинаковая судьба постигла двухъ другихъ сыновей Ивана Андреевича. Ивана, выданнаго стрѣльцами 8 октября 1682 г., привезли въ Троицкій монастырь, прочли ему смертный приговоръ „за воровство, что онъ учинилъ на Москвѣ смятеніе великое,“ положили на плаху, но не казнили, а отправили съ женой и дѣтьми въ ссылку въ Сибирь на Лену, и дальнѣйшая его участь намъ не извѣстна. О Петрѣ мы узнаемъ изъ наказа, даннаго въ октябрѣ 7191 (1682) г. пѣкному Зилоту Захар. Кишкину, по которому онъ долженъ былъ ѣхать въ Савинскій монастырь, куда былъ сосланъ Петръ Ивановичъ подъ началь, и отвезти его на житѣ въ Суздальскую деревню, гдѣ и присматривать за нимъ и въ особенности за его письмами: „и будетъ въ тѣхъ письмахъ къ смятенію и ни къ какому дурну ничего будетъ не написано, и тѣ письма велѣтъ ему посылать, куда ему надобно,“ въ противномъ же случаѣ съ нарочными гонцами прислать его письма въ Разрядъ.*)

Но въ послѣдствіи ему посчастливилось совершенно оправдаться въ глазахъ Петра I и занимать должности, требующія особаго довѣрія. Такъ въ 1693 г. мы видимъ его воеводой въ Кіевѣ (Московскаго стола столбець № 621), а въ 1704 г. ему велѣно „быть въ Сѣвскѣ для береженья великороссійскихъ, малороссійскихъ и украинныхъ городовъ отъ прихода шведовъ“ (того же стола № 1157).

Прилагаю родословную таблицу отца Ивана Андреевича:

Хованскіе

Андрей Андр. † 1639

Иванъ, по празванію Тараруй,		Семень,		
ж. Ирина Ѳедоровна, урожд. Пушкина**).		ж. Ирина Ивановна урож. Михалкова.		
Петръ,	Василій.	Андрей,	Иванъ,	Аксинья.
ж. Прасковья Андр. урож. Кафтырева.		ж. Анна Сем.	ж. Праск. Ѳедор., ур. кн. Куракина.	
		Юрій.		
Андрей, Михаилъ, Наталья, Василій род. 1694 г.		Михаиль.		

Г. Г. Лукьяновъ.

Москва, 1 марта 1905 г.

*) М. А. М. Ю. Московскаго стола № 645, л.л. 156—160. Указаніемъ на этотъ столбець я обязанъ уважаемому сослуживцу Н. С. Бѣляеву.

**) См. столб. Московск. ст. № 137, л.л. 222—223.

I.

ПЕРЕПИСКА КН. ПЕТРА ИВАНОВИЧА ХОВАНСКАГО.

A.

Переписка съ родственниками и знакомыми:

1. Отъ отца, князя Ивана Андреевича.

(73) Князя Ивана Хованскава сыну моему князю Петру Ивановичю: пиши ко мнѣ о своемъ здоровье и о княгининомъ и о детяхъ.

А о мнѣ вѣдомо буди тебѣ: ноября по 2 число на московскомъ дворишке з живущими ся обретаемъ, а впредь Богъ волить.

Буди тебѣ вѣдомо: сказано мнѣ къ Белогороцкаму и къ Севскому полку на князь Григорьево место Ромодановскава*), да чайть, незамедленно и побреду.

А ты живи поопаснее и не сорь напрасна денекъ. Хорошо-бъ у тебя и служба была наготове: не узнать каково времяне посадятъ тебя на Двине**), взпаешь свою часть.

А се писмо издери.

По семь миръ вамъ.

*) Бояринъ кн. Григ. Григ. Ромодановскій—полковой воевода, извѣстный, главнымъ образомъ, своими военными дѣйствіями противъ турокъ, татаръ и изменниковъ черкасъ, убитъ въ стрѣлцкомъ мятежѣ 15 мая 1682 г.

**) Говорится о предстоящемъ назначеніи кн. П. И. воеводой въ Архангельскъ.

2. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(129) Князя Івана Хованскава сыну моему князю Петру Івановичю: пиши ко мнѣ о своемъ здоровье и о клиинномъ и о детяхъ.

А о мнѣ вѣдомо буди тебѣ: іюня по 3 число в подмосковной деревне в Никольскомъ *) з живуцями ся обретаемъ, а впреть Богъ волиять.

Ведомо тебѣ буди: церковь чудотворца Николая и пределы совсемъ построены и настоящая да пределъ Иоанна Златоустаго освящены, божественная литургея в обѣхъ храмахъ; и сіе превѣліе дело по моему грѣшному обѣщанію въ совершенство достигло. Зело есмъ веселы и радости наполнился!

А ты такожде потпиися, елико Богъ тебѣ благоволиять. А хорошо-бъ паликадило приложилъ, та тамъ у васъ подешевле **) московскава. А тебѣ чудотворецъ воздасть сугубо.

По семь миръ тебѣ.

А на Москвѣ по се время все благополучно, вестей ниоткуль нетъ, а впреть что учинитца, и тому время окажетъ.

*) По писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда Сосенскаго стана 7135—36 (1627—28) г.г. значится: „Сельцо Никольское въ Плечиковѣ, что слыла деревня Поповская, на рѣчкѣ Сосенкѣ,—вотчина за княземъ Андреемъ Андреевичемъ Хованскимъ“. Съ 1640 по 1682 г.г. вотчина была за его сыномъ Иваномъ Андреевичемъ. Послѣ его казни этимъ селомъ владѣлъ въ 1683 г. окольничій Петръ Тимоѣевичъ Кондыревъ, а отъ него перешло въ 1700 г. къ его дочери Настасѣ, женѣ Ѳедора Семеновича Бутурлина, и внуку Кондырева кн. Александру Никитичу Прозоровскому, у которыхъ оно было куплено въ 1701 г. Автономомъ Ивановичемъ Ивановымъ; по смерти послѣдняго имѣніемъ владѣлъ его сынъ Николай, потомъ внукъ Сергѣй Ник.; и затѣмъ въ 1747 г.—вдова Николая Автономовича Анна Ивановна, бывшая потомъ замужемъ за Бредихинымъ, съ дочерью Аграфеной и Марѳой.

Николаевская церковь въ с. Никольскомъ, Плечинѣ тожь, съ придѣлами построена въ 1677 г. Объ этомъ въ книгѣ Казеннаго приказа 7186 (1677—78) года говорится такъ: „по выпискѣ за помѣтой дьяка Перфилія Сѣменовича пришла вновь церковь Николая чудотворца, да въ придѣлѣхъ Іоанна Златоустаго, да великомученицы Пряны въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ боярина князя Івана Андреевича Хованскаго въ селѣ Никольскомъ...“. (Историч. матеріалы о церквахъ и селахъ В. и Г. Холмогоровыхъ. Пехрянская десятина).

Какъ видно изъ содержанія письма, послѣднее можетъ быть отнесено къ 3 іюню 1678 г., т. е. ко времени окончанія построенія церкви.

**) Вѣроятно, говорится о выпискѣ паликадила изъ за-границы морскимъ путемъ, такъ какъ къ этому времени кн. П. И. былъ воеводой въ Архангельскѣ.

3. ОТЬ КН. ПЕТРА ИВАНОВИЧА ХОВАНСКАГО КЪ ОТЦУ ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ.

(130) Государю моему батюшку князю Ивану Андрѣевичю сынишко твой Петрунька благословения твоего прошу і много челомъ бью. Подай тебѣ, государю моему, Господь Богъ многолѣтное здоревье на вѣки.

Пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здоревье, какъ тебя, государя моего, Господь Богъ милостию своею хранить. А я желаю по всякъ часъ слышать про твое многолѣтное здоревье.

А матушка, государь, кнеиня Орина Федоровна, далъ Богъ здорово февраля по 2 день. А про меня, пожалуешь, изволишь спросить, и я на Москвѣ твоими святыми молитвами по то-жъ число живъ до воли Божіи.

Да говорилъ мнѣ Илья Чириковъ, чтобъ мнѣ к тебѣ, государю, отписать Двинского уѣзду за черного попа Антонія, чтобъ дѣти ево в наслѣдїи родительскомъ отъ сродникъ ихъ избожены не были. И я милости у тебя, государя, прошу, пожалуй для меня, будь к нимъ милостивъ. А Илья Чириковъ ко мнѣ добръ, и к тебѣ, государю, истинно и з братомъ с Ондрѣемъ, и к намъ работникъ. А братъ ево Ондрѣй—в комнотѣ, а онъ, по государьской милости, в окольничихъ *).

А о зговорѣ князь Ивана **) брата изволишь вѣдать, и зговоръ будетъ февраля въ 4 день, а и свадьба, чаеть, будетъ в тотъ же день.

По семь у тебя, государя, благословения прошу и много челомъ бью.

4. ОТЬ МАТЕРИ, КН. АРИНЫ ФЕДОРОВНЫ.

(17) Отъ матери княини Арины Федоровны свѣту моему сыну князь Петру Ивановичу.

*) Стольникъ Андрей Ивановичъ Чириковъ пожалованъ въ комнату, а братъ его Илья Ивановичъ въ окольничіе, въ первый годъ царствованія Феодора Алексѣевича.

**) Младшій сынъ Ивана Андреевича Хованскаго родился въ янв. 1650 г. † 4 марта 1726 г.

Здравствуй, свѣтъ мой, (съ) своею женой, а съ моею невѣстушкою, и (съ) своими дѣтьми, а съ моими мнучаты, на многія лѣта, и буди покровенъ десницею вышняго Бога!

Пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ и про здоровье невѣстушки моей княгини Парасковьи Андреевны и про дѣтей своихъ, а мнѣ бы, слыша про ваше здоровье, радоваться.

А про насъ похочешь вѣдать, про отца и про меня, и про братьей, и про сестру, мы іюня по 10 число, далъ Богъ, живы.

Да досадно мнѣ, свѣтъ мой, на тебя и отцу, что ты къ намъ не пишешь ни о чемъ. Два гонца были отъ тебя, а ни одной грамотки отъ тебя не бывало. Да писалъ ты, свѣтъ, къ человѣку своему къ Дмитрею Козлову, велѣлъ ты слугъ принимать къ себѣ, и онъ по твоему письму принялъ человѣка Богданова двора Хитрова*); и мы его видали: добрѣ добрѣ и жена его добра и дѣлать горазда всячины пить, и куды послать не стыдно ее, только онъ семействъ, три мальчики у него.

Да пишешь, свѣтъ, велишь людей принимать, а пожаловать нечѣмъ; все надобно мѣсячина, надобно и деньги и указное, чѣмъ сытымъ быть, а ты ничего не пришлешь. А какъ мы сподобимся, мы къ тебѣ того человѣка пришлемъ безъ жены, а тотъ человѣкъ самъ восемь.

Потомъ буди на тебя, свѣтъ мой, милость Божія и мое благословеніе.

5. Отъ нея же.

(92) Отъ матери княгини Арины Ѳедоровны свѣту моему сыну князю Петру Ивановичу. Здравствуй, свѣтъ мой, съ своею женою, а съ моею невѣстушкою съ княгинею Парасковьею Андреевною и съ дѣтьми своими, а съ моими мнучаты, на многія лѣта и буди покровенъ десницею вышняго Бога! Пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ и про здоровье невѣстушки моей и про дѣтей своихъ, а

*) Хитрово, Богданъ (Іовъ) Матвѣевичъ, ближній бояринъ и дворецкій, намѣстникъ Ржевскій, начальникъ приказа Большого Дворца, занимавшій видное мѣсто въ царствованіе Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, род. въ 1615 или 1616 г., ум. 27 марта 1680 г. Между прочимъ, извѣстенъ своей ссорой съ патриархомъ Никономъ и отпущеніемъ на волю передъ своей смертью своихъ холоповъ и плѣнниковъ.

мнѣ бы, слыша про ваше здоровье, радоваться. А про насъ хочешь вѣдать: мы марта по 25 число всѣ, даль Богъ, живы, а отецъ, даль Богъ, здоровъ, пріѣхалъ къ Москвѣ.

Да слышала я, свѣтъ мой, что невѣстка не можетъ, и я о томъ кручинна гораздо. Да приказывала я, свѣтъ мой, къ тебѣ съ князь Андреемъ и со крестьяны про шоры, чтобы ты шоры отдалъ нашему человѣку Анфиногену, и ты шоръ не далъ; а я отца великую кручину приняла, а шоры лутшія были. Да пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ почаще про свое здоровье, про не(вѣ)скино и про дѣтей. Не надсажай моего сердца! Да берегите, свѣты, дѣтей, что я приказывала съ Григоровымъ*). Да потомъ буди на насъ милость Божія и мое благословеніе.

Да заняла я, свѣтъ мой, два рубли денегъ тебѣ на водку, и ты пришли поскорѣе тѣ деньги.

6. ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

(71) Отъ матери княгини Арины Федоровны свѣту моему сыну князь Петру Ивановичу. Здравствуй, свѣтъ мой, (съ) своею женою, а съ моею невѣсткою, княгинею Парасковьею Андреевною и (съ) своими дѣтьми, а съ моими мнучаты, на многія лѣта и буди покровень десницею выпшняго Бога!

Пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ и про здоровье невѣстухи моей, и про дѣтей своихъ, а мнѣ бы, слыша про ваше здоровье, радоваться.

А про насъ похочешь вѣдать, про отца и про меня и про братьей, и про сестру, — мы іюня по 19 число живы всѣ. А мнѣ, свѣтъ мой, досадно на тебя, что ты ко мнѣ не пишешь про свое здоровье, а про мое не спрашиваешь, али тебѣ, свѣтъ мой, не надобна?

Да послала тебѣ, невѣстуха, княжна двѣнадцать каралеовъ съ пушкаремъ въ великой постъ. И ты, невѣстуха, отпиши къ намъ дошли ли каралки до тебя?

По томъ буди на тебя милость Божія и мое благословеніе.

*) Яковъ, сотникъ.

7. ОТЪ БРАТА, КН. А. И. ХОВАНСКАГО (1678 г. 11 июля).

(23) Государю моему брату князь Петру Ивановичю: многолѣтно, государь, здравствуй!

Пожалуй, государь, прикажи писать про свое многолетное здорově и про зъдорově невестушкино и про детушекъ. А я радъ слышать по всякъ часъ о твоємъ здоровьѣ).

А про меня похочешь ведать, и я на Москвѣ живъ зъ женишкою и зъ девченкою въ печалехъ своихъ, а въпредь якоже благодать Ево святая о мнѣ волить.

Пожалуй, государь братецъ, не покручинься, что я стрельцомъ трубачей не послалъ.

Право, государь, въ кручине и свету не вижу, потому что сына моево князь Юрья не стало волею Божіею. И я, государь, пришлю х тебѣ тотчасъ, а пошплю ихъ х тебѣ іюля въ 15 день наскоро, только что не займетъ.

А польскія, государь, послы еще съ Москвы не отпущены; а съ поля, государь, вести никакія не являються.

Пожалуй, государь братецъ, промысли мнѣ корову да быка немецкихъ.

По семъ писаниі братишко твой Андрюшка челомъ бьетъ. 186 г. іюля въ 11 день.

8. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(32) Государь мой братецъ, князь Петръ Ивановичъ, здравствуй о Христѣ на вѣки!

Гонцы, государь, отъ тебя пригопляютъ безпрестанно, а ты ко мнѣ не пишешь, съ чѣмъ ты ихъ присылаешь. И ты, государь, изволь ко мнѣ писать съ чѣмъ пошлешь.

Также къ Ивану Ивановичу Чаадаеву*) изволь писать, а ему на Москвѣ зѣло добро, а онъ на тебя зѣло досадуеть, что ты къ нему не пишешь. И о томъ изволь отписать къ нему, чтобъ безъ меня деревень твоихъ поберечь, а онъ тебѣ совершенной пріятель.

По семъ писаниі братишко твой Андрюшка челомъ бьетъ. Ноябрь въ 1 день.

*) Дядя жены кн. П. И. Хованскаго.

9. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(81—82) Государю моему брату князю Петру Ивановичу многолѣтно здравствуй! Прикажи пи(са)ть про свое многолѣтное здоровье и про здоровье невѣстужино и про дѣтушекъ.

А про меня изволишь вѣдать и про жену, и я на Москвѣ живыми ся обрѣтаюсь, а впредь якоже благодать его свята о (м)нѣ воличь.

Да извѣстно тебѣ, братецъ, буди: сказано боярамъ въ палатѣ сидѣть за расправными дѣлами октября въ 18 депь: въ началѣ бояринъ князь Микита Ивановичъ да сынъ его бояринъ князь Яковъ Микитичъ Одоевскіе, *) бояринъ князь Владимиръ Дмитревичъ Долгорукой, **) боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову, ***) окольничему Михайлу Головину, ****) князь Данила Борятинской, *****) Александра Хитрой, †) Микита Боборыкинъ, *†) думные дворяне: Иванъ Желябовской, **†) Богданъ Полибинъ, ***†) думные дяки: Григорей Богдановъ, Аѳанасей Зыковъ; ****†) сидѣть въ Золотой палатѣ, писаться ему боярину князю Микитѣ Ивановичу, слушать дѣла съ товарищи.

Того же числа сказано въ Судной приказъ князю Ивану Дашкову, а съ нимъ Михайла Глѣбовъ съ братомъ, да четыре дяка.

*) Рюриковичи, потомки св. князя Михаила Черниговскаго, бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій (предсѣдатель редакціонной комиссіи по составленію Уложенія 1649 г.) † 12 февраля 1689 г., а его сынъ бояринъ Яковъ Никитичъ † въ авг. 1697 г.

**) Рюриковичъ, потомокъ св. князя Михаила Черниговскаго, бояринъ Владиміръ Дмитріевичъ Долгоруковъ † 12 юля 1701 г.

***) Кн. Троекуровы, Рюриковичи, отрасль князей Ярославскихъ, Ив. Бор. бояринъ (1678 г.), начальникъ Стрѣлецкаго приказа (1689 г.)

****) Михайлъ Петровичъ Головинъ, бояринъ съ 1682 г.

*****) Барятинскіе (или Борятинскіе въ старину) князя Рюриковичи, потомки св. князя Михаила Черниговскаго, кн. Данила Аѳанасевичъ, воевода, участвовалъ въ битвахъ противъ поляковъ и въ усмиреніи Разинскаго бунта, въ 1682 г. былъ въ званіи окольничаго и товарищемъ воеводы казанскаго.

†) Александръ Севастьяновичъ Хитрово † 22 авг. 1686 г., въ окольничіе пожалованъ въ 1676 г. п. Ѳедоромъ Алексѣевичемъ въ годъ вступленія его на престолъ.

*†) Никита Михайловичъ Боборыкинъ, окольничій.

**†) Окольничій Иванъ Аѳанасевичъ Желябужскій (въ старину писался часто Желябовской) † послѣ 1709 г.

***†) Богданъ Ѳедоровъ Полибинъ, окольничій съ 1682 года.

****†) Богдановъ Григорій Карповъ по указат. къ Боярскимъ книгамъ думнымъ дякомъ значится съ 1668—86 г.г., а Зыковъ Аѳанасій Тихоновъ думнымъ дякомъ 1667 г., а въ 1682 г. уже думнымъ дворяниномъ.

Да въ Кіевъ сказано князь Петру Прозоровскому, а съ нимъ Левон(т)ью Неплюеву, Василью Лопухину.

Въ Смоленскъ—Петръ Солтыковъ съ дѣтьми да Кирила Хлоповъ.

Да просятъ крѣпостей на Красниково, и ты пришли.

По семь писанъ братъ твой Андрюшка челомъ бьетъ.

Писано октября въ 19 день.

10. Отъ жены, кн. Прасковьи Андреевны.

(76—77) Государю моему князю Петру Ивановичу женишка твоя Паранька челомъ бью. Подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, многолѣтно здравствовать во многія лѣта! Пожалуй, государь, изволь къ намъ отписать про свое многолѣтное здравье. А пожалуешь, государь, изволишь вѣдать про насъ, и я и съ рабятками милостію и долготерпѣніемъ Божиимъ марта 1 день живы.

Пожалуй, государь князь Петръ Ивановичъ, изволь къ намъ ѣхать, не мѣшкая. А пожаловалъ о тебѣ заступилъ у государя и сдѣлалъ то, што тебѣ къ Москвѣ быть, батька нашъ милосердай отецъ князь Юрье Алексѣевичъ. *) А батюпку князь Ивану Андреевичу и князю Андрею Ивановичу пошелъ сего-жъ числа указъ, велѣно къ Москвѣ жъ быть все его-жъ заступленіемъ. Пожалуй, отецъ мой, не изволь мѣшкать ни за чѣмъ, изволь все покинуть. Ей, намъ вѣра не имѣется, што очи твое видѣтъ.

А Кафтыревы, **) государь, имъ о (по)месье бью челомъ,—и нынѣ промышляютъ и ходятъ гораздо крѣпко, чтобы до тебя дѣло то вершить, а перенести хотятъ дѣло изъ Разбойнаго приказу въ Помѣстной приказъ; а въ Помѣстномъ приказѣ сидятъ князь Иванъ Рѣпинъ, ***) и они на него гораздо надежны и мнѣ, пріѣзжаячи грозятъ. И ты, батька мой, умиласердися, не мѣшкай, какъ бы не потерять. А наипаки всего насмѣшка ихъ! А теперъ имъ гораздо печаль, на што тебѣ указано быть.

*) Бояринъ кн. Долгоруковъ, начальникъ Стрѣлецкаго приказа, умерщвленный на восьмидесятомъ году жизни стрѣльцами во время ихъ бунта 15-го мая 1682 г. Схороненъ въ Богоявленскомъ монастырѣ.

**) Родственники кн. П. И. Хованскаго по женѣ, съ которыми у него былъ земельный споръ.

***) Бояринъ кн. Иванъ Борисовичъ Рѣпинъ † 5 іюня 1697 г., въ Помѣстномъ приказѣ былъ въ 1677 и 1678 гг.

Да послала я къ тебѣ, государь, (съ) Семеномъ Кальтытовскимъ тридцать рублевъ денегъ, да грамота съ естемъ же гонцомъ къ тебѣ послана, велѣно тебѣ взять вина. И ты, батька мой, изволь тамъ кому вино отдать, а на Москвѣ у того взять изволишь. А насъ виномъ не сама богата.

Да послала я къ тебѣ, свѣтъ мой, коврижечку, и тебѣ бы, батька мой, кушать на здоровье.

А какъ, государь мой, Христось тебѣ дастъ здоровье, и дастъ Владыка, какъ будешь въ русскихъ городахъ, и ты, батька мой, пожалуй, пришли ко мнѣ человѣка, штобы мнѣ про твое здоровье вѣдать.

Да пожалуй, государь мой князь Петръ Иваповичъ, для нашего прошенія, будетъ возможно, в(о)з(ь)ми (съ) собою Кирилла Лихарева, а ихъ добродѣтель истинно многа нетолько што въ очи, ина и заошъна.

Да Алексѣй Мещериновъ милости у тебя просить, будетъ возможно, штобы ты пожаловалъ Ѳедора Мещеринова взялъ (съ) собою. А будетъ тебѣ, государь мой, гнѣвно, што я къ тебѣ пишу, и мнѣ истинно нельзя было не писать отъ слезъ Ѳедоровы жены.

Да милости у тебя, батька мой, прошу, не презри моего прошенія для своего многолѣтнаго здоровья, в(о)з(ь)ми (съ) собою Ѳедора Борисова сына Лобзина ради слезъ матери его. Истинно, государь, обмыты ноги наши слезами матери его, да и добродѣтели ея ко мнѣ много. Пожалуй, батька мой, умилосердися для Спаса, будетъ милость твоя, будетъ возможное то дѣло тебѣ учинить. Да пожалуй, батька мой, изволь отпустить и Сидорова шурина, хотя тебѣ, государь, Сидоръ за твою милость и всякое зло воздалъ, только ты милость надъ шуриномъ его, милость удиви ради слезъ матери его.

По семь, батька мой, я тебѣ, свѣту своему, много челомъ бью. Изволь, мой батька, ѣхать къ намъ поскорее, дай намъ себя видѣть!

11. Отъ кн. Петра Ивановича къ женѣ.

(132) Отъ князь Ивановича женѣ моей кнеине Парасковье Андрѣевнѣ да детямъ моимъ князю Андрѣю Петровичю, да князю Михайлу Петровичю по благословленью. Многолетно здравствуйте на веки!

А я живъ марта въ 19 день, живъ до воли Божьи.

Да послалъ я челоуѣка своего Лукашку, а съ ни(мъ) послалъ лошадей и возы; а что на возахъ—и тому я послалъ в се(хъ) грамоткахъ росписи. Да послалъ я образы: образъ Спасовъ, и темъ и образомъ благословилъ князь Михай(ла), ты принеси ево сама передъ Спасовъ образъ и попроси у Нево милости, и Онъ ево исцѣлитъ ото всякие болезни.

Да послалъ я к тебе мешечикъ лисей черевей да двои миткали, да кисею на сорочки, и тебе бы носить на здоровье. А какъ приведетъ Лукашка и приведетъ лошадей, и тебе бы на Москвѣ оставить лошадей: соловава жеребца да темносерова коня, даполовова коня, да дву саньниковъ; а те саньники, что на Москвѣ были гнѣдые, пошли на Филипово. И всехъ лошадей, которые придуть съ Лукашкою послать на Филипово, опричь техъ, что писано про лошади, а саньниковъ на Филиповѣ на стойле. А сена вели взять у Алексѣя у Духанина два стога; я о томъ писалъ к нему. А овса пошли побить челоуѣкъ к Микиѳору Оустову. Для Света Христа не помори, чтобъ серой конь ис тела не выбился. А темносерой конь—князь Андрѣевъ, а половой—князь Михайловъ. А я остался только*) душой да тѣломъ. А послалъ я к тебе с Лукашкою пездесять рублевъ денегъ, а на большое не подиви: Богъ видитъ, у самово ни алтына не осталось.

По семь буди с вами милость Божья на веки.

12. Отъ него же къ женѣ.

(214—215) Отъ князь Петра Ивановича женѣ моей кнеинѣ Парасковѣ Андреевнѣ поклоуѣ, да сыну моему князю Андрею Петровичу благословленіе! Пиши ко мнѣ, Андреевна, про свое многолѣтнее здоровье и про Андриюшенькино здоровье, и про Наташенькино здоровье, какъ васъ Господь Богъ милостью своею сохраняетъ. Пишите ко мнѣ про свое здоровье.

А про меня похочете вѣдать, и я на службѣ великаго государя на Дону въ новостроенномъ ратномъ Черкасскомъ городкѣ генваря въ 5 день живъ до воли Божьи.

*) Вѣроятно, „только“.

Да послалъ я къ вамъ челоувѣа своего Климку, а съ нимъ послалъ я къ тебѣ отласъ алой да поставчикъ, а князь Андреюшку послалъ мальчика да бурку бѣлую, а Натальюшкѣ послалъ коробку сахару.

Да писала ты ко мнѣ объ дѣвочкѣ татаркѣ, чтобы купить, и я (и)стинно не добылъ. А хоша бы и было гдѣ добыть купить, и у насъ такое положено право, *) что не покупать никому и въ напемъ Черкасскомъ городкѣ женскаго полу не держать. Естля я купилъ маленькую, и на меня бы глядя купили иные и большую осподари.

Побей челоуъ Аванасью Ивановичу**), что пожаловалъ съѣздилъ съ князь Андреемъ къ патріарху и князь Юрю Алексѣвичу, и къ Артамону Сергѣевичу***), и побили челоуъ обо мнѣ безъ челоуъ битной, чтобъ государь указалъ меня взять съ Дону нынѣшнимъ путемъ. Вѣдаешъ и сама какіе свои пожитки, хошь бы и не мнѣ (?).

А се мнѣ стало и не къ службѣ на Дону жить.

А на большіе гостинцы не покручинься; что есть, тѣмъ и челоуъ бью. А полотень затѣмъ и не послалъ, что положить негдѣ, что санишка худы. А что послалъ я мальчика, и ты его, Андреевна, Господа ради, вели его беречь, а мальчикъ конешно будетъ. А которыя лошади придуть, и ты ихъ вели отвезть Климкѣ жъ на Филиппово и вели на тѣ лошади выдать на Филиппово овса въ филипповскую мѣру двѣ четверти и кормить ихъ. А посланъ съ Климкою конь да кобыла.

А будетъ только государьской ко мнѣ милости не будетъ, не велить меня перем(ѣн)ить, и ты побей тому жъ Аванасью Ивановичу, чтобы онъ побилъ челоуъ великому государю за меня объ годовомъ жалованѣ, о хлѣбномъ и о денежномъ, и князь Юрю Алексѣвичу и Артамону Сергѣевичу, а то мнѣ жить будетъ нечѣмъ на Дону. А только будетъ государьская ко мнѣ милость, годовое жалованье, и ты ко мнѣ съ тѣмъ запасомъ и съ деньгами пришли тотчасъ Федьку Козлова на Воронежъ, а съ Воронежа вели ко мнѣ Дономъ плыть съ тѣмъ запасомъ.

По семь буди милость Божья съ вами на вѣки.

*) Въ текстѣ написано „правова“.

**) Можетъ быть, Матюшкину.

***) Кн. Долгорукову и Матвѣву.

Да послалъ я масла раковаго сткляницу, а оно зѣльно прогодно *): гдѣ въ ногахъ или въ рукахъ ломъ, такъ тутъ разогрѣвши натирать въ теплѣ, гдѣ грыжи есть. А на Москвѣ оно дорого, и не давай его никому. Да поиди къ Петрунѣ лѣкарю или къ Янкѣ, къ нимъ обоимъ, чтобы они мнѣ прислали масла гвоздишнаго да купороснаго побольше. Да отпиши на Филиппово, чтобы положили пѣгаго жеребеночка и не ѣз(ди)ли на немъ никуда.

Да послалъ я грамотки, и ты побей челомъ Аѳанасью Ивановичу, чтобы онъ пожаловалъ съѣздить съ князь Андреемъ ко князь Юрью Ивановичу и отвезъ грамотку,—а къ Артамону Сергѣевичу грамотки не писалъ,—да къ Василью жъ Бохвостову грамотку вели отнести Климкѣ, въ той грамоткѣ о всемъ писано.

13. ОТЪ НЕГО ЖЕ КЪ ЖЕНѢ.

(133—135) Отъ князь Петра Иваповича женѣ моей кнеинѣ Парасковѣ Андреевнѣ поклонъ, да сыну моему князю Андрею Петровичу да дочери моей, кнежнѣ Натальѣ Петровнѣ, по благословленію!

Пиши ко мнѣ, Андреевна, про свое многолѣтнее здоровье и про Андрюшенькино здоровье, какъ васъ Господь Богъ милостію своею сохраняетъ.

А про меня изволите вѣ(да)тъ, и я на службѣ великаго государя на Дону въ новостроенномъ Черкасскомъ городкѣ февраля въ 1 день, далъ Богъ, живъ до воли Божіи.

Да писала ты, Андреевна, ко мнѣ, что прислано къ тебѣ государева жалованья денегъ мнѣ вполы на годъ противъ прежняго, и ты ко мнѣ писала, сколько ко мнѣ прислать къ тѣмъ денегъ въ прибавку, что ты прислала съ Яковомъ Григоровымъ, и ко мнѣ прислать къ тѣмъ деньгамъ только одну ст(о) рублевъ, а больше того отнюдь не присылать. Пусть тѣ деньги у васъ пригодятся, а я тѣми деньгами какънибудь стану прониматься.

Да ты жъ ко мнѣ писала, что ты ѣздила ко князь Юрью Алексѣевичу и била челомъ обо мнѣ, и онъ пожаловалъ, милосердовалъ обо мнѣ, и я то тому письму конешно вѣдаю.

*) Вѣроятно „пригодно“.

Да ты же ко мнѣ писала, чтобы мнѣ прислать лошадей, которыя понарочитыя есть, и отдать ихъ за долгъ, и я долгу никакого не занималъ ни у кого, и лошадей мнѣ отдавать не за что.

Когда будетъ воля государская, и я буду на Москвѣ, и безъ того, Господа ради, не продавай ожерелья и серегъ. Гдѣ нибудь заложи ожерелье или серьги, послушай меня, не продавай для то(го), что ужъ такого ожерелья или серегъ не залесъ тебѣ по себѣ. Богъ дастъ мнѣ здоровье, прїѣду, ну и я въ тѣ поры продамъ своего сѣдла двѣ лошади или три, такъ то и окупится, а съ мою нужу лошадей ещо останется: теперью у мене моего сѣдла пятнадцать лошадей, и худая лошадь рублевъ въ сорокъ. И Богъ дастъ мнѣ здоровье, прїѣхавъ переберу, которыя будетъ продать, а то онѣ всѣ перестарѣются же, себѣ оставлю съ нужу свою.

Да вели, Господа ради, Андреевна, матка моя, беречь лошадей, которыя прислалъ съ Дону; а наипаче вели беречь бураго большого коня, чтобы какъ его не испортили: конь молодой, чтобы онъ не зашибся или не запалился.

Писала ты, колѣбъ привезъ Ивашко одну, и ты ее отошли кому прїятелю; а у насъ на Дону этого билья*) много, а се кормить ее на Москвѣ убыточно: не ѣсть она ничего окромѣ рыбы.

Да писала ты ко мнѣ, чтобы прислать къ Москвѣ Мартынка, не замѣшкая нынѣча, что за нимъ дѣло великое,—и ты отпиши ко мнѣ, что за нимъ дѣло великое? Который гонецъ послѣ естой грамотки будетъ, и ты съ тѣмъ гонцомъ отпиши ко мнѣ тотчасъ, что за нимъ дѣло великое, для чего его прислать?

А камошки для того я и прислалъ назадъ,—и тѣхъ стало въ узду, которые ты прислала съ Климею. А Назарку плута б....а сына, для того и послалъ Проньку, велѣлъ его ободрать. И какъ прїѣдетъ Пронька, и ты ему не давай и дву день на Москвѣ жить, пошли на Филиппово и вели ему переписать хлѣбъ всякой, и сколько лошадей осталось. Тотчасъ пришли ко мнѣ эти росписи съ гонцомъ. А ему безъ моего вѣдома не посылать, покаместъ я отпишу и велю ему къ себѣ быть. А которыя лошади отъ меня придутъ, и ты, Господа ради, не вели ихъ уморить. Вели имъ отсыпать овса по четверти на лошадь въ тамошнюю мѣру. И вели ихъ кормить, не

*) „Колѣбъ“ и „билья“—такъ въ подлинникѣ.

какъ бы прежь сего воръ б.....ъ сынъ Степанъ Мокѣвичъ всѣхъ лошадей переморилъ. Отъ него мнѣ убытокъ сталъ и его небереженьемъ.

Да писала ты ко мнѣ, душа моя Андреевна, про коровъ калмыцкихъ, чтобы купить,—ино можно хошь десять коровъ купить прекрасныхъ, да высылка тяжела, никоими мѣрами нельзя.

А веблюдовъ у насъ на Дону нѣтъ, хошь сто рублевъ давай, такъ не добудешь. Одного было зиму-съ купилъ, и тотъ палъ; а нынѣча у князь Булата другого сторговалъ, такъ шелъ съ калмыки, и того свели.

А Пронькѣ жалованья всего додать два рубли доведется на нынѣшней годъ.

По семь милость Божья съ вами буди на вѣки неподвижна.

А на гостинцѣ не покручинься, что не прислалъ: Богъ видитъ, прислать нечего. Да при(шли) ко мнѣ тесемочку бѣленькую шелковую на узду; вели ее выткать въ кружки.

А какова надобна шириною и длиною—надобна 15 аршинъ—и я послалъ съ Пронькою образчикъ. И ты, матка моя Андреевна, не полѣнись, сдѣлай сама, чтобы она была поглаже, а не узловата.

На обор., рядомъ съ адресомъ, написано: Посланъ коврикъ да дороги полосатыя, да кушакъ камчатой, да шанданчикъ.

14. ОТЪ НЕГО ЖЕ КЪ ЖЕНѢ.

(181—184) Матка моя кнеиня Парасковья Андреевна здравствуй о Христѣ и съ дѣтками на многія лѣта!

А обо мнѣ тебѣ вѣдомо буди, что я, даль Богъ, здорово августа по 31 день промежь Валками и Водолагою.

Писала ты ко мнѣ, Андреевна, чтобы мнѣ къ тебѣ отписать подлинно, какъ валовое дѣло отдѣлають, и есть ли ко мнѣ государевъ указъ, какъ ратныхъ людей распустить? И валовое дѣло, мы чаемъ, что отдѣлаются сентября къ осмому числу, если не захватить ненастье. Первое было государевъ указъ валовому дѣлу сентября первое число, а другой указъ пришло(лъ), какъ отдѣлаемся валовое дѣло, велѣно ратныхъ людей распустить, другой указъ пришло(лъ), какъ отдѣлаются валовое дѣло, ратныхъ людей распустить. Я бы чаель,

если устояло на этихъ указехъ, такъ мы за благодатью Божью чтобы отдѣлялись сентября къ осмому числу, а кончая что къ десятому числу, лишь бы не было иной какой прибавки за грѣхъ за нашъ.

Писала ты ко мнѣ противъ князь Андреевыхъ грамотокъ братнихъ про товарищевъ, и я бы не токмо ихъ и видѣлъ и я бы ихъ и не слышалъ такихъ товарищевъ: таковы они мнѣ тѣ товарищи надобны.

Да послалъ я къ вамъ въ Курскъ съ Клаусомъ лошадей своихъ стоялыхъ, аргамака рыжаго, аргамака гнѣдого, аргамака голубого, да съ тѣми же людьми послалъ своего сѣдла лошадей и оноходцовъ и жеребятъ и кобылъ; и сколько ихъ числомъ, и то послалъ подъ сею грамоткою роспись.

Да къ тебѣ жъ послалъ полотна азовскаго добраго самага со сто съ восемьдесятъ аршинъ слипкомъ да три кисеи, а мѣрою въ нихъ пятьдесятъ три аршина и полъ-аршина на сорочки, и тебѣ бы то носить на здоровье, да бархату зеленова правчетаго аршинъ, на что согдится. И какъ тѣ люди прѣйдутъ съ лошадьми, и ты пошли на Филиппово съ лошадьми Гараську да Ваську, да Проньку, да изъ тѣхъ людей котораго нибудь. Да вели, Господа ради, тѣхъ лошадей довести, которыя придутъ съ дороги, мерзенько.*)

А какъ тѣхъ лошади доведутъ, и ты отпиши на Филиппово, чтобы тѣхъ лошадей пустили на поло.*) Да и тѣ лошади моего сѣдла, что стояли на Филипповѣ на стойлѣ, гораздо бы ихъ выдержавъ день другой, и т(р)етей дать имъ походить въ треногахъ, тожъ пустить ихъ на поло*) простыхъ и беречь ихъ накрѣпко.

О хлѣбномъ государевѣ жалованьѣ побей челомъ, чтобы тебѣ муку на Москвѣ выдали, а овесъ и крупу и вино чтобы послали ко мнѣ, грамоту чтобы велѣли взять мнѣ на Дону, а которыя грамоточки привезутъ люди съ Дону ко князю Юрю Алексѣвичу и къ Артамену Сергѣевичу, и ты тѣ грамотки съ тѣми людьми пошли къ нимъ. А людей пошли ко мнѣ тотчасъ, не мѣшкая, только дай имъ на Москвѣ жить два дни.

А если бы мнѣ быть на Дону, и я бы и послѣднюю рубашку съ себя отдалъ не у дѣла быть. А нынѣ за волей государскою, что мнѣ велѣно ит(ит)ъ съ Дону въ Запороги и быть у совершеннаго

*) Такъ въ подлинникѣ.

дѣла, а изъ Запорогѣ итить въ Крымъ. А естли что надо мною, что воли Божія и учинится,—и у меня останется послѣ меня князь Андрей, *) такъ вѣчная слава будетъ, что я былъ въ Крымѣ, а то пикто не бывалъ въ Крымѣ отъ начала свѣту. А будетъ Господь Богъ вынесетъ меня въ добромъ здоровѣи и увижу васъ въ добромъ: вѣдаешь ты и сама, что безъ року смерти не бываетъ, а отъ воли Божьи нигдѣ не уклониться, гдѣ часъ воли Божьи придетъ.

А лошадей не мнѣ себѣ того, что мнѣ присылывать(?). Мнѣ своя голова лутче всего свѣту: естли моей головы не будетъ, то мнѣ и свѣту будетъ переставленье. А естли буду я на Москвѣ, и я, Богъ видитъ, и за лутчую лошадь не постою.

Да и къ тебѣ пишу: Господа ради, не можете бить челомъ обо мнѣ. Вижу то я и самъ, что мнѣ съ вами до той зимы не видаться, только не могу, когда намѣрено мнѣ, отъ той службы отбиться. Не сдѣлайте меня вѣчно не слугою, что обо мнѣ бить челомъ.

Да послалъ я къ те(бѣ), Андреевна, людей своихъ Лукашку да Петруньку, да Гараську, да Яску, да Ваську, да мальчика татарченка Атевлю князю Андрею. Да послалъ я къ тебѣ образъ тезоименитства твоего кипарисной рѣзной въ кіотѣ въ рѣзномъ.

А на Воронежѣ пошли людей Лукашку да Петруньку, да Яску, да Мишку, повара молодого, а съ ними пришли ко мнѣ масла коровья да орѣховаго, да коноплянаго.

Да побей челомъ друзьямъ, чтобы кто пожаловалъ свезъ ихъ до Козлова. А въ Козловомъ отпиши къ Еремѣю Пашкову **) грамотку, чтобы пожаловалъ, велѣлъ ихъ проводить до Воронежа, а то ихъ и велить тотчасъ проводить. А Гараськѣ да Климкѣ, да Васькѣ вели быть черезъ Валуйку лошадьми, а которыхъ лошадей велю имъ привести и тому напишу роспись.

По семь буди милость Божія съ вами па вѣки.

А что послано было ко мнѣ съ Яковомъ Григоровымъ, и то все ко мнѣ привезъ.

А на большее, Андреевна, гостинцы не покручинься, Богъ видитъ, не добылъ лутче того ничего.

Роспись лошадямъ, которыя посланы съ Дону: аргамакъ саврасой,

*) Его сынъ.

**) Воевода въ Козловѣ.

конь карей, виноходець игреней, виноходець бурой, конь бѣлогубой старой, жеребенокъ половой Боковской, жеребенокъ темносѣрой съ заплаткою, жеребенокъ карей, жеребенокъ чубарой, жеребенокъ чалой, жеребенокъ темносѣрой, кобыла темносѣрая большая, кобыла темносѣрая молодая аргамачья, кобыла вороная лысая да кобыла карая, да жеребеночекъ карей нынѣшней, да санникъ сѣрой.

А которыхъ привести на Донъ съ Гараскою да съ Климкою, да съ Васьюкою: конь бурой скин(?), да конь мухуртой Мартынкинъ, да конь пѣгой крымской, да два мерина пѣгихъ, да меринъ мухуртой.

15. ОТЬ НЕГО ЖЕ КЪ ЖЕНѢ.

(218) Отъ князь Петра Ивановича женѣ моей кнеинѣ Парасковѣ Андреевнѣ поклонъ да сыну моему князю Андрею Петровичу благословенье! Пиши ко мнѣ, Андреевна, про свое многолѣтное здорье и про Андриушенькино здорье, какъ васъ Господь Богъ милостью своею сохраняетъ.

А про меня похочете вѣдать, и я на службѣ великаго государя на Дону въ новостроенномъ ратномъ городкѣ, далъ Богъ, здорово октября въ 19 день.

Да писала ты ко мнѣ, Андреевна, чтобы тебѣ бить челомъ государынѣ царицѣ, а князь Андрею бить челомъ государю и бояромъ о перемѣнѣ, чтобы меня государь указалъ перемѣнить, и ты, Господа ради, не отсѣви мнѣ головы, теперьво попови сама, не бей челомъ, а князь Андрея не посылай къ бояромъ бить челомъ, для того что нынѣче присланъ ко мнѣ гонецъ: велѣно тотча(съ) городокъ на казачѣхъ ерькѣ *) по(с)троить, а казаки не хотятъ. У насъ вельми на Дону смутка стала великая; и какъ ето дѣло минуется, и я тогда тебѣ пришлю тотчасъ человекъ, въ тѣ поры велю бить челомъ о перемѣнѣ неотступно. Какъ бы нибудь вырваться нынѣча зимою или весною, какъ бы нибудь съ Дону. А нынѣче никоими мѣрами нельзя бить челомъ, не поставя дѣла на мѣрѣ.

*) Такъ въ подлинникѣ.

Да писала ты ко мнѣ, Андреевна, что нынѣ Григорья Косагова на Москвѣ нѣтъ, а впередъ какъ будетъ на Москвѣ и станетъ присылать о деньгахъ, и ты хочешь продать ожерелье или серьги, и ты. . . .

(Конецъ письма въ столбцѣ не найдено.)

На оборотѣ рядомъ съ адресомъ помѣта: Привезъ сю грамотку съ Дону Прокофеевъ ноябрю 12 число.

16. ОТЪ НЕГО ЖЕ КЪ ЖЕНѢ.

(213) Отъ князь Петра Ивановича женѣ моеи кнеинѣ Парасковѣ Андреевнѣ поклонъ да сыну моему князю Андрею Петровичу благословенье!

Пиши ко мнѣ про свое многолѣтнее здоровье и про дѣтиное здоровье, какъ васъ Господь Богъ милостью своею сохраняетъ.

А про меня похочете вѣдать, и я на службѣ великаго государя на Дону въ новостроенномъ Черкасскомъ городкѣ ноябрю въ 17 день живъ до воли Божьи.

Да что писалъ я къ вамъ грамотку съ Яковомъ Григоровымъ, а въ ней ничего не написано; и ты, матка моя Андреевна, о томъ не печалься, Господа ради: для того въ ней и не написано, что посланъ тотъ Григоровъ въ скорыхъ часехъ.

И ты, Господа ради, тому не вѣрь, либо кто станетъ тебѣ доносить, что съ казаками у насъ станетъ чиниться худо, и ты тому не вѣрь. А что будетъ, и впрямь такъ было, и мы за помощью великаго Бога и за праведною государя нашего молитвою и счастьемъ сами имъ мы ужъ будемъ сильны. И я прошу твоего жалованья, кнеиня Парасковья Андреевна, умиласердися, Господа ради, надо мною и надъ собою, не сокрушайся напрасно о томъ. Истинно я тебѣ пишу не ложно. А что будетъ я то провѣдаю, что ты станешь сокрушаться, и мнѣ и досталъ въ такихъ бѣдахъ будетъ моихъ сокрушиться.

Да пошли князя Андрея, написавъ челобитную, къ Артамену Сергѣевичу побить челомъ объ государевѣ жалованьѣ о годовомъ, о хлѣбномъ и о денежномъ. А въ челобитной написать, что помирать

голодной смертью на службѣ великаго государя на Дону и одоужалъ великими долгами, покупаючи. . . .

(Конца письма въ столбцѣ не найдено.)

На оборотѣ письма написано: сыну моему князю Андрею Петровичу; *а рядомъ съ этимъ адресомъ:* Привезъ сю грамотку съ Дону человекъ князь Ивана Мосальскаго декабря 19 день.

17. Отъ кн. Петра Ивановича къ сыну Андрею Петровичу.

(139) Отъ князь Петра Ивановича сыну моему князю Андрею Петровичу благословенье! Пиши ко мнѣ Андриушенька про материно здоровье и про свое здоровье, и про сестрино здоровье, какъ васъ Господь Богъ милостью своею сохраняетъ.

А про меня вамъ вѣдомо буди, что я живъ, на службѣ великаго государя на Дону въ новостроенномъ Черкасскомъ городкѣ августа въ 1 день живъ до воли Божія.

Да послалъ я къ тебѣ Андреевна, съ Иваномъ Безчасновымъ сыномъ Фроловымъ азовскаго мыла двѣсти шестьдесятъ брусковъ да пшена сорочинскаго пять пудъ, да камышки, которые ты ко мнѣ прислала, да иныхъ тутъ же прибавилъ камышковъ, въ сей грамоткѣ запечатаны послалъ къ тебѣ назадъ: мнѣ не надобны, у тебя на что изойдетъ.

А что напередъ я къ тебѣ сей грамотки писалъ про Марка, и тебѣ бы его ко мнѣ прислать, съ кѣмъ можно, а будетъ не съ кѣмъ прислать, и тебѣ его послать на Филиппово, сховавъ.

А полотна тебѣ купилъ аршинъ съ полтора и больше; вельми прекрасно, какого у насъ лутче нѣтъ. А тебѣ каково покажется?

Да, Господа ради, обо мнѣ промышлай обо мнѣ, чтобы меня взяли съ Дону. А людей въ приказъ не посылай къ Артамену Сергѣевичу и на дворъ бить челомъ объ жалованьѣ и ни о чемъ. Толь(ко) батюшко на Москвѣ, ему безпрестанно бей челомъ, чтобъ о перемѣнѣ Артамену Сергѣевичу, чтобъ меня взяли.

По семь буди милость Божія съ вами на вѣки.

На оборотѣ письма рядомъ съ адресомъ приписано: Привезъ сю грамотку съ Дону дворянинъ Иванъ Безчасновъ сынъ Фроловъ.

18. ОТЬ НЕГО ЖЕ КЪ СЫНУ АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ.

(140—142) Отъ князь Петра Ивановича сыну моему князю Андрею Петровичу благословенъ! Пиши ко мнѣ Андриюшенька про материно здоровье и про свое здоровье, про сестрино здоровье, какъ васъ Господь Богъ милостью своею сохраняетъ. А мнѣ бы про ваше здоровье о Христѣ радоваться!

А про меня похочете вѣдать, и я на службѣ великаго государя на Дону въ новостроенномъ Черкасскомъ городѣ ноября въ 11 день живъ до воли Божьи.

Да писали вы, Андриюшенька, ко мнѣ, что вы ко мнѣ прислали грамотки съ Оедькою, стрѣльцомъ Петрова приказу Астафьева, и велѣли вы противъ тое грамотки отписать, и я про то писалъ съ Пронькою обо всемъ и нынѣча пишу о томъ же: Господа ради промыслий, какъ Богъ васъ наставить. Къ патриарху самъ съѣзди съ Ованасемъ Ивановичемъ побить челомъ, а къ духовниковичу отнюдь не ѣзди бить челомъ. Вѣдаете вы и сами: когда патриархъ и въ архиваритахъ*) былъ, толды до меня былъ д(об)ръ. И у него милости попросите обо мнѣ, а къ духовниковичу отнюдь не бейте челомъ и на дворъ къ нему не ѣздите. Вѣдаете и сами: и преже сего до меня добръ не бывалъ, а нынѣча и пореду съ нимъ стала ссора за дворъ; нечего и позориться напрасно.

Да пишете ко мнѣ во всѣхъ грамоткахъ про Мартынка, и вы отпиши(те) ко мнѣ, какое великое дѣло, великое до него? И вы меня истинно и досталь сокрушили, итакъ насилу брожу, день брожу, а два дни лежу. Я не могу умомъ отмыслить, какое дѣло можно въ грамоткѣ написать, какое великое дѣло?

Да писали вы о томъ ко мнѣ, что у васъ хоромы на Москвѣ въ конецъ худы: передняя горница завалилась, а построить нечемъ; а какъ я и поѣхалъ, и вы съ тѣхъ мѣсть хлѣбъ и дрова и сѣно покупаете. И я то, ей ей, вѣдаю въ конецъ про то и безъ вапего письма; и я хошь и послѣднее платишко свое продамъ и лошадей своихъ, а къ вамъ денегъ пришлю съ человекѣкомъ своимъ (съ) станицею. А будетъ не успѣю нынѣча прислать денегъ, и я съ зимнею караванною станицею, конешно, пришлю. А нынѣча я Бога свидѣ-

*) Такъ въ подлинникѣ.

теля поставляю на душу свою: естли у меня была одна копейка, и я бы и тое на двое разсѣкъ, половину бы къ вамъ послалъ. Вѣрите ли вы Богу, когда я и сталъ государю работать, и я такой падъ собою нужи и бѣдъ не видалъ. Когда былъ я и въ неволѣ и кайдалы па себѣ видѣлъ, и та мнѣ неволя етой воли была лутче въ пятеро. Да пожалуй Адревна, Господа ради, умилосердись, когда будетъ время, послать побити челомъ князь Андрея къ Артамону Сергѣевичу и князь Юрью Алексѣевичу. И ты побей челомъ и милости попроси у Аѳанася Ивановича, чтобы онъ пожаловалъ съ нимъ съѣздить. А будетъ какое не время лучится съ нимъ съѣздить, и поплешь его съ людьми своими, и ты накажи имъ накрѣпко, когда приѣдетъ князь Андрей на дворъ, и ты имъ вели его проводить до передней полаты (къ) князь Юрью Алексѣевичу или къ Артамону Сергѣевичу, а съ нимъ вели одному человѣку и(ти)тъ; вѣдаешь ты и сама, что они люди глупые: пойдутъ оравою. А князь Андрею вели бить челомъ патриарху и князь Юрью Алексѣевичу и Артамону Сергѣевичу безъ челобитной, такъ словесно, о томъ, что ужъ мнѣ доходить на Дону два годы на службѣ великаго государя, а подмоги мнѣ хлѣбнаго жалованья и денежнаго на другой годъ не дапо, жилъ такъ безъ жалованья. А съ челобитной отнюдь бы не билъ челомъ.

Да какъ приплеть Пронька росписи съ Филиппова хлѣбу и лошадамъ, и ты, Господа ради, пришли тѣ росписи ко мнѣ. Да отпиши на Филиппово, какіе жъ тамъ деньженокъ сберется, и на тѣ деньги на всѣ, сколько сберется, вели купить сѣна; и либо государская милость, велять меня взять къ Москвѣ, чтобы мнѣ клячь не поморить, которыя со мной придутъ. Потому и заранѣе купится, такъ не пропадетъ, и въ годъ стоитъ, ничто ему сдѣлается, не двѣ цѣны толды будетъ покупать, нынѣча съ осени дешевле купится; а будетъ застоится въ годъ, и впредь намъ же заступитъ.

А отпиши ко мнѣ, matka моя Андреевна: что, живетъ у насъ Анна Полозова? Можно ли ее заошно на службѣ сговорить? А есть такіе люди нарочитые и заошно сговорить, мнѣ повѣря, затѣмъ что просятъ роспись, что приданаго. И ты пришли ко мнѣ роспись, что будетъ приданаго, и къ отцу ея отпиши, можно ли ему, какъ бы что малое удѣлить, мужичка или двухъ? А люди нарочитые хотятъ взять.

По семь съ вами буди милость Божья на вѣки!

А о мнѣ конешно неоплошно бейте челомъ, чтобы мепя нынѣшней зимой взяли къ Москвѣ.

На оборотъ письма рядомъ съ адресомъ приписано: Да отпи(ши) ко мнѣ, Андрюшенька, прислалъ ли Еремѣй Цапковъ кобылу мою гнѣдую, что я у него покинулъ, или нѣтъ, и вылѣчилась ли она? А будетъ не прислалъ кобылы, и ты къ нему отпиши, чтобы пожаловалъ, прислалъ ее къ Москвѣ.

19. ОТЬ НЕГО ЖЕ КЪ СЫНУ АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ.

(131) Отъ князь Петра Ивановича сыну моему князю Андрею Петровичу благословеніе! Пиши ко мнѣ Андрюшенька про материню здоровье и про свое, и про сестрино здоровье, какъ васъ Господь Богъ милостью своею сохраняетъ.

А про меня похочете вѣдать, и я на службѣ великаго государя на Дону въ новостроенномъ Черкасскомъ городкѣ ноября въ 12 день живъ до воли Божьи.

Да писалъ я къ вамъ Андрюшенька съ Пронькою про лошади, которыя были хворобы, вылечились ли онѣ или нѣтъ? И которы лошади моего сѣдла, — всѣ ли онѣ здоровы? Пришли ко мнѣ тѣмъ лошадямъ роспись.

По семь будь на васъ милость Божія съ вами на вѣки неподвижна.

И хлѣбу роспись пришлите.

А ся грамотка не запечатана.

На оборотъ письма рядомъ съ адресомъ приписано: Привезъ сю граматку съ Дону сотникъ Яковъ Григоровъ ноября 21 число.

20. ОТЬ НЕГО ЖЕ КЪ СЫНУ АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ.

(136) Андрюшенька здравствуй на вѣки с матерью і с сестрою.

Писалъ ты ко мнѣ, с чѣмъ Івашка Качатовъ приѣхалъ і белгородцкой стрелець; і у васъ въ Курску у всѣхъ людей подлинная вѣсть есть обо всякихъ дѣлехъ, объ роспуске і о воловомъ строенни, і я будто к вамъ подлинно не пишу; і мню ту, что есть въ Курску плутень много, и всѣхъ ихъ не возможно переслушать. Я к вамъ

писалъ зъ деньщикомъ, въ другой съ Клясомъ, въ третей съ Петрунькою Клюемъ обо всемъ подлинно, а лишнѣе что і писать, инѣ нечего.

Первая грамота прислана объ жалованьи ратнымъ людямъ, а другая грамота: велѣно послать проводить посланника крымскаго до коихъ мѣстъ пригожъ. Указъ одинъ мнѣ присланъ сначала: велѣно валъ здѣлать и ратныхъ людей распустить, а буде къ иному каму указъ присылають, і я того не вѣдаю. Писалъ ты ко мнѣ про лехтычку, что обивать ли сукномъ, — и сукномъ еѣ не обивать; а бейте стамедамъ; зеланого іли краснаго стамеду не дабыли, і вы обѣйте хотя голубымъ; а избушку вели чернить.

А на враки вамъ хто станеть сказывать, и вы не гледите, всего не переслушать. Да отпиши ко мнѣ, для чего не матирина рука?

Но семь буди милости Божья съ вами на вѣки неподвижна.

21. ОТЬ НЕГО ЖЕ КЪ СЫНУ АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ.

(137—138) Отъ князя Петра Хованскаго сыну моему князю Андрею Петровичу. Пиши ко мнѣ о своемъ з(доровьѣ)*) и о матириномъ.

А обо мнѣ похотитя вѣдать, и я на служ(бѣ) великаго государя на Дону февраля по 20 живь.

А что вы ко мнѣ писали съ Семепомъ Колт(овскимъ), и что послали ко мнѣ, и то до меня все дош(ло).

Да писалъ я къ вамъ преже сего, чтобъ послать ко (мнѣ) людей, не мѣшка, и вы ко мнѣ ихъ посылайте; только ко мнѣ пошлите дв(у) человекъ служилыхъ людей да дву человекъ изъ работныхъ людей кого-нибудь; а велити имъ итить на Воронежъ. А что велѣлъ было людямъ быть на Волуйку съ лошадьми, и вы тѣхъ людей на Волуйку съ лошадьми не посылайте: будетъ съ меня и тѣхъ лошадей. А будетъ тѣ люди посланы ко мнѣ до сей моей грамотки, и вы ихъ не ворочайте.

Да отпиши, Андрюшанька, къ вору б у сыну къ Назаркѣ па Филиппово, чтобъ онъ лошадей берегъ неоплошно. А въ стадо бы всехъ лошадей пустилъ, которыя въ нынѣшнемъ и въ прошломъ году присланы къ намъ, только бы не пускалъ одного бураго ино-

*) Край верхней половины письма въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оторванъ.

ходца, а то бы всѣхъ вели пустить коней и иноходцовъ моего сѣдла. А полового Боковскаго жеребенка, что присланъ отъ меня, да пѣгаго жеребенка домашняго и иные, которые есть жеребята, велитя всѣхъ, повыбравъ, положить.

А обо всемъ вамъ я отпишу и человекѣ пошлю съ Семеномъ Колтовскимъ. А обо мнѣ безпрестанно бейтя челомъ князю Юрью Алексѣвичу, чтобъ меня взялъ съ Дону.

По семъ буди съ вами милость Божья на вѣки неподвижна.

А что вы ко мнѣ объ лошадяхъ писали, и вы отнюдь никому лошадей не сулитя и никому не давайти. А мнѣ отнюдь никому лошадей не давывать и ничего.

22. Отъ Алексѣева Кирилла. *) (1682 г. 2 сент.)

(123) Государю князю Петру Ивановичу работникъ твой Кирюшко Алексѣевъ челомъ бьетъ. Подай тебѣ, государю многолѣтно и благополучно здраву быти и отъ Господа Бога и отъ великихъ государей нашихъ, царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ вся благая безнавѣтно получить!

А о мнѣ, государь, работникъ своемъ, изволишь пожаловать напомянуть, и я на службѣ великихъ государей сентября по 2 число по волѣ великаго Бога живъ.

Вѣдомо тебѣ, государю, буди: крымскіе послы Устемиръ мурза съ товарищи къ окольнічему и воеводѣ къ Петру Дмитріевичу**) пришли въ обозъ на рѣчку Ратозенку августа въ 28 числѣ. А къ размѣнному, государь, мѣсту окольнічей и воевода Петръ Дмитреевичъ Скуратовъ пойдетъ съ рѣчки Ратозенки сентябрю въ 3 числѣ пинѣшняго 191 году.

По семъ у тебя, государя, милости прося, премного челомъ бую.

А Никита Ксенефоновичъ по се вышеписанное число въ обозъ къ намъ не бывалъ.

*) Дьякъ, въ 1682 г. былъ посланъ въ Переволючню для переговоровъ съ крымскими послами о размѣнѣ плѣнныхъ, причемъ ему было дано 5000 р., на окупъ полонянниковъ и „размѣнное платье“ для мурзъ (Бѣлгородскаго стола ст. № 1063 лл. 104-108.)

**) Скуратовъ, сходный товарищъ бывшаго въ Курскѣ воеводи, бояр. кн. П. И. Хованскаго.

23. Отъ Апухтина, Михаила *).

(54) Государю, милостивому ко мнѣ, князю Петру Ивановичу рабъ милости твоей Мишко Опухтинъ челомъ бью.

Дай Господь Богъ тебѣ, государю, будучи на службѣ великаго государя, многолѣтное здорвье со всѣми одержимыми тобою, государемъ моимъ. Прошу, государь, у тебя, милосердаго отца милости, прикажи ко мнѣ писать о своемъ, государя моего, многолѣтномъ здорвьѣ, а я, убогой работникъ твой, о твоемъ, государя моего, здорвьѣ слышати ежечасъ желатель.

А по премной, государь, своей ко мнѣ милости изволишь о моемъ убожествѣ милосердо напомннуть, и моему окаянству еще Владыко мой терпигъ: на службѣ великаго государя на Волуйкѣ октября по 8 число въ непрестанныхъ волокитахъ своихъ обрѣтаюсь съ живыми.

Въ отпискѣ, государь, твоей ко мнѣ написано, чтобъ мнѣ ѣхать отъ Волуйки до Царева-Борисова города, и отволокусь къ Усерду для досмотру и отписи валового дѣла. Прошу, государь, милости твоей, только возможно тебѣ, государю моему, отъ такой волокиты меня убогаго отставить; удиви милость свою.

Ей, государь, отъ многихъ посылокъ и отъ походовъ чуть ключи волочатся, а инья и попадали. Октября въ 9 день еще буду въ походъ за воинскими людьми, впизъ по Осколу рѣкѣ, а по какимъ вѣстямъ бреду того въ отпискѣ приписать не успѣлъ: октября въ 8 день прибѣжали волуйчя 14 человекъ на Волуйку, а въ распросѣ сказали, будто они сидѣли въ осадѣ отъ воинскихъ людей въ Дуванномъ Боеракѣ, прождавъ до ночи, изъ того Боерака побѣжали на Волуйку, покинувъ обозъ, а было де воинскихъ людей человекъ съ семьдесятъ о дву конь и пошли отъ нихъ внизъ по рѣчкѣ по Товолжанцу къ рѣкѣ Осколу къ Двурѣченскому городку.

И о семь милости у тебя, государя, прошу: въ отпискѣ для поспѣшенья приписано немного межъ строкъ, не положи въ дурость, приписавы для поспѣшенья своею рукою. Мишко рабъ твой Опухтинъ премного челомъ бью.

*) Вѣроятно, стольникъ Михаилъ Андреевичъ Апухтинъ, бывший товарищемъ воеводы на Волуйкѣ въ 1680 году, а затѣмъ воеводой на Коротоякѣ (Вѣлгородск. ст. столбцы №№ 952 и 1175).

И о семь тебѣ буди милостивому моему государю извѣстно: изъ степи многіе волуйчепя въ дома свои приходятъ въ добромъ здоровьѣ, которые были для своихъ промысловъ.

24. Отъ Багдасара и Михела.

(57) Государю князю Петру Ивановичу бьютъ челомъ арменена Балтазарко да Мишка*) и многослезно плачемся. Подай Богъ тебѣ, государь, многолѣтное здравіе!

А про насъ, государь князь Петръ Ивановичъ, про убогихъ изволишь припамятовать, и мы, государь, у Архангельскаго города**). марта въ 16 день въ кручинахъ своихъ одва живы. Били челомъ великому государю мы бѣдныя, а челобитную подали у Архангельскаго города, тебѣ, государь князь Петръ Ивановичъ, чтобъ челобитная наша послать подъ отпискою къ Москвѣ объ нашемъ отпуску и о товарехъ нашихъ. У милосердися, государь князь Петръ Ивановичъ, вели, государь, нашу челобитную подъ отпискою послать къ Москвѣ; а мы бѣдныя на твою милость, государь, надежны. И какъ придетъ съ Москвы указъ великаго государя и грамота объ нашемъ отпуску отъ Архангельскаго города и о товарехъ нашихъ, и мы, государь, тебѣ будемъ бити челомъ, что тебѣ, государю, годно. А жены наши и дѣти плачутъ объ насъ бѣдныхъ. А товарищи наши насъ проманили, отъ города уѣхавъ; а указу объ насъ не добыли для того, чтобъ имъ свои товары испродать цѣною.

Государь князь Петръ Ивановичъ, не положи насъ бѣдныхъ въ забвеніе.

*) Внизу письма подиши по армянски: Багдасаръ, Михель.

**) Въ 1666 г. представитель компаніи армянъ въ Персію подалъ царю челобитную, въ которой испрашивалось разрѣшеніе компаніи возить шелкъ, сырецъ и другіе персидскіе товары черезъ Московское государство въ Нѣмецкія земли съ обратнымъ пропускомъ изъ-за моря черезъ Архангельскъ съ нѣмецкими товарами, съ золотыми и ефимками въ Персію; при продажѣ шелка въ Архангельскѣ и другіхъ городахъ предлагалось уплачивать пошлины 5 коп. съ рубля. Въ маѣ 1667 года Ординымъ-Нащокпнымъ былъ заключенъ съ компаніей на означенныхъ условіяхъ договоръ, при чемъ агентомъ компаніи въ Москвѣ, по просьбѣ армянъ, утвержденъ былъ англичанинъ Брейнь. (Соловьевъ, 3 кв. стр. 561).

25. ОТЬ КН. БАРЯТИНСКАГО ФЕДОРА ЮРЬЕВИЧА *).

(21) Государю моему князю Петру Ивановичу Федька Барятинской челомъ бьетъ. Подай тебѣ, государю моему Господь Богъ многолѣтнее здоровье со кнеинею и съ дѣтками. Прикажи ко мнѣ писать объ своемъ здоровьѣ, а я вашего общаго здоровья слышать по Христѣ желаю. А про меня пожалуешь, похощь вѣдать, и я на Москвѣ сентябри въ 20 день обрѣтаюся съ живыми, а впредь Творца моего воли.

Челомъ бью, князь Петръ Ивановичъ, на отцовѣ жалованьѣ боярина князь Ивана Андреевича и на братнѣ князь Андрея Ивановича ко мнѣ милосердіи.

Да московскихъ вѣстей, князь Петръ Ивановичъ. Чигиринъ турки взяли; князь Григорей **) пынѣча службу худо показалъ, и хвалиться на него ни изъ какихъ людей нѣтъ; да турки жъ взяли Каневъ; а Корсунъ сдалася, а идутъ подъ Кіевъ, и только подъ Кіевъ придутъ, такъ де слава возьмутъ, только объ ратехъ здѣся мало добра.

Да поволь, князь Петръ Ивановичъ, на себя попенять, что не жалуешь, не пишешь объ своемъ здоровьѣ. Я чаю, за что ты гнѣвенъ на меня; только истинно вины никакой не вѣдаю.

По семь тебѣ, государю моему, челомъ бью.

26. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(9) Государю моему князю Петру Ивановичу Федька Барятинской челомъ бьетъ. Подай тебѣ, государю моему, Господь Богъ многолѣтнее здоровье на вѣки. Прикажи ко мнѣ писать объ своемъ здоровьѣ, а твоего здоровья слышать по Христѣ желаю. А про меня пожалуешь, похощь вѣдать, и я на Москвѣ декабря въ 16 день обрѣтаюся съ живыми, а впредь его Создавшаго воли.

Челомъ бью на твоёмъ жалованьѣ, князь Петръ Ивановичъ, что жалуешь, пишешь о своемъ здоровьѣ.

*) Старшій сынъ Юрія Никитича, въ 1678 году былъ вторымъ воеводой большаго полка въ войскѣ, выставленномъ противъ крымскаго хана.

**) Говорится о второмъ неудачномъ Чигиринскомъ походѣ воеводы кн. Григорія Григорьевича Ромодановскаго осенью 1678 года.

Писалъ ты ко мнѣ, князь Петръ Ивановичъ, чтобъ тебѣ отписать московскихъ вѣстей. И московскихъ вѣстей: боярамъ и воеводамъ сказали: въ большомъ полку—бояринъ князь Михайла Алегуковичъ Черкасской*), товарищъ ему князь Михайла Юрьевичъ Долгорукой, а третьему еще не сказано; съ Новгородскимъ полкомъ—батюшка твой, бояринъ, князь Иванъ Андреевичъ, товарищъ ему Иванъ Савастьяновичъ Хитрой, а третей Веденихъ Хитрой; съ Казанскимъ полкомъ—бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, а товарищъ ему Александръ Хитрой да Еремѣй Пашковъ; съ Бѣлогородскимъ полкомъ—Иванъ Богдановичъ Милославской, а товарищъ ему Веденихъ Змѣевъ да Григорей Косаговъ; съ Сѣвскимъ полкомъ—окольничей Матвѣй Степановичъ Пушкинъ, а товарищу его не сказано; а въ Кіевъ поѣхалъ бояринъ князь Никита Семеновичъ Урусовъ да окольничей князь Данила Аѳанасьевичъ Борятинской; а тебѣ, князь Петръ Ивановичъ, перемѣны не слышалъ, только брата твоего, князя Андрея Ивановича, написали въ разборъ, только, чаю, не пошлютъ, что боленъ. Челомъ бью на князь Андреевѣ жалованьѣ Ивановича. По милости твоей таковъ же ко мнѣ, какъ твое жалованье.

Пожалуй, князь Петръ Ивановичъ, отпиши къ князю Андрею Ивановичу, чтобъ и впредь таковъ былъ милостивъ.

Поволь, князь Петръ Ивановичъ, попенять на себя: за что ко мнѣ не пишешь объ князь Андреевѣ здоровьѣ Петровича; а я истинно вашего здоровья слышать по вся дни желатель.

А вѣсти турскія великія есть, и той стороны Днѣпра городки черкасскіе всѣ поимали. Ждемъ безперестанно подь Кіевъ.

По семь тебѣ, государю моему, челомъ бью.

А князь Петръ Ивановичъ (?) въ Симбирскѣ съ Семеномъ Нестеровымъ, съ товарищемъ своимъ, ссорился.

27. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(34) Государю моему князю Петру Ивановичу Оедька Борятинской челомъ бьетъ. Прикажи, государь, князь Петръ Ивановичъ, пи-

*) Письмо относится приблизительно къ 1679 году, такъ какъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ т. I говорится, что упомянутые бояре и воеводы были въ сентябрѣ и въ началѣ октября 7188 (1679) г. въ передней у руки великаго государя, прощаясь передъ выступленіемъ въ походъ.

сать ко мнѣ о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ, а я твоего, государя моего, здоровья слышать по вся часы желаю.

А про меня пожалуешь, изволишь, государь, вспомянуть, и я на службѣ великаго государя царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца отъ Сѣвска въ двадцати верстахъ іюня по 25 число милостію Господа Бога живъ.

Немилость твоя, князь Петръ Ивановичь, надо мною чинится, что ко мнѣ ни одной грамотки не писалъ, а я твой вѣчный работникъ и милости твоей по всякой день найжелатель.

Изволь ко мнѣ отписать, что у васъ дѣлается.

А я тому, ей, обрадовался, что тебя государь пожаловаль, велѣль на Москвѣ быть.

Пожалуй, батька мой, не покинь домишку моего, либо какое дѣльцо будегъ, чини споможенья.

По семь тебѣ, государю своему, челомъ бью.

28. Отъ Бильса, Якова *).

(89) Государю моему милостивому батьку князю Петру Ивановичу неотступной рабъ милости твоей Якушко Бильсъ, челомъ бьетъ. Многолѣтно, государь мой, здравствуй! Пожалуй, государь мой, вели отписать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ. Язь о твоемъ, государя своего, многолѣтномъ здоровьѣ по всякъ часъ желаю слышать.

А по милости, государь, своей пожалуешь, поволитъ обо мнѣ работникѣ своемъ напомнить: еще въ Бѣлгородѣ съ живыми сентября по 23. По указу, государь, великихъ государей велѣно мнѣ яттить съ Бѣлагограда, съ полками собрався въ походъ. А моего, государь, полку семь пушекъ взялъ съ собою Петръ Дмитріевичь.**) И о томъ какъ, государь, укажешь, гдѣ мнѣ пушки взять.

Прошу у тебя, государя, милости, князь Петръ Ивановичь государь, удиви государь отеческую милость свою надо мною, работникомъ своимъ: не озноби меня стараго мужика въ степи, пожалуй меня полстеною избушкою. А я тебѣ, государю, деньги приплю въ

*) Иноземець, полковникъ, потомъ генераль-маіоръ русской службы.

**) Скуратовъ, воевода.

тотъ часъ, что, государь, пожалуешь на мнѣ за нее поволишь взять. О томъ, государь, пожалуй, вели ко мнѣ отписать.

По семь тебѣ, государю своему, рабски челомъ бью.

29. Отъ Борисова, Степана.

(25) Государю моему милостивому благодѣтелю князю Петру Ивановичу Стенька Борисовъ челомъ бьетъ. Хранимъ, государь мой, Богомъ буди, а меня по своей милости не забуди! Пожалуй, государь мой, прикажи ко мнѣ писать о своемъ и супруги твоей, государыни моей кнеини Парасковьи Андреевны и князь Андрея Петровича многолѣтномъ здоровьѣ, какъ васъ, государей моихъ, Господь сохраняетъ.

Пожалуешь, государь мой, о мнѣ спросишь, и я на Москвѣ долготерпѣніемъ Божиимъ живъ февраля по 25 число.

По семь тебѣ, государю моему, и супругѣ твоей, государыни моей, кнеинѣ Парасковѣ Андрѣевнѣ и князь Андрею Петровичу о землю челомъ бью.

30. Отъ Бутурлина, Ивана *).

(68) Государю моему князю Петру Ивановичу Ивашка Бутурлинъ челомъ бьетъ.

Пожалуй, государь, вели ко мнѣ писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, Господь милостію своею сохраняетъ.

А о мнѣ, государь, изволишь вѣдать, и я на Москвѣ при государьскихъ пресвѣтлыхъ очехъ іюля по 9 число живъ до воли великаго Бога, а впредь якоже волишь о мнѣ его святая благодать.

По указу великаго государя велѣно быть головою у стрѣльцовъ у Архангельскаго города майору Михайлу Горязину. Пожалуй, государь, для моего убогаго прошенья буди къ нему Михайлу по прежне-

*) Предокъ Бутурлиныхъ Радша прибылъ изъ Германія въ Новгородъ въ концѣ XII вѣка. Въ царствованіе Феодора Алексѣевича были слѣдующіе Иваны Бутурлины: Иванъ Акинѣевъ (стольникъ), Иванъ Андреевъ (стольникъ), Иванъ Владиміровъ (дворянинъ московскій), Иванъ Емельяновъ (стольникъ), Иванъ (болш.) Ивановъ (стольникъ), Иванъ (меньш.) Ивановъ (стольникъ), Иванъ Ивановъ (комнатный стольникъ царя Феодора).

му милостивъ, какъ его и прежде сего своею милостию жаловалъ, а онъ, государь, человекъ самъ доброй,—извѣстно тебѣ, государю, самому. Также, государь, пожалуй, милости своей не умали и къ Симеону Грельцу.

А при семь тебѣ, государю своему, множественно челомъ бью *).

31. Отъ Воротынскаго, князя Ивана Алексѣевича **).

(69) Государю моему князю Петру Ивановичу Ивашка Воротынской челомъ бѣть. Пожалуй, государь князь Петръ Ивановичъ, прикажи ко мнѣ писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ.

А про меня, государь мой князь Петръ Ивановичъ, пожалуешь изволишь вѣдать, и я на Москвѣ іюля въ 26 день, далъ Богъ, живъ до воли Божіи, а впредь уповаю на Его жъ Создавшаго волю.

Да поѣхалъ, государь, съ Москвы къ Архангельскому городу торговой иноземецъ Андрей Микулаевъ сынъ Минтеръ, и о чемъ тебѣ, государю моему, тотъ торговой иноземецъ Андрей Минтеръ станетъ бить челомъ, и тебѣ, государю моему, пожаловать для моего прошенія, до него Андрея Минтера быть во всемъ милостивому. Да прошу, государь князь Петръ Ивановичъ, твоего пріятства, пожалуй буди милостивъ до крестника моего, до полуполковника до Петра Небуша, о чемъ онъ тебѣ, государю моему, станетъ бить челомъ. А язъ тебѣ, государю своему, много челомъ бью ***).

32. Отъ Вульфа, Франца ****).

(6—7) Щедрый и милосердый мой ко мнѣ!

Многомилостивому государю моему князю Петру Ивановичу Франска Вульфъ рабскій челомъ бью. Подай Господь Богъ тебѣ государю моему многолѣтно здравствовать со всѣмъ своимъ праведнымъ домомъ, буди здоровъ и покровенъ десницею вышняго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

*) Письмо можно отнести къ 1678 г., когда кн. П. И. Хованскій былъ воеводой въ Архангельскѣ. См. письмо № 67.

**) Рюриковичъ, отрасль князей Черниговскихъ, бояринъ † 24 іюля 1679 г.

***) Относительно даты см. прим. къ пред. письму.

****) Иноземецъ на русской службѣ.

Пожалуй, государь, князь Петръ Ивановичъ, прикажи писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ, чтобъ мнѣ про твое многолѣтное здравіе о Бозѣ радоваться. А про меня убогаго изволишь воспоминуть, и я на Москвѣ мѣсяца октября по 15 число своимъ окаянствомъ, всемилостивый, всецѣдрый Господь Богъ терпитъ, а впредь Его же Создателя воля.

Милости у тебя, государя своего, прошу, князь Петръ Ивановичъ: октября въ 16 числѣ думной дьякъ Василей Григорьевичъ *) сказалъ мнѣ, будто ты, государь, Якову Бильсу въ твой полкъ ему Якову отказалъ, что онъ тебѣ, государю, не надобенъ. А будетъ, государь, твоя милость ко мнѣ, рабу своему, а буде я тебѣ, государю, въ твой полкъ надобенъ, и службишко мое тебѣ, государю, будетъ годно, прикажи, государь, князь Петръ Ивановичъ, обо мнѣ, рабѣ своемъ, отписки отписать къ великому государю въ Розрядъ и совѣтную грамотку обо мнѣ прикажи, государь, писать къ Ивану Максимовичу, и я, рабъ твой, къ твоей милости всегда готовъ.

Вѣдомо тебѣ, государю, чиню: гетманъ Иванъ Самойловичъ писалъ къ великому государю обо мнѣ, чтобъ великій государь указалъ мнѣ быть у него, Ивана Самойловича, и вѣдать мнѣ Сѣвской розрядъ весь, конницу и пѣхоту. А мнѣ, рабу твоему, въ Сѣвску не хочется. А гетманъ Иванъ Самойловичъ гораздо обо мнѣ писалъ къ великому государю.

Милости у тебя, государя своего, прошу, князь Петръ Ивановичъ, помилуй меня своею милостью, выведи меня изъ тюрьмы отсуды, а я на тебя, государя своего, надеженъ, аки на Бога своего родного.

За сѣмъ тебѣ, государю, рабски челомъ бью.

Пожалуй, государь, князь Петръ Ивановичъ, держи мои грамотки предъ своею милостью, а какъ Господь Богъ изволитъ, увижу твой, государь, очи и я твоей милости буду челомъ бить.

33. Отъ кн. Голицына, Михаила Андреевича. **)

(122) Государю моему князю Петру Ивановичу Мипка Голицынъ челомъ бьетъ. Пожалуй вели ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ.

*) Семеновъ † 7 ноября 1693 года.

**) Потомокъ Гедимина, бояринъ, р. 1630, † 1637 г. жен. на Прасковѣ Никитичнѣ, ур. Кафтыревой.

Пожалуеть, государь, изволишь вѣдать про меня, и я на Москвѣ февраля по 8 число, далъ Богъ здорово.

А купчую, государь, я Матѳею Кривкову отдалъ.

Да челомъ бью, государь, на твоємъ жалованьѣ—на правыхъ словахъ, какъ ты со мною говорилъ и какія слова, и про то ты самъ вѣдаешь.

По семь тебѣ, государю своему, челомъ бью.

34. Отъ Голодного, Петра.

(99—100) Государю боярину князю Петру Ивановичу да государынѣ княгинѣ Парасковѣ Андреевнѣ и дѣтушкамъ вашимъ искатель милости вашей и докучникъ вашего жалованья, первый во грѣсѣхъ, а послѣдній въ челоуѣцехъ, Петрушка Го одного, падъ предъ ногами вашими, обрадовался, вашего здоровья слышачи, со слезами много челомъ бью. Здравствуйте, государь, на многія лѣта!

А про меня, убогаго, изволите вспомянуть, и я августа по 1-е число у Архангельскаго города живъ, а впредь уповаю на милость Божию.

Да писалъ ты, государь князь Петръ Ивановичъ, жаловалъ своею милостию ко мнѣ убогому о кабалѣ на Сійскихъ, что прислати къ Москвѣ, и я, ей, къ тебѣ пришло. А соль твоя съ Колмогоръ свезена вся на Сійскихъ дощаникахъ къ Вологдѣ.

А о медвѣдѣ писалъ я въ Никольскій монастырь къ игумену, отдасть ли онъ мнѣ или нѣтъ. И будетъ отдасть, и я его къ тебѣ пришло къ Вологдѣ на судахъ. А будетъ не отдасть, или не съ кѣмъ прислатъ водянымъ путемъ къ Вологдѣ, и я къ тебѣ вѣдо(мо)сть учиню. А быки твои, государь, еще не проданы, ходять здорово. Объячменѣ язъ говорилъ Михайлу Горѣзину, что иконникамъ отдать, и онъ хотѣлъ дать.

А что Яковъ Сухановъ бралъ на васъ мірскія деньги, и его по книгамъ считали, и онъ на тебя написалъ двадцать шесть мѣръ ржи да шестнадцать мѣръ ячменя; и поставилъ въ расходной книгѣ, что де отдано тебѣ для мірской нужди. И объ томъ нынѣ въ мірѣ спона велика. И ты, государь, умиловивися, князь Петръ Ивановичъ, отпиши ко мнѣ убогому, за что онъ тебѣ то отвезъ, отъ мірскаго ли

дѣла или отъ своего? И онъ на тебя жалуется и великую охулу кладеть. Да Иварзуга съ товарищи такожде на твое здоровье жалуется во всемъ мѣрѣ и выписку думному далъ, что ты сверхъ тысячи будго выималъ ста на четыре слишкомъ у нихъ. А опричь тѣхъ людей здѣсь на Двинѣ жалобшиковъ на тебя нѣтъ, только всемъ мѣромъ за тебя, государя, Бога молятъ. И мы убогіе на всякой день за тебя, государя, такожь Бога молимъ. А въ разметѣ у насъ по се время больше четырехъ рублевъ еще нѣтъ; перебивались тѣми деньгами кое какъ. А отъ работы египетцкой теперьво свобождены. Умилостивися, государь бояринъ князь Петръ Ивановичъ, прикажи писати о нашемъ убожествѣ съ Осипомъ Ботевымъ думному дворянину и воеводѣ Богдану Ивановичу, чтобъ насъ бѣдныхъ по твоему заступленію жаловалъ и берегъ, какъ твоя милость до насъ была.

А ларчикъ язъ вамъ, государемъ, дѣлаю и сей зимы пришлю, или самъ привезу.

По семь, государь, здравствуй, на многія неясчетныя лѣта, а насъ убогихъ не моги забыть при своей милости!

Писавъ, много челомъ бью.

Письмо очевидно относится ко времени, слѣдующему непосредственно за смѣной кн. П. И. Хованскаго съ воеводства въ Архангельскъ.

35. Отъ Голохвастова, Ивана *).

(60) Государю моему князю Петру Ивановичу Ивашко Голохвастовъ челомъ бьетъ. Многолѣтно, государь, здравствуй на многія лѣта. Прикажь, государь про свое здоровье ко мнѣ писать, какъ тебя, государя моего, Христось Богъ милостію своею охраняеть.

А про меня изволишь, государь, напамятовать, и я на Вологдѣ апрѣля по 16 число живъ, а впредь уповаю на милость Божію.

Сего жъ числа Якова Григорова съ Вологды отпустилъ къ тебѣ, далъ Богъ, здорово.

По семь тебѣ, государю, премного челомъ бью.

*) Голохвастовы выѣхали изъ Литвы въ половинѣ XIV столѣтія къ в. кн. Дмитрію Иоанновичу Донскому. Въ царствованіе царя Феодора были два стольника Ивана Голохвастовыхъ: Демидовичъ и Іевлевичъ.

На оборотъ письма приписано: Да пожалуй, государь, учини надо мною милость свою пришли ко мнѣ сапоги азовскіе, какіе я видѣлъ на батюнкѣ твоемъ государѣ на князь Иванѣ Андреевичѣ. А сіе писалъ къ тебѣ, государю, надѣясь на твою милость.

36. Отъ него же.

(216) Государю моему князь Петру Ивановичу Ивашко Голохвастовъ челомъ бѣеъ. Подай Господь Богъ тебѣ государю моему многолѣтно здравствовать со всѣмъ своимъ праведнымъ домою!

А изволишь, государь, по своей милости о мнѣ спросить, и я на Вологдѣ іюня по 23 число до воли праведной живѣ, а впреди Онъ же волею.

Милости у тебя, государя своего, прощу, пожалуй, государь, прикажи

Конецъ письма оторванъ и въ столбцѣ не найденъ.

37. Отъ Горбова, Степана.

(58) Государю моему милостивому батюпкѣ князю Петру Ивановичу. Буди, государь мой, здравъ па многіа лѣта и со всѣмъ своимъ благодатнымъ праведнымъ домою.

Буди, государь, тебѣ вѣдомо про московскія вѣсти: сказано боярину князю Михайлу Алегуковичу да товарищу его князю Михайлу Юрьевичу*) да окольнічимъ князю Константину Осиповичу Щербатого, да Матвѣю Степановичу Шупкину, да думному дворянину и снаралу Венедихту Андреевичу Змѣеву, да думному дьяку Ивану Горохову, да сказано батюшкѣ твоему—съ новгородскою силою, а товарищи Иванъ Савастьяновичъ Хитрой, съ казанскою силою—бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, а товарищъ Александра Савастьяновичъ Хитрой, съ Бѣлогородскимъ полкомъ—бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославской, а товарищъ окольнічей Андрей Ивановичъ Чириковъ; въ Кіевъ—воевода князь Никита Семеновичъ Урусовъ, въ Астараханъ—бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ, а идетъ нынѣшнимъ путемъ; а боярину князю Григорью Григорьевичу**) и сыну его велѣно быть на Москвѣ. Съ боярскихъ дворовъ и со всл-

*) Кн. Черкасскому и кн. Долгорукому.

**) Кн. Ромодановскому.

кихъ чиновъ людей велѣно взять съ двадцати съ пятнъ дворовъ по человѣку пѣшихъ съ нынѣшнихъ переписныхъ книгъ.

А больше, государь, тѣхъ вѣстей, иныхъ никакихъ не пишутъ.

Не прогнѣвайся, государь, на Малаею, что его взялъ съ собою, а у него государьскихъ грамотъ и къ тебѣ, государю. совѣтныхъ грамотокъ нѣтъ. А сказываетъ, что отпущонъ съ Москвы изъ Новгородскаго приказу подьячей, и съ нимъ де есть государевы грамоты и къ тебѣ, государю, грамотки; а зовутъ де того подьячаго Яковомъ Даниловымъ.

Не прогнѣвайся, государь, что писано вскорѣ, — переписать было неколи.

Работникъ твой Стенька Горбовъ челомъ бьетъ.

38. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(37) Государь милостивой князь Петръ Ивановичъ, многолѣтно и благополучно здравствуй! Со всѣми желающими тебѣ всякихъ благъ рабъ твой Стенька Горбовъ челомъ бьетъ.

Пропу твоей, государя моего, отеческой милости, прикажи ко мнѣ отписать про свое здоровье, а я того, ей, со усердіемъ слышати радъ.

А по своей ко мнѣ прежней неизреченной милости изволишь о мнѣ, работникѣ своемъ, спросать, и я на Москвѣ іюля по 19 число милостію Божіею живъ.

Вѣдомо, государь, мнѣ учинилось чрезъ людей добрыхъ, что есть гнѣвъ твой на зятя моего на (Любима Домнина*), и я, государь мой, о томъ ему говорилъ, какимъ случаемъ тотъ твой гнѣвъ на него, и онъ сказывалъ, что, ей, ничего не знаетъ и не вѣдасть, развѣ что учинилось безъ хитрости.

Пожалуй, государь, сотвори ко мнѣ милость: буде, государь, чѣмъ милость твою прогнѣвалъ, покрой милостію своею, а что, государь, его въ дѣлахъ несправа, прикажи, государь, отписать ко мнѣ, рабу своему.

По семь тебѣ, государю, рабскій челомъ бью.

*) Дьякъ Разряднаго приказа.

39. Отъ Дмитріева, Василя Михайловича*).

(13—15) Государю моему милостивому ко мнѣ князю Петру Ивановичу искатель твоего жалованья вѣчно Васька Дмитреевъ челомъ бью.

Дай, Господи, тебѣ, государю моему, здравствовать во многія впредь идущія лѣта, будучи на его великаго государя службѣ, и правяща люди Божіи въ правду.

А по милости, государь, своей ко мнѣ изволишь о мнѣ припомнить, и моему, государь, окаянству еще Владыко своимъ долго-терпѣніемъ терпять. По сю грамотку живѣ и съ мальчикомъ на Валуйкѣ.

Челомъ, государь, бью на милости твоей, что жалуюсь, прошеньишка моего къ себѣ не презираешь, и милость свою ко мнѣ по прежнему своему жалованью простираешь.

Также, государь мой, прошу милости твоей и нынѣ къ себѣ, пожалуй сотвори надо мною милость свою.

Писалъ, государь, я къ милости твоей нынѣ объ государскихъ дѣлахъ отписки и послалъ, государь, къ тебѣ нарочно побить челомъ о своихъ нуждахъ Федора Еремѣева сына Чаплина. Пожалуй, государь мой милостивой, милость надо мною удиви и дураковъ плутать уйми, чтобъ, государь, впредь имъ было плутать нельзя, и государскія бѣ, государь, дѣла не стали.

Да и о семь, государь, прошу милости твоей: прислана, государь, ко мнѣ государева грамота, что велѣно, государь, тебѣ по своему разсмотрѣнью отпустить ко мнѣ въ полкъ начальныхъ людей и полковыхъ припасовъ, и я прошу, милостивой мой государь, милости твоей къ себѣ, пожалуй, государь, вели ко мнѣ отпустить нужицу мою, чтобъ мнѣ съ кѣмъ его государская служба служить.

Да пожалуй, государь, прикажи въ Новой Осколѣ отъ себя отписать къ воеводѣ, чтобъ государскихъ грамотъ не держалъ у себя и твоихъ отписокъ бы не смотрѣлъ, а то, государь, задерживаетъ многія времена. Изволь честь, сколь скоро ко мнѣ отписка твоя пришла отъ тебя ко мнѣ о валовомъ дѣлѣ.

А что ты, государь, писалъ ко мнѣ и велѣлъ починивать валъ,

*) Стольникъ и воевода на Валуйкѣ.

и я твоей воли непреслушникъ, только, государь, мнѣ дѣлать не-
кѣмъ и приказать некому.

Да смотришь изволь, государь, своего полку ко мнѣ начальныхъ
людей, кого изволишь, прислать по своему разсмотрѣнью, а я бѣ,
государь, что зналъ, имъ указалъ.

А се, государь, мнѣ самому своего дѣла нельзя покинуть и
указу, государь, нельзя мнѣ не очистить, что свою черту покинуть.
Только, государь, воли я твоей не ослушникъ и у обѣихъ дѣлъ могу
быть, сколько Богъ помощи подастъ.

Да сего жъ, государь, числа прислана ко мнѣ отъ тебя отписка
вѣстовая, и пишешь, государь, чтобъ мнѣ черта беречь, и я къ
тебѣ, государю своему, о томъ же пишу, чтобъ было съ кѣмъ одер-
жать. И вѣстно тебѣ чиню, что людей ко мнѣ не высылаютъ, кото-
рымъ по указу великого государя велѣно быть у меня въ полку, и
государьскому указу ослушны.

За сѣмъ писавы искатель твоего жалованья Васька Дмитреевъ,
милости прося, и челомъ бью.

Апрѣля въ 20 день.

40. Отъ Псаеова, Петра.

(52) Государю многомилостивому и милосердому ко мнѣ, князю
Петру Ивановичу рабъ твой Петрушка Исаковъ челомъ бьетъ. Подай
Господь Богъ тебѣ, государю, многолѣтно и благополучно, и радостно
здоровствовать. А я, рабъ твой, слышать о твоёмъ, государя моего,
многолѣтномъ здоровьѣ желаю по всякъ часъ.

А изволишь, государь, милостиво о мнѣ намятовать, и я въ
Бѣлѣ-городѣ*) октября по 8 число въ суетахъ своихъ живъ до
воли Божіи.

Безпрестанно сидѣлъ за счетными и росписными списками. А
Полухтъ Истоминъ по се число въ Бѣлгородѣ не бывалъ, и какъ
будетъ, про то не вѣдомо. А въ отпискѣ, государь, твоей писано:
велѣно меня выслать къ тебѣ, государю, въ полкъ въ то время,
какъ Полухтъ приѣдетъ и меня во всемъ сочтеть.

*) 29 марта 7188 (1680) г. Исаковъ былъ назначенъ полковымъ дьякомъ въ
Бѣлгородъ къ осадному воеводѣ стольнику Вас. Сем. Толочанову (Бѣлгородск. ст.
столбецъ № 996).

А нынѣ, государь, по приказу де твоему, государя моего, писать ко мнѣ тесть мой, Петръ Васильевичъ, чтобъ мнѣ къ тебѣ, государю, ѣхать въ полкъ на Вольномъ, не замотчавъ, и мнѣ, государь, по прежней твоей отпискѣ, не расписався съ Полуехтомъ, буде твоей, государя моего, отписки о высылкѣ моей не будетъ, ѣхать опасно. И о томъ какъ воля твоя, государя моего?

За сѣмъ тебѣ, государю, рабско челомъ бью.

41. Отъ Колосовскаго, Михаила.

(83) Государю боярину князю Петру Ивановичу вскормленникъ твой Мишка Колосовской милости у тебя, государя, прося, челомъ бьетъ. Многолѣтно, государь, и благополучно на службѣ великаго государя о Христѣ здравствуй на вѣки со всѣмъ твоимъ праведнымъ и благословеннымъ домомъ.

А о мнѣ изволишь, государь, милостию своею напомянуть, и моему многому согрѣшенію на службѣ великаго государя въ Бѣлоколоскомъ острожкѣ еще всецѣдный Господь Богъ терпитъ октября по 14 число.

А что ты, государь, оставилъ у меня нѣмецкую телицу, и ту телицу отдалъ я воеводѣ Богдану Ивановичу Ордину *) съ распискою, а онъ рекася поставить на Москвѣ. А что ты, государь, оставилъ у мене подголовокъ оковать, и тотъ подголовокъ взялъ у мене Михайло Горязинъ неоковать, хотѣлъ онъ оковать.

За сѣмъ писаньицемъ, милости у тебя, государя, прося, челомъ бью.

42. Отъ Колычова, Ивана **).

(53) Государю моему князю Петру Ивановичу Ивашко Колычовъ челомъ бьетъ. Здравствуй, государь, на многія лѣта! Пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ писать о своемъ многолѣтномъ здоровіи, какъ тебя, государя моего, Господь Богъ милостию своею хранить.

А пожалуешь, государь, изволишь напамятовать обо мнѣ, и я по указу великаго государя на Вологдѣ августа по 8 число живъ до воли великаго Бога, а впредь на Его жъ Творца своего милость уповаю.

*) Ординъ-Нащокинъ, думный дворянинъ.

***) Старинный болгарскій родъ (Св. митрополитъ Филиппъ при Иванѣ Грозномъ былъ изъ рода Колычовыхъ). При царѣ Феодорѣ было много Ивановъ Колычовыхъ.

Да прошу, государь, твоего жалованья къ себѣ, пожалуй, при-
памятуй прежнее свое жалованье ко мнѣ и свойство. Въ забве-
ніи меня не учини и о своемъ здоровіи ко мнѣ писать прикажи по-
часту.

А отецъ твой, государь мой, князь Иванъ Андреевичъ и братъ
твой князь Иванъ Ивановичъ ко мнѣ и къ сыну моему пріятствомъ
своимъ милосерды гораздо. Да послалъ я къ Архангельскому городу
людей своихъ для покупки, и о чемъ тебѣ, государю моему, людишки
мои стануть бити челомъ, и ты пожалуй, милость свою ко мнѣ
удиви.

О семъ тебѣ, государю своему, челомъ бью.

43. Отъ кн. Кольцова-Мосальскаго, Ивана *).

(44) Государю моему батьку князю Петру Ивановичу работ-
никъ милости твоей Ивашка Кольцовъ-Мосальской челомъ бью. Бу-
ди, государь мой, здравъ на вѣки и покровенъ десницею вышняго
Бога. Пожалуй, государь мой, прикажи ко мнѣ писать про свое,
государя моего, здоровье, а я желатель слышать про твое, государя
моего, здоровье. А пожалуешь, государь, изволишь напаятовать по
милости своей про меня, и моему окаянству всещедрый Владыка
терпитъ марта въ 26 день, а впредь уповаю на милость всесильнаго
Бога.

Челомъ бью, государь, на твоемъ жалованьѣ, что книги велѣлъ
вѣдать. Да милости прошу, пожалуй, изволь къ отцу отписать, тѣхъ
же книгъ одной тетради не найду, а на мнѣ спрашиваютъ съ вели-
кимъ притужаніемъ. А иныхъ книгъ спрашиваютъ на мнѣ-жъ, кото-
рыя дѣла были при тебѣ жъ, и я далъ сказку, что у меня тѣхъ
дѣлъ нѣту. А спрашиваютъ дѣла Федора Мещеринова да Иванова
дѣла Лапкова, да сотника, которой остался въ измѣнѣ. А Иванъ
Лапковъ приставилъ къ Ивану Писареву, что будто ты изволилъ
вершить дѣла по лживой его Ивановой сказкѣ и будто об(в)иненъ
онъ Иванъ Лапковъ по лживой сказкѣ, что подалъ Иванъ Писаревъ.
А Иванъ Лапковъ въ исковой челобитной имя твое прописалъ въ
дву мѣстехъ.

*) Изъ потомства Рюрика.

Да милости у тебя, батька своего, прошу и сотвори надо мною работникомъ своимъ милость, прикажи купить пудъ блюдъ бѣлыхъ да двадцать торелей, да два оловеника середнихъ; пожалуй, мой батька, вели купить.

Работникъ твой Ивашко челомъ бьетъ.

44. Отъ Косагова, Григорія Ивановича *).

(31) Милостивый ко мнѣ государь батько, князь Петръ Ивановичъ, многолѣтно въ радости здравствуй, рабъ твой Гришко Косаговъ рабско челомъ бьетъ. Гнѣву на меня раба своего, пожалуй, государь мой батько, не положи, что тебѣ, государю, письмомъ моимъ на Осипа Офросимова **) докучаю. Ей, государь, не смогучи терпѣть, видя слезы людскія, а отъ знатныхъ людей казаковъ многихъ словъ: великія де бѣды Осипъ людямъ дѣлаеть, а его де не уймуть; и то, государь, себѣ въ великое оскорбленіе ставятъ.

Ни мало, государь, не унялся отъ дурости и отъ зарничества, какъ пріѣхалъ отъ милости твоей попущенъ, и похвалы великія дѣеть, и все ни во что ставятъ.

Если къ людямъ большклейскимъ милости твоей не будетъ, и отъ того плута свободы, истинно, государь, побредутъ многіе розно.

Пишу къ тебѣ, государю, ей не ложное, а дѣйства его и словъ и писать не смѣю, увидѣвъ очи твои, извѣстно тебѣ учиню.

Видано, государь, людей и старѣя его, а еще другого такого затѣйнаго вы(мы)шленика къ его потребству не видалъ. Въ томъ воля твоя моего государя, какъ изволишь, а мнѣ объ немъ болѣй тебѣ, государю, докучають, уже чаю и покинуть.

*) Боевой генералъ (пожалованъ въ 1680 г., см. столб. Бѣлгород. стола № 1055), участвовалъ въ усмиреніи бунта Стеньки Разина и во многихъ бояхъ противъ турокъ, татаръ, поляковъ и измѣнниковъ черкасъ. Особенности его языка указываютъ или на не великорусское происхожденіе, или на продолжительное пребываніе на окраинахъ государства.

**) Осипъ Михайловичъ Офросимовъ назначенъ воеводой въ г. Балыклею въ 1679 г. (Бѣлгородскаго ст. № 934), и уже на слѣдующій годъ начались жалобы жителей черкасъ на чинимые имъ налоги и притѣсненія (того же стола столбецъ № 1017).

А нынѣ, государь, и войта изъ города отогналъ, а городской службы людей ко мнѣ на Изюмъ не высылаеть, а расписаны у меня по четвертямъ. И пишеть, смѣючися, будто всѣ люди въ розѣздѣ; а все, государь, то затѣйка его или обыкласть для его мамоны и лакомства натурального; а мнѣ, государь, въ дѣлѣ указномъ чинить спону и мѣшкоту. А я, государь, къ нему о томъ и не писалъ. Приказывано было то дѣло войту, и онъ войта отогналъ, чтобы помѣшка дѣлать. По семъ тебѣ, государю, милостивѣйшему благодѣтелю моему рабско челомъ бью рабъ твой меньшій Гришка Косаговъ.

Марта въ 11 день съ Изюма города.

45. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(55) Государю моему, милостивому ко мнѣ, князю Петру Ивановичу многолѣтнаго здоровья въ радости и всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ тебѣ, государю моему, я, рабъ твой, получить желаю и рабско челомъ бью.

Писалъ ты, государь, ко мнѣ, чтобы для промыслу надъ воинскими людьми прислать ко мнѣ прежде дня Николая Чудотворца ратныхъ людей, и въ томъ твоя, государя моего, воля. Естли изволишь прислать развнѣ въ началѣ четвертые недѣли для, государь, того, что кормовъ конскихъ еще нѣтъ, а на поле тамъ пускати не мочно.

А прислать если государь изволишь, чтобъ рейтаръ сотъ пять добрыхъ, а иные, государь, худо-конные тамъ не потребны,—да солдатъ бы, государь, конныхъ же триста, а хотя-бъ и двѣсти; и по томъ какъ твое, государя моего, премудрое изволеніе разсмотреть.

По семъ тебѣ, государю, рабско челомъ бью, рабъ твой Гришка Косаговъ

Апрѣля въ 2 день.

Ахтырскія, государь, вѣсти, слава Господу Богу, не сбыхиса ни однѣ, да и сбываться, государь, не мочно. И первое пишутъ то, что не было чего слыша отъ вѣтру, другое—каковы ихъ урядники пьяные, таковы и сторожи полевые. Я видѣлъ минувшаго лѣта на дву крисахъ*) по Коломку**) сторожи ихъ стоять съ виномъ куренями

*) Крисъ—кругъ, граница.

**) Коломокъ—рѣка.

и овощи садятъ. Какъ, государь, то, что многихъ людей будто видѣли сторожи на сей сторонѣ Коломка,—ажно и собака не бывала.

Только людьми тревожатъ бѣдными, пахать мѣшаютъ. А все, государь, то дѣлается отъ безстрашія и пьянства, и наказать бы, государь, такихъ сторожей не грѣхъ, что-бъ впредь трезвыми глаза глядѣли и правду казали.

46. Отъ Кровкова, Матвѣя Осиповича *).

(1—3) Государю милостивому князю Петру Ивановичу искатель твоей государевы премногіе милости и воспитанъ твоей государевы праведные пресвѣтлые и преизобильные трапезы Матюшка Кровковъ челомъ бьетъ.

Подай Богъ тебѣ, государю, многія впредь идущія неисчетныя лѣта. Пожалуй, государь, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье, а я твоего государева многолѣтнаго здоровья всечасно жадень слышать.

А по милости, государь, своей изволишь пожаловать про меня вспомнать, и я на службѣ великаго государя царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца октября въ 14 день живъ.

Милости у тебя государя прошу и вѣдомо чиню: отпедь отъ Днѣпра, не допедь Сумъ за пятнадцать верстъ съ рѣчки Сумки, по указу великаго государя съ полкомъ повороченъ въ Чигиринъ, октября въ 9 день, и велѣно быть въ Чигиринѣ до указу великаго государя. А какъ, государь, въ Чигиринѣ городъ у кого и почему принять и по городу нарядъ и зелья, и свинець, и всякіе воинскіе припасы, что чего будетъ, описать, и отъ приходу непріятельскихъ людей обереганья, и межъ великаго государя служилыхъ русскихъ людей и черкасъ и чигиринскихъ жителей и ратныхъ дѣлехъ и ими нарежать, и противъ ихъ клейнеговъ что дѣлать, и, будучи на службѣ великаго государя, мнѣ и начальнымъ людямъ и урядникомъ и солдатамъ чѣмъ быть сытымъ,—и ко мнѣ о томъ указу великаго государя наказу и грамоты не прислано и отъ боярина и воеводы

*) Стольникъ съ 1672 года, полковникъ, а съ 1690 года генераль.

князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго не дано и словомъ ни о какихъ дѣлехъ не приказано, и на дачу ратнымъ людямъ хлѣбныхъ запасовъ и денегъ со мною ничего не отпущено.

А начальныя люди и урядники и солдаты наги и боси, и голодны; а подъ пушки и подъ казною лошади пристали, волочемъ на себѣ.

Милости у тебя, государя, прошу, помилуй милостію своею, не дай прежде времени скончаться, чтобы мною, бѣднымъ и безпомощнымъ, дѣлу Божию и великаго государя порухи въ чемъ не учинилось.

А здѣшніе, государь, жители говорятъ: Чигиринъ дѣло великое и великому государю надобенъ для обереганья и шатости обою странъ Днѣпра рѣки и для вѣсти и приходу крымскихъ людей.

А будучи и съ указомъ великаго государя по ихъ клеветамъ на ихъ волности угрожать надобно, а безъ указу великаго государя обо всякихъ дѣлахъ и объ вѣстяхъ, и о приходѣ крымскихъ воинскихъ людей къ великому государю и въ города опасеть; а окромѣ Бога и великаго государя и твоего милостиваго заступленія никого себѣ не имѣю*).

По семъ тебѣ, государю, челомъ бью.

47. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(124—126) Государю милостивому князю Петру Ивановичу искатель твоей государевы милости и воспитанъ твоей государевы праведныя пресвѣтлыя преизобильныя трапезы Матюшка Кровковъ челомъ бьетъ. Подай Богъ тебѣ, государю, многія впредь идущія несчетныя лѣта! Пожалуй, государь, прикажи писать ко мнѣ про свое многолѣтнее здоровье, а я твоего многолѣтнаго здоровья желаю по всякъ часъ слышать.

А по милости своей изволишь пожаловать о мнѣ вспомянуть, ч я на Москвѣ генваря по 19-е число живъ.

Вѣдомо тебѣ, государь, буди: бояринъ князь Михайло Андреевичъ Голицынъ на тебя крѣпко досадуетъ, что будто ты ему обѣщаль воропой конь, да не поступился. Денегъ за вочину прошаетъ, а крестьянъ, которые выведены изъ Красникова, въ купчей не пишетъ.

*) Вѣроятно, говорится о первомъ Чигиринскомъ походѣ 1677 года.

А что ты, государь, жаловаль, ко мнѣ писалъ про коробью съ письмами,—а та коробья была у матушки,—и я посылаю къ ней жену съ твоею грамоткою, и она изволила тое коробью отослать князю Андрею Ивановичу. И, приѣхавъ, князь Иванъ Мосальской въ тое коробью ходилъ, и которыя письма ему надобны, и тѣ письма выивалъ безъ меня. И та коробья съ письмами и по се число у князи Андрея Ивановича.

Прошу твоей къ себѣ милости, не дай мнѣ въ конецъ разориться, пожалуй, государь, пришли деньги.

А я уже у руки былъ. Бояринъ и воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановской поидетъ съ Москвы сего мѣсяца въ 20 день.*) А за службу его, великій государь пожаловаль сына его князя Михайла Григорьевича**) въ бояре, а ему въ Колужскомъ уѣздѣ волость село Ромодановское съ деревнями, а полчанамъ его никакой придачи пѣтъ. Бояринъ князь Михайло Андреевичъ Голицынъ съ товарищи: съ князь Федоромъ Коркодиновымъ, съ думнымъ дво. *(Конецъ письма въ столбцѣ не найденъ).*

48. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(102—104) Государю милостивому князю Петру Ивановичу искатель твоей государевы премногой милости и воспитанъ твоей государевы пресвѣтлыя и преизобильныя трапезы Матюшка Кривковъ челомъ бьетъ. Подай Богъ тебѣ государю многія впредь идущія не-счетныя лѣта! Пожалуй, государь, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье и государя князя Андрея Петровича, а я вашего многолѣтнаго здоровья всечасно жадень слышать.

А про меня, государь, изволишь напамятовать, и я на Москвѣ февраля по 7 число живъ.

Вѣдомо тебѣ государю чиню: въ вотчинѣ съ бояриномъ съ князь Михайломъ Одреевичемъ Голицынымъ раздѣлались,—деньги изволилъ у меня пожаловать принять и купчую дать. А на тебя, государь, въ лошади конечно досадуеть.

*) Вѣроятно во второй Чигиринскій походъ, которымъ и закончилось продолжительное военное поприще кн. Григ. Гр. Ромодановскаго.

**) Какъ видно изъ указателя къ Боярскимъ книгамъ, боярство имъ получено въ 1678 году, въ каковому приблизительно году можно отгасти я самый отрывокъ письма.

А товарищъ ему князь Ѳедоръ князь Михайловъ сынъ Коркодиновъ да думной дворянинъ Григорей Степановичъ Карауловъ, да съ нимъ же головы стрѣлецкіе: Иванъ Елагинъ съ приказомъ Ѳедора Головленкова, Иванъ Ельдоуровъ, Лаврентій Сухаревъ, да въ Кіевѣ Володымеръ Воробинъ. А съ Москвы указано итить съ бояриномъ на Ѳедоровѣ недѣлѣ во вторникъ.

А указано бытъ изъ Кіева воеводою въ Чигиринѣ окольничему Ивану Ивановичу Ржевскому, а съ нимъ генералу Якову Бильцу; да съ Сѣвскимъ полкомъ идженеръ*) Петръ Гордонъ да головы московскихъ стрѣльцовъ съ приказы: Борисъ Корсаковъ, что посланъ изъ Кіева на перемѣну Аѳанасію Троурнихту, Давыдъ Баранчевъ, Никифоръ Коптевъ, Иванъ Нелидовъ.

Боярина и воеводу князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго за службу его пожаловалъ государь, сына его, князь Михайла Григорьевича, въ бояра, да ему жъ государь пожаловалъ въ Колужскомъ уѣздѣ волостью Ромодановскимъ съ селы и съ приселки, и съ деревни. А съ нимъ указано бытъ въ полку стольникомъ, стряпчимъ и дворяномъ московскимъ и язьцомъ, которые въ прошлыхъ въ дву годѣхъ на службѣ не были и которые на службу на сроки не поспѣли, да смоленской шляхтѣ и смоленскимъ рейтарамъ и всѣмъ, которые были въ полку боярина князь Василья Васильевича Голицына, да съ нимъ же генераль и осадной воевода Веденихтъ Ондреевичъ Змѣвовъ да генераль-порутчикъ Агѣй Шепелевъ съ полками, да мой полкъ, да девять приказовъ стрѣльцовъ.

Да пропу твоей государевы милости, умилосердись пожалуй, изволь прислать деньженки мои заемныя. Къ сроку не извоилилъ пожаловать прислать, а у меня дворъ въ томъ пропадаетъ: отнимаютъ.

А съ царевичемъ Касимовскимъ сказано Москвѣ, Казани и понизовымъ городамъ. А стоятъ на Новомъ Скалѣ. А товарищъ ему дядя твой бояринъ князь Семенъ Ондреевичъ Хованской да князь Степанъ Ѳедоровичъ Львовъ.

За сѣмъ тебѣ, государю, челомъ бью.

А намъ указано итить съ Москвы марта 1-е число.

*) Такъ въ подлинникѣ.

49. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(113—115) Государю милостивому князю Петру Ивановичу искатель твоей государевы премной милости и воспитанъ твоей государевы праведной пресвѣтлой преизобильной трапезы Матюшка Кровковъ челомъ бьетъ. Подай Богъ тебѣ, государю, многія впрядь идущія неисчетныя лѣта! Пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здорье, а я твоего государева многолѣтнаго здорья всечасно жадець слышать.

А по милости, государь, своей изволишь пожаловать про меня вспомянуть, и я на службѣ великаго государя, царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ полку бояръ и воеводъ князя Григорья Григорьевича да князя Михайла Григорьевича Ромодановскихъ августа въ 5 день живь.

Извѣстно тебѣ, государю, чиню: премилосердаго всеильнаго Бога и пресвятыя Богородицы и святаго чудотворца Сергѣя и услышана молитва благовѣрнаго государя нашего, царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и братьей его великихъ государей нашихъ благовѣрныхъ царевичевъ и великихъ князей Иоанна и Петра Алексѣевичевъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и тегокъ его и сестръ его, государя нашего, великихъ государынь благовѣрныхъ царевень, и великаго святѣйшаго Іоакима патріарха Московскаго всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и всего освященнаго собора; молитвами ихъ, государей нашихъ, и счастьемъ великая и страшная и въ мысль челоуѣческую невступаема, что Богъ показалъ, такая великая и страшная чудо содѣяся; во многыхъ писаніяхъ такого великаго дѣла не видѣхъ, какъ всеильный Богъ и пресвятая Богородица и чудотворецъ Сергѣй показали: переправясь Днѣпръ іюля съ 10-го числа были повседневные бои великіе; и что было подъ Чигириномъ коннаго войска и пѣхоты съ пушками удѣлено: Каплагъ наша съ турскими и съ волоскими, и съ мутьянскими, и съ Серби, и со многими государствами и ханъ крымской, и Бѣлогородская и Очаковская орда, и Большой Ногай; и какъ приступилъ князь Каспулатъ Муцаловичъ *)

*) Говорится о второмъ Чигиринскомъ походѣ 1678 года, именно о томъ времени, когда къ русскимъ 29 іюля явился на подмогу князь Каспулатъ Муца-

и, переправясь Днѣпръ, пошли подъ Чигиринъ и оны заступили у насъ Бужинскія горы, и на подъемахъ и на взвозахъ подѣлали городки земляные и поставили пушки и пѣхоту и обозы свои, выше Бужинскаго подъему отъ Вороновки стали таборами; и некоторыми дѣлы нигдѣ на тѣ горы подняться было не возможно; и устроив обозы и около обозовъ сдѣлавъ валъ, августа въ 3-мъ числѣ въ день субботный часу дни въ третьемъ, посланы генераль-порутчикъ Агѣй Шепелевъ съ полкомъ и полковники, и головы московскихъ стрѣльцовъ съ полками и съ приказъ, Бѣлогородскихъ полковъ одинъ полкъ Самойло Вестовъ и я съ полкомъ; и пришедъ подъ горы, велѣно было дѣлать шанцы; и вложи Богъ мысль ратнымъ людямъ, пришедъ подъ горы великія и построив шанцы: изъ пушекъ и изъ ружья горъ не сбить, а ихъ непріятелей укрѣплять. Изволивъ все-сильный Богъ прославить свое праведное имя по молитвѣ великаго государя нашего, а ратныхъ людей охрабритъ и окрѣпитъ и поставить наче желѣза и камени; какъ закричатъ всеми людьми ясаками: „Спасской, Спасской, Сергѣй, Сергѣй, царевъ, царевъ“,—и на тѣ великія горы, на ихъ городки, на пушки и на пѣхоту, водимы Богомъ; и вмѣнись великія горы въ ровенствіе, пѣхота и пушки пизачѣмъ не задержалась, городки ихъ поймавъ, пѣхоту всеа посѣкли и пушки отбивъ, и обозы разобрали; бои великіе были, страшные: охватись человекъ съ человекомъ за руки, пожами рѣзались; и непріятельскихъ людей побито множество, и съ Чигиринскихъ полъ сбили за Тясьмину рѣку на Крымскую сторону.

А на тѣхъ, государь, бояхъ полку моего ранено: полковникъ сынишко мой Сенька и подполковникъ Родіонъ Ждановъ, начальныхъ людей, капитановъ и порутчиковъ, и прапорщиковъ восемь человекъ, урядниковъ и солдатъ сто пятьдесятъ шесть человекъ. Побито: подполковникъ Иванъ Ходыревъ, урядниковъ и солдатъ сорокъ семь человекъ.

ловичъ черкасскій съ калмыками и татарами и сталъ принимать дѣятельное участіе въ бояхъ подъ Чигириномъ. Въ началѣ, какъ видно изъ письма, счастье благоприятствовало русскимъ, но скоро перешло на сторону непріятеля и кн. Г. Г. Ромодановскій вмѣстѣ съ гетманомъ Самойловичемъ принуждены были 20 августа отступить къ Днѣпру, покинувъ навсегда вуряшіяся развалины несчастной столицы Хмельницкаго (Соловьевъ, 3 кв. стр. 840 и 841).

50. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(118—121) Государю милостивому князю Петру Ивановичу искатель твоей государевы премногіе милости и воспитанъ твоей праведной, пресвѣтлой и преизобильной трапезы Матюшка Кровковъ челомъ бьетъ. Подай Богъ тебѣ, государю, многія впредь идущія неисчетныя лѣта! Пожалуй, государь, прикажи писать про свое праведное многолѣтное здоровье и семьи своей, милостивой праведной матки боярыни княгини Парасковьи Андреевны и государя князя Андрея Петровича про многолѣтное здоровье, а мы вашего многолѣтнаго здоровья всечасно жадаемъ слышать.

А по милости, государь, своей изволишь милостію своею вспомянуть, и моему окаянству терпитъ Господь Богъ, мѣсяца ноябрю въ 26 день живъ.

Да вѣдомо тебѣ, государю, чиню: мѣсяца ноябрю въ 3 день въ среду сказана на постел(ь)номъ крыльцѣ великаго государя милость за службу стольникомъ и стряпчимъ, и дворянемъ, и жильцамъ, и головамъ, и кои приѣхали на указной строкъ мая въ 1 день,—по сту по семидесять четвертей помѣстнаго окладу къ прежнему денегъ изъ четвертей по семнадцати рублевъ. А которые приѣхали послѣ строку головы сотенные и застали бой,—и тѣмъ по сту по пятидесять четвертей, денегъ по пятнадцати рублевъ. Которые сотенные люди приѣхали на строкъ, имъ по сту по двадцати четвертей, денегъ по тринадцати рублевъ; а кои приѣхали послѣ строку, и тѣмъ по сту четвертей, денегъ по десяти рублевъ на лѣто; а кои приѣхали послѣ бою къ Днѣпру, и тѣмъ быть; а кои не были, и тѣмъ будетъ указъ великаго государя.

Того жъ числа сказана великаго государя жалованья за службу генераломъ и стольникомъ, и полковникомъ, и головамъ стрѣleckимъ по двѣсти четвертей и денегъ къ прежнему по двадцати рублевъ да по сороку соболей, по ковшу, по бархату; подполковникамъ и полуголовамъ по сту по осми четвертей, денегъ по пятнадцати рублевъ, по камкѣ, по пяти паръ соболей; маеоромъ и начальнымъ людямъ въ придачу помѣстья окладъ и деньги по чинамъ, по камкѣ, по три пары соболей; капитаномъ и порутчикомъ, прапорщикомъ по двѣ пары соболей, по тафтѣ.

Того жъ мѣсяца въ 8 день сказано въ полки бояромъ и воеводамъ: въ большой полкъ боярину и воеводѣ князь Михайлу Олегу(ко)-вичу Черкасскому*), боярину князь Михайлу Юрьевичу Долгорукову, окол(ь)ничему князь Константину Осиповичу Щербатову, думному дворянину генералу Венедихту Андреевичу Змѣеву, думному дьяку Ивану Савинову сыну Гарагову; къ Новгородскому разряду—боярину и воеводѣ князь Ивану Андреевичу Хованскому,*) окол(ь)ничему Ивану Савостьяновичу, стол(ь)нику Венедихту Яковлевичу Хитровымъ; къ Бѣлгородскому разряду—боярину и воеводѣ князь Ивану Борисовичу Репнину, окол(ь)ничему князь Григорью Аѳонасьевичу, стол(ь)нику князь Тимоѳею Аѳонасьевичу Козловскимъ. На Тулу—боярину и воеводамъ Петру Васильевичу Шереметеву, окол(ь)ничему Матвѣю Степановичу Пушкину, стол(ь)нику Семену Ѳедоровичу Толочанову. Ноября въ 21 день сказано въ Кѣевъ князь Никитѣ Семеновичу Урусову, товарищи съ нимъ: князь Данило Аѳонасьевичъ Борятинской, думной дворянинъ Иванъ Петровичъ Лихоревъ. На Тулу—боярину Петру Васильевичу Шереметеву, а окол(ь)ничей Александръ Савостьяновичъ Хитрово. Въ Бѣлгородъ—бояринъ Иванъ Богдановичъ Мирославской.

Бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ для болѣзни отставленъ отъ полковъ и сказано ему въ Астарахань. Къ Сѣвскому разряду—окол(ь)ничей Матвѣй Степановичъ Пушкинъ, Семень Толочановъ. Къ рукѣ—Кѣевскимъ сего мѣсяца въ 30 день въ полки. Бояромъ—къ рукѣ Николаевъ день. _____

51. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(42) Государю милостивому князю Петру Ивановичу пекатель твоей государевы премногой милости и воспитанъ твоей государевы праведной пресвѣтлой и преизобильной трапезы Матюшка Кривковъ челомъ бьетъ. Подай Богъ тебѣ, государю, многія впредь идущія неисчетныя лѣта! Пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здорвье, а я твоего государева многолѣтнаго здорвья всечасно жаденъ слышать.

*) Письмо относится приблизительно къ 1679 г., въ какомъ упомянутые воеводы были у руки государя, прощаясь передъ выступленіемъ въ походъ (Дворцовые разряды, т. IV).

А по милости, государь, своей изволишь пожаловать про меня вспомянуть, и я на службѣ великаго государя цари и великаго князя Θεодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ полку боярина и воеводы князя Михайла Алегкувича Черкаскаго, пришедъ подъ Кіевъ іюля въ 29 день, и стали у Днѣпра, и августа въ 3 день живъ въ болѣзняхъ своихъ, а нимады отрады нѣтъ.

А лошади, государь, у насъ въ полкахъ за грѣхъ нашъ, съ голоду учали валиться. Въ верхъ и въ низъ Днѣпра верстъ по сороку накормить нечѣмъ, не токмо укусить сѣна. А что про непріятельскіе замыслы и что вѣдомости, и о томъ писано въ отпискахъ.

За сѣмъ тебѣ, государю, челомъ бью.

52. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(41) Государю милостивому князю Петру Ивановичу искатель твоей государевы премногой милости и воспитанъ твоей государевы праведной, пресвѣтлой и преизобильной трапезы Матюшка Кровковъ челомъ бьетъ. Подай Богъ тебѣ, государю, многія впредь идущія неисчетныя лѣта.

Пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здорвье, а я твоего государева многолѣтнаго здорвья всечасно жаденъ слыпать.

А по милости, государь, своей изволишь пожаловать про меня вспомянуть, и я на Москвѣ февраля въ 28 день живъ.

Челомъ, государь, бью за твое жалованье, что жалуешь, государь, ко мнѣ о своемъ здорвѣ пишешь, и впредь у тебя, государя, о томъ же милости прошу, пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здорвье.

За сѣмъ тебѣ, государь, искатель милости твоей Матюшка Кровковъ челомъ бьетъ.

53. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(85—86) Государю милостивому князю Петру Ивановичу искатель твоей государевы премногой милости и воспитанъ твоей государевы праведной, пресвѣтлой и преизобильной трапезы Матюшка Кровковъ челомъ бьетъ.

Подай Богъ тебѣ, государю, многія впредь идущія неисчетныя лѣта! Пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтнее здоровье, а я твоего государева многолѣтнаго здоровья всечасно жаждать слышать.

А по милости, государь, своей изволишь пожаловать про меня вспоминуть, и я на Москвѣ іюля въ 29 день живъ.

Изволилъ ты, государь, писать ко мнѣ о дворовомъ строеньѣ, — и нынѣ, государь, лѣсъ дорогъ, некоторыми, государь, дѣлы купить не возможно: пожаровъ умножилось, а привозу стало мало, а Москвою рѣкою пригону нѣтъ. Хотя тебѣ, государю, и гнѣвно, изволь отерочить до зимы. Нынѣ строить: за копѣшная—гривна, а за гривенное—десять алтынъ.

Изволилъ ты, государь, прислать зиму-съ меду, и стоять ему здѣсь лишей убытокъ: первое дѣло—ѣдятъ мыши, а другое дѣло—подкисъ. А цѣпа, государь, здѣсь меду дешевая: изъ ряду покупать по двадцати алтынъ пудъ, а какъ продать—по полтинѣ и по четыре гривны! И ты, государь, изволь пожаловать, ко мнѣ о томъ отписать, что мнѣ съ нимъ дѣлать; а я, государь, послѣ Успеньева дни поволокусь въ дальняя деревнишка, чтобъ онъ безъ меня не пропалъ.

Да писалъ я къ тебѣ, государю, объ дворѣ, что продаетъ подъячей, а просить четырехсотъ рублей, а я давалъ ему триста рублей, а посылають его съ приписью*). И будетъ тебѣ, государю, дворъ надобно, изволь объ немъ отписать. А будетъ тебѣ, государю, и хоромы строить, изволь ко мнѣ прислать чертежъ, на которомъ мѣстѣ строить, и какъ основанію хоромному быть.

За сѣмъ тебѣ, государю, челомъ бью.

54. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(27) Государю милостивому князю Петру Ивановичу искатель двоекъ государевы милости и воспитанъ твоей государевы праведной, пресвѣтлой и преизобильныя трапезы Матюшка Кровковъ челомъ бьетъ. Подай Богъ тебѣ, государю, многія и впредь идущія неисчетныя лѣта съ семьею твоею, государя нашего, а съ нашею милостивою государынею, княгинею Поросковьею Андреевною и съ дѣть-

*) Высшій чинъ подъячаго.

ми, государемъ княземъ Андреемъ Пятровичомъ и съ государынею княжною Натальею Пятровною. А мы вашего многолѣтнаго здоровья всечасно жадны слышать. А по милости своей, государь, изволишь пожаловать обо мнѣ вспомянуть, и я бѣдной противъ челобитья и росписи солдатской посаженъ въ приказъ Сыскныхъ Дѣлъ и отданъ солдатомъ головою, и правять на мнѣ по челобитной полковой и по росписи семь тысячъ четыреста шестьдесятъ восемь рублей двадцать три алтына двѣ деньги. Да сверхъ, государь, тое росписи и челобитной по разнымъ подписнымъ челобитнымъ и по росписямъ— двѣ тысячи пятьсотъ тридцать два рубля. И всего, государь, иску девять тысячъ девятьсотъ девяносто рублей (?) двадцать три алтына двѣ деньги. И отъ безмилостиваго ихъ правезу, избывъ свое животишка, и посуду всякую, и лошади, и ружье, и деревнишки заложилъ въ малыхъ деньгахъ, уплатилъ шесть тысячъ двѣсти сорокъ шесть рублей шестнадцать алтынъ четыре деньги іюня по 4 число.

Умилосердися, государь милостивой, праведной отецъ князь Петръ Ивановичъ, вступишь въ мою великую бѣдность и великое мое разоренье, отпиши къ батюшку ко князю Ивану Андреевичу и брату своему ко князю Андрею Ивановичу, чтобы въ дѣлѣ моемъ подали споможенье, а дѣла, государь, вѣдаютъ они, государи мои.

55. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(105—106) Государю милостивому князю Петру Ивановичу искатель твоей государевы милости и воспитанъ твоей государевы праведной, пресвѣтлые и преизобильные трапезы Матюшка Кровковъ челомъ бьетъ.

Подай Богъ тебѣ государю многія и впредь идущія лѣта съ семьею твоею, государя нашего, а съ нашею милостивою государынею княгинею Поросковьею Андреевною и съ дѣтьми, государемъ княземъ Андреемъ Петровичомъ и съ государынею княжною Натальею Петровною! А мы вашего многолѣтнаго здоровья жадны слышать.

А по милости своей, государь, изволишь пожаловать обо мнѣ вспомянуть, и я, бѣдной и безпомошной, противъ челобитья и росписи всего полку урядниковъ и солдатъ посаженъ въ приказъ Сыскныхъ Дѣлъ и отданъ солдатомъ головою, и правять на мнѣ по чело-

битной полковой и по росписи 7468 рублей 23 алтына 2 деньги, да сверхъ, государь, тое росписи и челобитной по разнымъ (подпи)снымъ челобитнымъ и по росписямъ 2532 рубли, и всего, государь, иску 9990 рублей (?) 23 алтына, 2 деньги. И отъ безмилостиваго ихъ правезу, избывъ своей деревнишки, и животипка и посуду всякую, и лошади, и ружье распродалъ и заложилъ въ малыхъ деньгахъ, уплатилъ имъ 6597 рублей 16 алтынъ 2 деньги юня по 17 день.

Умилосердись, государь милостивой и праведной отецъ князь Петръ Ивановичъ, вступишь въ мою великую бѣдность и въ великой моя разоренья, отпиши къ батюшку ко князю Ивану Андреевичу и къ брату своему ко князю Андрею Ивановичу, чтобы въ дѣлѣ моемъ пожаловали подали споможенія. А я, бѣдной и разореной и въ приказѣ заточеной и на правези безъ милости забитой помощника себѣ иного никого, опричь милости твоей, и помощника не обрѣтаю. Заступи милостию своею, дай мнѣ вмѣсто смерти животь!

Да пожалуй, государь, одолжи меня милостию своею на окупъ, какъ тебѣ, государю, обо мнѣ милостивой Богъ по сердцу положить, а я тебѣ, государю, деревнишки заложу муромскія или подмосковную, или московской дворъ. Не дай, государь, мнѣ отъ немилостиваго правезу скончаться.

Да милости жъ у тебя государя прошу, пожалуй, изволь отписать къ батюшку и къ брату, чтобъ милость свою пожаловали, удивили, заступили бѣ милостию своею зятя моего Федора Софонова: бьютъ челомъ батюшку и брату полковники стрѣльцкіе, чтобъ его выбрать въ полуполковники къ стрѣльцамъ. Пожалуй, государь, изволь отписать, что его отставить. Умилосердися, милостивой государь бояринъ князь Петръ Ивановичъ, пожалуй, дай ему вмѣсто смерти животь.

А естля, государь, и не возможно его отъ того чину отставить, ино бы, государь, хотя въ цѣлые полковники, а не лежи *) въ полуполковники. Пожалуй, милостивой нанъ батька, заступи милостию своею.

За сѣмъ Матюшка Кровковъ челомъ бьетъ.

*) Такъ написано въ подлинникѣ.

56. Отъ Ловчикова, Степана *).

(35) Государю моему милостивому князю Петру Ивановичу работникъ твоего жаловалья Стенка Ловчиковъ челомъ бьетъ.

Пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ. А про меня, государь, пожалуешь, изволишь вѣдать, и я на Москвѣ феврала въ 19 день живѣ.

Прошу, государь, твоего жалованья, пожалуй, будь милостивъ къ Ѳеодору Стремоухову, и о чемъ опъ у тебя, государя моего, обх моихъ дѣлишкахъ учнетъ милости просить, пожалуй, государь, милость свою покажи, а за твое, государя моего, жалованье и тебѣ работникъ.

По семъ тебѣ, милостивому государю моему, раболѣпно челомъ бью.

57. Отъ Лутовинова, Ивана **).

(94) Государю моему князю Петру Ивановичу рабъ твой Иванко Лутовиновъ челомъ бью. Дай Господи Боже тебѣ, государю моему, и государю моему князю Андрею Петровичу здравствовать много лѣта. Пожалуй, государь мой, прикажи писать ко мнѣ о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ; мнѣ бы, слышавъ о твоёмъ государя моего здоровьѣ, всегда радоваться.

Челомъ бью, государь мой, за милость твою государскую: пожаловаль ты, государь, приказаль писать ко мнѣ о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ, и впредь о томъ же у тебя, государя, милости прошу.

Ты жъ, государь мой, изволиль мнѣ въ Бѣлевъ ѣхать, и я съ челоуѣкомъ твоимъ съ Иваномъ Тровинымъ въ Бѣлевъ ѣздилъ. Воевода на росписку челоуѣка твоего мнѣ и челоуѣку твоему Ивану Тровяну не отдалъ, замаяся. Пожаловаль, сказалъ сперва добрыя слова, знатное, что послушалъ подьячаго. Я у него просилъ собѣ на росписку, не пожаловаль же. Впервые ему воеводство: о пульномъ ***) дѣлѣ спрашиваетъ подьячихъ.

*) Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича было два Степана Ловчикова: Богдановичъ и Меркурьевичъ.

**) Очевидно, Иванъ Марковичъ, (см. письмо № 58), дворянинъ московскій, а съ 1692 года стольникъ.

***) Такъ въ подлинникѣ.

Послалъ къ тебѣ, государю, съ дѣла списокъ, какъ билъ челомъ Захарей Левшинъ, да тутъ же, государь, послалъ и челобитную Ондрюшки Васильевского. Изволь ее просмотрѣть, какъ онъ въ челобитной написалъ, и какъ въ распросѣ сказался.

Писавы къ милости твоей Иванко Лутовиновъ челомъ бьетъ.

58. Отъ Лутовинова, Марка *).

(20) Государь мой бояринъ князь Петръ Ивановичъ, Марченка Лутовиновъ челомъ бьетъ.

Буди, государь здоровъ и хранимъ десницею вышняго Бога на многія неизреченныя лѣта со всеѣмъ своимъ благословеннымъ праведнымъ домомъ. Милости прошу у тебя, государя своего, вели, государь, отписать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ. Мнѣ бы слыша о твоемъ, государя своего, здоровьѣ о Христѣ радоваться.

Да приѣхалъ человекъ твой, Иванъ Травинъ ко мнѣ, и я, государь, по твоему велѣнью послалъ сынишка своего Иванка съ нимъ Иваномъ для твоего человека въ Бѣлевь, и воевода не отдалъ, почему не отдалъ, то тебѣ, государю, извѣститъ слуга твой Иванъ Травинъ.

Милости у тебя, государь, я прошу противъ нашего градскаго челобитья о указѣ о подьячихъ.

Умились, государь, надо мною, вели объ нихъ указъ учинить противъ челобитья.

А слугу твоего Ивана Травина отпустилъ сентября въ 23 день.

По семь тебѣ, государю своему, припадаю къ ножкамъ твоимъ, челомъ бью.

59. Отъ Матюшкина, Ивана Лѳанасевича**).

(64) Государю моему, милостивому ко мнѣ дядошкѣ князю Петру Ивановичу Ивашко Матюшкинъ челомъ бьетъ. Здравствуй, государь мой, и во многолѣтїи радостно пребывай и съ государынею моею тетупкою съ кнеинею Парасковьею Ондревною и съ дѣтьми своими на многія лѣта. Пожалуй, государь мой, прикажи ко мнѣ

*) По указателю къ боярскимъ книгамъ были Маркъ Мясоѣдовъ и Маркъ Трифоновъ Лутовиновы, оба дворяне московскіе.

***) Съ 1676 года комнат. стольникъ царя Петра.

писать про свое, государя моего, многолѣтнее здоровье и про здоровье государыни моей тетушки княгини Парасковьи Ондреевны, и про здоровье государя моего князя Ондreja Петровича, и про здоровье государыни моей княжны Натальи Петровны, какъ васъ, государей моихъ, Господь Богъ милостію своею сохраняетъ. А про меня, государь мой, изволишь вѣдать, и я на Москвѣ при милости великаго государя февраля по 28 день съ женишкою живъ до воли Божіи.

По томъ тебѣ государю моему челомъ бью.

60. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(93) Государю моему дядюшкѣ князю Петру Ивановичу Ивашко Матюшкинѣ челомъ бьетъ. Здравствуй, государь, и во многолѣт(i)и радостно пребывай и съ государынею моею тетушкою съ княгинею Парасковьею Ондреевною и съ дѣтьми своими, съ государемъ моимъ братцомъ съ князь Андреемъ Петровичемъ и съ государынею моею сестрицею съ княжною Натальею Петровною на многія лѣта. Пожалуй, государь мой дядюшка, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтнее здоровье и про здоровье государыни моей тетушки княгини Парасковьи Ондреевны, и про государя моего брата князя Ондreja Петровича и про сестрицу княжну Наталью Петровну, какъ васъ, государей моихъ, Господь Богъ милостію своею сохраняетъ. А изволишь, государь мой дядюшка, про меня спросить, и я на Москвѣ при милости великаго государя, при его царскихъ пресвѣтлыхъ очахъ іюня по 4 день живъ до воли Божіи.

По томъ тебѣ, государю своему, рабски челомъ бью.

61. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(70) Государю моему, милостивому ко мнѣ дядюшкѣ князю Петру Ивановичу Ивашко Матюшкинѣ челомъ бьетъ. Здравствуй, государь мой дядюшка, и во многолѣт(i)и радостно пребывай и съ государынею моею тетушкою съ княгинею Парасковьею Ондреевною, и съ государемъ моимъ братцемъ съ князь Андреемъ Петровичемъ, и свѣтомъ моею сестрицею съ княжною Натальею Петровною на многія лѣта.

Пожалуй, государь мой дяюшка князь Петръ Ивановичъ, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здорвье и про здорвье государыни моей тетюшки княгини Парасковьи Ондреевны, и про здорвье государя моего братца князь Ондreja Петровича, и про свѣта мою сестрицу княжну Наталью Петровну, какъ васъ, государей моихъ, Господь Богъ милостию своею сохраняетъ.

А изволишь, государь, про меня спросить, и я на Москвѣ при милости великаго государя, при его царскихъ пресвѣтлыхъ очахъ іюня по 10 день живъ до воли Божіи.

По томъ тебѣ, государю своему, челомъ бью.

62. Отъ Мельницкаго, Назарія Петровича *). (1682 г. 10 апр.)

(90—91) Государю моему князю Петру Ивановичу Назарко Мельницкой челомъ бьетъ. Дай, Господи, тебѣ, государю моему, многолѣтно и благополучно здравствовать!

А меня убогаго пожалуй, государь, милостию своей взыщи, прикажи ко мнѣ отписать о твоёмъ, государя, здорвѣ; а я убогой непрестанно желаю о твоёмъ, государя моего, здорвѣ слышать, а слыша, долженъ воздать хвалу въ Троицѣ славимому Богу.

А будетъ, государь, по премногому своему милосердію изволишь о мнѣ убогомъ напомануть, и моему премногому окаянству милостивый и человеколюбивый Господь Богъ терпять, на службѣ великаго государя въ Крымъ въ необнятныхъ своихъ печалехъ апрѣля по 10 день живъ, а впредь идущее время надежда моя и упованіе на Его жъ, Спасителя моего, милостивыя щедроты.

Милости у тебя, государя, прошу: будучи я на службѣ великаго государя на розмѣн(н)омъ мѣстѣ въ Переволочьнѣ, по твоему государя моего приказу поручился хановымъ ближнимъ людямъ по стольникѣ по князь Андрей Григорьевичѣ Ромодановскомъ въ окупныхъ деньгахъ во шти тысячахъ левкахъ, что былъ онъ князь Андрей порученъ по Олександрѣ Скуратовѣ да по Иванѣ Языковѣ, и въ томъ онъ князь Андрей далъ мнѣ на себя за своею рукою письмо, что прислать было ему тѣ окупныя деньги шесть тысячъ лев-

*) Назарій Петровичъ Мельницкій, стольникъ съ 1681 года, въ этомъ же году былъ назначенъ посланникомъ въ Крымъ (Бѣлгородскаго стола столбецъ № 1018.)

ковъ въ Крымъ нынѣшняго сто девяностаго году на Богоявленъевъ день. И тѣхъ, государь, окупныхъ денегъ и по се число въ Крымъ не присылывалъ, а въ письмѣ его написано: будетъ тѣмъ деньгамъ учинится на пути истеря, и ему князь Андрею прислать тѣ деньги въ Крымъ вновь.

А мнѣ убогому въ Крыму за тѣ деньги отъ хана чинится великая тѣснота и убытки. Умилосердися, милостивой государь, заступи меня убогаго своей милостію, чтобъ онъ князь Андрей тѣ окупныя деньги въ Крымъ прислалъ, а поручился я по немъ князь Андреѣ, ищучи твоей, государя моего, къ собѣ милости, также чаючи и отъ нихъ къ собѣ всякаго добра, а онѣ оказали такую ко мнѣ милость, за срокомъ многое время тѣхъ денегъ не присылывали. Умилостивися, государь, не презри сего моего убогаго прошенія, учини вѣчнаго за твое, государя моего, и праведныхъ твоихъ дѣтокъ здоровье богомольца, заступи своей милостію.

Да милости у тебя, государя моего, прошу: отпустилъ я изъ Крыму лодишекъ своихъ дву человекъ къ Москвѣ, аже буде, дастъ Богъ, будутъ онѣ въ Курскѣ, пожалуй, государь, прикажи имъ дать емскую подводу въ то число, которыя подводы указаны мнѣ.

А будетъ изволить Богъ, прибреду я, и онѣ емщики ту подводу зачтутъ мнѣ.

О семъ тобѣ, государю, сугубо сугубствомъ челомъ бью.

63. Отъ Мещеринова, Ѳедора *).

(12) Государю моему милостивому князю Петру Иваловичу исконной рабъ милости твоей Ѳедька Мещериновъ челомъ бью.

Умножи Господь Богъ тебѣ, государю моему, многія незамѣрныя поздныя лѣта.

Милости у тебя, государя своего, прошу, помилуй убогаго раба своего, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здоровье, а я, убогій рабъ твой, жадеи слышать про твое, государя своего, здоровье по всякъ часъ.

А про меня, убогаго раба своего, естля, государь, изволишь напамятовать, и я на Москвѣ октябрѣ въ 9 день живъ. При семъ

*) Подъ 1682—83 г.г. въ 1039 столбцѣ Бѣлгородскаго стола есть указаніе, что какой-то Ѳедоръ Мещериновъ былъ стрѣлецкимъ полковникомъ.

же, у тебя, государя, милости прошу: пожалуй, государь, по древней своей милости, прикажи, государь, по кабашишкамъ моимъ на своихъ полчанахъ взять деньги и отдать людишкамъ моимъ; а для того, государь, князь Петръ Ивановичъ, обнадеженъ на твою къ себѣ древнюю милость.

Послалъ я къ тебѣ, государю, людишекъ своихъ, Леоньку Сидорова да Ваську Аванасьева.

По которымъ, государь, заемнымъ кабаламъ изволишь ты, государь, по своему разсмотрѣнію деньги взять, а тѣ, государь, деньги прикажи отдать людишкамъ моимъ.

Да я жъ, убогій рабъ твой, милости у тебя, государя своего, прошу: пожалуй, покамѣсть у тебя, государя, людишка мои живутъ, пожалуй, не вели ихъ уморить съ голоду съ клячами, а я тебѣ, государю, буду плательщикъ за милость твою на Москвѣ.

За сѣмъ тебѣ, государю своему, много челомъ бью.

64. ОТЪ НЕИЗВѢСТНАГО.

(196) Государь мой князь Петръ Ивановичъ!

Хотя твой, государя моего, гнѣвъ твой на меня, что Пименовой швадроны Орлова солдатъ посылаю на городовую подѣлку, не починя города, не сдѣлавъ крѣпостей, на невельской народъ держать опасъ въ городъ и за городъ. Прикажи, государь, къ нимъ солдатамъ, что крѣпиться надобно. Не собенная моя, Божья да государева, подъ Десною они жъ полѣнились шанцовъ побольшить; таково и учинилось.

А отписку, государь, послалъ, что писана къ великому государю. Умилосердись, какъ пошлешь отъ себя гонцовъ къ Москвѣ, вели, государь, подать, гдѣ подписана. А не запечатана для того, чтобъ тебѣ, государю моему, было вѣдомо. Прикажи запеча(та)ть.

Какъ твоя воля будетъ: невельскую шляхту взять къ себѣ на Луки, а въ то мѣсто прислать луцкихъ казаковъ пѣшихъ для нужнаго времени?

О семъ тебѣ, государю, до земли стократно челомъ бью.

65. ОТЪ НЕИЗВѢСТНАГО. (БЕЗЪ НАЧАЛА.)

(219) о перемѣнѣ, государь, своей, нынѣ чему быть ни по которому образу не возможно, не помышляй. Хотя бѣ и можно какимъ промысломъ то учинить, и о томъ всяко по нынѣшнему времени усмотря, не смѣли мы домогаться: первое для того, что пріѣхать тебѣ некуда и не-къ-чему, другое,—и паче опасенія въ томъ,—что оторвавъ отъ мѣста, на которое Богъ позвалъ, чтобъ въ горчайшее безпутство не провалиться, понеже время настоящее зѣло строптиво и не уставично.

Просимъ о томъ для Бога, укроти свой помысль и, на что призванъ, пребывай въ томъ.

А на то не гнѣвайся, что полкъ Бѣлогородской разбитъ и оскуженъ; не для то тебя учинено, за грѣхи наши. Таковы нынѣшнія времена приключились, а уставить ихъ и претворить въ доброе никому не возможно до воли на то Божіей.

А и житью, государь, твоему, слыша, удивляемся: напрасно съ голоду умираешь и людей отъ своей милости отгоняешь.

Берегись тѣхъ почестей, которыя начальныя тебя похотятъ одарить изъ того, чтобъ, тебя купя, самимъ свободно владѣть и подвластныхъ своихъ утѣснять. Надъ тѣми падобе смотреть и на зло не попускать, однакожъ и къ нимъ быть не безъ милостиваго поступку, въ комъ добрые поступки видя. А которые желаютъ подъ твою обороною и защищеніемъ быть и дни свои безопасно въ покоѣ проводить, отъ такихъ вытискать и вымысломъ примѣтами не надобе имать.

А что добровольно ищутъ милости твоей, а за то хотятъ оборонены быть, и, по нашему, отъ того и удалиться съ разумнымъ разсмотрѣніемъ немного надобе.

Пишу я тебѣ, пріятелю моему, по времени смотря, чтобъ послѣ о себѣ, упусти, не тужить.

Полковнику Табіасу Кальбрехту велѣно быть у тебя на умершаго мѣсто Андрея Барнета. Изихилію Буларту велѣно быть, по розметѣ боярина князя Михайла Юрьевича, въ Танбовскомъ розрядѣ, и того передѣлать не возможно. И будетъ не нужно тебѣ надобенъ, отпусти его, не ссорься въ томъ съ князь Михайломъ Юрьевичемъ. А естли нужно надобно, и отъ тебя о томъ писано, что онъ Изихиль боленъ, а къ тебѣ указъ посланъ, какъ обможется и его послать;

и, будетъ нужно, надобе и учипить такъ; послать въ его мѣсто кого пристойно, по твоему разсмотрѣнью, а отписать такъ: что велѣно послать Изихиля, какъ обможется, и болѣзнь его продолжилась, и въ его мѣсто посланъ тотъ-то именемъ, а не послать въ его мѣсто не смѣль, потому что болѣзнь продолжилась, и чтобъ тамъ мѣсто его порожне не было.

66. Отъ кн. Одоевского, Юрія *).

(51) Государю моему князю Петру Ивановичу Юшка Одоевской челомъ бьетъ. Пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, Господь Богъ милостію своею хранить.

А про меня, государь, изволишь пожаловать спросить, и я на службѣ великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Великомъ Новгородѣ апрѣля по 30 день до воли Божіи живъ, а впредь Его жь праведная воля.

Да приказаль язъ города Каргаполя торговымъ посадскимъ людемъ Степану Федорову сыну Кувшинову, Никитѣ Оносову сыну Лобанову, Степану Исакову сыну Кипріянову, Ивану Петрову сыну Леонихину у Архангельскаго города купить товаровъ про свою нуждицу на триста рублей. А какого, государь, товару имъ каргапольцамъ купить язъ велѣль, и тому, государь, язъ имъ каргапольцамъ даль роспись.

И тебѣ-бъ, государю моему, пожаловать по своему пріятству ко мнѣ, тѣхъ товаровъ имъ каргапольцамъ купить не запрестить, которые въ той моей росписи написаны.

По семь тебѣ, государю моему, много челомъ бую.

67. Отъ Павла, игумена Костромскаго Богоявленскаго монастыря (1678 г. 11 авг.).

(49) Государю боярину князю Петру Ивановичу Костромскаго Богоявленскаго монастыря игумень Павелъ съ братьею Бога молимъ и челомъ бьемъ. Подай Господь Богъ тебѣ, государю, многолѣтное

*) Письмо можно отнести къ 1678 году, когда кн. П. И. былъ воеводой въ Архангельскѣ. Въ это время были два кн. Одоевскіе: Юрій Михайловичъ и сынъ его Юрій.

здравье, и буди, государь, покровенъ десницею вышняго всецедраго Владыки Бога Человѣколюбца со всеѣмъ своимъ праведнымъ благодатнымъ домомъ.

А изволишь, государь, про домъ Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа вѣдать, и домъ Божій строится, якоже волишь Его святая Божія праведная благодать. И нашему недостоинству Владыко Богъ Человѣколюбецъ по своей неизреченной милости терпитъ: августа по 11 день вѣлеснѣ живы, а вдушевнѣ Сынъ Слово Божіе самъ вѣсть.

Изволилъ ты, государь бояринъ князь Петръ Ивановичъ, намъ прежь сего, богомольцемъ своимъ, говорить, чтобъ подѣ придѣлами Иоанна Богослова и Николая Чудотворца, въ полатѣхъ надѣ твоими, государь, родители, надѣ гробомъ твоего Андрея Васильевича, и тещи твоей *) написать стѣннымъ письмомъ, и у насъ, государь, нынѣ краски на стѣнное письмо готовы. А за работу, государь, иконникомъ отъ того стѣнного письма отъ полатки рекея пожаловать, деньги прислать. И о томъ какъ ты, государь, изволишь?

Въ нынѣшнемъ, государь, во 186 году августа въ 11 день поѣхалъ востромитинъ посадской человекъ Григорей Бабинъ къ городу Архангельскому съ краснымъ своимъ товаромъ для промыслу своего, и о чемъ у тебя, государя, станеть милости просить, пожалуй, государь, для нашего прошенія буди и къ нему милостивъ, а онъ человекъ доброй и къ дому святому радѣтель. А какъ изволишь Господь Богъ твои праведныя очи намъ видѣть, и мы будемъ тебѣ, государю, бити челомъ.

По семъ тебѣ, государю, Бога молимъ и челомъ бьемъ.

68. Отъ Полянина, Осица.

(72) Государю боярину князь Петру Ивановичу съ Вологды Ос(ь)ка Полянинъ челомъ бьетъ. Подаи Богъ тебѣ, государю, многолѣтно и благополучно здравствовать!

А про меня государь изволишь напоянуть, Божією милостію и твоимъ, государя моего, пріятнымъ жалованьемъ апрѣля по 16-е число тѣлеснѣ живъ, а впредь Богъ воленъ.

*) Андр. Вас. и Анны Ивановны Кафтыревыхъ.

Милости у тебе, государя, прошу: отпущу на дощаникахъ робятишекъ своихъ, прикажи, государь, ихъ своей милостью поберечь.

Вѣдомо тебѣ государю будь: принялъ у сотника у Якова Силина да у человѣка твоего Степана денегъ твоихъ тридцать девять рублей на поупку на запасъ; куплено, государь, меду три кади вѣсомъ двадцать девять пудъ одна четверть, цѣною за пудъ 23 алтына по 2 деньги, самой доброй медъ; да масла симяннаго лагунъ вѣсомъ два пуда 22 фунта, цѣною за пудъ по 28 алтынъ; вина въ семи бочкахъ сто двадцать шесть ведръ съ полу-ведромъ. А сей запасъ посланъ на Никольскомъ дощаникѣ съ человѣкомъ твоимъ Степаномъ, да полкосяка мыла бѣлаго. Да съ сотникомъ Яковомъ Силиннымъ въ лодкѣ четвертка большая луку, да двадцать столбцовъ чесноку симяннаго. А что, государь, иного запасу куплю, на своихъ дощаникахъ пришлю.

По семь тебѣ, государю, челомъ бью.

Декабря въ 3 день заплачено Ѳеодору Черепанову въ тридцать въ девять рублей въ уплату шестнадцать рублей двѣнадцать алтынъ.

69. Отъ кн. Прозоровскаго, Петра.

(67) Государю моему князю Петру Ивановичу Петрушка Прозоровской челомъ бьетъ. Буди, государь, здравъ на многа лѣта! Пожалуй, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здоровье, какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ. А о мнѣ пожалуешь, похочешь вѣдать, и на службѣ великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, на Вяткѣ іюля по 7 день до воли Божіи живѣ.

Прошу, государь, твоего пріятства: какъ пріѣдетъ на Колмыгоры или къ Архангельскому городу *) вятчанинъ посадской человѣкъ Григорей Яковлевъ, пожалуй, князь Петръ Ивановичъ, буди къ нему милосердъ для моего прошенія, а язъ за твое жалованье—воздатель.

По томъ тебѣ, государю своему, челомъ бью.

*) Письмо можно отнести къ 1678 году, когда кн. П. И. былъ воеводой въ Архангельскѣ; въ это время были кн. Петръ Ивановичъ и кн. Петръ Семеновичъ Прозоровскіе.

70. Отъ Пушкина, Ивана Ѳедоровича.

(26) Государю моему пріятелю князю Петру Ивановичу Изашка Пушкинъ челомъ бьетъ. Дай Господи, ты, государь мой, здравъ былъ и многолѣтенъ и покровенъ десницею вышняго Бога. Пожалуй, государь, вели ко мнѣ писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ и о семьѣ своей: государыни моей здоровьѣ княгини Прасковьи Андреевны и о здоровьѣ князя Андрея Петровича, какъ васъ Господь Богъ милостию своею хранить. А мнѣ бы, ваше, государей своихъ, здоровье слыша, радоваться. А пожалуешь, изволишь про меня вѣдать, и я на службѣ великаго государя въ Тобольску *) сентября въ... съ женою и съ дѣтьми до воли Божіи, далъ Богъ, живъ, а впредь уповаю на Его-жь Христа своего всемилостивыя щедроты.

Да писалъ ты, государь, ко мнѣ, чтобъ мнѣ поговорить Ѳедору Протопопову, чтобъ онъ отписалъ къ Борису Корелкину, **) что деньги ты за дворъ четыреста рублевъ ему Ѳедору заплатилъ ты, а что недоплаты тридцать рублевъ, и у тебя съ нимъ съ Ѳедоромъ договоръ былъ, что онъ на тебѣ тѣхъ тридцати рублевъ не хотѣлъ брать, и я ему Ѳедору говорилъ о томъ съ большимъ прилежаніемъ, чтобъ онъ отписалъ о томъ къ Борису Корелкину, тѣхъ бы тридцати рублевъ не велѣлъ имать, попомнилъ бы слово свое, что на тебѣ взялъ вина десять ведръ. И онъ сказалъ, что де мнѣ вино далъ князь Петръ Ивановичъ за то, что денегъ ждалъ де я, а теперь де мнѣ отписать не къ кому: Бориса Корелкина на Москвѣ нѣтъ, въ посылкѣ де; и онъ знатное дѣло, что отманивается.

По томъ тебѣ, государю своему, много челомъ бью.

Да отпиши, государь, ко мнѣ, отдалъ ли тебѣ Борисъ Корелкинъ купчую на дворъ?

71. Отъ Резанова, Семена ***) (1682 г. 24 сент.)

(107—108) Государю милостивому и милосердому батьку князю Петру Ивановичу искатель милости твоей и вскормленникъ твоея праведныя трапезы Сенька Резановъ челомъ бьетъ. Подай Господь Богъ тебѣ, государю, многолѣтно и благополучно здравствовать на многія неисчетныя лѣта со всѣмъ твоимъ благодатнымъ и праведнымъ домою.

*) Былъ товарищемъ воеводы съ 1673 по 1676 г.

**) Дьяки.

***) Полковникъ (Бѣлогородскаго стола столбецъ № 1013).

Смѣя и не смѣя, дерзнулъ у тебя, государя, милости попросить: пожалуй, государь милостивой и милосердой батька князь Петръ Ивановичъ, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтнее здоровье, какъ тебя, государя, Господь Богъ милостію своею сохраняетъ; а я твоего государскаго многолѣтнаго здоровья слышати безпрестанно желаю по всякъ часть.

А про меня убогаго изволишь, государь, по милости своей напечатать, и я на службѣ великихъ государей въ Бѣлѣ-городѣ сентября по 24 число живъ.

Да по указу великихъ государей и по твоей, боярина и воеводы князя Петра Ивановича, памяти велѣно мнѣ съ копитаны и съ стрѣльцы со всею службою и съ запасы и съ полковымъ нарядомъ изъ Бѣла-города итти на ихъ великихъ государей службу въ Суминъ октября со 2-го числа нынѣшняго 191 году. А большого полкового наряду у меня въ приказѣ осталось только три пищали большой статьи, пищаль малой кашпуръ девица ломовая, да станокъ заводной малаго кашпура; и подъ тѣми, государь, пищальми и подъ станками колесъ нѣтъ, и въ походъ тѣхъ пищалей взять за колесами не мочно. Да того жъ, государь, большого полкового наряду окольниковъ и воевода Петръ Дмитриевичъ Скуратовъ взялъ съ собою семь пищалей меньшей статьи, и подъ тѣ пищали изъ подъ тѣхъ большихъ трехъ пищалей добрыя колесы отобрапы. Да того жъ, государь, большого наряду зелья и свинець, телѣги и хомуты и всякіе пушечные припасы онъ, окольниковъ и воевода, все побралъ съ собою. А что, государь, взято въ розмѣнной походъ и что въ остаткѣ, и тому послалъ я къ тебѣ, государю, роспись. А что, государь, моего приказу посланы стрѣльцы въ Кіевъ, и тѣхъ сотенъ копитаны нынѣ въ Бѣлѣ-городѣ. И ты, государь, какъ объ нихъ укажешь?

Да милости у тебя, государь милостивой и милосердой батька князь Петръ Ивановичъ, прошу, пожалуй, государь, прикажи оставить въ Бѣлѣ-городѣ стрѣльцовъ хотя человекъ съ тридцать для береженья слободы. А и всего, государь, въ Бѣлѣ-городѣ стрѣльцовъ триста человекъ, да въ томъ же, государь, числѣ слободчики и деньщики, и сиповщики, и борабаньщики, и больные. И о томъ, государь, полковомъ нарядѣ и о стрѣльцахъ, сколько человекъ оставить въ Бѣлѣ-городѣ, что ты, государь, ко мнѣ укажешь

По семь тебѣ, государю, надъ на землю, рабски челомъ бью.

Да милости у тебя, государь князь Петръ Ивановичъ, просячь моего приказу стрѣльцы, которые нынѣ въ Бѣлѣ-городѣ, великихъ государей о денежномъ жалованьѣ на нынѣшней на 191 годъ. Ей, государь князь Петръ Ивановичъ, бѣдны всѣ и наги, подняться на ихъ великихъ государей службу безъ ихъ великихъ государей денежнаго жалованья нечѣмъ. Пожалуй и помилуй, государь князь Петръ Ивановичъ, прикажи имъ бѣднымъ выдать великихъ государей денежное жалованье, чтобъ имъ бѣднымъ было бѣ чѣмъ на ихъ великихъ государей службу подняться.

72. Отъ Скрыбина, Павла Михайловича. *)

(8) Государю моему князю Петру Ивановичу искатель милости твоей Панька Скрыбинъ челомъ бьетъ. Подай Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на вѣки и предъидущіе годы.

И прикажи, государь, писать про свое многолѣтнее здоровье ко мнѣ работнику своему, а я, государь, работникъ твой, твоего здоровья радъ слышать ежечасъ и хвалу Христу воздавать.

А пожалуешь, государь, изволишь напечатать про меня, и я на Москвѣ марта 20 по 7-ое число живъ до воли Божіей, а впреди, государь, Его жъ Христова воля.

А на Орель, государь, поволокусь вскорѣ и тамъ буду покупать земли, надѣючись на твою милость, твоимъ, государя своего, именемъ,

И ты, государь, пожалуй, прикажи ко мнѣ отписать, чтобы мнѣ было надежно.

Пожалуй, государь, пришли къ намъ городскихъ гостинцовъ, а я тебѣ, государю своему, за нихъ плательщикъ.

О семь у тебя, государя своего, милости прошу и челомъ бью.

73. Отъ него же.

(84) Государю моему князю Петру Ивановичу искатель милости твоей Панька Скрыбинъ челомъ бьетъ. Подай Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на вѣки и впредь идущіе годы, а я твоего, государя своего, здоровья радъ слышать ежечасъ и хвалу Христу воздавать.

*) Стольнигъ съ 1680 года. Указат. къ Боярск. кн.

А пожалуешь, государь, изволишь по милости своей про меня напаятовать, и я на Орлѣ ноябрю по 18 число еще живъ.

Прошу милости твоей, государя своего, не покинь милостию своею меня на Москвѣ, о чемъ стануть людишки мои у тебя, государя моего, милости просить.

Да пожалуй, государь, прикажи Ивапу Овонасьевичу Матюшкину поговорить, что въ Донковѣ приказаль хлѣба взаимы дать.

Да прикажи, государь, отписать про свое здоровье и быть ли тебѣ у насъ въ Сѣвску. За сѣмъ тебѣ, государю своему, много челомъ бью.

74. Отъ Скуратова, Ивана *).

(78) Государю моему князю Петру Ивановичу Ивашко Скуратовъ челомъ бьетъ. Пожалуй, государь, вели ко мнѣ писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, Господь Богъ милостию своею сохранлетъ. А по милости, государь, своей изволишь напомнить о мнѣ, и я на службѣ великихъ государей въ Бѣлгородѣ сентября по 24 число живъ до воли Божіи.

Полковники, государь, пѣхотные къ прежнимъ припасомъ просить многого, а взять негдѣ и купить нечѣмъ. А безъ твоего, государь, вѣдома изъ городовъ имать и давать имъ не смѣю.

Да по городу, государь, караулили бѣлгородскіе стрѣльцы и городовые дѣти боярскіе, а нынѣ по твоему письму велѣно имъ, стрѣльцамъ быть съ тобою въ походѣ, а напередъ, государь, сего во время твоего походу, при батюшку, были изъ городовъ изъ Карпова, изъ Болхового, стрѣльцы и казаки. И о томъ къ тебѣ, государю моему, писалъ въ отпискахъ. Милости у тебя, у государя, прошу, вели мнѣ о семъ великихъ государей указъ учинить.

75. Отъ Толочанова, Семена Ѳедоровича.

(10) Милостивой государь мой, князь Петръ Ивановичъ, многолѣтствуй, государь мой, на вѣки.

Писать ты, государь мой, ко мнѣ о присылкѣ дьяка Петра Исакова и о смѣтныхъ книгахъ и о подьячихъ. И по твоему, госу-

*) Вѣроятно, Ивана Петровича Скуратова, котораго въ 1682 году оставилъ вмѣсто себя въ Бѣлгородѣ околицій Петръ Дм. Скуратовъ, отправляясь въ Крымъ для разнаго плѣнныхъ. (Ст. Бѣлгородск. ст. № 1063).

дарь, приказу дьякъ къ тебѣ, государю, отпушонъ, и смѣтныя книги съ подьячимъ съ Дементьемъ Бѣлымъ, отдѣлавъ въ соверпеніе, къ тебѣ, государю, отпустилъ же. А мѣшкота, государь, смѣтнымъ книгамъ учинилась за неприсылкою изъ городовъ воеводъ.

И о томъ тебѣ, государю, извѣстно напередъ сего было, и о томъ я къ тебѣ, государю, писалъ; естли, государь, воеводы впредь будутъ дѣлать такъ, и никогда государева дѣла спора не будетъ. А истинно къ тебѣ, государю, нишу, что книги дѣлали безвыходно денно и ночми.

А подьячей Андрей Ортельной не посланъ затѣмъ, что дѣла отдасть, а какъ дѣла отдасть, и я его Андрея къ тебѣ, государю, пришло.

А естли возможное дѣло, сотвори, государь, милость для убогаго моего прошенъишка, чтобъ его Андрея не послать къ Москвѣ. И о томъ, государь, что на то изволеніе будетъ, изволь ко мнѣ приказать отписать.

А подьячихъ, государь, въ Бѣлѣгородѣ*) нѣтъ никого, а которые и есть, и тѣ, государь, всѣ пьяные. И о томъ, какъ на то твое изволеніе будетъ.

По семъ тебѣ, государю своему, работникъ твой Сенька Толочановъ челомъ бью.

А Толкочова, государь, затѣмъ не послалъ, что и отписки написать будетъ некому.

76. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(11) Государь мой милостивой, князь Петръ Ивановичъ, многолѣтно будь здоровъ па вѣки со всѣмъ своимъ благодатнымъ домомъ.

И на милости твоей, государя моего, стократно челомъ бью, что пожаловаль по милости своей меня убогаго снебдеваль.

Пожалуй, государь мой, прикажи ко мнѣ отписать: естли поновки о вѣстяхъ про воинскихъ людей не будетъ, ратныхъ людей изъ городовъ въ поля начальнымъ людямъ высылатъ ли, кромѣ дальныхъ городовъ, мецнянъ и иныхъ таковыхъ же; а въ ближніе города по твоему приказу пошлю тотчасъ.

По семъ писавъ, работникъ твой Сенька Толочановъ челомъ бью.

*) Стольникъ Сем. Ѳедор. Толочановъ былъ назначенъ воеводой въ Бѣлгородъ на мѣсто столп. Ерем. Аван. Пашкова 8-го дек. 7188 (1679) г. (Ст. Бѣлгор. ст. № 996).

77. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(43) Государю моему милостивому ко мнѣ князю Петру Ивановичу Сенька Толочановъ челомъ бьетъ. Пожалуй, государь, вели ко мнѣ писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, Господь милостию своею сохраняетъ.

А по милости, государь, своей пожалуешь, изволишь о мнѣ вѣдать, и я на Москвѣ марта въ 1 день живъ.

Грамотку, государь, твою, что ты изволил съ человѣкомъ моимъ прислать, я къ Ивану Максимовичу отвезъ, и онъ, государь, на твоёмъ жалованьѣ бьетъ челомъ.

Да приказывалъ, государь, отписать къ тебѣ, государю, чтобъ ты, государь, поначинку совершилъ. Да прошу, государь, твоей милости, пожалуй, государь, изволь милостиво приказать Архипу, чтобъ онъ тебѣ, государю, припамятовалъ о моемъ дѣлѣ, что человѣчишка мой Оомка у него покинулъ памяти, и милость свою совершить.

А я пишу къ тебѣ, государю своему, надѣясь на твою милость къ себѣ.

По семь тебѣ, государю своему, челомъ бью.

78. ОТЬ ТУШИНА, АНДРЕЯ *).

(74) Государю князю Петру Ивановичу Андрюшка Тушинъ челомъ бьетъ. Подай тебѣ, государю, Богъ многолѣтное здоровье въ неисчетныя лѣта.

А изволишь, государь, велишь спросить про меня, и я на службѣ великаго государя на Костромѣ августа по 10 день еще съ живыми.

А меня, государь мой, пожалуй, прикажи ко мнѣ отписать про свое многолѣтное здоровье, какъ тебя, государя, всецѣдый Господь Богъ милостию своею хранить.

Да прошу, государь, милости твоей къ себѣ: поѣхалъ костромитинъ посадской человѣкъ Богданъ Семеновъ къ Архангельскому городу, и о чемъ у тебя, государя моего, станеть милости просить, и тебѣ бы, государь князь Петръ Ивановичъ, для моего прошения быть милосерду, а опъ человѣкъ доброй и на Костромѣ—не послѣдней.

*) Вѣроятно, думный дворянинъ Андрей Богдановичъ. Письмо можно отнести къ 1678 г., когда кн. П. И. былъ воеводой въ Архангельскѣ.

А по семь тебѣ, государю своему, падь на землю, рабски много челомъ бью.

Да о чемъ у тебя, государя, станеть милости просить посадской же человѣкъ Григорей Бабинъ, и тебѣ-бѣ, государю моему, пожаловать и къ нему быть милосерду.

79. Отъ Филатова, Осипа.

(18) Государю боярину князю Петру Ивановичу искатель милости твоей и рабъ твоего пріятнаго милосердія, нѣкто единъ отъ убогихъ, нищъ добродѣтелию, а богатъ грѣхами, смѣя и не смѣя возвѣстити многогрѣшное свое имя, но надѣяся на твое благоразуміе, Оська Филатовъ рабски тебѣ, государю, падь на землю въ честнымъ твоимъ ногамъ, много челомъ бью и молю милостиваго въ Троицѣ славимаго Бога, чтобъ тебѣ, государю, здраву быти на лѣта многа. Аще и вложить Господь въ твое незлобивое сердце воспомянуги про мое убожество, и моему окаянству еще Господь терпитъ августа въ 1 день, впредь уповаю на милость Божию.

А что ты, государь, пожаловаль, оставилъ подголовокъ, и я тотъ подголовокъ у головы у Михайла возьму и, по твоему слову, государь, отдамъ оковать и пришлю, государь, зимою.

А думной Богданъ Ивановичъ намъ говорилъ, что хотѣлъ милость свою къ намъ казать, а самъ взираеть на образъ Спасовъ: подай де Богъ такову славу себѣ получить, какъ де и князь Петръ Ивановичъ себѣ славу учинилъ, и во всю де дорогу ѣхалъ, а всякой де его хвали(тъ) и Бога за него молить.

И онъ думной Богданъ Ивановичъ къ намъ добръ же, да не такъ, какъ ты, государь, милостивъ былъ.

За тѣмъ здравствуй, государь, о Христѣ на многія лѣта. Аминь.

80. Отъ Фонвизина, Аѳанасія Денисовича *).

(19) Государю князю Петру Ивановичу Аѳонька Фанвизинъ рабски челомъ бьетъ. Подай Богъ тебѣ, государю, многолѣтно здравствовать.

*) Стольникъ съ 1658 года, внукъ его Иванъ Андреевичъ—отецъ автора Недоросля.

А я, государь, къ твоей милости волокся къ Архангельскому городу*), и на пути за противнымъ великимъ вѣтромъ постановился въ Лявлеской рѣчкѣ.

Августа въ 5 день далъ Богъ живъ. Прошу твоего, государь, жалованья, князь Петръ Ивановичъ, прикажи мнѣ отвезти и опростать дворъ, гдѣ постоять, Соловецкаго монастыря.

По семь тебѣ, государю, много челомъ бью.

81. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(112) Государю князю Петру Ивановичу Аюнька Фанвисинъ рабски челомъ бью. Подай Господи тебѣ, государю моему, многолѣтнее здоровье.

Да извѣстно тебѣ, государю, буди, што у меня по указу великого государя всякія его государьскія дѣла по наказу и по его государьскимъ грамотамъ всѣ совершены по указной срокъ. А подьячейко со мною Ѳедоръ Замятнинъ живетъ съ города невѣдомо зачѣмъ, а я его дожидаюсь. Прошу твоего жалованья, пожалуй, государь вели его выслать, штобъ мнѣ, государь, съ кого гнѣву на себя не навести, што сверхъ указного срока напрасно жить. О семь тебѣ, государю, челомъ бью.

А послалъ къ твоей милости о томъ нарочно. А естли бъ не за нимъ, язъ бы одноконешно августа 30 съ Колмогоръ потащился.

Пожалуй, государь, прикажи.

82. ОТЬ ХИТРОВО, МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА **).

(61) Государю князь Петру Ивановичу Мишка Хитрово челомъ бьетъ. Милости, государь, у тебя прошу прикажи меня милостию своею взискать, о своемъ многолѣтномъ здоровѣ ко мнѣ отписать, чтобъ мнѣ, слышавъ про твое, государя моего, многолѣтнее здоровье, по всякъ часъ радостну быть.

А о мнѣ, государь, пожалуешь, изволишь милостию своею напомануть, и я на службѣ великаго государя въ Каргополѣ генваря по 22 число до изволенія Божія живъ.

*) Кн. П. И. былъ въ Архангельскѣ въ 1678 г.

**) Стольникъ, былъ назначенъ воеводой въ Каргополь въ 1677 году.

Да сего жь, государь, числа приславъ отъ тебя стрѣлецъ Сергѣй Попехоновъ и подалъ мнѣ великаго государя грамоту по челобитью боярина и дворецкаго и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, и я у него великаго государя грамоту принявъ, и отпустилъ его того жь числа.

По семь тебѣ, государю, много челомъ бью.

83. Отъ Хлопова, Кирилла Осиповича *).

(56) Государю моему князю Петру Ивановичу, желая тебѣ отъ Господа Бога мира, здравія и всѣхъ благъ во много лѣтъ, Кирилко Хлоповъ челомъ бьетъ. Пожалуй, государь мой, прикажи ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ тебѣ, государя моего, огнепарный Парааклитъ въ твоёмъ благополучномъ житіи хранить.

А о мнѣ, государь мой, изволишь вспомянуть, и Господь Богъ по неизреченной своей милости окаянству моему на Москвѣ февраля по 12 день терпить, а впреди идущія лѣта самъ Сытъ и Слово Божіе вѣсть.

Февраля, государь, въ день въ письмѣ, государь, твоёмъ, государя моего, писано ко мнѣ о твоёмъ здоровьѣ и что люди твои живутъ на Москвѣ пятую де недѣлю, а отповѣди тебѣ, государю моему, нѣтъ. И будто я отъ тебя, государя моего, отступился, и отписать бы мнѣ къ тебѣ, государю моему, что нынѣшнее намѣреніе и объ нашемъ дѣлѣ, а ты де, государь мой, мнѣ сказалъ съ начала дѣла своего: такъ де оно и кончится. И въ напастяхъ де своихъ ты, государь мой, насилу живъ.

Челомъ, государь мой, бью на твоёмъ жалованьѣ, что пожаловалъ о своемъ здоровьѣ приказалъ отписать, а я твоего, государя моего, здоровья слышать желаю всякъ часъ. А на людей, государь, своихъ не кручинься, что тебѣ, государю моему, отповѣди отъ нихъ нѣтъ. Потому никакой отповѣди отписать имъ печего. И я отъ тебя, государя моего, истинно не отступился. Извѣстно государемъ моимъ отцу твоему и брату твоему—вездѣ я разумъ твой и службу твою

*) Кир. Ос. Хлоповъ пожалованъ въ окольникіе въ 1677 году, съ 1678 по 1679 состоялъ въ Земскомъ приказѣ, въ 1680 былъ товарищемъ съ полковымъ воеводой бояриномъ Петр. Вас. Шереметевымъ, а въ 1682 г. участвовалъ въ подлинаніи соборнаго дѣланія объ уничтоженіи мѣстничества.

славлю, а помочь тебѣ, государю моему, и себѣ не могу, потому что худъ нашъ промыслъ: хотятъ взять, и у насъ на дачу промыслу нѣтъ. А безъ дачи не взять.

Насилу, государь, добился бояромъ слушать статейнаго нашего списка. И слушали бояре нашего статейнаго списка февраля въ день и всею палатою жаловали, службу нашу хвалили гораздо. А всѣхъ больше хвалилъ и высоко несъ службу нашу бояринъ князь Григорей Григорьевичъ Ромодановской. И выписка была выписана хорошо, какъ намъ надобно; и про Василья Тяпкина было написано имянно, какову онъ ханову грамоту привезъ, и какъ мы исправили его посланничество. И говорили бояре, чтобъ Василья допросить, для чего онъ такую грамоту принималъ. И Василей, вставъ, оправдвался тѣмъ, будто ему была неволи, и то де онъ сдѣлалъ отъ неволи. Бояре жъ говорили: въ милости де за ту службу тебя въ комнату, а меня въ окольничіе—въ волѣ государской. А по палатному приговору де довелось къ тебѣ послать съ золотыми. И послѣ, государь, того недѣлю спустя переиначилось наше дѣло иначе. Поговариваютъ, чтобъ къ тебѣ послать грамоту съ похвалою со мною, а меня похвалить здѣсь только, и то на мѣрѣ не стало.

А мнѣ, государь, сказано на службу великаго государя въ Сибирь, въ Енисейскъ полковымъ воеводою,—а ссоры учинились съ китайскимъ государемъ,—и товарища и дьяка мнѣ выбираютъ. И я, государь, отъ той посылки отбиваюсь, да не могу отбиться. Потому путь (дальной), туды ходу два года да назадъ два года, тамъ быть два жъ года, итого шесть лѣтъ.

А о своемъ, государь, дѣлѣ отпиши къ отцу своему и къ брату, чтобъ порадыли гораздо, и твое дѣло сдѣлано будетъ. Хотя-бъ тебѣ на малое время быть къ государской милости, а безъ того не сдѣлается.

А тому, государь, не дивлю, что ты на силу живъ: печали, государь, человѣка николи не радуютъ.

По семь тебѣ, государю своему, много челомъ бью.

84. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(127—128) Государь мой милостивый благодѣтель князь Петръ Ивановичъ, желая отъ Господа Бога мира и здравія и всѣхъ благъ во много лѣтъ Кирилко Хлоповъ челомъ бьетъ. Пожалуй, государь

мой, прикажи ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, Господь Богъ милостію своею хранить.

А по милости, государь, своей ко мнѣ изволишь о мнѣ вспомянуть, и Господь Богъ по неизреченной своей милости окаянству моему на Москвѣ августа по 24 день терпигь, а впреди идущія лѣта самъ Сынъ и Слово Божіе вѣсть.

Августа, государь, въ 20 и въ 22 дни въ дву твоихъ, государя моего, грамоткахъ съ слугою твоимъ да съ курскимъ посольщикомъ съ Максимомъ отъ лица милости твоей писано ко мнѣ о твоемъ здоровьѣ и о дачѣ моей лошади подъ слугу твоего, и о не посылкѣ той моей лошади ко мнѣ за худобою ея, и опослѣ о присылкѣ и о невеликой нужѣ денежной у милости твоей, и чтобъ мнѣ впредь за лошадь твою деньги заплатить, и о вѣстяхъ,—а что вѣстей, и о томъ де писано отъ тебя, государя моего, къ дядѣ твоему, къ окольному къ Ивану Ивановичу Чеодаову,—и мнѣ-объ съ нимъ видѣться и письма твои вычестъ и вразумить.

Челомъ, государь, бью на твоемъ жалованьѣ, что жалуюсь о своемъ здоровьѣ писать къ намъ приказываешь.

А ссуда, государь, моя малая: что я лошадь далъ подъ человѣка твоего въ Курскѣ въ тебѣ ѣхать. Твое, государя моего, отеческое жалованье множественное не исчезеть; достоинъ въ волѣ и въ послушаніи твоемъ во многомъ быти, нетокмо въ такомъ маломъ дѣлѣ. А о присылкѣ, государь, той лошади, какъ воля твоя, государя моего.

А о срокѣ въ деньгахъ милости прошу сугубствомъ на разоренья; грѣхомъ моимъ разоренье приспѣло зиму-съ по ненависти Ивана Языкова: сказано было въ Сибирь на десять лѣтъ полковымъ и осаднымъ воеводою въ Дауры. И для той службы изъ домишку своего многое и лошадей своихъ и людскихъ распродалъ, и убытки себѣ учинилъ многіе, и покупилъ было съ собою въ Сибирь, что тамъ надобно; и то все пропало: сибирская моя посылка стала. А нынѣ великіе государи указали мнѣ быть посломъ въ Цареградѣ, и мнѣ сталъ сборъ и подъемъ другой; наипаки себѣ убытку принялъ много.

А объ отставкѣ той своей посылки билъ челомъ и милости просилъ бояромъ отцу твоему, государю моему князю Ивану Андреевичу, и брату твоему князю Андрею Иваповичу, и они не пожаловали, не помогли.

Естьли-бъ ты, батька мой, былъ на Москвѣ, и та-бъ посылка милостивою твоею заступою меня обошла. И побреду послѣ Семеня дни вскорѣ; будетъ на Мценскъ побреду, и я къ милости твоей заѣду челомъ ударить и проститься. А будетъ побреду на Колугу, и я приплю къ милости твоей человѣченка своего.

А съ дядею твоимъ, съ Иваномъ Ивановичемъ, видѣться нынѣ съ нимъ негдѣ и писемъ вычестъ и вразумить неколи, потому онъ въ походѣ.

А я съ отцомъ твоимъ, государемъ моимъ, всегда на Москвѣ оставленъ бываю.

А вѣстей, государь, у насъ много пеладостныхъ, пограничныхъ и домашнихъ, и о томъ къ тебѣ, государю моему, писали брать твой, бояринъ князь Андрей Ивановичъ, да дядя твой окольнічей Иванъ Ивановичъ, а я черезъ ихъ письма отписать къ тебѣ, государю моему, опасся.

Пожалуй, батька мой, государь, ссуди меня чатырьма возниками добрыми въ цѣну да другими дорожными.

По семъ тебѣ, государю моему, рабскіи челомъ бью.

85. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(28) Государю моему ко мнѣ милостивому благодѣтелю, князю Петру Ивановичу искатель твоего жалованья Кирилко Хлоповъ челомъ бьетъ. Подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, многолѣтно здравствовать со всѣми одержимыми тобою.

Пожалуй, государь мой, прикажи ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, огнепарный Парааклитъ въ твоемъ благоподучномъ житіи хранить.

А по древней, государь, милости своей ко мнѣ изволишь объ нашемъ убожествѣ вспоминуть, и Божіе многомилосердное долготерпѣніе за премоугую милость неизреченнаго человѣколюбіемъ своего окаянству моему іюля по 1 день терпять, а впредь якоже воля его святая.

За множественное, государь, мое прегрѣшеніе милость твоя отъ насъ отровенна стала: письмомъ о своемъ здоровьѣ насъ не жалуешь, не вспоманешь; ко всѣмъ отъ лица милости твоей грамотки есть, а къ намъ забытымъ нѣтъ.

Пожалуй, государь мой, вспомни насъ, о своемъ здоровьѣ призважи къ намъ отписать и тѣмъ насъ порадуѣ.

По семь тебѣ, государю своему, рабски челомъ бью.

Пожалуй, государь мой, отпиши къ бояромъ къ отцу своему ко князю Ивану Андреевичу и къ брату своему ко князю Андрею Ивановичу, чтобъ были ко мнѣ милостивы.

86. Отъ Чаадаева, Ивана Ивановича *).

(4—5) Государю моему милостивому ко мнѣ князю Петру Ивановичу, желая отъ Господа Бога мира, здравія и всѣхъ благъ во многія лѣта, Иванко Чаадаевъ челомъ бью.

Изволишь, государь, о мнѣ спросить: я Божіимъ долготерпѣніемъ, а Пресвятыя Богородицы заступленіемъ съ женою и съ дѣтьми живъ.

Изъ Польши я приѣхалъ мая 25.

Для чего посланъ, поляки были ко всему склонны и договорились со мною о всемъ дать полную мочь своимъ посломъ: князю Михайлу Чарторыйскому, воеводѣ волынскому, да Салѣгѣ, воеводѣ полоцкому, которые нынѣ на Москвѣ договоръ чинить на вѣчной миръ или на перемирье впредь и нынѣ о всемъ договариваются, а еще къ совершенью не приходятъ, что съ нашу сторону во всемъ стоять твердо, какъ бы впредь прочая; а что учинится, и о томъ тебѣ впредь извѣстно будетъ.

Отъ салтана посланникъ нашъ Аѳонасій Парасуковъ приѣхалъ. Пишетъ къ великому государю салтанъ турецкой, что миру съ нимъ, великимъ государемъ, жалаеть, только-бъ Чигиринъ отдать съ принадлежностями, и просить о томъ пословъ. И указъ къ бояромъ ко князю Григорью Григорьевичу съ товарищи и къ етману посланъ: велѣно съ ними договариваться, а Чигирина ему не уступать. И будетъ договоръ не учинится, велѣно отпоръ за помощію Божією давать.

О всемъ о томъ дана полная мочь князю Григорью Григорьевичу.

А силы турецкія и крымскія будутъ на Украину вскорѣ. А самъ салтанъ далѣ Дуная нейдетъ, посылаетъ везиря и пашей, и

*) И. П. Чаадаевъ, околицинчій съ 1678 года, родной братъ матери жены кн. П. И. Хованскаго.

хана; и страхъ на нихъ отъ войскъ государскихъ есть. А подъ Чигиринь ли пойдутъ или къ Кіеву, того подлинно еще не извѣстно.

А князь Григорій Григорьевичъ и гетманъ къ Днѣпру припли и чрезъ Днѣпръ къ Чигирину переходить будутъ. И касимовскому царевичу съ товарищи изъ Путимля *) велѣно къ Днѣпру сближаться вскорѣ-жь.

Рухлидъ, государь, твою всю отдалъ человѣку твоему Петру цѣлу; а плачь лутчей твой сѣрой и не роспитъ: подъ сѣдломъ не бывалъ, каковъ принять, таковъ и отдалъ; и конь сѣрой отданъ цѣль князю Апдрею Ивановичу.

На милости твоей, на ссудѣ, много челомъ бью.

Съ вотчинъ твоихъ денегъ по полуолтинѣ съ двора, да за конныхъ даточныхъ по полу-жь полтинѣ и всего по полтинѣ спрашиваютъ. А кто на срокъ не заплатитъ, на тѣхъ указапо взять вдвое, по рублю съ двора. И за твои вотчины я даю свои деньги, и заплачены будутъ вскорѣ.

Прошу милости, живи, государь, опасно и больше сиди въ приказѣ, дозирай самъ всего.

А здѣсь нѣкто, врагъ, вмѣстилъ, что ты все ѣздишь въ поле съ охотою. И я двинянъ разспрашивалъ, и они всеъ сказываютъ, что ты росправу имъ чинишь, и то дѣло я внушилъ боярину Ивану Михайловичу и всемъ пріятелемъ твоимъ; и нынѣ та огласка сошла.

Прошу милости для Бога, остерегайся, чтобъ недоборовъ не было: нынѣ того зѣло государь спрашиваетъ. А Аверкій со мною Степановичъ **) говорилъ, что никогда на Двинѣ недобору не бывало, а при тебѣ на сей годъ не собрано, и о томъ великой зазоръ, что ты напередъ свое все выбралъ, а государево оставилъ. И въ томъ однолично справься, чтобъ тебѣ, государю моему, въ чемъ впредь не зашкodiло.

Да говорилъ мнѣ протопопъ спасской Иванъ Лазоревичъ и Аверкій Степановичъ, чтобъ ты милостивъ былъ къ дьяку, а сказываютъ, что ты къ нему милостивъ, только кого будто слушаешь тамоншняго мужичка, и въ томъ ему тѣснота чинится, и о томъ Бога ради опасись. А протопопъ нынѣ зѣло къ государевѣ милости близокъ.

*) Такъ въ подлинникѣ.

**) Вѣроятно, Кириловъ, думный дьякъ.

Прошу милости, буди, государь, для моего прошенья милостивъ къ батьку моему духовному, къ священнику Богоявленскому къ Петру, да къ таможенному подьячему къ Ивану Захарову и къ брату его, да къ Ивану Растегасву и къ пушкаремъ къ Гришкѣ Пругавину и къ брату его и къ Степкѣ Самочорному. А Иванъ Захаровъ человекъ доброй и разумъ въ немъ есть, а Иванъ Растегасвъ и Гришка Пругавинъ люди вѣрные мнѣ были и заочно, и тебѣ они во всемъ пригодятся.

Пожалуй, государь, буди милостивъ и къ Матвѣю Окулову и къ Федосѣю Пошенину. Не презри моего убогаго моленья и о своемъ здоровѣи и пріятеля моего супруги своей княгини Прасковьи Андреевны и дѣтей своихъ не держи насъ безъ вѣсти, а я вамъ во всемъ работникъ.

А ты, свѣтъ мой, государыня княгиня Прасковья Андреевна, проси о всемъ князя Петра Ивановича, и будите милостивы къ тѣмъ, о комъ я прошу.

Пожалуй, государь, буди милостивъ и къ гостю къ Степану Горбову, а онъ человекъ доброй и твоей милости всегда искать будетъ.

Милость свою покажи и къ Михайлу Колосовскому, не умори его съ голоду для моего прошенья, а брата его грубости не мсти: онъ тому не виненъ.

Прошу милости, пожалуй, государь, вели мнѣ купить каменя, парку лаловъ сережныхъ хорошихъ, да парку жъ изумрудовъ сережныхъ хорошихъ. Прикажи и Степану Пвановичу Горбову, чтобъ того посмотрилъ и тебѣ извѣстилъ, и съ нимъ ко мнѣ пришли, а у меня деньги готовы, кому ни велишь взять.

Пожалуй, государыня, Андреевна, не презри моего челобитья, вслите мнѣ купить камышки обои, а я на вашу милость надеженъ, а мнѣ зѣло они нужны.

По семъ тебѣ, государю моему милостивому и государынѣ моей, княгинѣ Прасковѣ Андреевнѣ и дѣтямъ вашимъ, государемъ моимъ, со всѣмъ домишкомъ моимъ челомъ бьемъ.

Съ Москвы 9 іюня.

Дементьевичи о помѣстѣ твоемъ о поворотѣ битъ челомъ нарежаются, и мы того стеречь будемъ, сколько Богъ помощи подастъ.

87. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(88) Государь мой князь Петръ Ивановичъ, дай Господи тебѣ, государю моему, здравствовать и съ пріятелемъ моимъ съ супругою своею, государыней моею, Прасковьею Андреевною и съ дѣтьми своими.

Пишешь, государь, чтобъ къ тебѣ отписать, какъ Чигирину учинилось разоренье, какими мѣрами?

Да твое жъ благородіе пишешь, что камешковъ и вста...окъ*), о которыхъ я тебѣ билъ челомъ и писалъ къ городу, невы...зять, для того, что будто ихъ купить нѣкому.

(А) Чигирину, государь, учинилось разоренье стѣнамъ грацимъ и всему зданію отъ непріятельскихъ промысловъ и отъ рукъ. А люди государевы, въ немъ которые сидѣли, вышли здоровы.

А каменья, государь, и всякія узорочья изъ за моря вывозятъ не для гороцкихъ и колмогорскихъ жителей Богдана Зотикова да Андрея Баженина и Ѳедора Черепанова съ товарищи, а вывозятъ ихъ для московскихъ жителей, для васъ, бояръ, и для иныхъ многихъ, кому всегда есть кому и есть чѣмъ купить.

И я тому удивляюсь, что милость твоя ко мнѣ умалилась, и не вѣренье я, по твоему смотрѣнію, сталъ.

А тебѣ, государю моему, извѣстно, что я и въ тысячахъ, а не въ полтинѣ, не лгалъ.

А въ деревняхъ, государь, твоихъ смотрѣть мнѣ хотя отъ тебя и не приказано,—и я бѣ радъ тебѣ работать, да ни о чемъ меня не спрашиваютъ, потому что отъ тебя сначала о томъ не наказано. А и смотрѣть, государь, мнѣ и своего, ей, неколи; въ іюнѣ пріѣхалъ, а нынѣ въ ноябрѣ и опять высылаютъ въ Польшу.

По семь паки тебѣ, государю моему, и государынѣ моей Прасковьѣ Андреевнѣ и дѣтямъ вашимъ со всеѣмъ домишкомъ моимъ челомъ бью, работникъ твой Ивашко Чаадаевъ.

Съ Москвы 5 октября.

А въ каменьяхъ и въ зернахъ не вѣренье!

88. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(126) Государь мой князь Петръ Ивановичъ многолѣтно и благополучно здравствуй со всеѣмъ своимъ праведнымъ доможъ! Желая

*) Левый край письма нѣсколько оборванъ.

тебѣ государю моему всѣхъ благъ во многія лѣта, работникъ твой
Ивашко Чаадаевъ челомъ бью.

Изволишь о мнѣ спросить, и Божимъ долготерпѣніемъ съ женою
и съ дѣтьми живѣ. А съ Москвы ѣду въ сихъ числахъ въ Поль-
щу съ бояриномъ съ Иваномъ Васильевичемъ съ Бутурлинымъ въ
послѣхъ.

Воеводѣ, кому на весну быть, выбираютъ, а на мѣрѣ еще не
стало. Отцу твоему боярину князю Ивану Андреевичу сказано въ
Бѣлогородской полкъ, только, чають, не устоитъ на томъ. А, чаю,
ему быть у Новгородскаго полку, а у Бѣлогородскаго полку, чаю,
тебѣ быть; и сказки ожидаемъ вскорѣ, только затѣмъ стало, что въ
большихъ полкахъ кому быть, то на мѣрѣ еще не поставлено.

На письмо пространное гнѣву не положи: ѣду съ Москвы и
пребываю въ суетахъ невмѣрныхъ, да сверхъ того за грѣхъ въ тѣ-жъ
часы постигла болѣзнь великая.

По семь паки тебѣ, государю моему, челомъ бью рабски.

Съ Москвы 2 ноября.

89. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(39) Государю моему князю Петру Ивановичу, желая отъ Господа
Бога здравія и всѣхъ благъ во многія лѣта, Ивашко Чаадаевъ че-
ломъ бью.

Изволишь, государь, о мнѣ спросить, и долготерпѣніемъ Божимъ
съ женою и съ сыномъ Васьюкою живѣ.

Человѣка твоего Ѳедора къ тебѣ отпустили, а держали его
много затѣмъ, что подлиннаго о всемъ постановленіи ожидали, одна-
кожъ дождаться стало за неуставичностью времени не возможно.

А нынѣ постановлено, что тебѣ быть въ Бѣлогородскомъ полку,
а Курску быть къ Сѣвскому розряду.

А кому быть въ Сѣвску, и того еще на мѣрѣ не стало.

А о всемъ къ тебѣ приказаль словомъ съ человѣкомъ твоимъ
Ѳедоромъ.

По семь паки тебѣ, государю моему, и государынѣ моей Пра-
сковѣ Андреевнѣ и дѣтямъ вашимъ челомъ бью со всѣмъ домиш-
комъ моимъ.

Съ Москвы 23 февраля.

90. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(36) Государю моему князю Петру Ивановичу, желая отъ Господа Бога здравія и всѣхъ благъ во многія лѣта, Ивашко Чаадаевъ челомъ бью.

Изволишь, государь, о мнѣ спросить, и по неизреченному Божію долготерпѣнію съ женою и съ сыномъ Ваською живѣ.

О Григорѣ Косаговѣ, что день—памятство доносится; и всею палатою на то изволяютъ, чтобъ его перемѣнить, однакожь за многолѣтностью припадающихъ новинъ часть не дойдетъ. И людей къ тебѣ затѣмъ не отпускаемъ, а о всемъ съ ними будетъ твоей милости извѣстно.

Прошу милости твоей, пожалуй государь, буди милостивъ полковника къ Дмитреевымъ людямъ Ромапова сына Жукова: деревнишка у него заводится вновь къ Кромскомъ уѣздѣ, и о чемъ станутъ люди его милости просить, призри для моего челобитника на него милостиво.

Пишу, надѣясь на твою ко мнѣ милость.

По семъ паки тебѣ, государю моему, и государынѣ моей княгинѣ Прасковѣ Андреевнѣ и дѣтямъ вапимъ со всѣмъ домышкомъ моимъ челомъ бью.

Съ Москвы 16 іюня.

91. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(24) Государю моему, милостивому ко мнѣ, князю Петру Ивановичу, желая отъ Господа Бога здравія и всѣхъ благъ во многія лѣта, Ивашка Чаадаевъ челомъ бью.

Изволишь, государь, о мнѣ спросить, и Божіимъ долготерпѣніемъ съ женою и съ дѣтьми живѣ.

Бояре князь Григорей Григорьевичъ съ товарищи къ Днѣпру приплы, и за Днѣпръ передовые полки снараль Григорей Косаговъ па Чигиринскую сторону перешель. А непріятельскія силы турскія и крымскія сближаются. И подъ Кіевомъ орда объявилася. А по вѣдомостемъ чають сязъ непріятельскихъ подъ Кіевъ. И что впредъ будетъ, и къ тебѣ, государю моему, вѣдомость чинить будемъ.

Писалъ я прежь сего и милости у тебя просилъ о покупкѣ камня, лаловъ добрыхъ сережныхъ и изумрудовъ, пожалуй, государь, вели купить.

Прошу милости твоей, буди милостивъ къ подъячему таможенному къ Василью Митусову, который сю мою грамотку къ тебѣ поднесетъ, и прикажи, государь, ему о сихъ камняхъ себѣ извѣстить; а онъ Василей тебѣ, государю моему, во всякимъ дѣлу пригодится.

По семь паки тебѣ, государю моему, и государынѣ моей княгинѣ Прасковѣ Андреевнѣ и дѣтямъ нашимъ со всѣмъ домишкомъ моимъ рабски челомъ бью.

Съ Москвы 2 іюля.

Послы польскіе еще съ Москвы не отпущены, и сдѣлки съ ними нѣтъ, а чаемъ либо продолженіе лѣтъ перемирныхъ на десятокъ лѣтъ учинять. И о томъ о всемъ, что учинится впредь, отпишемъ.

92. Отъ кн. Черкаскаго, Михаила *).

(101) Государю моему князю Петру Ивановичу Мишка Черкасской челомъ бью. Пожалуй, государь, прикажи ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ тебя Господь Богъ въ милости своей хранить.

А изволишь, государь, вѣдать про меня, и я на Москвѣ за милостію Христа Бога моего живъ ноябрю по 1 число, а и впредь уповаю на милость Божию.

Потомъ тебѣ, пріятелю моему, челомъ бью.

93. Отъ Яворова, Ивана (1682 г. 26 янв.).

(65—66) Государю моему князю Петру Ивановичу Иванко Яворовъ челомъ бьетъ.

Подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, вѣчно здравствовать. Пожалуй, государь мой, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтнее здоровье, а мнѣ бы, слышачи про твое, государя моего, многолѣтнее здоровье, о Христѣ радоваться.

*) Во второй половинѣ XVII ст. были Михаилъ Алегуквичъ, Михаилъ Ивановичъ и Михаилъ Яковлевичъ князья Черкасскіе.

А по милости своей, государь мой, изволишь приказать про мое убогое имянишко напамятовать, и я на Угличѣ генваря по 26 число живѣ.

Да вѣдомо, государь, тебѣ, князь Петръ Ивановичъ, вѣстно чипю: въ нынѣшнемъ во 190-мъ году генваря въ 13 день приѣзжалъ ко мнѣ приказной твой человекъ Михайло Максимовъ изъ костромскіе твоей вотчины для ради бѣглыхъ твоихъ людей тое костромскіе вотчины, дѣловыхъ людей Ѳомки Яковлева съ дѣтьми да Ондрюшки Торхова съ женою и съ дѣтьми. И я противъ челобитья приказнаго твоего человека Михайла Максимова тѣхъ людей сыскалъ тѣми имяны и отдалъ тѣхъ людей съ распискою приказному твоему человеку Михайлу Максиму; а онъ, приказной человекъ Михайло, на тѣхъ людей на Угличѣ никакихъ крѣпостей не положилъ, а сказалъ, что на тѣхъ людей крѣпости на Москвѣ у тебя, боярина князя Петра Ивановича, а у кого тѣ люди взяты, и на тѣхъ людей у помѣщиковъ, у кого они жили, крѣпости есть. И я тебя, государя боярина князя Петра Ивановича, не хотя прогнѣвить, тѣхъ людей приказному твоему человеку Михайлу на расписку отдалъ, не дожидаясь твоихъ крѣпостей, потому что тотъ твой приказной человекъ Михайло Максимовъ крѣпости на тѣхъ людей привезъ хотѣлъ вскорѣ отъ тебя, боярина князя Петра Ивановича.

А по семъ, государь мой, здравствуй.

94. Отъ Яковлева, Богдана Васильевича *).

(95—96) Государю моему многомилостивому ко мнѣ князю Петру Ивановичу рабъ милости твоей Богдашка Яковлевъ челомъ бьетъ. Многолѣтно, государь, и благополучно здравствуй на многія лѣта со всемъ своимъ благодатнымъ и праведнымъ домою! А тольки, государь, по милости своей пожалуешь изволишь про меня спросить, работника своего, и я на Вагѣ въ Шенкурскомъ по милости великаго Бога съ домашними своими февраля въ 18 день въ добромъ здоровѣ, а впредь, государь, Творца нашего Христова воля. Пожалуй, государь князь Петръ Ивановичъ, прикажи ко мнѣ, работнику своему, писать про свое многолѣтное здоровье, а мнѣ бѣ, го-

*) Думный дворянинъ съ 1680 года.

сударь, слыша про твое многолѣтное здорвье, о Христѣ Бозѣ радоваться.

А батюшко твой, бояринъ князь Иванъ Андреевичъ, передъ масленицею въ среду жаловаль, у меня ужпаль, а въ четвертъ жаловаль, обѣдалъ и того жъ дни поѣхаль изъ Шенкурскаго милостіею Божіей въ добромъ здорвѣ. И я его изъ Шенкурскаго, государь, проводилъ верстъ съ пять въ добромъ же здорвѣ.

Да вѣдомо, государь, тебѣ чипю, князь Петръ Ивановичъ, какъ ѣхаль съ Москвы дякъ Дмитрей Степановъ Верховажскою Четвертью и въ той Четверти государева крестьяпина, невѣдомо за што, оскорбилъ, его покинулъ замертво. И той Четверти крестьяне принесли на него Дмитрея челобитную, и чтобъ тою челобитную подъ отпискою послать къ великому государю къ Москвѣ. И я, государь князь Петръ Ивановичъ, не вѣдаю, что съ нимъ дѣлать, потому что старой мнѣ знакомецъ, а нехорошо ему учинилось, что онъ такъ учинилъ.

Прошу, государь, милости, вели, государь, заказать сдѣлать мнѣ рукомойника два мѣдныхъ небольшихъ на турецкое дѣло, а я надеженъ, государь, на твою милость.

А по семь тебѣ, государю, рабски премного много челомъ бью.

95. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(109—110) Государю моему князю Петру Ивановичу искатель твоей милости Богдашко Яковлевъ челомъ бьетъ. Многолѣтно, государь, и благополучно здравствуй съ семьею своею, государынею моею и съ благодатными своими дѣтушки на многія лѣта!

А тольке, государь, по милости своей пожалуешь изволишь про меня спросить, и я, по милости великаго Бога, великаго государя на службѣ на Вагѣ въ Шенкурскомъ острогѣ августа въ 10 день въ добромъ здорвѣ, а впредь Творца моего Христа воля.

Пожалуй, государь князь Петръ Ивановичъ, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здорвье, а мнѣ-бъ, слыша про твое многолѣтное здорвье о Христѣ Бозѣ радоваться. Да не жалуешь, государь, ко мнѣ про свое многолѣтное здорвье не пишешь! Али есть твой какой на меня гнѣвъ? И будетъ есть моя вина какая предъ тобою, а ты ко мнѣ пожалуй отпиши, и я буду тебѣ въ винѣ своей кланяться.

Прошу, государь, у тебя милости, вели мнѣ гребешковъ сдѣлать круглыхъ рѣдкихъ и частыхъ рѣзныхъ. А что дать за нихъ, пожалуй, отпиши, и я тотчасъ пришлю деньги. И въ томъ я надеженъ на твою милость и нарочно приплю, государь, къ тебѣ человека своего съ деньгами вскорѣ.

А по семь тебѣ, государю своему, премного много челомъ бью.

96. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(116—117) Государю моему ко мнѣ милосердному князю Петру Ивановичу вскормленникъ протрапшой трапезы твоей Богдашка Яковлевъ челомъ бьетъ. Многолѣтню, государь, и благополучно здравствуй на многія лѣта!

А только, государь, по милости своей пожаловать изволишь про меня, работника своего, спросить, и я на Вагѣ въ Шенкурскомъ ноябрю въ 25 день милостию Божіею великаго государя па службѣ съ домашними своими въ добромъ здоровѣ, а впредь, государь, Творца моего Христова воля. Прошу, государь, прикажи ко мнѣ работнику своему писать про свое многолѣтнее здравіе и про свой благодатной и праведной домъ, а мнѣ бы, слыша съ домашними своими про твое многолѣтнее здоровье, о Христѣ Бозѣ радоватися.

Да вѣдомо, государь, мнѣ учинилося, князь Петръ Ивановичъ, што твой есть на меня гнѣвъ. А сказалъ тебѣ Яковъ Силипъ, што я ему Якову и слугѣ твоему подводъ не велѣлъ дать. И я, государь, помню на Благовѣщенской ярмонкѣ, въ болѣзни своей, велѣлъ дать имъ подводы, да не токмо што твоимъ присылщикамъ, и инымъ многимъ велю давать. Авось будетъ я забвенія ума своего!

Суди, государь, сго, Якова, Богъ, што онъ на меня тебѣ, государю, сказалъ. Смутивый онъ грѣхъ, Яковъ, на себѣ понесетъ! А я ему, Якову, не лиходѣй былъ. Гнѣвъ его Яковлевъ былъ на племянничиска моего Нестерка и на человѣченца немилостивой. Прошу, государь милосердой, не повѣрь паноснымъ словамъ, сложи свой гнѣвъ праведной. Смѣя, государь, и не смѣя, дерзнулъ отписать: прикажи, государь, заказать сдѣлать двѣ лохани сдѣлать мѣдныхъ большихъ свадебныхъ. А будетъ, государь, по милости своей пожалуешь, прикажешь велишь сдѣлать, вели ко мнѣ отписать, и я съ

деньгами пришлю нарочна человѣка. По милости твоей допрежь, государь, писалъ я къ милости твоей объ нужи своей. Пожалуй, прикажи, государь, мастеромъ сдѣлать, а я надежанъ, государь, на твою премногую милость къ себѣ.

А по семь тебѣ, государю, премного челомъ бью, падъ на землю рабски.

97. Отъ Ѳеодосія, игумена Антоніева Сійскаго монастыря.

(97—98) Государю боярину князю Петру Ивановичу Живоначальныя Троицы Антоніева Сійскаго монастыря игумень Ѳеодосій съ братією о твоємъ, государь, многолѣтномъ здравіи Бога молимъ и рабски челомъ бьемъ.

Въ прошломъ, государь, во 185*) году въ нашей монастырской вотчинѣ въ Моржегорскомъ Усольѣ у монастыр(скаго) крестьянина у Копанка Семенова съ братъею Ягодиныхъ была у нихъ въ дому братчина, и въ тоѣ, государь, братчины былъ у нихъ нашъ же монастырской крестьянинъ Демка Мироновъ Лысовскихъ, и пьючи, государь, розспиралися межъ собою, его Конанковъ братъ Мокѣйко Ягодинъ задралъ его Демку и руку у него извѣлъ. И онъ Демка, не терпя его задору, дерзнулъ и укололъ его Мокѣйка ножемъ; и послѣ, государь, того онъ Мокѣйко жилъ полшеста мѣсяца и померъ. И по смерти, государь, его Мокѣйковы братъ его родной Конанко Семеновъ въ томъ братнемъ дѣлѣ съ нимъ Демкою и вмѣсто невѣстки и племянниковъ своихъ помирился и мировую запись за своею рукою далъ. И послѣ, государь, мировой записи онъ Демка ради хлѣбныя скудости сбрелъ кормиться въ иные города. А вынѣ, государь, бьетъ челомъ и того дѣла ищетъ мати ихъ Конанкова да Мокѣйкова Оксеня Яковлева дочь, и его, государь, Демкина брата Харлампѣйка Лысовскихъ въ томъ дѣлѣ послѣ мировой записи убитчичь и волочить напрасно. И на порутчика, государь, на нашего же монастырскаго крестьянина на Дениска Захарова, такожде, государь, бьетъ челомъ не дѣломъ, потому что, государь, онъ Дениско ручался въ статьи, что стать ему Демкѣ передъ насъ. И, будучи, государь, они передъ нами, во всемъ въ томъ помирилися, что впредъ, госу-

*) 1677 г.

дарь, не отыскивать; и поручная, государь, запись ему выдана Дениску Захарову.

И о томъ милости твоея, государь бояринъ князь Петръ Ивановичъ, просимъ для милости Пресвятыя Троицы и Пречистыя Богородицы и преподобнаго и богоноснаго отца нашего и великаго чудотворца Антонія. Учини, государь, въ томъ милостивное свое разсмотрѣніе и для нашего убогаго прошенъца въ томъ посрочь Господа ради, государь, до своего къ Колмогорамъ пріѣзду, и прикажи, государь, пожалуй, его Харлампѣйка Миронова Лысовскихъ отпустить ради лѣшихъ промыслищевъ за порукою нашего монастырскаго стряпчаго Андришки Внифантіева. А какъ, государь, отъ Архангельскаго города Богъ тебя, государя, принесетъ къ Колмогорамъ, и его Харлампѣйка мы поставимъ, не помѣшкавъ, когда ты, государь, изволишь.

А порутчика, государь, Дениска Захарова пожалуй, государь, прикажи свобода учинить.

Б.

Переписка кн. П. И. Хованскаго съ приказчиками, старостами и другими лицами о хозяйственныхъ дѣлахъ:

98. Отъ Агаѳонова, Степана, сотскаго Перемской волости, и другихъ лицъ той же волости (1679 г.).

(47) Государя, царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца боярину и воеводѣ князю Петру Ивановичу Хованскому бьютъ челомъ Кеврольскаго уѣзду Перемскія волости сотской Стенька Агаѳоновъ, денежной сборщикъ Ивашко Карповъ, земской судейка Мишка Андреевъ и всѣ крестьяна Перемскія волости отъ Ежуги и до Тороймы.

Въ нынѣшномъ во 187-мъ году генваря въ—день пріѣхалъ къ намъ на Перемское Новгородскаго приказу подьячей Яковъ Даниловъ и доправилъ на насъ данныя и оброчныя полонянничныя деньги на нынѣшной 187-й годъ по окладу всѣ сполна и за пустыя выти за Вереолу и за Лавелу, и въ томъ даль намъ отписъ за своею рукою.

Да опъ же подьячей Яковъ правиль на насъ безмѣрнымъ правежемъ деньги данныя и оброчныя и стрѣльцкія на прошлой 179-й годъ по росписи, а росписи не показать намъ въ трапезы *), а за казной данной и оброчной у насъ цѣловальника не взять, взять деньги къ себѣ.

И ты смилуйся, государь князь Петръ Ивановичъ, въ томъ намъ укажи о прошломъ 179-мъ году.

—

99. Отъ Андреева, Макара и Патрикѣева, Богдана, крестьянъ деревни Красникова.

(38) Государю князю Петру Ивановичу и государынѣ княгинѣ Парасковѣ Андреевнѣ быють челомъ сироты твои деревни Красникова Макарко Андреевъ, Богдашко Патрикѣевъ.

По вашему, государь, указу велѣно намъ поставить по сажени дровъ, и нынѣ на насъ тѣхъ дровъ приказной править, а намъ бѣднымъ вывезти тѣхъ дровъ не на чемъ. Кляченки у насъ насылу бродятъ, прибились на вашей, государь, работѣ, и намъ бѣднымъ кляченок кормить не чѣмъ, и самимъ пить и ѣсть нечего, скудны и бѣдны.

Умилостивися, государь князь Петръ Ивановичъ и государыня княгиня Парасковья Андреевна, пожалуйте насъ сиротъ своихъ, не ведите, государи, для нашихъ скудости, тѣхъ саженныхъ дровъ приказному человѣку на насъ править, чтобъ намъ бѣднымъ оттого и досталь въ конецъ не погибнуть.

А лѣтомъ работниковъ на вашу пашню и съ дѣтишками безпрестани. А свои пашиники запустили, потому что сѣять нечѣмъ, вашей милости суды на сѣмена нѣтъ. А костромскимъ въ недѣлѣ по два дни для нихъ работы дано имъ, а намъ нѣтъ ни по единому дни. И покосами скудно. Государи, смилуйтеса.

—

100. Отъ Бутенанта, Андрея) (1682 г. 9 янв.)**

(111) Государь мой благодѣтель Петеръ Ивановичъ, радуйся о Господѣ и благополучно здравствуй во многія лѣта! Челомъ бю государь мой, что пожаловаль писалъ ко мнѣ о своемъ здоровѣ.

*) Такъ въ подлинникѣ.

**) Очевидно, коелира.

А по твоему, государю, приказу купилъ я у города кисть жемчуге мелкаго скатнаго вѣсомъ 16 зол., а въ цѣна поkelijk. А къ каменю, государь, твоимъ не могу по два годе товариши прибрать. И тотъ камень и жемчуге послалъ я къ тебѣ, государю, съ твоимъ челоуѣкомъ къ сей грамоткѣ запечатано.

По томъ государю моему тебѣ много челоуѣ писавецъ Андрюшке Бутенантъ на Москвѣ 190-го году генвари въ 9 день.

А старой долгъ на тебя, государь моему,	
еще есть	23 р. 30 ал.
и за ныѣшней жемчугъ.	12 р. 6 ал. 2 де
<hr/>	
всего	36 р. 3 ал.

101. Отъ него же (1682 г. 12 янв.).

(16) Государю моему благодѣтелю князю Петру Ивановичу.

Писалъ я, государь, съ твоимъ челоуѣкомъ съ Фодоромъ Козловымъ и послалъ, государь, къ тебѣ кисть жемчуге и измарудной камень твой, и послѣ того приѣхалъ Изихиль Булартъ и отдать менѣ, государь, твою грамоту отъ декабри 26 дня.

А сто ты, государь, писень про золоты, которы ты, государь, приказалъ промѣнить на цѣпоцки, и я не могъ такой цѣпоцки залѣсть.

И зачиталъ я, государь, тѣхъ золоты и ефимко въ платежь: 30 ефимокъ по 18 алтынъ 2 ден. и 20 золотыхъ по 38 алтынъ 4 деньги; итого все будетъ 39 рубл. 23 алт. 2 ден.

А будетъ, государь, тебѣ впредь зарукавье надобно, и ты, государь, изволь ко мнѣ отписать, въ какой цѣна. И нынѣ у города у мени зарукавье пару десятокъ будетъ въ розныхъ цѣнѣ.

По томъ тебѣ, государю моему, челоуѣ бѣеть писавецъ Андрюшке Бутенантъ.

Писано на Москвѣ, генвари 12 д. 190 году.

102. Отъ Гаврилова, Артемія.

(22) Государю, боярину, князю Петру Ивановичу рабъ милости твоей Артюшка Гавриловъ челоуѣ бѣеть. Милости у тебя, государь, прошу, бояринъ, князь Петръ Ивановичъ, прикажи, государь, занять анбаръ каменной, а другой, государь, деревянной.

Да принесли, государь, челобитную крестьяне твои на приказнаго, и я послалъ ту челобитную къ тебѣ, государю. А сказываютъ они, что и весну-сь, государь, послали челобитную съ Яковомъ Силинымъ.

А на пустошь я, государь, Грязнова Толмачова ѣздилъ. Мѣна у насъ не сошлась потому, государь, что поманилъ Грязной.

А на Филищовѣ, государь, хлѣбъ ржаной и яровой, далъ Господь Богъ, добръ.

По семь тебѣ, государю, рабски челомъ бью.

103. Отъ Девятого, Макара, дьячка даннаго дѣла.
(1677—78 г.г.)

(75) Государю боярину и воеводѣ князю Петру Ивановичу бьетъ челомъ прошлаго 185-го года даннаго дѣла дьячекъ Макаро Девятого.

Умилостиви(сь,) государь князь Петръ Ивановичъ, вели мнѣ Макарку быти у того даннаго дѣла на 186-й годъ у данныхъ цѣловальниковъ у Ивана Вешнякова другимъ дьячкомъ съ Якунькою Харитоновымъ, потому-что топере многія мѣста пошли на оброкъ изъ надачя, а ему Якунькѣ одному у того дѣла быть не можно. А тебѣ, государь, бью челомъ на медь трема рубли.

104. Отъ Козлова, Дмитрія (1677 г. 22 дек.)

(33) Государю, князю Петру Ивановичу холопъ твой Митька Козловъ челомъ бьетъ.

Въ дому, государь, моемъ на московскомъ дворѣ и въ подмосковной вотчинѣ декабря по 22 день далъ Богъ здорово. Сего, государь, числа приходили ко мнѣ, холопу твоему, съ Житнаго Двора отъ Калужскихъ воротъ: спрашиваютъ, государь, стрѣлецкаго хлѣба съ полу-деревни Пешурина, съ полу-третьника пашши хлѣба на на прошлые на 182-й и на 183, и на 184, и на 185, и на нынѣшней на 186-й годъ; всего на пять лѣтъ хлѣба платить доведется двѣ четверти съ полъ-осминою и малъ четверикъ ржи, овса тожь. И въ томъ, государь, хлѣбъ взята по мнѣ, холопѣ, порука, что заплатить тотъ хлѣбъ пынѣ на Богоявленевъ день. И о томъ, госу-

дарь, хлѣбѣ и о платежѣ изволь, государь, приказать справиться съ платежными отписями прошлыхъ годовъ, на которые спрашиваютъ, Михайлу Максиму, какъ платили съ сельца Филиппова съ деревнями, и съ той полу-деревни Шешурина въ тѣхъ пла(те)жныхъ отписяхъ платежъ написанъ ли; а чаемъ, государь, не написано пол-деревни Шешурина къ селу Филиппову, потому что та половина деревни Шешурино написана къ полу-селу Купулеву да деревни Кочетыгову.

Написано на Житномъ Дворѣ за Григорьемъ Ондреевымъ сыномъ Кафтыревымъ въ живущемъ осьмина, и та, государь, осьмина живущая разложена платить по третямъ.

Василей Яковлевичъ плат(ит)ъ съ полу-сельца Купулева съ четверика и съ малого третника, а съ деревни Кочетыгова платить Олексѣй Кафтыревъ съ полу-третника, а половина, государь, деревни Шешурина за тобою, государемъ, платить съ полу-третника, и о томъ, государь, хлѣбномъ платежѣ на тѣ годы, что ты, государь, укажешь, чтобъ мнѣ на правожѣ напрасно не стоять.

105. Огъ него же.

(29—30) Государю боярину князю Петру Ивановичу холопъ твой Митька Козловъ челомъ бьетъ. Въ дому, государь, твоёмъ на московскомъ дворѣ и въ подмосковной вотчинѣ на Красниковѣ ноября по 1 день далъ Богъ здорово, а волею праведнаго Христа учинился пожаръ. Загорѣлось у Смоленскихъ воротъ у самыхъ лавки, и отъ тѣхъ, государь, лавокъ выгорѣло по самую церковь Бориса и Глѣба и по твой боярской дворъ. И въ то, государь, пожарное время на твоёмъ боярскомъ дворѣ надъ казеннымъ погребомъ и надъ ледникомъ напогребницу разломали, а инья бревна испересѣчены и разбросаны, и собрать, государь, нельзя, кое какъ ослономъ въ коле огорожено. А па хоромы, государь, купцовъ нѣтъ, и кровли на хорамахъ ветхи, гниють, сказывалъ и на Пупечномъ дворѣ, либо купять; и у многихъ воротъ памяти прибиты. А къ подьячему, государь, къ Ивану Яковлеву ходилъ многижды о дворѣ, чтобъ продать и прямую цѣну сказалъ, и опъ мнѣ, холопу твоему, сказалъ то: естли де изволить бояринъ, князь Петръ Ивановичъ, съ Васильемъ Митусовымъ въ его дворѣ сдѣлку учинить, чтобъ тотъ дворъ ему Ивану Яковлеву,

и онъ хочетъ придать двѣсти рублевъ, а естли де на деньги, безъ четырехъ сотъ не отдаеть. А дають де, государь, ему Ивану за тотъ его дворъ, будто, триста семьдесятъ рублевъ, только де безъ четырехъ сотъ не отдамъ. А нуженъ, государь, ему Василья Митусова дворъ. А на земскомъ дворѣ онъ, подьячей Иванъ, въ книгахъ досматриваль, и тотъ Василья Митусова дворъ, сказываетъ, данъ шестьсотъ рублевъ. А что, государь, послано было отъ тебя, государя, съ Васильевымъ сыномъ Митусова съ Андреемъ вино церковное, и то, государь, церковное вино у него Андрея я, холопъ твой, принялъ октября въ 31 день за красною печатью и боченка подписана. А отдать, государь, нынѣ и сослать въ Нилову пустыню не съ кѣмъ, потому, государь, что строители на Москвѣ нѣтъ. А сказываютъ, государь, на Алексѣевѣ дворѣ Лихачова, что строитель будетъ къ Москвѣ вскорѣ, и какъ прѣдетъ, и я, холопъ твой, отдамъ тотчасъ и о томъ къ тебѣ, государю, отпишу. А бояринъ князь Иванъ Андреевичъ и боярыня кнеиня Орина Ѳедоровна, и княжна Оксинья Ивановна, и князь Иванъ Ивановичъ и съ кнеинею Парасковьею Ѳедоровною, даль Богъ, здорово. А боярину князю, государь, Ивану Андреевичу сказано на службу великаго государя въ Бѣлгородъ полковымъ и осаднымъ воеводою на князь Григорьево мѣсто Григорьевича Ромодановскаго; а у руки государь, бояринъ князь Иванъ Андреевичъ еще не былъ; а кто будетъ товарищи, того, государь, не вѣдомо. А бояринъ, князь Семенъ Андреевичъ и съ боярынею съ кнеинею Ориной Ивановной, даль Богъ, здорово. А князь Андрей Ивановичъ и съ кнеинею Анной Семеновною въ ярославской вотчинѣ, и боярыня, кнеиня Парасковья Микитишна и съ дѣтьми, даль Богъ, здорово жъ, и кнеиня Овдотья Михайловна съ дѣтьми и съ кнеинею Ориною Алексѣевною, даль Богъ, здорово, а Матвѣй Осиповичъ *) недомагаеть, какъ изъ службы припелъ, лежалъ по се время. А къ Агаѣѣ Григорьевнѣ я, холопъ твой, для грамотки ходилъ, и она изволила сказать: воистинно де съ кручины и ходить не могу, отпиши де ты, что еще живы въ бѣдахъ своихъ по се число, ждала де Матвѣя Осиповича—сокрушалась, а нынѣ де и до остатку въ бѣдахъ своихъ съ кручины вставать не могу. А

*) Матв. Ос. Кровковъ вернулся изъ второго Цигиринскаго похода 1678 года; жена его Агаѣя Григорьевна—родственница женѣ кн. П. И. Хованскаго.

Ивану Ивановичу*) сказано, государь, на посольство въ Литву въ товарищахъ съ бояриномъ съ Иваномъ Васильевичемъ Бутурлинымъ. А идутъ, государь, вскорѣ по первому зимнему пути. Да слухъ, государь, поносился: съ помѣстей и съ вотчинъ съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ съ двадцати съ пяти дворовъ даточные конные будутъ. Только, государь, еще подлиннаго указу нѣтъ и не положено затѣмъ, что переписчики съ городовъ и изъ уѣздовъ къ Москвѣ не бывали, посылають по нихъ. А Иванова, государь, жена Севергина и Савка съ женою по твоему боярскому указу отвезены на Филиппово. А человѣка, государь, твоего Власа Яковлева Иванъ Аонасьевичъ привезъ къ Москвѣ изъ Коломенскихъ государевыхъ волостей, и объ немъ, государь, какъ укажешь, гдѣ ему изволишь быть. А о загородномъ, государь, дворѣ изволилъ ко мнѣ, холопу, писать, чтобъ пріискивать, и загородныхъ, государь, дворовъ отнюдь нѣтъ. И Ивану Ивановичу билъ челомъ не по одно время, и онъ мнѣ, холопу твоему, изволилъ сказать: я де и себѣ не могу пріискать. Развѣ, государь, не объявятся ли гдѣ послѣ переписчиковъ, какъ переписутъ дворы.—Писано ноября въ 2 день. А па московскомъ, государь, твоёмъ дворѣ въ подклѣтахъ пынѣ живутъ, по указу государя, боярина князь Ивана Андреевича, люди его, которые вновь приняты, семь семей.

А левъ, государь, на Красниковѣ плохъ родился, всего умято двѣ керьби безъ дву десятковъ, а поскони только двѣ-жь керьби безъ десятка.

106. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(62) Государю князю Петру Ивановичу холопъ твой Митька Козловъ челомъ бѣеть.

Въ дому, государь, твоёмъ на московскомъ дворѣ и въ подмосковной вотчинѣ на Красниковѣ, даль Богъ, здорово. Писано отъ меня, холопа твоего, къ тебѣ, государю, подлинно о всемъ и отъ Ивана Севергина съ подъячимъ Новгородскаго приказу съ Яковомъ Даниловымъ, и посланы съ нимъ грамотки многія въ листу запечатаны. А съ сотникомъ, государь, съ Тимоѣемъ Басаргою то письмо затѣмъ не послано, что онъ замѣшкается. Былъ въ дому твоёмъ го-

*) Цаадаеву.

сударскомъ безпрестанно и у боярина князь Ивана Одреевича. А бояринъ князь Григорей Григорьевичъ нынѣ въ Курскѣ. А князь Булату Мусайловичу посылку отъ тебя, государя, отнесъ;—бьетъ челомъ за милость твою гораздо, и грамота къ тебѣ, государю, отъ него послана съ подьячимъ съ Яковомъ Даниловымъ ноября въ 26 день.

А я холопъ твой Иванко Севергинъ грамотку Иванъ Ивановича отнесъ и отдалъ Оксиньѣ Семеновнѣ, а Ивана Ивановича не засталъ: пошелъ, государь, на посольство, заговѣвъ въ воскресенье.

А о всемъ, государь, подлинно къ тебѣ, государю, писалъ и филипповской сыскъ послалъ съ подьячимъ съ Яковомъ Даниловымъ все вмѣстѣ въ листу запеча(таны). А впредь, государь, что объявится и какія вѣсти будутъ, и я холопъ твой стану къ тебѣ, государю, писать,

Послана, государь, сія отписка ноября въ 27 день.

107. Отъ Максимова, Михаила, и др.

(40) Государю боярину князю Петру Ивановичу холопъ твой Мишка Максимовъ да староста Митрюшка, да цѣловальникъ Васька челомъ бьемъ.

Въ костромскомъ твоёмъ въ помѣстьѣ, въ селѣ въ Филипповѣ и на Климовѣ, и животь твой боярской, кони и кобылицы, и жеребята четвертаки и третьяки, и лоншаки іюля 28 день все, далъ Богъ, здорово. И отъ тебя, государя, пригналъ Ванька Борлыгинъ коней противъ росписи двѣнадцать. А кокурова коня пригналъ, храмлетъ задней ногой лѣвой. А тѣ всё, далъ Богъ, здорово. Да писалъ ты, государь, ко мнѣ холопу своему, что заплатитъ повотныя*) деньги, и повотныя деньги заплачены на Москвѣ, и отпись прислана ко мнѣ. А платилъ съ тридцати съ семи дворовъ; а платится только съ Филиппова съ деревнями съ тридцати дворовъ противъ старыхъ писцовыхъ книгъ, а то лишнее, невѣдомо за что заплатилъ семь дворовъ. А ноябрьной годъ, государь, травы худы гораздо противъ лѣтошнаго: около Филиппова и подъ Кушудевымъ вполы стало. И по се число около Филиппова и въ Коркахъ, и подъ Клѣ-

*) Д. б. „повытвыи“.

стовымъ, и подъ Коточиговымъ поставлено шестнадцать стоговъ, да на гужѣ поставлено десять стоговъ, а на Климовѣ и на пустошахъ еще не отставлено, потому что захватило ненастье.

А что съ Васильемъ Кафтыревымъ, что были бой и драча въ сѣнныхъ покосахъ, и о томъ о всемъ описано будетъ съ Ортемьемъ, и будетъ впредь что учинится съ нимъ. А работниковъ къ Москвѣ отпущено два человѣка дѣловыхъ да крестьянъ, и запасу съ ними послано телѣга, а въ телѣгѣ послано запасу три четверика сухарей да четверикъ аржаной муки, да четверикъ и толокна, да полчетверика солоду, да полчетверика крупъ, да соли пудъ, да коровой сала ветчиннаго.

108. Отъ Мокѣева, Степана.

(80) Государю князю Петру Ивановичу холопъ твой Стенька Мокѣевъ челомъ бью.

Въ дому твоємъ, государь, на Филипповѣ и на Климовѣ мѣсяца марта въ 6 день, далъ Богъ, здорово.

Да отпустилъ я къ тебѣ, государю, съ запасомъ къ Москвѣ, поѣхалъ съ запасомъ Сенька Кочневъ, да съ нимъ же наемщики два поѣхали—нанялись, а ряжено и дрова платить и поѣздки ѣздить, а тотъ Сенька Кочневъ по нихъ порука. Да запасу пошло съ ними: рогожа соли цѣлая да 2 чети солоду, да на томъ же возу два ведра вина, да шестнадцать гривенокъ масла Степкина Гавриловой дочери, купленаго мяса 15 полоть, оброшнаго мяса 10 полоть, да окоряшнаго со крестьянъ мяса 2 полти, да на томъ же возу девяносто куриць сухихъ безъ двухъ куриць, да куриць живыхъ 30 безъ курицы.

А что ты, государь, писалъ ко мнѣ, почему людямъ лѣтошнаго году давалъ за соль по четверику ячмени, а на нынѣшней годъ не давалъ, а тебѣ, государю, безперестанно люди бьютъ челомъ о соли, и ты, государь, отпиши ко мнѣ, солью ли велишь давать, или чѣмъ изволишь. Да отпустилъ я къ тебѣ, государю, Ваньку Ворлыгина да Тишку, да пошли съ ними пять коней да шестой меринъ, да дано имъ на дорогу 3 четверика овса, да далъ ему на дорогу жъ, дано 10 алтынъ денегъ. А пошли цѣлы и здоровы кони и хороши.

Тихонъ Павловичъ далъ денегъ 2 рубля, и на тѣ два рубля купилъ ячмени безъ четверика двѣ четверти въ любимскую мѣру, да онъ пожаловалъ ячмени 2 чети въ московскую мѣру. И я бью челомъ ему, чтобы пожаловалъ еще два рубля на ячмень. Да по сию грамотку осталось овса девяносто четвертей все на все, да крестьянскаго овса 35 четей, да на Климовѣ 17 четей.

109. ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(48) Государю князю Петру Ивановичу холопъ твой Стенька Мокѣевъ челомъ біеть. Въ дому твоёмъ, государь, на Филипповѣ и на Климовѣ по сию грамотку, далъ Богъ, здорово.

Да отпустилъ я къ тебѣ, государь, къ Москвѣ Михайла Максимова; отпуще(но) съ нимъ овса четыре четверти, да на дорогу имъ дано лошадямъ двѣ четверти, да ему же дано на сѣно лошадямъ рубль денегъ, а теперече, государь, корму у насъ ничего пѣтъ, животины стала мереть: на Климовѣ два быка пали; и что было охоботье аржаное, и то охоботье Назаръ кормить лошадемъ. А что и мелкая животины у Марѣи въ подклѣтѣ помреть, потому что Назаръ кормить лошадямъ, что измолочено оденя съ овиновъ двадцать и молочено для ради корму, и теперече, государь, Назаръ аржаное охоботье и колось кормить лошадямъ.

И Божіимъ изволомъ овинъ сгорѣлъ съ рожью, и огромъ Семёнова овса пѣтъ ничего, скормлено все.

Да пишешь ты, государь, мпѣ, велишь ты ѣхать къ Вологдѣ по соль, и указалъ ты мпѣ на оброшныя деньги купить, и тѣ деньги оброшныя держатся въ расходъ, и тѣхъ денегъ на дорогу даю.

Да писалъ ты, государь, про мясо, что пятьдесятъ безъ полти, и послано, государь, ровно пятьдесятъ полоть да три окороки. А что груздей послано съ Савиномъ было двѣ криночки: староста принесъ криночку да Голодявской принесъ криночку, и только двѣ посланы.

Да писалъ ты, государь, про солодъ, что трехъ четвериковъ московскихъ нѣтъ, и мы послали полторы чети съ полчетверикомъ въ филипповскую мѣру.

110. ОТЬ НЕГО ЖЕ И СТАРОСТЫ ФЕДОРА ЯКОВЛЕВА.

(45) Государю князь Петру Ивановичу холопъ твой Стенька Мокъевъ и старостишко Федька Яковлевъ челомъ бьетъ.

Здѣсь въ твоємъ, государя нашего, селѣ Филипповѣ генвари въ 30 день, далъ Богъ, здорово. Да отпустили мы къ тебѣ, государю, къ Москвѣ запасу съ вашими жъ, государей нашихъ, крестьяны съ Онтропкомъ Шешковскимъ, а возу у него бочка вина (и) пива да кадка масла коровья, а въ той кадкѣ сборное масло со крестьянъ, а вѣсомъ полтретья, да кадка губъ*), да у него жъ на возу двѣ четверти безъ четверика солоду ржаного, да девятьсотъ яицъ, да криночка творогу, да криночка сметаны, да криночка молока, да рыжничковъ криночка неполна, кафтанишко у него жъ, что перешивали на копняка**), у Сеньки Ермолина, на возу бочка вина, а въ обѣихъ бочкахъ вина мѣрою сорокъ съ ведромъ, да съ бочекъ осталось вина два ведра на Филипповѣ; да у него-жъ Сеньки на возу долокна**) полторы четверти, да три кринки масла, а вѣсомъ масла въ дву крипкахъ тридцать гривенокъ, а въ третьей кринкѣ двадцать гривенокъ, взято у Марѣи; да грибовъ осьмина.

У Мишки Шешковского на возу полторы четверти безъ полу-четверика крупъ, да у него жъ осьмина муки пшеничныя.

Да отпиши ты, государь, ко мнѣ, холопу своему, чѣмъ кормить животъ вашъ, а здѣсь у меня, холопа твоего, денегъ нѣтъ, а что было собрано съ мужиковъ восемь рублей, и я тѣ деньги отдалъ Дмитрею поѣхать къ Вологдѣ; единой копейки топерьво нѣтъ, купить не на что соломы; яровые только два стожка, а сѣна тольковосемь стожковъ.

Велѣлъ ты, государь, мнѣ, холопу своему, купить двѣ четверти ячмени въ любимку, и у меня тово ячменине куплено, потому что денегъ нѣтъ, а ячмени самага добраго любимкой четверикъ въ десять алтынъ.

Да отпустилъ къ тебѣ, государю, шабаленка. **)

111. ОТЬ НИХЪ ЖЕ.

(63) Государю князю Петру Ивановичу холопъ твой Стенька да староста Федька челомъ бьемъ.

Въ дому твоємъ, государь, на Филипповѣ и на Климовѣ мѣсяца іюня въ 17 день, далъ Богъ, здорово.

*) Грибовъ.

**) Такъ въ подлинникѣ.

Да послалъ къ вамъ, государь, съ телѣгами работниковъ и косовъ, въ телѣгѣ насыпано солоду четверть съ четверикомъ, а въ той же телѣгѣ тысяча яицъ 100, да на тѣхъ же телѣгахъ положено девять сырцовъ сметанныхъ, да семнадцать сыровъ кислыхъ, еще сыръ кислой осмоноцетой, да съ Марѣы изъ поклѣта взято масла 30 гривенокъ, тутъ же въ кадкѣ вылито, да у Онтошки взято масла безъ трехъ гривенокъ 30, да съ Феоклы взято масла 10 гривенокъ стараго пуда, взято у Гаврила масла полчетвертацать гривенокъ, да изъ тое кринки вынето въ кадку, положено пять гривенокъ, а та кринка оставлена здѣсь на Филипповѣ, потому что не выложилось въ кадку, да Оомкинѣ масло осталось стараго пуда 10 гривенокъ здѣсь же на Филипповѣ, да погнаны бараны, филипповскихъ да климовскихъ 22 барана, да купленныхъ 7 барановъ, да пятнадцать барановъ со крестьянъ взято, да на Филипповѣ осталось 11 ярочекъ да барашекъ маленькой, а на Климовѣ не осталось ничего молодежи, всѣ посланы къ Москвѣ, а на Филипповѣ осталось старыхъ овецъ 20 съ овномъ да баранъ, да на Климовѣ осталось старыхъ овецъ 7 да осмой баранъ. Да послалъ я, государь, запасу работникомъ, чѣмъ сытымъ быть, четверть сухарей да толокна дано московка осмина, да на дорогу дано полтора пудка толокна, да крупъ имъ дано на сѣнокосъ поль-осмины, на дорогу дано полтора пудка. А хлѣбъ, государь, орженой и еровой добре хороши, и льны и пшеница добре хороши, и на Климовѣ добръ же хлѣбъ, какъ Богъ совершенное дастъ. А что, государь князь Петръ Ивановичъ, послѣ Назара кобылы жеребились: кобыла ворона принесла жеребенка голубого, да чалая кобыла принесла кобылку рыжу, да пахатная кобыла принесла кобылку буру, да челоуѣгая кобыла пахатная принесла жеребенка рыженка, а всѣхъ теперс жеребятъ 10; да кобыла, государь, пахотная черкасыя жеребенка принесла, и она умерла и съ жеребенкомъ послѣ Тихонова дни въ третей день, а на ней, государь, работъ не работали ник. поѣхалъ.

А въ саду, государь, яблоки есть. Какъ поспѣютъ, какъ изволишь, къ себѣ ли велишь привезть?

А взялъ я, государь, 2 рубли денегъ и я (з)а 6 барановъ далъ рубль, у Якова Григорьевича взялъ деньги, да 20 цыпленкомъ по-

слапо. А теперечко, государь, ни ржи ни счмени нѣтъ ничего, на нынѣшней мѣсяцъ нечего дать. А что Ивапъ Яковлевичъ пожаловаль, даль шесть четвертей въ напу мѣру, а четырехъ четвертей не даль, и та рожь изошла.

И я билъ челомъ Якову Григорьевичу и Ондрею Ондреевичу, и Григорію Семеновичу, и Глѣбу Матвѣевичу, билъ челомъ имъ, и они никто не даль, а взять негдѣ, а люди разбредутся, а пора пришла дѣловая.

Масла прислано два пуда безъ осми гривенокъ, а на Филипповѣ по то число осталось пудъ цѣлой.

112. Отъ нихъ же.

(46) Государю князю Петру Ивановичу холопъ твой Стенька Макѣевъ да староста Осдыка Яковлевъ челомъ бьетъ.

Въ дому, государь, твоемъ на Филипповѣ и на Климовѣ по сю грамотку, даль Богъ, здорово. Да отпустили къ тебѣ, государь, Якунку на дву лошадахъ: кобыла корноухая да кобыла карея Кольшиха; да съ нимъ пошло пудъ масла безъ пяти гривенокъ, да съ нимъ же отпущено кадочка яблонныя постилы безъ меду, да въ половина ведра постилы съ медомъ, да съ нимъ же отпущено яблоковъ, тысяча восемьсотъ тридцать яблоковъ, да съ нимъ же отпущено гнѣздо лебедей, мешечекъ малины сухой, семнадцать сыровъ. Да на Филипповѣ посѣяно ржи 27 чети съ четверикомъ; на Гальковѣ посѣяно 5 чети съ четверикомъ; на Климовѣ ржи посѣяно четыре четверти съ четверикомъ; да умолотили, государь, пшеницы Григорья Семеновича Супонева 3 чети съ полоторымъ четверикомъ, а сѣяно было пшеницы тое четверть; да нашей пшеницы сѣяно было въ полторы чети, а умолочено полтретьи чети, да ячменю молочено 2 овина, 3 чети умолочено, да еще ячменю овиновъ шесть, да пшеницы съ овинъ, да овса молотили для опыту овинъ, а съ него молотили 2 чети, да ржи молотили 25 овиповъ, а умѣрено 37 чети, а еще обмекаемъ ржи овиновъ сорокъ, а овса половина еще полоневыжата, гороху сѣяно 3 пудочка, умолотили четверикъ, а льну молочено плауну 3 овина, умолочено четь сѣмени, сковит ицу 2 овина, а добыто полтретья четверика, да

полбы сѣяно было четь, что Григорій Семеповичъ далъ на сѣмена, а умолотилъ 3 чети, да и то все овсомъ пошибло, рѣдкой колось найдешь.

Да нишень, государь, про мѣхъ, и того мѣху сыскать не можень, того мѣху нѣтъ.

Посѣляю ржи на Филипповѣ и на Гальковѣ, и на Климовѣ 37 чети безъ четверика.

113. ОТЬ НАЗАРА, КОНЮХА.

(50) Государю князю Петру Ивановичу холопъ твой Назарка челомъ бѣеть.

Да вѣдомо тебѣ, государю, пишу, что на стойлѣ кони твоего сѣдла, и опи, далъ Богъ, всѣ здоровы; и на конюшонномъ дворѣ кобылицы и кобылы пахатныя и жеребята, и опи, далъ Богъ, здоровы. А что Дмитрей привель кобылицу гнѣдую, и опа на вербной недѣлѣ въ понедѣльникъ въ одночасье сдѣлалась, умерла въ день.

И князь Ондreja Петровича вороненькой виноходчикъ по другой недѣлѣ занемогла, а пемочь у нея невѣдомо какая.

А что указаль ты, государь, пѣгаго жеребца положить, и мы положимъ, какъ мѣсяць подпольной будетъ.

Да съ Климомъ пришли конь гнѣдъ да кобыла сѣрая, и они, далъ Богъ, здоровы; да ремень конской привезли.

А сѣна съ екова числа 6 стоговъ да на конюшнѣ возовъ съ десять. Да изволь отписать, государь, грамотку къ Ондрею Ондреевичу Полозову, чтобы стогъ сѣна далъ къ папнѣ, потому что купить не на што, и дорого и негдѣ купить. И у Ивана Павловича сѣна продать есть много, и ты изволь, государь, отписать къ нему, чтобы хощь стогъ въ заемъ далъ.

А что копи спустятся на поле, ихъ пасти будетъ на двое, копи себѣ будетъ пасти.

И ты изволь, государь, отписать, конмъ конюхамъ за копыми ходить, и конмъ за кобылицами и за мелкими лошадыми.

114. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(79) Государю князю Петру Иваповичу холопъ твой Назарка челомъ бѣтъ.

Да вѣдомо тебѣ, государю, на Филипповѣ на конюшонномъ дворѣ про лошадей, а что изволилъ ты писать про лошадей, и у насъ волею Божію все опулудивѣли и жеребятка малые. А Христоръ далъ на дворѣ тепляе, и мы, буде добудемъ мастера конскаго, и мы стапемъ лѣчить, а буде не добудемъ, и мы сами, какъ Богъ наставитъ. А корму у насъ одинаго воза нѣтъ, а купить не на што. Къ которымъ ты, государь, изволилъ писать ко дворянамъ о корму, и они отказали все. И я къ тебѣ, государю, писалъ, что корму нѣтъ, и лошади стапуть мереть съ нуды и съ голоду, и мнѣ бы въ томъ кручипѣ было. А мы ужъ ѣздили вездѣ, и намъ отказывали, а купить намъ не на што.

Да приводили отъ князь Ондreja Иваповича жеребца гнѣдого, и у тебя, государя, пѣгой жеребець и больше того, и я затѣмъ не смѣлъ взять, что малъ, да и задняя нога у него вахлакъ великой паросъ.

115. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(87) Государю князь Петру Иваповичу холопъ твой Назарка челомъ бѣю.

Да вѣдомо тебѣ, государю, пишу про лошадей что на конюшонномъ дворѣ, далъ Богъ, все по сло грамотку живы, а инья и не стають, чуть бродятъ. А что у меня корму опричь аржаной соломы нѣтъ никакого, и аржаной соломы будетъ и нѣтъ до великаго посту, потому что тотъ жъ кормъ, что нѣтъ ни сѣна, ни соломы яровой. А что князь Ѳедоръ Юрьевичъ пожаловалъ два стожка, и привезъ я девять острамочковъ, а въ девяти въ острамкахъ, только будетъ воза съ четьря, и то сѣнцо расхожее. Да къ Ивановѣ жепѣ Павловича ѣздилъ, и она сказала: я, скать, не вѣдаю, что занятъ ли, или нѣтъ, и я, скать, и сама займую.

Да у Михайла Иваповича взялъ три острамка аржаной соломы да яровой соломы два острамка.

Да съ Михайломъ Максимовымъ послапо кони твоего сѣдла: конь темно-сѣрой да аргамакъ вороной, аргамакъ саврасой, да конь

бурой, да конь корецькой, и они, даль Богъ, здоровы отпущены. Да въ возахъ два мерина пригонныхъ, да меринъ гнѣдой, да которые пришли съ Савиномъ санники и мерины, и они гораздо не самозаводны(?), голубой меринъ да пѣгой и стали на дорогѣ и пригнали на другой депь, и оправить нечѣмъ ихъ, потому что сѣна у меня нѣтъ, опричь соломы аржаной, овсомъ однимъ не накормишь. А указалъ ты, государь, 4 чети скормить, которыя пришли съ Москвы лошади, а что приказчикъ и староста черезъ указъ овса не даютъ, а что которымъ не дать овса худымъ, и онѣ и поготову не станутъ ставать. А что и ты, государь, самъ видѣлъ, что лошади худы, а попѣ и поготову худы стали быть. А что купить у насъ сѣна на рубль и накормить лошадей и овецъ, такъ таки врядъ что въ сутки скормить, а что сутокъ тѣхъ много будетъ, государь, то(ль)ко поэтому корму кормить—и дома съ леницъ многія не станутъ ставать и всякая животино. И ты, государь, изволь прислать къ намъ указъ, чѣмъ кормить и гдѣ купить, и на што купить. А изволь къ намъ, не мѣшкавъ, прислать, покамѣстъ что и всѣ лошади съ ногъ не свалились. И я тебѣ, государю, и на Москвѣ извѣщаль, что корму у насъ будетъ или нѣтъ за нужу до Рожества Христова, потому что кормы съ осени были дешевле, и которой ради нужи продавалъ, а попѣ етотъ и самъ купить въ двѣ цѣны. А скажетъ тебѣ, государь, Михайло Максимовъ, какъ кормъ у насъ купятъ.

Да милости у тебя, государя, прошу, князь Петръ Ивановичъ, о жалованьѣ. А что домашной меринъ гнѣдой, нельзя ему къ Москвѣ иттить, потому что копыта заднія обломаль, насилу ходить.

Да изволилъ ты жеребцовъ класть Боковскава и которыхъ иныхъ жеребятъ, вороной кобылы жеребчикъ да сѣрой кобылы, класть ихъ (нельзя), еще молоды.

106. Отъ Севергина, Пвана.

(59) Государю князю Петру Ивановичу холопъ твой Ивашка Севергинъ челомъ бьетъ.

Въ дому, государь, твоемъ на московскомъ дворѣ генваря по 17 день, даль Богъ, здорово. Вѣдомо тебѣ, государю, буди: канунъ сего числа смотръ былъ стольникамъ и дворянамъ, стряпчимъ и

жильцамъ, а сказки имъ никакой не было; а къ князь Федору, государь, Юрьевичу*) я, холопъ твой, для грамотки ходилъ, и онъ мнѣ, холопу твоему, изволилъ сказать, что теперь де мнѣ писать не о чемъ, потому что намѣренія еще нѣтъ: кому, государь, и сказано куды, ино еще указу нѣтъ, а иныхъ, государь, чаемъ и перемѣнять. А что, государь, впредь объявится, и я, холопъ твой къ тебѣ, государю, стану писать.

А Иванъ Полозовъ къ Москвѣ еще по се число не бывалъ. Да послать я, холопъ твой, къ тебѣ, государю, съ сотникомъ съ Степаномъ Басаргинымъ поминаніе родительское, а списокъ съ него слово въ слово оставленъ у Дмитрея.

*) Вѣроятно, Барятинскому.

II.

ПЕРЕПИСКА КН. ПАРАСКОВИИ АНДРЕЕВНЫ ХОВАНСКОЙ СЪ РОДНЫМИ ЗНАКОМЫМИ И ПРИСЛУГОЙ*):

117. Отъ кн. Хованской, Аксиныи Ивановны, дочери кн.
Ив. Анд. Хованскаго.

(159) Государынѣ моей маткѣ и надежѣ невѣстушкѣ княгинѣ Парасковѣ Андреевнѣ золовченка твой Аксиутка Хованская челомъ бьетъ.

Здравствуй, государыня невѣстушка княгиня Парасковья Андреевна и съ государемъ моимъ братцемъ князь Петромъ Ивановичемъ, и съ племянникомъ моимъ князь Андреемъ Петровичемъ, и съ племянницею моею съ княжной Натальею съ Петровною на многія и неисчетныя лѣта, и будьте покровены десницею Вышняго!

Да пожалуй, государыня невѣстушка княгиня Парасковья Андреевна пиши про свое многолѣтное здоровье и про здоровье государя моего брата князь Петра Ивановича, и про здоровье племянника моего князь Андрея Петровича, и про здоровье племянницы моей княжны Натальи Петровны, а про насъ пожалуешь, изволишь вѣдать и про государя моего батюшка, и про государыню мою матушку, и про брата, и про невѣстухекъ, и про меня, и мы мѣсяца іюля въ 19 день, далъ Богъ, живы, а впредь Богъ воленъ.

А матушка о томъ, невѣстушка, гораздо кручинится, что вы не утѣшаете: грамотки не часто пишете, а ты вѣдасшь, невѣстушка, и сама, каковы матушкѣ вы милы.

Да потомъ тебѣ, государынѣ невѣстухкѣ, мало пишу, а много челомъ бью.

*) Съ мужемъ, смотри: отд. I. письма 10—16.

118. ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

(155—220) Государыпѣ моей милостивой маткѣ и невѣстушкѣ княгинѣ Парасковѣ Андреевнѣ Аксютка Хованская челомъ бьетъ. Здравствуй, государыня моя невѣстушка княгиня Парасковья Андреевна, съ государемъ моимъ братцемъ со князь Петромъ Ивановичемъ и свѣтомъ моимъ князь Андреемъ Петровичемъ, и свѣтомъ моимъ княжною Натальею Петровною на многія лѣта. Пожалуй, государыня моя невѣстушка прикажи писать про здоровье государи моего брата князь Петра Ивановича и про свое здоровье, и про здоровье свѣта моего князя Андрея Петровича, и про свѣта моего здоровье княжны Натальи Петровны; а намъ бы слыша радоваться.

А про насъ, государыня, изволишь вѣдать, про здоровье государя моего батюшки князь Ивана Андреевича и про здоровье государыни моей матушки княгини Арины Федоровны, и они февраль 21 день, да въ Богъ, здоровы, и я того-жъ числа жива.

Да челомъ бью, государыня моя невѣстушка княгиня Парасковья Андреевна, на гостинцахъ. А на гостинцы мои, государыня моя невѣстушка княгиня Парасковья Андреевна, не покручпись, и я, государыня, буду впередъ бить челомъ.

Да пожалуй, моя милостивая матка невѣстушка княгиня Парасковья Андреевна, о чемъ была челомъ, буди печальница братцу о томъ дѣлѣ и пусти, государыня, за себя вѣчныхъ богомольцевъ и славу ту, которая на тебѣ лежала и, буде твоя милость будетъ толкая, и ты мнѣ учини мнѣ вѣстно.

Изволь, моя милостивая матка, милостиво разсудить, сама ты, государыня невѣстушка, разумной человекъ и читатель божественному писанію, чтобы, государыня невѣстушка, матушкиной души не повредить, на себя бѣ слезъ великихъ не навести.

Да пожалуй, милостивая матка невѣстушка, буди печальница братцу, учини милосердно, не оставь моего челобитья.

Да челомъ бью тебѣ, надежа моя невѣстушка, гостинцомъ со государьской радости коврижками сахарными; а свѣтомъ моимъ послала Андриушенькѣ и Наташенькѣ восемь игрушечекъ сахарныхъ. И шобы тебѣ свѣту моему коврижки кушать на здоровье, а имъ бы тѣшиться на здоровье. Не покручпись надежа моя, что немного.

Да милостивая матка моя, учини, о чемъ бью челомъ.

Да по семь тебѣ, матка моя, много челомъ бью.

119. ОТЬ НЕЯ ЖЕ.

(166) Государынѣ мойей маткѣ и надежѣ невѣстущкѣ княгинѣ Парасковѣ Андреевнѣ золовка твоя Аксютка Хованская челомъ бѣеть. Здравствуй, государыня моя невѣстущка княгиня Парасковья Андреевна и съ государемъ моимъ братцемъ князь Петромъ Ивановичемъ, и съ племянникомъ съ моимъ князь Андреемъ Петровичемъ, и съ племянницею моею съ княжною Натальей Петровною на многія и неисчетныя лѣта, и будьте покровены десницею вышняго Бога! Да пожалуй, государыня моя невѣстущка княгиня Парасковья Андреевна, пиши про свое многолѣтнее здоровье и про здоровье государя моего брата князь Петра Ивановича, и про здоровье князь Андрея Петровича, и про здоровье княжны Натальи Петровны; а мнѣ бы, слыша про ваше здоровье, о Христѣ радоваться.

А про насъ похочешь вѣдать, про батюшку и про матушку, и про брата, и про невѣстущку, и про меня, и мы по грамоту живы. Да вѣдомо вамъ буди, что батюшка Богъ принесъ февраля въ 27 день. А матушка на васъ кручинится, что не пишете о своемъ здоровьѣ, и матушка по васъ гораздо печалится.

Да послала я тебѣ, невѣстущка, пятнадцать каралковъ бѣлыхъ, тебѣ бы пожаловать велѣть сдѣлать погвицы на тотъ подобей, что у тебя на соболѣ шубѣ на отласпой цвѣтной и, сдѣлавши, прислать къ Велику дни.

Да по томъ тебѣ мало пишу, а много челомъ бью.

120. ОТЬ КН. ХОВАНСКОЙ, АННЫ СЕМЕНОВНЫ, ЖЕНЫ АНДР. ИВ. ХОВАНСКАГО.

(168) Государынѣ моеей невѣстущкѣ княгинѣ Парасковѣ Андреевнѣ князь Андреева женишка Ивановича Асютка челомъ бѣеть. Здравствуй, государыня моя, на многія лѣта! Да пожалуй, прикажи писать про здоровье князь Петра Ивановича и про свое многолѣтнее здоровье, и о здоровьѣ дѣтей своихъ, а я рада слышать по всякъ часъ о вашемъ здоровьѣ.

А изволишь, государыня, вѣдать про государя моего князь Андрея Ивановича и про меня: и князь Андрей Ивановичъ декабрю

со 12 числа до генваря по 16 только чуть живъ въ скорби своей, и я по то-жъ число въ печали своей и съ дѣвченкою обрѣтаюся въ живыхъ, а впредь уповаемъ на милость Божию.

А что ты, государыня, пожаловала прислала съ человѣкомъ своимъ съ Иваномъ Севергинымъ жемчугу семь золотниковъ, и я тотъ жемчугъ приняла за твоею печатью цѣль, и я тебѣ, государынь, челомъ бью, что пожаловала прислала.

По семъ тебѣ, государынь, челомъ бью.

121. ОТЬ НЕЯ ЖЕ.

(158) Государынь моей невѣстушкѣ княгинѣ Парасковѣ Андреевнѣ многолѣтно здравствуй! Пожалуй прикажи ко мнѣ писать про здоровье государя моего князя Петра Ивановича и про свое многолѣтное здоровье, и про дѣтей своихъ: о князѣ Андрѣе Петровичѣ и о княжнѣ Натальѣ Петровнѣ. А я рада слышать про ваше многолѣтное здоровье.

А изволишь, государыня, вѣдать про здоровье государя моего князя Андрея Ивановича, и государь мой князь Андрей Ивановичъ февраля по 22 день, далъ Богъ, живъ и я по тожъ число жива.

Да челомъ бью, государыня невѣстунка, на гостинцахъ, что пожаловала прислала. Да послала я, невѣстунка, крестъ, и ты пожалуй вели его спаять и зерна наколотить.

По семъ тебѣ, государынь, челомъ бью.

122. ОТЬ АВДОТЬИ, КЛЮЧНИЦЫ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ДОМУ.

(175) Государынь княгинѣ Парасковѣ Андреевнѣ раба твоя Дунька челомъ бьетъ. Въ дому государыня вашемъ іюня по 10 день, далъ Богъ, здорово. По твоему государыня указу со здоровьемъ отъ тебя, государыни, ко княгинѣ Аннѣ Володимировнѣ ходила и обѣ узорахъ била челомъ, и она пожаловала; и тѣ, государыня, узоры послала я къ тебѣ, государынь, съ Петромъ Кондратьевымъ. А у перинки, государыня, застѣвка вѣтъ; взяли мы послѣ васъ, государей, на погребѣ тое перинку и пуховикъ и озоловейцо и подушечка, все безъ застѣжковъ, и то все нынѣ у Отаѣи Григорьевы *).

*) Вѣроятно, Кривковой.

Да писала ты ко мнѣ, рабѣ своей, что поставво нарядено и выткано: Марья Иванова жена опряла сорокъ съ пасмомъ и выткала полотна двадцать три аршина, Ульянкина жена—тридцать пасмъ и выткала тридцать два аршина, Тишкнна—двадцать пять пасмъ и выткала двадцать четыре аршина, а у троихъ, государыня, у Данилковой жены да у его-жъ сестры, да у его-жъ своячины было у нихъ по двадцати пасмъ, и выткала Данилкова выткала холстину двадцать аршинъ, сестра его выткала двадцать же аршинъ да своячина его Василиска выткала двадцать два аршина.

Да писала ты, государыня, о цвѣткахъ и объ мятѣ, чтобы не переводить, и въ томъ государыня, во всемъ воля Божія, потому что нынѣ пные морозомъ побило.

А молебень, государыня, Микитѣ Христову мученику ходила пѣть, дано три алтына да свѣча копеешная да Казанской Богородицѣ и Странной Богородицѣ и Филиппу митрополиту, Алексѣю митрополиту—по копеешной свѣчѣ.

123. Отъ Анны, влючницы въ имѣннн.

(174) Государынѣ кнеинѣ Парасковѣ Андреевнѣ раба твоя Анютка челомъ біеть.

Да послала я, государыня, полотна и гребенины съ Ондреемъ: съ полотномъ десять да двѣ скатерти Назаровы жены, да тринадцать гребенинъ, да холстъ отрепшой на нихъ, да окрапеной изъ тѣхъ же гребенинъ, пять гребенинъ да полотно Маврино въ желтую краску, и тѣ крапенины посланы къ Москвѣ лѣтомъ съ Якунькою: да льну, государыня, послала тринадцать керъбей*).

Писала ты, государыня, что двадцать керъбей прислать, и я, государыня, смѣтила, только врьдъ, государыня, самимъ кужельницамъ, родилось, государыня, только всего плауну и сковитину девяносто керъбишекъ, а колодяевского льну и климовскаго льну почитай ничего, небольшое мѣсто и то противъ отрепей.

Да послала, государыня, тысяча сто семьдесятъ яницъ да кринка сметаны, да творогу кринка, да сливочекъ криночечка, да два сыра масленыхъ. А поскони, государыня, шесть керъбей было. И какъ изволишь государыня, князь Петръ Ивановичъ велѣлъ темята въ поскони дѣлать, и ты какъ изволишь, волну ли дѣлать или въ поскони прясть.

*) Керъбь—вязка, пучокъ.

124. ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

(176) Государынѣ кнеинѣ Парасковѣ Андреевнѣ раба твоа Анютка челомъ бѣю.

Да послала я, государыня, съ Михаиломъ Максимовымъ полотна и гребенины: полотень, государыня, десять да Назаровы жены ска-терть, да гребенинь одиннадцать, да скатерть, что Степка училась, шахматная, да трои чюдочки ваши, государыня, да три мотка нитей, да два холста хлопленыхъ, да пять керьбей льпу, да въ мѣшечкѣ грибокы маленькихъ, да криночка рыжиковъ. А что, государыня, и отъ меня гребенинь разошлось, къ тебѣ государыня послано прежь того шесть крашенинь, да ведешке(?) семую окрасили нонѣче, да что съ Провѣемъ писала, государыня, нонѣче, что окрасить въ вишневь. А та осмая да три гребенины разошлось на робять на Тишку на Косова, и что дѣвка живетъ въ подлѣтѣ, и на тое рубашку скроила; и всѣхъ отъ меня разошло на всѣ одиннадцать гребенинь. А льпу, государыня, климовскаго пять керьбей да голодяевскаго четыри керьби, а колодяевской лепъ и шенковской таковъ же, что и здѣшной же, не дутче здѣшнаго, и здѣшной, государыня, ленъ, казалось, на видь хоропъ, оно въ изгребѣи весь идеть, некорыстенъ, увидишь, государыня, и сама, каковъ оценутъ, а весь, государыня, всѣмъ раздала у кого въ недѣлю, и по твоему, государыня, приказу, нити всѣмъ раздала прять.

125. ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

(177) Государынѣ кнеинѣ Парасковѣ Андреевнѣ сирота твоа Анютка челомъ бѣеть.

А поставы, государыня, перепряли и кужельницы и загребеницы перепряли 6, всѣ поставили и зачинають ткать, а всѣ, государыня, по пятидеся(ти) пасмъ пряли поставы, акромѣ Семеновы жены да Федоры, а кудели только и стало, а шымъ загребеницамъ и почесы додавала, потому что льпу ни изгребей не стало. А что ты, государыня, прислала скатерной узоръ брать, и Дарья забирала, она рвется, государыня, пескатертная де пряжа тонка, годится ли нѣтъ ли Назаровы жены пряжа, и я де, будетъ не станеть рваться. и я стапу брать.

126. Отъ Баровой, Елены, жены полковника Ивана Алферьевича *).

(149—150) Щедрой и милосердой ко мнѣ и многомилостивой государынѣ моей княгинѣ Прасковѣ Андреевнѣ многожелательная искательница и вѣчно неотступно раба милости твоей Аленка Ивана Барова женишка много челомъ бьетъ. Подай Господь Богъ, ты государыня моя княгиня Прасковья Андреевна здрава и многолѣтно о Христѣ была и со всѣмъ своимъ благочестивымъ и праведнымъ домою и буди, государыня, покровенна десницею всещедрого Христа Бога нашего на вѣки.

Милости у тебя государыня моя княгиня Прасковья Андреевна прошу, прикажи ко мнѣ, рабѣ своей убогой, про свое многолѣтное здоровье отписать, а я, убогая, про твое, государыни своей, многолѣтное здоровье желаю слышать по всякъ часъ.

А по милости, государыня княгиня Прасковья Андреевна, про мое убожество милостию своею изволишь напомянуть, и я въ Бѣлѣгородѣ сентября по 19 число обрѣтаюся въ живыхъ, а впредь его Творца нашего воля.

Милости, государыня княгиня Прасковья Андреевна, у тебя прошу, не отставь своего жалованья ко мнѣ убогой, какъ и презъ сего твоея, государыня моя, ко мнѣ милость была и жалованье, и пылѣ, государыня моя, о томъ же милости у тебя прошу, не отставь своего прежняго жалованья ко мнѣ, а я, убогая, за тебя, государыня, и за твой благочестивой и праведной домъ вѣчно Бога молить (буду).

Да послала я, государыня княгиня Прасковья Андреевна, княжнѣ Натальѣ Петровнѣ круживца на сорочку, чтобъ ей государынѣ моей здрава изписать.

По семъ, государыня, здравствуй на вѣки.

127. Отъ нея же.

(161) Щедрой, милосердой ко мнѣ многомилостивой государынѣ моей матунинѣ княгинѣ Прасковѣ Андреевнѣ многожелательная искательница и вѣчно неотступная милости твоей полковника Ивана Ал-

*) Въ столбцахъ Бѣлгородскаго стола Разряда упоминается полковникъ Игнать (Иванъ) Баровъ въ коннѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтїа.

Ферьевича женишка Аленка, надъ предъ ногама твоима до лица земли, премного челомъ бью.

Подай, Господи Боже, тебѣ, государынѣ, моей многолѣтно здравствовать о Христѣ на вѣки, и буди, государыня, покровенна десницею вышняго Бога!

Милости у тебя, государыня матушка, прошая, прикажи ко мнѣ убогой про свое многолѣтное здоровье писать; а я про твое, государыни своей, здоровье слышати желаю по всякъ часъ.

По милости своей ты, государыня матушка, про мое убогое житьепико изволишь милостию своею напомянуть, и я въ Бѣлѣ-городѣ октября по 12 число обрѣтаюся живѣ.

Милости у тебя, государыни своей, матушка княгиня Прасковья Андреевна, прошая, заступи своею милостию государю князю Петру Ивановичу объ мужѣ моемъ, чтобъ онъ, государь, пожаловалъ его милостию своею сверсталъ (со) старыми полковники и по милости своей велѣлъ бы ему приказать полкъ. Потому, государыня, которые послѣ его пожалованы въ полковники, тѣ полками владѣли, а онъ его, государя нашего, приказу не ослушался, владѣлъ только швадреною одною, и повторя у государыни тебя милости прошая заступи своею матернею милостию. А мнѣ какъ Господь велитъ увидѣть твои, государыни моей, очи, и я за твою матернюю милость буду бить челомъ.

За сѣмъ ты, государыня моя, здравствуй о Господѣ на вѣки.

128. Отъ кн. Голицыной, Парасковьи Никитичны *).

(167) Государынѣ моей сестрицѣ княгинѣ Прасковѣ Андреевнѣ сестришка твоя князь Михайлова княгиня Андреевича Паранька челомъ бьетъ. Пожалуй, государыня сестрица, прикажи ко мнѣ писать про здоровье государя своего князь Петра Ивановича и про свое здоровье и про дѣтокъ своихъ, какъ тебя, государыню мою, Господь Богъ милостию своею хранить.

А про меня, государыня, изволишь вспоминуть, и я въ печалехъ своихъ и съ дѣтьми ноябрь въ 21 день еще жива, а впредь Богъ волень.

*) Урожд. Кафтырева, дочь дяди кн. Пр. Авдр. Хованской.

Да пожалуй, государыня сестрица, о чемъ я тебѣ била челомъ о покупкѣ. И, буде, государыня сестрица, купила, пожалуй съ ѣздоками пришли. А мнѣ, государыня сестрица, покупка нужна надобна. А буде, государыня сестрица, изволила своихъ денегъ прибавить, и ты, государыня сестрица, изволь пожаловать ко мнѣ отнискать, и я, государыня, платеничица, кому изволите на Москвѣ, и я тому деньги заплачу.

По томъ тебѣ, государынѣ своей сестрицѣ, челомъ бью.

129. Отъ Кровковой, Агаѣи Григорьевны, жены Матвѣя Осиповича.

(165) Государынѣ моей милостивой матушкѣ боярынѣ княгинѣ Парасковѣ Андреевнѣ Матвѣя Осиповича Кровкова женишка Агапка челомъ бьетъ. Здравствуй, государыня моя, на многія лѣта! Пожалуй, прикажи ко мнѣ писать про здоровье государя моего милостиваго боярина князя Петра Ивановича и про свое, и о дѣткахъ, князь Андрея Петровича, княжны Натальи Петровны, какъ васъ, государей моихъ, Господь Богъ милостью своею хранить. А я желаю слышать про ваше многолѣтнее здоровье по всякъ часъ.

А пожалуйшь, государыня, изволишь вѣдать про насъ, и государь мой Матвѣй Осиповичъ милостию Божіею февраля по 28 день, далъ Богъ, здорово, и я долготерпѣніемъ Божіимъ по то-жъ число жива до воли Божіи и съ дѣтьми.

Челомъ бью, государыня моя милостивая мать княгиня Парасковья Андреевна, на твоємъ жалованьѣ, что жалуешь про свое здоровье пишешь, и впредь милости прошу о томъ же. Не убавь милости своей, у меня только и радости, что услышу про твое здоровье. Челомъ бью за милость твою на гостинцахъ на яблокахъ и на вишняхъ, и на коврижечкахъ. Убытки твои Христосъ тебѣ заплатитъ стократно.

Милости у тебя прошу, свѣтъ моя княгиня Парасковья Андреевна, пожалуй не презри моего прошенія, учините по челобитной указъ: билъ челомъ мнѣ человекъ вашъ Иванъ Севергинъ, и я ту челобитную послала въ тебѣ; пожалуй, матушка моя, будь печальница боярину князю Петру Ивановичу и сама пожалуй. А я надѣю-

чись на твою, свѣта моего, милость дерзнула къ тебѣ отписать. А на ихъ слезы и глядѣть не возможно; безъ остатку разорились отъ пожарнаго времени.

По семь тебѣ, государынѣ, много челомъ бью.

130. ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

(146—147) Государынѣ моей милостивой матушкѣ боярынѣ княинѣ Прасковѣ Андреевнѣ Матвѣя Осиповича Кривкова женишка Агапка челомъ бьетъ. Многолѣтно государыня здравствуй на многія впрядь идущія, неисчетныя лѣта!

Пожалуй, государыня милостивая мать княгиня Прасковья Андреевна, прикажи къ намъ писать про многолѣтное здоровье государя нашего боярина князя Петра Ивановича и про свое и о дѣткахъ, государей моихъ, князя Андрея Петровича и княжны Натальи Петровны. А намъ бы, слыша про ваше многолѣтное здоровье, по всякъ часъ радоваться!

Изволишь государыня вѣдать про здоровье государя моего Матвѣя Осиповича, и государь мой Матвѣй Осиповичъ на службѣ великаго государя въ Сѣвскѣ, и указано имъ стоять до указу великаго государя. А ко мнѣ пишетъ про свое здоровье: апрѣля 17 число въ скорбяхъ своихъ еще до воли Божіи живъ.

А дядя твой, государь мой братъ Иванъ Ивановичъ, и съ невѣстужкою, и съ Васильемъ Ивановичемъ*), и съ невѣсткою въ печалехъ своихъ еще живъ до воли Божіи.

А обо мнѣ, государыня, изволишь напаятовать, и я на Москвѣ съ Алексѣемъ и съ невѣсткою апрѣля по 30 депъ въ скорбяхъ своихъ и въ печалихъ еще жива до воли Божіи. А отъ васъ, государыни, къ намъ грамотокъ давно не бывало. У меня было только и радости, что услышу про ваше многолѣтное здоровье.

И отъ брата моего отъ Якова Григорьевича**) письма не бывало отъ генваря мѣсяца, не вразумлюся зачѣмъ.

Послала я къ тебѣ, государыня, шесть подубрусничковъ тафтяныхъ, совсѣмъ отдѣланы, что ты изволила прислать въ великой мя-

*) Чаадаевы.

**) Кафтырева.

собѣдъ. Не прогнѣвись, государыня, что замѣшкались; по се число были не выстеганы: мастерицѣ было не время, была прохладна, изломила ногу за три недѣли до масленицы; и по се число безъ ноги, только ужъ выпѣ за дѣло принялась.

Будеть вамъ подубрусники и подзатыльники надобно, и вы не плоштите, извольте прислать денегъ. Я велю купить тафты всякихъ цвѣтовъ и настегать подубрусничковъ хорошихъ, колько надобно, изволь отписать.

А и не въ издѣвкахъ, княгиня Прасковья Андреевна, хорошо изготовить княжнѣ Натальѣ Петровнѣ. А вѣдаешь, свѣтъ мой, что ея отдѣлка хороша. А какъ изволишь прислать денегъ на тафту и на бумагу, и на отдѣлку, и ты, государыня, изволь отписать: все ли на оба лица стегать одной тафты или съ подкладочками, и колько съ задками, и колько безъ задковъ? Не плошись матушка, будетъ годно, изволь отписать и деньги прислать; и покажѣсть я жива, и она не извелась, и я прикажу построить.

По семь тебѣ, государыня, много челомъ бью.

А будетъ, государыня, съ подкладочками кои изволишь, и ты, государыня, припили спорочковъ цвѣтныхъ, а у меня окромѣ лазоревыхъ да зеленыхъ нѣтъ, сама ты вѣдаешь, матка моя.

131. Отъ нея же.

(152—153) Государыпѣ моей милостивой матушкѣ кнеинѣ Прасковѣ Андреевнѣ Матвѣя Осиповича Кривкова женишка Агапка челомъ бьеть. Многолѣтно, государыня моя, здравствуй на многія лѣта.

Пожалуй, государыни мои милостивая мать, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здорвье и про здорвье государя боярина князя Петра Ивановича, и про дѣтей своихъ, государей моихъ, князя Андрея Петровича и княжны Натальи Петровны, какъ васъ, государей моихъ, Христось милостію Своею сохраняетъ.

А по милости своей, государыня моя, изволишь спросить объ насъ, и я на Москвѣ по февраля 6 день въ печалехъ своихъ жива до воли Божіи. Матвѣй Осиповичъ идетъ на службу марта 1 день подъ Чигиринъ и у руки былъ. Съ печали сокрушаюсь, какъ быть и ума не приложу.

Писала ты, матушка, штобъ тебѣ купить противъ росписи по-купку, а денегъ прислано 4 рубли 2 гривны: на т(ри) рубли купили канители да блестоки бѣлыхъ и красныхъ, а сорокъ алтынъ у меня. Серебра волочного нѣтъ добраго, а какъ добьюсь куплю, и я при-шлю тотчасъ.

Пожалуй, матушка, прикажи ко мнѣ писать про свое здоровье почаще, штобъ мнѣ, слыша про ваше здоровье, по всякъ часъ ра-доваться. Только и радости, кой часъ услышу про ваше здоровье.

Да пожалуй, матушка, пришлите денегъ наша, истинно не свое. А покупку твою послала съ тѣмъ же гонцомъ, съ коимъ при-сланы деньги.

По семъ тебѣ, государынѣ своей, много челомъ бью.

Пожалуй, матушка, прикажи ко мнѣ причеркнуть, жива-ль мама и здорова ль она доѣхала, и няня, вѣрной нашъ тайный посолъ. Всѣмъ имъ отъ меня челобитье и поклонъ низкой. Нянюшка забыла ты меня, не пишешь про свое здоровье, пришли ко мнѣ гостинцу!

132. ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

(160) Государынѣ моей милостивой матушкѣ кненинѣ Парасковѣ Андреевнѣ Матвѣй Осиповича Кровкова женишка Агашка челомъ бьеть. Многолѣтно государыня моя здравствуй на многиа неисчетныя лѣта! Пожалуй, государыня, прикажи къ намъ писать про многолѣт-ное здоровье государя боярина князя Петра Ивановича и про свое и про дѣтокъ своихъ, государей моихъ, князя Андрея Петровича и княжны Натальи Петровны, какъ васъ, государей моихъ, Христокъ милостію своею сохраняетъ. А памъ бы, слыша про ваше много-лѣтное здоровье, по всякъ часъ радоваться.

А про насъ, государыня, изволишь милостію своею вспомянуть, и государь мой Матвѣй Осиповичъ со мною и съ Алешенькою на Москвѣ февраля 24 живы до воли Божіи, а съ печали сокрушаемся. Марта первое число пойдетъ Матвѣй Осиповичъ на службу съ пол-комъ подъ Чигиринъ въ полкъ къ боярину князь Григорью Григорье-вичу Ромодановскому.

Челомъ бью, матушка моя свѣтъ Андреевна, что жалуешь, про свое здоровье ко мнѣ пишешь, и впредь милости прошу о томъ же.

Да послала я къ тебѣ матушка твое серебро волоченное 6 золотниковъ, дано сорокъ алтынъ. Лутче того не добилаь.

Пожалуй, матушка, отпиши ко мнѣ, вся-ль твоя покушка дошла до тебя. А я противъ твоего письма всю иступила, на веѣ твои деньги на четыре рубли на двѣ гривны.

По семь тебѣ, государыпѣ своей, много челомъ бью.

Пожалуй, матушка, не дайте намъ разориться, приплите денжонка наши, а у пасъ дворишка въ нихъ пропадасть.

Вѣдомо тебѣ буди у Анны сестры Ивановны Мароушеньки не стало въ сырное заговѣйна.

Отпиши матушка ко мнѣ, беременна-ль ты?

Пожалуй, князь Андрей Петровичъ, вели мнѣ сдѣлать сундучокъ хорошенькой да скр(ы)ночку.

133. ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

(162) Милостивая моя государыня кнеиня Прасковья Андреевна, многолѣтно здравствуй на многія лѣта!

Пожалуй, государыня, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здорье и про государя моего князя Петра Ивановича и про дѣтокъ своихъ, государей моихъ, князя Андрея Петровича и княжны Натальи Петровны, какъ васъ, государей моихъ, Христось милостию своею сохраняетъ; а мнѣ бы слыша про ваше многолѣтное здорье по всякъ часъ радоваться.

А я, государыня, съ печали одва жива: Матвѣю Осиповичу указано быть на службѣ съ бояриномъ со княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ за Чягинь, и у руки были, а иттить до масленицы, и я съ печали одва жива.

Да писала ты, matka моя, ко мнѣ про серебро волоченное, и я куплю да приплю. Пожалуй, матушка моя, приплите денженка наши, спрашиваютъ ихъ, и ту пятьдесятъ рублевъ, што я тебѣ, свѣту, дала Тимоѣевы деньги Караулова, а онъ ѣдетъ съ Григорьемъ Степановичемъ Карауловымъ въ Кіевъ. . . .

(Конецъ письма въ столбцѣ не найденъ).

134. ОТЬ НЕЯ ЖЕ.

(163—164) Государынѣ моей милостивой боярынѣ кнеинѣ Парасковѣ Андреевнѣ Матвѣева женишка Осиповича Кровкова Агашка челомъ бьетъ. Многолѣтно, государыня моя, здравствуй на многи лѣта и съ государемъ княземъ Петромъ Ивановичемъ! Пожалуй, государыня милостивая мать кнеиня Парасковья Андреевна, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здоровье и про государя князь Петра Ивановича и про дѣтокъ, государя моего князя Андрея Петровича и государыни моей княжны Натальи Петровны, какъ вась, государей моихъ, Христось милуетъ.

А по милости своей, государыня, пожалуешь изволишь спросить про насъ, и я въ своихъ печалехъ одва жива март(а) 22 число

За милость твою, государыни своей, челомъ бью на твоёмъ жалованьѣ на гостинцахъ, и на томъ и наки челомъ бьемъ, што пожаловали прислали деньги братни Якова Григорьевича, привезъ Яковъ Силянъ сынъ Григоровъ.

Помилуй, матушка, приплите и ту сто рублей, истинно ему нужно самому. А память въ деньгахъ я послала къ вамъ съ Яковомъ, а на него памяти не взяла, какъ ее имать, какъ вашему здоровью не вѣрить. Помилуй матушка приплите съ ѣздоками сто рублей.

По семъ тебѣ, государынѣ своей, много челомъ бью.

Челомъ бью тебѣ, княжна Наталья Петровна, фунтъ бѣлилѣ.

Милости прошу, государыня кнеиня Парасковья Андреевна, пожалуй, матушка, прикажи мнѣ сдѣлать сундучка два-три да скрыпу хорошую, да подголовокъ, а што стануть, и ты изволь, государыня, приказать отписать ко мнѣ, и я пришлю деньги.

Да о чемъ я у тебя милости просила, пожалуй, не учини въ забвенье.

А Семена послала съ Яковомъ, а городные какіе есть?

Мамушка Долматовна и нянюшка Ларивоновна и всѣ боярыни, многолѣтствуйте при милости государей своихъ! Челомъ бью на вашихъ гостинцахъ; дайте сроку—хощь бы малая отрада сердцу, буду вамъ платить за ваши гостинцы. Истинно нынѣ съ печали одва жива. Пожалуйте помолитесь, штообъ намъ велѣлъ Богъ видѣться со кнеинною Парасковьею Андреевною. А про все спросите Якова.

135. ОТЬ НЕЯ ЖЕ.

(154) Государынь моей милостивой матушкѣ кненинѣ Парасковѣ Андреевнѣ Матвѣева женишка Осиповича Кровкова Агацка челомъ бѣеть. Многолѣтно государыня моя здравствуй на многія лѣта! Прикажи, государыня моя, отписать про свое многолѣтное здоровье и про дѣточекъ, какъ васъ, государей моихъ, Христось милостію своею сохраняетъ.

А про меня, государыня моя, изволишь спросить, и я съ печали одва жива: Матвѣя Осиповича привезли (со) службы великаго государя изъ подъ Чигирина замертво*), одва живъ лежитъ на смертной постелѣ, што оборотимъ съ боку на бокъ, то и есть, а самъ ничѣмъ не владѣеть, ни руками ни ногами.

Послала я къ тебѣ грамотку, какъ ко мнѣ писали изъ подъ Чигирина. Не прогнѣвись, матка моя, на писмо; съ печали одва дыханье мое есть.

Писано октябри 4 день.

136. ОТЬ НЕЯ ЖЕ.

(151) Государынь моей милостивой кненинѣ Парасковѣ Андреевнѣ Матвѣя Осиповича Кровкова женишка Агацка челомъ бѣеть. Многолѣтно, государыня моя, здравствуй на многія лѣта! Пожалуй, государыня, прикажи къ намъ писать про здоровье государя нашего милостиваго отца боярина князя Петра Ивановича и про свое и о дѣткахъ государей моихъ князя Андрея Петровича и княжны Натальи Петровны, какъ васъ, государей моихъ, Христось милостію своею сохраняетъ. А намъ бы слыша про ваши государей своихъ многолѣтное здоровье, по вслѣкъ часъ радоваться.

А про насъ, государыня моя, изволишь вспомнать, и мы въ своихъ печалехъ одва живы. Матвѣй Осиповичъ (со) службы прѣхалъ одва живъ, привезли замертво, изувѣчелъ и поднесъ не можетъ съ постели вставать, а отъ службы не отставятъ и нынѣ, ожидаемъ сказки съ часу на часъ.

А я, матка моя, съ печали одва жива и отъ слезъ вовсе ослѣпла. Челомъ бью, матушка моя, што жалуешь нишени о своемъ здоровьѣ, и впредь милости прошу о томъ же. Да челомъ бью, государыня, за

*) 2-й Чигиринскій походъ 1678 года.

милость твою, што пожаловала приказала купить золотца, а здѣсь, государыня, кунять по осми рублевъ съ полгиною литру*) и на гребешкахъ, государыня, челомъ бьемъ, а золота и серебра 2 литры, отдать человѣкъ вашъ Ивапъ противъ письма твоего, какъ ты, матушка моя, изволила такъ ко мнѣ писать съ клятвою; я тебѣ, маткѣ своей, во всемъ вѣрю и на твою милость во всемъ надежна. Не прогнѣвись, свѣтъ моя, на письмо, истинно не дасть голова поклониться писать, уже съ печали одва и ума не отбыла, во всемъ надежна на твою мплость, государыни своей.

По семъ тебѣ, государынѣ своей, много челомъ бью.

Помилуй, матушка моя, прикажи сдѣлать сундучковъ и скрынокъ и подголовочковъ, а што стапуть, изволь, государыня, отписать, и мы деньги заплатимъ. Во всемъ надежна на милость твою, государыни своей.

Иголокъ припили, матушка.

137. ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

(145) Многолѣтно государыня моя милосердая мать здравствуй на многія лѣта и съ государемъ моимъ милостивымъ отцомъ со княземъ Петромъ Ивановичемъ! Пожалуй, матушка моя, прикажи къ намъ отписать про государя нашего милостиваго отца боярина князя Петра Ивановича и про свое и про дѣтокъ, какъ васъ, государей моихъ, Христосъ милостию своею сохраняетъ?

А пожалуешь, государыня моя, изволишь спросить объ насъ, и государь мой Матвѣй Осиповичъ на Москвѣ, какъ и прѣхалъ (со) службы, отъ Покрова Пресвятой Богородицы лежитъ боленъ, одва живъ. А я, на него смотря, и съ Алещенькой съ печали сокрушилась. А на службу сказано итти на первой недѣлѣ великаго поста.

Челомъ бью, матка моя, на твоёмъ жаловапѣ на гостинцахъ. Противъ твоей грамотки письма Яковъ Григоровъ посылку привезъ, а жемчугъ и золото до тебя, государыни своей, не трону, все за твоею печатью цѣло.

Въ своихъ печалехъ насилу жива, насилу и свѣтъ вижу отъ слезъ. А и ваша разоренья мнѣ, истинно, великая печаль, а помочь нечѣмъ.

По семъ тебѣ, государынѣ своей, много челомъ бью.

*) Византийская литра равнялась 63 золотникамъ.

138. ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

(143) Государынѣ моей милостивой матушкѣ кнеинѣ Парасковѣ Андреевнѣ Матвѣева женишка Осиповича Кровкова Агашка челомъ бѣеть. Многолѣтно, государыня моя, здравствуй на многія лѣта! Пожалуй, государыня моя, прикажи писать къ намъ про свое многолѣтное здоровье и про дѣтокъ, какъ васъ, государей моихъ, Христось милуетъ. А намъ бы, слыша про ваше многолѣтное здоровье, по всякъ часъ радоваться.

А по милости своей, государыня, поволишь воспомануть объ насъ, и государь мой Матвѣй Осиповичъ на Москвѣ со мною и съ дѣтьми въ печалехъ своихъ и въ скорбяхъ еще живы до воли Божіи.

А што ты, matka моя, писала, штобъ къ тебѣ отписать, што объ васъ какой указъ? Какому, свѣтъ мой, быть указу, быть такъ, какъ совершилось. А што пишете, штобъ васъ взяли къ Москвѣ, и о томъ рожать, возмутъ, да вамъ бы лишь хуже не было; какъ ни есть, тамъ вамъ, свѣтъ моя, еще дутче, или какъ ваша воля.

По семь тебѣ, маткѣ своей, много челомъ бѣю.

А про скорбь свою я сказывала, Дмитрею, человѣку вашему. Нуце мнѣ всего невѣстка моя, Алешенкина жена, по се число нѣтъ въ заводѣ ничего. А Матвѣя Осиповича посылаютъ на службу, не можемъ отбиться. Отъ своей волокиты печаль сердце выѣла, одва живы съ печали. Пожалуй, матушка моя свѣтъ Андреевна, бу(дъ) милостива къ Якову, брату, и къ невѣсткѣ и къ дѣвочкѣ! Призрите ихъ милостью своею, бѣдпыхъ. Не могу ничего отъ печали своей написать. Хошь бы на часъ свидѣлась съ тобою и всею свою печаль повѣдала! И я не чаю съ тобою видѣться въ дальномъ разстоянѣ.

139. ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

(178—179) Государынѣ моей милостивой маткѣ кнеинѣ Парасковѣ Андреевнѣ нищая и безпомошная на свѣтѣ ненадобная и въ конецъ разоренная Матвѣева женишка Осиповича Кровкова Агашка челомъ бѣеть. Многолѣтно, государыня моя и благополучно здрав-

ствуй на множество лѣтъ, пожалуй милостивая моя мать княгиня Парасковья Андреевна прикажи къ намъ писать про свое многолѣтнее здоровье, какъ васъ, государей нашихъ, Христосъ милостію своею сохраняетъ. А намъ бы слышна про ваше, государей своихъ, многолѣтнее здоровье по всякъ часъ радоваться.

А по милости своей, государыня, изволишь объ насъ вспоминуть, и я въ своихъ неутѣшимыхъ бѣдахъ и до конца разоренья еще живы. Матвѣй Осиповичъ на правожѣ отъ солдатскаго челобитья забить до смерти, по се жъ число ровно пять недѣль животъ свой мучить. Били челомъ и написали челобитную всеѣмъ полкомъ, подали за руками, и, противъ ихъ челобитья, имъ выдали голову, а иску ихъ десять тысячъ; по се число іюня по седьмое число заплачено шесть тысячъ двѣсти сорокъ рублей, а не доплачено четыре тысячи слишкомъ. И мы послали человѣка къ Федору зятю своему, били челомъ, штобъ онъ поѣхалъ къ вашей милости, и вы, государыня, извольте его про все подлинно разспросить, какъ што здѣсь было, а онъ въ то число былъ на Москвѣ и съ женою.

А Олексѣй мой пропалъ безвѣстно отъ страху. Милости у васъ, государей своихъ, просимъ, буди милостивая заступница, государю милостивому отцу боярину князю Петру Ивановичу, и сама напомни къ намъ свою милость, дайте намъ вмѣсто смерти животъ, пожалуйте, государи наши, окупите насъ бѣдныхъ, а деревнишки и дворъ московской извольте взять въ закладъ. Не помню, што пишу, съ печали. Помилуй матушка моя, напомни милость свою ко мнѣ, помилуй государыня, буди печальница князь Петру Ивановичу, штобъ онъ, батька нашъ, отписалъ къ батюшку князь Ивану Андреевичу и къ брату князь Андрею Ивановичу объ Матвѣѣ Осиповичѣ, помилуй свѣтъ моя. А дѣло все у нихъ, въ ихъ волю, што они изволятъ, то и творить. Дайте вмѣсто смерти животъ. А Иванъ братъ Ивановичъ у нихъ милости просить объ насъ, и они ни мало на милость не склоняются. Батюшка и князь Андрей Ивановичъ хотятъ васъ взять къ Москвѣ, штобъ быть при милости государьской, и дядя отговариваетъ, штобъ вамъ быть тамъ, для того штобъ отъ ненависти утолиться. А говорить дядя, штобъ вамъ изволили и за очи то сдѣлать, штобъ вамъ государи пожаловали помѣстья и вотчины. И вы о томъ къ нимъ пишете и о дворѣ, тотчасъ могутъ сдѣлать. Не смѣю свѣтъ много

писать, спроси подлинно Федора, какъ што было. Пожалуй матушка моя умилнсь, дайте живымъ быть. А какъ Матвѣи Осиповича на правсжи били, изволь спросить Федора, сами своими руками. Охъ, пѣтъ моей мочи, все ъбъ тебѣ отписала и про все повѣдала, да мочи нѣтъ. Изволь, матушка, побить челомъ батьку нашему боярину князю Петру Ивановичу, не можно-ль ему, государю нашему, отписать ъбъ Матвѣѣ Осиповичѣ къ батюшку и къ брату, и къ дядѣ Ивану Ивановичу, штобъ быть Матвѣю Осиповичу въ полку князь Петра Ивановича на Григорьево мѣсто Косагова.

Пожалуй вытаци и пасъ изъ ада. Помнишь ли, свѣтъ мой, сонъ, какъ буйволы пили изъ моря воду, и свишья ихъ поѣли и землю подрыли; все сбилось, а ты меня за руку вытацила, ты спдѣла на кровати высоко, а я потопула въ грязь. Пожалуй вытаци, дай за себя вѣчно Бога молить.

Но семь тебѣ, государынѣ своей, много челомъ бью.

А на Матвѣи Осиповича посягъ Веденихъ Андреевичъ Зыбевъ: дѣло приказано было ему, и они солдаты ему погрозили ему Вяткою, написали на него челобитную въ двадцати тысячахъ, и онъ, ихъ побоявся, и надъ Матвѣемъ Осиповичемъ такъ учинилъ, выдать имъ его головою.

Изволь, свѣтъ моя, письмо прочетчи, изодрать. Писано іюня 10 число.

Батюшка мой государь князь Андрей Петровичъ, буди милостивой заступникъ батюшку и матушкѣ ъбъ насъ ъбдныхъ. Многолѣтствуй мой батька и съ сестрицею княжною Натальею Петровною. Будьте, батьки мои, ъбъ насъ печальники.

140. Отъ нея же.

(144) Государынѣ моей милостивой боярынѣ княгинѣ Парасковѣ Андреевѣ ъбдная нищая и до конца разоренная Матвѣева женишка Осиповича Кровкова Агашка челомъ бьетъ. Многолѣтно, государыня моя, здравствуй на множество лѣтъ! Пожалуй, государыня моя, прикажи къ намъ убогимъ писать про свое многолѣтное здравье, какъ васъ, государей нашихъ, Христосъ милостію своею сохраняетъ. А намъ бы слышна про ваше многолѣтное здравье по всякъ часть радоваться.

А по милости своей изволишь объ насъ бѣдныхъ вспомануть, и Матвѣй Осиповичъ еще въ приказѣ животь свой мучить іюня по 16 день, и я съ невѣсткой въ неутѣшимой своей бѣдѣ еще живы. Нажитковъ моихъ на вѣку только одинъ сыгъ, и тотъ отъ страху пропалъ безвѣстно, и я и пуще съ умомъ разорилась. И слуху не было; я чаела, што не живъ, а пыгъ есть слухъ, што въ Муромской деревнишкѣ былъ и поѣхалъ къ дядимъ на Олаторь.

Милости просимъ у васъ, государей своихъ, государыня клеиня Парасковья Андреевна, буди милостивая заступница боярину князю Петру Ивановичу, штобъ пожаловалъ скупилъ съ правезу, а въ закладъ извольте взять деревнишки муромскія или подмосковную, или дворъ московской. Помилуй, матушка, дайте вмѣсто смерти животь, а мы вамъ, государемъ своимъ, плательщики. Помилуй, матушка, буди милостивая заступница, дайте свѣтъ видѣть и за свое здорověе вѣчно Богу молить.

По семь тебѣ, государышѣ своей, много челомъ бью. Хонь бы на часть съ тобою увидѣлась!

Не можно ль на Григорьево мѣсто Косагова? Изволилъ бы къ батюшку отписать бояришъ князь Петръ Ивановичъ и къ брату и къ Ивану брату Ивановичу. Пожалуй тѣмъ, матушка мой, изволь побить челомъ князь Петру Ивановичу, штобъ пожаловалъ отписать къ батюшку и къ брату, штобъ были милостивы къ Матвѣю Осиповичу. Помилуй, государыня моя, милостивая мать клеиня Парасковья Андреевна, помпи свою милость ко мнѣ, отпиши ты матушка къ княжнѣ Аксипѣ Ивановѣ, штобъ она батюшку была отъ тебя за насъ помощница; и отъ князь Андрея Петровича прикажи отписать грамотку къ дядюшкѣ князь Андрею Ивановичу объ насъ, штобъ былъ милостивъ въ нашей бѣдѣ.

По се число заплатили слишкомъ семь тысячъ, а еще платить слишкомъ три тысячи; а уже всего отстали, все избыли, совѣмъ все распродали и иззаложили, въ конецъ разорились. А пожитки, матушка моя, тебѣ, свѣту моему, всѣ папи извѣстны. А кто на насъ посягъ, то все будетъ вамъ извѣстно.

Помилуй, выгаци изъ грязи, помнишь сама...!

141. ОТЬ МАТЮШКИНОЙ, ТАТЬЯНЫ ИВАНОВНЫ, ЖЕНЫ
АФНАСИЯ ИВАНОВИЧА *).

(171) Государынь мой кнеинъ Парасковъ Андреевнъ Афанасьева женишка Ивановича Танька челомъ бьетъ. Здравствуй, государыня моя, на многіи лѣта и съ государемъ моимъ съ князь Петромъ Ивановичемъ, и съ княземъ Андреемъ Петровичемъ, и съ княжною Натальею Петровою, и со всѣмъ своимъ праведнымъ домою. Пожалуй, государыня моя, прикажи ко мнѣ писать про свое многолѣтное здоровье и про весь свой праведной домъ, а мнѣ бы слыша про ваше многолѣтное здоровіе о Христвъ радоватися.

А про меня, государыня моя, изволишь вспомянути, и я на Москвѣ іюня по 10 день въ бѣдахъ своихъ и въ печалехъ и съ Мишуткою жива, а впредь уповаю на милость Божию.

По семь тебѣ много челомъ бью.

142. ОТЬ НЕИЗВѢСТНОЙ, НАЗЫВАЮЩЕЙ КН. П. А. ХОВАНСКОЮ СЕСТРИЦЕЙ.

(62 об.) Послала я къ тебѣ, государыня сестрица, жемчугу, двѣ кисти куплено, на одной кисти вѣсу 16 золотниковъ, цѣна по два рубли золотникъ, въ другой кисти вѣсу 15 золотниковъ, цѣна по рублю по двадцати по три алтына по двѣ деньги, а всѣхъ денегъ за тѣ за двѣ кисти по выкладкѣ пятьдесятъ семь рублевъ съ полтиною; да двѣ кисти, государыни, мелкаго жемчугу на золотые твои промѣнено, на одной кисти 17 золотниковъ, по тридцати алтылъ золотникъ, а въ другой кисти вѣсу 16 золотниковъ, по семи гривень золотникъ, а золотые твои пошли по сороку алтынъ золотой, а за всѣ золотые взято денегъ двадцать четыре рубли, а двѣ кисти даны мелкаго жемчугу двадцать шесть рублевъ съ полтиною, и нашихъ денегъ прибавлено къ золотымъ два рубли съ полтиною, и всѣхъ государыни, денегъ нашихъ за жемчугъ вамъ въ уплату шестьдесятъ рублевъ.

*) Вторая жена Ае. Ив. Матюшкина: первая была Евдокія Андреевна, урожденная Кафтырева, родная сестра кн. Пр. Анд. Хованской.

Изволь, государыня сестрица, ко мнѣ отписать, будетъ тебѣ годенъ жемчугъ, и ты ко мнѣ изволь отписать, такого-ль тебѣ жемчугу купить на достальныя деньги, что на насъ ваши, а будетъ тебѣ, государыня, покажется жемчугъ дорогъ, а которой тебѣ не годенъ жемчугъ, и ты изволь ко мнѣ прислать назадъ, а мы пришлемъ деньги ваши. Затѣмъ, государыня, не на всѣ деньги купила, потому какъ тебѣ покажется. Сказываютъ, что при прежнихъ годахъ вельми жемчугъ былъ нынѣшней годъ дорогъ, да и гораздо мало его было.

А запаны, государыня, въ тѣ деньги не нашли купить, въ которыя ты деньги ко мнѣ писала. Были запаны аламазныя на ярмонкѣ, только ты такихъ дорогихъ купить не велѣла: одна запана была по двѣсти рублей, по полтора ста рублей, дешевле жъ того, сестрица, не было что по сту рублей запана. Князь Петръ Ивановичъ, государыня, нарочно приказывалъ за море, на лѣто велѣлъ вывезть запаны, и ты ко мнѣ изволь отписать, будетъ изволишь противъ прежняго письма купить, и будетъ по твоимъ деньгамъ такія вывезутъ, и я, будетъ жива буду, и я конечно тебѣ, сестрица, куплю. Пожалуй, государыня сестрица, прикажи ко мнѣ противъ сей грамотки отписать, не замѣшкавъ.

Письмо написано на оборотъ письма, а частью и на самомъ письмѣ, Дм. Козлова къ кн. П. И. Хованскому.

143. Отъ неизвѣстной.

(180) Многолѣтствуй, свѣтъ моя княгиня Парасковья Андреевна, на многія лѣта съ государемъ моимъ князь Петромъ Ивановичемъ и съ дѣтками! Што ты, свѣтъ, меня забыла, не перешлешься ни про што, мнѣ не дашь вѣдать, былъ ли князь Петръ Ивановичъ у руки, и есть ли ему государская какая милость? Не прогнѣвила ль я васъ, свѣтовъ, въ чемъ, какъ у васъ была. Кажется, была я не добре пьяна, нешто обрадовался, увидя очи свѣта князь Петра Ивановича, што молвила. Пожалуй, свѣтъ мой Андреевна, прикажи ко мнѣ, ужли есть милость Божія, а государское жалованье.

144. ОТЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ИЛИ НЕИЗВѢСТНАГО.

(156) Многолѣтствуй, государыня моя, свѣтъ кнеини Парасковьи Андреевны, на многія лѣта и съ свѣтами моими, а съ твоими дѣтушки.

Челомъ бью, матушка моя, деревенскими гостинцы, пожалуй прикажи припять: туша свинины розята, молостопъ масла коровья, мѣхъ крунъ грешневыхъ, мѣхъ мучки пшенишной, три куры индѣйскихъ, три гуся, три уточки, десять асосовъ(?), десять куронокъ русскихъ, штобъ тебѣ свѣту моему купать на здоровье; да льну кербъ, пожалуй, свѣтъ мой, прикажи припять, да три калачика муромскихъ.

Да прикажи ко мнѣ, — здорово-ль князь Андрей Петровичъ ѣздилъ?

145. ОТЪ САФОНОВОЙ, ЕВФРОСИПЦ, ЖЕНЫ ФЕДОРА ЯКОВЛЕВИЧА *).

(148) Государынѣ милостивой и милосердой ко мнѣ, матушкѣ кнеинѣ Прасковьи Андреевнѣ Федора Яковлевича Сафонова женишка Афроська челомъ бьетъ. Подай Господь Богъ тебѣ государынѣ многолѣтнее здоровье и съ государемъ нашимъ со княземъ Петромъ Ивановичемъ и съ дѣтьми своими, государи нашими, со княземъ Андреемъ Петровичемъ и со княжною Натальею Петровною!

Пожалуеть, государыня милостивая, напаятуешъ о мнѣ, и я государыня въ печалехъ своихъ еще жива.

Прошу у тебя, государыня матушка, милости: умилосердися, государыня, напomini прежнюю свою ко мнѣ милость, побей челомъ боярину князю Петру Ивановичу о батюшкѣ Матвѣѣ Осиповичѣ**), чтобъ пожаловалъ изволилъ отписать къ батюшку своему, государю нашему, ко князю Ивану Андреевичу, чтобъ пожаловалъ милостию своею, подаль помощи въ такой бѣдѣ. А батюшка, государыня, на правезѣ изувѣченъ до смерти и засоженъ въ приказѣ. А матушка, государыня, только жива съ печали.

Да прошу у тебя, государыня матушка, милости: умилосердися напomini свою, государыня, ко мнѣ милость, побей челомъ боярину князю Петру Ивановичу, чтобъ пожаловалъ отписать къ батюшку

*) Фед. Як. Сафоновъ, стольникъ съ 1681 года.

**) Кровковѣ.

своему, государю нашему: указано Федору Яковлевичу быть въ полу-полковникахъ у стрѣльцовъ, умилосердися, государыня, надъ нами, дай мнѣ грѣшной собою свѣтъ видѣть, чтобъ пожаловалъ избавилъ Федора Яковлевича отъ такого чину. А на него, государыня, били челомъ и стрѣльцы, чтобъ ему не быть въ томъ чину, для того батюшку и прежнимъ полковникомъ многимъ свой.

По семь у тебя, государыня матушка, прося милости со слезами, челомъ бью.

146. ОТЬ ЧААДАЕВА, ИВАНА ИВАНОВИЧА.

(197) Пріятелю моему присному и зѣло любезнѣйшему Прасковѣ Андреевнѣ дядя твой Иванъ челомъ бью, желалъ отъ Христа Спасителя нашего мира, здравія и утѣшенія, и всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Пипи, моя свѣтъ, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ, а о матери своей печалеса съ разсужденіемъ, волѣ праведной Божьей не противься. Положи все упованіе на Его праведное смотрѣніе и прибѣгай въ печалехъ къ милостивой Заступницѣ нашей къ пресвятой Богородицѣ и вѣруй,—песум(н)ѣнно, не оставитъ тебя сиру. Милость свою къ матери своей покажи, не забудь, душу ея поминай, не пожалѣй за душу—дать: Богъ во всемъ исполнитъ и не оставитъ тебя.

И ко мнѣ отпиши о всемъ: гдѣ тѣло погребено, и какъ помянуть себя приказала.

По семь буди, свѣтъ моя, хранима Богомъ.

Писано изъ Архангельскаго сентября въ 20 день.

Письмо писано къ Парасковіи Андреевнѣ, очевидно, еще до замужества съ кн. П. И. Хованскимъ, такъ какъ на адресъ стоитъ: Андреевнѣ дочери Васильевича Кафтырева Прасковѣ Андреевнѣ.

147. ОТЬ НЕГО ЖЕ.

(157) Государыннѣ моей княинѣ Прасковѣ Андреевнѣ дядя твой Иванъ Чаадаевъ челомъ бью, желалъ отъ Господа Бога здравія и всѣхъ благъ во многія лѣта. Изволишь, свѣтъ мой, спросить о насъ, и милостію Божіею и заступленіемъ пречистыя Богородицы живы.

А тебѣ свѣту моему, что пожаловала о здоровьѣ государя моего князя Петра Иваповича и о своемъ вѣстнѣ учинила, много челомъ бью.

Писала ты ко мнѣ, Андреевна, дяди своего Якова неприѣтство къ себѣ и разоренье твоему отъ него дому, и чтобъ мнѣ о томъ описать къ Якову Павловичу и къ Ивану Александровичу, и я, свѣтъ мой, о томъ къ нимъ писалъ и просилъ у нихъ, чтобъ они въ помѣстьѣ твоемъ и отъ Яковлева разоренья помочь тебѣ подали, а сверхъ моего письма имъ бей челомъ.

А они прежде сего ко мнѣ писали, что ты ихъ пріѣтство къ себѣ забыла и къ нимъ зѣло сердцемъ неприѣтна; что ты ихъ не послушала о своемъ промыслу и о замужствѣ, въ томъ они на тебя не пеняютъ, а какъ тебя Богъ сочеталъ со княземъ Петромъ Ивановичемъ, и ты къ Ивану Александровичу и къ теткѣ своей къ Аннѣ Ивановнѣ показала неприѣтства и ни во что ихъ ставила: они за тобою гонялись, а ты и въ домъ ихъ никого о своемъ здоровьѣ не присылывала. И я къ тебѣ о томъ писалъ, что тебѣ, Андреевна, люди надобны нынѣ и впредь, а ихъ было тебѣ пріѣтство надобно помнить: послѣ материны смерти они тебя ото всѣхъ напастей уберегли. И ты, свѣтъ мой, въ томъ съ ними прощайся и будь къ нимъ пріѣтна. А Яковъ Павловичъ къ тебѣ былъ пріѣтень, вѣдаешь, что ни для чего иного, только для меня.

И нынѣ я къ нимъ писалъ съ великимъ прошеньемъ, чтобъ они во всемъ князю Петру Ивановичу и тебѣ помогали. А мое сердце, свидѣтель Господь вѣрепъ, о тебѣ болитъ, какъ о своихъ дѣткахъ.

По семъ тебѣ, пріѣтелю моему, челомъ бью.

Съ Колмогоръ декабря 12.

148. Отъ Чаадаевой, Аксины Семеновны, жены
Ивана Ивановича.

(169) Государынѣ моей княинѣ Прасковѣ Андреевнѣ Иванова женишка Ивановича Оксинья челомъ бьетъ. Здравствуй, государыня моя, на многія лѣта и съ государемъ моимъ, съ князь Петромъ Ивановичемъ, и съ князь Андреемъ Петровичемъ, и съ княжною Натальею Петровною! Пожалуй, государыня моя, прикажи къ намъ писать про здоровье государя моего князь Петра Ивановича и про свое, и про князь Андрея Петровича, и про княжну Наталью Петровну, какъ васъ, государей моихъ, Христосъ милостію своею сохраняетъ. А мы, государыня, про ваше многолѣтное здоровье по всякъ часъ желаемъ слышать.

А про насъ, государыня, изволишь спросить, и я генваря по 17 число еще жива съ Васюткою и съ певѣсткою. А про Ивана Ивановича, государыня, памъ по се число вѣдомости прямой нѣтъ, гдѣ. Писалъ къ намъ чре(зъ) почту, что Рожество Христово взялъ въ Могилевѣ. И говорятъ такъ, что бытъ соймѣ въ Гроднѣ, и послы де тутъ будутъ многіе изъ за многихъ государствъ, не одни наши. А прямой вѣдомости отъ нихъ къ намъ нѣтъ.

По семъ тебѣ, государынѣ своей, много челомъ бью.

149. Отъ нея же.

(170) Государынѣ моей княинѣ Прасковѣ Андреевѣ Иванова жонишка Ивановича Оксютка, желая тебѣ, государынѣ моей, съ государемъ моимъ князь Петромъ Ивановичемъ и съ дѣтьми вашими здравія долгоденствія и радостныхъ утѣхъ и всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, челомъ бью.

Изволишь, государыня, спросить о насъ, и государь мой Иванъ Ивановичъ милостію Божіею здравствуетъ, и я по неизреченному Божію долготерпѣнію и съ Васюткою февраля 23 день жива.

Челомъ бью, государыня, на гостинцахъ, а паче что пожаловала о своемъ здоровьѣ вѣстно учинила; прошу милости, чтобъ и впредь ваше, государей моихъ, здоровье слышати.

По семъ паки тебѣ, государынѣ моей, и дѣтямъ вашимъ, государемъ моимъ, князь Андрею Петровичу и княжѣ Наталѣ Петровнѣ, и съ Ваською челомъ бью.

150. Отъ Ѳедоры, ключницы.

(172—173) Государынѣ бояронѣ княинѣ Парасковѣ Андреевѣ раба твоя Ѳедорка челомъ бьетъ.

А что, государыня, льну плавуну намъли двадцать керъбей, и онъ, государыня, изъ худыхъ, не больно худъ, а до добраго не дошелъ, а сковуну, государыня, того еще не мяты, а кажется сковунъ получи и больши его плавуну, а что было сѣмени, и то сѣмя все было посѣяно, а что сыры, государыня, съ бабъ иманы, и они перетолчены; какъ ты, государыня, куды его изволишь? А что, государыня, гуси и куры индѣйскія и утки, какъ ты, государыня, изволишь указать?

III.

ПЕРЕПИСКА КН. АНДРЕЯ ПЕТРОВИЧА ХОВАНСКАГО *).

151. ОТЪ КНЯЗЯ АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ХОВАНСКАГО (1677 г. 29 АВГУСТА).

(195) Свѣту моему племяннику князю Андрею Петровичу. Многолѣтно, свѣтъ мой, здравствуй на многія лѣта и прикажи ко мнѣ писать про здоровье отца своего, государя моего брата князя Петра Ивановича, и про здоровье матери своей, и про сестрино здоровье, какъ васъ милосердый Владыка милостию своею сохраняетъ, а я про ваше здоровіе радъ слышать по всякъ часъ.

А о мнѣ вѣдомо вамъ буди: я на службѣ великаго государя во Псковѣ съ живыми ся обрѣтаю, и тетка твоя и сестра по то-жъ число живы, а впредь якоже благодать Его святая о насъ волишь.

Пожалуй, свѣтъ мой, пиши почаству про здоровье отца своего, есть ли отъ него письмо къ тебѣ, и въ которыхъ мѣстехъ нынѣче онъ пробываетъ, и что у него дѣлается.

По семъ писаніи будь надъ тобою Божія милость! Дядя твой Андрюшка челомъ бьетъ.

Писано во Псковѣ 185 году, августа въ 29 день.

152. ОТЪ КН. АНДРЕЯ ПЕТРОВИЧА ХОВАНСКАГО КЪ КН. АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ ХОВАНСКОМУ.

(196 об.—196) Государю моему дядюшке князь Андрею Ивановичу племянникъ твой Андрюшка Хованской челомъ бьетъ. Падай Господь Бохъ тебе, государю моему, здравствовать нещетныя

*) Съ отцомъ кн. Петромъ Ивановичемъ, см.: огд. I № писемъ: 17—21.

веки, и чтобъ по милости Ево, великаго Бога, о твоємъ здоровье слыша, мне радоватьца.

А пожалуешь, государь дялюшка, изволишь ведать про здоровья государя моего батюшка князь Петра Ивановича, и отъ батюшк(и), государь, ганецъ былъ окътебрю первое число, а оттуда посланъ сентябрю 14 число, к намъ жалуетъ писать, что по то число, даль Богъ, здорово; а матушка, государь, и мы милостию и долъгатеиениемъ Божьимъ окътебрю 25 число в печалехъ своихъ живы. Челомъ, государь, бью, дялюшка, за твою милость, что жалуетъ пишешь к намъ о своемъ здоровье и прашю милости твоей, чтобы и ѡпреть намъ о твоємъ здоровье слышать.

Да пожалуй, государь дялюшка, прикажи проведать про людей нашихъ беглыхъ про Марку и Лавърика, а, чайтъ, оне, государь, будутъ к Невлю на Балаздыне у Сенки Подълускава, а тотъ Сенка Лавърику отецъ. Пажалуй, государь, дялюшка изволь послать па-рошна проведать; да прикажи, государь, и на Невле проведать и к намъ, государь, прикажи о томъ отписать.

И па семь тебе, государю моему, многа челомъ бью.

Пожалуй, государь дялюшка, прикажи ко мне писать про свое многолетная здоровья, какъ тебя, государя моего, Христосъ милостию своею сохранить*).

153. Отъ Хлопова, Кирилла Осиповича.

(185—186) Государь мой князь Андрей Петровичъ многолѣтно и благополучно здравствуй съ матушкою своею, съ государынею моею съ княгинею съ Прасковьею Андреевною, и съ сестрицею, и со всѣмъ своимъ богатнымъ домомъ.

А мы на службѣ великаго государя въ забавахъ посольскихъ и въ трудностяхъ разнѣнныхъ при милости и при ласкѣ отца твоего, государя моего боярина и воеводы князя Петра Ивановича, ноябри по. . . день до воли Праведнаго въ живыхъ, а впредь идущія лѣта самъ Сынъ и Слово Божіе вѣсть.

Челомъ, государь, бью па милости отца твоего, государя моего боярина и воеводы князя Петра Ивановича, что жалуетъ меня па службѣ великаго государя, отечески поить и кормить.

*) *Сперва было написано: „сохранять“.*

Да буди тебѣ, государю моему, вѣдомо: милостию Божію и заступленіемъ пречистые Богородицы и московскихъ чудотворцовъ и счастьемъ великаго государя царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича вса Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, а службою и радѣньемъ, и промысломъ, и стараньемъ крѣпкимъ отца твоего, государя моего боярина и воеводы князя Петра Ивановича, размѣнное наше дѣло ноября въ 2 день вершилось радостно, учинилъ Богъ такъ, какъ годно ему Господеви и великому государю въ годность.

И въ радостной, государь, службѣ отца твоего, государя моего, многолѣтствуй навѣки! А мы, государь, ѣдемъ къ Курску*) радостно. А что ты, государь мой, писалъ къ отцу своему, государю моему, о своей охотѣ и про многія свои ловли полевыя, и про дородство Азѣя, и про рѣзвость Смаги, и въ томъ, государь, на пасъ гнѣву не положи, что о тѣхъ статьяхъ съ крымскими мурзами не поговорили, истинно, за великими за недосугами.

По семь и впредь, государь мой, радостно тѣшьяся, и батюшка своего ожидай радостно.

Кирилко Хлоповъ челомъ бьетъ.

*) Назначеніе кн. П. И. Хованскаго въ Курскъ состоялось 8 дек. 1679 года; въ 1682 году былъ назначенъ въ Крымъ къ размѣнному дѣлу околиціи Кир. Ос. Хлоповъ. (Бѣлгородск. ст. столбцы 996 и 1063).

IV.

ПЕРЕПИСКА РОДСТВЕННИКОВЪ КН. П. И. ХОВАНСКАГО И РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

154. Къ кн. Семену Андреевичу Хованскому отъ НЕИЗВѢСТНАГО *).

(229) Пожалуй, государь дядюшка князь Семень Андреевичъ, помянутый, какъ дѣло мое завтра въ верхъ внесутъ: первое дѣло, чтобы мнѣ отдѣлить усадища къ усадищу 55 чети да семь дворовъ крестьянъ, какова первая помѣта блаженныя памяти царя Алексеѣя Михайловича съ окладу отца жены моей во 170-мъ году помѣта. А будетъ то дѣло вершится, другое, государь, дѣло о поступныхъ четвертяхъ, которыя четверти Михайло Кафтыревъ поступился и въ челобитной написалъ, а нынѣча онъ же Михайло бьетъ челомъ.

А другая ему, Михайлу, улика то, что онъ, Михайло, вмѣсто вотчины помѣстье продалъ. И то дѣло въ очной ставкѣ дяди его Якова написано.

А третье дѣло: кто служивой поступится помѣстье, и такимъ людямъ давать отцовскихъ помѣстей не указано.

Четверто дѣло: онъ же, Михайло, съ братьями своими поступился, онъ же и сговорилъ сестру свою за меня, онъ же то помѣстье и въ рядной не написалъ, онъ же Михайло о томъ помѣстьѣ и бьетъ челомъ. А Яковъ Кафтыревъ и съ дѣтьми своими далъ на себя и на дѣтей своихъ запись, что о томъ помѣстьѣ—не челобит-

*) Вѣроятно, отъ кн. П. И. Хованскаго, у котораго былъ земельный споръ съ родственниками жены Кафтыревыми.

чики, а будетъ онъ станеть бить челомъ о томъ помѣстьѣ, и на немъ и на дѣтехъ его взять заряду пятьсотъ рублей. А Михайло Кафтыревъ въ очной ставкѣ тѣмъ его уличалъ тою записью дядю своего и дѣтей его. А помѣта великаго государя, что Яковлевымъ дѣтямъ не даватъ для того, что ему Якову изъ того помѣстья дана дача, а дѣтямъ его за то не дано, что они владѣли тою дачею безъ его великаго государя указа и то помѣстье разорили. А нынѣча, государь, черезъ всѣ тѣ помѣстья имъ дана изъ того помѣстья другая дача.

155. Къ кн. Михаилу Андреевичу Голицыну отъ
НЕИЗВѢСТНАГО *).

(230) Пожалуй, государь дядюшка бояринъ князь Михайло Андреевичъ, пожалуй помятуй, какъ дѣло мое завтра въ верхъ спесуть; первое дѣло о томъ, чтобы мнѣ отдѣлить пятьдесятъ пять четверть усадищу къ усадищу да семь дворовъ крестьянъ, какова первая была помѣта блаженные памяти царя Алексѣя Михайловича съ окладу отца жены моей помѣта во 170-мъ году.

А будетъ де то дѣло кончится, другое, государь, дѣло пожалуй помятуй о поступныхъ четвертяхъ, которыя... и т. д. (*дословное повтореніе предыдущаго письма*).

На оборотъ письма написано: Марта въ 18 день столыники и стряпчіе: князь Осдоръ Борятинской, князь Андрей Масальской, князь Иванъ Львовъ, Алексѣй Карабынъ, Петръ Колычевъ, Борисъ Карсаковъ, Иванъ Бутурлинъ, Алексѣй Давыдовъ, Ларіонъ Тюхменевъ, Григорей Якушкинъ.

156. Къ Андрею Васильевичу Кафтыреву отъ брата
Пикиты Васильевича Кафтырева.

(192—194) Государю моему брату Андрею Васильевичу Микитка Кафтыревъ челомъ бѣеть. Буди, государь братецъ, здоровъ и съ государынею моею съ невѣсткою съ Анною Ивановною и съ дочерью своею съ Парасковьею Андреевною на многія лѣта! Пожалуй, государь братецъ, вели ко мнѣ писать про свое здоровье и про

*) Вѣроятно, отъ кн. П. И. Хованскаго, см. предыдущее письмо.

невѣсткино и про здоровье дочери своей, а я жадець про ваше здоровье слышать по вся дни.

А про меня, государь братецъ, пожалуешь изволишь вѣдать, и я на государевѣ службѣ на Устюгѣ-Великомѣ въ кручинѣ своей и съ дѣтинками съ Парашкою и съ Янюшкою генваря въ 12 день въ живыхъ.

Писаль, государь, къ тобѣ прежь сего, что судомъ Божиимъ жены моей Агабы не стало декабря въ 11 число, а сынъ мой и ея, Яковъ, остался тридцати недѣль, и мнѣ, государь, смотря на него, всегда слезы; съ кручины и памяти рушился и вѣку своего не чаю долгаго; и безъ меня кому дѣтей моихъ призреть? Надежа, государь братецъ, на тебя, свѣта своего, да на невѣстку Лину Ивановну, только Богъ продлитъ живота вашего. А Яковъ братъ, самъ безъ жены, пишетъ ко мнѣ, чтобъ Ѳетинью выдать, а самъ де бы ото всего прочь: сталъ болеть и старость. А Матвѣй братъ и невѣстка стары-жь, а дѣти ихъ не надежа, и всея племянники едва будетъ надежа. И дѣтямъ моимъ сиротѣть, развѣ надежа наша Владыко Христочъ кого дастъ приизрателя! И меня, государи, та кручина и сокрушила, а домишко стало все въ разореньѣ, самому и ни до чего дѣла пѣтъ. Воистинно, братецъ, въ забытъи хожу.

Писаль ты, государь братецъ, ко мнѣ про вино,—и взято вина у подрядчиковъ сто семьдесятъ съ ведромъ, а денегъ имъ не плачено, потому а сказали: почему де намъ самимъ стапеть, потому де и возьмемъ. А депьги мои имъ даны съ Рожества Христова рублевъ по пятнадцати и по двадцати, и мнѣ, государь, и собѣ взять у нихъ же на годъ ста съ два и больше, и почему у меня возьмутъ, потому и тобѣ цѣна. А государева подрядная цѣна по четыре гривни, и они съ большимъ накладомъ: хлѣбъ съ осени былъ по девяти и по десяти алтынъ, а нынѣ отъ часу дороже, и въ пятнадцать алтынъ, удомаю ли ихъ по пятнадцати алтынъ за ведро. А у головы у кабацкаго взято вина сто тридцать безъ ведра, и деньги плачены по полтинѣ, а говорено, будетъ де нынѣ уговорюсь по полтинѣ, по полтинѣ и готово взято за ведро, а будетъ уговоримся больше полтины, и ты намъ додай. А нынѣ сидятъ уговорщики на Колмогоры и къ Соли Вычегоцкой; къ Колмогорамъ по двадцати безъ десяти денегъ, а къ Соли по пятнадцати. Имъ всемъ накладъ, сказываютъ.

И послано, государь, къ тобѣ вина съ Мипкою съ Чернымъ восемь бочекъ вина, а въ нихъ триста ведеръ вина, да у Чернаго—девятая лошадь филипповская, а что у него клади, того не вѣдаю. А Черной, великой б... .ъ сынъ, сидитъ у меня на чеши, за то съ моими ворами ходить по ночамъ пить и къ женкамъ; и на нихъ пришли челобитчики въ полночь, что де ворота выломали и въ избѣ горшки и суды выломали и побили. И я посылалъ, ихъ и переимали; и у меня имъ всѣмъ указъ будетъ: передъ приказомъ, чаю, кнутъ въ спину.

Да съ Чернымъ же, государь, послано къ тобѣ ренского четыре ведра, за ведро безъ гривны по тридцати, да за двѣ бочки по гривнѣ, за войлоки пять алтынъ двѣ деньги, литра золота—шесть рублевъ, водки погребецъ—три рубли, да за семеры сани и за ужища и за рогозины; и тому всему въ росписи написано. Да челомъ, государь, бью, братецъ, водки боченьку въ ведро доброе, да пятьдесятъ лимоновъ, да невѣстущкѣ круживцо золотное, купила было Агабя собѣ, и я ей челомъ бью, ее пожалуетъ поминаетъ, а въ немъ девять аршинъ.

Да Паранька челомъ бьетъ съ братомъ съ Янюшкою—сестрѣ голову сахару кушать на здорье.

А кружевъ, государь, не добудемъ; есть одно серебряное, ино дорого, торгуемъ, за неволю будетъ, возьмемъ, ино въ росписи будетъ написано.

А серебра литры, невѣстущка, не добудемъ; и жена моя круживо покинула не додѣлано за серебромъ, а золото за неволю жъ взяти, что цѣна и большая есть и потолсто, и то не того нѣтъ.

Да велѣлъ ты прислать ведерко серебряное, послано-жъ.

А гора(з)ны, братецъ, тюменскіе серебряники дѣлать и черню наводить; видѣлъ я чарку у Силы Грудцына съ черню: дорога хороша сдѣлана, тюменскихъ дѣло! Пожалуй вели и мнѣ сдѣлать, да толь мочно, пожалуйста, братецъ, вели пугвицы опашневья сдѣлать Парасковѣ моей чеканья или сканья, или съ черню, на золотое дѣло, чтобъ не велики были.

А человекъ твой Сенька съ нетосъ*) поѣхалъ къ Москвѣ съ Сергѣемъ да съ Велизаремъ, а оставилъ у меня жеребца, а денегъ

*) Не ясно.

за иноходца взялъ у Ѳедора Елизарова семь рублевъ, да невѣсткихъ семь же рублевъ у меня оставилъ, да по грамоткѣ твоей деньги сто девяносто три рубли, да одинадцать тарелей привезли. И денегъ твоихъ у меня не много осталось, за вино платить не будетъ за все. А Чермному я дамъ на дорогу на наемъ пятьдесятъ рублевъ, а наняли подводы до Кай-городка полъ-полтретья рубля, а отъ Кай-городка, чаю де, до Соли возьмутъ по рублю или меньше; а за волокъ Верхотурскій живеть и дорого и дешево въ три рубли и меньше, а иногда и дороже; а съ Верхотурья по полтинѣ или по двадцати алтынѣ; а съ Епанчина и тобѣ будетъ вѣдомо.

А сѣрой твой конь у меня-жъ, прислалъ Ѳедоръ Елизаровъ, а Сенька его не взялъ, хотятъ на боку лежать; поѣхалъ на подводѣ съ Елизаремъ, а Елизарей денегъ не платилъ: нѣтъ де нынѣ у него, а поѣдетъ де назадъ, и онъ хотѣлъ заплатить.

А что ты, братецъ, писалъ ко мнѣ про лошади, послалъ ко мнѣ въ Русиново три кони и писалъ, ко мнѣ привелъ Мишка одного каръ конь, а двѣ де покинулъ на дорогѣ.

А рыбы прежь сего прислалъ съ осени съ тарскимъ два осетра да пудъ икры, и до меня дошло. И что нынѣ съ Сенькою прислалъ, и я на томъ твоемъ жалованѣ челомъ бью. Да вы же пожаловали намъ съ покойною женою моею прислали двѣ камки китайскія, и я на вашемъ жалованѣ челомъ бью, станеть носить дочь моя; а только, государь братецъ, вмѣстимо тобѣ, пожалуй купи камокъ рублевъ на тридцать Парасковѣ моей въ приданы, на дары или на что пригодится, или и на пятьдесятъ рублевъ, цвѣтныхъ. А сказывали Сергѣй и Елизарей, и Ѳедоръ Веригинъ, что де мочно купить. Да пожалуй купи дочери-жъ моей на одѣяло въ приданыя соболей, чтобъ кузнецкіе или томскіе, хошь и не росли, только бы почернѣе сороки, рублевъ по пятнадцати или по двадцати, а я вамъ плательщикъ, да и пупковъ на шубу, хошь бы и соболей на шубу, или шубу готовую. Я умру, вамъ же пожаловать промыслятъ, а я за то за все плате(ль)щикъ.

А написано въ памяти твоей, послано ко мнѣ сто лисиць, и ко мнѣ не бывали, а сказали, что де ты не посылавалъ. А за горпостай за три сорока челомъ бью,—плате(ль)щикъ.

Да Сенька жъ сказалъ, взялъ за мерина твоего у Ѳедора Елизарова два рубли, и онъ де издержалъ ѣдучи полтора рубли, а до

Москвы у него осталась полтина, а Федоръ де Елизаровъ сказалъ, что мерина продалъ, взялъ два рубля.

Да Федоръ же ко мнѣ пишетъ послѣ ихъ, что де князь Алексѣй Буйносовъ*) ѣхалъ и тебя лаетъ позорно и укорными словами и грозитъ де на тебя всякимъ дурномъ; только еще къ намъ не бывалъ.

А Михайло Измайловъ у меня былъ и съ женою обѣдали, и мы ему, братецъ, били челомъ, и тою(?) и невѣсткимъ жалованьемъ къ женѣ своей хвалится. А князь Семенъ Хованской хвалитъ-жс-ся твоею добротою и у меня былъ. А Федоръ Веригинъ и съ женою былъ же, а велитъ тебѣ писать и бить челомъ, чтобъ ты ему былъ помочникъ, и допрашивалъ всѣхъ порознь; а жена его просала наметки для родинъ, и я ей даромъ поступился, а жена его сына моего подарила соболекъ въ двѣ гривны, а онъ—соболекъ же въ полтину или и меньше.

Да что я прежь сего писалъ тебѣ подьячаго верхотурскаго про Васильева сына Богданова про Алферья, что онъ у меня взялъ пятьдесятъ рублей въ займы, и послалъ къ тебѣ съ кабалы списокъ, а нынѣ я подлинную кабалу послалъ съ человекомъ твоимъ съ Мшикою съ Чернымъ къ Ивану Богдановичу Камынину**) и писалъ къ нему, чтобъ онъ деньги взялъ на Алферья или на отца его и отослалъ къ тебѣ. А будетъ, братецъ, денегъ Иванъ по кабалѣ не возьметъ, и ты у него, пожалуй, кабалу возьми и промысли, чтобъ взять на Алферья деньги. А хотѣлъ Алферей на тѣ деньги купить мягкіе рухляди, и я ему говорилъ, чтобъ онъ деньги тебѣ отдалъ или мягкую рухлядь, а онъ нынѣ, сказываютъ, на приказѣ въ Ирбитской слободѣ. Пожалуй, не покинь, чтобъ деньги не пропали.

Да послалъ я къ тебѣ своихъ черенковъ на ножики, а купить не добылъ про тебя, и я въ то мѣсто своими челомъ бью, а сколько ихъ будетъ, и написано въ росписи.

Да челомъ бью, братецъ, рыбку семгу въсомъ . . гривенокъ.

*) Стольникъ князь Алексѣй Ивановичъ Буйносовъ-Ростовскій былъ воеводой въ Тобольскѣ съ 1656 по 1659 годъ. (Системат. переч. воеводъ въ сибирск. город. и главнѣйш. острог. К. Б. Газенвинкель. Тобольскъ. 1892 г.).

**) Стольникъ Ив. Богд. Камынинъ былъ воеводой въ Верхотурѣ въ 1659—1663 гг. (Ibid).

А я вамъ, государемъ своимъ, тобѣ и невѣстукѣ Аннѣ Ивановнѣ, и Паранюшѣ и съ дѣтишками своими много челомъ бью. Здравствуйте свѣты мои о Господѣ во вѣки и къ намъ о своемъ здоровьѣ велите писать по-часту.

Да отпустилъ я, братецъ, къ тобѣ человека своего Терешку Пименова для того для всякія мѣры; и Чермной твой просилъ товарища: одинъ отойдетъ, а безъ него посмотреть некому, а два, и то не съ нужею, а се и для смерти одному худо. У меня людьми нынѣ и нужно; съ тѣломъ жены своей отпустилъ, а дву человекѣ до Николина дни къ Москвѣ отпустилъ, и по ся мѣста не бывали, и со мною не много осталось,—и ты, государь, отпусти ко мнѣ малаго Терешку вскорѣ.

Да пожалуй вели мнѣ купить корсаковъ хопъ въ Тобольскѣ, будетъ на Тюмени *) не добудешь, да нужно мнѣ безъ иноходца, пожалуй купи и пришли нынѣ, чтобъ не трясокъ.

На оборотъ рядомъ съ адресомъ написано: Въ сей грамотѣ про деньги и про тарели писано.

157. КЪ НЕМУ ЖЕ ОТЪ ТОГО ЖЕ.

(191) Государю моему брату Андрею Васильевичу Микитка Кафтыревъ челомъ бьетъ. Буди, государь братецъ, здоровъ и съ государынею моею невѣстункою Анною Ивановною и съ Парасковьею Андреевною на многія лѣта! Пожалуй, государь братецъ, вели ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ и о невѣстункинѣ Анны Ивановны и Парасковьи Андреевны, а я жадею слышать про ваше здоровье по вся дни.

А про меня, государь братецъ, пожалуешь изволишь вѣдать, и я въ кручинѣ своей и съ дѣтьми съ Парасковьею и съ Япюшкою гевваря въ 23 день въ живыхъ.

Отпустилъ, государь, я къ тебѣ человека твоего Мишку Чермного да своего человека Терешку для, государь, всякія нужи человека своего, или болѣзнь или и смерть, и приказать будетъ некому; отпущено съ пими восемь бочекъ вина, а въ нихъ триста ведръ и

*) Письмо относится ко времени воеводства Андрея Васильевича Кафтырева на Тюмени, т. е. къ 1659—1661 гг. (Ibid).

иная покупка и посылка съ ними жъ. Да съ Чернымъ же съ Филиппова возъ на твоей лошади филипповской, сказалъ, съ холстами, я того не смотрилъ,—а въ сей посылкѣ съ нимъ Михайломъ роснись послана. И какъ къ тобѣ люди прѣдутъ, и будетъ вина мало, и ты ко мнѣ челоуѣка пришли наскоро, и я стану еще промышлять, только вино дороже будетъ, потому хлѣбъ дорожаетъ на Устюгѣ. А хлѣбъ дорогъ и на Москвѣ и въ нашихъ мѣсте(хъ); похоропя жену мою, люди прѣхали, сказываютъ, въ Любимѣ и въ Даниловскомъ не дешевъ, и Яковъ братъ пишетъ ко мнѣ, что у него хлѣбъ не родится, а у меня за нѣтъ и году не прожить людямъ.

Да пожалуй, государь братецъ, о своемъ здоровьѣ ко мнѣ пишете, у меня только большая надежда дѣтямъ моимъ на матку мою на невѣстунку Анну Ивановну, да на сестру кнѣзю Алену Васильевну. Только и кнѣзья не сама большая: князь Ѳедоръ Петровичъ и князи молодые, дѣти ихъ, какъ захотятъ, ино ей matka и не вольна. А Яковъ братъ самъ безъ жены, а будетъ и женится, ино еще какова будетъ. А Матвѣй братъ и невѣства сами устарѣли, а дѣти ихъ своимъ нравомъ. А Демптеева братня жена Агаѣя Прохорова не нашихъ, по свояку причитается, отъ насъ отколѣлася.

Да писалъ ко мнѣ изъ Кай-городка Ѳедоръ Наумовичъ: ѣхалъ де мимо князь Алексѣй Буйносовъ и тебя лаетъ и позоритъ всякими позорными лаями и грозитъ, будто на Москвѣ тобѣ дурно какое учинить хочетъ. И какъ ѣхалъ мимо Устюга, и я людямъ его говорилъ и инымъ стороннимъ людямъ, что онъ тебя лаетъ, а за очи и про него люди говорятъ не добро-жъ, и ему сказали, а я для того и говорилъ, чтобъ ему сказали. И какъ онъ на Устюгъ прѣхалъ и я къ нему послалъ корму и за здоровьемъ племянника Дементья Ратькова. И онъ Дементью и говорилъ, ко мнѣ приказывалъ, что я на него пеняю про тебя. И на третьей день самъ я у него былъ, и онъ мнѣ говорилъ, и я ему сказалъ: не хитро за очи лаять, и про всякого за очи говорятъ не добро. И онъ мнѣ божился и клялся, что не лаивалъ. А сказывалъ мнѣ Петръ Кондыревъ: таки де и на Тюмени отъ него дурныя слова были, ты де приплелъ со здоровьемъ, а онъ де и при мнѣ говаривалъ: чертъ де напеси на меня отъ та-

кого со здоровьемъ; или де про пиво твое смѣется: пришлетъ де дрисливаго пива, и я де не радъ. И Петръ Кондыревъ говорилъ: за что де Андрей за нимъ и гонялся, дуракъ де непостоянной, что де говорить, того и не вѣдаетъ.

И тотъ князь Алексѣй меня звалъ обѣдать, и я къ нему не поѣхалъ и къ себѣ его не звалъ: знаю я его весела такова и на службѣ съ государемъ былъ.

А Михайло Измайловъ и Петръ Кондыревъ были у меня и съ жепами. А Петръ пеняетъ на тебя про московское письмо: ничего де не сдѣлалъ, только неприятство показалъ; будто де ты и самъ въ томъ съ нимъ прощался.

Да пожалуй, братецъ, будетъ у тебя есть или мочно купить, приплы мнѣ на Устюгъ виноходца, лѣтомъ куды случится выѣхать.

А я тобѣ, государю своему, и государынѣ своей невѣстункѣ, много челомъ бью и съ дѣтьми своими.

На оборотѣ адресъ: Пожаловать отдать грамотка на Тюмени государю моему брату Андрею Васильевичу Кафтыреву.

158. КЪ НЕМУ ЖЕ ОТЪ ТОГО ЖЕ.

(190) Государю моему брату Андрею Васильевичу Микитка Кафтыревъ челомъ бьетъ. Буди, государь братецъ, здоровъ и съ супругою своею, съ государынею моею невѣсткою съ Анною Ивановною и съ дочерью своею съ Парасковьею Андреевною на многія лѣта! Пожалуй, государь братецъ, вели ко мнѣ писать про свое многолѣтное здорвье и про здорвье супруги своей Анны Ивановны и дочери своей Парасковьи Андреевны, а я жаденъ слышать про ваше здорвье по вся дни.

А про меня, государь, пожалуешь изволишь вѣдать, и я на государевѣ службѣ на Устюгѣ-Великомъ съ дѣтьми своими февраля въ 9 день живъ, а въ кручинѣ своей уповаю на милость Божию. Жаль мнѣ робятокъ дѣтишекъ своихъ! Либо мнѣ смерть случится, пожалуйста не покипьте, братецъ Андрей Васильевичъ и государыня невѣстунка Анна Ивановна.

А люди, государь, твои Мартынъ да Гаврилко поѣхали съ Устюга, а съ ними запасу восемь возовъ: государевыхъ шесть подводъ

да твоихъ двѣ лошади: а только, государь, взяли у меня купленныхъ суконъ сермяжныхъ бѣлыхъ сто аршинъ, а куплены по ярманкамъ, дано восемь рублей, и деньги мнѣ люди твои за тѣ сукна дали.

А я тебѣ, государь братецъ, много челомъ бью, а писать было не мало, да стали не тѣ дни.

А мѣдь на Устюгъ дорога.

159. Къ нему же отъ того же.

(188—189) Государю моему брату Андрею Васильевичу Микитка Кафтыревъ челомъ бьетъ. Буди, государь братецъ, здоровъ съ государынею моею невѣстучкою съ Анною Ивановною и съ Паранюшкою Андреевною на многія лѣта! Пожалуй, государь, вели ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ и государыню мою невѣстучку Аппу Ивановну и Парасковью Андреевну, а я жадею слышать про ваше здоровье по вся дни.

А про меня, государь, пожалуешь изволишь вѣдать, и я на Устюгъ въ кручипѣ своей и въ сѣтовапѣ и съ дочерью своею февраль въ .. день съ живыми вмѣстѣ.

А отпустилъ, государь, къ тебѣ людей твоихъ прежь сего Мипку Чермнаго съ товарищемъ, а съ ними отпущено вина двѣ бочки большихъ беременныхъ, а нынѣ, государь, отпущено съ Гавриломъ да съ Дмитреемъ Козловымъ шестъ бочекъ: пять большихъ беременныхъ, а шестая бочка поменьше. А всего вина съ Мипкою Чермнымъ и нынѣ съ Гаврилкомъ съ товарищи отпущено вина триста ведръ, а бочки всѣ полны и вино доброе выборное, а осмая бочка поменьше потому, что бочки дополняли всѣ. Иmano впо объ Ильинѣ дни, и вина устоялись въ бочкахъ по ведру и больши, въ инья и полтора ведра пошло; и что вина осталось у дополки, и такову бочку и прибрали и въ нее и положили вполно, и та осмая бочка и меньше. Да поль-осма ведра было взято въ липиѣ за тремя стами, и я то оставилъ у себя, потому что ты писалъ велѣлъ прислать триста ведръ вина, а у меня, государь, виномъ скудно, и я лишное, что было за тремя стами, у себя и оставилъ. Да съ людьми же, государь, съ твоими съ Гаврилкомъ и съ Дмитресемъ послалъ я къ тебѣ денегъ пятьсотъ рублей по твоему письму, что ты писалъ ко

мнѣ, чтобъ денегъ мнѣ своихъ къ тобѣ прислать пятьсотъ рублей и къ Аѳанасью Ивановичу отписать, чтобъ не посылалъ къ тобѣ денегъ. И тѣ, государь, деньги триста рублей занявъ государевыхъ денегъ у подьячаго у Ивана Дмитрева, съ нимъ послана казна къ Москвѣ, и я у него взялъ, а писалъ къ Аѳанасью Ивановичу, чтобъ тѣ триста рублей заплатилъ подьячему устюжскому, а двѣсти рублей моихъ денегъ. И я къ Аѳанасью такъ и писалъ и двусотъ рублей имать у него некому. Тѣ двѣсти рублей возьму у тебя самъ или у него возьму самъ же. И тѣ, государь, двѣсти рублей на тобѣ, пожалуй заплати мнѣ ты или Аѳанасій Ивановичъ, какъ увидимся, Богъ судить, сами. И тѣ, государь, деньги люди твои, пятьсотъ рублей, и крестьянинъ твой Кузьма Яковлевъ принимали на счетъ съ рукъ на руки, всѣ пятьсотъ рублей.

Да съ пими же, государь, съ людьми твоими отпустилъ чело-вѣка своего Аписимка Григорьева, а съ нимъ послалъ двадцать юфтей кожъ красныхъ, половинку лятчины красныя, а мѣрою семнадцать аршинъ съ полуаршиномъ, а половинка, государь, почата, аршинъ отодралъ, да съ нимъ же лиска чернобура, да десять топоровъ, двадцать ножей чукрѣвѣвъ, пятьдесятъ огнивъ, да сто шесть гребневъ роговыхъ, да что у тебя прежняго есть выдеръ и кожъ, пожалуй, государь братецъ, вели, государь, на лошади вымѣнять и отпустить весною (съ) своими лошадьми. Лошадьми, государь, гораздо у меня нужно и мало: безъ меня русскія и нагайскія въ деревняхъ перевели.

А что ты, братецъ, прислалъ сѣръ конь нынѣшняго лѣта, сказывали и парочить былъ, и онъ палъ о чесова тѣла (?), и излѣчить не могли.

Пожалуй нарочитыхъ вели вымѣнять и иноходцовъ, чтобъ самому было на что сѣсть; появлюся къ Москвѣ, не положить, съ приказу де пріѣхалъ, такихъ изыскивають. И у меня присылки отъ тебя съ людьми твоими въ два годы двое лошадей, да конь я жеребцомъ взялъ прошлыя зимы у Семѣпа челоуѣка твоего. А перваго году посланы были отъ тебя и тѣ-жь дву лошадей не довели. Только и лошадей у меня, что ты, братецъ, прислалъ съ Аписимкомъ нынѣ десять лошадей и конь набрушенъ (?).

Да пожалуй, братецъ, купи дочерѣ моей такихъ же соболей недорогихъ, тѣхъ съ одѣяло не станеть; и горпостаевъ на шубу, а камокъ, пожалуй же, вели кунить нарочитыхъ цѣтнихъ.

А человекъ твой, Василій Максимовъ, конь продалъ, взялъ пятнадцать рублевъ и деньги оставилъ у меня и кожи лосинны. А первыя кожи, что купчины привезли, и мнѣ они сказали, что за нихъ давали за кожу по сороку алтынъ. И всехъ кожъ лосинны(хъ) пятнадцать, и всею велю продавать нѣмцамъ, и что за нихъ дадутъ, и я отпишу.

А что тридцать рублевъ присланы съ Гавриломъ и съ Митькою, и имъ же дано съ Устюга на дорогу шесть рублевъ, какъ съ лошадьми ѣхали, да шестеро сани куплены подъ вино и рогозины, и ужища, и оглобли два рубли, а за бочки плачено по рублю за бочку, да людямъ дано моего вина на дорогу полведра для проѣзду, да въ бочку положено дополнить въ меньшую полведра-жъ, и я тѣмъ челомъ бью.

А денегъ, государь, за конь человекъ твой Василей взялъ, и оставилъ у меня, написано по ярлыку пятнадцать рублевъ съ полтиною, а денегъ людемъ твоимъ дано для проѣзду и для всякя нужи двадцать четыре рубли; и тѣ тридцать рублевъ, что Гаврило и Дмитрей привезли, отъ меня все отошли, а издержка изъ тѣхъ денегъ, что Василей оставилъ за конь, пятнадцать рублевъ съ полтиною.

А что, государь, ты про вино писалъ, которое взята бочка на Москвѣ, какъ ты поѣхалъ въ Сибирь, и отослана къ Бог(да)ну Силину, а тобѣ не въ память, и отдавалъ то вино Демептей Ратьковъ изъ погреба изъ каменнаго, а прималъ де человекъ твой Мартынъ, а другого мало помнитъ, кабы де Захаръ, и ты, государь сыщи и ими.

А что бочка взята, какъ ты въ Кузьмодемьянской поѣхалъ и безъ тебя не имывана, потому бочки не было, а при тебѣ не имывали же. А какъ жена моя была жива, и она говорила про то вино, что не имывано.

Да челомъ бью, братецъ, семгу, и вамъ бы кушать на здоровье. Да Паранька сестрѣ послала коробку сахару.

А мы, государь, вамъ и съ дочерью много челомъ бьемъ, здравствуйте о Христвѣ!

На оборотъ рядомъ съ адресомъ приписано:

Микитины грамотки, а писано, что за конь Василей покинулъ, и изъ нихъ издержка куды.

160. КЪ НЕМУ ЖЕ ОТЪ ТОГО ЖЕ.

(187) Государю моему брату Андрею Васильевичу Микитка Кафтыревъ челомъ бѣеть. Буди, государь братецъ, здоровъ и съ государынею моею невѣстункой съ Анною Иввановною и съ Паранюшкою Андреевною на многія лѣта!

Пожалуй, государь братецъ, вели ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ и о невѣстункиѣ Анны Иввановны, и Парасковьи Андреевны, а я жадець слышать про ваше здоровье по вся дни.

А про меня, братецъ, пожалуень изволишь вѣдать, и моему окалнству праведный Владыко Христосъ еще терпитъ, и съ дѣтишками съ Парасковьею и съ Янпюшкою на Устюгъ февраля по 29 въ кручиѣ своей, и дѣти мои въ сиротствѣ съ живыми вмѣстѣ.

Да надѣйся, государь братецъ, на твое жалованье, далъ Сергѣю Григорьевичу Ушакову семь ведеръ, да лисицу черну, чтобъ пожаловалъ на меня купилъ лошадей парочитыхъ и иноходцовъ, а въ прибавку, государь, будетъ у тоби остался лепчины красныя прошлаго году и королелковъ маленькихъ, чтобъ лисицъ на нихъ вымѣнить, а кожъ красныхъ и я приплю, будетъ съ кѣмъ лучится. На лошади жъ пожалуй, государь братецъ, прикажи ему купить и вышли, съ кѣмъ доведется, лѣтомъ или зимою или, будетъ велишь, и я и своего человекъ для того приплю. И ты ко мнѣ пожалуй отпиши, велишь ли прислать и о кою пору прислать? А чтобы, братецъ, лошади нарочитыя, худыхъ нечего и покупать.

Да писалъ я, государь, къ тобѣ прежь сего, далъ я въ займы верхотурскаго подьячаго Василья Богданова сыпу его Алферью по Аванасьевѣ грамоткѣ и по Матвѣевѣ братнѣ и по Артемья Комынина*) пятьдесятъ рублевъ, писали ко мнѣ, велѣли его Алферья поить и кормить и сужать; а Матвѣй пишетъ, пригодится де онъ для проѣзду и твоихъ людей, и онъ б...ъ сынъ, великой замотай, подломилъ вѣдучи телѣгу у гостя у Остафья Шефилаева и вынулъ кражею пятьсотъ рублевъ. И за нимъ на Устюгъ пригнали, и я на него и поглядѣть не далъ, а давали мнѣ отъ того двадцать рублевъ, чтобъ его и людей его разспрошать порознь и не отпущать съ Устюга, и

*) Артемій Богдановичъ Камынинъ, стольникъ.

я его и отпустилъ что правого человѣка надѣли, и у Соли его у Вычуготскія взяли къ разспросу, и люди и онъ сплелися и въ деньги и повипилися, и далъ на себя людямъ того гостя Остафья кабалы въ тысячѣ рублехъ, а воеводѣ отдалъ, что у него покуплено было камки и жемчугъ, а мои деньги заплатить было ему тобѣ, а купить на то мягкія рухляди. И кабалу, государь, я на того Олферья послалъ съ человѣкомъ съ твоимъ съ Мипкою Чернымъ и писалъ къ Ивану Богдановичу Комы(нину), чтобъ деньги мои на немъ или на отцѣ его взялъ, и я того не вѣдаю, что учинилъ Иванъ Богдановичъ и взялъ ли человѣка твоего кабалу, а онъ де Алферей нынѣ на приказѣ въ Ирбитской слободѣ. Пожалуй, братецъ, промысли, чтобъ деньги мои пятьдесятъ рублевъ не пропали, а къ Ортемью Комынину я писалъ, что онъ о такомъ замотаѣ пишетъ, и онъ пишетъ ко мнѣ, есть ли на него Олферья кабала и къ брату бы его отписалъ, и я и писалъ, не вѣдаю, что сдѣлаетъ. А слышимъ, Иванъ Комынинъ не добръ поводливъ: не много на сто рублевъ ступаетъ, а воеводы и всякія люди добръ исхваляются.

А что въ росписи твоей написано, послано съ человѣкомъ твоимъ ко мнѣ сто лисиць, и онъ Семенъ не приваживалъ, а сказалъ, что съ нимъ не посылавано. А человѣка, государь, моего будетъ тобѣ онъ не надобенъ, отпусти ко мнѣ, да купи, государь, братецъ дочерѣ моей на дары камокъ цвѣтныхъ всякихъ цвѣтовъ да и камышковъ на вставки, а въ Tobольскѣ камепья много мочпо купить.

А я тобѣ, государю своему, и государынѣ своей невѣстухѣ и Парасковѣ Андреевнѣ и съ дѣтьми своими много челомъ бью.

На оборотъ письма рядомъ съ адресомъ приписано:

Да что, государь, въ росписи твоей написано, взять на сыгѣ болрскомъ Елизарѣ Гавриловѣ за конь десять рублевъ, и къ Москвѣ ѣдучи сказалъ, какъ поѣдетъ назадъ, заплатить и, пріѣхавъ назадъ на Устюгъ, не заплатилъ, сказалъ мнѣ, что де безъ него заплатили на Тюменѣ.

Парасковѣ Андреевнѣ Янька да Парасковья челомъ бьютъ коробку сахару.

161. КЪ ПЕМУ ЖЕ ОТЪ ЗЯТЯ ЛѦНАСІЯ ИВАНОВИЧА
МАТЮШКИНА.

(198—199) Государю моему батюшку Андрею Васильевичу Аоонька Матюшкинъ челомъ бьетъ. Буди, государь мой, здорово и съ государынею моею матушкою съ Аппною Иваловною и съ Парасковьею Андреевною на многія лѣта и покровснны десницею вышпяго Бога! Пожалуй, государь мой батюшко, прикажи къ намъ писать про свое многолѣтнее здоровье и про государыню мою матушку Аппну Ивановну и про Парасковью Андреевну, какъ васъ, государей моихъ, Богъ милуетъ; а намъ бы, государь, слыша про ваше многолѣтнее здоровье, радоваться.

А пожалуешь, государь мой, изволишь спросить про мспя, и я на Москвѣ при милости великаго государя, генваря по 4 день съ Овдотьею и съ Татьяною, и (съ) сыношкою, далъ Богъ, здорово.

Да челомъ, государь, бью на вашемъ жалованьѣ на гостинцахъ. А что, государь, пожаловали прислали лошадей съ Мартыномъ 8 кобыль да жеребецъ, и покинулъ ихъ Мартынъ въ Нижнемъ, и въ Нижнемъ 4 кобылы пали, а которыя лошади твои кони пригналъ на Филиппово, далъ Богъ, здорово. А котораго коня послали къ князю Юрью Ивановичу, и тотъ конь палъ, и посланъ въ то мѣсто конь гнѣдъ.

Пожалуй, государь, не оставьте своего жалованья, пишите про свое здоровье.

А что, государь, велѣлъ ты Мартыну покупку искупить, и то все искуплено, а что твоихъ денегъ изошло дворовыхъ, и тому будетъ роспись подъ сею грамоткою.

Да отпиши, государь, ко мнѣ, гдѣ тебѣ дворъ принекивать, купить на которой улицѣ и сколь дорогъ.

Куплено перво 67 выдеръ, дано за нихъ дворовыхъ денегъ 100 рублевъ да къ тѣмъ же ко сту-жъ рублямъ за тѣ-жъ выдры 4 рубли безъ пяти алтынъ изъ Мартыновыхъ расходныхъ прибавлено. Да вдругорядъ куплено 33 выдры, дано за нихъ дворовыхъ же денегъ 46 рублевъ 6 алтынъ 4 деньги. И всѣхъ дворовыхъ за выдры шло 146 рублевъ 6 алтынъ 4 деньги, окромѣ Мартыновыхъ.

Ни оборотъ рядомъ съ адресомъ приписано:

ЛѦанасьева грамоточка Ивановича та, что писано въ ней, что издержано дворовыхъ денегъ за выдры.

162. КЪ ПЕМУ ЖЕ ОТЪ ЕМЕЛЬЯНА ПЕТРОВА.

(200—201) Государю Андрею Васильевичу холопъ твой Омелька Петровъ челомъ бьетъ.

А съ Москвы, государь, я, холопъ твой, приволокъ на Филипповъ въ чистой поведѣльникъ; прожилъ на Москвѣ для дѣла, вѣдаетъ то Михайло, для чего жилъ. Да отпустили, государь, мы, холопи твои, Михай(ла) Максимова съ Костромы на другой педѣлѣ великаго по-сту со вторника на игренемъ на большомъ конѣ, да съ нимъ же послали Паненка Фомина сына. Да велѣно, государь, мнѣ, холопу твоему, по твоему приказу и по росписи выбирать на должникахъ деньги, и я, холопъ твой, выбралъ по се число на енадьевскихъ и на любимцахъ свершныхъ рублевъ съ пятнадцать, а иные, коимъ нельзя вѣрить, и тѣ, государь, въ Любимѣ стоятъ на правожѣ, могу-ль что выбрать, хотѣли поплатиться. А на костромичахъ, государь, только взято на одномъ съ Кобякова свершныхъ полтора рубли; а Охлопкова и Семена Всячишинова да и Ооонася Андропова на Костромѣ нѣтъ, уѣхали, государь, къ Москвѣ. А по Суверинои кабалѣ, государь, я холопъ твой приставливалъ, и воевода Василій Михайловичъ отказалъ и суда на нихъ не далъ, что будетъ ему перемѣна вскорѣ, ноугородецъ Нащокинъ, а знатковъ на него нѣтъ, кто оны именемъ.

Да велѣно, государь, на Филипповѣ продавать большіе лошади и мерины, и еще не продано ничего, потому что дешево, мало спрашиваютъ. А кои, государь, со мною, холопомъ, принли лошади изъ Кузьмодемьянска, и я, холопъ твой, на Москвѣ ихъ повспродалъ: за гнѣдого меринка взялъ полшеста рубли, за солового 4 рубли, за каряго Микита Васильевичъ мерина полтретья рубли, а Матвѣй Васильевичъ, пришедъ на дворъ самъ, взялъ двѣ лошади, пѣгаго коня, да сѣраго мерина, заплатилъ только пять рублевъ да на Васюковѣ, государь, велѣлъ взять пять рублевъ же, а достальныя деньги, государь, хотѣлъ за тѣ де лошади доплатить самъ. Да братья же, государь, твои взяли по твоему приказу по коню, oprичъ того Матвѣй Васильевичъ единъ прика(за)лъ взять рыжаго молодого коня, а Яковъ Васильевичъ взялъ пѣгаго коня молодого жъ. И мы, государь, иное и для того послали на той лоша(ди) Михайла къ тебѣ, чтобъ и ес не взяли братья, а купца на нее не будетъ: дешева.

Да у старость я холопъ твой принялъ сборныхъ денегъ въ великой постъ, въ сборное воскресенье великаго посту 32 рубли 23 алтына, да лѣсныхъ денегъ, государь, у Вахрамѣя да у Миши принято всѣхъ денегъ по росписи 7 рублевъ 20 алтынъ семь копеекъ, да мельничныхъ денегъ, государь, взято у Парашки на сборное воскресенье тринадцать рублевъ. И тѣ, государь, всѣ деньги сборныя положены въ одипъ мѣхъ въ Богоявленскомъ монастырѣ у казначей въ тотъ же подголовокъ.

Да у него жъ старосты не выбрапо, государь, противъ росписи, какова ему дана, сборныхъ денегъ съ Шешкова съ Семеновыхъ полтины за борова, да съ Олексѣя Крюковского кортормныхъ пяти алтынъ.

Да велѣпо, государь, по твоему жъ приказу на своихъ крестьянехъ собрать за (да)точ(на)го деньги и я, холопъ твой, повѣщаль крестьяномъ, чтобъ онѣ за даточпаго платили деньги, противъ твоего указу, и опѣ, государь, разбрелись въ міръ, многіе по городомъ, и къ Москвѣ иные пошли; а кои и дома, и тѣ, государь, тожъ просятъ сроку: платить де намъ топерьво нечѣмъ, изнесла де скудость большая.

А хлѣбъ у насъ, государь, сталъ подниматься, рожь покупать въ шесть алтынъ, а овесъ, государь, въ четыре алтына, а ячмень доброй противъ ржи алтынъ въ шесть, а пшеницу покупать любинской же четверикъ съ двумя въ десять.

А во мѣ жъ, холопу твоему, писано: велѣно послать пароншо въ Судисловскую деревню провѣдать про новыхъ людей, кои тебѣ били челомъ во дворъ: и я холопъ твой пароншо посылалъ для того, пріѣхавъ съ Москвы, Олешку Меледу. И судисловскіе крестьяне съ нимъ Олешкою въ Семеповское ѣздили и провѣдывали, и въ той волости въ селѣ Семеповскомъ про нихъ сказали,—дядья тѣхъ людей и тетка у нихъ въ той же волости есть же,—сказали про нихъ подлинно, что таковыя люди были у насъ во крестьянствѣ, только де ихъ вывезъ Олексѣй Никитичъ въ подмосковную деревню, а послѣ де того и во дворѣ у него были, тому де есть лѣтъ съ пятнадцать, какъ отъ насъ свезены, съ тѣхъ де мѣсть у насъ онѣ и не бывали въ волости; а послѣ Олексѣя Годунова*) во дворѣхъ

*) Алексѣй Никитичъ Годуновъ, стольникъ, † въ 1644 году 18 августа.

были ли онѣ, или нѣтъ, и гдѣ онѣ по се число жили, и того онѣ не вѣдаютъ. И какъ онѣ тѣ, государь, люди тебѣ сказывались, въ тое пору онѣ въ той волости не объявлялись, не бывали.

Да съ Михайломъ же Максимовымъ послано къ тебѣ государь, тридцать(ть) подошевъ, взяты у Ивана Игониина, а три кожи яловичьи у него жъ были, и онъ сказываетъ, что ихъ продалъ, а взялъ два рубли съ полтиною.

Да семгу, государь, съ Михайломъ послалъ тринадцать гривенокъ, а дана, государь, восемь алтыпъ двѣ деньги, а больше того, государь, купить не посмѣлъ, и то дорога.

А къ Москвѣ я, холопъ твой, поволокусь подлинно по твоему приказу съ другого сбору, хотя-бъ что малое выдрать на любимцахъ и на спадьевскихъ. А запасу, государь, (съ) собою хочу взять для датонныхъ людей крупъ и сухарей и вечины, а инос для того что ты, государь, говаривалъ, что быть челоуѣку на Москвѣ. А про датонныхъ людей еще, государь, указу нѣтъ. А боярину и воеводѣ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому*) сказано, государь, съ товарищи въ Новгородъ, а князь Яковлеву полку Кудепетовича грамоты пришли, велѣно запасы ставить на Бѣлой. А говорятъ, государь, что съ отставленныхъ и съ воеводъ быть служилымъ людямъ на коняхъ.

На оборотъ рядомъ съ адресомъ написано: Да съ Михайломъ, государь, послалъ къ тебѣ Овопасей Ивановичъ стопу серебряную позолочена, да ему жъ на дорогу дано двѣ гривны, да Дмитрію прежь сего, какъ къ тебѣ поѣхалъ съ Москвы, на дорогу и за пасмъ рубль.

163. Къ нему же отъ того же.

(208—209) Государю Андрею Васильевичу холопъ твой Омелька Петровъ челомъ бьетъ.

На дворѣ у тебя, государь, на Московскомъ марта въ 28 день здорово. А меня холопа твоего на Москвѣ позадержали, не велѣ(ли) ѣздить Микита Васильевичъ да Авопасей Ивановичъ для скорби Овдоты Андреевны, что была больна; сказываютъ, что огневая была. Только, государь, есть милость Божія стало полегче, и въ городъ

*) Алексѣй Никитичъ кн. Трубецкой, бояринъ съ 1645 года.

Оеонасей Ивановичъ сталъ ѣздить; а милость, государь, къ Овдотьѣ Андреевнѣ Аеонасыя Иваповича большая: самъ, не отходя, былъ дома безпрестанно у ней, а ночь, государь, и для того волочился безпрестанно.

Въ Казанской Дворецъ сталъ было промыслять подьячей Родионъ Ивановъ, что и къ вамъ хаживалъ, въ Кузьмодемьянскѣ съ приписью. И я, холопъ твой, Микитѣ Васильевичу сказывалъ, что добивается. И онъ ему говорилъ, что быть тутъ тебѣ не у чего, да и не поплютъ де, мы де то промыслимъ, промыслиай де себѣ куда, и куды; и онъ хотѣлъ бить челомъ въ Чебоксары. И Оеонасыю Иваповичу я холопъ твой про то сказывалъ же, и мнѣ холопу сказала Оеонасей Ивановичъ: вѣдаю де язь, что не отпустить.

Да подали, государь, Суздальскаго архіепискупа челобитную отъ крестьянъ села Покровскаго, что де ты не противъ государева указу на нихъ накинулъ, велѣлъ пасти запасы въ Астрахань вдвое. И на челобитной ихъ подписано, велѣно дать грамота противъ прежняго имъ тотъ хлѣбъ пасти.

А въ Чебоксары, государь, воевода отпущенъ новой, Кологривовъ. Били челомъ черемиса во многихъ обидахъ, и про то, государь, посланъ съ Москвы сыщикъ Яковъ Безобразовъ, а ему велѣно быть до сыску въ Кузьмодемьянскѣ.

Да есть, государь, нынѣ государевъ указъ, велѣно подлинно послать на переводъ въ Астрахань на житье двѣсти человекъ стрѣльцовъ, тридцать два человекъ посадскихъ людей да два воротника; а про подьячихъ, государь, еще подлиннаго указу нѣтъ, сколько будетъ человекъ.

А что ты, государь, послалъ письмо съ казанцами дѣтми болгарскими, что съ государевою рыбою ѣхали, запечатано въ столбцѣ, письмо все дошло и челобитная Тихона Семенова. И я, холопъ твой, Оеонасыю Иваповичу о томъ противъ твоего, государь, письма и Микитѣ Васильевичу билъ челомъ, и онѣ, государь, хотѣли промыслять.

А грамоту, государь, что со мною, холопомъ, послана къ боярину князь Олексѣю Никитичу Трубенцкому, подлинно отдалъ Оеонасей Иваповичъ. И Григорью Кунакову, государь, я холопъ твой по твоему приказу грамотки и посылку отнесъ, все именно противъ росписи, и я, холопъ твой, про то къ тебѣ государь писалъ.

Да мнѣ-жь, холопу, велѣно заплатитъ съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ дворовъ солдатской запасъ деньгами, и про то, государь, еще указу пѣтъ, не принимаютъ, выбираютъ, государь, старые недоборы, кто не платилъ въ Смоленскѣ прошлаго году. И Микитѣ и Якову Васильевичамъ о томъ билъ челомъ, и онѣ мнѣ, холопу, сказали, что де подлинно еще указу про то пѣтъ, и Ивану Ивановичу о томъ билъ же челомъ: и будетъ де указъ будетъ, и стануть принимать, и мы де стапемъ платитъ и безъ тебя по твоей сказкѣ. И я, холопъ твой, у Семена оставлю письмо, съ чего доведется платитъ (съ) сколькохъ воротъ.

Да Ѳедору Тимоооеву сына Кафтырева я, холопъ твой, по твоему приказу, деньги двадцать рублевъ отдалъ и отписъ у него въ тѣхъ деньгахъ взялъ, и прежнюю память ему выдать, будетъ объявится.

А покупки, государь, я, холопъ твой, послать не посмѣлъ, что путь послѣдней; пошлю, государь, всю съ Ооонасьемъ Спиридоновымъ или съ Ѳедоромъ Денисовымъ.

А на дворѣ, государь, твоемъ, противъ росписи посуды, чановъ и бочекъ многого нѣтъ, все разволочено, не вѣдомо на комъ и спросить. И въ горницѣ нѣтъ малаго заслонца, въ комнатѣ большого заслона, да въ комнатѣ нѣтъ изъ меньшаго окошка оконцы, а изъ красныхъ окошекъ нѣтъ ни одного въ ставнѣ. И я, холопъ твой, безпрестанно Ларивону Григорьевичу билъ челомъ и о томъ говорилъ, чтобъ онъ пожаловалъ сыскалъ, что онъ имался во всемъ, и онъ говорить, государь, что все де осталось тутъ, какъ де пріѣхалъ Иванъ Павловичъ на дворъ, и ихъ де съ двора сбили неволею. А образы, государь, сыскалъ на дворѣ у Волынской, противъ росписи счетомъ все сойдутся; только, государь, инья не тѣ: нѣтъ Благовѣщенья да Николина противъ росписи. А я, холопъ твой, поволокусь, только промышлю лошадь, по твоему приказу на Филиппово со вторника на страпной недѣлѣ.

А грамотки, государь, Ооонасей Ивановичъ сказалъ: послать, не успѣлъ, что де дѣлу недосугъ. А грамотки, государь, писаны отъ братьи и отъ Ивана Ивановича задолго до сего числа; подлинно, государь, полегче Овдотѣ Андреевнѣ.

А всехъ грамотокъ послано шестнадцать.

164. Къ Аннѣ Ивановнѣ Кафтыревой отъ брата Ивана Пв.
Чаадаева.

(205) Государынь моей сестрѣ Аннѣ Ивановнѣ братъ твой Иванко челомъ быю, желая отъ Господа Бога всеѣхъ блачь во многія лѣта.

Изволишь, государыня, о мнѣ спросить и долготерпѣніемъ Божиимъ генваря въ 20 день живѣ.

Пишешь сестрица свое разоренье отъ деверевъ своихъ отъ Никиты и отъ Якова Кафтыревыхъ, что и запасу къ тебѣ отъ ихъ насилья привести некому, и они не допустятъ, и чтобъ мнѣ къ женѣ отписать, чтобъ тебѣ дать запасу и вища, и я о томъ къ женѣ писалъ. А у тебя прошу милости, изволь домогъ моимъ владѣть, какъ своимъ, безъ счету со мною; и жену свою вручаю подъ твою власть, что тебѣ годно, изволь имать, ко мнѣ о томъ впрѣдъ не пиши. Да и о разореньѣ своемъ не пиши ко мнѣ: вѣдаешь сама, что мнѣ помочь тебѣ нельзя, а сердцу моему сокрушенья и безъ той печали много, а слыша твою скорбь и гоненья отъ своихъ приспыхъ, и паче къ моимъ бѣдамъ болѣзни мнѣ множится. А мочпо-ль было Леанасью Ивановичу не дать тебѣ разориться?

Милости у тебя прошу, просите милости о мнѣ у великаго государя, чтобъ указать великій государь перемѣнить.

По семь тебѣ, государынь моей милостивой матерѣ, и Парасковѣ Андреевнѣ челомъ быю.

165. Къ ней же отъ того же.

(206) Государынь моей сестрѣ и милостивой матерѣ Аннѣ Ивановнѣ братъ твой Иванко челомъ быю, желая отъ Христа Спасителя мира, здравія и всеѣхъ блачь во многія лѣта.

Изволишь, государыня моя, спросить о насъ, и долготерпѣніемъ Божиимъ и твоею молитвою іюля по 25 день живѣ съ женою и сыпюткою.

Посланъ отъ меня голецъ пятидесятникъ Абрамъ Лисицынъ съ пужными отписки въ разные приказы, съ нимъ же и сыекъ о князь Осипѣ.

А я сего-жь числа поѣхать съ Колмогоръ къ Архангельскому, и на письмо не покручнись, писать ни о чемъ неколи. А отъ го-

рода отъ меня тотчасъ гонецъ будетъ, и о всемъ къ тебѣ буду писать о твоихъ дѣлахъ и о Прасковьюшкѣ и къ Михайлу Квашнину.

А съ князь Осипомъ изгоди сдѣлываться, не по твоему праву все. Да послалъ я грамотку ко князю Юрью Алексѣевичу и ты вели, государыня, отдать ее Якову Павловичу.

По семь тебѣ, государыни моей милостивой матерѣ много челомъ бью.

166. КЪ НЕЙ ЖЕ ОТЪ ТОГО ЖЕ.

(202—204) Государыни моей сестрѣ и милостивой матерѣ Аннѣ Ивановнѣ братъ твой Иванко Чаадаевъ челомъ бью, желая отъ Господа Бога здравія тѣлеснаго и душевнаго спасенія и всѣхъ благъ во многія лѣта.

Изволишь, государыня, о мнѣ спросить и долготерпѣніемъ Божиимъ и твоею молитвою августа по 24 день въ Архангельскомъ городѣ съ женою и сынютокою живѣ. За милость твою, что жалуюсь о своемъ здоровьѣ и о всемъ ко мнѣ пишешь, много челомъ бью. Пропшу милости твоей пожалуй, государыня сестрица, не держи меня о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти, чтобъ ваше здоровье слышати; а мы тому и обрадуемся, какъ о твоёмъ здоровьѣ услышимъ. А Аксинья у меня, сестрица государыня, мало здорова: больна стала животою.

А что ты ко мнѣ писала о женихахъ, кои за Прасковью Андреевну говорятъ, и въ томъ какъ твой изволь будетъ, сама провѣдывай. А паче проси у Содѣтеля своего милости, чтобъ тебѣ въ томъ подалъ милость свою и далъ пріятели добраго. А за князь Осипова сына какъ изволь твой будетъ, а найти тутъ нечего, немного въ князь Осипѣ пріятства сыскать кромѣ вражды, а и съ другую сторону не весело-жь, да и сына чають, все что въ него-жь будетъ; и за такимъ будучи, не утѣшиться. А князь Ѳедорова сына Щербатого я ни дому ихъ и Волконскаго не знаю. И какъ тебя Господь въ томъ наставитъ! А къ Михайлу я Квашнину о твоёмъ дѣлѣ писалъ и къ Ѳедору Михайловичу, и къ Григорью Степановичу о тебѣ писалъ же, и къ Якову Павловичу, и къ Дементью Миничу, и къ Самаринымъ, и къ Самойлу Николеву, къ Ѳедорову крестнику Михайловича.

Да писала ты ко мнѣ, что отъ тебѣ побѣжали робята, Мартинъ сынь да Гавриловъ, а чаешъ ихъ къ Соловкамъ, что у Гаврилова сына Минки есть дядя въ монастырѣ въ Соловецкомъ, да и Безсонова сына чаешъ тамъ же. И я объ нихъ заказалъ, и стерегли люди мои и пынѣ стерегутъ; да не угадать, государыня сестрица, много проѣзду, да и мимо мочно обойти. И ты ко мнѣ отпиши, будетъ вѣдомо тебѣ, какъ дядо Минкина зовутъ? И будетъ они и утаись пройдутъ, и потому мнѣ мочно ихъ провѣдать въ Соловецкомъ монастырѣ, есть кѣмъ, будетъ они у нихъ объявятся, и вѣдать мочно, только-объ ими знать дяди.

Да скажи, сестрица, Алексѣевѣ женѣ Мусина: человекъ ея, колмогорецъ родомъ, что окончинъ гораздъ дѣлать и фонарей, и ларчиковъ, объявился нынѣ въ Колмогорахъ и ко мнѣ приходитъ, а сказываетъ, что она его отпустила на Соловки.

А Мартинъ Марковъ пріѣхалъ и деньги твои и грамотки довезъ цѣлы, а въ деньгахъ не дочтено съ трехъ алтыпъ. Покупкою, государыня, твоею промышлять велю, а купить здѣсь мало дешевле московскаго, да и то не мнѣ, а отъ мѣся во всемъ скрываются.

А ожерелье твое пришло, а у жены моей пынѣшней годъ ожерелья не будетъ, купить не па что, развѣ а впредь будетъ, какъ съ домою расплатимся. Воистинну, государыня сестрица, все худо передъ старымъ, а Ивановы нажитки Богдановича и примѣнить нечего, никому того не было иному, что ему для Ильи Даниловича.

Да писали ко мнѣ Иванъ Песковъ и человекъ мой Оедька, что Романъ Боборыкинъ пынѣ бьетъ челомъ па меня въ человекѣ въ Костыкѣ о судѣ и поругчиковъ таскасть, и судъ де ему указати дать, а Оедоръ Михайловичъ взялъ о томъ челобитенку, а указу еще не учинено, а съ чѣмъ итти въ судъ, того никто не вѣдаетъ. И я о томъ писалъ къ Якову Павловичу и къ Василью Никитичу Папину*) и къ Ивану Пескову, будетъ не дадутъ сроку до Ивана Александровича, а миновать нельзя,—и я писалъ, чтобъ Василей Никитичъ шелъ съ нимъ въ судъ или человекъ своему велѣлъ, а съ чѣмъ итти въ судъ, и я къ нему писалъ, чтобъ о томъ письмо у тебѣ взялъ, а къ тебѣ я о томъ съ сею грамоткою послалъ письмо,

*) † въ 1674 или 1675 году въ Сѣвскѣ.

почему мнѣ онъ крѣпокъ и почему Роману до него дѣла нѣтъ, и списокъ съ вотчинной закладной, что Романъ мнѣ далъ. И ты, государыня, побей челомъ о томъ Якову Павловичу и Василью Никитичу и Ивану Ивановичу Пескову, чтобъ Ѳедору Михайловичу подокучили, чтобъ заступилъ въ томъ, чтобъ сроку до Ивана Александровича дали, и Оедкѣ вели бить челомъ. А будетъ по самой неволѣ миновать нельзя, и противъ того письма пожаловалъ бы въ судъ съ нимъ шель Василей Никитичъ.

Да пожалуй, государыня, не покинь домишка и Ѳедору Рубанному не давай воли, и, что къ нему отъ меня писано, вели передъ собою всегда грамотки мои чести и потомъ имъ отдавай.

А что указанъ твой искъ править на Яковѣ Кафтыревѣ, и о томъ печалиться нечего, хотя и волокитно будетъ, что вскорѣ не доправятъ, а и ему стоять годъ и два мѣсяца въ томъ иску, а затѣмъ бить челомъ, чтобъ дворъ оцѣнили, и въ вотчинахъ укажутъ править на людехъ и на крестьянехъ, и хлѣбъ велятъ и скоть цѣпить. А Яковъ Павловичъ пишеть ко мнѣ, что давалъ тебѣ Яковъ пятьсотъ рублевъ, и ты не взяла, а хочешь помѣстья. А знатно большою онъ межъ вами былъ мировникъ, и хочется ему, чтобъ ты во всемъ его слушала.

Да будетъ тебѣ, сестрица, станеть говорить о депьгахъ Иванъ Песковъ или Василей Ботвиньевъ на мою покупку на книги, пожалуй, государыня, дай имъ денегъ, будетъ мои есть, а будетъ нѣтъ, и ты своихъ дай. А сколько дашь и какихъ, моихъ ли или своихъ и о томъ ко мнѣ отпиши. А, чаю, имъ падобе двѣнадцать рублевъ или пятнадцать.

Да писалъ ко мнѣ Аѳанасей Ивановичъ о покупкахъ и я къ нему противъ того писалъ же, и ты вычти его грамотку и съ нимъ, какъ знаешь по его нраву оговорись. А у меня, государыня сестрица, воистинну и себѣ купить съ пужею: все велятъ покупать, а денегъ не присылають, а отдача крѣпка вездѣ. А мнѣ, свидѣтель Господь Богъ, не до покупокъ, надобно долгъ съ шеи сбить.

Да пишешь ко мнѣ, что Суботипы дѣти, прїѣзжая ставятся на дворѣ, съ тобою не спрашивалась, и ты имъ, сестрица, выговори, а ставиться имъ вели; а въ повалушу пускать не вели и, гдѣ есть моя рухлядь, вели держать за своею, государыня, печатью.

А грамотки я, которыя нынѣ писалъ къ кому, и тѣ грамотки посланы все съ сею твоею грамоткою, и росписца имъ всемъ подъ сею грамоткою, и ты, государыня, ихъ разошли все.

По семь тебѣ, государыни моей милостивой матерѣ, челомъ бую и свѣту моему Паранюкѣ отъ меня великое челобитье.

Роспись грамоткамъ къ кому посланы: Аппѣ Ивановѣ Большой, къ Аппѣ Ивановѣ Меньшой, къ Ивану Александровичу, къ Осдору Михайловичу и къ крестнику его къ Самойлу Николеву, къ Богдану Матвѣевичу, къ Ивану Хитрову, къ Григорью Пацкину, къ Григорью Караулову, къ Демсентю Башмакову, къ Лоанасю Ивасовичу, къ Якову Павловичу, къ Василью Никитичу, къ Ивану Желябужскому, къ Ивану Языкову, къ Михайлу Квашнину, къ Ивану и къ Михайлу Самаринымъ, къ Микитѣ Григорьевичу Левашову, къ Суботѣ Семеновичу, къ Петру Жданову сыну Кондырева, къ Ивану Пескову, къ Василью Ботвиньеву, къ Осдору Казанцу, къ Федькѣ Банному.

А посланы грамотки съ десятникомъ стрѣльцисимъ съ Микитою Мартыновымъ.

На оборотѣ выше адреса написано: Записочка Осдору крестнику Михайловича Самойлу Осдоровичу Николеву.

167. КЪ НЕЙ ЖЕ ОТЪ НЕГО ЖЕ.

(207) Государыни моей сестрѣ Аппѣ Ивановѣ братъ твой Ивашко Чаадаевъ челомъ бую, желая отъ Господа Бога здравія и всехъ благъ во многія лѣта.

Извольши, государыня, о мнѣ спросить, и долготерпѣиємъ Божиимъ октября по 8 день съ женою и сыпюtkою въ Архангельскомъ городѣ живъ.

Купилъ я бочечку масла деревяннаго Лоанасю Ивасовичу два пуда съ двѣма фунты, а дано шесть рублей пять алтынъ, и подписана бочечка па его имя, а послана Кормового Дворца (съ) страпчимъ съ Андреемъ Фроловымъ, который былъ присланъ купчиною закупать Фряскихъ винъ и пряпыхъ зелей па государя. И ты ему скажи, чтобъ онъ вѣдалъ, а чаю, онъ будетъ къ Москвѣ по первому пути. И какъ то масло отдано будетъ, и деньги, государыня, возьми

ты у него и ко мнѣ отпиши. А ся грамотка послана боярыни Анны Ильи(пи)чны (съ) слугою съ Иваномъ Шестаковымъ къ Якову Павловичу.

По семъ тебѣ, государынь мойей милостивой матерѣ, много челомъ бью.

168. КЪ НЕЙ ЖЕ ОТЪ ПЕВѢСТКИ АКСИНЫ СЕМЕНОВНЫ
ЧААДАВНОЙ.

(211) Государынь мойей матушкѣ Антѣ Ивановнѣ Иванова жепишка Иваловича Аксиныя челомъ бьетъ. Будь, государыня моя, здорова на многіи лѣта и съ государынею моею свѣтомъ съ Парасковьею Андреевною. Пожалуй, государыня матушка, прикажи къ намъ писать про свое многолѣтное здоровіе и про свѣта мою Парасковью Андреевну, какъ вась, государыней моихъ, Христось милостию своею сохраняетъ; а мпѣ бы, слышачи про ваше многолѣтное здоровіе, радоваться.

Про насъ, государыня, пожалуешь изволишь вѣдать: Ивалъ Иваловичъ, даль Богъ, здорово доѣхаль до Володимера, и я еще жива и (съ) сынюткою феврала въ 27 день. Да челомъ бью, государыня матушка, что жалуюшь, пишешь про матушку и про братей.

Да послала, государыня матушка, съ тѣмъ же мужикомъ вершокъ лазоревой Ивановой жепѣ Хитрова, и ты, государыня, ей отпиши, а мой у ней возьми и у себя, государыня, спричь. А сѣмени, государыня, оленого у насъ не много, только что земля осѣменить; и много сѣмени да все старое, сказываютъ, что не взойдетъ, и я приказала продать стараго да въ то мѣсто купить новаго, и велѣла къ тебѣ послать осмину, а привезуть (въ) великой постъ, какъ будутъ плотники наши.

По томъ тебѣ, государынь своей, много челомъ бью.

А вершка, государыня, я Ивановой жены не разсмотрѣла: припесла ее боярская боярыня,—у насъ ужъ и лошади впряженныя ужъ въ стриги, не разсмотрѣла, что не мой.

На оборотѣ письма выше адреса притисано: грамотки Ивана Иваловича да Оксиньи Семеновны пряслапы съ дороги съ ходокомъ, да Степапа Дмитриевича.

169. КЪ НЕЙ ЖЕ ОТЪ ИГУМЕНА КОСТРОМСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО
МОНАСТЫРЯ ГЕРАСИМА *).

(212) Государыиѣ Аннѣ Ивановѣ Богоявленскаго монастыря съ Костромы игуменъ Герасимъ съ братією Бога молить и челомъ бѣсть. Подай Господь Богъ тебѣ, государыня Анна Ивановна, многолѣтнее здоровье и буди покровиша десницею вышнѣяго всецѣдраго Владыки Бога Человѣколюбца ото всѣхъ несправедливыхъ враговъ своихъ. Пожалуй, Анна Ивановна, прикажи писать въ домъ святаго Богоявленія и къ намъ нищимъ про свое многолѣтнее здоровье, какъ тебя Господь Богъ милуетъ.

А изволишь, Анна Ивановна, про домъ святаго Богоявленія вѣдать, и домъ Божій строится, якоже волишь Божья ея святая благодать, и нашему недостойнству еще всецѣдрый Владыко Богъ Человѣколюбецъ по своей неизреченной милости терпѣть февраль по 3 день, до воли Божіи вѣлеснѣ живы, а душевиѣ Сыиъ Слово Божіе самъ вѣсть.

Скроили мы ризи въ твоей камкѣ, а ошлечья и нѣтъ; пожалуй, Анна Ивановна, пришли ошлече на ризи и подкладку и подпушку, чѣмъ ризи опунить. Да прислала ты по своихъ праведныхъ родителяхъ (съ) слугою нашимъ на ранніа обѣдпи, по Окипоѣ Васильевичѣ десять рублевъ, и тѣ деньги въ монастырь противъ твоей грамотки приняли и въ книги написали раннихъ обѣденъ, и службы по вашихъ родителяхъ по все дни ранніа обѣдни поютъ. Да ты-же пожаловала прислала священникомъ четыре рубли, и тѣ деньги по твоей грамоткѣ священникомъ отданы по дочери твоей по Овдотѣ Андреевнѣ.

По томъ о твоёмъ многолѣтнемъ здоровьѣ всѣбориѣ и вкелейнѣ Бога молимъ и челомъ бѣемъ.

170. КЪ НЕЙ ЖЕ ОТЪ ЕМЕЛЬЯНА ПЕТРОВА.

(210) Государыиѣ Аннѣ Ивановѣ холопъ вашъ Омска Петровъ челомъ бѣетъ.

Да велѣно мнѣ, холопу, по твоему приказу купить портище камки, каковъ ты, государыня, дала образецъ, и я холопъ вашъ спра-

*) † въ 1672 году 20 ноября (Строевъ. Списки іерарх. и паст. монаст. рос. ц.)

пываль во многихъ рядахъ, никако, государыня, не нашель; и Петру Матвѣевичу нѣмчину о томъ билъ челомъ, и онъ сказываетъ, что никако такимъ цвѣтомъ не нашель и у своей брата, сказываетъ, тожъ спрашиваль.

Да со мною жъ, холопомъ, послана роспись, велѣно битъ челомъ Осдосьѣ Матвѣевичѣ о покупкѣ, и я холопъ вашъ Осдосьѣ Матвѣевичѣ ту роспись отнесъ и по твоему приказу я ей билъ челомъ, и она хотѣла пожаловать противъ твоей росписи все искупить. Да мнѣ жъ холопу велѣно купить у Семибратовъ льняныхъ оческовъ, и я, холопъ вашъ, насилу нашель во всей деревнѣ гривенокъ съ полтретьяцать купиль, а дано, государыня, пять алтынъ 2 деньги, и больше того не нашель. Да съ Михайломъ послано къ тебѣ, государыня, куплено въ Любимѣ по твоему приказу тонкихъ семьдесятъ семь аршинъ, а даны, государыня, тонкіе два рубля одиннадцать алтынъ 2 деньги, да двѣ крашенины потолще тѣхъ, а даны, государыня, 13 алтынъ, а мѣрою въ нихъ безъ аршина двадцать. Да съ нимъ же, государыня, послано купленныхъ двѣ гребенины, а даны, государыня, обѣ семнадцать алтынъ 2 деньги, а больше того, государыня, крашенинъ купить было не у кого, потому что выѣхали на Вагу всѣ крашенинники, купить было не у кого. По крашенинѣ куплено, государыня, все въ одинъ торгъ, все скорымъ дѣломъ, да повины, государыня, стали гораздо дороги.

А жемчугъ, государыня, гораздо дорогъ, купить его нельзя. У коихъ у костромичъ и было, и тѣ, государыня, до меня поиспродали. Да и Микитѣ Васильевичу о томъ я билъ челомъ, чтобъ гдѣ онъ спросилъ про жемчугъ, и онъ мнѣ тожъ сказалъ, что де нонѣ купить его нельзя: дорогъ.

Да и о сукнахъ, государыня, я, холопъ вашъ, Петру нѣмчину билъ челомъ, на опашень и на шубку чтобъ промыслилъ, и онъ было изался промышлять, а у себя ихъ не сказываль, хотѣлъ въ людяхъ промышлять; и какъ де промышлю и я де покажу Ивану Ивановичу по твоему приказу. Да съ Михайломъ же послана шуба кивдишная заячья, что на Красниковѣ была.

И всѣ крашенины даны 2 рубль 24 алтына 2 деньги.

171. ОТЬ АНШЫ ИВАНОВНЫ КЛАФТЫРЕВОЙ КЪ БОГДАНУ
ИВАНОВИЧУ *).

(221—222) Государю моему Ивану Богдановичу бѣдная и безпомошная вдова Андруса женишка Васильевича Апютка челомъ бѣсть. Буди, государь мой, здорово и съ государынею моею Ѳедорою Ивановною и сыномъ своимъ на многія лѣта и покровенны десницею вышняго Бога. Пожалуй, государь мой Иванъ Богдановичъ, прикажи ко мнѣ къ бѣдной писать про свое многолѣтнее здорье и про государыню мою Ѳедору Ивановну и про Дмитрея Ивановича, какъ васъ, государей моихъ, Богъ милуетъ, а мнѣ бы слыша въ бѣдахъ своихъ хощь вашему здорью обрадоваться. Пожалуй, государь мой Иванъ Богдановичъ, помятуй Бога, не падись на мои горькія слезы и на погибель, вели пропустить людишекъ Митьку Козлова да Гаврилка Яроѳеева съ винишкомъ и подводы дать и кою повезуть посылку и рухледиска отъ Оеонасія Ивасовича да и отъ Микиты Васильевича и отъ головы таможеннаго. Пожалуй побереги, а то, государь, я вѣдаю, будетъ только твоя милость, будетъ и головѣ нечего дѣлать. И ты пожалуй милостью своею обереги во всемъ. Надобе, государь Иванъ Богдановичъ, въ такихъ моихъ бѣдахъ и въ погибели пожаловать призрѣть, а не избидѣть такой бѣдной горькой вдовы и безпомошной, да и сиротки дѣвочки моей, осталась сира и мала; кто пожалуетъ призреть милостью своею, ино Богъ ему за то воздасть, а кто избидитъ, оиъ же Свѣтъ нашъ Творецъ разсудитъ. Пожалуй, милостивой мой государь, не оставь моего бѣднаго проше(ныя)**), вели пропустить людишекъ моихъ со всѣмъ, котор(ые) нынѣ поволокуются, и подводы нынѣшнимъ зимнимъ пу(темъ), пожалуй, вели дать и пожалуй людишкамъ моимъ (на)кажи, чтобъ ѣхали бережно и винишка-бъ и рухледиска берегли.

А что нынѣча ко мнѣ приволоклись людишки Мишка Черной съ товарищемъ, и онъ, послыша мои бѣды, дѣлать надо мною не по крестьянскіе.

*) Можетъ быть, къ Камышину, бывшему съ 1659 по 1663 годъ воеводой въ Верхотурьѣ.

***) Края письма кое-гдѣ оторваны.

Да писалъ ты, государь, ко мнѣ, что ты изволилъ взять у челоуѣка моего бочку вина моего, а мѣрою де тридцать полтретыхъ ведра, и я, государь, въ томъ положила съ волю Божью, коли уже пришелъ гнѣвъ Божій и спялъ съ меня съ бѣдной голову, а меня пустилъ на всякія бѣды терпѣть. Такъ и твое ко мнѣ сердце къ бѣдной не умилосердилъ Богъ, да и слуга падо мною такъ дѣлалъ, не умѣлъ у тебя милости просить и плакать, пріѣхалъ ко мнѣ ни съ чѣмъ.

Да тюменецъ де тебѣ Елизарей сказывалъ, что у меня будто вина много, и онъ, государь, то солгалъ, такому бездѣльнику и вѣрить печего. Я въ бѣдахъ своихъ и себя не помнила въ ту пору, какъ онъ поѣхалъ, неколи было мнѣ съ нимъ разговаривать, а въ животахъ онъ у меня не осматривалъ же, то онъ солгалъ, что вина много. А пѣсть нищѣ и убожѣе отъ . . . шаго сего свѣта грѣшнаго челоуѣка, его-же к(ого) помилуетъ и вспомнеть, самъ избавленъ будетъ, та(къ) и бѣдную вдову и сирыхъ, у кого дѣтки останутся (Не) диво, государь, тому дружбу и доброту учинить, отъ ко(го) часть заплата, или похвально того избидѣть, кто можетъ отплатить,—въ диво бѣднаго и беспомощна(го) пощадить, а не избидѣть, кто воздать противъ то(го) не имѣеть, и за него Богъ воздастъ вся благая, а в(ѣ)дася, государь и самъ, какова та бѣда безконечная на(дѣ) кѣмъ учинится, что надо мною паде бѣдною, и въ своемъ кто домишку, а я теперь сира и безпріятна на чужой сторонѣ, не вѣдаю какъ и выдаться да какъ чѣмъ и пропитаться съ людипками до зимы.

Да жаловалъ ты государь ко мнѣ писалъ, чтобъ мнѣ къ тебѣ отписать, гдѣ мнѣ бѣдной лѣтовать, и я, государь, за чѣмъ что съ людипками разрозпилась и съ запасенкомъ къ себѣ ждала, положила на то, что горе свое мыкать и лѣтовать на Тюмени. А бояринъ князь Ивапъ Андреевичъ пожаловалъ меня съ воеводскаго двора сылать по велѣнь и писалъ къ подьячому къ Пароену Максиму*), чтобъ меня во всемъ и людипекъ моихъ оберегалъ.

*) Тюменскому подьячому, отписавшему въ 1661 году Сибирскому приказу о послѣднихъ минутахъ жизни тюменскаго воеводы Анд. Васил. Кафтырева, который „отходи сего свѣта, о томъ велѣлъ къ тебѣ великому государю . . . мнѣ холоду твоему отписать“ (Обозрѣіе столб. и кн. Сибирскаго приказа П. Оглобина, ч. 3).

Пожалуй, государь Иванъ Богдановичъ, да и ты государыня моя Оедора Ивановна и Дмитрей Ивановичъ, будьте милостивые печальники государю моему Иваку Богдановичу, чтобъ пожаловалъ велѣлъ пропустить людишекъ моихъ съ винишкомъ и съ рухледипкою; а будетъ только милости вашей не будетъ и мнѣ бѣдной и съ голоду умереть будетъ.

172. Отъ Аѳанасія Ивановича Матюшкина къ архіепископу Сибирскому и Тобольскому Корнилию *).

(223) Великому господипу преосвященному Корнилию архіепископу Сибирскому и Тобольскому Аѳанасія Матюшкинъ челомъ бьетъ. Пожалуй, государь преосвященнѣй архіепискупъ, прикажи ко мнѣ писать про свое спасеніе, какъ тебя государя моего милостію своею Христось сохраняетъ; а я слышать про твое спасеніе жадеуъ.

А про мени своими святыми молитвами изволишь вспомянуть, и я при государьскихъ пресвѣтлыхъ очахъ марта по 25 депъ живѣ. Да дерзнулъ, государь, я къ тебѣ отписать и милости просить: жалуй для моего прошенія священника соборные церкви, что на Тюмени, Петра Ондресва, а я на твое благословеніе надеженъ. Пожалуй его не отставляй отъ соборные церкви, чтобъ ему гоненія пикакого по твоей милости не было, а тамъ де, государь, такой звычай, что отъ церкви перемѣняютъ къ иной церкви. Пожалуй, государь, либо кто на него чѣмъ папесеть напрасно, не повѣрь, государь, тому, а священникъ добре добръ. А я, государь, потому за него и милости у тебя, государя своего, прошу, что былъ по государеву указу тесть мой Андрей Васильевичъ Кафтыревъ на Тюмени воеводою, и тестю моему и тещѣ тотъ священникъ былъ отецъ духовной; и тести моего волею Божіею тамъ не стало**), и опъ душу его строилъ и тѣло его до Москвы провожалъ. И я, государь, за него у тебя, государя своего, обнадеженъ на твое благословеніе милости прошу.

И я у тебя великаго святителя благословенія прошу и много челомъ бью.

*) Сибирская и Тобольская архіепископія установлена въ 1620 году въ Тобольскѣ, а митрополія въ 1668 г.; Корнилій хир. изъ архим. Хутынского монаст. 24 іюня 1664 г., съ учрежденіемъ митрополіи былъ сдѣланъ первымъ митрополитомъ 25 мая 1668 г., † въ схимѣ 23 декабря 1677 года (Іерархія Всерос. церкви. II. Д. Москва 1892 г.).

**) † въ 1661 году.

173. Отъ Якова Соловцова къ нему же.

(225) Великому господину пресвященному Корнилию архіепискупу Сибирскому и Тобольскому вскормленикъ великаго твоего жалованья Якушка Соловцовъ челомъ бьетъ. Пожалуй, государь пресвященный архіепискупъ, прикажи ко мнѣ писать про свое спасеніе, а я слышать про твое спасеніе воистинно жадею.

А про меня своими святыми молитвами изволишь вспомануть, и я на Москвѣ марта по 20 день живъ, а впреди Богъ волеетъ. Да пожалуй, государь великій святитель, жалуй для нашего прошенія священника соборныя церкви, что на Тюмени Петра Андреева, а я на твое благословеніе падеженъ. Пожалуй его не отставивай отъ соборныя церкви, чтобъ ему гоненія никакого по твоей милости не было, а тамъ де, государь, такой звычай, что отъ церкви перемѣняютъ къ иной церквѣ. И ты, великій святитель, пожалуй для нашего прошенья, либо кто на него чѣмъ нанесетъ напрасно, не повѣрь, государь, тому, а священникъ, государь, добре добръ, лише бы твоя милость къ нему была. А мнѣ, государь, онъ учинился знакомъ потому, какъ былъ братъ мой и пріятель Иванъ Артемьевичъ Чаадаевъ на Тарѣ воеводою *) и, ѣдучи съ Тары, на Тюмени осепеваль, и тотъ священникъ учинился ему отецъ духовной, да зять Ивановъ, а мой племянникъ Ондрей Кафтыревъ былъ на Тюмени воеводою жъ, и онъ ему и женѣ его, Ивановѣ дочерѣ, отецъ же духовной; и послѣ того онъ уже былъ, и на Москвѣ, тотъ священникъ, и мнѣ учинился . . . (др)ужень. И я потому у тебя, государя своего, милости за него и прошу.

Да пишеть ко мнѣ и племянникъ мой Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ изъ Кіева и велить къ тебѣ писать и милости за него просить, потому, государь, что тотъ священникъ отцу его и зятю и сестрѣ отецъ духовной.

А Ивана Чаадаева изъ Кіева государь пожаловаль велѣлъ перемѣнить, ждемъ его къ Москвѣ. И впредь онъ и самъ у тебя будеть милости за него просить.

*) Гор. Тара построень кн. Анд. Вас. Елецкимъ въ 1594 г.; Ив. Арт. Чаадаевъ былъ въ немъ воеводой въ 1652—1655 гг. (Системат. переч. воеводъ въ сибирск. город. К. Б. Газенвинкеля. Тобольскъ 1892 г.).

Пожалуй, государь великій свѣтитель, не отставь нашего прошенія! А я у тебя великаго свѣтителя благословенія прошу и премного челомъ бью.

На оборотъ письма приписано и потомъ зачеркнуто: Въ великой четвергъ Оксипъ Семеновъ*) дасть рубль взаемъ.

Копи двухъ писемъ къ СЕРГІЮ ИВАНОВИЧУ ПОГАНКИНУ**) ОТЪ СЫНА ЕГО АКИМА И ДР. ЛИЦЪ (1679 г.).

(226—228) Списокъ съ грамотокъ, которыя грамотки посылалъ съ Москвы во Псковъ Якимъ Поганкинъ отцу своему Сѣргію Поганкину; а тѣ подлинныя грамотки во Псковѣ у боярина и воеводы у князь Семена Андреевича Хованскаго. А въ тѣхъ грамоткахъ пишеть:

174.

Государю моему батюшку сынишко твой Якимко благословеніи прошу и челомъ бью, да государынѣ моей матушкѣ Хавропѣ Ивановѣ сынишко твой Якимко благословенія прошу и челомъ бью. Да государю моему Сѣргію Ивановичу Оомка Терентьевъ челомъ бью.

Пишемъ мы вамъ вѣдомость, что воевода писалъ на тебя и на меня Оомку, и на Ооопася Русинова, и на Савву Лялина съ товарищи, будто мы въ свѣзжю избу приходили буптомъ и говорили непристойныя слова, что де такихъ воеводъ напредь сего за бороду драли, и будто по понаровкѣ твоей иные окладчики, и по совѣту твоему, наровя тебѣ и товарищемъ твоимъ, отпускали за Свѣнской рубезжъ. И противъ той отписки помѣчено: велѣно тебя и товарищевъ твоихъ, сковавъ, выслать къ Москвѣ и животы ваши перени-

*) Вѣроятно, женѣ Пв. Ив. Чаадаева.

**) Имя Поганкиныхъ съ незамятнаго времени пользовалось во Псковѣ громкой извѣстностью влѣдствіе ихъ вліятельности и огромныхъ богатствъ, во Псковѣ сохраняется еще до сихъ поръ огромный плитной домъ, извѣстный подъ названіемъ *Поганкиныхъ палатъ* и представляющій нынѣ собственность военного министерства.

Сѣрг. Ив. Поганкинъ находился въ числѣ 5-ти или 6-ти богатыхъ посадскихъ торговыхъ людей, которые въ качествѣ земскихъ выборныхъ людей, по распоряженію московскаго правительства, заседали въ Псковской Земской Избѣ, составляя мѣстный „правительственный совѣтъ“, въ которомъ сосредоточивалось правленіе Псковомъ и пригородами. (Археологич. записка о Поганкиныхъ К. Г. Евлентьева. Псковъ. 1870 г.).

сать и запечатать, а женъ и дѣтей за пристава отдать. И какъ мы пріѣхали къ Москвѣ, и какъ противъ той отписки разспрашивали, и я въ разспросѣ сказалъ, что отецъ мой бунтомъ въ приказъ и на дворъ къ воеводѣ не прихаживалъ и такихъ рѣчей, что борода выдрать, не говаривалъ. И тое отписку намъ Аверкій Степановичъ у себя на дворѣ, какъ мы на дворѣ пришли на поклопъ, самъ вычель, чтобъ мы ни въ чемъ въ словахъ своихъ не опорочились. Такъ же и я Оомка тѣ-жъ рѣчи сказалъ, что приходили на дворъ къ боярину человекъ съ поддесятка для челобитья и били челомъ, чтобъ укротить многихъ людей приходъ, и говорили, что прежь сего прихаживали такіе-жъ затѣйщики скопомъ и оттого было дурно. Я-жъ Якимко сказалъ, что Настихипа Гришку отецъ мой за рубежъ не отпускивалъ, а отпустилъ его боярипъ, а взялъ съ него двадцать ефимковъ, и дана ему изъ таможи за рубежъ проѣзжая выпись, и что его отъ десятой деньги переменялъ, и о томъ изъ съѣзжей избы прислана память въ земскую избу; а крѣпко того спрашиваютъ о бунтѣ, и на концѣ въ разспросѣ у насъ челобитье, чтобъ великій государь указалъ про то сыскать противъ той воеводской отписки и нашихъ разспросныхъ рѣчей, и тѣ папи разспросныя рѣчи пошесли къ великому государю на докладъ, а насъ, меня Якимка въ привазѣ сковали, а Оомку держать въ приказѣ за карауломъ вмѣстѣ во вторникъ іюля въ 15 день, а пріѣхали въ поведѣльники назавтресъ съ Оомою вмѣстѣ; а естли бы мы не захватили, и великаго государя грамота сей почты скоро-бъ была, что животы запечатать и насъ пять человекъ выслать, а половина животовъ взять на великаго государя у пяти человекъ: у Сергѣя Поганкипа, у Аоонасыя Русипова, у Якова Сырникова, у Оомы Терентьева, у Саввы Лялина, а досталъ запечатать. А посылаютъ во Псковъ гостя изъ Великаго Новагорода Максима Воскобойникова для оклада въ тягло по Власкову челобитью съ товарищи, а не къ десятой деньѣ. А къ нему во Псковъ выбрать лутчихъ пять человекъ, середнихъ пять человекъ, меньшей статьи пять человекъ. Да ему-жъ Максиму указано земскихъ старость счесть съ 180 году и по пынѣшней по 187-й годъ. А у нихъ воровъ и затѣйщиковъ въ заручной челобитной приложили вѣдомые воры пытапыне: Алешка площадной подьячей Васильевъ, руку приложилъ, посадской человекъ Левка Биринъ, посадской чело-

вѣкъ челобитную писалъ и въ дву мѣстехъ руку приложилъ, да руку жъ приложилъ Анкидишко овозникъ, кой въ Просольномъ ряду лавку краль, Сепька Брагинъ, . . . сапожникъ разстрига, варламскій попъ голубятникъ въ дву мѣстехъ руку приложилъ, да руку жъ приложилъ, а какъ имя сго написано, и того не могли прочесть. Да подь тою-жъ челобитною подклеены порозжіе столбцы, а по обѣ стороны руки прикладывали все бражники. А что у меня челобитная и грамота къ думному, и я не подавалъ: не велѣли.

А что будетъ по нашему разпросу великаго государя указъ, и мы парочно человѣка пошлемъ. И вы, батюшко, какъ изволите: государевы ль грамоты и пристава дожидать, или товарищи твои сами будутъ.

По томъ тебѣ челомъ бью.

Да скажи, государь батюшко, у Оомы на дворѣ, что противъ сей грамотки, а будетъ, батюшка, дома нѣтъ, и вы въ Ругодивъ поплите сію вѣдомость. Якимко Струнниковъ челомъ бью. Якимко Погалкинъ подписалъ, благословенія прошу и челомъ бью. Изъ двора изъ желѣзь и здѣсь въ желѣза въ Москвѣ. А какъ ся грамотка придетъ, и вы, что есть во дворѣ, прихороните зрячее, перовепъ государевъ указъ каковъ будетъ, безоплошно. А московскихъ бѣдъ печего писать; теперъ затѣмъ ищутся, что на насъ восвода писалъ. Сеи памятки пикому не показывайте, а грамотку всѣмъ добрымъ людемъ показывайте. Государыня моя вторая матушка Ховронья Ивановна Якимко Струнниковъ челомъ бью.

175.

Государю моему батюшку Сергію Ивановичу да государынѣ моей матушкѣ Февронѣ Ивиповнѣ сышипко вашъ Якимко благословенія прошу и челомъ бью.

Послалъ я, батюшко, грамотку съ Леонтѣемъ Ооминымъ въ самой Ильинъ депъ изутра, да съ нимъ же послалъ въ грамоткѣ по памяти списокъ съ разспросныхъ рѣчей. Да по тебѣ великаго государя грамоту отпускали и меня по тебѣ посылали; и мнѣ въ той грамотѣ написано, велѣно быть съ тобою-жъ назадъ. И я такъ великаго государя грамоты не взялъ и спорилъ; и по мнѣ поручная запись собрана и къ дѣлу отдала, что тебѣ стать августа въ 30-мъ числѣ. И тебѣ бѣ, батюшко, ѣхать безо всякаго мотчанія. Да и тебѣ се

чинится заступленіемъ думнаго дьяка Аверкія да Якова Кирилловыхъ. А будетъ, батюшка, дома пѣтъ, и вы въ Ругодивъ тотчасъ паронпо поплите, а указу впредь на себя не бойтесь, все Богъ справитъ. А что Перпу Степанова прислали, и то даромъ: до него все сдѣлаю, а онъ въ приказъ не видитъ не челобитчикъ, только пуще намъ мутитъ.

Да вели брату Ивану въ Ругодивъ на мѣну сукна брать, каковы у иноземца въ долгъ взяли, и чтобъ нынѣ такія жъ взяли, а на Москвѣ цѣна имъ добрая. Сахаръ по 5 рубли пудъ, медь по 1 рубли пудъ безъ чети, желѣзо по полъ 5*) рубли, а о золотыхъ и о яфимкахъ напредь сего писано съ Леонтѣемъ Оминымъ. А выгонъ великъ будетъ, сколь выйдетъ. А Петра ОPOSEЦКАГО на Москвѣ нѣтъ, и не засталъ, уѣхалъ на Макарьевскую ярманку. А вѣдомъ мнѣ есть, сказывалъ мнѣ Дмитрей Семеновичъ Казаковъ, что на Макарьевской ярманкѣ кумачи были по полтипѣ и по двадцати алтынь.

А впредь отъ меня письма не жди, и писать не о чемъ, только деньги терять; отъ васъ буду ждать. Да возьми у Якова Сырпикова и у Леопасья Русинова, и у Саввы Лялина денегъ на подмогу: мы на Москвѣ изсорили рублевъ съ полста, а впредь надобно и лутчи. А естли-бъ мы не застали, и вамъ бы быть безъ головъ и безъ животовъ—пяти человѣкомъ.

А въ верху великаго государя, въ полатѣ, его, болрипа, вормъ называли. А у меня съ ихъ князь Семеновымъ и съ князь Андреевымъ стряпчими великая брань была; и тебѣ-бъ, батюшко, привести бы заручная челобитная, хотя малая на воеводу заручная, а тебѣ великій государь во всемъ повѣритъ за твой извѣтъ, а ему быть безъ боярства.

По семь челомъ бую іюля въ 22 день.

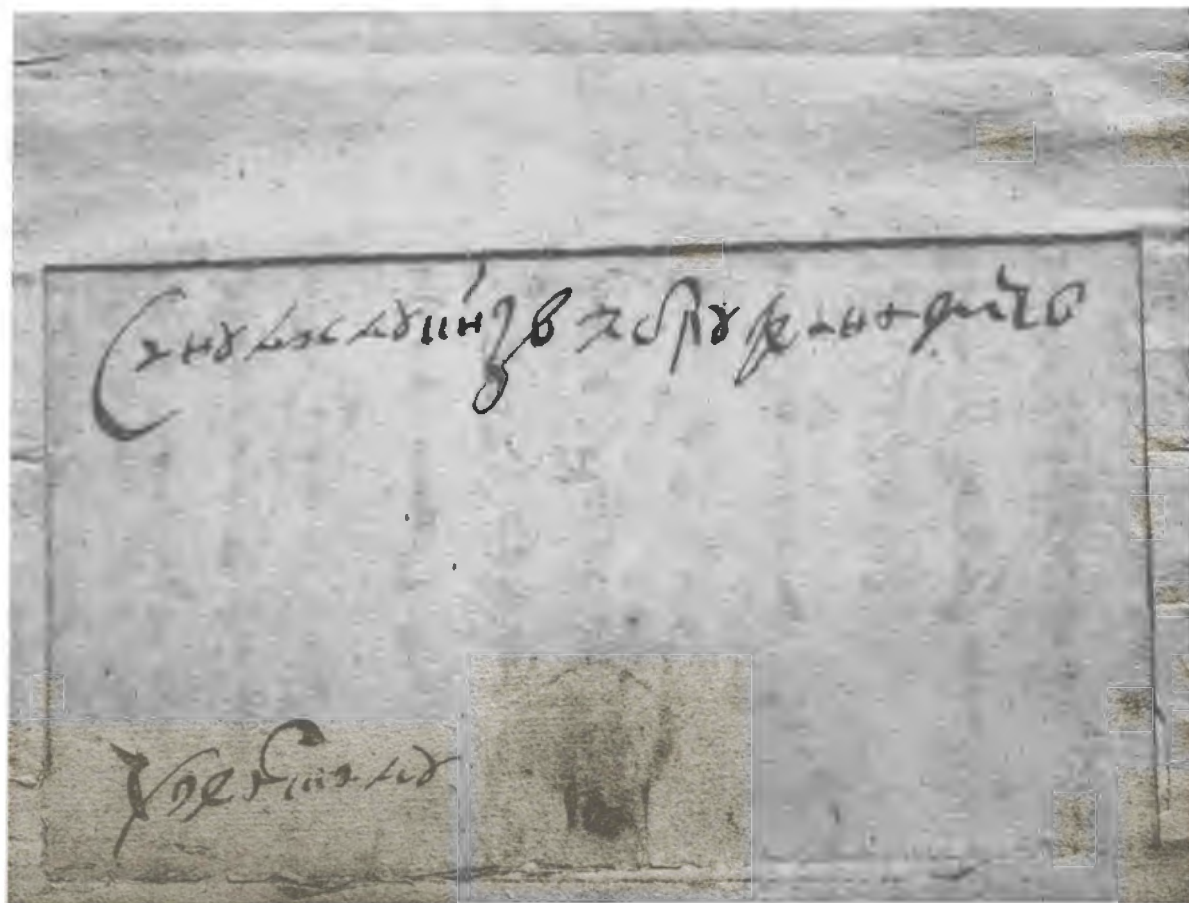
А за твою тебѣ не пробить безъ гостивства, за то по тебя посылають государеву грамоту до десятой деньги, здѣсь никими мѣрами нельзя насъ окладать, будто у насъ на 200000 животовъ.

Сынишко вашъ Якимко благословенія прошу и челомъ бую.

А меня расковали въ третьемъ часу почи, какъ думной изъ Коломенска пріѣхалъ, государю доложилъ; подьячаго ночью прислалъ, велѣлъ государь расковать. И мнѣ думной сказалъ, есть государская милость до васъ, а Оомѣ де свое будетъ.

Жепѣ моей Агаебѣ великое челобитье.

*) Цифры написаны очень неразборчиво.

Снимокъ съ подлиннаго письма кн. Ив. Андр. Хованскаго (М. А. М. Ю. Приказнаго стола столбець № 519, л. 73). См. письмо за № 1, стр. 294.

Внизу помѣщенъ адресъ другого письма (М. А. М. Ю. Приказнаго стола столбець № 519, л. 129).

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ
ИЗЪ БУМАГЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА.

I.

Рукою Князя П. А. Вяземскаго помѣчено:-

„Одоевскій Александръ“.

„Собственпоручная подпись и помѣта—“.

Какъ недвижимы волны горь,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непропиасною гранью!
За ними—полный жизни міръ,
А здѣсь—я одинокъ и сирь
Отдалъ всю жизнь воспоминашю.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ
Теперь въ одно я чувство слилъ—
Въ любовь къ Тебѣ, Отецъ мой пѣжной,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.

Проспелъ ль темный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ?
Въ лунѣ, въ туманной выси горь,
Вездѣ мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ!

Когдажъ объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ изсохшихъ погъ
Стрясетъ твой первенецъ—изгнанникъ?
Войдетъ, — растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу приметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?

Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ,
 И не молиться мнѣ съ отцомъ—
 Передъ домашнею Иконой,
 Не утѣшать его сѣдипъ,—
 Не быть мнѣ отъ заботъ-кручинъ
 Его младенцевъ обороной!

Меня чужбины вихрь умчалъ,
 И бросилъ на девятый валъ
 Мой чёлнъ, скользившій безъ кормила,
 —Очнулся я въ степи глухой,
 Гдѣ мнѣ—не кровною рукой,
 Но вьюгой вырыта могила.

Съ тѣхъ поръ, займется ли заря,
 Молю я Солнышко—Царя
 И пану Свѣтлую Царицу:
 „Меня, о солнце, воскреси,
 И дай мнѣ на святой Руси
 Увидѣть хоть одну денницу.

Взнеси опять мой бѣдный чёлнъ,
 Игралице безумныхъ волнъ,—
 На Океанъ Твоей державы,
 Съ небесъ мнѣ краткій лучъ пролей,
 И грѣшной юности моей—
 Не помяни Ты въ царствѣ славы“.

Собственноручно: „Александръ Одоевской. дерев. Елань, Иркутск.
 губер. 14 Апреля (1)836-го года“.

II.

Рукою Князя П. А. Вяземскаго помѣчено:—

„Не Жуковского-ли?“

Жизнь и ея Ангель.

Отуманеннымъ потокомъ
 Жизнь унылая плыла,
 Берегъ въ сумракѣ глубокомъ,
 На холодномъ небѣ ягла;

Мракомъ небо обложило;
 Бури нѣтъ—одинъ туманъ;
 И въ дали реветъ уныло
 Скрытый мглою океанъ.

Было время,—быль день лений;
 Были пышны берега,
 Были рощи сладкогласны,
 Были свѣжіе луга
 И за ней вились толпою
 Свѣтлокрылые друзья:
 Юность легкая съ Мечтою
 И живыхъ Надеждъ семья.

Къ ней тѣснились, услаждали
 Мирный путь ея игрой,
 И падь нею разстлали
 Благодатный парусъ свой!
 Къ ней Фантазія летала
 Въ блескъ радужныхъ лучей,
 И съ небесъ къ ней прикликала
 Очарованныхъ гостей.

Вдохновеніе съ звѣздою
 Надъ возвышенной главою
 И хариту съ молодою
 Музой Генія сестрой.
 И она, ихъ внемля нѣшь,
 Засыпала въ тишинѣ,
 И ловила привидѣнья
 Счастья милаго во снѣ.

Все пропало, измѣнило;
 Разлетѣлися друзья!
 Въ безднѣ брошена унылой
 Одинокая ладья!
 Року странница послушна,
 Не желаетъ и не ждетъ,
 И прискорбно-равнодушна
 Въ безпредѣльное плыветъ.

Что же вдругъ затрепетало
 Падь поверхностью зыбей?
 Что же прелестью бывалой
 Вдругъ провѣяло надъ ней?
 Легкой птичкой встрепенулся
 Пробужденный вѣтерокъ,
 Сонный парусъ развернулся;
 Дрогнувъ руль, быстрѣй челнокъ.

Смотрить, — Ангеломъ прекраснымъ
 Кто-то свѣтлый прилетѣлъ,
 Улыбнулся, взоромъ яснымъ
 Подарилъ и въ лодку сѣлъ;
 И зашѣлъ онъ пѣснь надежды —
 Жизнь очулась, ожила,
 И съ волненьемъ робки вѣжды
 На красавца подняла.

Видить — мрачность разлетѣлась,
 Снова зеркальна вода,
 И привѣтно загорѣлась
 Въ небѣ яркая звѣзда.
 И въ псе проникла радость,
 Прежней вѣры типина,
 И какъ будто снова младость —
 Съ упованьемъ отдана.

О хранитель, небомъ данный,
 Пой красавецъ, и ладьей
 Правь ко пристани желанной
 За попутною звѣздой!
 Будь волненье, будь пенасть,
 Будь что надобно судьбѣ —
 Все для жизни будетъ счастье
 Милый Ангель, при тебѣ.

СТИХОТВОРЕНІЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Марія Θεодоровнѣ Бирилсвой.

(рожд. Тютчевой).

Я зналъ маіоромъ Васъ когда-то,
И прочесть былъ Вашъ маіоратъ:
За трехъ, мать прелестью богата,
Отець, за трехъ умомъ богатъ.

Вы, ихъ наслѣдница прямая,
Я вамъ пророчилъ съ раннихъ поръ,
Что съ чипа въ чинъ перебѣгалъ,
Пойдетъ далеко мой маіоръ!

Вамъ жезлъ фельдмаршальскій сулилъ я,
И олъ давно у Васъ въ рукахъ;
Но съ сунни Васъ зоветъ флотилля
И ждуть побѣды на моряхъ.

Счастливый бѣгъ и путь просторный!
Безъ мелей, бурь и грозной тьмы,
Пусть будутъ волны Вамъ покорны
Какъ Вамъ покорствуемъ и мы.

И я привѣтствую съ любовью
Вашъ новый адмиральскій флагъ,
Съ желаньемъ Вамъ подѣ стать къ здоровью
Земныхъ, морскихъ и всякихъ благъ.

Хоть измѣнили Вы служебью,
Хоть берегъ опостылѣлъ Вамъ
И предагесь тревоженью
Во слѣдъ отважнымъ морякамъ. —

Вамъ вѣрный, въ свѣтлый день и въ смутный,
 Я все Вашъ другъ, и, наконецъ,
 Вашъ ветхій мичманъ сухопутный,
 И посаженный Вашъ отецъ. —

К. П. В.

Ницца, 5-го Февраля 1865 г.

Настоящее стихотвореніе Кн. П. А. Вяземскаго доставлено Графу С. Д. Шереметеву Иваномъ Ѳеодоровичемъ Тютчевымъ. Оно составляетъ какъ бы дополненіе къ двумъ напечатаннымъ въ послѣдней книгѣ „Старины и Новизны“.

5-го февраля 1865 г. состоялось въ Ниццѣ бракосочетаніе сестры И. Ѳ. Тютчева Маріи Ѳеодоровны съ командиромъ фрегата „Олегу“ Николаемъ Алексѣевичемъ Бирилевымъ, роднымъ братомъ теперешняго Морского Министра. Князь Петръ Андреевичъ былъ посаженнымъ отцомъ Маріи Ѳеодоровны. По кончинѣ Цесаревича Николая Александровича „Олегу“ былъ въ составѣ эскадры, перевезшей прахъ почившаго изъ Ниццы въ С. Петербургъ. Съ разрѣшенія Государя Императора Александра II, Марія Ѳеодоровна сопровождала своего мужа на его фрегатѣ, и объ этомъ плаваніи сохранились въ семьѣ Тютчевыхъ весьма интересныя письма ея къ матери. Къ сожалѣнію, не многое изъ нихъ могло-бы быть оглашено въ печати, по причинѣ крайней интимности переписки.

Изъ переписки Прасковьи Ѳедоровны Перфильевой
съ Петромъ Васильевичемъ Шумахеромъ *).

„ . . . дверь отворилась и вошелъ Государь . . . меня представляютъ „Mme Перфильева жена Московскаго губернатора“. Его Величество ко мнѣ подошелъ, взялъ мою руку въ обѣ руки запросто, совсѣмъ дружественно, извинился, что опъ въ пальто и сказалъ мнѣ: „очень радъ съ вами познакомиться, какаѧ путаница произошла вчера съ вашею belle mere“, сказалъ онъ смѣясь отъ души. Я отвѣтила, также смѣясь, что мени это не удивляетъ, такъ какъ Книгиня Кочубей не знаетъ Московскаго общества и что имена „Ланская“ „Толстая“ почти созвучны. Онъ въ полномъ восторгѣ отъ выставки, мы разговаривали съ четверть часа, за тѣмъ и дѣлаю прощальный поклонъ и опять рукопожатіе. Я тронута и съ самымъ теплымъ чувствомъ въ сердцѣ. И такъ мило, такъ просто онъ держался и вамъ совсѣмъ легко. Государь болѣе чѣмъ очарователенъ . . .

. . . послѣ такого пріема понимаю фанатизмъ польскихъ дамъ, что главное влеченіе къ Государю, это его милая, добрая улыбка. . .

. . . Москва всѣ три дня ликовала и горѣла разноцвѣтными огнями и сдиподушнымъ непритворнымъ восторгомъ. . .

16 септ. 1882 г. Москва.“

Ночью на 26 сентября П. В. Шумахеръ на это письмо отвѣтилъ:

„Васъ озарило и пригрѣло солнышко, чудесная Прасковья Ѳедоровна: искренно сочувствую Вашей радости и счастью, такъ какъ и мнѣ однажды довелось испытать всѣ прелести добраго привѣта этой прекрасной царственной четы. . .

. . . Le gouvernement de l'humanité est chose bien difficile“ . . .

*) Обширная переписка эта 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія хранится нынѣ въ Архивѣ с. Михайловскаго Московской губерніи Подольскаго уѣзда.

А Л Ь Б О М Ъ

АВТОГРАФОВЪ Н. Д. ИВАНЧИНА-ПИСАРЕВА.

Въ Остафьевскомъ Архивѣ хранится златообрѣзный Альбомъ, переплетенный въ красный сафьянъ съ золотыми узорами по краямъ и на спинкѣ, и украшенный мозаикою Барбери, подъ которою вытиснено золотыми буквами:

Musae et gloria vetant mori т. е. музы и слава не позволяютъ умереть.

Альбомъ сей принадлежалъ Николаю Дмитріевичу Иванчину Писареву.

Графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ, желая познакомить съ этимъ памятникомъ было быта читателей Старины и Новизны, предложилъ мнѣ заняться его подробнымъ описаніемъ.

Съ удовольствіемъ принявъ это предложеніе, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ напомнить о бывшемъ владѣльцѣ Альбома, посвятившемъ жизнь свою „къ возбужденію въ соотечественникахъ чувствъ благочестія, любви къ Отечеству, Престолу и добродѣтели“.

Для исторіи Русскаго просвѣщенія, и соединенной съ нимъ Русской цивилизаціи, очень важна исторія запустѣлыхъ пылѣ дворянскихъ усадебъ, которыя разбросанныя по лицу Русскаго Царства были нѣкогда центрами просвѣщенія и христіанской благотворительности. Справедливо сказалъ Князь Вяземскій, обращаясь къ повѣйшимъ эмансипаторамъ и реформаторамъ:

Вамъ, чуждымъ лѣтописи древней,
Вамъ въ умъ забрать не мудро,
Что съ той поры и свѣтъ въ деревнѣ,
Какъ стали вы смотрѣть въ окно.

Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
 Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ,
 А въ окна многіе смотрѣли,
 Которые позорче васъ.

Наталія Петровна Гротъ (рожденная Семенова) въ своей Семейной Хроникѣ писала: „Озлобленные нападки литературы 60-хъ и 70-хъ годовъ на прежнее общество укоренили въ наше время понятіе о какой-то дикости и свирѣпости нашего крупнотного помѣщичьего быта. Родившись и проведя годы перваго дѣтства въ деревнѣ и опять воротившись въ этотъ помѣщичій бытъ въ молодости, я вынесла изъ него много такихъ впечатлѣній, которыя доказываютъ, что въ этомъ быту встрѣчалось не одно дурное.... Не могу не вспомнить безъ чувства глубокаго умиленія тѣ патриархальныя и истинно христіанскія семейныя начала, которыми отличались нравы нашего дома. Мнѣ пожалуй, возразятъ, что такое явленіе могло быть исключительнымъ; я же убѣждена, что въ Россіи не мало бы нашлось такихъ семействъ, которыхъ дѣти могли вынести изъ своихъ первыхъ лѣтъ не менѣе отрадныя воспоминанія. Въ то время дворянинъ-помѣщикъ, отслужившій свои десять-пятнадцать лѣтъ преимущественно въ военной, а иногда и въ гражданской службѣ, считалъ долгомъ возвратиться въ свою отчину и поселиться въ ней, создавъ себѣ добрую семейную жизнь. При этомъ весьма многіе, заботясь о своихъ личныхъ дѣлахъ, начинали понимать необходимость заботиться и о дѣлахъ своей мѣстности, о крестьянахъ, которыхъ положеніе уже и тогда многимъ казалось непормальнымъ. Помню, какъ еще бабушка моя часто твердила намъ, дѣтямъ, что со слугами падо обращаться учтиво и ласково, потому что они равны намъ, братья во Христѣ, а по настоящему даже грѣхъ человѣку владѣть человѣкомъ....

Но этому мнѣ въ эпоху нашего яраго отрицательнаго періода всегда было больно слышать безусловное порицаніе, съ которымъ отсылались къ прошлому многіе изъ тогдашнихъ дѣятелей, ничево о Россіи не знавшихъ за предѣлами Петербурга. Когда я вспоминаю, съ какимъ озлобленіемъ вся наша беллетристика трактовала о привычкѣ помѣщиковъ имѣть въ домѣ приживалокъ, мнѣ всегда досадно это непониманіе дѣла. Вѣдь эти приживалки, чаще всего обѣднѣвшіе мелкопомѣстные дворянки, были въ сущности настоящими сестрами

милосердія въ тѣхъ домахъ, гдѣ имъ покровительствовали... Преувеличивать злоупотребленія помѣщичьей власти, чтобы сломить ее, вообще было совершенно бесполезно. Власть эта отжила свой вѣкъ и падала сама собою. Но гораздо важнѣе было, упразднивъ ее, создать такое положеніе, которое дѣлало бы возможною жизнь помѣщиковъ на мѣстахъ.... Тогда не разорвалась бы окончательно связь образованныхъ классовъ съ темными массами народа, не потерялась бы преемственность жизни и преданій, и просвѣщеніе массъшло бы впередъ постепенно само собою. Большой ошибкой было стремленіе отстранить эту историческую силу отъ мѣстной жизни. А этимъ то главнымъ образомъ и задавались новыя порядки.... Пора же памъ, наконецъ, посмотрѣть въ глаза правдѣ и сознаться, что стремленіе къ обновленію нашего общественнаго порядка было потребностью самой жизни. Оно истекало изъ глубокихъ народныхъ источниковъ и болѣе всего изъ самаго животворящаго источника народной жизни, изъ присущаго Русскимъ людямъ глубокаго христіанскаго сознанія, а вовсе не изъ либеральныхъ кружковъ Петербургскаго чиновничества и газетнаго писательства. Это христіанское сознаніе—общественное и народное—вотъ что мало по малу смягчало отношенія крѣпостнаго права и подготовило его упраздненіе безъ всякихъ внутреннихъ потрясеній. Но эту религію наши отцы умѣли хранить, она еще не была затронута пагубнымъ вольнодумствомъ. За то она поддерживала семейныя связи и отцовскія преданія, она не допускала дѣтей даже въ зрѣломъ возрастѣ не только съ ранняго дѣтства, являться ярыми критиками своего семейнаго быта и всего существующаго порядка.... Литература, публицистика и педагогія 60-хъ и 70-хъ годовъ поспеютъ предъ безпристрастной исторіей страшную отвѣтственность за растлѣніе Русскаго юпошества, за ослабленіе въ обществѣ вѣры, семейныхъ узъ и семейныхъ привязанностей". (Изъ Семейной Хроники. Спб. 1900 г., стр. 22—27).

Къ числу такихъ центровъ просвѣщенія принадлежало и село Рудины Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи, гдѣ провелъ свою жизнь Николай Дмитриевичъ Иванчинъ-Писаревъ.

Въ числѣ имѣній, розданныхъ монастыремъ бояриномъ Федоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, было и Коломенское (нынѣ Серпуховское) село Рудино. Бояринъ Шереметевъ отдалъ его по душѣ

своей и по родитѣлѣхъ Волоколамскому Іосифову монастырю; а царь Осодоръ Іоанновичъ вымѣнялъ его у монастыря на Козельское село Вейну. Въ 1624 году село Рудино пожаловано было царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ прапращурѣ Н. Д. Иванчина-Писарева по матери, Аванасію Филипповичу Папкову, за Московское сидѣніе, и это село было первымъ даромъ царей роду Папковыхъ (Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1843 г., стр. 108—110).

Семейные акты своего рода (1671—1718 г.) Иванчинъ-Писаревъ напечаталъ въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (1847 г. Кн. IX, 1—19).

Сынъ достаточнаго и родовитаго дворянина, помѣщика Московской, Калужской и Тульской губерній, отставнаго гвардіи подпоручика Дмитрія Петровича Иванчина-Писарева и Александры Яковлевны, рожденной Папковой, сынъ ихъ Николай родился въ Москвѣ 30 Сентября 1790 года. Дѣтство его прошло въ патриархальной, строгой семьѣ, въ мирной деревенской обстановкѣ. Иванчины-Писаревы проживали въ имѣніи, доставшемся Александрѣ Яковлевнѣ въ приданое отъ отца ея Якова Михайловича Папкова, — селѣ Рудинахъ Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи. Здѣсь-то выросъ нашъ писатель и здѣсь получилъ онъ свое образованіе. Сиди дома онъ изучилъ языки Французскій, Нѣмецкій и Итальянскій. (Модзалевскій. Письма П. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву. Спб. 1902 г., стр. 2). Любимыми его писателями были: Карамзинъ, Дмитриевъ и Жуковскій; а изъ Германскихъ: Клейстъ, Галлеръ и Гердеръ, и ради ихъ онъ съ раннихъ лѣтъ полюбилъ Германію, и сохранилъ эту любовь въ продолженіи своей жизни; а потому, по поводу одного выраженія Погодина, Иванчинъ-Писаревъ писалъ ему: „Вы сказали: обратись изъ Нѣмецкой тьмы и дичи, не лучше ли сказать: изъ заморской тьмы и дичи. На что сердить добрыхъ Германцевъ, которые гораздо менѣ сдѣлали намъ вреда, нежели ихъ сосѣди Французы“. (Жизнь и Труды М. П. Погодина Спб. 1892 г. VI, 306).

Окончивъ свое домашнее образованіе, Иванчинъ-Писаревъ началъ службу, вступивъ 2-го Марта 1804 года въ Московскую контору запасныхъ магазейновъ губернскимъ регистраторомъ; но вскорѣ перешелъ на службу въ Московскій Почтамтъ, гдѣ и продолжалъ

свою службу сперва подъ начальствомъ О. П. Ключарева, а послѣ его ареста—при Д. П. Руничѣ и И. А. Рупковскомъ (Модзалевскій, стр. 2). Въ письмѣ къ Погодину, Иванчинъ-Писаревъ писалъ: „Служилъ пять лѣтъ цензоромъ Почтамта подъ ферулою перваго въ свѣтѣ труса Рупковского“ (Погодинъ, VI, 51).

12 Мая 1814 года, Иванчинъ-Писаревъ вышелъ въ отставку и поселился въ своей древней отчинѣ—селѣ Рудинахъ, гдѣ проводилъ жизнь не праздную.

Подъ вліяніемъ Карамзина Иванчинъ-Писаревъ рано сталъ интересоваться нашей стариной,—и труды его въ этой области пріобрѣли ему право на память въ потомствѣ. Одна за другой послѣдовали работы его: Михаилъ великій князь Черниговскій и бояринъ его Феодоръ, Вечеръ въ Симоновѣ, День въ Троицкой Лаврѣ, Утро въ Новоспасскомъ, Спасо-Андрониковъ и Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду.

По мнѣнію В. И. Саятова, въ историческихъ трудахъ своихъ Иванчинъ-Писаревъ „является не ученымъ, а деллитантомъ, при чемъ изложеніе его перѣдко страдаетъ излишнею сентиментальностью и риторическою напыщенностью“ (Русскій Біографическій Словарь. Изд. А. А. Половцова. Спб. 1897 г., стр. 34—37).

Погодинъ же писалъ: „Иванчинъ-Писаревъ посвящаетъ перо свое прославленію предковъ, къ возбужденію въ современникахъ чувствъ благочестія, любви къ отечеству, престолу добродѣтели. Труды его достойны общей признательности. Самая риторика, къ которой онъ часто прибѣгаетъ, имѣетъ для меня въ этомъ смыслѣ свою цѣпу. Простота, великое достоинство литературное, было бы здѣсь не у мѣста“ (Погодинъ, VI, 114).

Касательно же риторики самъ Иванчинъ-Писаревъ поставилъ на видъ Погодину: „Вы замѣчаете, что я исполненъ набожности и патріотизма. И такъ, что такое набожность?—Чувство. Что такое патріотизмъ?—Чувство. Чѣмъ выражается чувство?—Риторикой. Отъ Псалмовъ, книги Бытія и Иліады до нашихъ брошюркъ чувство не переставало выражаться риторикой. Еслибы я подчивалъ своихъ читателей извѣстіями, въ которомъ году такой-то архимандритъ устроилъ часы па колокольнѣ, а такой-то перепродалъ келліи такой-то обители и выстроилъ сарай для дровъ,—это дѣло другое“ (ibid. VI, 116).

Вмѣстѣ съ тѣмъ самъ Иванчинъ-Писаревъ въ письмѣ своемъ къ Снегиреву признавалъ, что онъ свои примѣчанія „предпочитаетъ тексту“. (Модзалевскій, стр. 11).

Въ тоже время Иванчинъ-Писаревъ весьма цѣнилъ памятники нашего народнаго творчества. Въ 1837 году, въ Москвѣ, онъ издалъ книжку подѣ заглавіемъ: Взглядъ на Старинную Русскую Поэзію и посвятилъ ее „Милой Россіянкѣ“. Въ этой книжкѣ Иванчинъ-Писаревъ высказываетъ между прочимъ мысль, что дошедшіе до насъ образцы народной поэзіи по своему глубокому чувству, живости образовъ, силѣ выраженій и красотѣ оборотовъ „не менѣе другихъ достойны комментаторовъ съ отличнымъ дарованіемъ“.

Когда въ Москвитянинѣ были напечатаны, сообщенныя П. И. Савваитовымъ Свадебныя причитанія въ Вологдѣ, то Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Свадебныя причитанія: очень, очень важны и любопытны. C'est quelque chose que cette nation là! сказалъ Наполеонъ о Русскихъ“. (Погодинъ, VI, 222—223).

Иванчинъ-Писаревъ былъ также знаткомъ и любителемъ художествъ. Тридцать лѣтъ собиралъ онъ рѣдчайшіе эстампы всѣхъ старыхъ и новыхъ школъ отъ начала гравированія, а также картины, миниатюры, рисунки и произведенія скульптуры.

М. А. Дмитріевъ въ своихъ Мелочахъ рассказываетъ, что у И. И. Дмитріева былъ Миллеровъ эстампъ *La madonna di Santo Sisto*, которымъ онъ дорожилъ по красотѣ экземпляра. Однажды разсматривалъ его извѣстный знатокъ въ этомъ дѣлѣ Иванчинъ-Писаревъ. Вдругъ показалось ему, что это отпечатокъ *avant-l'auréole*; но не довѣряя своимъ глазамъ, онъ просилъ снять эстампъ со стѣны и вынуть изъ рамки; открылось, что это не только *avant la lettre*, но дѣйствительно *avant l'auréole*, т. е. величайшая рѣдкость! Писаревъ восторженъ отъ радости, найдя такую драгоценность, и оцѣнилъ эстампъ по крайней мѣрѣ въ тысячу рублей ассигнаціями, если не дороже. И. И. Дмитріевъ сказалъ ему: хочешь Николай Дмитріевичъ, я завѣщаю наследникамъ, чтобы они подарили тебѣ этотъ эстампъ? Изволь; обѣщаю тебѣ! Но И. И. Дмитріевъ чрезвычайно боялся смерти, и не любилъ, чтобы о ней вспоминали. На другой день Иванчинъ-Писаревъ приходитъ къ нему и подаетъ бумагу, проси ее подписать.— „Что это такое?“—Росписка въ вашемъ

обѣщаніи, чтобъ послѣ вашей кончины этотъ эстампъ достался мнѣ.—Дмитріевъ взялъ перо и подписалъ; потомъ сказалъ Писареву: „Я твое желаніе исполнилъ; дай мнѣ слово, что ты мое исполнишь!“—Даю! отвѣчалъ въ радости Писаревъ.—„И такъ, я по твоему желанію подписалъ эту бумагу, а ты по моему желанію оставь ее у меня“. (Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869 г., стр. 132—133).

„У меня просилъ Погодинъ“ писалъ Иванчинъ-Писаревъ Спегиреву, „краткаго описанія моихъ эстамповъ для Москвитянина. Я принужденъ былъ отказать ему; ибо я не могу говорить въ своей журнальной статьѣ объ эстампахъ иначе, какъ языкомъ фанатика собирателя,—и такъ въ Россіи меня почтутъ сумасшедшимъ“. (Модзалевскій, стр. 52).

Прочитавъ отчетъ Погодина о пріобрѣтеніяхъ его Древлехранилища, Иванчинъ-Писаревъ писалъ: „Библиоманская статья о вашихъ пріобрѣтеніяхъ очень интересна. Я самъ фанатикъ по части гравированія отъ начала и до нынѣшнихъ временъ. Эстампы, а еще болѣе достоинство ихъ экземпляровъ для меня до сихъ поръ важны. Совершенно понимаю ваше чувство самодовольствія, при увѣренности, что у васъ собраны теперь почти всѣ книги Славянскаго богослуженія, чего нѣ у кого, по крайней мѣрѣ изъ партикулярныхъ, нѣтъ“. (Погодинъ, IX, 201).

Одновременно съ открытіемъ, сдѣланнымъ П. М. Строевымъ, Тверской лѣтописи, Иванчинъ-Писаревъ даритъ Погодину изъ своего художественнаго собранія кинжалъ императора Карла V-го. Погодинъ принялъ этотъ даръ съ восторгомъ, и писалъ Шевыреву: „Снѣшу сообщить тебѣ мою археологическую радость: Тверской лѣтописецъ. Это еще ничего, по вотъ Европейская драгоценность: кинжалъ императора Карла V-го съ его именемъ, годомъ и короною, рѣзной отличной работы Среднихъ Вѣковъ“. Но Шевыревъ не безъ ироніи отвѣчалъ Погодину: „Поздравляю съ находкою. Тверской лѣтописецъ я считаю болѣе Европейскою находкою, чѣмъ кинжалъ Карла V-го. Извините, г. Западный“. (Погодинъ, IX, 201—202).

Иванчинъ-Писаревъ былъ прекрасный сельскій хозяинъ и печетливый помѣщикъ. „Покойный, забытый ильнѣ Карамзинъ“,

писалъ Иванчинъ-Писаревъ Снегиреву, сказалъ мнѣ: „перепишывайте ваши страницы сами; это будетъ въ пользу сочиненія: всегда найдутся поправки. Но Карамзинъ не бѣгалъ по полямъ, не выбиралъ колоски ржи изъ мириады травъ, чтобы намолотить что нибудь для посѣва; а я купивъ на сѣмяна ржи болѣ, чѣмъ на три тысячи рублей, долженъ выбрать и послѣдній колосокъ въ моемъ полѣ; а тутъ сѣвъ, а тутъ уборка овса, а тутъ кормить крестьянъ; а тутъ и проч. И такъ, я не могу слушаться великаго человѣка и самъ переписывать; а мой переписчикъ теперь таскаетъ снопы“ (Модзалевскій, стр. 33—34).

Въ одномъ письмѣ своемъ къ Погодину, Иванчинъ-Писаревъ выражаетъ свой взглядъ на оброкъ и барщину. „Знаю только“, писалъ онъ, „что пынѣ и легкій оброкъ гибель пароду, а умная барщина его благо. У меня каждый крестьянинъ въ свободное время отъ барщины выручаетъ себѣ триста рублей отъ тканья, а при томъ засѣваетъ и убираетъ въ пору и свое поле. И такъ они живутъ припѣваючи, чѣмъ я и хвалюсь во всемъ околоткѣ. Что же я получаю доходу?—Двѣсти пятьдесятъ рублей. Положи я ихъ на оброкъ—ни одинъ не заплатитъ ста рублей, отъ лѣности, перадѣнии и пылства, въ которомъ они погрязнутъ, какъ и другіе оброчные“. (Погодинъ, VIII, 15).

Иванчинъ-Писаревъ умеръ въ своихъ Рудинахъ, 25 Января 1849 года, и погребенъ около церкви. Старинный другъ его Снегиревъ помянулъ его такими словами: „Благочестивый по душѣ, поэтъ и аристократъ, онъ посвящалъ труды свои Отечественной Церкви, описалъ монастыри Симоновъ, Новоспасскій, Андроніевскій и Троицкую Лавру. У него мысль подчинена выраженію, по Карамзинской формѣ. Поѣздка по Коломенскому уѣзду любопытна и важна. Дай Богъ, чтобы подобныя дѣятели у насъ не переводились“. (Погодинъ, X, 544).

Николай Барсуковъ.

2 февраля 1905 года.

С.-Петербургъ.

АЛЬБОМЪ.

Л. 1. Мои Пенаты.

Л. 2. Стихотвореніе Хозяина Альбома.

Всемощны Августы! Надменны Меценаты!
Друзья питомцевъ Музъ, Овидій васъ узналъ.
Не вы, о сильныя! не вы мои Пенаты:
Я лестью жертвъ моихъ еще не утучнялъ:
Богатъ или убогъ, но не склоняя вью,
Съ презрѣньемъ оттолкну Фортуны колесо,
Повергши въ прахъ и Римскаго Витію,
Расина, Мильтона, Торквато и Руссо!
Природѣ и друзьямъ мой жертвенникъ смиренный!
И за крылатую не ссоряся съ судьбой,
Подъ тѣнь родныхъ дубравъ, подъ кровъ удивленный
Лишь строки милыхъ мнѣ я упошу съ собой.

Л. 3. Собственноручный списокъ:

кто и когда писали въ семь Альбомѣ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. 1818 года Декабря 23.

Николай Михайловичъ Карамзинъ. 1819 г. Февраля 5.

Василій Андреевичъ Жуковскій. 1819 г. Февраля 9.

Владиміръ Васильевичъ Измайловъ. 1819 Марта 6.

Василій Львовичъ Пушкинъ. 1819 Января 9.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. 1819 Января 14.

Анна Петровна Бупина. 1819 Марта 10.

Княжна Графена Ивановна Трубецкая. Музыку для моего
романса: Сердце, сердце. 1819 Марта 6.

Дмитрій Потаповичъ Шелеховъ. 1819 Января 27.
 Петръ Александровичъ Новиковъ. 1819 Марта 6.
 Михайль Александровичъ Дмитріевъ. 1819 Юля 2.
 Александръ Александровичъ Писаревъ. 1820 Января 6.
 Княжна Аграфска Иванова Трубецкая. Музыку для двухъ
 моихъ романсовъ: Ты грустишь, и Могу-ль перемѣниться.
 1820 Марта 1.

Князь Федоръ Николаевичъ Голицынъ. 1820.
 Федоръ Федоровичъ Коконкинъ. 1821.
 Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ. 1822 Апрелья 12.
 Княгиня Зенаида Александровна Волконская. 1826 Марта 2.
 Раичъ. 1828 Декабря 30.
 Александра Антоновна Засѣцкая. 1828 Февраля 19.
 Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. 1828 Декабря 30.
 Евгеній Абрамовичъ Баратынскій 1829 Января 28.
 Мозаикъ дѣлалъ шевалье Барбери. 1826.
 Николай Ивановичъ Гпѣдичъ. 1831 Юня 30.

Л. 5. Стихотвореніе Ивана Ивановича Дмитріева.

Кто болѣе другихъ по сердцу говоритъ;
 Привѣтливъ, а не подлъ; не гордъ, а саповитъ,
 И знаемъ безъ чиновъ, безъ знатности и злата?
 Поэтъ: онъ ни за что не будетъ другъ разврата;
 Всегда великъ душой, и мыслями высокъ,
 Ласкать самимъ царямъ считаетъ за порокъ,
 Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ,
 И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ;
 Стыдится быть врагомъ совмѣстниковъ своихъ,
 Талантомъ лишь однимъ смиряетъ дерзость ихъ....

* * *

Увы! и самый даръ Виргиліи не спасетъ,
 Когда невинности смяренной вредопосетъ,
 Злословитъ добраго и вводитъ въ краску дѣвъ;
 Пусть грянетъ на меня, не медля, Божій гнѣвъ,
 Коль скоро узвлю перомъ или на лирѣ,
 Хотя единожды честнаго мужа въ мірѣ!...

* * *

О естли бы я мочь, безъ рабства, обольщеня,
 Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ!
 Считать весь міръ друзей въ умѣренномъ числѣ;
 Для утѣшеня ихъ употреблять все силы,
 Читать, что мнѣ правится; а видѣть, кто мнѣ милы.

И. Дмитріевъ.

Л. 6. Автографъ Карамзина: Изъ IX т. Россійской Исторіи, гл. 1.

Авасіей сталъ на святительское мѣсто, выслушалъ привѣтственную рѣчь Царя, далъ ему благословеніе, и громогласно молилъ Всевышняго, да исполнитъ здравіе и побѣды Іоанну. Онъ уже не смѣлъ, кажется, говорить о добродѣтели!

Н. Карамзинъ.

С. Петербургъ
 5 февраля 1819.

П. Д. Иванчинъ-Писаревъ замѣтилъ: „Получено мною прежде нежели вышелъ въ свѣтъ IX томъ Истор. Рос. Госуд.“

Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ родился въ Москвѣ, въ 1764 году, воспитывался въ Московскомъ Университетѣ. По увѣренію Греча, изученіе языка Латинскаго и прилежное чтеніе духовныхъ книгъ раскрыли таившіяся въ Долгорукомъ таланты къ поэзій, который образованъ былъ, подъ покровительствомъ И. И. Шувалова и М. М. Хераскова, достойными профессорами Московскаго Университета“. (Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы Спб. 1822. IV, 483—484). О Долгоруковѣ И. И. Дмитріевъ говорил князю Вяземскому, что „онъ въ молодости былъ рѣзовъ до безумія. Бывало придешь къ нему, онъ скачетъ по стульямъ, по столамъ, уйдешь отъ него не добившись слова благоразумнаго. Любилъ хорошо ѣсть и кормить. Какъ скоро заведутся деньги, то задастъ обѣды. Странно одѣвался, ходилъ по улицамъ въ одеждѣ полу-полковой и полу-актерской изъ платья игранныхъ имъ ролей“. (Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1884. IX, 62).

Л. 7. Стихотвореніе Кн. Ивана Михайловича Долгорукова.

Въ альбомъ писать стихи—мое ли право дѣло?
 Ты требуешь того—я поступаю смѣло.
 Но что писать къ тому, кто такъ взростилъ какъ ты
 Неувядаемы поэзіи цвѣты,
 Кто смѣлъ (твои слова) близъ ангела молиться,
 И съ образомъ его отъ свѣта удалиться*).
 Хотя два раза почти я старѣе тебя,
 Но такъ же горячо и самъ еще любя,
 Довѣренности въ знакъ здѣсь молвлю откровенно,
 Что пламенной любви въ насъ чувство неизмѣнно;
 Оно еще въ раю, какъ самый даръ благой
 Дано Творцемъ міровъ съ безсмертной памъ душой.
 Пускай смѣется свѣтъ сіи читалъ строки,
 Что старый хрѣнъ какъ я даетъ любви уроки:
 Зачѣмъ же нѣтъ? скажу, душа моя жива,
 Ко сладостямъ любви она еще нова,
 Ее не умертвлять ни времена, ни годы,
 И старецъ во сто лѣтъ въ пріятный мигъ свободы
 Способенъ иногда блаженства чашу пить,
 Въ хороминѣ простой все небо заключить.
 Любовь, которая насъ то нѣжитъ, то тревожитъ,
 Которой изъяснить ничей языкъ не можетъ.
 Любовь есть намъ удѣлъ, сокровище дупи,
 Богатство въ нищетѣ—величіе въ глупи;
 Отъ прелестей ея какой мудрецъ спасется?
 Мы любимъ всякой день доколѣ сердце бьется,
 И даже, признаюсь, подъ крышкою гробовой
 Мнѣ кажется туда сокроется со мной
 Последняя мечта, послѣдній видъ предмета
 Который былъ мнѣ здѣсь всего дорожѣ свѣта.
 Законъ души моей въ альбомъ вмѣщаю твой:
 Кто любитъ тотъ въ раю; кто милъ—тотъ богъ земной.

12 Апрѣля 1822.

*) Относится къ однимъ изъ стиховъ Хозяина Альбома.

Иванчинъ-Писаревъ.

Подлинникъ вписанъ въ Альбомъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгоруковымъ по случаю чтенія въ его обществѣ пьесы Н. Д. Иванчина-Писарева Отъѣздъ.

Въ 1828 году, свидѣтельствуется Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, „я часто встрѣчался съ Пушкинымъ, и однажды предложилъ ему вписать что нибудь изъ своихъ стиховъ въ мой альбомъ. Онъ при мнѣ же вписалъ извѣстные стихи: Муза. На вопросъ мой: отъ чего эти пришли ему на память прежде всякихъ другихъ?— „Я ихъ люблю“, отвѣчалъ Пушкинъ: „они отзываются стихами Батюшкова“ (Москвитинъ 1842. № 3, стр. 147).

Стихотвореніе Муза написано Пушкинымъ 14 февраля 1821 г.
Л. 9. Стихотвореніе Александра Сергѣевича Пушкина.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой; и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами
И пѣсни пѣжныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной,
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ.
Онъ душу наполнялъ святымъ очарованьемъ.
30 дек. 1828.

Москва.

Въ 1817 году Жуковскій былъ избранъ учителемъ Русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ.

Въ 1837 году Жуковскій сопровождалъ Государя Наслѣдника въ его путешествія по Россіи и Сибири. Въ этомъ году Жуковскій дважды посѣтилъ Москву: 24 Іюля—9 Августа и съ конца Октября до середины Декабря. Во время пребыванія Жуковскаго въ Москвѣ, Погодинъ часто съ нимъ видѣлся. Слушалъ его рассказы

объ Арзамасѣ, о смерти Пушкина, объ его молодости. Вместе съ тѣмъ Погодинъ ужасно досадовалъ „изъ самолюбія“, что ему не удалось вместе съ И. И. Дмитріевымъ и Жуковскимъ побывать въ Англійскомъ клубѣ. Въ то же время онъ убѣждалъ Жуковскаго „приняться за переложеніе Кіево-Печерскаго Патерика“ (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1892. V, 8).

Одновременно съ выходомъ 1-го номера Москвитянина, въ Январѣ 1841 года, Жуковскій посѣтилъ Москву. Покончивъ свои обязанности воспитателя Государя Наслѣдника, онъ переселился на берега Рейна и Майна. До отъѣзда въ чужіе края, онъ посѣтилъ Москву для свиданія съ людьми близкими ему по плоти и духу (ibid. VI, 18—20).

Л. 10. Стихотвореніе Василія Андреевича Жуковскаго.

Блаженъ, о Филонъ, кто Харитамъ
 Богинямъ жертвы приносить!
 Какъ свѣтлые дни легкокрылаго мал, въ блескѣ весеннемъ,
 Какъ волны ручья, озарены улыбкой юнаго утра,
 Дни его легкимъ полетомъ летятъ!
 И полный фіаль, освященный устами дѣвъ полногрудыхъ,
 И лира, въ кругу окрыленныхъ пляской Фавновъ звѣняща,
 Да будутъ отъ насъ до писхода въ предѣлы тайнаго міра
 Граціямъ, дѣвамъ стыдливости даръ!
 И горе тому кто Харитамъ противенъ: пизкія мысли
 Его отъ земли не восходятъ къ Олимпу; Богъ пѣнопѣня
 И пѣжный Эроть съ нимъ враждуютъ; напрасно лиру онъ
 строятъ
 Жизни въ упорныхъ не будетъ струнахъ.

В. Жуковскій.

1819 г. февраля 9.

С. Петербургъ.

Л. 63—64. Пять писемъ В. А. Жуковскаго къ Н. Д. Иванчину-Писареву.

(1817—1841).

1.

Сердечно благодарю Васъ, любезнѣйшій Николай Дмитріевичъ за доставленіе Вашихъ прекрасныхъ писемъ. Желать бы войти въ

нѣкоторыя о нихъ подробности, по въ эту минуту совершенно не имѣю времени. Гораздо будетъ лучше при свиданіи. Я обыкновенно бываю почти всякій день послѣ обѣда въ семь часовъ дома и въ это время свободнѣе. Если вамъ удастся пайти меня спящимъ, то безъ зазрѣнія совѣсти будите меня. И такъ простите до пріятнаго свиданія. До тѣхъ поръ съ совершеннымъ почтеніемъ остаюсь

Вамъ преданнѣйшимъ слугою
Жуковскій.

Извините, что гиль наворотилъ—спѣшу.

Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ относить это письмо къ 1817 году.

Осенью 1817 года, Жуковскій жилъ въ Москвѣ, только что начавъ свои занятія съ великою княгинею Александрою Фёдоровною. (Уткипскій Сборникъ. М. 1904 г. стр. 27).

2.

Успѣю только поблагодарить васъ отъ всего сердца за вашъ любезный подарокъ и за дружеское воспоминаніе. Экземпляръ вашей книги передамъ съ величайшимъ удовольствіемъ Его Высочеству. Жаль очень что не буду имѣть удовольствія повидаться съ вами лично: сей часъ видѣлъ Петра Дмитриевича. Простите писать болѣе не могу. Вашъ человекъ сѣднеть; а у меня теперь сидятъ гости*).

Примите увѣреніе въ душевной преданности, съ коюю честь имѣю быть

вашимъ
покорнѣйшимъ слугою
Жуковскій.

25 Іюля Москва

1837 г.

На письмѣ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ отмѣтилъ: „Письмо по случаю послышки отъ меня экземпляровъ книги: Взглядъ на Старинную Русскую Поэзію“.

24 Іюля 1837 года, Жуковскій, сопровождая Государя Наслѣдника Александра Николаевича прибылъ въ Москву (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1892 г. V, 1).

*) То есть визиты цѣлой Москвы.

3.

Милостивый Государь

Николай Дмитриевичъ.

Душевно благодарю васъ за два письма ваши, я собирался отвѣтить на первое доставленное мнѣ вашимъ братцомъ, когда получилъ второе.

Отвѣчая на первое скажу вамъ, что я согласенъ съ Вами: лучше не печатать Вашего отвѣта на критику, которою задѣли вашу книгу. Связываться съ пѣкоторыми изъ нашихъ самозванцевъ критиковъ не знающихъ ни какого приличія есть тоже что бороться съ пьянымъ, который весь въ грязи—только что замарашься. Лучшее средство противъ дурного вліянія этой журнальной, торговой литературы есть болѣе писать (говорю это хорошимъ писателямъ) и изданіе хорошаго журнала, дѣльнаго для отборныхъ, и наставительно-просвѣтительнаго для толпы, журнала издаваемого совѣстными литераторами не для однихъ денегъ*).

*) Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Скажу вамъ, что стихи Жуковскаго, въ которыхъ онъ не совѣтуетъ Кирѣевскому вступить въ полемику журнальную, меня поразили. Я имѣю передъ собою два письма: одно Н. И. Дмитриева, другое В. А. Жуковскаго объ одномъ и томъ же предметѣ. Я напечаталъ однажды (1837 г.) брошюру: Взглядъ на старинную Русскую поэзію. Сенковскій, въ своей Библіотекѣ для Чтенія, осмѣялъ ее и меня, заставляя меня, по своему обыкновенію, говорить то, чего я не говорилъ. И. И. Дмитриевъ всыпнулъ и написалъ ко мнѣ: „Благодарю за подарокъ. Но, въ досадѣ моей, на другой же день увидѣлъ въ послѣдней книжкѣ Библіотеки для Чтенія и пристрастный, и насмѣшливый отзывъ о вашемъ сочиненіи, писанный издателемъ или здѣшнимъ его помощникомъ. Вы, можетъ быть, захотите отвѣчать тому или другому: въ этомъ только намѣреніи рѣшился я сообщить вамъ при семъ прилагаемую выписку изъ журнала“. Получивъ эти строки, я, въ нѣлу негодованія, написалъ отпоръ противъ шутокъ, унижающихъ журналиста, и противъ гнуснаго ремесла приправлять ихъ лживыми ситаціями. Цѣлый неписанный мною листъ былъ прпровожденъ къ Н. И. Дмитриеву; но всегда съ твердымъ намѣреніемъ не печатать его, помня совѣты Н. М. Карамзина. За снѣмъ получаю я письмо отъ Н. И. Дмитриева: „Благодарю васъ за сообщеніе замѣчаній. Они всѣ основательны, и я искренно сожалею, что вы уступчивостію и смпреніемъ своимъ подаете поводъ прозлѣятаямъ Смирдинской школы быть наравителями нашей полуграмотной публики. Какъ ни любилъ я Н. М. Карамзина и ни благоговѣю къ его памяти, но и его не одобрялъ за неумѣстное смпреніе противъ своихъ зондовъ. Большая часть нашихъ читателей скорѣе вмѣняютъ его въ безспіе къ отпору, чѣмъ въ благородное презрѣніе критикуемаго писателя“. Чуть-чуть не послалъ я своего отпора въ печать; но вдругъ письмо отъ В. А. Жуковскаго“. (Жизнь и Труды М. И. Погодина. Сиб. 1894 г. VIII, 11—12).

Благодарю Васъ за сообщеніе мнѣ вашихъ статей и писемъ о нашемъ незабвенномъ Н. Н. Дмитріевѣ. Что нужно перешлю изъ этихъ бумагъ К. Вяземскому; онъ будетъ умѣть написать объ немъ достойнымъ его образомъ. Богъ не судилъ мнѣ видѣть его въ послѣднія минуты его жизни; но я имѣлъ великое утѣшеніе провести съ нимъ вмѣстѣ три дня сряду въ первый проѣздъ мой черезъ Москву: это было какъ будто прощаніе; онъ былъ необыкновенно ко мнѣ прѣженъ; но у меня и тѣни предчувствія не было, что отошедъ отъ него я простился съ нимъ на вѣки *).

Простите, любезнѣйшій Николай Дмитріевичъ, живите спокойно въ кругу вашего семейства, украшайте свое мирное счастье благородною дѣятельностію литератора и въ этомъ пріютѣ, сохраните дружеское воспоминаніе, вмѣстѣ съ тѣми, кои васъ уважаютъ и мнѣ, которому ваше воспоминаніе всегда будетъ драгоценно.

Съ искреннимъ почтеніемъ честь имѣю

Милостивый Государь
Вашимъ
покорнымъ слугою
Жуковскій.

Ноября 12 1837.

Москва.

4.

Л. 64. (1837. Декабрь).

И хотѣлъ вчера быть у васъ послѣ обѣда, но вмѣсто того почувствовавъ себя не здоровымъ отправился домой, не обѣдавъ, и проспалъ до 8 часовъ. Это меня вылѣчило. Вечеръ я провелъ у Авдотьи Петровны **). Нынче уже будетъ мнѣ невозможно воспользоваться вашимъ любезнымъ предложеніемъ. Укладываюсь и черезъ нѣсколько часовъ ѣду. Простите. Не забудьте передать вамъ

Жуковского.

5.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій Николай Дмитріевичъ за пріятный подарокъ, и не за одинъ а за два, ибо по возвращеніи изъ чужихъ краевъ получилъ я и первую брошюру вашу о Симо-

*) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ скончался 3 Октября 1837 года.

***) Елагиной. Н. Б.

новѣ монастырѣ. Обѣщаю себѣ много удовольствія отъ прочтенія той и другой. Между тѣмъ должнѣ изъяснить вновь свое сожалѣнiе о томъ, что не увижу васъ въ Москвѣ; и тѣмъ болѣе сожалѣю объ этомъ что причина вашего сюда непріѣзда для васъ столь печальна. Надѣюсь что ваши безпокойства на счетъ болѣзни сына вашего скоро кончатся.—И пробуду въ Москвѣ еще подѣли три. Если наче чайнѣй вамъ можно будетъ сюда пріѣхать, то нельзя ли устроить чтобы вмѣстѣ съ вами я могъ увидѣть и ваше драгоценное собраніе гравюръ. Баронъ Черкасовъ отъ него въ полномъ восхищеніи. Надобно же было такъ устроиться обстоятельствамъ, чтобы въ послѣдній мой пріѣздъ въ Москву мнѣ не пайти случая увидѣть это собраніе. А теперь уже и не видѣть его, ибо уѣхавъ изъ Москвы уѣду по крайней мѣрѣ года на два на три.

Простите любезный Николай Дмитріевичъ. Сердечно благодарю васъ за ваше дружеское поздравленіе. Желаю искренно вамъ продолжительнаго и постояннаго счастья.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

преданный вамъ

Жуковскій.

23 Января 1841.

Москва.

Л. 9. об. Запись Александра Ивановича Тургенева.

Le bonheur est dans la vertu qui aime et dans la science qui éclaire.

Moscou le 26 janvier 1835.

Въ письмѣ своемъ къ Погодину Иванчипъ-Писаревъ писалъ „А. И. Тургенева вмѣстѣ съ Жуковскимъ я еще зналъ пансіонеромъ Московскаго Благороднаго Пансіона, а послѣ сблизился съ нимъ въ обществѣ И. И. Дмитріева, Блудова, Даншкова, да князя П. Г. Щербатова, съ которымъ дѣлилъ удовольствія своей охоты къ художественнымъ предметамъ“. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Сиб. 1894 г. VIII, 249).

Въ своей Отечественной Галереѣ, Иванчипъ-Писаревъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о Князѣ Осдорѣ Николаевичѣ Голлицкѣ.

Князь Голицынъ родился въ 1750-мъ году и скончался въ Москвѣ въ 1827 году. Начавъ службу въ гвардіи, онъ былъ взятъ ко Двору, въ качествѣ камеръ-юнкера. Съ молодости онъ много путешествовалъ по чужимъ краямъ. „Онъ мыслилъ въ Германіи и Англіи, созерцалъ природу въ Швейцаріи, веселился во Франціи, плѣнился дивами древняго и среднихъ вѣковъ искусства въ Италиі“. Былъ любимъ королею французскимъ Людовикомъ XVI и его супругою. По возвращеніи въ Отечество, „къ бесѣдамъ Шуваловыхъ, Тепловыхъ, Бецкихъ, Строгоновыхъ“, онъ былъ назначенъ кавалеромъ при особѣ Великаго Князя Павла Петровича. Потомъ, нѣсколько времени находился посломъ при Стокгольмскомъ Дворѣ. „Сіе посольство замѣчательно тѣмъ, что любя отечественныя письмена и щеголяя знаніемъ языка своего, который изучалъ лучше многихъ своихъ современниковъ, князь Голицынъ рѣшился писать къ Екатериинѣ II по Русски. Это понравилось Монархинѣ, и она приказала всѣмъ посламъ своимъ писать къ ней по Русски же, исключивъ изъ сего правила одного графа Разумовскаго, который просилъ позволенія продолжать свои донесенія на Французскомъ языкѣ; между тѣмъ какъ князь Вѣлосельскій до того былъ тщателемъ касательно исполненія сей монаршей воли, что началъ употреблять самыя коренныя Русскія слова, иногда самыя старинныя, и вынуждалъ Императрицу прибѣгать къ помощи Словаря. Бывъ назначенъ кураторомъ Московскаго Университета, князь Голицынъ оставилъ по себѣ добрую память какъ преемникъ Шувалова, какъ мужъ просвѣщенный и любимый начальникъ.—Разстроенное здоровье его супруги заставило его снова проститься съ Отечествомъ; онъ въ третій разъ поѣхалъ во Францію, гдѣ не узналъ уже Франціи, какъ говорилъ онъ самъ. Наполеонъ увидѣлъ князя Голицына въ Малтійскомъ мундирѣ, и съ грубостію спросилъ у него, по какому праву, не бывъ католикомъ, онъ считасть себя Малтійскимъ кавалеромъ,—„И Малтійскій кавалеръ потому, что мы Россіяне, признаемъ себя, не менѣе католиковъ, добрыми христіанами“, отвѣчалъ Князь. Конецъ своей жизни князь Голицынъ провелъ „въ тѣни садовъ своего Петровскаго“. Иванчинъ-Писаревъ получилъ отъ него собственноручный списокъ, сочиненныхъ имъ въ 1820 году стиховъ. (I, 157—165)

Л. 11. Стихотвореніе князя Оедора Николаевича Голицына.

Стихи сочинены мною въ селѣ Петровскомъ на семьдесятomъ году жизни моей въ лѣто 1820.

Петровское село, жилище дорогое
Гдѣ въ первой младости пріятно я живаль
Теперь преклонны дни веду въ тебѣ въ покоѣ
Любуясь на мѣста, гдѣ прежде я гуляль.

Эти четыре стиха писаны—собственноручно княземъ Голицынымъ, а остальные другою рукою. Въ концѣ сдѣлана собственноручная приписка: „Въ угодность Николаю Дмитріевичу списаны. Князь Оедоръ Голицынъ“.

Владиміръ Васильевичъ Измайловъ, родился въ Москвѣ 1773 г., воспитывался и обучался въ домѣ родительскомъ. Въ своей Отечественной Галлерей, Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ почтять и его память. „Исполнилъ обязанность Русскаго дворянина“ Измайловъ вступилъ въ военную службу, въ которой находился не долго. „Заря авторской жизни его возникла при полномъ свѣтѣ знаменитыхъ талантовъ, сіявшихъ тогда на горизонтѣ нашей Словесности. Счастливое время, когда молодой писатель могъ переходить изъ кабинета Карамзина, Муравьева или Дмитріева за гостепріимный столъ Хераскова или Державина! Такова была школа Измайлова“.

Въ Москвѣ Измайловъ имѣлъ наставникомъ въ Словесности извѣстнаго Подшивалова, который издавалъ журналъ: Пріятное препровожденіе времени, гдѣ Измайловъ помѣщалъ свои сочиненія. Скоро почувствовалъ Измайловъ; что „независимая сельская жизнь должна питать занятія, которымъ онъ посвятилъ себя,—и, недалеко отъ Москвы, въ уединенной деревнѣ своей, онъ провелъ большую часть своей жизни“. Тамъ рядомъ съ Словесностью, Измайловъ занимался и Ботаникою; но скончался онъ въ Москвѣ, въ Апрѣлѣ 1830 года.

„Ныгѣ вошло въ употребленіе“, писалъ Иванчинъ-Писаревъ, „называть подражаніемъ сходство въ мысляхъ и чувствахъ одного человѣка съ другимъ; и такъ, слѣдуя сему употребленію, или лучше сказать злоупотребленію словъ, скажемъ, что Измайловъ подра-

жалъ Карамзину не въ одномъ слогѣ, но и въ участіи, которое принимаетъ патріотъ въ судьбѣ своихъ сограждагъ, въ ихъ славѣ и благоденствіи; подражалъ ему въ поощреніи юныхъ талантовъ...; подражалъ ему въ умѣренности, когда произносилъ приговоръ нервнымъ ихъ произведеніямъ; подражалъ ему въ безответствіи на статьи несправедливыя...; подражалъ ему въ незлобіи и примодушнѣи.... Однимъ словомъ, Измайловъ подражалъ Карамзину, ибо подобно ему, остался до послѣдней минуты жизни, и чистымъ писателемъ и чистымъ человѣкомъ". (Иванчинъ-Писаревъ. Отечественная Галерея, Москва 1832 I, 466—475).

По словамъ М. А. Дмитриева, Измайловъ „въ подражаніе Карамзину, поѣхалъ путешествовать по Южной Россіи. Это путешествіе въ подражаніе ему же, онъ описалъ въ письмахъ“. По поводу кончины Измайлова, князь П. А. Вяземскій, 17 Іюня 1830 г., писалъ И. И. Дмитриеву: „Пожалѣвъ о смерти добраго Измайлова, подумалъ я и о вашей грусти. Вы любили его и имѣли въ немъ собесѣдника, съ которымъ можно было вамъ мѣняться не одними словами, а и мыслями. Закажите по данному вами плану некрологическую статью о немъ Иванчину-Писареву и подарите ея Литературную Газету. Измайловъ оставилъ по себѣ честную память, которую надобно беречь. При нынѣшнемъ упадкѣ нравственномъ нашего литературства должно выставять въ примѣръ и въ пристыженіе имена литераторовъ честныхъ, добросовѣстныхъ и чистыхъ. Покойникъ принадлежалъ къ сему числу; изъ твореній его, можетъ быть, и не многому научишься, но изъ жизни его научишься уважать заштія литературныя и облагораживать свои способности“. (Старина и Новизна. Спб. 1898 г. II, 227).

Л. 13. Стихотвореніе Владиміра Васильевича Измайлова.

Печать таланта есть духъ смѣлый, благородный,
 Умъ творческій, въ путяхъ вселенія, свободный,
 Пространство облетѣвъ, пятаетъ новый жаръ
 И въ новый путь течетъ. На то ль имъ принять даръ
 Орлиныхъ быстрыхъ силъ, чтобъ ползати червемъ въ прахѣ?
 Невѣжда не дерзнетъ и мыслить въ рабскомъ страхѣ;
 Но мудрый судить, зрѣть и мыслить самъ собою;
 Предъ нимъ всегда отверсть храмъ истины святой,

Покровъ людскихъ сердець и тайный путь природы
 Ведущій къ счастью и Царства и Народы;
 Одинъ, въ толпѣ людей, одинъ онъ безъ оковъ
 Возноситъ смѣлое чело среди рабовъ.
 Развратомъ нравовъ злыхъ въ душѣ не зараженный,
 Раздоромъ мнѣній чуждъ, въ дни бури неизмѣнный,
 Для счастья совѣсти, любя одно добро,
 Онъ ложью не сквернитъ чистѣйшее перо.
 Сынъ злато передъ нимъ, о! ты богатствъ владѣтель!
 Не мудрый принесетъ имъ въ жертву добродѣтель.
 Руссо, съ великою душой своей, летѣлъ
 Отъ пышныхъ городовъ подъ кровъ смиренныхъ селя.
 Напрасно лстятъ ему блестящею судьбою;
 Онъ ищетъ лишь пути къ сердечному покою.
 Какъ цѣпи ни злати, окованъ ими духъ;
 И онъ бѣжитъ отъ нихъ, бѣжитъ отъ всѣхъ услугъ
 Нескромной щедрости въ дарахъ ея надмѣнной,
 Укрытъся за щитомъ природы освященной.
 На зелени луговъ, и на вершинахъ скалъ
 Гдѣ часто умъ его такъ сладостно мечталъ,
 Тамъ, съ сердцемъ навсегда фортунѣ неподвластнымъ,
 Чѣмъ радовался онъ? Зарей и утромъ яснымъ....

.
 Такъ истинный талантъ всегда добромъ плѣнился.
 Напрасно въ ярости всесильный врагъ грозитъ
 Изгнать его на вѣкъ изъ общества людей:
 Таланта истребить не можетъ и злодѣй
 Для славы нѣтъ темницъ, для мудрыхъ нѣтъ изгнанья;
 Край свѣта, область тмы гдѣ солнца нѣтъ сіянья,
 Для гордыхъ мудрецовъ не страшны ничего.
 Хотя и заточать—спокоснъ духъ его;
 Съ наукою служить вездѣ ему готовой,
 И въ ссылкѣ онъ даритъ себя отчизной новой.

1819

Владиміръ Измайловъ.

Марта 3 дня.

Москва.

Анна Петровна Бунина, родилась 1774 года, 7 января въ Рязанской губерніи, Раенбургскаго уѣзда въ родовомъ помѣстьѣ селѣ Урусовѣ. „Она достойна вниманія какъ писательница съ истиннымъ талантомъ, для которой поэзіи была не забавою, но главнымъ дѣломъ ея жизни“. Въ 1802 году изъ деревни она переселилась въ Петербургъ и здѣсь подъ руководствомъ Непремѣннаго Секретаря Россійской Академіи П. И. Соколова изучала Русскую Словесность. (Энциклопедическій Словарь Плюшара Спб. 1836. VII, 356—358). Благодаря особенному расположенію къ ней Державина и Шишкова, Бунина была избрана членомъ Бесѣды Любителей Русскаго Слова. Въ Русскомъ Архивѣ К. Я. Гротъ напечаталъ Альбомъ А. П. Буниной, въ которомъ на первой страницѣ красуется автографъ Державина (21 марта 1810):

Стихи твои пріятны, звонки
Показываютъ умъ намъ тонкій
И правятся тѣмъ всѣмъ,
А болѣе ничѣмъ.

Шишковъ же въ томъ же Альбомѣ записать:

Отъ прелестей твоихъ стиховъ
Всѣ, всѣ безъ обороны;
Такъ каркнемъ же хоть пару словъ
И мы, вороны.

Памъ кажется, ты то между людей,
Что между нами соловей. (Русскій Архивъ 1902. № 3, стр. 500—506).

„Помню“ писалъ С. Т. Аксаковъ, „что я два раза читалъ у Державина при многихъ слушателяхъ какое то большое дадактическое стихотвореніе А. П. Буниной, которое принималось всѣми съ большимъ одобреніемъ; но, кажется, кромѣ гладкихъ, для того времени, стиховъ и цвѣтистости языка, не имѣло оно другихъ достоинствъ“. (Семейная Хроника. М. 1856. II. 390—391).

Последніе годы своей жизни А. П. Бунина жила у племянника своего Дмитрія Максимовича Бунина въ его Раенбургскомъ имѣніи Денисовкѣ, въ пяти верстахъ отъ Урусова, гдѣ 4 декабря 1829 года скончалась и погребена въ селѣ Урусовѣ. (Русскій Архивъ. 1902. № 3, стр. 500).

Л. 16. Стихотвореніе Анны Петровны Буниной.

Ведомый Гепіемъ къ потоку Ипокрены
 Иди съ безпечностью стезей своей
 И терновъ не робѣй:
 Тебя не прикаснутся терны!
 Природа имъ въ удѣлъ пазначила мѣста,
 Которыхъ Фебова не грѣеть теплота.

Анна Бунина.

Л. 17. Стихотвореніе Василія Львовича Пушкина.

Подражаніе Горацію
 къ Аполлону.

Quid dedicatum pascit Appolinem vates?
 Какого счастья желаетъ,
 О Аполлонъ! питомецъ твой,
 Когда онъ, въ честь твою, изъ чаши изливаетъ
 Вино усердною рукой?
 Не проситъ камней онъ Индійскихъ драгоценныхъ,
 Ни жатвъ Сициліи роскошныхъ береговъ,
 Не проситъ сочныхъ онъ плодовъ
 Странъ, тихою волной Лариса орошенныхъ.
 Въ чаши дубовые собирая виноградъ;
 Пусть славится судьбой, владѣющій садами,
 Богатство получивъ, за дальними морями,
 Пусть счастливый купецъ, срѣдъ пѣги и прохладъ
 Съ друзьями время провождаетъ
 И кубокъ золотой,
 Съ виномъ Фалерпскимъ осушаетъ! . . .
 Да будетъ онъ хранимъ судьбою!
 Да корабли его несомые волнами,
 Безъ опасенья бурь, чрезъ Океанъ текутъ.
 И перлы въ дань ему, и яхонты несутъ!
 А я, подъ тѣнь древесъ, Минергъ посвященныхъ,
 Скрываясь, не прошу ни злата, ни садовъ;

Прошу я мирныхъ дней, часовъ уединенныхъ,
 Да буду въ старости, по благодати боговъ,
 Покрытый сѣдинами,
 Тебя, Латоны сынъ, на лирѣ воспѣвать
 И гѣлко—звучными стихами,
 Мой ясный вечеръ услаждать.

Василій Пушкинъ.

Стихотвореніе это записано въ Альбомъ 9 февраля 1819 года.

Л. 46. Письмо Василія Львовича Пушкина.

Поздравляю васъ, Любезнѣйшій Николай Дмитріевичъ съ наступающимъ великимъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Желаю, чтобъ вы провели его весело, посреди любезнаго семейства вашего. Поздравляю васъ съ полученіемъ листковъ для вашего Альбома. Увѣдомьте меня о полученіи оныхъ. Жуковскій васъ обнимаетъ, и проситъ, чтобъ вы его любили и не забывали. И я васъ прошу о томъ же. Будьте увѣрены, что пріязнь ваша для меня драгоцѣнна, и не забывайте истинно преданнаго и почитающаго васъ покорнаго слугу.

Василій Пушкинъ.

Москва.

3 апрѣля.

Л. 18. Стихотвореніе князя Петра Андреевича Вяземскаго.

Изъ Воспоминанію.

Написано въ Москвѣ, 14 Января 1819. Напечатано въ Дамскомъ Журналѣ 1823 году. № 6, стр. 234; а потому въ Полномъ Собраніи Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго помѣщено подъ 1823 годомъ (III, 319).

Федоръ Федоровичъ Кокошкинъ родился въ Москвѣ 20 Апрѣля 1773 года, умеръ 9 Сентября 1838 г. Воспитывался въ Московскомъ Университетѣ. Съ 1817 по 1831 г. съ успѣхомъ управлялъ Московскимъ театромъ. Имъ поощрены были дебюты Мочалова, Щепкина и Живокини, которые „всегда относились къ нему съ благодарностью. При немъ процвѣтала актриса Сандупова“ (Графъ

Сологубъ. Воспоминанія. Спб. 1887, стр. 5). Въ литературѣ Кокочкинъ извѣстенъ „удачнымъ переводомъ Мольерова Мизантропа. По своимъ литературнымъ попятіямъ Кокочкинъ былъ „записнымъ классикомъ“. Онъ не признавалъ ни Шиллера ни Шекспира. Салтовъ, основываясь на показаніи Жандра, утверждаетъ, что Кокочкинъ „педружелюбно встрѣтилъ“ и комедію Грибоѣдова Горь отъ Ума. Кокочкинъ былъ замѣчательнымъ декламаторомъ. А. П. Миллюковъ пишетъ: „я помню, что въ первый разъ почувствовалъ уваженіе къ французской классической школѣ, когда услышалъ однажды сценическое состязаніе на вечерѣ у Кокочкина. Извѣстный актеръ Мочаловъ, прочелъ отрывокъ изъ драмы Виктора Дюканжа Тридцать лѣтъ или жизнь игрока, а Кокочкинъ велѣлъ за тѣмъ продекламировать какой-то монологъ изъ Циппы Корнеля, и въ декламачіи Кокочкина была какая-то поразительная сила и величіе, при которыхъ не замѣчалось фальши и ходульности, въ чемъ обыкновенно обвиняютъ представителей французской драмы и ея исполнителей на сценѣ“. (Литературныя встрѣчи и знакомства. Спб. 1890, стр. 12—13).

По словамъ графа В. А. Сологуба, Кокочкинъ „казался одиотвореніемъ важности, паѳоса и самодовольствія“ (Воспоминанія, стр. 5). Въ своемъ воспоминаніи о Кокочкинѣ А. П. Миллюковъ пишетъ: „Въ воспоминаніяхъ современниковъ Кокочкинъ представляется по большей части человѣкомъ далеко не симпатичнымъ: его обвиняютъ въ надутости чванствѣ, интригахъ и узкомъ педантизмѣ. Можетъ быть въ этихъ отзывахъ и была доля правды, но въ моей памяти онъ рисуется въ иномъ видѣ. Правда, я зналъ его недолго, въ моей ранней молодости, онъ представляется мнѣ человѣкомъ доброжелательнымъ, хотя во многихъ отношеніяхъ страннымъ и даже смѣшнымъ. Извѣстно, что онъ былъ недурнымъ актеромъ и удачно игралъ на своемъ домашнемъ театрѣ въ комедіяхъ Мольера, но едва ли въ ряду разыгранныхъ имъ ролей на сценѣ нашлось бы лицо, столько комическое, какъ онъ самъ былъ въ дѣйствительной жизни“. (Литературныя встрѣчи и знакомства. стр. 1—2).

Кокочкинъ былъ дважды женатъ: въ первомъ бракѣ на Варварѣ Ивановнѣ Архаровой, а во второмъ—на актрисѣ Аннѣ Семеновнѣ Потанчиковой.

Л. 19. Стихотвореніе Ѳ. Ѳ. Кокочкина:

Старость.

По кто, склошепъ къ землѣ главою,
 Дрожащей движется стопою?
 Чело—какъ зимней почи мракъ:
 Какъ свѣтъ луны въ туманѣ—зракъ:
 Власы—дерево вершина сгѣжна:—
 То старость дряхла, безнадежна!
 И се!—простерли долу персть,
 Намъ призракъ кажется ровъ изрытый:—
 Окрестъ холмы пескомъ покрыты:—
 Се бѣдъ конецъ, се гробъ отверсть!

Ода: Человѣкъ.—Ѳ. Кокочкинъ.

Вписано въ Альбомъ въ 1821 году.

Л. 68. Письмо Ѳедора Ѳедоровича Кокочкина.

Примите совершенную мою благодарность за безцѣпный подарокъ прекрасныхъ вашихъ произведеній. Не имѣя удовольствія еще знать васъ лично я уже, наслаждаясь чтеніемъ твореній, душою полюбилъ творца: съ того же пріятнаго вечера, какъ вы сдѣлали мнѣ честь вашимъ посѣщеніемъ, я по чувствамъ сердечнымъ сталъ принадлежать вамъ.—Крайне жалѣю что вчера меня не было дома—боюсь не видаться съ вами до вашего отъѣзда; а потому убѣдительно васъ прошу или назначить мнѣ часъ когда могу васъ застать, или оставя суетный свѣтскій обрядъ, обязать меня, пожаловать ко мнѣ откупать во вторникъ на той недѣли чѣмъ чувствительно обяжете, съ чувствами истиннаго почтенія вамъ

душою преданнаго

Ѳедоръ Кокочкинъ.

5 марта

1821-го года.

Л. 20. Стихотвореніе Дмитрія Потаповича Шелехова.
27 января 1819 г.

„Н. Д. Иванчину-Писареву. Отвѣтъ на предложеніе помѣстить стихи въ его Альбомъ между знаменитыми Шѣноповцами“.

Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Дивлюсь силѣ нѣкоторыхъ душь: Жуковскому, который старѣе меня, кажется, во-семью годами; Языкову, говорятъ, большому; М. А. Дмитріеву, давно уже не Геркулесу, хотя и не старому. Они поютъ, поютъ, поютъ,—да еще какъ поютъ! Покойный И. И. Дмитріевъ сказывалъ мнѣ, что его племянникъ два раза липался ногъ, въ послѣдній разъ Иванъ Ивановичъ говорилъ объ этомъ съ навернувшимися слезами. Я посѣтилъ М. А. Дмитріева—и было точно такъ“. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1894. VIII, 13).

Л. 21. Стихотвореніе М. А. Дмитріева.

Миръ Фантазіи.

Другъ и нѣги и мечтаній,
 Вѣрный Музъ съ юныхъ лѣтъ,
 Я въ страну очарованій
 Направляю свой полетъ!
 Тамъ свѣтлѣе дѣнь весенній,
 Изъ безоблачныхъ небесъ
 Сладострастной ночи тѣни
 Покрываютъ долъ и лѣсъ.
 Тамъ источника журчанье
 Сладче съ эхомъ говорить;
 Легче Цигтти сіянье
 Миртъ прибрежный серебрить;
 Воздухъ въ грудь вливаетъ сладость,
 Какъ амврозія боговъ—
 И зефиры вѣютъ радость
 Съ разцвѣтающихъ холмовъ.
 Все, что сердцу счастьемъ льстило
 Съ легковѣрныхъ юныхъ дней
 Тамъ свой образъ сохранило
 Въ прежней свѣжести своей:
 Всѣ надежды обѣщанья,
 Сердца первая любовь
 И погибшія мечтанья—
 Воскресають тамо вновь.

Пѣтъ ни вздоха тамъ, ни стога;
 Ня заботъ, ни страха пѣтъ;
 Для желаній—гѣтъ закона:
 Исполненье—имъ во слѣдъ!
 Все восторгъ! все наслажденье!
 Незамѣтенъ бѣтъ часовъ!
 Прошлыхъ горестей—забвенье,
 И на будущемъ—покровъ!
 О фантазія—богиня!
 Ты царица сей страны!
 Съ небосклона темносиня
 Лишь заблещетъ ликъ луны:
 Ты повсюду разсыпаешь
 Легкокрылый Сильфовъ рой,
 И любимцевъ похищаешь
 Тайно въ свѣтлый теремъ свой.
 Но никто, вѣковъ съ начала,
 Не открылъ туда путей:
 Лишь Пѣвцовъ ты допускала
 Искони къ странѣ своей!
 Чаще всѣхъ сей мѣръ забвенья
 Посѣщала Анакреонъ,
 И все днѣй его теченье
 Было . . . легкой, сладкой сонъ.

М. Дмитріевъ.

Записано въ Альбомъ: 2 Юля 1819 года.

Тайный Совѣтникъ Петръ Александровичъ Повиковъ былъ женатъ на дочери князя Ивана Михайловича Долгорукова княжнѣ Антонинѣ—Варварѣ Ивановнѣ. Въ лицѣ своихъ сыновей Евгенія Петровича и Ивана Петровича онъ возрастилъ честныхъ государственныхъ дѣятелей.

Въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, бывшемъ 24 февраля 1823 года, подъ предѣдательствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго, П. А. Повиковъ прочелъ: Объ Идеалѣ изящныхъ искусствъ, и о гениіи (Жизнь и Труды М. Ш. Погодина. Спб. I, 213).

Л. 22. Стихотвореніе Петра Александровича Новикова.

Воспоминаніе.

Воспоминаіе! О чувство благодатно!
 Подруга счастливыхъ, отрада грустныхъ дней!
 Какому сердцу ты не внятна!
 Кто не блаженствовалъ тобою въ жизни сей!
 Тамъ все—и самая надежда измѣняется;
 Ты вѣрно лишь одно и въ счастье и среди бѣды.
 И на зарѣ и въ вечеръ лѣтъ.
 Въ объятыхъ лишь твоихъ здѣсь странникъ отдыхаетъ;
 Всѣ жизни радости въ тебѣ!
 Какъ настоящее—ты дышишь наслажденьемъ,
 И прелесть скрытаго даришь самой судьбѣ
 Благъ будущихъ изображеньемъ!
 Мечта небесная! слети въ мой тихій кровъ!
 Надъ нимъ здѣсь кипарисъ склоненной
 Подъ тѣнью приметъ насъ своей уединенной,
 И воспаримъ за даль умчавшихся годовъ.
 Несчастливъ тотъ, кому прошедшее—могила
 И времени рука слѣды радости закрыла;
 Блаженъ, кто можетъ жизнь увядшую любить,
 И настоящее минувшимъ золотить!
 Съ тобой на родипу перенесуся,
 И памятники лѣтъ блаженства обойму,
 Мѣстамъ знакомымъ улыбнуся
 И розу счастья еще хоть разъ сорву.
 Неизмѣнился я душою:
 Воскреснія красы, молодыхъ, безпечныхъ дней!
 Вы тѣ же для меня, или еще милѣй;
 Я съ вами съединилъ чувствъ юныхъ простотою,
 Воспоминаіе! тобою возвратитъ
 Мигъ весну дней весна природы
 Воображеніе польститъ
 И юнымъ счастьемъ, и благами свободы.
 Погибшее воскреснетъ предо мной,
 Раскроется душа для прежнихъ впечатлѣній,

И сила первыхъ наслажденій
 Отдастся сердцу съ простотой.
 Любовь родителей, ихъ первые совѣты,
 Печали первыя, и дружбы въ первы лѣты,
 И то мгновение, когда мой духъ живой
 Въ первые ощутивъ Поэзьи жаръ святой,
 Когда отважностью младая мысль гордилась,
 Чувствъ первыхъ полнота въ нескладный стихъ излилась,
 И въ восхищеніи я воскликнулъ: И Поэты!
 Минуты сладости! васъ для меня ужъ нѣтъ
 И больше никогда не будетъ!
 Но сердце пѣжное забыть не можетъ васъ!
 Мое васъ вѣрно не забудетъ
 И въ самый грозный смерти часъ!
 Ты будешь вѣрной мнѣ наградой,
 Воспоминаніе! когда свершишь обѣтъ
 Жить другомъ добраго, несчастнаго отрадой,
 И къ западу склонясь протекшихъ въ мирѣ лѣтъ.
 Ихъ обниму блаженною мечтою,
 И возмогу Творцу съ надеждою сказать:
 „Отецъ вотъ жизньъ, вотъ даръ врученный мнѣ тобою!
 Благоволи его въ безсмертіе принять!“
 Воспоминаніе! ты злобнымъ лишь ужасно!
 Опасностей, коварствъ и злодѣяній видъ
 И въ самомъ торжествѣ ихъ слабый духъ тягитъ.
 Смерть добраго тиха какъ вечеръ дня прекрасна.
 День жизни милая воскреснетъ для него;
 Его послѣдній вздохъ на ней остановится,
 И отлетая, духъ его
 Прелестнымъ зрѣлищемъ въ восторгѣ насладится!

П. Новиковъ.

Въ Альбомѣ записано 6 Марта 1819 года.

Генераль-лейтенантъ Александръ Александровичъ Писаревъ, въ военное время былъ пачальникъ Гренадерской дивизіи; въ мирное попечитель Московскаго Университета, родился въ 1780 году, скончался въ Москвѣ 24-го Іюня 1848 года.

Памяти Писарева Иванчинъ-Писаревъ посвятилъ нѣсколько словъ: Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ своего родителя, бывшаго въ дружескихъ сношеніяхъ со многими Европейскими учеными того времени, и дважды посѣщавшаго Фернейскаго старца. Изъ родительскаго дома Писаревъ поступилъ въ бывший Сухопутный Кадетскій Корпусъ. Въ чинѣ полковника Семеновскаго полка участвовалъ въ Бородинской битвѣ. „Въ безпримѣрной въ лѣтописяхъ битвѣ, гдѣ Россія одна понесла бремя всемірнаго освобожденія, Писаревъ удивлялъ армию неустрашимостью и искусствомъ распоряженій.“ Когда „умолкли брани, вложилъ въ ножны мечъ и доблестный воинъ обратился къ предметамъ, всегда имъ любимымъ. Наука, Словесность и Художества сдѣлались его единственнымъ занятіемъ.“ На своихъ Калужскихъ Вечерахъ, Писаревъ поставилъ слѣдующій эпиграфъ: Владѣй мечемъ въ бою, а лирой средѣ друзей (М. Вѣд. 1849. № 8).

16-го февраля 1825 года, Писаревъ обратился съ просительнымъ письмомъ къ министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкову объ опредѣленіи его на мѣсто князя Андрея Петровича Оболенскаго попечителемъ Московскаго Университета. Шишковъ внялъ просьбѣ своего поклонника, и писалъ Государю: „Отставной генераль-маіоръ Писаревъ пишетъ ко мнѣ, что свершивъ военное поприще уклонился онъ подъ сѣнь наукъ и искусствъ, сопутствовавшихъ ему и въ прежней его службѣ, и нынѣ посвящая время свое занятіямъ умственнымъ, желалъ бы не оскудѣвать въ своихъ памѣреніяхъ. Узнавъ, что попечитель Московскаго Учебнаго Округа князь Оболенскій проситъ увольненія, осмѣливается онъ предложить себя на его мѣсто, увѣренный въ своемъ усердіи и ревности къ сей должности, и будучи къ тому какъ бы и сопричастенъ еще по званію президента Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при Московскомъ Университетѣ.“

19-го Юля 1825 года состоялся Высочайшій указъ, въ которомъ изображено: „Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть отставному генераль-маіору Писареву.“ (Архивъ М. Н. П. № 27.103/551).

„Какъ попечитель старѣйшины Россійскихъ университетовъ,“ свидѣтельствуеть Иванчинъ-Писаревъ, „Писаревъ поставилъ себѣ

правиломъ измѣнить мало, и болѣе поддерживать и укоренить все, что было полезнаго и умнаго въ прежнемъ ходѣ дѣлъ. Умѣвъ привязать къ себѣ воиновъ, онъ и тутъ обрѣлъ добрую о себѣ память сослуживцевъ своихъ, господъ преподавателей; его радушіе оставило по себѣ такую же и въ учившихся тогда юношахъ. Въ общественной жизни онъ соединялъ любезность свѣтскаго обращенія съ простодушною откровенностію солдата; въ ученой—онъ умѣлъ заставить равно любить себя Карамзина и Шишкова, Державина и Дмитріева“. (Моск. Вѣдомости 1849. № 8). Знаменитый археографъ нашъ П. М. Строевъ въ своей рѣчи, произнесенной 27-го Октября 1828 года въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ заявилъ: „Въ душѣ моей глубоко врѣзано чувство признательности и за тѣ средства, кои ревностному и доблестями преисполненному Предсѣдателю нашему благоугодно было доставить мнѣ, для обозрѣнія Софійскаго книгохранилища въ Новгородѣ“. (Жизнь и Труды П. М. Строева. Спб. 1878, стр. 158).

Л. 23. Стихотвореніе Александра Александровича Писарева.

Гарабанъ—моя все лира,
 Рапорты—мои стихи;
 И какъ будто бѣ за грѣхи
 Скованъ въ формы я мушдира!....

А. Писаревъ.

6-го Января

1820

Москва.

Л. 68. Письма Александра Александровича Писарева.

1.

Горки 1-го Июля. И цѣлый день проплакать, извѣстясь о смерти Н. М. Карамзина!

Заклинаю тѣбью самого Исторіографа, напишите въ память ему Историческое Слово для Общества.

И тотъ, кто насъ къ безсмертью вызывалъ,
 Останется ли безъ похвалъ!....*)

*) Исполняя желаніе своего друга П. Д. Иванчина-Писарева написалъ Рѣчь въ память Исторіографа Россійской Имперіи, и произнесъ ее въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 14-го Января 1827 года. (Отечественная Галлерей. М. 1832. I, 186—234). Описывая въ своей Рѣчи прешетствія, которыя

Сейчасъ ѣду въ городъ, чтобы размыкать горе. Простите

Вашъ etc., etc., etc.

А. Писаревъ.

2.

Любезный мой Поэтъ! Спасибо отъ лица всего Общества Историческаго за похвалу Карамзину; его бюстъ я поставилъ въ Университетѣ съ бюстами Ломоносова, Державина, Шувалова!—Стихоу въ газетахъ нельзя печатать; особо или въ журналахъ воля твоя.

Пріѣзжай къ намъ повеселиться. Прости

твой etc. etc. etc.

А. Писаревъ.

30-го Іюля 1826

Москва.

3.

Почтеннѣйшій мой Николай Дмитріевичъ. Умчался я отъ васъ, какъ киргизецъ! Такъ угодно было Провидѣнію! Можетъ быть здѣсь я буду полезенъ, нежели у васъ!*) За тобою много литературныхъ долговъ, ихъ жду сюда. Положеніе твое со мною весьма несходное:

Карамзинъ встрѣтилъ на своемъ поприщѣ, Иванчинъ-Писаревъ упоминаетъ о недостаткѣ совѣтниковъ: „Кто у насъ говорилъ о немъ, какъ говорилъ о Цицеронѣ Плиній? Кто писалъ къ нему, какъ писалъ Плиній къ Тациту? Какой Буало вѣщалъ ему: пиши—я ручаюсь за потомство“. На эти строки Иванчина-Писарева возражалъ Погодинъ: „Авторъ позабылъ, что Карамзину былъ другомъ Дмитріевъ, что Державинъ говорилъ ему:

Пою Карамзинъ

И въ прозѣ гласъ слышець соловьиный“.

(Жизнь и Труды М. П. Погодина. Сиб. 1889. II, 146).

А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Пробѣжалъ сегодня кабинетъ Иванчина-Писарева нашему Исторіографу. И за намѣреніе отдать справедливость спасибо“ (Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго Сиб. 1884. IX, 92).

Какъ извѣстно Погодинъ написалъ Похвальное Слово Карамзину и произнесъ его въ Симбирскѣ при открытіи памятника Исторіографу. „Увѣдомьте меня,“ писалъ Иванчинъ-Писаревъ Погодину, „гдѣ вы напечатали свое Похвальное Слово Карамзину. Я смѣю надѣяться, что вы не обойдете экземпляромъ того, кто первый изъ Россіянъ принесъ ему дань благодарности отъ лица Россіи“. (Погодинъ, VIII, 249).

*) Въ 1830 году Писаревъ былъ пожалованъ сенаторомъ и перешелъ на службу въ Варшаву. „Призываемый сослуживцемъ и начальникомъ своимъ фельд-маршаломъ княземъ Варшавскимъ,“ пишетъ Иванчинъ-Писаревъ, „къ которому Писаревъ всегда питалъ чувства благоговѣйнаго уваженія, онъ рѣшился оставить

Въ то время, и когда закручиваю усь,
 И разставляю въ городѣ ;
 Тогда въ рукахъ твоихъ измѣтъ Ногасіусъ,
 Съ которымъ пробѣгаешь ты долины!
 Въ то время, и когда на барабанный стукъ,
 Бѣгу, какъ къ цѣли всѣхъ моихъ желаній,
 Ты внемлешь клавикордѣ, иль арфы нѣжный звукъ,
 И погружаешься въ мильонъ мечтаній!!!...
 Довольно,

Твой на вѣкъ

А. Писаревъ.

P. S. Супруги и теща твоя мнѣ всеусердное почтаніе.

$\frac{14}{26}$ Варшава

Покорнѣйше благодарю за Михаила *), котораго сейчасъ
 получилъ и сталъ читать

А. П.

$\frac{22 \text{ мая}}{3 \text{ іюня}}$ Варшава.

Письмо получено Иванчинимъ-Писаревымъ 19 Августа 1840 г.

На письмѣ сдѣлана слѣдующая французская приписка:

Mon cher. . . je viens de recevoir cette lettre à l'instant
 même, et je m'empresse de vous la faire parvenir, mais, un peu au
 hasard, car je ne suis pas sure de votre adresse.

Hélas! on me chasse de mon petit nid, de mon cher Lublino...
 Je vous en veux de ce que vous ne m'avez pas fait part de votre
 ayeule polonaise....

Жизнь княгини Зинаиды Александровны Волконской возбуж-
 дастъ живѣйшее любопытство. Она была дочь оберъ-шенка князя
 Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (1752—1809),

Москву... Заботы и труды его въ начальствованіи надъ столицею Царства Польскаго, а также и въ Засѣданіи въ Государственномъ Совѣтѣ и Сенатѣ онаго Царства мало извѣстны намъ по отдаленію отъ насъ этой сферы его дѣйствія. По мы знаемъ по достовѣрнымъ сказаніямъ, что Русскіе и Поляки тамъ равно любили его". (Московскія Вѣдомости 1849. № 8).

*) Михаилъ, великій князь Черниговскій и бояринъ его Феодоръ.
 Сочиненіе Николая Иванчина-Писарева. Издано княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Оболенскимъ. Москва. 1839.

роднаго по матери племянника графовъ Чернышovýchъ, столь извѣстныхъ въ Елисаветинское и Екатерининское царствованія. Князь Бѣлосельскій былъ страстный любитель Словесности. Онъ былъ литературнымъ воспитателемъ своей дочери. Мать княгини Зинаиды Александровны была Варвара Яковлевна Татищева, племянница славнаго Петра Дмитриевича Еропкина. Съ малолѣтства княгиня Волконская окружена была памятниками ума и произведеніями искусства. Она вышла замужъ за роднаго внука фельдмаршала князя Репнина егермейстера князя Никиту Григорьевича Волконскаго († 1842). Ея прекрасная наружность, ея умъ и разнообразныя дарованія обратили на нее общее вниманіе при первомъ вступленіи ея въ свѣтъ. Императоръ Александръ I любилъ бывать въ ея обществѣ особенно въ Теплицѣ и въ Прагѣ въ 1813 году, потомъ въ Парижѣ, и въ эпоху конгресовъ Вѣнскаго и Веронскаго. Блестящимъ періодомъ жизни ея были года 1813—1831. Еще Батюшковъ въ 1818 году писалъ къ Е. Ѳ. Муравьевой изъ Одессы: „сію минуту иду къ княгинѣ Зинаидѣ съ Сень-При; она здѣсь поселилась, и все у ногъ ея“. Она знала по-гречески и по-латыни и находилась въ дружескихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ ученымъ Гуляповымъ. „Княгиню,“ писалъ о ней С. П. Шевыревъ А. В. Веневитинову, „чѣмъ ближе видишь, тѣмъ больше любишь и уважаешь. Ея стихія Римъ... О, еслибы она съ молодости писала по-русски“. Съ 1824 по 1829 г. княгиня Волконская жила въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ брата своего у Тверскихъ воротъ, который она умѣла обратить въ паголящую академію наукъ и искусствъ. Она страстно занималась Русскою Словесностью, изученіемъ Русскихъ Древностей и пароднаго быта. Она украшала свой домъ оригиналами и копіями знаменитѣйшихъ произведеній живописи и ваянія. Вепевитиновъ, Соболевскій, Шевыревъ, Погодинъ, Кирѣевскіе, Хомяковъ, встрѣчались на ея вечерахъ съ княземъ Вяземскимъ, Пупкинымъ, Мицкевичемъ, Баратынскимъ и другими знаменитостями. Извѣстный музыкантъ Геншта посвящалъ княгинѣ свои романы. Наконецъ, княгиня Волконская принимала участіе въ литературныхъ упражненіяхъ архивныхъ юношей и вмѣстѣ съ ними писала повѣсти, сказки и рассказы. Пушкинъ посылая княгинѣ З. А. Волконской свою поэму Цыганы между прочимъ писалъ ей:

Среди разсыянной Москвы
 При толкахъ виста и бостона,
 При бальномъ лепетѣ молвы
 Ты любишь игры Аполлона.....
 ... Пѣвца плѣнснаго тобой,
 Не отвергай смиренной дани,
 Внемли съ улыбкой голосъ мой,
 Какъ мимоѣздомъ Каталани
 Цыганкѣ впемлетъ кочевой.

И вся эта совокупность благоприятныхъ условий въ Московскомъ домѣ княгини З. А. Волконской, какъ часто бываетъ у насъ, пропало для Россіи быстро и безвозвратно. (Жизнь и Труды М. П. Ногодина. Спб. 1889. II, 35—38).

Л. 25. Стихотвореніе Кн. З. А. Волконской.

Vers sur la Musique

A l'amour, à la peine elle doit sa naissance;
 elle rêve comme elle, et sourit comme lui;
 de tous ses mouvements le coeur seul est l'appui.
 Sa gloire est l'opéra, sa grace la—Romance.
 De la haine envieuse elle éteint les progrès,
 nourrit le souvenir, entretient l'espérance,
 Soupire doucement la plainte, les regrets,
 et par un vague heureux, allège la souffrance.

Princesse Zénéide Volkhonsky.

По показанію Н. Д. Иванчина-Писарева, г-жа Сталь „хвалилась способностью угадывать имена писателей по нѣсколькимъ строкамъ ихъ сочиненій, еще неизвѣстныхъ. Ей предложили Vers sur la Musique. Прочитавъ два и три раза она сказала: Делиль! Эти стихи, нѣкогда сочиненные княгинею Зинаидою Александровною Волконскою, были вписаны ею въ мой Альбомъ. Желательно, чтобы кто нибудь изъ пылѣвшихъ поэтовъ перевелъ ихъ“. (Москвитянинъ 1842 г. № 3, стр. 149—150).

Л. 48. На обор. Портретъ Княгини Зинаиды Александровны Волконской.

Portrait de la Princesse Zénéide Wolkhonsky. Il m'a été envoyé par elle de Rome.

A pena s'è puo dir: questa fu rosa!

Л. 72. Четыре письма Книгини З. А. Волхонской.

1.

Je vous supplie, aimable poëte de me rendre deux services, l'un est de me preter ou indiquer des morceaux choisis de prose Russe: morale, philosophie, science, histoire.—Je forme un cahier de lecture pour Alexandre de tout ce que je peux recueillir de bon dans ce genre en Russe, en français, latin et autres langues. L'autre service c'est de m'écrire une lettre dans laquelle vous me parliez en détail de vos idées sur l'Emp. Alexandre. J'ai été si frappée de celles que vous avez énoncées une fois chez moi sur ce sujet si grand, si poétique, que je désire en conserver le souvenir. Ne me refusez pas.

P-cesse Z. W.

2.

Je vous remercie mille fois un peu tard, il est vrai, pour les vers charmants que je vous ai inspirés, Monsieur; il faut avoir le talent que vous avez pour faire d'une simple demande une chose aimable, pleine de gout et de délicatesse. Maintenant je vais vous parlez affaire. Grossi, que vous connaissez compte d'après mon conseil, envoyer ses tableaux à Petersbourg pour tacher de les bien vendre; il m'a prie de vous demander, Monsieur, si vous avez toujours la velléité d'acheter le tableau de Tintoretto, représentant la flagellation. Les circonstances dans les quelles il se trouve, grâce à M-r Balk et à d'autres mauvais payeurs font qu'il ne compte plus faire de prix avec vous pour ce tableau: mais il vous demande de le fixer vous même. Il connaît votre délicatesse et vos lumières et s'en rapporte à vous*). Je m'intresse beaucoup à ce galant homme.— J'ai eu bien du chagrin tout ce tems ci. Mon medecin, M-r Svedigo, est mort à Czerkask d'une manière tragique. Il y était allé avec mon mari. Ma soeur vous dit mille choses tendres et moi je vous prie de croire à mon amitié.

P-cesse Zencide Wolkhonsky.

Ce 10 Septembre 1825. Moscou.

3.

Ce 13 Novembre 1825.

Cher Monsieur, j'ai une grace à vous demander d'abord je veux savoir de vous quand vous revenez en ville, car j'ai beaucoup de

*) J'ai fait l'acquisition de ce tableau deja en 1832 à raison de 2500 R. Ив.-И.

choses à vous raconter; en second lieu je vous conjure de m'aider dans une entreprise difficile. Il s'agit de donner des notes sur le pauvre Vlassoff pour faire un discours à la société d'antiquités et d'histoire. On veut connaître en abrégé sa vie, son caractère, ses goûts et jeter (sic) un coup d'oeuil sur sa riche collection. Il faut que ces notes soient claires et bonnes et qu'elles soient en Russe. Personne mieux que vous, ne peut les faire. Vous aimez les arts, vous êtes grand connaisseur, vous avez été l'ami de mon beau frère. Aidez moi au nom de l'amitié. Il y a quelques points que vous pouvez ignorer: ensuite j'ai voyagé pendant 11 ans et n'ai jamais passé avec lui que des mois. Voilà donc les points dont il s'agit.—M-r Vlassoff a été capitaine en second des gardes de Semenovsky, il s'est marié l'année 1805, et avait déjà une collection, petite mais choisie d'estampes, et c'est ce qui l'a lié avec mon père le P-ce Beloselsky protecteur des arts, et qui a pour ainsi dire formé cette alliance entre 2 êtres qui aimaient le beau. Voilà le catalogue que je tiens de vous, si vous n'en avez plus besoin, vous me le renverrez. Envoyez au plus tôt les notes désirées et croyez à la reconnaissance que je vous aurai cher et aimable poète. Quand vous viendrez je vous lirai des vers de Kozloff délicieux. Il vous plairont: il y a du coeur. Ma soeur, Alexandre, Barberi se rappellent à votre souvenir.

P-cesse Z. V.

4.

Mille et mille grâces cher poete.—Vos vers sont charmants et dignes de la gallanterie d'Henry 4.

Л. 73. Стихи, написанные П. Д. Иванчинъ-Писаревымъ послѣ маскарада княгинѣ З. А. Волконской, гдѣ Иванчинъ-Писаревъ былъ одѣтъ Генрихомъ IV, а княгиня Волконская дѣвою Орлеанскою.

Для сердца и ума міръ цѣлый замѣнилъ
 Вчера и взору вы представили весь міръ:
 Всѣ вѣка, всѣ страны, отъ Финнѣ и до Китая

Украсили вашъ пирь.

Тамъ щурился Калмыкъ предъ гордостью
 Испанскою;

Танкредъ, дервишъ, гусаръ, жидовка,
 господарь,
 Всѣ забавлялись тамъ; и добрый,
 нѣжный царь
 Благоговѣлъ предъ Дѣвой Орлеанской...!

Братъ приспомятаго святителя Кіевскаго Филарета Семенъ Егоровичъ Раичъ былъ человекъ ученый и вмѣстѣ литературный, отличный знатокъ Классической и Европейской Словесности. Въ литературѣ нашей Раичъ извѣстенъ какъ переводчикъ Виргиліевыхъ Георгикъ, Тассова Освобожденнаго Іерусалима и Аріостовой поэмы Неистовый Орландъ. По свидѣтельству И. С. Аксакова, „это былъ человекъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывавшій въ мірѣ идиллическихъ мечтаній, самъ олицетворенная буколика, соединявшій солидность ученаго съ какимъ то дѣвственнымъ поэтическимъ пыломъ и младенческимъ незлобіемъ“. Родители О. И. Тютчева сдѣлали выборъ самый удачный, пригласивъ Раича воспитывать ихъ сына. Въ домѣ Тютчевыхъ Раичъ прожилъ семь лѣтъ и отсюда перешелъ къ Николаю Николаевичу Муравьеву, основателю знаменитаго Училища Колонновожатыхъ, для воспитанія меньшаго его сына Андрея Николаевича. Раичъ былъ также воспитателемъ другаго питомца Училища Колонновожатыхъ, Алексѣя Васильевича Шереметева, и жилъ въ его Рузскомъ селѣ Покровскомъ. Раичу же обязаны своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ и братья Булыгины, Ѳедоръ и Василій Ивановичи. (Жизнь и Труды М. П. Щегодина. Спб. 1888 г. I, 161—163).

Л. 25 об. Стихотвореніе Раича.

На той скрижали,
 На коей начертали
 Небесныя слова Божественнымъ перстомъ
 Великіе пророки
 И я на память.... строки
 Гусинымъ написалъ перомъ....
 Раичъ.

Вписано въ Альбомъ 30 Декабря 1828 г.

Л. 26—27. Стихотворенія А. А. Засѣцкой.

1. Элегія (подражаніе Парни).
2. Ромасъ (подражаніе Гете).

Москва февраль 19-го дня 1828 года.

По поводу кончины Баратынскаго И. В. Кирѣевскій писалъ: „Пѣвецъ любви, печали, сердечныхъ думъ и сердечныхъ сомнѣній, своеобразный поэтъ, высокій, глубоко-чувствующій художникъ, некрепнѣй въ каждомъ звукѣ, отчетливо изыщный въ каждой мечтѣ оставилъ въ Словесности нашей нѣсколько прекрасныхъ созданій, не оцѣненныхъ по своему достоинству, но почти ничтожныхъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать. Въ послѣднее время писалъ онъ особенно мало и еще менѣе былъ понятъ и оцѣненъ монополистами литературныхъ мнѣній, самодовольными журнальными судьями,—которые часто полу-русскимъ языкомъ произносили приговоръ надъ его образцовыми, глубоко прочувствованными стихами; часто по указанію ученическихъ тетрадей, разбирали, щупали, ломали его нѣжныя, художническія сужденія.... Не знаемъ, огорчало ли это Баратынскаго; думасъ, что онъ могъ бы утѣшаться приговоромъ иныхъ, какъ на примѣръ: Жуковскаго, Пушкина, Вяземскаго, Языкова, Хомякова, Дельвига, Дениса Давыдова, Шевырева. Но кто разочтеть по законамъ благоразумія мѣру чувствительности избраннаго таланта?... Мѣсто, принадлежавшее Баратынскому въ нашей Словесности, навсегда останется не занятымъ и можетъ быть еще долго не оцѣненнымъ“.... Прочитавъ эти строки Н. Д. Ивапчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Жаль Баратынскаго! Но напрасно думаютъ, что онъ замолкъ отъ журналовъ: его талантъ пересилилъ бы ихъ. Онъ, разбогатѣвъ, занялся позивитивнымъ; въ послѣднее свиданіе его со мною, онъ говорилъ объ Агрономіи, Политической Экономіи, и послѣ цѣлой части объ отвлеченной философіи. По здоровью его казалось уже растроенымъ“. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1893. VII, 355—356).

Л. 27 об.—28. Отрывокъ изъ поэмы Е. А. Баратынскаго Эда и его записка къ владѣльцу Альбома:

„Посылаю вамъ (въ) вашу альбомъ, Любезный Поэтъ. Я провель у васъ такія пріятныя минуты что желаніе другихъ подобныхъ во мнѣ не удивительно. Очень меня одолжите ежели назначите мнѣ

утро, въ которое застану васъ дома. Увѣренный въ ванемъ добромъ расположеніи смѣло пишу: до свиданья.

Е. Баратынскій.

Р. S. Тестъ мой *) желаетъ побывать у васъ вмѣстѣ со мною“.

Идетъ поспѣшно день за днемъ
 Гусару дѣва молодая
 Уже покорствуешь во всемъ.
 За нимъ она, какъ лань ручная,
 Повсюду ходить. То четой
 Приемлетъ ихъ въ подневный зной
 Густая сѣнь дубравы сонной,
 То зазоветъ дремучій боръ,
 То приглашаютъ гроты горъ
 Въ свой сумракъ пѣтъ благосклонной,
 Но чаще сходятся они
 Въ долу сосѣдственномъ, глубокомъ
 Въ густой рябиновой сѣни
 Надъ быстро льющимъ потокомъ
 Они садятся на траву.
 Порой любовникъ въ томной лѣни
 Послушной дѣвъ на колѣни
 Кладетъ безпечную главу
 И легкимъ сномъ глаза смыкаетъ.
 Духъ притаивъ, она внимаетъ
 Дыханью друга своего;
 Древесной вѣткой отвѣваетъ
 Докучныхъ мошекъ отъ него;
 Его волнистыми власами
 Играетъ дѣтскими перстами.
 Когда-жъ подыметъ луна
 И дикій край подъ ней задремлетъ,
 Въ пріютъ укромный свой она
 Къ себѣ на одръ его приемлетъ.

Е. Баратынскій.

Изъ повѣсти Эда.

Вписано въ Альбомъ 28 Января 1829 года.

*) Генералъ-маіоръ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ. П. Б.

Въ 1831 году, „мы“, пишетъ Иванчинъ-Писаревъ, „на Московскихъ минеральныхъ водахъ часто видѣлся съ Гнѣдичемъ. Онъ просилъ у меня книгу: Отечественная Галлерей, бывшую еще въ рукописи, а я у него стиховъ изъ Иліады въ свой альбомъ. Во все это время, за коимъ такъ скоро послѣдовала кончина Гнѣдича, онъ былъ въ самомъ уныломъ расположеніи духа“ (Москвитянинъ 1842 г. № 3, стр. 148—149).

Гнѣдичъ посѣтилъ Москву черезъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ своего перевода гексаметрами Иліады. Мерзляковъ вступился за свои права на первенство введенія этого стихотворнаго размѣра въ Русскую Литературу. „Гексаметрами и амфибрахіями“, писалъ Мерзляковъ Погодину, „я началъ писать тогда, когда еще Гнѣдичъ былъ у насъ въ Университетѣ ученикомъ, и не зналъ ни гексаметровъ, ни пентаметровъ и даже не писалъ стихами, свидѣтель этому Вѣстникъ Европы и господинъ Востоковъ, который именно приписываетъ мнѣ первую попытку въ своемъ Разсужденіи о Стихосложеніи, такъ какъ пѣсни мои Русскія въ этой же мѣрѣ были пѣты въ Москвѣ и Петербургѣ прежде, нежели Дельвицъ существовалъ на свѣтѣ. Гнѣдичъ, бывши здѣсь въ Москвѣ и квартируя у Кокоскина, самъ признавался предъ всѣми, что я первый началъ писать этимъ родомъ стиховъ, и укорилъ меня за то, что я послѣ возсталъ противъ нихъ. Просто сказать вамъ: Гнѣдичъ умышленно молчитъ обо мнѣ, дабы быть творцомъ гексаметровъ и поподличать предъ журналистами, которые теперь ему нужны, нынѣ всѣ литераторы позабыли совѣтъ и торгуютъ всѣмъ, чѣмъ могутъ. А Гнѣдичъ еще себя называетъ моимъ первымъ почитателемъ и другомъ“. Вслѣдствіе этого письма Погодинъ печатно заявилъ: „Въ предисловіи къ переводу Иліады говорится объ опытахъ гексаметрами Жуковского и Дельвига,—и ни слова о гексаметрахъ Мерзлякова, который прежде всѣхъ въ наше время ввелъ эту мѣру“ (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1890. III, 168—170). Вигель въ своихъ Запискахъ рисуетъ портретъ Гнѣдича въ такихъ чертахъ: „Природа поставила Николая Ивановича Гнѣдича на той самой точкѣ, гдѣ копчается глупость и начинается умъ... Лицо его, которому говорятъ, суждена была красота, изуродовано и изрыто было оспою, которая въ опустошительной ярости своей лишила его глаза. Муза его была

чопорна, опрятна, суха и холодна, какъ онъ самъ.... По прїѣздѣ его первый разъ въ Петербургъ, обстоятельства его, видно, были до того плохи, что онъ рѣшился на пелыханное средство, на исканіе покровительства и помощи у графа Хвостова. Въ посланіи къ нему, которое не было напечатано, старается опъ его разжалобить, находится, между прочимъ этотъ стихъ:

И дуренъ я, и кривъ, и денегъ не имѣю.

Счастіе ему помогло: опъ скоро нашелъ другаго покровителя, по умнѣе и по благородію Хвостова, который успѣлъ доставить ему покойныхъ мѣста два съ хоронимъ содержаніемъ. Тогда подумалъ опъ приступить къ труду важному, долготѣнному, который успѣшно опъ продолжалъ и счастливо кончилъ, къ переводу Пліады. Для поддержанія его въ семь трудѣ испрошено ему было великое поощреніе, пенсіонъ въ полторы тысячи рублей отъ великой княгини Екатерины Павловны". (*Записка III, 146*).

„По величавости рѣчи и пріемовъ“, писалъ графъ В. А. Сологубъ, „Коконкинъ напоминаетъ Н. И. Гнѣдича, который, кажется, и думалъ гекзаметрами я относился ко всему съ вершины Гелликона“. (*Воспоминанія. Спб. 1887. стр. 5—6*).

Л. 29. Изъ посланія (Н. И. Гнѣдича) къ П. А. Крылову, приглашавшему сочинителя поѣхать съ нимъ въ чужіе края.

Надежды юности, о сладкія мечты,
 Я тщетно васъ въ молодой груди лелѣялъ!
 Вы не сбылись! Какъ лѣтніе цвѣты
 Осенній вѣтеръ васъ разсѣялъ!
 Свершенъ предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ;
 Пѣтъ болѣе очарованій!
 Гляжу на тотъ же свѣтъ:
 Душа моя безъ чувствъ и сердце безъ желаній!—
 Кудажь, о другъ летѣть, и гдѣ опять найти
 Что годы съ юностью у сердца похищаютъ?
 Желанія пылкія, крылатыя мечты
 Съ весною дней умчась—назадъ не прилетаютъ.—

Другъ, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.

.

Н. Гнѣдичъ.

Москва

Юля 30

1831.

Л. 74. Письмо Николая Ивановича Гнѣдича. Москва.
30 Юня 1831.

Милостивый государь Николай Дмитріевичъ.

Мнѣ равно было пріятно пріобрѣсть знакомство ваше, литератора и человѣка, достойно уважаемаго. Жалѣю, что время не позволило далѣе пользоваться обществомъ вашимъ. Воды, скучныя при употребленіи ихъ необходимости, и самое здоровье мое, не въ лучшемъ состояніи остающееся, такъ же, къ сожалѣнію моему, мало дали мнѣ времени, чтобы короче познакомиться съ *Отечественною Галлереею* вашею. Не смотря на это не могу не изъявить вамъ душевной благодарности за пріятные часы въ ней проведенные; поспѣшу вполнѣ насладиться при изданіи оной въ свѣтъ. Вдохновенная любовь ваша къ Отечественному безъ сомнѣнія одушевить художниковъ Русскихъ. Изданіемъ сей книги вы принесете на алтарь Музы отечественныхъ дань, достойную питомца, съ юности имъ любезнаго.—Не имѣя съ собою перевода *Илиады*, а наизусть никогда ничего не помня, вписываю въ альбомъ вашъ то, что мнѣ на этотъ разъ доставляетъ бѣдная память; чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Н. Гнѣдичъ.

Л. 33. Стихотвореніе В. Степанова. Бабочка.

Л. 36. Письмо Монферана.

Montferrand présente ses civilités a Monsieur de Pissaref et le remercie beaucoup pour son offre obligeante en le priant de vouloir bien remettre à la semaine prochaine l'examen des gravures.

Montferrand aurait saisi avec empressement l'examen sans delai, mais des affaires de service le privent de ce plaisir en ce moment, il saisit cette occasion pour prier Monsieur Pissareff d'agréer l'assurance de ses très humbles respects.

Л. 38. Подорожная, выданная отъ Кременчуга до С.-Петербурга генераль штабъ-квартирмистру Иванову отъ 25-го Января 1789 года.

Подорожную подписалъ: „Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей Государыни моей отъ Арміи Генераль-Фельдмаршалъ, Главнокомандующій легкою Конницею Регулярною и Нерегулярною, Флотомъ Черноморскимъ и многими другими Сухопутными и Морскими Военными силами, государственной Военной Коллегии Президентъ, Екатеринославскій и Таврическій Генераль-Губернаторъ, Ея Величества Генераль-Адъютантъ, Дѣйствительный Камергеръ, Войскъ Генераль-Инспекторъ, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Подполковникъ, корпуса Кавалергардовъ, Екатеринославскаго Кирасирскаго, Смоленскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго полковъ Шефъ, Мастерской Оружейной Палаты Главный Начальникъ, и Орденовъ Россійскихъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, Св. Равно-апостольнаго Князя Владиміра Большаго Креста, Королевскихъ: Прусскаго Чернаго Орла, Датскаго Слопа, Шведскаго Серафима, Польскихъ: Бѣлаго Орла, Св. Стапислава и Великокняжескаго Голстинскаго Св. Анны Кавалеръ Князь Потемкинъ Таврическій.“

Въ подорожной, между прочимъ сказано, что она дана „за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ герба моего печати“.

По поводу находящейся на оборотѣ подписи: Петръ Ланухинъ, Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ замѣтилъ: „Въ этой подписи Петра Васильевича (внслѣдствіи Свѣтлѣйшаго Князя) доказывается настоящее произношеніе его фамильнаго имени, совсѣмъ разнаго отъ Ланухиныхъ“.

Граверъ Гавріиль Ивановичъ Скородумовъ родился въ Петербургѣ 12-го Марта 1755 года; умеръ тамъ же 12 Юля 1792 года. Ученикъ С.-Петербургской Академіи Художествъ. Въ 1773 году посланъ пансіонеромъ въ Лондонъ, гдѣ занялся гравированіемъ пунк-

тиромъ. По отзыву Д. А. Ровинскаго „пупкетирныя гравюры Скоро-
думова очень цѣнятся любителями; хорошіе отпечатки ихъ довольно
рѣдки“. (Подробный Словарь Русскихъ Гравированныхъ
Портретовъ. Сиб. 1889. II, 1644).

Л. 40. Аттестатъ, выданный С.-Петербургской Импера-
торской Академіей трехъ знатнѣйшихъ художествъ ху-
дожнику Гавріилу Ивановичу Скородумову. 17-го Мая 1773.

Аттестатъ подписанъ Иваномъ Ивановичемъ Бецкимъ.

Л. 41. Паспортъ, выданный граверу Гавріилу Ивано-
вичу Скородумову французскимъ министромъ де Вержен-
номъ.

De par le Roy

A tous gouverneurs et nos Lieutenants Generaux en nos Provinces
et Armées, Gouverneurs particuliers et Commandants de nos villes,
Places et Troupes et a tous autres nos Officiers, Justiciers et Sujets
qu'il appartiendra, Salut. Nous voulons et vous mandons très expres-
sément que vous ayiez à laisser librement passer le S. Scorodoomof,
Graveur du Cabinet de notre très chère et très aimée soeur l'Impé-
ratrice de toutes les Russies, et la S. Son epouse allant de Paris
à Petersbourg. . . . sans leur donner ni souffrir qu'il leur soit
donné aucun empêchement; le présent passeport valable pour deux
mois seulement. Car tel est notre plaisir.

Donné à Versailles le 25 Aout 1782.

Louis.

Par le Roy.

De Vergennes.

Gratis.

Вильгельмъ Міерисъ—младшій, род. въ Лейденѣ, художникъ
и граверь, 1662—1747. (Примѣчаніе Н. Д. Чечулина).

Л. 43—45. Два рисунка на пергаментѣ Вильгельма Міе-
риса. Объясненіе къ рисункамъ Міериса и Ходовіецкаго.

Portrait de Frederic le Grand au crayon de mine de plomb; des-
siné d'après nature.

Morceau remarquable. Le peintre qui a joui de la faveur de tirer plus d'une fois le portrait de ce monarque, en conservait les esquisses primitives. Celle-ci fut donnée par lui à un de ses élèves qui le céda à feu M. Beketoff dont il est parvenu au propriétaire actuel.

Ne se trouve pas dans le porte feuille: il est dans mon album.

На оборотѣ этого листка написано:

2-ое Un voyageur à pied, menant un cheval sellé.

3-eme Un paysant (sic), qui veut forcer son cheval de passer une rivière à la nage.

Ces trois pièces à la plume sur des feuilles de velin, à l'instar des gravures sont traitées dans la manière soignée; on ne saurait assez admirer toutes (sic) les détails. Les gravures de Callot et de la Bella n'ont pas ce fini et cette nêteté (sic) dans l'exécution.

Lairesse

1640—1711.

La naissance de la S-te Vierge.

Ce dessin fait au crayon rouge prouve combien ce maitre tendait vers les beaux modèles que lui offrait l'Italie.

Mengs Raphael.

1728—1775.

Venus embrassant l'Amour et tenant la paume en signe de son triomphe. Jolie (sic) petit dessin, sur papier gris.

Ходовіецкій, Chodowiecki, Daniel Nicolaus 1726—1801. (Примѣчаніе Н. Д. Чечулина).

Л. 46. Portrait de Frederic le Grand, fait d'après nature par Chodowiecky (Ходовіецкій), de la collection de M. Beketoff.

Л. 47. Письмо Гавріила Романовича Державина къ Ивану Ивановичу Дмитріеву, 21-го Августа 1794.

Милостивый Государь мой

Иванъ Ивановичъ.

По письму вашему относительно хлопотъ здѣлавныхъ землемеромъ Стариковымъ нынеже писалъ я и просилъ Г. перваго члѣна

Межевой Канцеляріи, чтобъ справедливость защищена была. Я уверенъ что вы о неправдѣ не станете хлопотать. Впрочемъ

Съ истиннымъ почтеніемъ и непременною дружбою пребываю
вашъ Милостивому Государю моему

Покорный Слуга
Гавриль Державинъ.

21-го Августа
1794 года.

Ал. Дм. Яхонтовъ скончался прежде еще Катерины Яковлевны недѣли двѣ.

Л. 49. Рисунокъ: Граница Грузинская 1782 года.

Михаиль Матвѣевичъ Ивановъ, академикъ живописи, род. 1748 г., умеръ 16-го Августа 1823. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ въ 1779 году былъ взятъ въ штатъ князя Г. А. Потемкина письмоводителемъ. Сопровождалъ князя Потемкина, Ивановъ написалъ нѣсколько видовъ съ натуры въ Таврической области, портретъ Потемкина въ ростъ (1788). По смерти князя Таврическаго, Ивановъ поступилъ хранителемъ рисунковъ въ Императорскій Эрмитажъ, пользовался расположеніемъ императора Павла. (Русскій Біографическій Словарь. Спб. 1897, стр. 23—24).

Л. 50. Пачпортъ выданный Михаилу Иванову герцогомъ Дегильономъ 2 Юня 1773 г.

De par le Roy

A tous gouverneurs et nos Lieutenans Généraux en nos Provinces et Armées, Gouverneurs particuliers et Commandants de nos Villes, Places et Troupes et a tous autres nos officiers justiciers et sujets qu'il appartiendra Salut. Nous voulons et vous mandons très expressement que vous ayiez à laisser surement et librement passer le N-e Michel Jwanoff Peintre russe allant à Rome sans lui donner ni souffrir qu'il lui soit donné aucun empêchement; mais au contraire toute l'aide et assistance dont il aura besoin; le présent passeport valable pour deux mois seulement. Car tel est notre plaisir. Donné à Versailles le 2 Juin 1773. Louis.

Par le Roy.

Gratis

Le duc d'Aiguillon.

Л. 51. Письмо Вольтера Гравезанду, привезенное въ Россію художникомъ Ивановымъ.

Une lettre de Voltaire.

à M. de S. Gravesend, philosophe mathématicien écrite dans sa jeunesse et à l'époque des poursuites qu'il a essuies (sic) de la part du Cardinal de Fleuri pour quelques écrits contre la Religion et l'ordre politique et social établi.

Cette lettre fut apportée en Russie par feu M. Michel d'Ivanoff, élève de l'académie des Beaux arts de S-t Petersbourg, lors de son voyage en Hollande, en France et en Italie l'année 1770. Voir les papiers curieux de cet artiste—inspecteur general des dessins de l'Ermitage, recueil qui fait partie de ma collection de dessins.

Elle est originale et constatée par plus d'une confrontation. (Примѣчаніе Н. Д. Иваницина-Писарева).

A M-r de S. Gravesend.

Vous vous souvenez, Monsieur, de l'absurde calomnie qu'on fit courir dans le monde pendant mon séjour en Hollande. Vous savez si nos prétendues disputes sur le Spinosisme et sur des matières de Religion ont le moindre fondement. Vous avez été si indigné de ce mensonge que vous avez daigné le refuter publiquement. Mais la calomnie a pénétré jusqu'à la cour de France et la refutation n'y est pas parvenue. Le mal a des ailes et le bien va a pas de tortue. Vous ne sauriez croire avec quelle noirceur on a écrit et parlé au Cardinal de Fleuri. Tout mon bien est en France et je suis dans la nécessité de détruire une imposture que dans votre pays je me contenterais de mépriser à votre exemple.

Souffrez donc, mon aimable et respectable philosophe que je vous supplie très instamment de m'aider à faire connaître la vérité. Je n'ai point encore écrit au Cardinal pour me justifier. C'est une posture trop humiliante, que celle d'un homme qui fait son apologue; mais c'est un beau rôle que celui de prendre en main la défense d'un homme innocent; ce rôle est digne de vous, et je vous le propose comme à un homme qui a un coeur digne de son esprit. Ecrivez au Cardinal: deux mots et votre nom feront beaucoup. Je vous en réponds. Il en croira un homme accoutumé à démontrer la vérité. Je vous en remercie et je me souviendrais toujours de celles que

vous m'avez enseignées. Je n'ai qu'un regret, c'est de n'en plus apprendre sous vous. Je vous lis au moins ne pouvant plus vous entendre. L'amour de la vérité m'avait conduit à Leyde, l'amitié seule m'en a arraché. En quelque lieu que je sois, je conserverais pour vous le plus tendre attachement et la plus parfaite estime.

Voltaire.

Dignum Laude Virum Musa Vetat mori

Horace.

„Письмо Вольтера Гравезанду, привезенное въ Россію художникомъ Ивановымъ“ (Примѣчаніе князя Павла Петровича Вяземскаго).

Гравезандъ (S. Gravesande), Guillaume—Jacques, ученый математикъ и физикъ (Примѣчаніе Н. Д. Чечулина).

Лл. 52—53. Два рисунка Вандика.

На л. 52 об. отмѣчано: Antoine Van Dick. Première pensée d'un tableau qui devait représenter la pentecote.

Лл. 54—55. Три рисунка Брюлова.

На л. 54 об. отмѣчено: Dessiné par Charles Brullof devant Constantinople. Feuille détachée de son album de voyage.

Баронесса Юлія Крюдперъ, рожденная Фитинговъ, родилась 21 Ноября 1764 года, въ городѣ Ригѣ и была внучкой знаменитаго фельдмаршала Миниха. „Имя ея неразрывно связано съ воспоминаніемъ объ одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ Исторіи нашего Отечества. Въ то время какъ освободившаяся отъ Наполеонскаго ига Европа привѣтствовала въ лицѣ Русскаго Монарха своего избавителя, Крюдперъ умѣла спискать довѣріе Александра и прославила себя участіемъ, которое принимала въ составленіи Священнаго Союза. Своимъ вліяніемъ на Государя она была обязана тому же религіозному мистицизму, главнымъ представителемъ котораго въ Петербургскихъ правительственныхъ сферахъ былъ въ ту пору князь А. Н. Голицынъ“. Баронесса Крюдперъ скончалась въ Крыму 25 Декабря 1824 года и погребена въ Армянской церкви, въ Карасубазарѣ, а потомъ тѣло ея было перенесено въ право-

славную церковь, построенную княгиней Анною Сергѣевною Голицыною (рожд. Всеволожская) въ Корсисѣ. (Русскій Архивъ 1885 № 3, стр. 305—330).

Сопровождалъ Императора Александра I въ его заграничныхъ походахъ, А. С. Шишковъ встрѣтился въ Карлсруэ съ баронессой Крюднеръ и въ своихъ Запискахъ писалъ: „Часто бывалъ я у графини Витгенштейнъ и тутъ познакомился съ бароннею Криднеръ, извѣстною своими особенными о вѣрѣ и набожности умствованіями и дѣлами. При всемъ отвращеніи моемъ отъ всякаго рода ханжества, любопытствовалъ я подробнѣе освѣдомиться о Криднершѣ, и для того пошелъ къ ней. Въ разговорахъ ея со мною сперва показалась она мнѣ остроумною женщиною; но скоро примѣтилъ я, что она, возносясь иногда выше предѣловъ ума, терлась въ высокопарныхъ умствованіяхъ, и вмѣсто смиренномудрія, тщеславилась показать себя вдохновенною“. (Записки. Берлинъ. 1870. I, 281).

Вигель въ своихъ *Запискахъ* пишетъ: „Слава какъ будто прискучила императору Александру I; онъ желалъ еще добра, но не искалъ за него возмездія межъ людей и почиталъ себя стражемъ, котораго Всевышній поставилъ для сохраненія *мира мірови*. На высотѣ счастья и успѣховъ внезапно овладѣло имъ уныніе... Можетъ быть, онъ вознепавидѣлъ бы родъ человѣческой; новое чувство, которое тогда наполнило его душу не допустило его до того... Онъ былъ расположенъ къ религіозной мечтательности и во время послѣднихъ странствованій его, къ сожалѣнію, встрѣтилъ онъ одну краснорѣчивую женщину, которая умѣла передать ему свое неохристіанское ученіе. Это была знаменитая баронесса Крюднеръ, вдова Русскаго посланника въ Берлинѣ, писательница, великая грѣшница, раскаившаяся, какъ Магдалина и изъ свѣтской женщины обратившаяся въ площадную проповѣдницу. Въ городахъ и селахъ, на открытомъ воздухѣ, на распутіяхъ произносила она трогательныя рѣчи народу, и цѣлыя толпы его слѣдовали изъ мѣста въ мѣсто за новой пророчицей. Изъ многихъ владѣній была она изгоняема и, наконецъ въ Россіи нашла убѣжище и могилу“. (Записки. V, 11).

Въ 1818 году, изъ Перекопа, Императоръ Александръ I писалъ къ маркизу Паудучи: „Я получилъ отъ генерала Вязмитинова цѣлый рядъ вашихъ донесеній по поводу прибытія г-жи Криднеръ.

Съ сожалѣніемъ вижу, что вы не вполне поняли содержаніе разговора, который имѣли мы съ вами объ этомъ предметѣ въ Царскомъ Селѣ. Къ чему нарушать спокойствіе существъ, занимающихся только молитвами къ Предвѣчному и никому не дѣлающихъ зла?.. Чѣмъ больше въ такихъ случаяхъ розысковъ и надзору, тѣмъ прибавляется только важности для зѣвакъ.... За симъ оставьте г-жу Крудперъ и другихъ пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ; потому что какое вамъ до того дѣло, кто какъ молится Богу? Каждый отвѣчаетъ Ему въ томъ по своей совѣсти. Лучше, чтобы молилась какимъ бы то ни было образомъ, нежели вовсе не молилась. Тогда бы меньше было изступленныхъ въ родѣ Бога и столькихъ другихъ". (Русскій Архивъ 1886. № 5, стр. 117—118).

Л. 56. Отрывокъ изъ гимна баронессы Клюденеръ.

Рукою П. Д. Иванчина-Писарева отмѣчено: Fragment autographe de l'Hymne composé par Madame Krudner qui, vers le commencement de ce Siècle, a exercé une influence si puissante sur le monde moral et politique.—Recu des mains propres de sa fille, madame la Baronne de Bergheim. 9 августа 1843 г.

Seigneur que votre profonde Miséricorde aiyt pitié aussi des tombeaux. La poussière de la mort se dissipe et le vent qui souffle la disperse.

Mais vous qui avez dit je Suis la resurrection et la vie aiié pitié de cet Esprit qui peut devenir si profondement miserable et si inimmensément fortuné.

C'est lui qui se revêt ou de la Clarté Celeste, qui suivant un besoin celeste, est attiré près de vous, quand vous été l'Émeut (sic) qui dans la vie terrestre l'attirée (sic), ou qui revetu d'une lugubre enveloppe, souvent hideuse selon les passions qui l'agitaient, suit la pente qui l'entraînée, et craignant la Lumière se precipite lui même dans les ténèbres. Oh vous qui avez aimé Dieu qui avez obei à sa voix, avez été conduit par lui et son fils, ne craignez rien—votre ame ici bas fut exercée à l'humilité, à l'amour, à toutes les vertus du Ciel. Vous pouvez revivre La ou la pureté de cocur seule peut introduire. Vous marchez sous les puissants drapeaux de celui qui vous a conquis, vous portez sur votre front le Sceau de la redemption et vous êtes affranchi du jugement.

Mais vous, qui ne l'avez pas reconnu, vous qui n'avez pas voulu vous laisser guéder (sic) par lui, tremblez; Aussi Vrai qu'il Existe, aussi vrai qu'il a dit Personne n'arrivera au Père que par moi.

По увѣренію Н. Д. Иванчина-Писарева, дуетъ Мерзлякова, записанный въ альбомъ, „прославился въ лучшихъ обществахъ и въ народѣ“. (Москвитянинъ 1842. № 3, стр. 147—148).

Л. 66. Записка Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова и его Дуетъ на голосъ извѣстной Малороссійской пѣсни: И хавъ козакъ за Дунай.

Почтеннѣйшій Николай Дмитріевичъ!—Я свое дѣло уже давно кончилъ, имепно такъ, какъ вамъ обѣщаль.—Книги вашей у меня нѣтъ уже третій день: подписанную отдалъ ее въ Цензурный Комитетъ, откуда и можете ее получить сами, или чрезъ человѣка, давши ему записочку, что вы вѣрите ему расписаться въ книгѣ.—О стихотворцы! Летая въ царствѣ мечтаній, вы никакъ не можете приносить себя къ земному порядку!—При семъ случаѣ благодаря васъ сердечно за удовольствіе, которое чувствовалъ я при чтеніи вашихъ стиховъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю пребывать вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

А. Мерзляковъ.

Л. 67. Дуетъ.

Первый голосъ.

Въ часъ разлуки пастушокъ,
Слезной взоръ склони въ потокъ,
Говорилъ своей любезной:

Нѣтъ, тому не быть!—

Нѣтъ, не будешь ты моя!

Ты богата, бѣденъ я.

Будь щастлива, будь спокойна,

Пусть одинъ терплю!

Другой голосъ.

На любезнаго взглянувъ,

Страстно, сладостно вздохнувъ,

Такъ пастушка отвѣчала:

Нѣтъ, тому не быть!—

Нѣтъ, ты мой,—и на всегда!
 Бѣдность, другъ мой, не бѣда;
 Кто богатъ, какъ мы любовью,
 Тотъ и всѣмъ богатъ!—

Первый голосъ.

Ахъ, безроднѣ я и сирѣ,
 Домъ и дворъ мой—цѣлый мѣръ.
 Что же добры люди скажутъ
 О любви твоей?....

Второй голосъ.

Люди знаютъ лишь бранить,
 А не знаютъ, какъ любить;
 Мнѣ не нужны родъ и племя:
 Нуженъ ты одинъ!

Первый голосъ.

Въ счастья ты теперь живешь,
 Горе ты со мной пайдешь;
 Тяжко плакать, но тяжелѣ,
 Быть виною слезъ!

Другой голосъ.

Съ другомъ горестъ мнѣ сладка,
 Радость безъ него горька.
 Мы смѣшаемъ напн слезы,
 И бѣда пройдетъ!

Первый голосъ.

Я не зналъ, что василѣкъ,
 Что нарцисъ, что погтокъ,
 А любилъ уже для милой,
 Собрать цвѣты!

Второй голосъ.

Я не знала напихъ стадъ,
 Сколько мой отецъ богатъ,
 А тогда уже любила
 Плестъ тебѣ вѣнки.

Оба.

Для тебя мнѣ жизнь мила,
 Красенъ день, цвѣтеть земля,

Для тебя дапо мнѣ сердце,
 Вѣрное на вѣкъ!
 Ахъ, почтожь такъ рапо намъ
 Приучать себя къ слезамъ
 Сладко другъ мой, жить съ тобою
 Сладко умереть.

Р. S. За пріятнѣйшее удовольствіе, которое чувствовалъ я при чтеніи вашихъ сочиненій, плачу вамъ, по желанію вашему, ничто незначащею бездѣлкою.

Вашъ преданнѣйшій и покорнѣйшій

А. Мерзляковъ.

Извините, что вчера не могъ къ вамъ доставить.—Захлопотался.

Старшая сестра княгини Зинаиды Александровны Волконской, княжна Марія—Магдалина Александровна Бѣлосельская Бѣлозерская, вышла за мужъ за Камергера Александра Сергѣевича Власова, о которомъ смотри ниже.

Л. 69 об.—70. Три письма Маріи Александровны Власовой.

J'ai reçu avec bien du plaisir mon cher Monsieur Pissareff votre aimable lettre du 1 en réponse à la mienne. Nous sommes tous bien fâchés de ce que vos travaux, qu'il faut que vous surveillez, nous privent du plaisir de vous voir de ce que vous ne viendrez nous entendre chanter ma soeur et moi que le 19 seul. Une fois ici vous verrez que vous ne pourrez pas vous en aller avant quinze jours. Je réponds à ce que vous dites sur le compte de Barberi et quoique vos paroles sont très flatteuses pour nous deux, on y reconnaît tout de suite l'aimable poète. Quand à notre chant Zénéïde et moi nous tenons beaucoup à votre suffrage.—Vous êtes poète et musicien, vous êtes bon, sensible, le véritable ami de vos amis.—Et lorsqu'on chante bien surtout comme ma soeur, il est agréable qu'une personne aimable comme vous l'êtes et qui sait aussi bien juger que vous, pour la musique et la déclamation, puisse l'entendre souvent.—Elle a traduit très bien, selon l'avis de plusieurs personnes, les paroles russes—гдѣ царь en Italien, qu'elle a donné à Peruzzi parceque tous

les acteurs italiens doivent chanter demain au concert de Peruzzi la Cantate de ma soeur. Aujourd' hui ils ont une répétition et ils ont supplié ma soeur de venir les juger. C'est dommage que vous ne serez pas demain ici, cher et aimable auteur, ce concert sera très intéressant.—Au plaisir de vous voir—Conservez moi votre amitié et croyez à toute la sincérité de la mienne pour vous. Votre dévouée M. Wlassoff.

Ma soeur vous remercie beaucoup pour votre souvenir et sera bien aise vous voir ici. Barberi est on ne peut plus sensible pour toutes les choses aimables que vous lui faites dire. Il vous paye amitié pour amitiés et ses grandes occupations l'empêchent encore aujourd' hui de vous écrire.

Moscou le 27 Avril 1826.

2.

Aimable Monsieur Pisareff, monsieur Barberi me prie de vous remercier de sa part mille et mille fois. Je ne répond pas dans ce moment à votre aimable lettre étant très occupé.—Comme Maman doit venir ici pour le couronnement nous passerons en haut et c'est Monsieur Barbéri qui arrange notre appartement avec tant de gout d'élégance que vous en serez enchanté quand vous le verrez achevé.—Ma soeur vous dit bien des choses aimables, elle ne vous écrit pas ayant les yeux fatigués et echauffés depuis quelque temps. Nous vous engageons toutes les deux elle et moi, cher et bon Monsieur Pissareff a' venir à Moscou pour jeudi en huit 6 May entendre chanter la cantate de ma soeur à l'assemblée par acteurs Italiens au concert de Peruzzi et le 19 du mois prochain (sauf les obstacles imprévus) vous entendrez si vous venez ici d'après notre demande chanter chez nous par ma soeur et d'autres amateurs le Requiem de Cherubini et la cantate de ma soeur. Le 19 May sera l'anniversaire des 6 mois pour l'Empereur Alexandre et ma soeur desirerait chanter avec les autres amateurs ce jour là le Requiem et sa cantate. Dans le premier chantent: ma soeur, la Comtesse Adèle Svetchine, le C-te Ricci et Monsieur Barberi. Dans la cantate: ma soeur, La C-tesse Ricci alternativement avec sa cousine Lise Akouloff, qui a une si belle voix et si touchante. Son autre cousine M-elle Annette Akouloff M-elle Soltikoff et moi. En hommes c'est le C-te Ricci, M-r

Barbéri, les deux Pr-ces Metchersky, Messieurs Venevitinoff, le P-се Adouevsky et M-rSoltikoff. Ces deux musiques sont accompagnies par deux violoncello, deux alto, une contrebasse et deux corps de chasse.—Paini au piano. Vous nous procurerez, si vous le voulez, le plaisir de vous voir souvent et vous éprouverez celui d'entendre de la belle musique et vraiment pas mal exécutée quoique ce que je dis n'est pas très modeste; mais vous pourrez juger de la verité de mes paroles si vous (конца нѣтъ).

3.

Aimable auteur j'ai porté hier votre lettre et vos charmans vers à ma tante et j'ai été le témoin de sa joie en les lisant.— Il est vrai que toutes les deux inscriptions sont délicieuses, le génie de l'auteur, son esprit et son coeur y sont peints; mais à vous parler franchement, j'aime encore mieux la seconde inscription, elle parle encore plus à mon coeur que la première quoique j'apprécie aussi le merite des 4 premiers vers.—Il faut vous rendre justice, cher Monsieur Pissareff, dans ces 8 vers vous avez su dire de ma soeur tout ce qu'elle mérite, vous l'avez peinte en peintre excellent et auteur parfait. Je vous en remercie mille et mille fois.—Au plaisir de vous voir; toutes les fois que vous viendrez chez nous vous serez le très bien venu mais plus de spectacle chez nous jusqu'à Pâques à cause de la mort de M-r Apraxine qui nous est parent. Recevez l'assurance de l'amitié sincère que je vous ai voué pour la vie.

M. Wlassoff.

Ce 9 Fevrier.—Mercredi.

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ письмамъ Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву, Б. Л. Модзалевскій представилъ любопытный біографическій очеркъ Александра Сергѣевича Власова.

Власовъ происходилъ отъ знатнаго дворянскаго рода восходящаго къ началу XVII вѣка, и воспитывался въ домѣ родителей. Съ 1783 по 21 июля 1806 годъ онъ служилъ въ Семеновскомъ полку. По увольненіи отъ службы, Власовъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Еще живя въ Петербургѣ Власовъ познакомился съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, на дочери котораго, княжнѣ Маріи Александровнѣ, Власовъ

и женился въ 1805 году. Получивъ за женою большія богатства, Власовъ переселился въ Москву и вполне отдался своей страсти къ собиранію предметовъ искусствъ, при чемъ перекупалъ вещи, памѣченныя Высочайшими особами. Къ нему перепли почти цѣликомъ коллекціи графа А. Г. Головкина, Маслова, князя Д. М. Голицына, Хитрово и другихъ. На ряду съ предметами искусствъ, Власовъ былъ страстнымъ любителемъ книгъ, рукописей и рѣдкихъ книгъ. Часть собраній Власова была описана въ двухъ изданныхъ имъ въ Москвѣ каталогахъ. Послѣ смерти Власова, послѣдовавшей въ Москвѣ, 28 января 1825 года, всѣ собранія его были разыграны въ лотерею въ 1826 году и проданы съ аукціона въ 1830 году. По смерти мужа, М. А. Власова уѣхала въ Римъ, къ своей сестрѣ—княгинѣ З. А. Волконской и, по примѣру ея, перешла въ католичество; она умерла въ Римѣ и погребена въ часовнѣ церкви св. Викентія и Аванасія на площади Треви. Небольшая часть собраній Власова перешла къ Иванчину-Писареву. (Письма Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву. Спб. 1902. Примѣч., стр. 30—32).

Иванчинъ-Писаревъ былъ сосѣдомъ Власова, такъ какъ Серпуховское имѣніе его село Старая Ситни находилась не далеко отъ села Рудинки.

Въ 1840 году Иванчинъ-Писаревъ помнюлъ Власова въ письмѣ своемъ къ И. М. Снегиреву: „Вамъ понравился очеркъ причудливаго характера моего друга, Власова,—и такъ дополню объ немъ. При всей утонченности Европейской онъ былъ прямо Русскій баринъ. Въ день именинъ жены онъ, въ селѣ своемъ Ситнѣ, давалъ ежегодный пиръ съ обѣдомъ царскимъ, фейверкомъ и иллюминаціями и баломъ; что продолжалось нѣсколько дней. Кромѣ сотней Московскихъ гостей, три уѣзда, кто только былъ не въ армякѣ, могъ, хотя и однодворецъ, войти въ гостиную; всѣ плясали, какъ кто умѣлъ, всѣ ѣли dindes, truffes, бекасины, форели, котлеты à la Richelieu, дивныя стерледи и пр., пили, не зная что пьютъ: Бургонское Clos de Vougeau, Шампанское Аи, Венгерское Радзивиловское или Эстергази, Лакримо даль Кристи. Власовъ имѣлъ особый транспортъ винъ и доставляемый ему особенно на кораблѣ. У него никого не смѣли обпестъ или дать худшаго вина: князя Юсуповъ и Голицынъ не могли спросить себѣ, чего бы не налили Панкрату Агаповичу Га-

ропицу; вотъ что нынѣ рѣдко, и что я называю барствомъ. На этомъ праздникѣ нѣсколько сороковыхъ бочекъ разливались пяти тысячамъ народа разныхъ сель. Старый его дворецкій, съ трясушеюся головою, смѣшилъ насъ, являясь безпрестанно: Ваше Превосходительство! бранится близко отсюда, и (на ухо) скверными словами.—„Э! братецъ, это Русская веселость; а у нашихъ княгинь и графинь ушки завѣшены золотомъ, да и не поймутъ“.—Ваше превосходительство велѣли пустить ихъ по цвѣтникамъ: они опустошили сады, а ваши тюльпаны и даже мирты стоптаны; недѣли въ три не справишь всего.—„Да развѣ ты не догадаешься, что они хотятъ смотрѣть на плошки и стаканчики и на господъ“.—И это я называю барствомъ. Вотъ либерализмъ, который Бѣлинскій, Сенковскій и Краевскіе хотятъ замѣнить своимъ, Маратовскимъ, а дай имъ тысячу душъ—будутъ неприступные для народа. Является нѣмецъ—садовникъ и съ германскою важноюю рассказываетъ, что въ большое померанцевое дерево бросаютъ палками. Тутъ онъ подымается и бѣжитъ осмотрѣть дерево. У него было сто два померанцевыхъ деревъ, но это покрывало насъ своими вѣтвями, когда мы обѣдали въ числѣ двадцати пяти человекъ. Подъ нимъ всякій годъ онъ распивалъ бутылку шампанскаго (то есть, отвѣдывалъ, ибо вина почти не пивалъ самъ) съ своимъ садовникомъ. Это дерево, тотчасъ послѣ его смерти, увезено, вмѣстѣ съ другими и съ прочимъ и прочимъ, на трехъ стахъ подводахъ, нашею Коринною, нынѣ цѣлующею туфель папы, знаменитою княгинею Зянаидою, сперва въ имѣніе мужа ея, а потомъ далѣе, для обращенія въ червонцы, ибо она родная сестра вдовы—хозяйки и теперь живетъ съ нею въ Римѣ.—Скажу нѣчто о старомъ дворецкомъ: онъ былъ вѣренъ такъ, что могъ бы обогатиться отъ связи съ Итальянцами, которые окружали Власова,—но онъ только открывалъ ихъ плутни. Однажды, при мнѣ, онъ получилъ тысячу пятсотъ рублей подарку отъ барина: Власовъ, по родству, звалъ къ себѣ въ деревню князя Дмитрія Владиміровича Голицына дни на три погостить, назначивъ мѣсяцъ и число. Князь былъ вѣренъ числу, но забылъ мѣсяцъ и не засталъ хозяина. Дворецкій умѣлъ по царски угостить князя. Власовъ былъ въ восторгѣ, назвалъ это угощеніе *improvisé*, поцѣловалъ стараго слугу и далъ ему тысячу пятсотъ

р. Князь Д. В. Голицынъ при мнѣ рассказывалъ Григорію Алексѣевичу Васильчикову, что такихъ рѣдкостей не видывалъ
 Дивился одному растенію огромному *Magnolia grandiflora*, которому подобное видѣлъ лишь въ Мальмезонѣ, гдѣ императрица Жозефина показывала его какъ за единственное въ старомъ свѣтѣ. Власовское доросло до того, что разломали надъ нимъ потолокъ оранжереи и сдѣлали башню. Цвѣтокъ его, колоколь, величиною болѣе аршина, испускалъ благовоніе, заглушая духъ померанцевъ и миндальныхъ деревьевъ. Вотъ еще черта барства: ничто изъ всѣхъ его оранжерей не продавалось; онъ любилъ смотрѣть на деревья, осыпанные плодами, а послѣ отдавалъ плоды кому угодно. Я упомянулъ о паркахъ: это былъ лѣсъ на четыре версты. Власовъ призвалъ Англичанъ, Нѣмцевъ, да болѣе пятисотъ Русскихъ, чтобы вырубить въ немъ все не живописное. Однажды заѣхалъ къ нему богатый мужикъ торгующій лѣсомъ. Мы обѣдали, но онъ позволилъ ему войти: Александръ Сергѣевичъ! продай мнѣ лѣсокъ.— „Да какой?“—Да вотъ, что ты расчищалъ.—Вы легко можете вообразить нашъ смѣхъ. Что же вышло?—послѣ его смерти, этотъ самый мужикъ купилъ на срубку этотъ паркъ! . . . Теперь все, какъ изящное, такъ и хозяйственное, разбрелось по рукамъ и знающихъ, и невѣждъ. Я хвалюсь тѣмъ, что у меня большая часть его эстамповъ, и самые лучшіе, да пять отличныхъ картинъ“. (Письмо П. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву, стр. 27—30).

Л. 70 об. Два письма Власова.

1.

Москва. 3 Ноября 1822.

Поспѣшаю отвѣтствовать на письмо ваше, Милостивый Государь мой Николай Дмитриевичъ, полученное сего дня съ человекомъ вашимъ. Обстоятельства мои столь были мнѣ противны, что во все лѣто я трехъ недель сряду не прожилъ въ своей деревнѣ, а безпрестанно былъ въ разъѣздахъ. Вотъ даже и теперь живу въ Москвѣ за нужнымъ дѣломъ, и скучаю что не въ Тульской своей деревни нахожусь, гдѣ мое присутствіе очень нужно.—Таковыя непріятности лишили меня и навѣдываться объ васъ, а когда я былъ у гр. Алек. и хотѣлъ къ вамъ заѣхать въ Рудники мнѣ сказали, что вы въ Каширской вашей деревнѣ. Удовлетворяя просьбѣ вашей касательно

до *Madona del Pez* то это точно *La vierge au sein*, съ нея былъ гравированъ прежде очень хорошій естампъ, который имѣлъ покойный тесть мой князь Бѣлосельскій въ своей коллекціи естамповъ, художникомъ *Ferd. Selma*. Но этотъ естампъ никогда не былъ въ продажѣ и въ одной Гишпаніи можно иногда было приобрѣсть. Нынѣ во Франціи молодой граверъ *Lignon* гравировалъ оную Короля Гишпанскаго, которой естампъ вышелъ: Борелли имѣлъ два тисненія, оба безъ подписей, и будучи у него купилъ одинъ, то ежели онъ вамъ нуженъ попросите Борелли, чтобы онъ прислалъ. Цѣна оному 48 р. Чтожъ принадлежитъ до полученныхъ мною естамповъ то я точно до 25 штукъ получилъ, заслуживающихъ всякое къ нимъ вниманіе и уваженіе. Мнѣ очень жаль что прежде декабря вы ихъ не увидите. Г. Масловъ ихъ видѣлъ; но простите старому и опытному охотнику сказать, что полученные мною естампы однимъ покажутся фанатикамъ естамповъ,—каковъ я, драгоцѣнными; ибо я вижу изъ писанія вашего, что вы *Martin Schön* по одной древности только уважаетъ но ни мало имъ не прельщаетесь; а г. Масловъ еще менѣ васъ, но онъ и древность не уважаетъ, а любить что ему пріятно, и въ художествахъ начинающій охотникъ сперва начинаетъ то уважать что уважаемо нѣсколькими столѣтіями, и не смѣетъ критиковать первописанныя произведенія столь знаменитыя, безъ коихъ и славныя послѣ явившіеся естампы не были бы произведены.—Простите мнѣ что я можетъ не скромно свои мысли выразилъ?—*Pour ce qui regarde M-r Нестеровъ c'est un très galant homme que j'estime infiniment. Il serait à désirer qu'il puisse conserver sa place pour les années futures. Je me croirai donc heureux si de mon coté je pourrai contribuer à cela de quelque manière que cela vienne—renseignements sur sa vie—pour continuer je me bornerai par vous assurer de ma consideration la plus distinguée. Votre très dévoué serviteur*

Wlassoff.

2.

Москва. 24 Апрѣля 1823.

Пріятное письмо ваше, милостивый Государь мой Николай Дмитриевичъ, и при ономъ слѣдуемые мнѣ за естампы ас. сто пятьдесятъ рублей получилъ. Благодарю васъ за все оное, равно и за поздравленіе меня съ наступившимъ праздникомъ, съ чѣмъ и васъ

31*

равномѣрно имѣю честь поздравить и желаю оной провести весело и съ исполненіемъ всѣхъ вашихъ желаній.

Съ моей стороны я равномѣрно сожалѣлъ, что по возвращеніи моемъ изъ Петербурга я васъ здѣсь не напелъ. Приобрѣтеніевъ въ эстампахъ въ Петербургѣ я никакихъ не дѣлалъ. Такъ скудость превеликая. Но я получилъ еще одно тисненіе обрученія Богородицы Longhi безъ подписи и не знаю которой беретъ поверхность, прежде ко мнѣ присланной отъ моей своячинѣ или послѣдней, которое мнѣ стоитъ на ас. 950 ф. Я думалъ что какъ съ охотника горячего дорожке взяли, но по приѣздѣ удостовѣрился, что Борелли получилъ записку нѣкоторымъ продажнымъ эстампамъ и въ томъ числѣ сія Богородица назначенная 1275 франковъ. Г. Масловъ Ник. Сем. далъ повелѣніе по сей цѣнѣ ее купить. Я очень любопытенъ видѣть и сравнить съ моими тисненіями когда его привезутъ. Въ замѣнъ не приобрѣтенныхъ эстамповъ, я получилъ нѣсколько хорошихъ изданіевъ книгъ, нѣсколько древнихъ рѣзныхъ камней и двѣ очаровательныя картины одна находящаяся лѣтъ 15 въ Петербургѣ извѣстная своей необыкновенной красотой и вѣрностью художника, изображаетъ Іоанна Евангелиста твореніе Carlo Dolce. Она принадлежала нѣкогда тому кабинету въ коемъ находился знаменитый мой Орестъ*). Святой Евангелистъ представленъ à mi-cors, возведя свою голову къ небу и какъ будто вдохновенъ святостію изображенной на Его лицѣ. Въ одной рукѣ держитъ Евангеліе и перо, а другая отверстая, изъявляющая умиленіе. Въ сторонѣ видѣнъ изображенный орелъ. Другая картина совершенно очаровательная; я ее получилъ изъ Флоренціи два года она обѣщала но столько затрудненій для выпуска имѣла что я отчаялся ее и получить. Она представляетъ Богоматерь возлѣ спящаго младенца и возлѣ ея маленькій Іоаннъ Креститель. Въ дали окошко въ коемъ виденъ ландшафтъ. *Tableau de chambre du divin Raphael*. Все, что я могу вамъ сказать о красотѣ и достоинствѣ сей драгоценной картины недостаточно будетъ. Надобно ее видѣть и тогда удостовѣритесь въ ея красотѣ и достоинствахъ. Лучшаго времени *Madonna de Foligno et Madonna della Sedia* она писана до Este послѣдняго времени Рафаэля, гдѣ

*) Слѣдовательно изъ кабинета герц. Орлеанскаго (примѣчаніе Н. Д. Иванчина-Писарева).

онъ соединилъ всѣ совершенства въ себѣ живописи. Ета не оспори́мо первая моя картина и нѣтъ человѣка, который бы ея не находилъ чудесною. Сверхъ сего сохраненіе чудесное. Дерево такъ старо и изъѣдино червями что обращается въ песокъ какъ его тронешь.—Жаль, сердечно жаль, что вы это совершенство искусства не увидите скоро; но я зналъ вашу страсть къ произведеніямъ безсмертнымъ, Рафаэля, то характеръ лица Богородицы васъ конечно восхитить.

Поздравляю васъ съ новыми пріобрѣтенными эстампами, а еще болѣе съ продолженіемъ охотничьяго стремленія къ умноженію вашего уже значительнаго собранія. Къ несчастью я многихъ знаю охотниковъ, которые сначала очень охотно собираютъ собранія, а потомъ охладѣвають и доказательствомъ таковыя служатъ, что искры никогда настоящей къ художествамъ и къ изящнымъ вещамъ не имѣли, а собирали отъ скуки или отъ какихъ нибудь другихъ подобныхъ причинъ, и вы яко настоящій любитель съ пріумноженіемъ еще болѣе содѣловаетесь охотникомъ, что въ нынѣшнее время очень рѣдко и съ чѣмъ паки я васъ поздравляю.

Коллекціи Головкина находились по сихъ поръ за печатью, и ни какихъ изъ ея вещей не выходило, даже и раздѣла имѣнія и распоряженіевъ какія будутъ неизвѣстны отъ наслѣдниковъ по оному.

Изъ письма вашего усмотрю, что вамъ нуженъ можетъ быть Catalogue de Schmidt, то дабы вамъ имъ поспѣшнее воспользоваться, то я разсудилъ съ симъ вашимъ посланнымъ доставить, прося васъ когда уже не будетъ вамъ нуженъ возвратитъ мнѣ въ Ситню или въ Москву какъ вамъ удобнѣе. Что же принадлежитъ до портрета August III par Valechou, то мое тисненіе хотя и второе, но первому весьма мало уступаетъ. И желая во всякомъ случаѣ вамъ сдѣлать пріятное, за 400 р. вамъ уступаю на ас. Вы уже такой красоты и по этой цѣнѣ ни у кого не купите. Извольте меня увѣдомить какъ мнѣ его вамъ доставить, а между тѣмъ примите увѣреніе и пр. А. Власовъ.

Платонъ Петровичъ Бекетовъ былъ двоюроднымъ братомъ Ивана Ивановича Дмитриева. Родился 11 Ноября 1761 года, скончался 6-го Января 1836 года. Онъ жилъ и умеръ на дачѣ своей

подъ Симоновымъ. „Съ потери брата я что то разстроился и упалъ духомъ“, писалъ И. И. Дмитріевъ къ князю П. А. Вяземскому, „жаль, что покойникъ не отказалъ, какъ водится, бумагъ сыну своему, или по крайней мѣрѣ хотя мнѣ для передачи другимъ по моему выбору. Теперь они въ рукахъ сына, Ипполита Бекетова, не того, котораго вы знаете, а другого. Платонъ Петровичъ Бекетовъ передалъ ему права своего наслѣдства, состоящаго въ ветхомъ домѣ, въ Русской библиотекѣ, въ уцѣлевшемъ портфелѣ съ любимыми эстампами, въ десяткѣ или побольше займодавцевъ и въ кучѣ рукописей“. (Старина и Новизна. 1898. II, 184, 219—220).

По свидѣтельству Иванчина-Писарева П. П. Бекетовъ разорился отъ выдаваемыхъ имъ пособій (Извѣстія Отд. Русск. Языка и Словесности 1901. т. VI, кн. 4-я, стр. 255).

Л. 71. Письмо Платона Петровича Бекетова. 2-го февраля 1825.

Милостивый Государь

Николай Дмитріевичъ!

Мнѣ конечно пріятно знать что вещи которыя собиралъ я съ трудомъ переходять въ руки человѣка знающаго имъ цѣну и съ величайшимъ удовольствіемъ согласился бы на предлагаемый вами обмѣнъ, но Морганова Эстампа *Les Saisons* у меня болѣе вѣтъ. Его взялъ не знаю для кого Гаврила; другой же при семь посылаю. Искренно скажу что мнѣ бы гораздо пріятнѣе было имѣть дѣло прямо съ вами, потому что въ поступкахъ этихъ господъ бракантеровъ, есть всегда, какъ говорятъ французы, *quelque chose de louché*.—Если вамъ, милостивый государь, вздумается и впередъ взглянуть на какой изъ моихъ эстамповъ, то покорнѣйше прошу васъ означить № по каталогу, что облегчитъ мнѣ въ пріисканіи онаго.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Платонъ Бекетовъ.

Дочь графа Владиміра Григорьевича Орлова, графиня Софія Владиміровна была супругою графа Никиты Петровича Шанина. „Сынъ самаго постояннаго соперника и недоброжелателя князя Орлова, писалъ графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ, влюбился въ 15-ти лѣт-

ною, рѣзвую и красивую графиню Софью Владиміровну. 10-го Марта 1789 г. графъ В. Г. Орловъ писалъ своему брату, графу А. Г. Орлову: „Вотъ тебѣ сударикъ Алеханъ наипрїятнѣйшее извѣстіе для всей моей семьи, слѣдовательно и для тебя. Дня съ три графъ Петръ Ивановичъ Панинъ поручилъ спросить меня, хочу ли имѣть сына его въ моемъ семействѣ? Что онъ сего отиѣнно желаетъ. . . . Рѣчь шла о меньшей дочери Софьѣ. Тебѣ извѣстно, что сынъ его, графъ Никита Петровичъ, уже три мѣсяца тому, что ѣздитъ въ домъ ко мнѣ, полюбилъ ее съ самаго начала. . . О дочери моей нечего мнѣ тебѣ говорить. А сколько сей молодой человекъ по сіе уже время отъ всѣхъ заслужилъ похвалу, о томъ также ты слыпалъ; скажу тебѣ откровенно что я его ни на какого въ свѣтѣ жениха не промѣняю. . . Узнавъ графъ Петръ Ивановичъ согласіе мое на сей случай, пролилъ тѣмъ сердечныхъ слезъ, и я ему со товариществовалъ“. (Біографическій Очеркъ графа В. Г. Орлова. Спб. MDCCCLXXVIII. II, 100—103).

Въ своей Отечественной Галереѣ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ напечаталъ біографическій Очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова, скончавшагося въ Москвѣ 28-го февраля 1831 года.

Въ этомъ очеркѣ мы между прочимъ читаемъ: „Наконецъ мы простились едва ли не съ послѣднимъ вельможею Екатерины.— Вѣкъ Екатерины—сколько мыслей и чувствованій сіи два слова пробуждаютъ въ сердцѣ Россіянина! Сей вѣкъ, богатый славными событіями и на поляхъ брани, и въ совѣтахъ мудрой политики, и въ дѣлахъ внутренняго устройства, образовалъ у насъ многихъ знаменитыхъ полководцевъ и людей государственныхъ. . . .“

Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ былъ лично извѣстенъ графу Орлову. Въ томъ же Очеркѣ Иванчинъ-Писаревъ пишетъ: „Я часто имѣлъ случай видѣться съ нимъ уже въ лѣтахъ его маститой старости, и наслаждаться его бесѣдою. Гдѣ бы не находилъ его: въ ученомъ ли кабинетѣ, гдѣ онъ удивлялъ меня своимъ вниманіемъ къ новѣйшимъ произведеніямъ Отечественной, или вообще Европейской Словесности, вниманіемъ столь рѣдкимъ въ людяхъ инаго времени; въ кругу ли почтеннаго своего семейства, гдѣ собственнымъ примѣромъ разливалъ онъ веселость, и плѣнялъ знакомцевъ искренностію и радушіемъ, среди ли блаженствующихъ поселянъ Отрады, съ кото-

рыми по нѣскольку часовъ бесѣдовалъ онъ во время утреннихъ своихъ прогулокъ,—я вездѣ заставалъ въ немъ ту ясность души, которая знаменуетъ чистую нравственность, основательный умъ и доброе сердце.—Съ особеннымъ прилежаніемъ онъ наблюдалъ ходъ новѣйшей литературы; съ большимъ удовольствіемъ получалъ изъ Эдинбурга отъ внука своего Владиміра Петровича Давыдова извѣстія о Вальтеръ-Скоттѣ. При послѣднемъ нашемъ свиданіи я засталъ его сличающаго Исторію Карамзина съ источниками. Увидѣвъ меня, онъ заговорилъ о Карамзинѣ, и умѣлъ сказать столько новаго о достоинствахъ сего великаго писателя, что мнѣ оставались лишь слушать, и удивляться... Пріятельская связь его съ старѣйшиною нашего Парнасса, Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, по самую смерть имъ сохраненная, также показывала въ немъ истиннаго друга просвѣщенія... Я часто встрѣчалъ его въ густыхъ аллеяхъ Отрады, выходящаго изъ уединенной храмины, гдѣ, вмѣстѣ съ земною славою, почтили милые сердцу его, и гдѣ уже давно избралъ онъ мѣсто и для своего праха“. Свои поминки по графѣ Орловѣ, Иванчинъ-Писаревъ заключаетъ такъ: „Почтенный старецъ! Я невидаль тебя, въ торжественный часъ добродѣтельнаго,—и одною изъ моихъ печальныхъ мыслей будетъ та, что болѣзнь воспретила мнѣ поклониться твоему отшествію въ вѣчность; одною изъ самыхъ сладостныхъ, что я удостоенъ былъ твоего благосклоннаго вниманія!“ (Отечеств. Галлерія. М. 1832. I, 176—185).

Графъ Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ почтилъ память своего дѣда прекрасною книгою, которою обогатилась наша литература: Біографическій Очеркъ Графа Владиміра Григорьевича Орлова. Составленъ внукомъ его, графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, С.-Петербургъ. MDCCCLXXVIII. Въ двухъ томахъ.

Л. 74. Письмо графини Софіи Владиміровны Паниной. Москва. 22-го Марта 1831.

Милостивый Государь мой
Николай Дмитріевичъ.

Въ первыя минуты постигнувшей меня потери не могла я выполнить пріятнѣйшую для меня обязанность изъявленіемъ вамъ, милостивый государь мой, искренней моей благодарности за тѣ почтительныя чувства къ покойному Родителю моему, кои вы столь

прекрасно изъяснили въ краткомъ обзорѣни его жизни. Если что нибудь можетъ усладить сію ужасную для насъ потерю, то это, безъ сомнѣнія то лестное для семейства его удостовѣреніе, что и внѣ его находятся сердца знающіе цѣнить и умъ и душу искренне нами оплакиваемаго. Вы, которые первые возимѣли утѣшительную для насъ мысль почтить память его воспоминаніемъ о его добродѣтеляхъ предобрѣтаете чрезъ то, милостивый государь мой, самое основательнѣйшее право на чувствительнѣйшую и неизгладимую нашу признательность, въ чемъ и поспѣшаетъ удостовѣрить васъ, пребывающая съ душевнымъ къ вамъ уваженіемъ

Покорная къ услугамъ
Г. Софья Панина.

Л. 75. Письмо Михаила Николаевича Загоскина.

Милостивый Государь
Николай Дмитріевичъ.

Благодарю васъ отъ всей души, за вашу, чрезвычайно для меня пріятный подарокъ; я увѣренъ что прочту вашу Отечественную Галерею съ величайшимъ удовольствіемъ точно такъ же какъ я прочелъ сей часъ ваши замѣчанія на гнусный пасквиль Чедаева, эту безумную попытку забросать грязью все, что ни есть святого для Русскихъ. Не гнѣвайтесь на меня, что я не пріѣхалъ самъ лично поблагодарить васъ. Трудно повѣрить до какой степени все время мое погибаетъ отъ этихъ мѣлочныхъ театральныхъ занятій!—Прощайте! Возвращаю вамъ съ благодарностію вашу прекрасную статью о старинной Русской поэзіи. Я очень буду радъ если вы ее пустите въ наше публичное собраніе.

Примите увѣреніе въ искренней преданности и совершенномъ уваженіи вашего покорнѣйшаго слуги

М. Загоскинъ.

Вторникъ

Барбери „составитель мозаики на переплетѣ Альбома“ Н. Д. Иванчина-Писарева. (Примѣчаніе князя Павла Петровича Вяземскаго).

.Л. 78. Письмо составителя мозаики на портретъ Альбома. Москва 30 Мая 1825.

Monsieur, l'espoir qu'on m'a donné que j'aurais le bonheur de vous revoir d'un jour à l'autre, me fait toujours remettre la réponse que je dois à votre aimable et jolie lettre du 17 Avril; elle m'a été remise après votre retour de S-t Petersbourg. Permettez moi de vous remercier de tout ce que vous voulez bien me dire d'aimable dans la charmante traduction du Triomphe de l'amour; en disant charmante je répète les mots de Madame la Princesse Zénéide et du Prince Viasimsky qui l'ont lue avec beaucoup d'intérêt. Vous avez écrit avec la grace qui est familière à votre plume, je crois que vous vous êtes même surpassé, et la raison en est facile à concevoir: la crainte de facher il garzon crudo, pour qu'il ne dirige pas ses traits contre vous; c'est à cette crainte que je dois certainement tout le bien qu'on a dit de ma table ainsi que votre obligeant article. Je me suis permis d'y corriger une erreur de chiffre en changeant le № 40 en № 6. Ce dernier nombre étant celui des personnes qui ont travaillé pendant trois ans à ma mosaïque. Madame la Princesse a ajouté une seule petite phrase à l'article de Diane et me charge de vous en faire ses excuses. J'ai déposé chez vous, Monsieur, un autre exemplaire pour remplacer la gravure dont vous vous êtes privé. Bravo, Bravo, je vous fais mon compliment pour l'acquisition que vous venez de faire d'Adam et d'Ève par Marc Antoine.

Les affaires Wlassoff ont décidé Madame la Princesse de faire le voyage de S-t Petersbourg. S. E. a obtenu la nomination d'une commission qui dirigera les affaires ayant des pouvoirs très étendus et la permission de faire une lotterie de tous les objets meubles. Ce voyage a fait du bien aux affaires en général et a fait certainement paralyser les projets des méchants et mal-intentionés; hier une de ces personnes me faisait des projets magnifiques pour la lotterie Wlassoff, et moi tout en l'écoutant je me suis dit, tu n'es même pas digne de ce vers que Dante applique aux mauvais auteurs—Non ti curar di lon ma guarda e passa—et me suis rappelé le poète de Mantoue—Timeo Danao dona ferentes. J'ai vu à Petersbourg plusieurs de vos collègues qui m'ont beaucoup intéressé, entre

autre le pauvre M-r Kozloff, pauvre de santé, mais riche en connaissances et en idées poétiques, dans les quelles un sentiment profond est mêlé à une douce mélancolie: jugez, Monsieur que le récit de son histoire m'a poussé al mio cattivo verseggiare et peut être un jour je vous montrerai cette page de poème en vous disant—
ajutami Signore non la conosco—essa mi fa tremor le vene e i poesia.

Je vous devais une réparation au retard que j'ai mis pour répondre à votre lettre, mais jamais un bavardage aussi long: voici mon excuse: quand on écrit à des personnes d'esprit telles que vous, Monsieur, on laisse courir sa plume et on ne l'arrêterait pas si la peur d'ennuyer n'imposait silence.

Madame la Princesse et Madame Wlassoff ont agréé avec reconnaissance les marques d'intérêt que vous leur témoignez, et m'ont chargé de vous dire mille choses aimables.—Je vous prie de croire à la véritable estime qu'a pour vous Monsieur Votre dévoué serviteur.

Barberi

Moscou ce 30 Mai. 1825.

Баронъ Генрихъ Васильевичъ Жомини былъ призванъ въ Русскую службу съ званіемъ генераль-адъютанта. Скончался въ Парижѣ, въ Мартѣ 1869 года на 91-мъ году жизни. 6-го Августа 1813 года, изъ Праги, А. С. Шипковъ писалъ: „Перешелъ изъ французской арміи извѣстный генераль ихъ и писатель Жоменвилъ, который, кажется, поступилъ въ нашу службу“. (Записки, Мпѣнія и Переписка Адмирала А. С. Шипкова. Берлинъ 1870. I, 346).

Въ Русской литературѣ это имя сохранилъ извѣстный стихъ Д. В. Давыдова:

...И гусары въ модномъ свѣтѣ,
Въ виць-мундирахъ, въ башмакахъ
Вальсируютъ на паркетѣ!
Говорятъ умнѣй она...
Но что слышимъ отъ любово?
Жомини, да Жомини!
А объ водкѣ ни полслова.

(Сочиненія Д. В. Давыдова. М. 1860. III, 24).

Л. 80. Письмо Жюмини. Парижъ.

Monsieur

Voici le billet d'introduction au musée de Bossange. Je serais charmé que le voisinage me procurat plus souvent le plaisir d'être avec vous.

Votre dévoué Serviteur

General Jomini

На оборотѣ написано:

A Monsieur Monsieur De Campe Rue d'Enfer № 9. Paris.

Дочь князя Ивана Дмитриевича и княгини Екатерины Александровны Трубецкихъ, княжна Аграфена Ивановна Трубецкая, о которой Погодинъ „съ признательностью“ вспоминалъ, что „эта прекрасная особа принесла ему много добра и имѣла большое вліяніе на всю его жизнь“. Впослѣдствіи она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Александра Павловича Мансурова. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1888. I, 57).

Л. 84. Музыка соч. княжны Аграфены Ивановны Трубецкой.

На романсѣ Н. Д. Иванчина-Писарева: Сердце, сердце, ты страдаешь.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЦЪ, МѢСТЪ и ПРЕДМЕТОВЪ

въ X-й книгѣ.

А.

Аббатъ—3, 5, 8.

Абрагимъ, царь турецкій—277, 279, 280.

Абрамъ Лисицынъ, пятидесятникъ—447.

Августинъ, архіепископъ Московскій—268, 269.

Августъ III, король Польскій—533.

Авдотья: Андреевна Кафтырева, по мужу Матюшвина—418, 441, 444—446, 453; ключница въ Московскомъ домѣ кн. Хованскихъ,—401; Михайловна, княгиня—386.

Авель—78.

Авениръ, Индійскій царь—47, 49, 52, 56, 57.

Аверкій Степановичъ Кириловъ, думный дьякъ—371, 460, 462.

Авраамій Ростовскій св.—189, 190, 200, 203; Смоленскій святой—124.

Авраамъ, праотець—213, 214.

Автономъ Ивановичъ Ивановъ—295.

Агамемнонь—93.

Агарь—символь въ словѣ Пларіона—117.

Агаѳья: Всеволодовна Чермнаго княгиня—180, 181; Григорьевна Кривокова—386, 401, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 416; Поганкина—462; Прохоровна Кафтырева—429, 430, 434.

Агаѳононь Степанъ, сотскій перемской волости—381.

Агриковъ мечъ—151, 156.

Агѣй Алексѣевичъ Шпелевъ, генераль думный—287, 339, 341.

Адамъ—78, 79, 80, 89, 100.

Адріанъ—Ослябя, ученикъ преп. Сергія Рад.—236.

Адуевскій, князь—270.

Адъ—4, 51, 63, 152; Теодорика—36.

Азбука Пермская—255.

Азбуковникъ, книга—76, 88.

Азбучный Патерикъ—12.

Азвякъ Тавруловичъ, въ пѣснѣ—223, 224.

Азовъ, городъ—274, 275, 276, 277, 279, 280, 281, 282.

Азѣй, соколъ—426.

Академія Русскія: Духовная Казанская—26; Наукъ—94, 278, 492; Художествъ—515, 516, 519.

- Акимъ** Сергѣевичъ Поганкинъ—459, 461; Струнниковъ—461.
- Акинфъ** Васильевичъ—453.
- Аксаковъ** Иванъ Сергѣевичъ—500; Сергѣй Тимофѣевичъ—492.
- Аксинья** Семеновна Чаадаева—422, 423, 443, 452, 459; Иковлева, крестьянка—380.
- Актеонъ**—109.
- Акты**, касающіеся до сношеній Сѣверо-зап. Руси съ Ригю. Изд. Археогр. Ком.—202; семейные Иванчина-Писарева—473.
- Акуловы**; Аина—526; Елизавета—526, Матвѣй—372.
- Алатырь** (Олаторь), городъ—417.
- Александра** Феодоровна, великая княгиня—482, 484.
- Александрійскій** еписк. Макарій—44.
- Александрія**, городъ—17, 21, 42; исторія объ Александрѣ Македонскомъ—95, 97, 99, 100, 103, 107, 110.
- Александръ**: III Александровичъ, императоръ—469; Константиновичъ, Ростовскій князь—355; Македонскій—74, 92, 95—99, 101—103, 105—107, 115; Михайловичъ, Тверской князь—188, 224, 225; Никитичъ, князь Прозоровскій—295, II Николаевичъ, императоръ—468, 483, 484; I Павловичъ, императоръ—268, 505, 507, 520, 521, 526; Пересвѣтъ, ученикъ св. Сергія Рад.—236; Севастьяновичъ Хитрой (Хитрово)—300, 321, 328, 343; Скуратовъ—351; Ярославичъ Цевскій, Новгородскій и Владимірскій князь—186, 187, 210, 217, 220, 221, 229, 230.
- Алексѣй**: Васильевъ, подъячій—470; Давыдовъ—428; Душанинъ—303; Ивановичъ Буйосовъ—Ростовскій князь—432, 434, Карабинъ—428, Крюковскій—443, Лихачевъ—386, Меледа—443, Мещериновъ—302, митрополитъ московскій св. 220, 221, 223, 225—228, 232, 233, 402, Михайловичъ, царь—284, 297, 427, 428, Мусия—449, Никитичъ Годуновъ—443, Никитичъ, Трубецкой князь—444, 445, Шеня, воєвода подъ Азовомъ—281.
- Алипій**, Печерскій святой—189.
- Алконосъ**, птица—76.
- Алферій** Богдановъ Васильевъ, Верховтурскій подъячій—432, 439, 440.
- Альберкъ** или Обри Безансонскій (Anlby de Besançon)—101, 107.
- Альбертъ**, епископъ Ливонскій—200, 201.
- Альбрать** изъ Брюнжвика—202.
- Альбомъ**: автографъ П. Д. Иванчина-Писарева—470, А. П. Бунинной—492.
- Амазонки**—37.
- Амартолъ** Георгій—74.
- Амельфа** Тимофѣевна, мать Василія Буслаева—122, 123.
- Амстердамъ**, городъ—274.
- Анастасія**, жена царя Ивана Грознаго—253.
- Анатомія** Палей—77.
- Анахарсисъ**, скиѣскій философъ—109.
- Ангелы**—3, 5, 28, 43, 44, 45, 79, 80, 105, 150, 160, 171, 278, 280, 281.
- Англичанинъ** Брейнь—315.
- Англійскій клубъ** въ Москвѣ—483.
- Англія**—488.
- Англосаксонскій** переводъ Римскаго Патерика—26.
- Андреевъ** Макарь, крестьянинъ—382, Мишка, земскій судейка—381.
- Андрей**: Александровичъ князь въ сказаніи о нач. Москвы—134, 135, 136, Андреевичъ Полозовъ—393, 394, Апостоль—249, Аргельный, подъячій—362, Баженинъ, Колмогорецъ—373, Барнетъ—354, Богдановичъ Тушинъ, думскій дворянинъ—363, Бутепапъ, ювелиръ—382, 383, Васильевичъ, Елецкій князь—458, 462, Васильевскій—349, Васильевъ Митусовъ—386 Воиновъ, стряпчій—381, Григорьевичъ Ромодановскій—351, 352, Дмитриевичъ Верейскій князь—251, Ивановичъ Чириковъ, стольникъ—296, 328, Иоанновичъ, князь—234, Микулаевъ Минтеръ, купецъ—324, Рублевъ, конопсецъ—233, 254, Тарковъ, челоуѣкъ Хованскихъ—377, 402, Фроловъ—451, Юрьевичъ, Боголюбскій князь—129—133, 135, 136, 141, 142, 146, 210, 245, см. еще **Хованскіе**.

- Андроникъ**, ученикъ св. Сергія Радонежскаго—243.
- Андроновъ** Аѳанасій—442.
- Андроньевъ**, Московскій монастырь—233, 254.
- Анекдоты**—2, 12, 13, 14, 28, 30, 38, 67, 69, 70, 71, 109.
- Анкидишко** овощникъ, въ перенесѣхъ Поганкиныхъ—461.
- Анна**: Бредихина—295 Владиміровна, княгиня—401; Ивановны: Бредихина—295, Кафтырева—356, 410, 422, 428, 429, 433—436, 439, 441, 447, 448, 451—455, меньшая—451; Ильинична, боярыня—452; Калининская, княгиня—187, 210, ключница Хованскаго—402, 403; Полозова—314, Романовна, княжна въ пѣснѣхъ—140, 141, Татарка, жена кн. Ѳедора Смоленскаго—184 см. **Хованскіе**.
- Антеноръ**—94.
- Антоніева**—Сійскаго монастыря игуменъ Ѳеодосій—380.
- Антоній**: Римлянинъ св.—231, 256, чернѣй пошъ—296.
- Антонъ**, челов. кн. Хованскихъ—392.
- Антропъ** Шешковскій—391.
- Анеимъ**, новгородецъ—265.
- Анфиногенъ**, челоѣкъ кн. Хованскихъ—298.
- Апокалипсисъ**—232.
- Апокрифы**—11, 25, 74, 75, 78, 79, 87, 100, 124.
- Аполлонъ**—31, 49, 93.
- Апостоль**, книга—108.
- Апотаміи**—Гиппопотамы (въ Хронографѣ)—88.
- Апраксинъ**—527.
- Апраксѣвна** княгиня, въ пѣснѣхъ—120, 121.
- Апухтинъ** Михайль Андреевичъ, стольникъ—318.
- Арабскіе**: переводъ Римскаго Патерика—27, передѣлка Гитонадеші—53.
- Аравія**—19.
- Арзамасъ**, литературное общество—483.
- Армасны** (въ Хронографѣ)—88.
- Аристинъ**, толкователь Номоканона—113.
- Аристотель**—101, 103, 109.
- Аріанинъ** Теодорикъ—36.
- Аріосто**, поэтъ итальянскій—509.
- Армановичъ** (прав. грамота кн. Ѳедора Смол.)—202.
- Армяне**—319.
- Армянскія** подписи на письмѣхъ кн. Ш. И. Хованскому—319.
- (объ) **Арсеніи** (аббатѣ, отцѣ) повѣсти нѣмецкая и русская проложная—3.
- Артамонъ** Сергѣевичъ Матвѣевъ—304, 305, 308, 311, 312, 314.
- Аргельный** Андрей, подьячій—362.
- Артемѣда**—49.
- Артемій**: Богдановичъ Камынинъ, стольникъ—439, 440, Гавриловъ—383, 389, смоленскій бояринъ—202.
- Архангельскія**: лѣтонисъ—253 Усть-Вымскій монастырь—258, церковь—258.
- Архангельскъ**, городъ—294, 295, 319, 323, 324, 326, 327, 333, 355, 356, 357, 363, 421, 447, 448.
- Архарова** Варвара Ивановна, по мужу Коконкина—495.
- Археологическая записка** о Поганкиныхъ К. Г. Евлентьева—459.
- Археологія** средневѣковая—40, 41.
- Архивъ**: с. Остафьева Гр. С. Д. Шереметева—463, 470 с. Михайловскаго гр. С. Д. Шереметева—469, Министерства Народнаго Просвѣщенія—501, Юстиціи Московскій—284—286, 289, 290, 293.
- Архивъ**, упом. въ перенесѣхъ Хованскихъ—363.
- Аскетизмъ**—7, 12, 13, 14, 23, 25, 27, 42, 48, 52, 61, 62, 65, 73, 99, 190.
- Аспидъ**—53.
- Асепріане**—87.
- Астрахань**—343, 445.
- Астрологія**—76, 90.
- Атаманъ** калкъ Касьянъ Михайловичъ, въ пѣснѣхъ—119, 121.
- Атевля** татарченокъ, челоѣкъ кн. Ш. И. Хованскаго—309.
- Африка**—88.
- Афродита**—49.
- Ахиллъ**—211.
- Ахмьль**, царь Татарскій—197, 198.

- Ахрамѣй**, шурина Азвика, въ пѣснѣ—224.
- Ахтырка**, городъ—335.
- Аѳанасій**: Андроповъ—442, Деписовичъ Фолвизинъ, стольникъ—364, 365, Ивановичъ Матюшкинъ—304, 313, 314, 437, 441, 444—447, 450, 451, 455, 457, митрополитъ—480, Парасуковъ, посланникъ въ Турцію—340, Русиновъ—459, 460, 462, Сидоровъ, челоѣкъ Мешерипова—353, Спиридоновъ—446, Тихоновъ Зыковъ, думный дьякъ—300; Трухменскій, граверъ—47, Филишовичъ Пашковъ—473.
- Аѳанасьевъ** Василій, челоѣкъ Мещеринова—353.
- Аѳинянинъ**—слова Марка Фраческаго и Давида Заточеника—43.

Б.

- Бабинъ** Григорій, посадскій челоѣкъ—356, 364.
- Багдасаръ**, армянинъ—319.
- Багрянородный** Василій, византійскій императоръ—68.
- Баженинъ** Андрей, композиторъ—373.
- Балаздыно**, мѣстность—425.
- Балдунъ**, Иерусалимскій король—118.
- Валешоу**—533.
- Балкъ**—507.
- Балтазаръ** (Багдасаръ), армянинъ—319.
- Балтійское море**—201.
- Балыклея**, городъ—334.
- Банко** (у Мексика) —266.
- Банной** Ѳедоръ—451.
- Баранчеевъ** Давыдъ, стрѣлецкій голова—339.
- Баратынскій**, Евгеній Абрамовичъ—479, 505, 510, 511.
- Барберы**, художникъ, сдѣлавшій мозаику на Альбомѣ Иванчина-Писарева—470, 479, 508, 525, 526, 527, 537, 539.
- Барельефы**—89, 90.
- Барнетъ** Андрей—354.
- Баровы**: Елена—404; Иванъ Алферьевичъ, полковникъ—404.

- Барсовъ**, Елпидифоръ Васильевичъ—277.
- Барсуковъ**, Николай Платоновичъ—477.
- Барятинскіе** князья: Данила Аѳанасьевичъ—300, 321, 343; Ѳедоръ Юрьевичъ—320, 321, 395, 397, 428; Юрій Никитичъ—320.
- Басарга** Тимоѳей, сотникъ—387.
- Басаргинъ** Степанъ, сотникъ—397.
- Басни**—53, 87, 88, 89, 171.
- Батый**, татарскій ханъ—117, 179, 181, 192, 193, 202, 203, 204, 206, 220, 239.
- Батюшковъ**, Константинъ Николаевичъ, поэтъ—482, 505.
- Башмаковъ** Дементій—451.
- Безсмертныя**: Брахманы—103; дѣвиги Сивилль—90.
- Безсчастновъ**, Иванъ Фроловъ—312.
- Бекетовы**: Ипполитъ—534; М.—517; Платовъ Ивановичъ—533, 534.
- Бевульфъ**, англосаксонскій герой—151.
- Бергхеймъ**, баронесса—522.
- Бердсбекъ**, ханъ татарскій—226.
- Берка**, Петръ, царевичъ Ордынскій—192; ханъ—193.
- Берлинъ**, городъ—521, 539.
- Бестіаріи**, среднеѣвковыя книги физиологическаго содержанія—1, 75, 76, 87.
- Бесѣда**: Любителей Русскаго Слова, литературное Общество—492; Русская, журналъ—115.
- Бецкій**, Иванъ Ивановичъ—488, 516.
- Библейскія** книги—53.
- Библиотеки**: Буслаева Ѳ. И.—110, Забѣлина И. Е.—87, 89, Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ—82, 92, 268, Московской Синодальной Типографіи (Типографская)—2, Погодина М. П.—278, Публичная Императорская—54, 62, 278, Синодальная (Патріаршья)—2, 13, 74, 82, 89, 107, 110, 161, 169, 202, 205, 231, Софійская Новгородская—502, Строганова, гр. С. Г.—253, Уварова, гр. А. С.—78, 173, 186, 187, 275; Ундольскаго В. М.—268, Царскаго—186, 187, Чудова монастыря—277, для Чтенія, журналъ—485, см. **Рукописи**.

- Бильсъ Яковъ**, генераль—322, 325, 339.
- Бирилевы:** Алексѣй Алексѣевичъ, морской министр—468, Марія Теодоровна, урожд. Тютчева—467, 468, Николай Алексѣевичъ, командиръ фрегата „Олегу“—468.
- Бириль** (прав. грамота кн. Теодора Смол.)—202.
- Биринъ** Левъ, посадскій—460.
- Бисерь**, камень—97.
- Биографическіе:** очеркъ графа В. Г. Ордова—535, 536, русскій словарь—285, 286.
- Благовѣщенскія:** церковь въ Кіевѣ—171, въ Москвѣ—136, ярмарка—379.
- Блудовъ**—487.
- Боборыкины:** Никита Михайловичъ, окольникій—300, Ромапъ—449, 450.
- Богатыри**—138, 149, 170, 171, 172, 173, 276, 280.
- Богдановъ**, Григорій Каршовъ, думный дьякъ—300.
- Богданы:** Васильевичъ Яковлевъ, думный дворянинъ—377—379, Зотиковъ, Колмогорецъ—373, Ивановичъ Ордиянъ-Нащокинъ, воевода—327, 332, 364, Ювъ Матвѣевичъ Хитрово, ближній бояринъ—297, 366, 451, Патрикѣевъ, крестьянинъ—382, Семеновъ, посадскій—363, Силнъ—438, Хмельницкій, гетманъ—341, Федоровъ, Подбинъ, окольникій—300.
- Боголюбово**, село—130, 132.
- Боголюбовъ**, городъ—131, 133, монастырь—131, 133.
- Боголюбская икона** Божіей Матери—130.
- Боголюбскій**, Андрей Юрьевичъ, князь—129, 130, 131, 132, 133, 136, 141, 142, 143, 146, 210.
- Богоматерь**—7, 8, 9, 25, 26, 60, 71, 129, 130, 131, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 155, 171, 185, 189, 190, 193, 200, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 215, 221, 236, 237, 242, 245, 246, 247, 251, 252, 253, 254, 278, 280, 402.
- Богословскіе:** споры—15, 29, 32, трактаты—52.
- Богословъ:** Григорій—108, Іоаннъ—26, 232, 356.
- Богоявленскій** (Аврааміевъ) монастырь—180, 301, 443, 453, священникъ Петръ—372.
- Боеракъ-Дуванной**, мѣстность—318.
- Божіи дворяне**, орденъ Меченосцевъ—200, 201, 209.
- Боккаччіо**—46, 58.
- Воковской** жеребенокъ половой—310, 317, 396.
- Бокъ**—522.
- Болгарія**—11, 46, 65, 74, 91, 109, 113, 125.
- Болгарскія:** исторія—91, переводъ Кормчей—113, рукопись Григоровича—79, царь Симеонъ—7, 32.
- Болгары**—91, 130, 144.
- Бодвинъ** Мартинъ, полковникъ—291.
- Бодеславъ**, король Польскій—171.
- Болховъ**, городъ—361.
- Большого Дворца** Приказъ—297.
- Большой Ногай**—340.
- Бонифадій** св.—40.
- Бонякъ**, половецкій ханъ—171.
- Борелли**—531, 532.
- Борисовъ** Степанъ, въ перепискѣ кн. Хованскихъ—323.
- Борисовъ Царевъ**, городъ—318.
- Борисоглѣбская** церковь въ Москвѣ—385, при р. Смядынкѣ—199.
- Борисъ:** Александровичъ, Тверской князь—260, Васильевичъ, Ростовскій князь—192, 193, Корелкинъ, дьякъ—358, Корсаковъ—339, 428, святой, князь—130, 135, 142, 186, 229, 230, 237.
- Бородинская** битва—501.
- Ботвиньевъ** Василій—450, 451.
- Ботевъ** Осипъ—327.
- Бохвостовъ**, Василій—305.
- Боянъ**, пѣвецъ—176.
- Боярскія книги**—285, 338, 360.
- Брагинъ** Селька, сапожникъ, разстрига, Варлаамскій попъ—461.
- Бракъ**—23, 50, 51.
- Братчина**—380.
- Брахманы**—97, 102, 103.
- Бредихины:** Анна—295, Марѳа—295.
- Брейнъ**, англичанинъ, агентъ армянской торговой компаніи—319.
- Британія**—94.

Брутъ—94.
Брюлловъ Карлъ, живописецъ—520.
Буало, поэтъ—504.
Бужинскія: горы—341, подъемъ, мѣстность—341.
Буйволы (въ слѣ)—416.
Буйносовъ-Ростовскій, Алексѣй Ивановичъ, князь—432, 434.
Буканъ пустынный въ мѣстности будущей Москвы—137.
Булартъ Изихиль—354, 355, 383.
Булатъ Мусайловичъ, князь—307, 388.
Булыгины: Василий Ивановичъ—509, Ѳеодоръ Ивановичъ—500.
Бунины: Анна Петровна, поэтесса—478, 492, 493, Дмитрій Максимовичъ—492.
Буслаевъ Василий, Новгородскій Богатырь—121, 122, 123, Ѳеодоръ Ивановичъ, академикъ—1, см. **Рукописи**.
Бутенантъ Андрей, ювелиръ—382.
Бутурлины: Иванны:—428, Акинеиевъ—323, Андреевъ—323, Васильевичъ—374, 387, Владиміровъ—323, Емельяновъ—323, Ивановы—323, Настасья Петровна—295, Ѳеодоръ Семеновичъ—295.
(въ) Бутылкѣ бѣсы—4, 5.
Бутырки, Московское урочище—289.
Бушказы (морской терминъ)—281.
Быки Брава, съ горючимъ веществомъ внутри—102.
Былины—119, 121, 139, 169, 172, 173, 176.
Бытія книга—474, ея лубочное изданіе—78.
Бытъ—22, 33, 115, 116, 123, 124, 127, 128, 149, 150, 188, 199, 255, 260, 286.
Бѣганье при жертвоприношеніи—33.
Бѣлая (мѣстность)—444.
Бѣлгородъ—322, 331, 343, 359, 360, 361, 362, 386, 405.
Бѣлевъ, городъ—348, 349.
Бѣлвинскій, В. Г., крпикъ—529.
Бѣлогородскіе: Орда—340, полкъ—294, 321, 328, 341, 354, 374, столъ—290, 317, 318, 334, 351, 352, 358, 361, 362, 404, 426, сгрѣлецъ—315, разрядъ—343.

Бѣлозерскіе: Кирилловъ монастырь—233, 251, 252, 253, 254, 260, 264, князья—236, удѣлъ—192, см. еще **Бѣлосельскіе**.
Бѣлозерскъ, городъ—252.
Бѣлое море—260, 261.
Бѣлоозеро—115, 251, 260.
(о) Бѣлоризцѣ челоѣцѣ притча Кирилла Туровскаго—55, 72.
Бѣлосельскіе (Бѣлозерскіе), князья:—488, 568, Александръ Михайловичъ—504, 505, 527, 531, Александра Александровна—508, Марія-Магдалина Александровна—523, 527.
Бѣляевъ, Иванъ Степановичъ—293.
Бѣлые: Дементій, подъячій—362, мышъ въ притчѣ—53, 54, челоѣкъ—76.
Бѣсы—4, 5, 43, 45, 46, 51, 57, 62, 64, въ видѣ Ангела—5, 6, въ заключеніи—4, 5, 44.

В.

Вавилонъ, городъ—97.
Вавилоняне—88.
Вага, рѣка—377, 378, 379, 454.
Валаамъ, островъ на Невѣ—261.
Валецъ, мѣстность—307.
Валуйка, городъ—309, 316, 318, 330.
Валькирія—152.
Вальтеръ-Скоттъ—536.
Вандалы—31.
Вандикъ Аптуанъ, художникъ—520.
Варлаамъ: архимандритъ—254, пустыяникъ (Повѣсть о В. и Иоасафѣ)—46—50, 52—56, 60, 65, 66, 71, 72, 100, 106, Хутыискій, святой (житіе)—69, 231.
Варнава, отшельникъ Іорданскій—15.
Варшава, городъ—503, 504.
Варшавскій князь—503.
Варяги:—163, Шимонъ—129.
Варяжскія: поясъ—129, святыни—129.
Василиска, ушом. въ переноскѣ кн. Хованскихъ—402.
Василій: Аванасьеѣ, челоѣкъ Мещеринова—353, Багрянородный, Визимператоръ—68, Ботвиньеѣ—450, 451, Бохвостовъ—305, Буслаевъ бо-

- гатырь—121,—123; Васильевичи: Голицынъ, князь—288, 290, 333, Темный, князь—253; Великій, отецъ Церкви—72, 73, 108; Григорьевичъ Семеновъ, думный дякъ—325, грекъ въ сказаніи объ основаніи Москвы—137, Дмитріевичъ, великій князь—130, 242, 243, 248, 252, 286, Дмитріевъ, Козловскій воевода—290, Ивановичъ Чадаевъ—374, 375, 407, 423, Иоанновичъ, в. кн. Московскій—187, 253, Кафтыревъ—389, Василько Константиновичъ, ростовскій князь—179, 183, 192, Кочева—234, Лопухинъ—301, Македонянинъ, Визант. императоръ—275, Максимовъ, человекъ Кафтырева—438, Митусовъ, подьячій—376, 385, 386, Михайловичъ Дмитріевъ, стольникъ—330, 331, 442, Никитичъ Панинъ—449, 450, 451, Новый, святой—75, Новгородскій архіепископъ—275, пѣяница (былины)—172, 173, Семеновичъ Толочановъ, стольникъ—331, Тяпкинъ, крымскій посолъ—367, Федоровичъ, кн. Хованскій—286, человекъ Хованскихъ—308—310, шуринъ Азьяка въ пѣснѣ—224.
- Васильевъ:** Алексѣй, подъячій—460, Алферій Богдановъ, подъячій—432, 439.
- Василько** (Василій) Константиновичъ, князь Ростовскій—179, 183, 192, 193.
- Васильчиковъ,** Григорій Алексѣевичъ—530.
- Вассіанова** пустынь—278.
- Вахрамѣй,** упом. въ перепискѣ Кафтыревыхъ—443.
- Веденихтъ:** Андреевичъ Змѣевъ, генералъ—321, 328, 339, 343, 416, Хитрой—321, 343.
- Велесъ**—93; см. **Волосъ**.
- Велеша** (Діана)—93.
- Велзарій:** упом. въ перепискѣ кн. Хованскихъ—430.
- Великаны**-татары—176.
- Великая,** рѣка.—214.
- Великорусскія:** литература—126, яз. псалмъ—60.
- Венгрія**—94.
- Венеятинъ** А. В.—505.
- Венедиктъ** святой—27, 31, 33, 37, 38, 40, 41, 71.
- Венера**—92.
- Венеція**—94.
- Венус(и)ъ** (Венера)—49, 93.
- Верблюды**—19, 20.
- Верейскій** князь Андрей Дмитріевичъ—251.
- Верженъ** (де), министръ Людовика XVI—516.
- Веригинъ** Федоръ—431.
- Веркола,** мѣстность—381.
- Веронскій** конгрессъ—505.
- Версаль**—516, 518.
- Верховажская** четверть—378.
- Верхотурье,** городъ—431, 432, 439, 455.
- Вестовъ** Самойло, полковникъ—341.
- Ветхая** (переводъ слова Палея)—11, 74.
- Вечеръ въ Симоновѣ** Н. Д. Иванчина-Писарева—474.
- Вешняковъ** Иванъ, цѣловальникъ—384.
- Вза** (Уза), дочь Мосоха, 1-го русскаго князя—137.
- Взглядъ** на старинную русскую поэзію Н. Д. Иванчина-Писарева—475, 484, 485.
- Взятіе** Азова—276, 277, 281, Царьграда—276, 277.
- Вивліонка** древняя Россійская—278.
- Вигель** Ф. Ф., авторъ мемуаровъ—512.
- Видѣній:** ангела въ сказаніи объ Унженскомъ крестѣ—159, Богородицы Авдеемъ Боголюбскимъ—130, 131, Богородицы, Иоанна Богослова и Апостола Петра—25, 26, Богородицы съ младенцемъ Христомъ на рукахъ—9, Евтихія св.—32, Зосимы Соловецкаго—267, Иоасафомъ царевичемъ рая и ада—51, козаками Иоанна Предтечи и Михаила архангела—280, 281, Креста Унженскаго—161, купели и двухъ мужей—15, Макариемъ Александрійскимъ псхода души пѣзъ тѣла—44, свѣта—27, 214, 251, Серапіономъ юношей—42, 44, старцемъ псхода души изъ тѣла—45, Хованскихъ князей—292, чернаго карлика—33. См. **Явленія**.

- Византійскіе:** духовенство—181, источники др.-рус. литературы и жизни—1, 2, 117, литература—11, 26, 67, 68, имперія—91, императоры—68, 275, повѣсти—3, 15.
- Византія**—23, 25, 30, 32, 64, 65, 66, 67, 68, 82, 91, 114, 125, 164, 210, 228.
- Вилы** (чудесныя дѣвы)—104.
- Виноградное дерево** познаніи добра и зла—78.
- Виргилій**—509.
- Вирши**—48, 58, 60, 278.
- Витгенштейнъ, графиня**—521.
- Вионнія**—41.
- Вкладная книга** Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря—253.
- Владиміровы Богатыри**—149.
- Владиміро-Московское:** княженіе—179, преданіе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго—130, 139.
- Владимірская икона** Божіей Матери 130, 242, 244, 245, 246, 247.
- Владимірекіе:** епископъ Серапіонъ—167, 168, жптіїникъ—186, княженіе—136, 141, патерикъ—143, преданія—131, 136, 143, сборникъ Тихонравова—132, сказанія—135, 149.
- Владиміръ, городъ**—126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 135, 147, 179, 180, 181, 188, 218, 220, 221, 245, 248, 452.
- Владиміръ:** Андреевичъ, князь—236, 238, 239, 241, Воробинъ, стрѣлецкій голова—339, Дмитріевичъ Долгорукій, князь—300, святой, князь—79, 119, 147, 148, 220, 229, 230, 237, Мопомахъ, князь—72, 129, 143, 189, 199, 213, 220, энической—119, 120, 169, 172, 173, 174, 176.
- Власовъ:** Александръ Сергѣевичъ—507, 525, 527, 528, 529, 530, 531, 533. Марія-Магдалина Александровна—525, 526, 527, 538, 539.
- Власть княжеская**—115.
- Власъ Яковлевъ, человекъ кн. Хованскихъ**—387.
- Власница**—15, 49.
- Водолага, мѣстность**—307.
- (въ) **Воду** бросаніе денегъ—148, въ водѣ живутъ Апотамин—Гишиоо-тамы—88, на водѣ похороны—35, —ѣ поклоненіе—49.
- Воздвиженскій женскій монастырь** въ Муромѣ—151, 155.
- Воздвиженское, село** дворцовое,—288, 292.
- Воздушныя мытарства**—43, 125.
- Вознесеніе:** души усопшаго епископа на небо—28, Марка фраческаго—43.
- Вознесенская церковь** въ Устюгѣ—212.
- Возрожденія стиль**—165.
- Волковъ, университетскій солдатъ**—273.
- Волконскіе князья:**—448, Зинаида Александровна—479, 504, 505, 506, 507, 508, 525, 528, 529, 538, 539, Никита Григорьевичъ—505.
- Волкъ, прозвище** Кирьяка разбойника—22.
- Вологда, городъ**—326, 327, 328, 382, 390, 475.
- Вологодская губ.**—278.
- Волоколамскій Іосифовъ монастырь**—473.
- Волосовъ Николаевскій монастырь**—131, 132, 190.
- Волось (Велесь), божество** славянское—93, 131, 132, 190.
- Волосы:** золотыя Зипы, выкованные Эльфами—33, —амп обростаніе—42, 88, 97, —ростенія—75, травяные у русалокъ—104, на —хъ висящее дерево—132; образъ для обозначенія множества войска—280.
- Волохи**—340.
- Волундъ, Виландъ**—243, 244.
- Волхование**—167.
- Волхвы**—49, 51, 52, 56, 86, 95, 167, 175, 258.
- Волховъ, рѣка**—178.
- Волынская, упом. въ перепискѣ** Кафтыревыхъ—446.
- Волынский воевода, Сапѣга**—370.
- Волынь**—221.
- Вольтеръ, Аруэ, писатель**—501, 519, 520.
- Вонифатьевъ Андрей, монастырскій** стрлчій—381.

(де) **Ворагнис** Якова Золотая Легенда—3.
Ворлыгинъ Иванъ—388, 389.
Воробинъ Владиміръ, стрѣлецкій голова—339.
Воровство—16, 21.
Ворожба 35, 86.
Воронежъ, городъ 304, 309, 316.
Вороновка, мѣстность—341.
Вороны черныя—280, 281.
Воротынский князь, Иванъ Алексѣевичъ—324.
Воскобойниковъ Максимъ, гость изъ Великаго Новгорода—460.
Воспоминанія графа В. А. Сологуба—495, 513.
Востокъ—512.
Востокъ—14, 32, 34, 39, 41, 52, 53, 64, 66, 67, 95, 104, 107, 243.
Восторгъ 15.
Ex Voto вѣшаніе вещей въ церкви—41.
Вотчины кн. Хованскихъ: подмосковная, Красниково—384, 385, ярославская—386.
Врата: Золотыя—170, 171, Корсунскія—89, металлическія храмовъ съ барельефами—89.
Врахианы—97, 102.
Временникъ Московскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ—133, 277.
Всеволодъ: III Большое Гнѣздо—129, Мстиславичъ, князь Псковскій—210, 212, 213, 214, Ярославичъ—213, 215, 218.
Всеволожская Анна Сергѣевна, по мужу Голыцына—521.
Всеянка, карликъ—104.
Вселенскіе соборы—91, 113.
Всеславъ Брячиславичъ, Полоцкій князь—123.
Всяцкиновъ Семень—442.
Вукъ Стефановичъ Караджичъ—154.
Вулканы, въ Александрин—98, въ нѣмецкихъ преданіяхъ—35, 36.
Вульфъ Францъ—324.
Вымъ, рѣка—259.
 о **Высокоумномъ** хмѣлѣ повѣсть—80, 81.

Вычегодская Соль, городъ—429, 431, 440.
Вышегородскій дѣвичій монастырь—129.
Вышеградъ—130, 143, 170, 245.
Вѣнецъ Адама—79.
Вѣнскій конгрессъ—505.
Вѣрованія нѣмецкихъ народовъ—33.
Вѣстникъ Европы, журналъ—512.
Вѣтру поклоненіе—49.
Вяземскіе князья: Петръ Андреевичъ—463, 464, 467, 468, 470, 478, 480, 486, 490, 494, 503, 505, 510, 534, 538, Павелъ Петровичъ—520, 537.
Вязмитиновъ, генералъ—521.
Вятка, городъ—357, 416.
Вюрцбургскій Конрадъ, нѣмецкій поэтъ XIII в.—94.
Вичеславъ князь изъ Полоцкихъ—123.

Г.

Гаврпловъ: Артемій—383, 389, Елизарій—440, Мишка—449, Степанъ—389.
Гавриилъ: архангелъ—45, 171, 204, 278, Всеволодъ, князь Псковскій—211, 213, Крофѣвъ—455, человекъ Кафтырева—435, 436, 438, человекъ Хованскихъ—392.
Gagen, Gesamt-abenteuer—58.
Гады—97.
Газенвинкель К. Б., Систематическій перечень воеводъ въ сибирск. городахъ и главнѣйш. острогахъ—432, 458.
Галицкая Русь—99.
Галичье стадо (поэтнч. выраженіе)—277, 281.
Галла вдова (Рим. патерикъ)—35.
Галлеръ, поэтъ—473.
Гальково, село или деревня—393, 394.
Гангисъ, рѣка—98.
Гараговъ Иванъ Савиновъ, думный дякъ—343.
Гарония Папкратъ Агановичъ—529.
Гвидо: аббатъ перенесъ повѣсть о Варлаамѣ и Иоасафѣ—46, де Колумна—94, Мессинскій—94.
Гедиминъ, великій князь Литовскій,—286, 325.

- Гекуба**, царица—92.
Геліополь (Солнечный городь)—96.
Геништа, музыкантъ—505.
Геирхъ IV, король французскій—508.
Геньди (прав. грамота кн. Ѳедора Смол.)—202.
Георгии Виргилія—509.
Георгій: Амарголь (Хронографъ)—74, Владиміровичъ Долгорукій, князь—129, 132, 213, 220, Всеволодовичъ, великій князь Владимірскій св.—180, 181, 183, 186, Даніиловичъ, князь—187, 188, 223, Писидъ (Похвала Творцу)—89;—и св. храмъ въ Кіевѣ—69.
Герасимъ: игуменъ Богоявленскаго монастыря въ Костромѣ—453, іорданскій—19, 20, 71, человекъ кн. П. И. Хованскаго—308, 309, 310.
Гердеръ, поэтъ—473.
Геркулесъ—211.
Германія, страна—46, 65, 107, 165, 323, 473, 488, журналъ Пфейффера—2, 6.
Германъ, сподвижникъ св. Савватія Соловецкаго—261, 262, 263.
Геннадій, архіеписк. Новгородскій—74, 260.
Gesamt—abenteuer Hagen'a—58.
Гете, поэтъ—510.
Гетманъ Богданъ Хмельницкій—341, Иванъ Самойловичъ—292, 325, 341.
Гиппий баронессы Крюденеръ—522.
Гиппопотамы (въ Хронографѣ)—88.
Гипоподиси, сборникъ притчъ—53.
Глаза Александра Македонскаго—101, -ъ человѣческой—мѣра райскаго камня—106.
Гласъ отъ иконы Богоматери Новгородскому архіепископу Іоанпу—145, см. въ видѣніяхъ и явленіяхъ.
Гледень—Устюгъ, городъ—256.
Глубинныя книги (Глубина) въ житіи св. Авраамія Смоленскаго—124.
Глѣбовъ Михаилъ—300.
Глѣбъ: Васильевичъ, Ростовскій кн.—192, Матвѣевичъ въ персискѣ кн. Хованскихъ—393, святый, князь—69, 135, 142, 147, 186, 229, 230, 237.
Гнѣдичъ Николай Ивановичъ—479, 512, 513, 514.
Говоръ птицъ—96.
Годуновъ Алексѣй Никитичъ, стольникъ—443.
Голицыны князья: Александръ Николаевичъ—268, 520, Анна Сергѣевна—521, Василій Васильевичъ—288, 290, 339, Дмитрій Васильевичъ—529, 530, Д. М.—528, Михаилъ Андреевичъ—325, 337, 338, 405, 428, Пасковья Никитична—325, 386, 405, Ѳедоръ Николаевичъ—479, 487, 488, 489.
Голландія—519.
Головы: Адама—79, 80, огромныя у дивовищъ въ Александріи—97, отсутствіе у дивовищъ въ Хронографѣ и Александріи—89, песьи—88, святаго Меркурія Смол.—204, 207, человѣческая въ основаніи Капитолія—136.
Головинъ Михаилъ Петровичъ, болринъ—300.
Головкинъ, графъ А. Г.—528, 533.
Головленковъ Ѳедоръ—339.
Голодный Петръ—326.
Голодявской, упом. въ перепискѣ кн. Хованскихъ—390, лень—403.
Голохвастовы: Иванъ Демидовичъ—327, 328, Иванъ Іевлевичъ—327, 328.
Голубцовъ—285.
Гомеръ—93, 94, 211.
Гоморра—111.
Гораций Флаккъ, поэтъ—493, 504, 520.
Горбовъ, Степанъ Ивановичъ—328, 329, 372.
Гордислава княжна, сестра прп. Евфросиніи Полоцкой—123.
(о) Гордомъ царѣ повѣсть—273.
Гордонъ Петръ, инженеръ—339.
Горы: Бужинскія—341, свернутая въ морѣ—43, Гледень, устюжская—256, Дѣвичъ курганъ—175, Елеонская—16, Жданова во Влад. губ.—213, Марсова—36, огнедышащая—35, 36, 98, притчи—56, Скала Сивилья—89, 90, Сивайская—12, 62, Сорочинская въ пѣснѣ—123, сѣверныя—96, французская—42, 44.
Гордѣй, Шуринъ Азьяка, въ пѣснѣ—224.
Горе отъ ума, А. С. Грибоѣдова—495.
Горки, село—502.

Горлицы указываютъ Адаму способъ погребенія Авели—78.

Гороховъ Иванъ, думный дьякъ—328.

Горя(ѣ)винъ, Михайлъ—323, 326, 332.

Готическіе: стиль—165, храмы—89.

Готскій берегъ—200, 201.

Готы—31, 35.

Гравезандъ, Вильгельмъ Жакъ, математикъ—519, 520.

Гравюры: Аванаси Трухменскаго—47, 48, Зерефера—62, Лѣтвицы—62.

Грамоты—287, 288, 289, 290, 291, 292, 316, 330, 336, 366, 367.

Греки:—88, Василій въ сказаніи объ основаніи Москвы—137.

Грельцъ Семенъ—324.

Греція—90, 93, 106, 109, 199, 228.

(съ) **Греческаго** переводы—23, 26, 46, 74, 89, 232.

Греческіе: боги—93, драма—114, жизнь—114, книги—113, образованіе духовенства др. Руси—116, огонь въ Александріи—102, оригиналь Кормчей—113, прологъ—67, 70, философы—48, 79, 87, царь Минелай—93.

Гречь Николай Ивановичъ—430.

Грибоѣдовъ А. С., драматургъ—495.

Гривна желѣзная Соломона—85.

Григорій: Андреевичъ Кафтыревъ—385, Аванасевичъ Козловскій, кн.—343, Бабинъ, посадскій—356, 364, Богословъ—26, 27, 30, 31, 32, 36, 37, 108, 255, Григорьевичъ Ромодановскій, князь—294, 320, 328, 337—341, 367, 370, 371, 375, 386, 388, 409, 410, Ивановичъ Косаговъ, генералъ—311, 321, 334, 335, 375, 416, 417, иеромонахъ, переводчикъ Хронографа Малаля—74, Карновъ Богдановъ, думный дьякъ—300, Кунаковъ—445, мнихъ, авторъ житія св. Василия Новаго—75, намѣстникъ Смоленскій—202, Настихинъ—460, Нащокнъ—451, Пругавинъ, пушкарь—372, Семповичъ Супоневъ—393, 394, Степановичъ Карауловъ, дум. дворянинъ—339, 410, 448, 451, Яковлевъ, посадскій—357, Якушкинъ—428.

Григоровичъ, славистъ—79.

Григоровъ Яковъ Силинъ, сотникъ—298, 305, 309, 311, 315, 327, 357, 379, 384, 411, 413.

Григорьевъ Овнсимъ, человекъ Кафтырева—437.

Гриффы—88, 96.

Гробный тать—21.

Гробъ св. Всеволода кн. Псковскаго—216, Господень—118, 121, 122, 124, св. Меркурія Смоленскаго—208.

Гродно, городъ—423.

Грозный: ангелъ—45, царь Іоаннъ IV см. Іоаннъ.

Гротъ: Карлъ Львовичъ—492, Наталія Петровна (рожд. Семенова)—471.

Грудцынъ Сила—430.

Грузинская граница, рисунокъ—518.

Грѣшный (Амартоль) Георгій—74.

Грязной Толмачевъ—384.

Грязь черная (поэтич. выраженіе)—276, 279.

Гульяновъ, ученый—505.

Д.

Давидъ: Баранчевъ, стрѣлецкій голова—339, Петръ Муромскій, князь—149, псаломѣвецъ—45, 77, 92, 263, Ростиславичъ, Смоленскій князь—200, слуга кн. Ивана, въ сказаніи о началѣ Москвы—135, Федоровичъ, Ярославскій князь—185.

Давыдовы: Алексѣй—428, Денисъ Васильевичъ, поэтъ—510, 539.

Дамамъ служеніе рыцарское—102.

Дамаскинъ Іоаннъ—46.

Дамскій Журналъ—494.

Данилъ: Александровичъ, князь Московскій—133, 134, 135, 186, 187, 220, 229, Аванасевичъ Барятинскій, князь—300, 321, 343, бояринъ Смоленскій—202, Загочинъ—43, 72, 73, 109, 111, 112, Ивановичъ, въ сказаніи о началѣ Москвы—133, 134, 135, 137, 141, игумень, Паломникъ—118, 119, человекъ Ховалскихъ—402.

Даниловское, село—434.

Даниловъ Яковъ, подъячій—329, 381, 382, 387, 388.

- Данія—94.
 Дантъ—34.
 Дарій, царь Персидскій—96, 101, 102.
 Дарья, упом. въ перепискѣ кн. Хованскихъ—403.
 Дауры, городъ—368.
 Дашковы:—487, Иванъ, князь—300.
 Двина, рѣка—253, 294, 327, 371.
 Двинскія: земля—252, 255, уѣздъ—296.
 Двиняне, данники Андрея Боголюбскаго—143.
 Двоевѣріе—107, 115, 116.
 Двоесловъ, Григорій Великій, папа Римскій—26, 27, 30, 31, 32, 36, 37.
 Дворца Большого Приказъ—297; -ецъ Казанской—445, Кормовой—451.
 Дворцовые Разряды—321, 342.
 Двурѣченскій городокъ—318.
 Десятины (день поминовенія)—44.
 Десятый Макарь, дячекъ—384.
 Дедюшинъ, Иванъ Петровъ, писецъ—275.
 Декамеронъ Боккаччо—58.
 Делиль, поэтъ—506.
 Дельвигъ, баронъ, поэтъ—510, 512.
 Дементій: Башмаковъ—451, Бѣлый, подьячій—362, Миничъ—448, Миرونъ, крестьянинъ—380, Кафтыревъ—434, Ратковъ—534, 438.
 Дементьевичи, Кафтыревы, осарируютъ помѣстье кн. Хованскихъ—372.
 Демонологія—34, 35.
 Демосенъ, ораторъ—109.
 Денегъ серебряныхъ бросаніе въ воду—148.
 Денисовка, село—492.
 Денисовъ Ѳедоръ—446.
 Денисъ: Ивановичъ, Фонвизинъ, авторъ Недоросля—365, Захаровъ, крестьянинъ—380, 381.
 День въ Троицкой Лаврѣ, Иванчина-Писарева—444.
 Деревья: висящее на волосахъ—132, говоряція—97, для Ковчега—80, живн—54, жилище бѣсовъ—258, крестное—79, познанія добра и зла—78, притча—53, 54, родина чудесныхъ дѣвъ—104, упоминаемыя Соломономъ—87, эльфы, растительная сила ихъ—33.
 Державинъ, Гавріиль Романовичъ—489, 492, 502, 503, 517, 518.
 Десна, рѣка—353.
 Десятина Пехрянская—295.
 Дивовища (чудовищныя народы)—88, 96, 97, 101, 103.
 Дидъ Ладо въ пѣснѣ—131.
 Димитріевская обитель въ Кіевѣ—189.
 Димитрій: Александровичъ, князь—217, Зографъ—89, Ивановичъ, Камынинъ—455, 457, Иоанновичъ, Донской, кн.—209, 210, 229, 230, 235—237, 239—242, 250, 255, 327, Козловъ, челоуѣкъ Хованскаго—297, 384, 385, 386, 391, 394, 397, 436, 438, 444, 455, Михайловичъ, Тверской князь—188, Романовъ Жуковъ, полковникъ—375, Ростовскій сл., святыи—71, 150, Семеновичъ, Казаковъ—462, Солунскій, святыи—193, 216, 272, Степановичъ, дякъ—378.
 Димна (Калила въ Димна), сборникъ притчъ—53.
 Дитрихъ готескихъ преданій—35.
 Діана—49.
 Діонисій Глушицкій, св.—254.
 Діонисовы праздники—114.
 Дмитріевы: Василій Михайловичъ, стольникъ—330, 331, 442, Иванъ Ивановичъ—473, 475, 478, 479, 480, 483, 485, 486, 487, 489, 490, 497, 502, 503, 517, 533, 534, 536, Иванъ, подьячій—437, И. А.—475, 479, 490, 497, 498.
 Дмитровскій соборъ во Владимірѣ—89.
 Дни: поминовенія усопшихъ—44, въ притчѣ—53, Рахманскій великъ—99.
 Днѣпровское чудовище въ борьбѣ съ Кожемякою—102.
 Днѣпръ, рѣка—148, 169, 203, 237, 238, 240, 321, 336, 337, 340, 341, 342, 344, 371, 375.
 Доброхотъ—133.
 Довмонтъ, князь Псковскій—210, 212, 216, 217, 218, 236.
 Договори Смоленскихъ князей съ

Ригой и Готскимъ берегомъ—200, 201.
Доисторическое сродство преданій—104.
Долгій мостъ въ Смоленскѣ—207.
Долговъ, Семень Осиповичъ—273.
Долгорукиѣ и **Долгоруковы** князья: Антонина, Варвара Ивановна, по мужу Новикова—498, Владиміръ Дмитріевичъ—300, Иванъ Михайловичъ, поэтъ—479—482, 498, Михаилъ Юрьевичъ—321, 328, 343, 354, Петръ—285, Юрій Алексѣевичъ—301, 304, 305, 308, 314, 317, 448, Юрій Владиміровичъ—129, 132.
Долматовна, мамушка, упом. въ перепискѣ кн. Хованскихъ—411.
Дольче Карло, живописецъ—532.
Домнинъ Любимъ, дякъ—329.
Донковъ, городъ—361.
Донскіе казаки—274, 276, 279, 280, 281, 311.
Донской, Дмитрій Іоанновичъ, великій князь, см. **Димитрій**.
Донъ, рѣка—138, 236—240, 277, 303, 304, 305, 306, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317.
Достопамятности города Смоленска, Мурзакевича—199.
Драконъ въ притчѣ—54; глаза Александра Мак., какъ у дракона—101.
Драматизмъ въ словахъ Кирилла Туровскаго—118.
Древлехранилище Погодина—278, 476.
Древне-нѣмецкія стихотворенія—58.
Древне-христіанскіе: Востокъ—14, сборники—25, искусство—67, источники русскихъ понятій—117, литература—11, 12, миниатюры—58, поэзія—37, символика—53.
Древній Боголюбъ городъ и монастырь, Доброхотова—133.
Древнія Россійскія Стихотворенія (Кириша Даниловъ)—138, 169, 173, 177, 188, 224.
Древняя—переводъ слова Палея—11.
Древняя Россійская Вивлюшка—278.
Дружина, явленіе рус. жизни—115.

Дуванной боеракъ, мѣстность—318.
Дунай, рѣка—138, 237, 370, 523.
Духанинъ Алексѣй—303.
Духовные: Лугъ (Синайскій Патерикъ)—12, печатныя изданія—13, понятія въ языкѣ до-христіанской Руси—115, стихи—45, 58, 59, 60, 61.
Дьяволы—33, 50, 57, 62, 80, 93, ругательство—39.
Дѣвичій монастырь въ Московскомъ Кремлѣ—241.
Дѣвичь-гора, курганъ—175.
Дѣвы: перемудрили царя, сербская сказка—154, въ плѣну у татаръ—173, цвѣты въ письмахъ Александра Македонскаго—104.
Дѣяніе соборное объ уничтоженіи мѣстничества—366.
Дѣянія апостольскія—232.
Дюканжъ Викторъ, драматургъ—495.

Е.

Евангеліе—74, 108, 118, 167, 178, 232.
Евва—78, 79, 100.
Евгеній, митрополитъ Московскій—228.
Евдокія: Петровна Елагина—486, супруга Дмитрія Донскаго—241, см. **Авдотья**.
Евлентьевъ К. Г.—459.
Евморфій, сынъ Галлы (Рим. патерикъ)—35.
Евпраксія: Звенислава, кн. Полоцкая—124, Рязанская княгиня—180.
Еврейскіе: источники сказаній о Соломонѣ—87, исторія—90.
(о) Евреяннѣ пастухъ сказаніе—10.
Европа—41, 54, 57, 64, 65, 87, 88, 89, 94, 200, 218, 520.
Евтихія мученика храмъ—32.
Евфратъ, рѣка—98, 105.
Евфросинія: Полоцкая прп.—123, 124, Сафонова, жена окольничаго—420, Февронія, Муромская княгиня—149, Феодулія, Черниговская княжна—181.
Египетскіе: монастыри—8, 9, пустынники—8, 41, пустыни—12, царь Нектанебъ—95.

Египетъ—12, 21, 95.
 Едемъ—98.
 Ежуга, мѣстность—381.
 Екама (Гекуба), царица 92, 93.
 Екатерина: II императрица—488, 505, 535, Павловна, великая княгиня—513.
 Елагинъ Иванъ, голова стрѣлецкій—339.
 Елань, деревня Иркутской губ.—464.
 Елена Васильевна, княгиня—434, жена Менелая—93.
 Еленопольскій епископъ Палладій, составитель Скитскаго Патерика—41.
 Елеонская гора—16.
 Елецкій Андрей Васильевичъ, князь—458.
 Елецъ, городъ—244, 247.
 Елизавета Петровна, императрица—61, 505.
 Елизарій: Гавриловъ упом. въ перенискѣ кн. Хованскихъ—440, тюменецъ—456, упом. въ перенискѣ кн. Хованскихъ—431.
 Елизаровъ Федоръ—431, 432.
 Елины—49, 76.
 Ельдоуровъ Иванъ, стрѣлецкій голова—339.
 Емельянь Петровъ—442, 444, 453.
 Енисейскъ, городъ—367.
 Entdecktes Iudenthum Эйзенменгера—87.
 Enfide—41.
 Епанчино, мѣстность—431.
 Епископія—275.
 Епископы—28, 31, 41, 55, 74, 107, 113, 115, 144, 158, 167, 182, 189, 190, 191, 193, 194, 195, 196, 197, 200, 201, 204, 220, 227, 228—233, 243, 245, 250—7, 259, 265, 266, 273, 275, 445, 457, 458, 509.
 Епифаній мнихъ, составитель житія прп. Сергія Радонежскаго—234, 254, 255.
 Еремѣй: Аванасьевиичъ Пашковъ, воевода въ Козловѣ и въ Бѣлгородѣ—309, 315, 321, 362, Полянскій, дьякъ—290, попъ Смоленскій—201.
 Ереси и еретики—14, 25, 32, 107.
 Ерихонъ—16.

Ермолинъ Семень—391.
 Еропкинъ Петръ Дмитріевичъ—505.
 Ерофѣевъ Гаврииль—455.
 (о) Ериѣ повѣсть—274.
 Ефіоны—3.
 Ефремъ, ученикъ Авраамія Ростовскаго, писатель его житія—124.

Ж.

Жандръ—495.
 Жданова гора во Владимирской губ.—213.
 Ждановъ Родіонъ, полковникъ—288, 341.
 Желябужскій (Желябовскій) Иванъ Аванасьевиичъ, окольничій—300, 387, 451.
 Жемчугъ—88, 98.
 Женщины: идеаль въ житіи Петра и Февроніи—150, идеаль времени Татарщины—173; въ житіи Юліаніи Лазаревской—164; положеніе на Руси—23, 162, 163; противъ нихъ слова—111, 112.
 Живокинъ, актеръ—494.
 Живопись и живописцы—7, 54, 64, 67, 127, 130, 151, см. Иконопись.
 Жиды—9, 22, 75, 77, 106.
 Жизнь и ея Ангелъ, стихотвореніе В. А. Жуковскаго(?)—464.
 Жизнь и труды: М. П. Погодина, Н. Барсукова—473, 474, 475, 476, 477, 483, 484, 485, 387, 497, 498, 503, 506, 509, 510, 512, 539, 540, П. М. Строева—502.
 Житійникъ см. Патерикъ.
 Житія святыхъ:—12, 23, 42, 67, 68, 69, 70, 81, 124, 150, 249, Авраамія Ростовскаго—189, 190, Авраамія Смоленскаго—124, 125, Алексѣя, Митрополита Московскаго—220, Андрея Боголюбскаго—130, Варлаама Хутынскаго—69, Василя Поваго—75, Всеволода Псковск.—211, 213, Дмитрія Донскаго—242, Евфросиніи Полодкой—123, 124, Зосимы и Савватія Соловецкихъ—260, Исаи Ростовскаго—189, Константина, Михаи-

- лаи Феодора Муромскихъ—148, Леон-
тія Ростовскаго—189, 190, Мартина
отшельника—36, Михаила Клонска-
го—211, Михаила Тверскаго—277,
Онуфрія великаго—8, Петра Митро-
полита Московскаго—222, 229, Петра
и Февроніи Муромскихъ—149, Печер-
скихъ—107, Печерскаго Феодосія—
81, 82, Сергія Радонежскаго—234,
254, сочиненіе Муравьева—125, 149,
Юліаніи Лазаревской—151.
- Житный дворъ** въ Москвѣ—384.
- Жозефина**, императрица француз-
ская—530.
- Жомини** Генрихъ Васильевичъ—539,
540.
- Жуковскій** Василій Андреевичъ—54,
71, 464, 473, 478, 482, 487, 494, 497,
510.
- Жуковъ** Дмитрій Романовъ, полков-
никъ—375.
- Журналы**—26, 80, 94, 115, 125, 133,
171, 277, 278, 468, 470, 473, 475, 476,
482, 483, 485, 489, 490, 492, 494, 506,
512, 521, 522, 523, 534.
- З.**
- Забѣлинъ**, Иванъ Егоровичъ—87, 99.
- Завѣтъ**: Ветхій—11, 48, 68, 69, 70, 74,
108, 117, Новый—11, 48, 68, 69, 117,
232.
- Загадки**—83, 84, 87, 152, 153, 274, 275.
- Загоскинъ**, Михаилъ Николаевичъ—
537.
- Загробная жизнь**—44.
- Задонщина**—235, 236, 238, 239, 241,
242, 277.
- Заклинаніе**—5, 39.
- Заключенный бѣсъ**—5, 44.
- Закревскій**—171.
- Залѣсье** въ Суздальской области—128.
- Замытнинъ** Федоръ, подьячій—365.
- Западная**: литература—11, 46, 56, 66,
67, 100, 115, 127, Римская имперія—
91.
- Западники**—164.
- Западъ**—2, 4, 8, 9, 11, 12, 25, 26, 30,
32, 34, 35, 39, 41, 44, 46, 53, 56, 95,
66, 67, 71, 80, 87, 88, 89, 90, 93, 94,
95, 99, 100, 107, 114, 115, 127, 128,
163, 165, 186, 201, 209.
- Записки**: Академіи Наукъ—94, Ви-
геля—512, 513, іеромонаха Іоны, на-
стоятеля церкви Московскаго Уни-
верситета, о пребываніи французовъ
въ Москвѣ—268, Кулиша о южной
Руси—170, мѣнія и переписка Адми-
рала А. С. Шишкова—521, 539, мѣст-
ныя о явленіи Унженскаго креста—
157.
- Запороги**—303, 309.
- Зарайскій** Никола (храмъ)—180.
- Зарокъ** на гривнѣ Соломоновой—85.
- Заставки**—84.
- Засѣдкая** Александра Антоновна, по-
этесса—479, 510.
- Заточникъ** Даниилъ—43, 72, 73, 109,
110, 111, 112.
- Захарія**: Левшинъ—349, слуга князя
въ житіи св. Леонтія—190, 191; уом.
въ перешскѣ Кафтыревыхъ—438.
- Захаровъ** Деянст, крестьянинъ—380,
381, Иванъ, подьячій—372.
- Заяцкіе татары**—243.
- Заяць**—151.
- Звенигородскіе князья**: Василій Фе-
доровичъ—286, Патрикей Алек-
сандровичъ—286, Феодоръ Патри-
кеевичъ—286.
- Звенислава**—Евпраксія княжна, сест-
ра при. Евфросиніи Полоцкой—123,
124.
- Звѣзды** связь съ судьбой людей—76.
- Зегзуля**, птица—77.
- Земленія** два дьявола—93.
- Земли**: обоготвореніе—175, плачь—
205, щепоть—106;—ѣ поклоненіе—49,
- Земскій приказъ**—366.
- Зереверъ**—бѣсъ—45, 46, 62.
- Зигфридъ**, Зигурдъ—243.
- Зилоть** Захарьевичъ Книшнинъ—293.
- Зифы** волосы золотые—33.
- Златоустъ** Іоаннъ—72, 73, 108, 295.
- Злые духи**—33, 34, 39, 50, 79, см. **Бѣсы**.
- Зміи**—53, 97, 102, 151, олицетвореніе
Татаръ—176.
- Змѣевъ** Ведешихъ Андреевичъ, ге-
нералъ—321, 328, 339, 343, 416.

Знаменіе: Богородицы въ Новгородѣ—141, 142, 143, 146, 216, икона—278, крестное—34, отъ раки св. Всеволода кв. Псковскаго—215, 216, см. **видѣнія, явленія.**

Зографъ Дмитрій—89.

Золото—88, 90, 98, 159, 160, 280.

Золотыя: ворота Кіевскія—170, 171, палата—300.

Зонара, толкователь Номоканона—113.

Зосима, при. Соловецкій—260, 262, 263, 264, 266, 267.

Зотиковъ Богданъ, колмогорецъ—373.

Зыковъ Аванасій Тихоновъ, думный дякъ—300.

Зыряне—257—259.

Зырянское нарѣчіе—254.

И.

Ивановы: Автономъ Ивановичъ—295; Анна Ивановна—295; Михаилъ Матвѣевичъ, академикъ живописи—518, 519, 520; Николай Автономовичъ—295; Сергій Николаевичъ—295.

Иванчлны - Писаревы: Александра Яковлевна—473; Дмитрій Петровичъ—473; Николай Дмитріевичъ—470, 472—477, 480—490, 494, 496, 497, 501—504, 506, 510, 512, 514, 515, 519, 522, 523, 525—528, 530—537, 539.

Иваны: Александровичъ (переп. кн. Хованскихъ)—449, 450, 451; Алексѣевичъ, князь Воротынскій—324; Андреевичъ, Фоввизинъ—364; Артемьевичъ, Чаадаевъ, Тарскій воевода—458; Аванасьевичи: Желябужскій—300, 387, 451, Матюшкинъ, стольникъ—349, 350; Баровъ Алферьевичъ, полковникъ—404; Богдановичи: Камынинъ князь—432, 440, 449, 455, 457, Милославскій—321, 328, 343; Борисовичи: Мосальскій, князь—312. Рѣпнинъ, князь—301, 328, 343; Троекуровъ, князь—300; Бутурлины—323, 374, 387, 428; Великій, колокольня—222; Вешняковъ, цѣловальникъ—384; Вордыгинъ—

388, 389; Гараговъ, думный дякъ—343; Гороховъ, думный дякъ—328; Даниловичъ, князь въ сказаніи о началѣ Москвы—135; Дашковъ, князь—300; Демидовичъ Голохвастовъ—327, 328; Дмитріевъ, подъячій—437; Елдоуровъ, стрѣлецкій голова—339; Елагинъ, стрѣлецкій голова—339; Захаровъ, подъячій—372; Ивановичи: Песковъ—449, 450, 451, Ржевскій, окольникій—339, Чаадаевъ, окольникій—289, 299, 368, 370, 373—375, 387, 407, 415, 416, 421—423, 446—448, 451, 454, 458, 459; Игошинъ—444; Іевлевичъ, Голохвастовъ—327—328; Карповъ—381; Колычевы—332; Качатовъ—315; Кольцовъ Мосальскій, князь—333, 334, 338; Лазаревичъ, спасскій протопопъ—371; Лапковъ—333; Лихаревъ, думный дворянинъ—343; Марковичъ Лутовяновъ, стольникъ—348, 349; Максимовичъ—325, 363; Михайловичи: Милославскій, бояринъ—290, 371, Шуйскій, князь—187; Нелдовъ, стрѣлецкій голова—339; Павловичъ, въ перепискѣ Хованскихъ—394, 446; Петровичи: Дедюшинъ, писецъ—275, Леонихинъ, посадскій—355, Скуратовъ—361; Полозовъ—395, 397; Растегаевъ—372; Савиновъ Гараговъ—343; Савостьяновичъ Хитрой—321, 328, 343, 351; Самойловичъ, гетманъ—292, 325, 341; Самаринъ—451; Севергинъ, человекъ кн. Хованскихъ—387, 396, 401, 406, 413; Травинъ, человекъ кн. Хованскихъ—306, 348, 349; Фроловъ Безсчастновъ—312; Ходыревъ, полковникъ—341; Ѳедоровичъ Пушкинъ, товарищъ Гобольскаго воеводы—358, Яворовъ—376; Яковлевъ, подъячій—385, 386, 393; Языковъ—351, 368, 451; Шестаковъ—452. См. **Іоаннъ.**

Иварзуга—327.

Иверкъ, языческое имя св. Авраамія Ростовскаго—190.

Иггдразиль, скандинавское дерево жизни—54.

Игнатій: епископъ Ростовскій—193, 194, 195; Златой, иконописецъ—233,

- 250; правнукъ Петра, царевича Ордунскаго—197, 198.
- Игонинъ** Иванъ—444.
- Игумены**—17, 118, 167, 207, 355, 380, 457.
- (объ) **Идеалъ** изящныхъ искусствъ и о гени, статья П. А. Новикова—498; см. **Женщины**.
- Идолы**—6, 33.
- Изборникъ** Святослава 1073 г.—48.
- Извѣстія** отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ—278, 534.
- Исихиль** Булартъ—354, 355, 383.
- Измаильтяне**—97.
- Измайловы:** Владиміръ Васильевичъ, поэтъ—478, 489, 490, 491; Михаилъ—432, 435.
- Измарагдъ:** камень—97; литературный др.-русс. сборникъ—110.
- Изображеніе:** алтарное Богоматери съ Иисусомъ младенцемъ—7; дивовищъ—88; лѣтвицы—62, 63; въ Мепологіи Василя—68; пляски мертвецовъ—44; предметовъ въ церкви ex voto—41; на соборѣ въ Пармѣ притчи о единорогѣ—53. См. **Иконы**.
- Изюграфы,** писавшіе Боголюбскую икону Божіей Матери—130, см. **Иконописцы**.
- Изреченія**—108, 109, 110, 113.
- Изступленіе**—15, 28.
- Изюмъ,** городъ—355.
- Изяславъ,** князь—189.
- Иконописцы,** иконописцы—193, 221, 233, 242, 250, 254, 259.
- Иконописные:** подлинникъ—68; стиль сказанія объ Унженскомъ Крестѣ—161.
- Иконы:** Благовѣщенія—446; Богоматери—25, 185, 189, 206, 221, 222, 252, 253, Боголюбская—130, Владимірская—242—247, Новгородская—143—146, писанная ев. Лукою—129, 130, 199, Пирогощая—129, со младенцемъ Иисусомъ—8, 193, Успенія—254; Димитрія св.—193; испытанія воздушныхъ мытарствъ—125; Гоанна Предтечи, Михаила арх., Заменія Богородицы и архангела Гавріила—278; Кирилла Бѣлозерскаго св.—254; Нерукотвореннаго Спаса—233; Николая чудотворца—132, 193, 446; Сергія Радонежскаго—250; Страшнаго Суда—125.
- Иларіонъ,** Григорьевичъ Тюхиспевъ—428, 446; Киевскій митрополитъ—81, 117.
- Иліада**—81, 82, 93, 474, 512, 513, 514.
- Иловайскій,** генералъ—272, 273.
- Ильина улца** въ Новгородѣ—141.
- Илья:** Даниловичъ—449; Ивановичъ Чириковъ, окольничій—296; Муромецъ, богатырь—149, 172, 173.
- Имѣнія** церковныя—190, 192.
- Имя** Господне—85.
- Индиколовъ** Косма—78.
- Индійскіе:** сборникъ притчъ—53; цари: Авенпръ—47, 49, 52, 56, 57, Иоасафъ—46—60, 65, 71, 100, 106, Поръ—96.
- Индія**—47, 77, 88, 97, 102, 103, 107.
- Индось,** рѣка—97.
- Иннокентій,** іеромонахъ—268.
- Иное сказаніе** о Смутномъ времени—276.
- Ипорогъ** въ притчѣ—53, 54.
- Иностранныхъ дѣлъ** Коллегія—275.
- Ипатьевскій епископъ** лѣтониси—276, 277.
- Ирбитская** слобода—432.
- Ирина:** Алексѣевна, княгиня—386, великомученица—295.
- Иркутская** губ.—464.
- Исаія,** епископъ ростовскій—189.
- Исакій** Печерскій, св.—107.
- Исаковъ** Петръ, полковой дякъ—331.
- Исидоръ,** митрополитъ Московскій—223.
- Искандера** Повѣсть о Царьградѣ—276, 277.
- Испанія**—94, 107, 531.
- Испанскія:** обработка Александрин—99, 100; переводы—46.
- Исповины**—96, 97, 206, 207, 208, см. **великаны**.
- Истоминъ** Подухтъ—331.
- Историческія:** изученіе въ древней

Руси—30; критика—11; литература—11, матеріалы о церквахъ и селахъ, В. и Г. Холмогоровыхъ—295; описаніе Псковскаго Троицкаго собора, Князева—216; Повѣсть о взятіи Азова—277; Русское Императорское Общество—286; сказанія—12; см. **Сказанія.**

Исторія: объ Александрѣ Македонскомъ—95; всемірная—11, 30, 31; византийская—91; о Варлаамѣ и Иоасафѣ—46, 47, 52, 54, 55, 57, 58, 60, 71, 72; Государства Россійскаго, Н. М. Карамзина—132, 137, 180, 183, 186, 187, 188, 224, 225, 243, 247, 254; 480; гражданская—74; греческая—90, еврейская—90; о епископіяхъ—275; литературы—150, 480; римская—90; Россіи—169, С. М. Соловьева—285; русскихъ: литературы Н. И. Греча—480, словесности С. П. Шевырева—125, церкви: Макарія—115, 125, Филарета Черниговскаго—164, 166; священная—11, 48; славянская—91; Троицкая—94; церковная—11.

Источники: др.-русской словесности—114; духовной русской литературы древнехристіанскіе и византийскіе—1, 2, 117; западной литературы—2; пѣмецкихъ повѣстей—10, 11; —къ Живоносный—275; —амъ воднымъ поклоненіе—148.

Исходъ души—29, 44, 45.

Италія—30, 31, 33, 35, 36, 65, 94, 165, 488, 517, 519, 525.

Итальянскіе: новеллисты: Боккачю—46, Странарола—87; новеллы—57; переводы—46; повѣсти о Троѣ—94.

Итальянцы—фриги—239.

Ифигенія—93.

I.

Иаковъ, чадо Пересвѣта—237.

Иафетъ, въ сказаніи о началѣ Москвы—137.

Иерархія Всероссийской церкви Н. Д.—457.

Иерусалимскіе: король Балдуинъ—118, отецъ Герасимъ—19, 20, патриархъ Софроній—13, 14, 21, 22, 29.

Иерусалимъ—16, 22, 73, 79, 80, 85, 86, 118, 119, 121, 124, 276.

Иисусъ Христосъ—5, 7, 8, 9, 18, 24, 56.

Иоакимъ, патриархъ Московскій—340.

Иоанникій іеромонахъ, казначей Чудова монастыря—273.

Иоанны: Алексѣевичъ, царь 287—291, 317, 340, Богословъ—26, 232, 356, Васильевичъ Грозный, царь—128, 211, 229, 253, 332, 480, Дамаскинъ—46, Давидовичъ Калита, в. к. Московскій—221—225, 229, 234, Евангелистъ—38, Златоустъ—72, 73, 108, 295; Иоанновичъ: в. к. Московскій—225, 226, 229, царевичъ—250; Лѣствичникъ—62, 64, 222, Малала, хронистъ—74, митрополитъ—226, Московскій князь—186, Москъ, авторы Синайскаго Патерика—12, 13, 14, 21, 22, 29, Муромскій—158, 159, Новгородскій архіепископъ—144, 145, отшельникъ—19; папы: I-й—35, III-й, предшественникъ Григорія Двоеслова—32; Предтеча—280, 281, Рязанскій княжичъ—180, священникъ Московскаго арх. дома—268, 273, Устюжскіе—212, 256; церкви—21, 31. См. **Иваны.**

Иоасафъ, Иоасафатъ, царевичъ Индійскій—46,—55, 58, 59, 71, 100, 106.

Иовъ (Богданъ) Матвѣевичъ Хитрово, близкій бояринъ—297.

Иона: іеромонахъ, настоятель церкви во имя св. Татіаны Московскаго Университета—268, 273, Московскій митрополитъ—223, Новгородскій архіепископъ—263, пророкъ—76.

Иорданскія: пещеры—15, пустыня—12, св. Герасимъ—19, 71.

Иорданъ: имя льва—20, рѣка—16, 19, 20, 25, 122.

Иосифовъ Волоколамскій монастырь—473.

Иосифъ прекрасный—121.

К.

- Кавгадый**, убійца кн. Михаила Тверского—187, 188.
- Казакъ**:—361; донскіе—274, 279, 280, 281, 311; дукіе—353.
- Казакъ**, Дмитрій Семеновичъ—462.
- Казанскіе**: воевода—300; дворець—445; Духовная Академія—26; икона Богоматери—402.
- Казань**—79, 339.
- Казачій ерикъ**—310.
- Казенный Приказъ**—295.
- Казначей** Чудова монастыря Іоанннкій—273.
- Кайиъ**—78.
- Кай-городъ**—431, 434.
- Калайдовичъ**, историкъ литературы—177.
- Калевала**, финскій эпосъ—258.
- Календаръ** на палочкахъ зрянскій—259.
- Календы**—114.
- Калники**: богомольцы, перехожіе—119; слѣпцы, пѣвцы духовныхъ стиховъ—45; сорокъ калникъ со каликою—119, 120, 121.
- Калила** ве Димна, сборникъ притч.—53.
- Калинъ** Калиновичъ, царь—169, 172.
- Калистратъ** Осорынъ, авторъ житія Юліанія Лазаревскій—151.
- Калло**, граверь—517.
- Калуга**, городъ—369.
- Калужскіе**: вечера А. А. Писарева—501; ворота въ Москвѣ—384; губернія—437; уѣздъ—338, 339.
- Кальбрехтъ** Гобіасъ, полковникъ—354;
- Кальтытовскій** Семенъ—302.
- Калмыки**—341.
- Камни**: драгоценные: Александріи—96, Варлаама пустытника—48, 106, райскіе—105, 106, Сивилль—90; вѣры—48; надгробный Даніила Александровича, Московскаго князя—187; превращаетъ солнце—104; притчи—56, въ рыбѣ—96; Святославова Изборника 1073г.—48, Синклитъ—96.
- Кампанія** собора въ Пармѣ—53.
- Кампанія** (въ Италіи)—36.
- Камынины**: Иванъ Богдановичъ, стольникъ—432, 440, 449, 455, 457; Артемій Богдановичъ—439, 440; Дмитрій Ивановичъ—455, 457; Оеодора Ивановна—455, 457.
- Каневскій** уѣздъ—175.
- Каневъ**, городъ—320.
- Капитолій** въ Римѣ—136.
- Капланъ**, паша—340.
- Карабинъ** Алексѣй—428.
- Караджичъ**, Вукъ Стефановичъ—154,
- Карамзинъ**, Пиколай Михайловичъ, исторіографъ—132, 133, 136, 137, 183, 184, 224, 225, 243, 247, 253, 473, 474, 476, 477, 478, 480, 485, 489, 490, 502, 503.
- Карасубазаръ**—520.
- Карауловы**: Григорій Степановичъ, думный дворянинъ—339, 410, 448, 451; Тимоѳей—410.
- Карбункулъ**, камень—97.
- Каргополь**, городъ—355, 365.
- Карлики**: всезнайка—104; черные эльфы—33.
- Карлсруэ**, городъ—521.
- Карлъ** императоръ: Великій—209, 211, V-й—476.
- Карловъ**, городъ—361.
- Карловъ** Ивашка, денежный сборщикъ—381.
- Картина**: гибнущаго міра, въ видѣнн епископа Редемпта—32; лубочныя—45, 61, 62, 66, 76, 97; природы въ Палетѣ—75.
- Касимовскій** царевичъ—371.
- Каспулатъ** Муцаловичъ, Черкасскій квязъ—340, 341.
- Кассино**, гора (Monte Cassino)—31, 33.
- Касьянъ** Михайловичъ, агаманъ калникъ въ пѣснѣ—119, 121.
- Католицизмъ** итальянскій—38, 39.
- Кафимскіе** мужики—276, 279.
- Кафтыревы**:—301, 427; Авдотья Андреевна—418, 441, 441-446, 453; Агафья Прохоровна—429, 430, 434; Андрей Васильевичъ—356, 421, 428, 433, 435, 436, 439, 441, 442, 444, 455—458; Анна Ивановна—356, 410, 422, 428, 429, 433, 434, 435, 436, 439, 441, 447, 448, 451, 452, 453, 455; Василій—

- 389; Григорій Андреевич—385; Демсній—434; Матвій Васильевич—429, 434, 439, 442; Михаилъ—427, 428; Никита Васильевич—428, 433, 435, 436, 442, 444—447, 454, 455; Прасковья Андреевна, по мужу княгиня Хованская (см. **Хованскіе**)—283, 289, 293, 297, 298, 301—307, 310, 311, 314, 323, 336, 426, 439—441, 447, 448, 451, 452; Прасковья Никитична—325, 386, 405, 429—432, 438—440; Яковъ Васильевичъ—442, 446, 447; Яковъ Григорьевичъ—312, 393, 407, 411, 414, 422, 427, 428, 429, 434, 450; Янющка Никитична—429, 430, 433, 439, 440.
- Качатовъ** Ивашка—315.
- Кашель**, городъ—201.
- Кашинъ**, городъ—187.
- Кашира**, городъ—530.
- Ква**, жена Мосоха, первого русскаго князя—137.
- Квасъ** изъ хмѣля—80.
- Квашинъ** Михаилъ—448, 451.
- Кеврольскій уѣздъ**—381.
- Кедры** ливанскіе—77, 87.
- Кизильбашекій** (Кисылатцкій) царь—280.
- Кинжалъ** имп. Карла V-го—476.
- Киприановъ**, Степанъ Исаковъ, посадскій человекъ—355.
- Кирианъ**, митрополитъ Московскій—130, 222, 223, 228, 229, 230, 231, 243, 245, 248.
- Кирилловъ**: Аверкій Степановичъ, думный дьякъ—371, 460, 462; Яковъ—462.
- Кириллъ**: Алексѣевъ, дьякъ—317; богатырь Кіевскій—102, 128; Бѣлозерскій святой—233, 250—255; II Кіевскій митрополитъ—182; Кожемяка—102, 128; Лихаревъ—302; отецъ св. Сергія Рад.—234; ростовскій епископъ—113; Туровскій епископъ—55, 56, 72, 118; Философъ славян.—70; Хлоповъ Осиповичъ, окольникій—283, 301, 366, 367, 369, 425, 426.
- Киринія**, княжна, сестра при. Евфросиніи Полоцкой—123.
- Кирьякъ**, разбойникъ сострадательный—22.
- Кирѣевскіе** П. и И. В., славянофилы—58, 176, 485, 505, 510.
- Китоврасъ** (Центавръ)—85, 86, 87, 89, 110.
- Кишкинъ**, Зилотъ Захарьевичъ—293.
- Кіевонечерскіе**(я): игумень Серапіонъ—167; монастырь—167, 171, 189, 253; патерикъ—483; преданія—129; свитыни—189; церковь—129, 163, 189, 222.
- Кіевскіе**: губернія—175; лѣтопись—129, 171, 200; митрополиты—81, 117, 182, 275; свитыни—141, 171; сказанія—149.
- Кіевъ**: 13, 60, 69, 70, 119, 120, 121, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 142, 163, 169, 170, 171, 172, 173, 189, 208, 213, 214, 218, 220, 222, 228, 229, 234, 245, 293, 301, 320, 321, 339, 343, 344, 359, 371, 375, 410, 458.
- Кій**, основатель Кіева—136, 138.
- Классическая** образованность—31; мнѳологія—49.
- Клаусъ** (Клясъ) въ перепискѣ кн. Хованскихъ—308, 315.
- Клейсть**, поэтъ—473.
- Климово**, село или деревня—388, 393.
- Климъ**, человекъ кн. Хованскихъ—304, 305, 306, 309, 310, 394.
- Клюй** Петрунька—316.
- Ключаревъ** О. П., Московскій почт-директоръ—474.
- Клѣтово**, село или деревня—388, 389.
- Клязьма**, рѣка—129, 130, 133, 141.
- Книги**: Библія—78, 80; Богослуженія славянскаго—476; боярскія—285, 338, 360; Бытія дубочное изданіе—78; Вкладная Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря—253; Гаголема о Россійскихъ святыхъ—179, 208, 210, 212, 217, 221, 236, 241, 256; Глубина, Глубинная—124; имя ей Старецъ—61; Кормчая—113, 114, 116, 231; народная—44, 45, 66, 78, 81, 87, 88, 95, 127; о плѣненіи Трои—211; о семи небесахъ—54; писцовыя—295, 388; со словами Несторія—71; Стенная—229, 230, 275.

- Княгиня**—61.
Княжій лугъ, между Владиміромъ и Боголюбовымъ—131.
Князева: Историч. описаніе Псковскаго Троицкаго собора—216; указатель достопамятностей г. Пскова—216.
Кобяково, село—442.
Ковачи: вѣщій—243; золота и серебра—эльфы—33, 243.
Ковчегъ Ноевъ—80.
Кожемяка Кирилль, кievскій богатырь—102, 128.
Козлія лица (трагическія маски)—114.
Козловскіе: воевода Василий Дмитріевъ—290; князья: Григорій Аванасьевичъ—343, Тимофей Аванасьевичъ—343.
Козловъ, городъ—290, 291, 292, 309.
Козловъ Дмитрій, человекъ кн. Хованскаго—297, 384, 385, 386, 436, 438, 444, 455; поэтъ—508, Федоръ—304, 383.
Козлы Тора—33.
Козьма: Индикополовъ—78, Кирилль Бѣлозерскій, свитый—250; Олегъ Игоревичъ, Псковскій князь—180; Пресвитеръ—73; Яковлевъ, крестьянинъ Кафтырева—437.
Козьмодемьянскій, городъ—438, 442, 445.
Кокоскинъ, Федоръ Федоровичъ, поэтъ—479, 494, 495, 496, 512, 513.
Коллегія иностранныхъ дѣлъ—275.
Кольмогоры, городъ—326, 365, 381, 422, 429, 447, 449.
Кологривовъ, Чебоксарскій воевода—445.
Колоды, плаваюція съ тѣлами казненныхъ Кучковичей—133.
Колодязи, жилище Китовраса—85.
Колокрль нѣмецкій, въ грамотѣ кн. Федора Смоленскаго—202.
Коломенскія: волости—387; уѣздъ—473, 474, 477.
Коломенское, село—287.
Коломенскъ—462.
Коломна, городъ—244.
Коломокъ, рѣка—335, 336.
Колосовскій Михаилъ—332, 372.
Колочка, рѣка—132.
Колтовской (Кольтытовскій) Семель—316, 317.
Калумна (де) Гвидо—34.
Колычевы: боярскій родъ—332; Иванны—332; Петръ—428; Филиппъ митрополитъ св.—332.
Колышиха, кобыла—393.
Кольцовъ-Мосальскій, князь Иванъ—312, 333, 334, 338.
Кольцо Соломоново—86.
Коляда—114.
Комедія—114.
Кондратьевъ Петръ, уом. въ перепискѣ кн. Хованскихъ—401.
Кондыревы: Ждановъ—451; Настасья Петровна, по мужу Бутурлина—295, Петръ Тимофѣевичъ, окольный—295, 434, 435.
Коневъ рогъ—81.
Коней: закланіе при похоровахъ—148; половина у гишпотамовъ—88.
Кононъ Семеновъ, крестьянинъ—380.
Конопля вокругъ Кожемяки—102.
Конрадъ Вюрцбургскій, нѣмецкій поэтъ XIII в.—94.
Константиновъ монастырь—17.
Константинополь—277, 520, см. Царьградъ.
Константинь: Осиповичъ, Щербатый князь—328, 343, Святославичъ—148, Феодоровичъ, Ярославскій князь—185, человекъ Чадаева—449.
Кончака, сестра хана Узбека—187.
Кончина міра—31, 32.
Коптевъ Никифоръ, стрѣлецкій голова—339.
Корабль—иносказаніе смерти—35.
Коревъ, мѣсто въ Крыму—521.
Корелкинъ Борисъ, дьякъ—358.
Корки, село или деревня—388.
Коркодиновъ, князь, Федоръ Михайловичъ—338, 339.
Кормовой дворець—451.
Корячая книга—113, 114, 116, 231.
Корнель—495.
Корнилий, архіеписк., вполѣд. митрополитъ Сибирскій и Тобольскій—457.
Король іерусалимскій Бадауинъ—118.

Коротоякъ, городъ—318.
Корсаковъ Борисъ, стрѣлецкій голова—339, 428.
Корсунскія врата—89.
Корсунь, городъ—320.
Корчма—17, 71.
Косаговъ, Григорій Ивановичъ, генералъ—311, 321, 334, 335, 375, 416, 417.
Косматыя лица (маски)—114.
Косоъ Тихонъ, человекъ кн. Хованскихъ—389, 402, 403.
Костомаровъ Н. И., профессоръ—46.
Кострома, городъ—363, 442.
Костромитинъ посадскій, Григорій Бабинъ—356, 364.
Костромскіе: Богоявленскій монастырь—355, 443, 451, вотчина кн. Хованскихъ—377.
Коточигово, село или деревня—389.
Кочева Василій—234.
Кочевъ Семенъ, человекъ кн. Хованскихъ—389.
Кочубей княгиня—469.
Кошута (лань)—93.
Краевскій—529.
Краковъ, городъ—171.
Кракъ, польскій князь—102.
Красниково, деревня—301, 337, 382, 385, 387, 454.
Красный—прозвище клеветника въ повѣсти о благочестивомъ служителѣ—10.
Красныя ворота въ Смоленскѣ—207.
Кремль Московскій—222, 242, 272.
Крестное: знаменіе—34, древо—79.
Крестовоздвиженскій монастырь въ Смоленскѣ—203.
Крестъ: Леонтія св. Ростовскаго—191, Унженскій—150, 157, 164, 197.
Крестьяне:—383, бѣглые—275, 425, монастырскіе—380, 381, пермской волости—381, деревни Красникова—382.
Кречеты—277.
Крель—гравница—335.
Крѣпка историческая—11.
Кровковы: Агаѣя Григорьевна—386, 401, 406, 416, Алексѣй Матвѣевичъ—407, 409, 413, 414, 415, 417, Матвѣй

Осиповичъ, стольникъ—326, 336, 337, 338, 340, 342, 347, 386, 406, 407, 408, 417, 420, Семенъ Матвѣевичъ—341.
Кровь змѣя, причина болѣзни Павла, князя Муромскаго—151,
Кромскій уѣздъ—375.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ—513.
Крымскіе: мужики—276, 279, мурзы—426, послы—307, 367, сторона—341, ханъ—320, 340, 367.
Крымцы—135, 375.
Крымъ—309, 351, 352, 361, 426, 520.
Крюднеръ Юлія, баронесса—520, 521, 522.
Крюковскій Алексѣй—443.
Ксенія, княжна Ярославская—184.
Бубанцы—282.
Кувшиновъ, Степанъ Ѳеодоровъ, посадскій—355.
Кукушка—птица—77.
Куликово поле—235, 237, 238, 233, 241.
Кулишъ—170.
Кунаковъ Григорій—445.
Кунель (видѣніе)—15.
Куракина, княжна Прасковья Ѳеодоровна, по мужу кн. Хованская—293.
Курскъ, городъ—308, 315, 317, 352, 368, 374, 388, 426.
Кутенскій монастырь—47.
Кучка, Степанъ Ивановичъ, бояринъ—132, 136, 141, 227.
Кучковичи—130, 132, 135, 210, 218.
Кучково поле въ Москвѣ—130, 248.
Кушулево, село—385, 388.

Л.

Лабелля, граверь—517.
Лабзинъ Ѳеодоръ Борисовъ—302.
Лавела, мѣстность—381.
Лавра Савская въ Палестинѣ—12.
Лаврентій Сухаревъ, стрѣлецкій голова—339.
Лавръ Семеновъ, Подлусковъ—425.
Лавсанкъ, Скитскій патерикъ—41, 42.
Лавсъ, постельничій, для котораго составленъ Скитскій патерикъ—41.
Ладожское озеро—190, 261.
Ладушко милос—4.

- Лазаревская** Юліанія, боярыня, святая—151.
- Лазарь**, сынъ Петра, царевича Ордынского—196.
- Lactuca**, латукъ, растеніе—34.
- Лампрехтъ**, вѣмецкій священникъ, передѣлыватель французской поэмы объ Александрѣ Вел.—101.
- Ланская**, графиня—469.
- Лань**—8, 93.
- Ланковъ** Иванъ—333.
- Лапухинъ** князь, Петръ Васильевичъ—515.
- Ларивонозна**, нянюшка, упом. въ перепискѣ кн. Хованскихъ—411.
- Ласково**, деревня Рязанская—151.
- Латинство**—181, 216.
- (па) **Латинскій** и съ латинскаго переводы—26, 46; ая редакція Повѣсти о взятіи Трои—98, 94.
- Латныя**—167, 201, 214.
- Латукъ**, растеніе—34.
- Левашевъ** Никита Григорьевичъ—451.
- Левшинъ** Захарій—349.
- Левъ**: Биринъ, посадскій человекъ—460; звѣрь—18, 19, 20, 71, Мудрый, визант. императоръ—275.
- Легенда**:—7, 12, 23, 80, 161, 171, 176, 182, 208; Зологая, Якова де Воратине—3.
- Лейденъ**, городъ—516, 520.
- Лекціи** С. П. Шевырева—157, 185.
- Лена**, рѣка—293.
- Леонидъ**, архимандритъ—274, 275.
- Леонихинъ** Иванъ Петровъ, посадскій человекъ—355.
- Леонтій**: епископъ Ростовскій—189, 190, 191, 193; мученикъ св.—218; Нешлюевъ—301; Ѳоминъ—461, 462.
- Ливанскіе** кедры—77, 87.
- Ливонскіе**: епископъ Альбертъ—200; рыцаря—216.
- Лимонарь**, *Limonarium*, Лимонистъ (Синайскій Патерикъ)—12, 20, 21, 23, 25, 39, 42, 71; его переложеніе, печатное его изданіе 1628 г.—13.
- Липари**, островъ—35.
- Лисицынъ** Абрамъ, пятидесятникъ—447.
- Литва**—216, 217, 218, 327.
- Литература**: болгарская—68; великорусская—126; византійская—11, 26, 67, 68; восточная—67; греческая—68; европейская—65, 66; западная—11, 25, 66, 67, 100, 115, 127, 153; историческая—11; классическая—65; повѣствовательная—11, 12; русская—11, 30, 46, 54, 56, 61, 64, 65, 66, 67, 70, 73, 74, 80, 83, 108, 110, 113, 114, 117, 127, 128, 143, 164, 165, 176, 178, 219, 220; христіанская—11, 12, 65.
- Литературныя**: встрѣчи и знакомства, А. П. Милюкова—495; Газета—490.
- Литовскій** великій князь Гедиминъ—286, 325.
- Лихаревы**: Кириллъ—302, Иванъ Петровичъ, думный дворянинъ—343.
- Лихачевъ** Алексѣй—386.
- Лица**, маски—114.
- Лицевая** Библия—78—81.
- Liebes buelin** (милое ладушко)—4.
- Lignon**, граверъ—541.
- Лобановы**: Никита Аносовъ, посадскій человекъ—355, Ростовскій князь—285.
- Ловчиковы**: Степанъ Богдановичъ—348; Степанъ Меркурьевичъ—348.
- Логинъ**, Рязанецъ (сказаніе объ Успенскомъ крестѣ)—158, 159.
- Ломоносовъ** Михаилъ Васильевичъ—503.
- Лондонъ**, городъ—515.
- Лонгобарды**, народъ—30, 31, 32, 33, 41.
- Loughi**—532.
- Лолухинъ** Василій—301, см. **Лапухинъ**.
- Лотъ**, праотець—111, 213.
- Лубочныя**: изданія—44, 62, 78, 81, 235, картинки—45, 61, 62, 66, 76, 97, 235.
- Лугъ**: Книжій, между г. Владиміромъ и Боголюбовымъ—131; Цвѣтуцій или Духовный, Патерикъ Синайскій, см. **Лимонарь**. 28 г. 13.
- Лука**: евангелистъ—129, 130, 199, окольничій Смоленскій—202, человекъ кн. Хованскихъ—303, 309.
- Луки**, городъ—353.
- Лужорье**, городъ—86.
- Лукьяновъ** Григорій Григорьевичъ—293.

- Луна:** въ Палевъ—75, въ суевѣріяхъ—76, поклоненіе ей—49.
- Лутовиновы:** Ивацъ Марковичъ, стольвикъ—348, 349; Маркъ Мясоѣдовъ, дворянинъ—349; Трифоновъ, дворянинъ—349.
- Лудкіе казаки**—353.
- Лыбедь, рѣка**—138.
- Лысовскіе,** упом. въ перепискѣ кн. Хованскихъ—380, 381.
- Львовы** князья: Иванъ—428, Степацъ Θεодоровичъ—339.
- Лѣтвица,** книга—61, 62, 63, 66.
- Лѣтвичникъ** Іоаннъ—62, 64.
- Лѣтописи** Русской Литературы, журналъ—80.
- Лѣтописцы**—166, 167, 168, 192, см. **Лѣтопись и Несторъ.**
- Лѣтопись:**—76, 91, 212, 207, 229; Архангельская—253; и описаніе г. Кіева: Закревскаго—171; Ипатьевская—276, 277; Кіевская—129, 171, 200; Нестора—69, 74, 79, 81, 82, 91; Псковская—212, Суздальская—145; Тверская—476;—ей русскихъ собраніе—146.
- Любекъ, городъ**—201.
- Любимъ:** городъ—434, 442, 454; Домнинъ, дьякъ—329.
- Люблино, село**—504.
- Людвикъ XVI,** король французскій—488, 516, 518.
- Лялинъ** Савва—459, 460, 462.
- Ляпунь, повгородецъ**—253.

М.

- Мавра,** упом. въ перепискѣ кн. Хованскихъ—402.
- Магнитъ** (матица желѣзная)—98.
- Мадонна**—209, 475, 531, 532.
- Майнъ, рѣка**—483.
- Макабровъ** (Макаріевъ) пляска—44.
- Макарій:** Александрійскій—44; Андреевъ—382; Девятый, дьячекъ—384; митрополиты Московскіе—229; пегорикъ рус. церкви—115, 125, 232.
- Макарьевскія:** Миней-Чегыи—78, 202, 205; ярмарка—462.
- Макбетъ** (Шекспира)—266.

- Македонія, страна**—95.
- Македонскіе цари:** Александръ—74, 92, 95—98, 101—107, 115; Фидинъ—95.
- Македонянинъ** Василій, византійскій императоръ—68, 275.
- Максимовы:** Василій—438; Михайль, приказный человекъ кн. П. И. Хованскаго—377, 385, 388, 390, 395, 396, 403, 442, 444; Царенъ, тюменскій подъячій—456.
- Максимъ:** гость изъ В. Новгорода—460; Грекъ—231; митрополитъ русскій—220; человекъ кн. Хованскаго—368.
- Малала** Іоаннъ, хронистъ—74.
- Малашей,** въ перепискѣ кн. Хованскихъ—329.
- Малорусскій языкъ** исальмъ—60.
- Мальтійскій орденъ**—488.
- Мальчикъ** даетъ хлѣбъ Іисусу Христу—7; о мальчикѣ жидовскомъ, повѣсть—9; черныи—эльфъ—33.
- Мамаево Побоище**—182, 199, 209, 219, 229, 235, 241, 242, 277.
- Мамай, ханъ татарскій**—236, 237, 239, 240, 244.
- Мануиль, императоръ греческій**—130.
- Мансуровъ, Александръ Павловичъ**—540.
- Марія:**—402; въ сказаніи объ Унженскомъ крестѣ—158, 159, 160, 161; Всеволодовна, княжна Ярославская—183; Дмитровна, жена Довмонта, кн. Псковскаго—210; жена царя, Ивана Грознаго—253; княгиня, сноха Агаѳи Чермнаго—180; мать св. Стефана Пермскаго—257; Михайловна, княгиня Ростовская—192; Устюжская, княгиня—212, 256.
- Марковы:** Мартинъ—449; Н. Н.—284.
- Маркъ:** Мясоѣдовъ Лутовиновъ, дворянинъ—349; Трифоновъ Лутовиновъ, дворянинъ—349; Фрагескій, въ Скитскомъ Патерикѣ—42, 43, 44, 71; человекъ, въ перепискѣ Хованскихъ—312, 425.
- Марсова гора** въ Кампаніи—36.
- Марсъ**—49.
- Мартинъ:** Болдинъ, полковникъ—291;

- Марковъ—449; отшельникъ—36; упомян. въ перепискѣ Хованскихъ (Мартынка)—306, 310, 313; человекъ Кафтырева—435, 438, 441;—а святаго церковь—31.
- Мартирологiи**, перечни мучениковъ—68, 69; рукопись Царскаго—68.
- Мартыновъ** Никита, стрѣлецкій десятникъ—451.
- Марышкинъ** Матвѣй, полковникъ—289.
- Марѳа**: Бредихина—295; Кафтырева—410; Посадница—266; въ сказанiи объ Уженскомъ крестѣ—128—161; скотница у кн. Хованскихъ—390, 391, 392.
- Маски**—114.
- Масловъ**, Николай Семеновичъ—528, 531.
- Матвѣевъ**, Артамонъ Сергѣевичъ—304, 305, 308, 311, 312, 314.
- Матвѣй**: Васильевичъ Кафтыревъ—429, 434, 439, 442; Марышкинъ, полковникъ—289; Окуловъ—372; Осиповичъ Кровковъ, стольникъ—326, 336, 337, 338, 340, 342—347, 386, 406—417, 420; Степановичъ Пушкинъ—321, 328, 343.
- Материалы** историческіе о церквахъ и селахъ, В. и Г. Холмогоровыхъ—295.
- Матица** желѣзная (магнитъ)—98.
- Мать**—пустыня—58.
- Матюшкины**: Аѳанасій Ивановичъ—304, 313, 314, 418, 437, 439, 441, 444—447, 450, 451, 457; Евдокія Андреевна—418, 441; Ивавъ Аѳанасьевичъ, стольникъ—349, 350; Михайлъ Аѳанасьевичъ—418; Татьяна Ивановна—418, 441.
- Медъ**: въ колодцѣ Киговраса—85; въ прятчѣ—53, 54.
- Меледа** Алексѣй—443.
- Мелочъ** изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитріева—475, 476.
- Мельницкій**, Назарій Петровичъ—351.
- Менгу-Темуръ** (Тимуръ), ордынскій царь—180, 182, 183.
- Менелай**, царь греческій—93.
- Menologium** (мѣсяцесловъ) Василя Багрянороднаго—68.
- Мерляковъ**, Алексѣй Ѳеодоровичъ, поэтъ—512, 523, 525.
- Меркурій**, Смоленскій святой—202—209, 256.
- Мертвецовъ** пляска—44.
- Мессинскій** Гвидонъ—94.
- Мегафрасть** Сямеонъ, агиографъ—67.
- Мецняне**—362.
- Меченосцы**, рыцарскій орденъ—200.
- Мечъ**: Агриковъ—151, 156; Болеслава короля Польскаго—171; св. Бориса—130; св. Всеволода, кн. Псковскаго—216, св. Довмонта, кн. Псковскаго—217.
- Мещериновы**: Алексѣй—302; Ѳеодоръ, полковникъ—302, 333, 352.
- Мещерскія** княжны—527.
- Микула** Дядковичъ (прав. грамота кн. Ѳедора Смол.)—202; поповъ, клирошанинъ Вышегородскій—130.
- Миллеръ**—475.
- Милославскіе**: Иванъ Богдановичъ—321, 328, 343; Иванъ Михайловичъ—290, 371.
- Милюковъ**, А. П.—495.
- Мина**, князь Суздальскій—181; упомян. въ перепискѣ Кафтыревыхъ—443.
- Миндовгъ**, Литовскій князь—217.
- Миней-Четьи**—71, 78, 150, 202, 205.
- Минерва**—92.
- Министерство** Юстиціи—283, 284, 285, 286, 289, 290, 293.
- Минихъ**, фельдмаршалъ—520.
- Минiатюры**—44, 45, 58, 67, 68, 78, 82, 87, 88, 99, 107, 127.
- Минологiя** греческій—70.
- Минская** губ.—55.
- Минтеръ**, Андрей Микулаевъ, купецъ—324.
- Мистерiи**—65, 80.
- Мистицизмъ**—27, 520.
- Митрополиты**, см. епископы.
- Митрюшка**, староста въ помѣстьяхъ кн. Хованскихъ—388.
- Митусовы**: Андрей Васильевъ—386; Василій, подъячій—376, 385, 386.
- Михаилъ**: Александровичъ, московскій бояринъ—240; Алегуковичъ Чер-

- касскій, князь—321, 328, 343, 344, 376; Андреевичи: Анухтинъ, стольникъ—318, Голыцинъ, князь—325, 337, 338, 428, Андреевъ—387; Аванасъевичъ Матюшкинъ—418; Архапгелъ—45, 161, 200; Всеволодовичъ, Черниговскій князь—180, 181, 192; Гавриловъ—449; Глѣбовъ—300; Горизинъ—323, 325, 332; Григорьевичи: Ромодановскій—338, 333, 340, Хитрово, стольникъ—365; Ивановичи: уном. въ перепискѣ Хованскихъ—395, князь Черкасскій—376; Измаиловъ—432, 435; Казарининъ (былицы)—173, 174; Кафтыревъ—427, 428; Квашинъ—448, 451; Клопскій, святой—211, 260; Колосовскій—332, 372; Константиновичъ, Муромскій князь—148; Максимовъ, человекъ, кн. Хованскихъ—377, 385, 388, 395, 396, 403, 431, 442, 444; Михель, армянинъ—319; Петровичъ Головинъ, бояринъ—300; поваръ кн. П. И. Хованскаго—309; русскій митрополитъ—256; Самаринъ—451; Святополкъ, князь—118; Тучковъ, бояринъ—211; уном. въ перепискѣ Кафтыревыхъ—454; уном. въ писемѣ Осипа Филатова—364; Чарторыйскій, князь—370; Чермный—430—434, 436, 440, 455; Черниговскій кн., св.—300; в. к. Черниговскій и бояринъ его Феодоръ, Н. Д. Иванчина-Писарева—474, 504; Шешковскій—391; Юрьевичъ Долгорукой, князь—321, 328, 343, 354; Яковлевичъ, Черкасскій князь—376; Ярославичъ, Тверской князь—187, 188, 223, 224, 277; Феодоровичи: царь—473, Ярославскій князь—183, 184, 185;—а арх. и св. церкви: въ Москвѣ—186, около Муррома—161, въ Смоленскѣ—200.
- Михайликъ**, богатырь—170, 171, 172.
- Михайловскій Архивъ** гр. С. Д. Шереметева—468.
- Михайловское**, село—469.
- Михайловъ**, отставной сержантъ—273.
- Михалкова**, Ирина Ивановна, по мужу кн. Хованская—293.
- Михель**, армянинъ—319.
- Мицкевичъ**, поэтъ—505.
- Мнеология**—34, 49, 93, 104, 107, 109, 115, 138, 149, 258, 259.
- Міернсъ** Вильгельмъ, младшій, художникъ и граверъ—516.
- Міольниръ** (молнія)—молотъ Тора—33.
- Многоножица**—рыба—77.
- Могилевъ**, городъ—423.
- Модзалевскій**, Б. Л.—473, 474, 475, 477, 527.
- Мозаика** Барбери на Альбомѣ Н. Д. Иванчина-Писарева—470, 479, 537—539.
- Мозыркскій уѣздъ**—55.
- Мои Пенаты**, стихотвореніе Н. Д. Иванчина-Писарева—478.
- Моисей**, печатникъ кн. Феодора Смол.—202, Рязанскій и Муромскій архіепископъ—158.
- Мокошь**—148, 149.
- Мокъевъ** Степанъ, человекъ кн. Хованскихъ—389, 390, 391, 393.
- Мокъй** Ягодинъ, крестьянинъ—380.
- Молтва:**—275, св. Іоасафа въ пустыню входяща—58.
- Молнія**—міольниръ, молотъ Тора—33.
- Мологинскія ворота** въ Смоленскѣ—204.
- Молотъ** Тора—33.
- Молчанія обѣтъ**—15.
- Мольеръ**, драматургъ—495.
- Монастыри:**—5, 8, 9, 12, 17, 19, 25, 31—34, 37, 47, 66, 70, 73, 91, 123, 124, 125, 129—133, 167, 181, 189, 190, 196, 197, 203, 217, 226, 227, 233, 234, 248, 249, 251—265, 273, 277, 290, 293, 301, 326, 355, 380, 449, 453, 457, 473, 474, 477, 487.
- Монахи и монахини:**—6, 7, 8, 15, 16, 17, 20, 25, 33, 34, 62, 63, 71, 73, 75, 123, 124, 158, 179, 189, 190, 196, 226, 234, 254, 255, 263, см. **Епископы**.
- Мономаховичи**—129, 131, 147, 189.
- Мономахъ** Владиміръ, князь—72, 129, 143, 189, 199, 213, 220.
- Монументальныя слѣды жизни**—127, 128.
- Монферанъ**—514.
- Моржегорское Усолъе**—380.

Моргень, граверъ—534.

Мор(к)ольфъ—87.

Мосальскіе-Кольцовы, князья: Андрей—428, Иванъ—312, 333, 334, 338.

Москва, городъ:—47, 48, 60, 61, 66, 67, 126, 129—134, 136, 137, 141, 186, 188, 209, 210, 212, 218—223, 225—235, 237, 241, 244—246, 250—259, 264, 267—269, 271—273, 286, 289, 292, 293, 295, 298—303, 305, 306, 308, 309, 312—315, 319, 320, 322—326, 328, 329, 332, 337—339, 344, 345, 348, 351—353, 358, 360—363, 366, 368—370, 372—376, 378, 383, 386—389, 391, 396, 397, 401, 402, 406, 408, 413—415, 418, 430, 432—434, 437, 438, 440—445, 451, 457—462, 469, 473, 475, 480, 482—484, 486—491, 494, 500, 502—507, 512, 514, 526, 528, 530, 531, 533; рѣка: 132, 134, 136—139, 141, 186, 219, 227, 237, 345, 539.

Москвитянинъ, журналъ—475, 476, 482, 483, 506, 512, 523.

Московія—218.

Московскіе: Архивъ Министерства Юстиціи—283—286, 289, 290, Благородный пансіонъ—487, Вѣдомости, газета—501, 502, 504, губернаторъ Перфильевъ—469, губернія—469, 472, 473; изданія: Исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ—47, 48, 58, 66, Лѣтвицы 1647 г.—61, прологъ—67, 70; князья—186, 188, см. **Димитрій**, **Іоаннъ**; Контора Запасныхъ Магазиновъ—473; область—137; періодъ въ исторіи русской литературы—220; преданія—137, см. **Сказанія**; Почтамтъ—473; Сборникъ, изд. славянофилами—176; святцы—221; сказанія—218, —220, см. **Сказанія**; судѣніе—473; столъ—289, 292, 293; Университетъ—480, 488, 494, 500, 501; уѣздъ—295; Царст.—137, 280, 287, 319.

Мосохъ, первый князь и патриархъ Россіи—137.

Мостки—въ основѣ имени Москва—136.

Мость (поэтич. формула)—276, 279.

Моухъ Іоаннъ, авторъ Синайскаго Патерика—12, 13, 14, 21, 22, 29.

Мочаловъ, актеръ—494, 495.

Мраморныя стѣны Мурома 147.

Мстиславы князья: Давидовичъ Смоленскій—201, Изяславичъ Кіевскій—142, Мстиславичъ—210, сыновья Андрея Боголюбскаго—142, убившій Редю—176, Ярославичъ—210.

Мудрый Левъ, Виз. императоръ—275.

Муза, стихотвореніе А. С. Пушкина—482.

Музыка—478, 479, 506, 540.

Муравьевы:—125, 149, 489; Андрей Николаевичъ—509, Е. Ѳ.—505; Николай Николаевичъ—509.

Мурзакевича, Достопамятности г. Смоленска—199.

Муринъ—демонъ—35.

Мурома, финское племя—147.

Муромецъ Ілья, см. **Ілья**.

Муромскіе: архіепископъ Моисей—158; князья Петръ и Февронія—149, 150 (см. **Петръ**, **Февронія**); область—147, 148, 157, 158, 164; Патерикъ—147, 150; сказанія—147—150, 158, 164—166 см. (**Сказанія**); храмъ Преч. Богородицы—155.

Муромъ, городъ—126, 147, 157, 159, 218.

Мусинъ Алексѣй—419.

Мутьяне—340.

Мценскъ, городъ—369.

Мытарства воздушныя—43, 125.

Мыши въ притчѣ—53, 54.

Мѣдныя чучелы воиновъ въ Александріи—102.

Мѣра Кіево-Печерской церкви Успенія Богородицы—129.

Мѣрило Праведное, книга—103.

Мѣстничество—158, 162, 238, 366.

Мѣсяцесловъ Василія Багрянороднаго—68.

Н.

Нава, нави, павье, навскій день—день помпшовеія мертвыхъ—152.

Надпись на гробницѣ Довмонта, кн. Псковскаго—216, 217, на мечѣ св. Всеволода, кн. Псковскаго—216.

- Надворная пѣхота**—287, 288, 289.
- Назаръ**: конюхъ кн. Хованскихъ—306, 316, 390, 392, 394, 402, 403; Петровичъ Мельницкій, стольникъ—351.
- Наполсонъ I**, императоръ—475, 488, 520.
- На(о)радинъ**, турецкій султанъ—282.
- Народность** русская—106, 110, 112.
- Народныя** кинги—44, 45, 66, 78, 81, 87, 88, 95, 127; (Библия)—78, 80.
- Нарѣчія** русскаго языка—126.
- Настасья** Петровна Коцдырева, по мужу Бутурина—295.
- Настихинъ** Григорій—460.
- Нахоръ**, чародѣй—49.
- Нацокины**: Григорій—451; Ординъ—319; новгородецъ—442.
- Неаполь**, городъ—31.
- Небу** поклоненіе—49, о небесахъ семи книга—54.
- Небушъ** Петръ, полуполковникъ—324.
- Нева**, рѣка—186.
- Невль**—353, 425.
- Нево**, Ладожское озеро—261.
- Неврилъ**, Невры (въ Хронографѣ)—88.
- Неглинная**, рѣка—219, 227.
- Недоросль**, комедія Фонвизина—364.
- Недѣльное** (Троцкое), село—202.
- Недѣля** страстная—22.
- Неизвѣстные**: корреспонденты кн. Хованскихъ—419, 420, 427, 428; сестрица кн. П. А. Хованской—418.
- Непеговый Орландъ** Аріосто—509.
- Нектанебъ**, царь Египетскій—95.
- Нелидовъ** Иванъ, стрѣлецкій голова—339.
- Νεος Παράδεισος**, см. Синайскій Патерикъ.
- Неплюевъ** Леоптій—301.
- Непрядва**, рѣка—237, 238, 241.
- Нептенабушъ** (Nertinnus)—93.
- Нестеровы**: -531; Семень—321.
- Несторѣва** ересь—25, 26, 71.
- Несторъ**: дьяконъ Вышегородскій—130; лѣтописецъ—2, 69, 74, 79, 81, 82, 91; племянникъ думнаго дворянина Яковлева—397.
- Нижній Новгородъ**—441.
- Никита**: Васильевичъ Кафтыревъ—428, 433, 435, 436, 438, 439, 442, 444—447, 454, 455, Григорьевичъ Левашевъ—451, Ивановичъ Одоевскій, князь—300; Ксенофоновичъ, въ перепискѣ Хованскихъ—317; Мартыновъ, стрѣлецкій сотникъ—451, Михайловичъ Боборыкинъ, окольничій—300; мученикъ—402; Оносовъ Лобановъ, посадскій—355; Семеновичъ, князь Урусовъ—321, 328, 343.
- Никифоръ** Фустовъ—303.
- Николаевская** церковь въ селѣ Никольскомъ—295.
- Николай**: Авдономовичъ Иваиовъ—295; Александровичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ—1, 468; Пизанскій, скульпторъ—67; Чудотворецъ—132, 180, 193, 265, 295, 356.
- Николевъ**, Самойло Ѳедоровичъ—448, 451.
- Никольскіе**: Волосовъ монастырь—132; дощаникъ—357, монастырь—326; село Плечино, Плечиково—295.
- Никонъ**, патріархъ—297, 313.
- Нила(ъ)**, рѣка—89, 98.
- Нилова** пустынь—386.
- Ницца**, городъ—468.
- Новгородскіе**: архіепископы: Василій—275; Іоаннъ—144, 145; богатырь Василій Буслаевъ—121, 122, 123; бытъ—123; князья—142, 186, 187, 210, 217, 220, 221, 229, 230; полкъ—321, 374; приказъ—329, 381; розрядъ—343; сказанія—128, 141, 144, 146, 149; Софійскій соборъ—89; Трефологонъ или Патерикъ—142.
- Новгородъ Великій**—70, 74, 89, 113, 119, 123, 126, 127, 128, 137, 141, 143, 146, 163, 188, 189, 200, 213, 216, 218, 225, 231, 234, 253, 255, 256, 257, 263, 267, 323, 355, 444, 460, 502; Нижній—441.
- Novellino**, сборникъ повелѣй—57.
- Новеллы**—7, 14, 20, 22, 25, 30, 46, 56, 57, 60, 65, 66, 87, 100, 158, 161.
- Новяковы**: Евгенийъ Петровичъ—498; Иванъ Петровичъ—498; Петръ Александровичъ, писатель—479, 498, 499, 500.
- Новодѣвичій** монастырь—273.
- Новоспасекій** монастырь—474, 477.

Новый: Осколь, городъ—330, 339, Рай, см. **Синайскій Патерикъ.**
Ногай Большой—340, см. **Менгу-Темиръ.**
Ноготь св. Всеволода кн. Псковскаго—215.
Ной, праотець—80, 100, 111.
Помоклонъ, Кормчая книга—113.
Норвегія—94, 263.
Notti—le tredici piacevolissime—87.
Ноты—60.
Ночь въ притчѣ—53, 56; -ю вздигъ Троянь—104.
Нѣмецкіе: земли—318; народныя книги—87, правы—10; обработка Александрин—99—103, 107; переводы:—46, Троянской исторіи—94; племена—33, 34, 64, 67; поэтъ Конрадъ Вюрцбургскій—94; преданія—33, 35; проповѣдники—10; сказки—34, стихотворенія—58, 66; эльфы—104, эпосъ—35, 65, 100.
Нѣмцы—200, 201, 202, 209, 215, 216, 217, 243, 256.

О.

Обзоръ русской дух. литературы, еп. Филарета—117, 228, 231.
(на) Облакъ путешествіе св. Исаи Ростовскаго—189.
Обозрѣніе столбовъ и книгъ Сибирскаго приказа, Н. Оглоблина—456.
Оболенскіе князья:—277, Андрей Петровичъ, почитель Московскаго Университета—501, Михайлъ Андреевичъ—504.
Оборотничество Китовраса—86.
Обрагимъ, царь турецкій—277, 279, 280.
Образованіе древней Руси—115.
Обря Безансонскій (Aubry de Besançon), поэтъ—101, 107.
Обряды похоронныя—35, 148.
Общество: (Московское) Исторіи и Древностей Россійскихъ—277, 473, 501, 502, 503, Любителей Россійской Словесности—498. Русское Императорское Историческое—286.

(по) **Обѣту** вѣщаніе вещей на иконахъ и стѣнахъ церкви—41.
Оглоблинъ Н.—456.
Огнедышашія горы—35, 36, 98.
Огонь: греческій въ Александрин—102, небесный—77;—ю поклоненіе—49, преданіе волхвовъ—167.
Одесса, городъ—505.
Однѣвъ, скандинавское божество—103.
Одиссея—81, 82.
Одоевскіе князья:—527, Александръ—463, 464, Никита Иваиновичъ—300, Яковъ Никитичъ—300, Юрій Михайловичъ—355, Юрій Юрьевичъ—355.
Оды въ силлабическихъ виршахъ—60.
Озеро: Пловучее у Клязьмы—133, Поганое, Поганецъ—133, Ростовское—193, 195, 197, 198.
Ока, рѣка—134, 148, 155, 238, 244.
Окіянъ-море—88.
Окуловъ Матвѣй—372.
Олегъ, князь:—171, Ингоревичъ Пронскій—180; фрегатъ—468.
Олимпіада, эеіонская царица, мать Александра Македон.—95, 103, 104, 105.
Олицетвореніе рѣкъ въ поэзіи—138.
Олонецкая губернія—278.
Ольга: княгиня, святая—214, 249, княжна, сестра при. Евфросиніи Полоцкой—123.
Ольгердовичи—236.
Ольговичи, князья—147.
Омръ (Гомеръ)—93.
Онисимъ Григорьевъ, человекъ Кафтырева—437.
Онуфрій Великаго, пустытника Египетскаго житіе—8, 9.
Описаніе: древностей и рѣдкихъ вещей въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, собр. арх. Варлаамомъ—254, рукописей гр. А. С. Уварова—274.
Опосецкій Петръ—462.
Опусканіе въ море грѣшницы—24.
Опытъ Краткой Исторіи Русской Литературы Н. И. Греча—480.
Оракулъ въ Египтѣ—95.
Ораторство духовное—108.
Орда—276, 280, 340, 375, Золотая зем-

ли—169, 174, Очаковская—340, Си-
няя—243.
Орденъ Христовыхъ воиновъ, Мече-
носцевъ—200.
Ординъ: Нащокинъ—319, Богданъ Ива-
новичъ, думный дворянинъ—327,
332, 364.
Орель, городъ—281, 360, 361.
Орлеанская Дѣва—508;—ий герцогъ—
532.
Орловы: А. С.—282; Пименъ полков-
никъ—353; графы: А. Г.—535, Вла-
диміръ Григорьевичъ—534, 535, 536,
Софья Владиміровна—534, 535, 536,
Давыдовъ, Владиміръ Петровичъ—
534—536.
Оружіе: св. Всеволода кн. Псков-
скаго—216, св. Меркурія Смол.—
208, см. Мечь.
Освобожденный Иерусалимъ Тассо—
509.
Осель—19, 20.
Осипъ: Ботевъ—327, князь—447, 448,
Михайловичъ Офросимовъ, воевода—
334, Полянникъ—356, Филатовъ—364.
Осколь, рѣка—318, (Сколь) Новый
городъ—330, 339.
Ослабя, учен. св. Сергія Рад.—236, 237.
Осорьинъ Каллистратъ, авторъ житія
Юліаніи Лазаревской—151.
Остафій Теофилаевъ—439.
Остафьево, село—463.
Остафьевскій Архивъ гр. С. Д. Ше-
реметева—463, 470.
Островъ: Валаамъ—261, Соловецкій—
260, 261, 262, 264, 265, 266.
Огромново Евангеліе—74.
Ostsee, Востокъ моря, т. е. Балтійское
море—201.
Отечественная Галерея, Н. Д. Иван-
чина-Писарева—487, 489, 490, 502,
512, 514, 535, 536, 537.
Отечники, см. Патрики.
Отрада, село—535.
Отреченныя книги—25, 124.
Отчетъ В. И. Срезневскаго о поѣздкѣ
въ Олопецъ, Вологодск., Пермск. губ.—
278.
Отъѣздъ, пьеса Н. Д. Иванчина-Пи-
сарева—482.

Офросимовъ, Осипъ Михайловичъ,
воевода—334.
Охлопково, село—442.
Очаковская орда—340.
Очеркъ литературной исторіи повѣстей
и сказокъ русскихъ—94, 95.

П.

Павель: апостолъ—194, 196, 197, нгу-
мень Костромскаго Богоявленскаго
монастыря—355, князь Муромскій—
151, 154, Михайловичъ Скрабинъ,
стольникъ—360, Петровичъ, импера-
торъ—488, 518, Фоминъ—442.
Палаты: Золотая во дворцѣ—300,
Поганкины въ Псковѣ—459.
Палестина—12, 21, 75.
Паля, книга—2, 11, 73—82, 85, 87,
90.
Палитарская земля—89.
Палладій епископъ Еленопольскій, со-
ставитель Скитскаго Патерика—41.
Паломники (Palmieri) и паломниче-
ство—14, 73, 81, 118, 119, 122, 123.
Пама, сотникъ зырянскій—258.
Памятники: Московской древности,
Снегирева—219, 227, старинной рус-
ской литературы—46.
Панины: Василій Никитичъ—449—
451; графы: Никита Петровичъ—535,
Петръ Ивановичъ—535, Софья—536,
537.
Панса Санчо—87.
Пантелей, мужъ пизъ Смоленска—201.
Папы Римскіе: Григорій Великій—26,
Іоаннъ III—32, Іоаннъ I—36.
Парасуковъ Аѳанасій, посланникъ къ
турец. султану—370.
Паремейникъ, книга—74.
Паризъ, городъ—505, 539, 540.
Парисъ, царевичъ—92.
Парма, городъ—53.
Парни, поэтъ—510.
Пароень Максимовъ, тюменскій подъя-
чий—456.
(о) **Пастухъ** еврейникъ сказаніе—10,
находитъ Париса—92.
Пастыревичъ Фаризъ (Парисъ)—92.

- Насха**—22.
- Патерики**:—6, 10—13, 46, 62, 65, 66, 69, 70, Албучний—12, Владимірскій—143, Кієво-печерскій—483, Муромскій—147, Новгородскій—142, Римскій—12, 26, 28, 30, 31, 33, 35—38, 41, 65, 71, Синайскій—12—14, 26—30, 36, 41, 42, 118, Скитскій—10, 41, 42, 44, 45, 71, Соловецкій 260, 263, 264.
- Патрикей Александровичъ**, князь Звенигородскій—286.
- Патригѣвъ** Богданъ, крестьянинъ—382.
- Патріархи**: іерусалимскій Софроній—13, 21, 22, 29; рускіе: Іоакимъ—340, Никонъ—297, 313.
- Паулучи**, маркизь—521.
- Паханіе** Адама—78, ночью въ помоць—16.
- Пашковы**: Александра Яковлевна, по мужу Иванчина-Писарева—473, Аванасій Филиповичъ—473, Еремѣй Аванасьевичъ, воевода Козловскій и Бѣлгородскій—309, 315, 321, 362, Яковъ Михайловичъ—473.
- Пелгуй**, въ сказаніи объ Александрѣ Невскомъ—186.
- Пентефрія** жена—121.
- Переводы**: Болгарскіе—113, 230—232, см. **Болгарскіе**: Испанскіе—46, Итальянскіе—46, Латинскіе—26, 46; Нѣмецкіе—46, см. **Нѣмецкіе**: Рюккерта—54, съ сербскаго—230—232; славянскіе—11, французскіе—46.
- Переволочня**, мѣстность—317.
- Перекопъ**, городъ—521.
- Перемская** волость—381.
- Переписка**: М. Ѳ. Брилевой съ ея матерью—468, П. Ѳ. Перфильевой съ П. В. Шумахеромъ—469, Хованскихъ князей—283, 294, sq.
- Перепищики** церковныхъ книгъ—168, 169.
- Пересвѣтъ**, ученикъ св. Сергія Рад.—236, 237.
- Перехожіе** каляки—119.
- Перецъ**—97.
- Перечень** сибирскихъ воеводъ—432, 458.
- Переяславль**: городъ—213, Рязанскій—180.
- Пермская** губернія—278.
- Персидскій** царь, Дарій—96, 101, 102.
- Персія**—319.
- Персы**—95.
- Перунъ** (богъ молніи)—33, 148, 149.
- Перуци**—525, 526.
- Перфилій** Сѣменниковъ, дьякъ—295.
- Перфильевы** Прасковья Ѳедоровна и Московскій губернаторъ—469.
- Перша** Степановъ—462.
- Перюнкскій** скитъ—128.
- С. Петербургъ**—468, 471, 472, 474, 477, 480, 483, 485, 503, 507, 512, 513, 515, 516, 519, 527, 528, 532, 538, 540.
- Петровскій**, что на полѣ монастырь—196.
- Петровское**, село—488, 489.
- Петровъ** Емельянъ—442, 444, 453.
- Петропавловская** церковь въ Смоленскѣ—200.
- Петръ**: Андреевъ, тюменскій священникъ—457, 458, Апостоль—26, 27, Астафьевъ—313, Богоявленскій священникъ—372, Васильевичъ Шереметевъ—321, 328, 343, 366; Великій, императоръ—61, 95, 110, 274—278, 281, 287—289, 291, 293, 317, 310, 349, Голодный—326, Гордонъ, инженеръ—339, Дмитріевичъ Скуратовъ—317, 322, 359, 361, дьяконъ, ученикъ Григорія Двоеслова—27—29, Ждановъ Кандыревъ—451, Ивановичъ, Хованскій князь—283, 298—303, 305, 310—313, 315—327, 329—338, 340—353, 355—361, 363—367, 369, 372—377, 379—391, 393—396, 398—402, 405—413, 415—428; Исаковъ, полковою дьякъ—331, Ключъ (Петрунька)—316, Колычевъ—428, Кондратьевъ—401, лѣкарь (Петрунька)—305, Московскій митрополитъ—221, 222, 226, 229, 230, Муромскій князь—149—157, Матвѣвичъ, нѣмчинъ—454, Небушъ, полуполковникъ—324, Ополецкій—462, Ордынскій царевичъ—192—199, 209, 255, Прозоровскій князь—301, 357, Салтыковъ—301, Тимофеевичъ Кандыревъ,

- окольныйчій—295, 434, 435, человекъ кн. П. И. Хованскаго (Петрунька)—309; см. **Хованскіе**.
- Песковъ** Иванъ Иванов.—449, 450, 451.
- Песня главцы**—88.
- Пехрянская** десятина—295.
- Печерскіе** угодники—81, 82, (Θеодосій)—107, 115.
- (въ) **Печь** горящую вверженіе—9, 10.
- Пещеры**—15, 19, 25, 36, 37, 42, 44, 55, 56, 89, 97.
- Писмен**—96, 97.
- Пизанскій** Николай, скульпторъ—67.
- Пименовъ** Терентій, человекъ Кафтырева—433.
- Пиженъ** Орловъ, полковникъ—353.
- Пироговка**, Пирогово, мѣстность въ Кіевѣ—129.
- Пирогоща**, купецъ—129.
- Писаревы**: Александръ Александровичъ—479, 500, 501, 502, 503, 504, Иванъ—333; Иваницы, см. **Иваницы-Писаревы**.
- Писидя** Георгій—89.
- Писцовыя** книги—295, 388.
- Письма**: Александра Македонскаго—103, 105, Н. Д. Иваницина-Писарева къ П. М. Снегиреву—473, 528, 530;—у 483; см. **переписка**.
- Письмена** зырянскія—259.
- Пиѳагоръ**—87.
- Платонъ**, греческій философъ—87, 109.
- Плачь**: Адама и Евы—78, Евдокіи, жены Дмитрія Донскаго—241, земли—205, женъ въ Задонщинѣ—238, подвижника—78.
- Плечино** (Плечиково) село, оно же Никольское Московскаго уѣзда—295.
- Плиній**—503.
- Пловучее озеро** у Клязьмы—123.
- Плутархъ**—109.
- Плюшара** Энциклопедическій Словарь—492.
- Пляска** Макабровъ—44.
- Повѣданіе** о Мамаевомъ побоищѣ—277.
- Повѣрья** нѣмецкія—33.
- Повѣствовательныя**: литература—11, 12, сборники—11, 30, 65, 66, 71, 73, см. **Повѣсти** и **Сказанія**.
- Повѣсти**:—12, 52, 61, 62, 65, 69, 94, объ Азовѣ—274—278, Александрія—92, 99, 100, о Варлаамѣ и Іоасафѣ—46, 54, 72, о взятіи Трои—92—94, 100, время татарщины—166, 176, о гордомъ царѣ—274, о еришѣ—274, о знаменіи Богородицы въ Новгородѣ—141, 142, о Киповрастѣ—85, 86, о Мамаевомъ побоищѣ—182, 199, 209, 219, 235, 277, нѣмецкихъ проповѣдниковъ—2, 10, 13—15, 19, 25, 27, 28, 30, 39, 42, 46, 47, проложныя—67, 70, 71, о разореніи Іерусалима—276, о Смутномъ времени—276, о Сивильскомъ царствѣ—89, о Соломонѣ—84, 153, стихотворныя нѣмецкія—58, 65, 66, о хмѣлѣ—80, 81, о Шемякинѣ судѣ—275, о Южской царицѣ—83, 153, о явленіи Ушкенскаго креста—150, 157, 164; см. **Сказанія**.
- Повѣстникъ** о епископяхъ Кіевского митрополита—275.
- Поганкыны**: полаты въ Псковѣ—459; исковичи—459, Агаоля—462, Алимъ Сергѣевичъ—459, 460, 462, Сергѣй Ивановичъ, посадскій—459, 460, 461.
- Поганое**, Поганецъ, озеро по Муромской дорогѣ—133.
- Погодинъ**, Михайль Петровичъ—278, 473—477, 482—485, 487, 497, 498, 503, 505, 509, 510, 512, 540.
- Подлинникъ** иконописный—68.
- Подлинныя** письма въ перепискѣ кн. Хованскихъ—284.
- Подлусковы**: Лавръ Семеновъ—425, Семень—425.
- Подоліе** въ Смоленскѣ—206.
- Подольскій** уѣздъ Московской губ.—468.
- Подонъ** римлянинъ, въ хижинѣ котораго заложена первая церковь Московская—137.
- Подорожная** штабъ квартирмейстра Иванова—515.
- Подробный** словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ Д. А. Ровинскаго—516.
- Подшиваловъ**—489.
- Пожаръ** Московскій—385.
- Поканіе** бѣса—45.

- Поклоненіе** деревьямъ, источникамъ, рѣкамъ и озерамъ—148, небу, лунѣ, землѣ, огню—49.
- Покровское село**—445, 509.
- Покровъ Богородицы**—9, Владимірская церковь во имя—130.
- Полибицъ** Богданъ Ѳеодоровъ, окольничій—300.
- Полканы** (чудовищные народы)—97.
- Полное собраніе** сочиненій князя П. А. Вяземскаго—480, 494, 503.
- Половецкія:** земля—171, 172, 238, ханъ Бовиятъ—171, языкъ—243.
- Половцевъ А. А.**, предсѣдатель Русскаго Историческаго Общества—286, 474.
- Полозовы:** Андрей Андреевичъ—393, 394, Анна—314, Иванъ—395, 397.
- Половяночка** русская, въ пѣснѣ и сказаніи—173—176.
- Полодкіе:** воевода Михаилъ, князь Чарторыйскій—370; князь: Всеславъ Брячславичъ—123, Вячеславъ—123, Гордислава—123, Давидъ—124, Евпраксія—Звенислава—123, 124, Евфросиніи—Предслава—123, 124, Кириліи—123, Ольга—123.
- Полухтъ** Истомицъ—331.
- Польскіе:** князь Кракъ—102, король Болеславъ—171, переводы—275, полькъ—299, 370, 376.
- Польско-русскій языкъ:** Кутенскаго изданія Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ—47, псалмъ—60.
- Польша**—60, 370, 373, 374, 504.
- Полюдь**, протопопъ Псковскій—215.
- Поляки**—275, 300, 334, 370, 504.
- Поляне**, древне-русское племя—115.
- Полянцъ** Ослицъ—356.
- Полянскій** Еремѣй, дякъ—290.
- Помпновеіе** усопшихъ—44.
- Поморье** (Балтійское)—217.
- Помѣстный** Приказъ—301.
- Помяникъ** (Синодикъ)—44.
- Поръ**, царь Индійскій—96.
- Посланія:** апостольскія—232, архіепископа Василя Повгородскаго—275, Евфросиніи—Ѳеодуліи, княжны Черниговской—181, Кирилла Бѣлозерскаго при.—251, 252, 264.
- Пословицы**—64, 85, 99, 110, 113, 136, 152, 309.
- Послы:** крымскіе—317, 367, польскіе—299, 370, 376, турецкіе—368, 370.
- Посольскій приказъ**—276.
- Потанчикова** Анна Семеновна, по мужу Коконкина, актриса—495.
- Потемкинъ** Таврическій князь—515, 518.
- Потешинъ** Ѳеодосій—372.
- Поученія:**—61, 69, 70, 274; Мономаха—72.
- Похвала:** Богородицѣ—60, пустынь—61, святымъ и праздникамъ—69, Творцу міра Георгія Писиды—89.
- Похвальное слово** Н. М. Карамзину М. П. Погодина—503.
- Походы:** Александра Македонскаго—95, 96, Крестовые—95; Троицкій, царей Іоанна и Петра—288, Чичиринскій—320, 337, 338, 340, 387, 412.
- Похоронные обряды**—35, 148, 152.
- Почайна**, рѣка между Владиміромъ и Боголюбовымъ—131.
- Пошехоновъ** Сергій, стрѣлецъ—366.
- Поѣздка** въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь С. П. Шевырева—254.
- Полясъ** варяжскій—мѣра Кіевопечерской церкви Успенія Богородицы—129.
- Позвія**—11, 13, 25, 34, 37, 46, 51, 54, 59, 64, 65, 71, 74, 75, 81, 82, 83, 90, 93, 94, 95, 100, 101, 104, 106, 114, 124, 126, 136, 147, 149, 150, 156, 162, 163, 164, 165, 166, 171, 175, 176, 199, 202, 223, 227, 236, 237, 240, 243, 244, 260, 275, 276, 277, 475, 480, 484, 485.
- Правая грамота** Смоленскаго князя Ѳеодора Ростиславича—202.
- Правда Русская**, книга—81, 113, 193, 194, 231.
- Православный Собесѣдникъ**, журналъ—26, 125.
- Прага**, городъ—505, 539.
- Прасковья:** Никитичны: княгиня Голицына—325, 386, Кафтырева—325, 386, 405, 429, 430, 431, 433, 438, 439, 440; Паранька—443; см. **Кафтыревы** и **Хованскіе**.

- Pratum Spirituale** (Синайскій Пате-рикъ)—12.
- Преданія:** нѣмецкія—33, 35, 104, обще-славянскія—154, русскія—126, 127, 129, 130, 131, 133, 136, 139, 142, 143, 147, 154, 157, 158, 171, 175, 176, 187, 199, 202, 209, 210, 218, 219, 220, 222, 227, 248, саксонское—104.
- Предостереженія** русскихъ людей противъ злоупотребленій паломни-чества—122.
- Предсказанія:** Василия гречина о Мо-сковскомъ царствѣ—137, змѣя Павлу, князю Муромскому—151.
- Предслава-Евфросинія**, кн. Полоцкая, прп.—123.
- Пресвятеръ** Косма—73.
- Приказный столъ**—283, 285, 286.
- Приказы**—289, 417, 420, Большого Дворца—297, Земскій—366, Казен-ный—295, Новгородскій—329, 381, 387, Помѣстный—301, Посольскій—276, Разбойный—301, Разрядный—329, Сибирскій—289, 456, Стрѣлец-скій—300, 301, 313, Судный—300, Сы-скныхъ дѣлъ—346.
- Прилѣпы-барельефы**—89.
- Примѣты**—75.
- Природа**—18, 36, 37, 39, 68, 75, 89, 96.
- Притчи**—48, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 66, 67, 69, 70, 71, 72.
- Пріамъ** царь—92, 93, 94, 211.
- Пріятное** прелровожденіе времени, журналъ—489.
- Прованскій островъ**—97.
- Прогулка** по древнему Коломенскому уѣзду, Н. Д. Иванчина-Писарева—473, 474, 477.
- Прозоровскіе князья:** Александръ Ни-китичъ—295, Петръ (Ивановичъ, Семеловичъ)—300, 357.
- Прокопій**, юридическій Устюжскій—256, 257.
- Прокоповичъ-Антоновскій** А. А.—498.
- Прокофій**, словѣкъ кн. П. И. Хован-скаго—306—308, 311, 313—315.
- Пролога** (Синаксари)—2, 3, 10, 25, 26, 29, 42, 46, 56, 61, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 108, 125, 147, 149, 183, 184, 215, 216, 220, 224, 225, 226, 232.
- Пропасть** въ притчѣ—53, 54.
- Проповѣди**—5, 8, 42, 67, 117, 118, 189.
- Проповѣдники** западные, нѣмецкіе—2, 3, 5, 10, русскіе—54, 167, 168.
- Пророки**—68, 93.
- Просольный рядъ** (во Псковѣ)—461.
- Протопоповъ** Ѳеодоръ, дьякъ—358.
- Прохоръ**, епископъ Ростовскій—197, 198.
- Пругавинъ** Григорій, пушкаръ—372.
- Псалмы:** Давидовы—474, ствхотвор-ные—60.
- Псалтирь** Угличская 1485 г.—54, Си-лодальная 1276 г.—169, Кирианов-ская—230, 231.
- Псевдепиграфы**—72.
- Псковская** земская изба—459.
- Псковъ**, городъ—126, 200, 209, 212, 214, 215, 216, 217, 224, 225, 231, 249, 424, 459, 460.
- Птицы**—76, 77, 88, 89, 96, 98, 112, 277, 280, 281.
- Пустыни:**—14, 15, 25, 36, 40, 42—44, 52, 85, 112, Вассіанова—278, дикая, мѣсто заключенія бѣса—5, Египет-ская—12, Иоасафова—58, 60, 61, Иор-данская—12, 19, Нилова—386, Сenna-арская—48, Сирійская—12.
- Пустынники**—8, 15, 16, 17, 34, 41, 42, 43, 46, 47, 49, 57, 102, 137.
- Путивль**, городъ—371.
- Путята** Дидковичъ (прав. грамота кн. Ѳеодора Смол.)—202.
- Пушечный дворъ** въ Москвѣ—385.
- Пушкины:** Александръ Сергѣевичъ—479, 482, 505, 510, Василій Льво-вичъ—478, 479, 493, 494, Иванъ Ѳе-доровичъ, товарищъ Тобольскаго во-еводы—358, Ирина Ѳеодоровна, по мужу княгиня Хованская—293, Мат-вѣй Степановичъ, окольничій—321, 328, 343.
- Пфейфферъ**, издатель повѣстей нѣ-мецкихъ проповѣдниковъ—2, 3, 6, 10.
- Пчела**, флорилегій, сборникъ изре-ченій—108, 109, 110, 112, 113; въ притчѣ—54.
- Пшеница**—97.
- Пыпинъ** Александръ Николаевичъ—94, 95.

Пѣніе:—278, при жертвоприношеніи—33, стихотворныхъ псалмовъ—60, славянское и греческое въ Ростовскомъ храмѣ—193, церковное—209.

Пѣсни:—57, 64, 65, 169, 218, 277, объ Азовѣ—274, 277, 278, 281, о Василіи Буслаевѣ—121—123, о Казаряницѣ Михаилѣ—173, о Калинѣ царѣ—169, 172, П. Кирѣевскимъ изданныя—176, 177, князь Романъ жену терилъ—139, малороссійская—523, ой Дидь-Лудо—131, въ притчѣ—56, сорокъ каликъ—119—121, татарской эпохи—177, 182, 188, 223, объ участи молодца—138.

Пѣхота надворная—287, 288, 289.

Р.

Радонежь, городъ 233, 234.

Радша Бутурливъ—323.

Разбойникъ сострадательный, Кирьякъ—22.

Разбойный приказъ—301.

Разговоры т. е. Римскій Патерикъ—26.

Разговоръ Іоасафа царевича съ пустынею—58.

Раина Стевѣки бунтъ—300, 334.

Разрядный приказъ—329.

Разсужденіе о стихосложеніи, Востокова—512.

Разумовскій, графъ—488.

Раичъ, Семень Егоровичъ, ученый и переводчикъ—479, 509.

Рай:—51, 62, 76, 77, 79, 98, 105; Новый, см. Синайскій Патерикъ.

Раненбургъ 492.

Расколъ и раскольники—54, 71, 128.

Растегаевъ Иванъ—372.

Ратный городокъ—310.

Ратозенка, рѣчка—301.

Ратьковъ Дементій—434, 438.

Рафаэль—517, 532, 533.

Рахманскій, Великъ день—99.

Рахманы—97, 98, 99, 102, 107.

Редакціи: книгъ: Кормчей—113, Лѣтвицы—63, Пчелъ—110, 113; повѣстей: Азовскихъ—275, о Китоврачѣ—85,

86, 87, о Мамаевомъ побойщѣ—219, 241, о Тройскомъ взятіи—92, 93, о Южской парицѣ—83; Прологовъ—69; сказаній: о Меркуріи Смоленскомъ св.—202, 205, 208, о Михаилѣ Тверскомъ вн. св.—187.

Редедя, великанъ—176.

Редемитъ, епископъ—31, 32.

Резановъ Семень, полковникъ—358.

Рейнъ, рѣка—101, 483.

Ременные плетенья древолазныя закапываются съ покойниками—148, 152.

Ржевскіе: наѣстникъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово—297; Иванъ Ивановичъ, окольничій—339.

Рига, городъ—200, 201, 209, 520.

Ризположенскій Суздальскій монастырь—181.

Римляне:—88; основатели Москвы—137; Подонъ, въ хижинѣ котораго заложенъ первый храмъ въ Москвѣ—137.

Римскія: земля—206; классики—109; король Рюрикъ—137; папа Григорій Великій—26; патерикъ—28, 30, 31, 33, 35—38, 41, 65, 71; его изданіе—26; провинціи—33.

Римъ—12, 31, 35, 73, 90, 91, 100, 169, 505, 506, 518, 528, 529; третій—Москва—136.

Риччи, князья—526.

Ровинскій Д. А.—516.

Рога: Коневъ—84, на головахъ у дивовищъ Хронографа—89.

Родіонъ: Ждановъ, полковникъ—288, 341; Ивановъ, подъячій—445; Черневъ, человекъ кн. Голицына—289.

Родъ—божество судьбы—76.

Рожаницы:—божество—76; звѣзды 76.

Рождства Богородицы церковь во Владимірѣ—130, 131;—о Христово—60.

Розряды:—283, 293, 325, 404; Бѣлогородскій—343; дворцовые—321, 342; Новгородскій—343; Сѣвскій—325, 343; 374; Тамбовскій—354.

Роксана, дочь Дарія, паря Персидскаго—96.

Ролфъ, меченосецъ—201.

- Романецъ**, убійца князя Тверскаго Михаила—187.
- Романская** скульптура—89.
- Романсы** Н. Д. Иванчина-Шисарева: Могу ль перемѣниться—479; Сердце, сердце—478, 540; Ты грустишь—974.
- Романтическій** колоритъ повѣсти о взятіи Трои—94.
- Романъ**: Боборыкинъ—449, 450; князя: жену теряль, пѣсня—139, 140, 141, Мстиславичъ Изяславича—142, 145, 200, Ольговичъ Рязанскій—180.
- Романъ** въ повѣстяхъ: объ Александрѣ Македонскомъ—95; о Іосафѣ—50, 51; о Китоврасѣ—86; о Соломонѣ и Морольфѣ—87.
- Ромодановскіе** князья, Григорьевичи: Андрей—351, 352; Григорій—299, 320, 328, 337, 338, 340, 341, 367, 370, 371, 375, 386, 388, 409, 410; Михаилъ—338, 339, 340.
- Ромодановское**, село—338, 339.
- Россійская** Древняя Вивлюенка—278.
- Россия**, Русь—2, 10, 23, 30, 32, 34, 35, 46, 47, 53, 54, 61, 62, 64, 65—70, 74, 75, 81, 82, 90, 93—96, 99, 100, 107, 108, 110, 113—118, 122, 124—127, 129, 131, 137, 141, 143, 144, 147, 157, 163—170, 173—178, 181—186, 189, 192, 194, 197, 200—202, 205, 209—211, 217, 218, 220—222, 226—231, 233—241, 244—249, 251, 259, 275, 281, 286—289, 291, 317, 322, 336, 340, 344, 355, 357, 381, 426, 470, 471, 476, 482, 490, 501, 503, 520, 521.
- Ростиславъ** Мстиславичъ, князь Смоленскій—183, 199.
- Ростовскіе**: Дмитрій, митрополитъ св.—71, 150; Кирилль, епископъ—113; земля—129, 130; князь Буйносовъ Алексѣй Ивановичъ—432, 434; озеро—193, 195, 197, 198.
- Ростовъ**, городъ—126, 129, 130, 134, 179, 189, 192, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 209, 213, 218, 231, 234, 245, 251, 255, 256.
- Роца**—родина дѣвъ-цвѣтовъ и виль—104.
- Рублевъ** Андрей, иконописецъ—233.
- Ругодивъ**—461, 462.
- Рудины**, село—472, 473, 474, 477, 528, 530.
- Рузскій** уѣздъ—509.
- Рукописаніе** Адама—78.
- Рукописи**:—70, 78; библиотекъ: Буслева Ѳ. И.—10, 42, 44, 45, 61, 62, 78, 84, 92, 110; Григоровича—79; Забѣллина И. Е.—87, 89; Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея—92; Погодина М. П.—278; Синодальной Патріаршей—2, 13, 74, 107, 110, 161, 169, 202, 250, 213; Типографской—2; Уварова А. С. гр.—274, 276, 278; Царскаго—68; Азовскаго взятія—277; Александріи—99, 115; Библии: Геннадіевской—74; Лицевой—78, 79, 80, Толковой—74; Болгарская—79; Болгаро-сербскія—228; Евангелія: Остромирова—74, Синодальнаго—1043 г.,—74, житія св. Меркурія Смоленскаго—202; книга: владной Кирилло-бѣлозерскаго монастыря—253; Кормчей—113, 231, Лѣтвицы XII в.—61, о семи небесахъ XVIII в. 54; лѣтописи Ипатьевская—276; Миней Макарьевскихъ—78; Мѣриды Праведнаго—113; Палея—74, 82, 85; Патериковъ: Римскаго—26, Синайскаго XI—XII в.—2, 13, 15, 16, 17, 21—25; Скитскаго—10, 42, 61, 62; повѣстей: о Китоврасѣ—86, 87; о Мамаевомъ Побойщѣ—277; пословицъ XVIII в.—152, Петровской эпохи—44, 45; подлинника—68; Правды Русской—113, 231; проповѣдей западныхъ XV в.—2, 7; Прологовъ—2, 26, 46, 66, 67, 69, псалтири—54, 74; псалмь—60; Пчелы—109, 110; сборниковъ—44, 78, Синодиковъ—44; сказаній: о мученіи кн. Георгія—186, кн. Михаила Тверскаго—187; о началѣ Москвы—134; о Теодорѣ кн. Смоленскомъ—183; слова Данила Заточника—109; служебниковъ—231; Хронографовъ—84, 85, 92; Цвѣтника—107.
- Руммель**—285.
- Руничъ** Д. П.—474.
- Руса**, городъ—267.
- Русалки**—104.

Русиново, деревня или село—431.
Русиновъ Аванасій—459, 460, 462.
Русские: Архивъ, журналъ—492, 521, 522; Бесѣда, журналъ—115; Биографическій словарь А. А. Половцова—285, 286, 474, 518; историческій сборникъ—277; историческое общество—286; литература—110, 113, 114, 117, 126, 127, 128; народность—11; переводъ Римскаго Патерика—26; Правда, книга—81, 113, 193, 231; сказки—43.
Рушковскій И. А.—474.
Рыбы—77, 87, 96, 280.
Рыцари: Храма—200; ихъ служеніе дамамъ—102.
Рѣки: Вага—377, 378, 379, 354, 454; Великая—214; Волховъ—138; Вымъ—259; Гангисъ—98; Двина—253, 294, 327, 371; Десна—353; Дыбуръ—148, 169, 203, 237, 238, 240, 321, 336, 340—342, 344, 371, 375; Довъ—138, 236, 237, 239, 240, 303—306, 308—317; Дунай—138, 237, 370, 532; Евфратъ—105; Индосъ—97; Клязьма—129, 130, 133, 141; Коломокъ—335; Колочка—132; Майнъ—483; Москва см. **Москва**; Нева—186; Негляная—219, 227; Ока—134, 148, 155, 238, 244; Осколь—318; райскія—98, Ратозенка—317; Рейсъ—101, 483; Смядынка—199; Смородина—138—140, 218; сосенка—295, Сумка—336, Сухова—256, Товолжанецъ—318, Тисьмина—341; Унжа—150, 161; Шелона—267, Юза—137; Югъ—256.
Рѣнниязъ: князь—505; Иванъ Борисовичъ—301, 328, 343.
Рѣчь въ память Исторіографу Россійской Имперіи, Н. Д. Ивашина Писарева—502.
Рюккертъ, поэтъ—54, 71.
Рюриковичи—300, 324, 333.
Рюрияъ, римскій король—137, 229.
Рязенія облчненіе—114.
Рязанскіе: земля—151, 153, 158, 244, 247; князья—147, 180; и Муромскій архіепископъ Моисей—158.
Рязань, городъ—113, 126, 159, 179, 180, 188.

С.

Савва Лядня—459, 460, 462, человекъ кн. Хованскихъ—387.
Савваптовъ П. И.—475.
Савватій, ученикъ Иорданскаго отца Герасима—20, Соловецкій при—260, 261, 264.
Савинскіе: монастырь—293, подворье въ Москвѣ 269.
Савинъ, упоминается въ перенскѣ кн. Хованскихъ—390, 396.
Савская Лавра въ Палестинѣ—12, царца—83, 153,
Савтовъ В. И.—474,
Саксонское преданіе о дѣвахъ—растенияхъ—104.
Саламандры—черви 98.
Салтыковъ Петръ—301.
Самарины:—448, Ивавъ—451, Михайль—451.
Самойло: Вестовъ, полковникъ—341. Федоровичъ Николевъ—448, 451.
Самойловичъ Иванъ, гетманъ—292, 325, 341,
Самочерный Степанъ—372.
Сандукова, актриса—494.
Санчо Панса—87.
Сапфиръ, камень—97.
Сапѣга, воевода Полоцкій—370.
Сарацны—130.
Сарра, символъ въ словѣ Иларіона—117.
Сартакъ, зять Калина царя (былны)—172.
Сатана—4, 6, 25, 78, 80.
Сатиръ: у италіянскаго повеллиста Страпарола—87, въ хронографѣ—88, плясцы около Діонисія—114.
Сатурскія лица (маски)—114.
Сафоновы: Евфросинія—420, Федоръ Яковлевичъ, околовничій, зять Кривокова—347, 420, 421.
Сахновка, село—175.
Сборники: рукописные русскіе:—2, 44, 61, 69, 78, Ф. И. Буслаева—8, 44, 45, 78, М. П. Погодина—278, Синодальной бібліотеки—69, 89, 107, гр. А. С. Уварова—274, 276, 278; аксе-

- тичскіе — 23, 25; древне-христіанскіе — 25, житій святыхъ — 67, 68, 150, патерики см. **Патерики**, повѣствовательныя — 11, 30, 65, 66, 71, 73, по словицъ — 110, 152, пролога см. **Пролога**, псалмъ 60, Пчела см. **Пчела**, Старчество — 61, Торжественникъ — 78, Цвѣтникъ — 107; иностранцы: Гитопадена — 53, Новелль — 57, 58; печатныя: Московскій, изд. славянофилами — 176, Русскій Историческій — 277, Уткинскій — 484.
- Свадебныя** причитанія въ Вологдѣ — 475.
- Сведиго**, врачъ — 507.
- Свинья** (въ снѣ) — 416.
- Свирское** озеро — 251.
- Свѣнскій** рубежъ — 459.
- Свѣта** небесаго видѣніе: — 27, св. Кирилломъ Бѣлозерскимъ — 251, въ странѣ Сивиллѣ — 90.
- Свѣчина** княгиня, Адель — 126.
- Святая** земля — 118.
- Святополкъ** князь: Михаилъ — 118, Окалнвнй — 135, 142, 147.
- Святослава** Изборникъ 1073 г. — 48, Ольговичъ князь — 132, Ярославичъ Черниговскій князь — 147, 148.
- Святцы** — 189, 242.
- Святigny**: варяжскія — 129, русскыхъ происхождение — 163, Кіевопечерскія — 189, Московскія — 221, Псковскія — 218, Ростовскія — 189, Смоленскія — 199.
- Священное** Писаніе — 108.
- Севергннъ** Ивашъ, крестьянинъ — 387, 388, 396, 401, 406, 413.
- Севирова** ересь — 25.
- Села**: Боголюбово — 130, 131, Воздвиженское — 288, 292, Денисовка — 492, Горки — 502, Коломенское — 287, Кушулево — 385, 388, Люблино — 504, Михайловское — 469, Никольское — 295, Остафьево — 463, Отрада — 535, Павловское — 289, Петровское — 488, 489, Плечино, Плечиково см. Никольское, Покровское — 445, 509, Ромодановское — 338, 339, Рудины — 472 — 474, 476, 528, 530, Сахвовка — 175, Семеновское — 443, Троицкое (Исидѣльное) — 292, Урусово — 492, Филиппово — 385, 387 — 389, 391 — 393, 434, 442, 446.
- Selma Ferdinand**, художникъ — 531.
- Семейная Хроника**: Аксакова — 492, П. П. Гротъ — 471.
- Семеновское**, село — 443.
- Семеновы**: Василій Григорьевичъ, думный дьякъ — 325, Богданъ, посадскій — 363, Коновъ, крестьянинъ — 380, Наталья Петровна, по мужу Гротъ — 471, Семенова жена упом. въ перенкн. Хованскихъ — 403.
- Семень**: Брагннъ, въ перенкнѣ Поганкиныхъ — 461, Всячинновъ — 442, Грельцъ — 324, Ермолинъ — 391, Кальтытовскій (Колтовской) — 302, 316, 317, князь — 462, Кочневъ, человекъ кн. Хованскихъ — 389, Матвѣевичъ Кровковъ, полковникъ — 341, Нестеровъ — 321, Подлусковъ — 425, Рязановъ, полковникъ — 358, упом. въ перенкнѣ кн. Хованскихъ — 411, 430, 431, 437, 440, 445, Федоровичъ Толочановъ, стольникъ — 343, 361, 362, 363.
- Самброты** — 454.
- Сенковскій** — 529.
- Сеннаарская** пустыня — 48.
- Сен-При** — 505.
- Серапiонъ**: епископъ Владимірскій — 167, 168, отецъ, въ Патерикѣ Скитскомъ — 42, 43.
- Сербія** — 91.
- Сербскіе**: Троянъ — 104, сказка — 154.
- Сербы** — 91, 340.
- Сергій**: игумень Константинова монастыря — 17, при Радонежскій — 233, 234, 235, 250, 251, 254, 259, 341.
- Сергій**: Григорьевичъ Ушаковъ — 439. Ивановичъ Поганкинъ, Псковскій посадскій человекъ — 459, 460, 461, Николаевичъ Ивановъ — 295, Пошехововъ, стрѣлецъ — 366, упом. въ перенкнѣ кн. Хованскихъ — 430, 431.
- Серебро** — 159, 160.
- Серпуховской** уѣздъ Московск. губ. — 472, 473.
- Серпуховъ** — 528.
- Сибирскіе**: приказъ — 289, 456, и То-

- большій архієпископъ Корнилій—457, 458.
- Сибирь**—293, 367, 368, 438, 482.
- (о) **Сивилльскомъ** царствѣ повѣсть—89, 90.
- Сидоровъ** Аѳанасій, челоѣкъ Мещеринова—353.
- Сидоръ**, упоминается въ письмѣ кн. П. А. Хованской—302.
- Сидѣніе**: Азовское—274, 275, 276, 278, 279, Московское—473.
- Сила** Грудцынъ—430.
- Силннъ** Богданъ—438.
- Силлабическіе** вирши—48, 58, 60, 62, 63.
- Симбирскъ**, городъ—321, 503.
- Символика**: древне-христіанская—53, 58; въ искусствѣ—161; въ камняхъ—106; повѣстей—66; повѣсти объ ипорогѣ—54; природы—89; псалтири—54; пустыни—58; романскаго стиля—89; христіанская, въ словѣ Иларіона—117, въ словѣ Кирилла Тур.—118.
- Симеонъ**: Гордый, в. к. Московскій—223, 224; Метафрастъ—67; отецъ св. Стефана Пермскаго—257; царь Болгарскій—74, 92.
- Симмахъ**, патрицій—36.
- Симоновъ** монастырь—233, 236, 250, 251, 474, 477, 486, 487, 534.
- Симонъ** Ушаковъ, царскій живописецъ—47.
- Синаитъ** Іоаннъ (Лѣстничникъ)—62.
- Синай** гора—12, 62.
- Синайскій** Патерикъ—2, 12, 13, 14, 26, 27, 29, 36, 39, 41, 42.
- Синаксарь**, см. **Прологъ**.
- Синклятъ**—камень—96.
- Синодикъ** (помянникъ)—44.
- Синія Орда**—243.
- Сирія**—12.
- Систематическій перечень** воеводъ въ сибирскихъ городахъ и главнѣйшихъ острогахъ К. В. Газенвинкель—432, 458.
- Сито** пря входитъ въ церковь, по объѣту—41, 71.
- Сицилія**:—иносказаніе загробнаго міра—35, страна—35.
- Сноѣ**—79.
- Сійскіе**: князья—326, монастырь—380.
- Сіонъ** вѣчный—106.
- Сказанія**: объ Александрѣ Невскомъ—186; Владимірскія—149, о Знаменіи Б. М.—141, 143, 146; о Владимірской иконѣ Б. М.—242; о Всеволодѣ, кн. Псковскомъ—215, 216; о Дѣвичь-горѣ—175; объ епископахъ—107; о жизни и трудахъ св. Стефана, еп. Пермскаго—259; Иное, о Смутномъ времени—276; историческія—12, 141; о карликахъ—33; о Карлѣ Великомъ—211; Киевскія—149; о крестномъ древѣ—79; о Меркуріи Смоленскомъ—202, о Михаилѣ, Тверскомъ князѣ—187; Московскія—218, 227, 229; Муромскія—147—151, 157, 164—166, 174, 188, 193; мѣстныя русскія—147, 219, 227; о мученикахъ отъ татаръ—179; народныя русскія—126, 127, 218, 147—151, 157, 164—166; о началѣ Москвы—129—137; новгородскія—128, 149; о пастухѣ еврейнинѣ—10; о Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ—122; Псковскія—214; о разореніи Кіева—171; о ростовскихъ святихъ—190; средневѣковыя—161; о черниговскихъ княгиняхъ—181; о явленіи Креста въ Муромскихъ предѣлахъ—157, 193; см. **Повѣсти**.
- Сказки**—43, 64, 65, 85, 94, 107, 134, 136, 137, 154, 176.
- Сказочные** мотивы—43.
- Скала**, гора въ Палитарской землѣ—89, 90.
- Скитскій** Патерикъ—10, 12, 41, 42, 44, 45, 71.
- Скитъ** Перюпскій—128.
- Сквозскій** философъ, Анахарсисъ—109.
- Сколь** (Осколь) Новый, городъ—330, 339.
- Скородумовъ** Гавріилъ Ивановичъ, граверь—515, 516.
- Скрябинъ** Павелъ Михайловичъ, стольникъ—360.
- Скульптура**:—67, 475, добродѣтелей и пороковъ—64; древа жизни—54, церковей—41, чудовищъ—89.

- Скуратовы:** Александръ—351, Иванъ Петровичъ—361, Петръ Дмитриевичъ, товарищъ Курскаго воеводы—317, 322, 359, 361.
- Славяне**—91, Муромскіе—149.
- Славянофилы**—81, 115, 164, 176, 177, 232.
- Славянскія:** имена—93, Кирилль философъ—70, краснорѣчіе—117, мнѣны—93, переводы—11, 26, 46, племена—64, 91, плѣсменность—74, языкъ прологовъ—66.
- Слезы** отъ иконъ Богородицы—143, 145, 146.
- Слова:** Арсенія иже во св. о. п. о дѣлахъ чловѣческихъ (проложное)—3, Даніила Заточника—109—112, Иларіона, Митрополита Кіевскаго—117, Кирилла, епископа Туровскаго—72, отъ Патерика душеполезно—6, о Полку Игоревѣ—237, 240, 277, похвальное Н. М. Карамзину М. П. Погодина—503, см. **Похвала**; Проложныя—3, 67, 69, 70, 72, Серапіона еп. Владимірскаго—167, изъ Старчества—61, яко не достонть нти отъ церкви, егда поють—10.
- Словари:** Историческій о писателяхъ духовнаго чина—228, подробный русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго—516, русской біографической, А. А. Половцова—285, 286, 474, 518, энциклопедическій, Плюшара—492.
- Словесность** русская народная—108, 114. См. **пѣсни, сказки**.
- Слонъ:** въ Александрін—98, 102, въ притчѣ—54.
- Слуги Божіи, Меченосцевъ орденъ**—200.
- Служба** Довмонту, кн. Псковскому—216.
- Служebníки:** Автонія Римлянина—231, Варлаама Хутынскаго—231, Кипріана, митропол. Московскаго—231.
- о **Служителѣ** благочестивомъ повѣсть—10.
- Слѣпота,** наведенная гнѣвомъ Богородицы—145.
- Слѣпцы:** въ Александрін—21, калики—45.
- Смага, соколь**—426.
- Смярднѣ**—485.
- Смоленскіе:** св. Авраамій—124, ворота въ Москвѣ—385, князья—183, 199, 201, 202, 205, 208, рейтары—339, шляхта—339.
- Смоленскъ, городъ**—124, 126, 189, 199, 200—209, 218, 301.
- Смородина, рѣка**—138, 139, 140, 218.
- Смутное время**—276.
- Смѣшеніе языковъ**—88.
- Смядынка, рѣчка**—199, 210.
- Снегиревъ И. М.**—219, 227, 277, 473, 475, 477, 527, 528.
- Собака**—79.
- Собесѣдованія, см. Патерикъ Римскій.**
- Соболевскій**—505.
- Соболь Спиридонъ, ванапечатавшій въ Кіевѣ Лимонарь**—13.
- Соборное дѣяніе** объ уничтоженіи мѣстничества—366.
- Соборы** вселенскіе—91, 113.
- Собраніе** Государственныхъ грамотъ и договоровъ—201, русскихъ льготныхъ—146.
- Совы сердце, въ западномъ романѣ о Соломонѣ и Морольфѣ**—87.
- Содомъ, городъ**—213.
- Соколовъ: П. И.** непремѣнный секретарь Россійской Академіи—492, С. П.—284.
- Соколы**—112, 277, 426.
- Сокровища** подземныя—33.
- Солнечный городъ (Геліополь)**—96.
- Солнце:** въ Палестинѣ—75, поклоненіе ему—49, превращаетъ въ камень—104, расталиваетъ Трояна—104, въ суевѣріяхъ—76, убиваетъ—104.
- Соловецкій монастырь**—449.
- Соловки, островъ**—261.
- Соловцовъ Яковъ**—458.
- Соловьевъ Сергѣй Михайловичъ, историкъ**—285, 287, 319, 341.
- Сологубъ В. А., графъ**—494, 495, 513.
- Соломонъ**—79—87, 101.
- Солтыковы**—526, 527.

- Соль** Вычегодская, городъ—429, 431, 440.
- Сонъ:** А. Г. Кофтыревой—416, Темиръ-Аксака—246.
- Сороковой день** поминовения—44.
- Сорокъ каликъ** со каликою—119, 120, 128.
- Сорочинская гора**, въ шѣснѣ—123.
- Сосенка**, рѣка—295.
- Сосенскій станъ**—295.
- Составъ** человеческого тѣла—53.
- Софія св. церковь:** въ Новгородѣ—89, 113, 215, въ Полоцкѣ—123.
- Софійская бібліотека** въ Новгородѣ—502.
- Софья** Алексѣевна, царевна—290, 292.
- Софоній**, (Софроній) редакторъ повѣсти о Мамаевомъ побойцѣ—219, 241.
- Софроній** ученикъ Іоанна Мосха, патриархъ Іерусалимскій—13, 14, 21, 22, 29, см. **Софоній**.
- Союзъ** священный—520.
- Спаса:** Всемилостиваго, Полоцкій монастырь—123; церковь на Ильинѣ улицѣ въ Новгородѣ—144; на Бору, церковь въ Москвѣ—137, 259; Спасо-Андрониковъ монастырь, книга Н. Д. Иванчина-Шисарева—474, 477; Преображенскіе: Валаамовъ монастырь—261, ярославскій монастырь—185, церковь въ Москвѣ—222; Спасскій протопопъ, Иванъ Лазаревичъ—371.
- Спиридоновъ** Аванасій—446.
- Свиридонъ**, митрополитъ—260.
- Spirituale pratum** (Сивайскій Патерикъ)—12.
- Списки** іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви, П. М. Строева—453.
- Срезневскій** Вячеславъ Измаиловичъ—278.
- Срѣтенскій** монастырь въ Москвѣ—130, 248.
- Стадо** галичье (поэтич. выраженіе)—277, 281.
- Сталь** М-me de—506.
- Старая Сятня**, село—528.
- Старецъ**, книга—61.
- Стариковъ**, землемѣръ—517.
- Старина и Новизна**, журналъ—468, 470, 490, 534.
- Старопечатныя:** изданія: Прологовъ—69, 70; Лѣствицы—61, 62; Патерика Сивайскаго—13; синодиковъ—44; книги Западной Европы—88.
- Старчество**, сборникъ—61.
- Стенька** Разинъ—334.
- Стенановы:** В.—514; Дмитрій, дьякъ—378; Перша—462.
- Степанъ:** Агаѳоновъ, сотникъ Пермской волости—381; Васаргинъ—397; Богдановичъ, Ловчиковъ—348; Борисовъ, въ перепискѣ кн. Хованскихъ—323; Гавриловъ—389; Горбовъ—328, 329, 372; Дмитріевичъ—452; Ивановичъ, Кучка, бояринъ, въ сказаніи о началѣ Москвы—132—135, 277; Исаковъ, Куріановъ, посадскій—355; Меркурьевичъ, Ловчиковъ—348; Москвевичъ, въ перепискѣ кн. Хованскихъ—307, 389, 390, 391, 393; Разиль—384; Самочерный—372; Федоровичъ Львовъ, князь—339; Федоровъ Кувшиновъ, посадскій—355; человекъ кн. Хованскихъ—357. См. **Стефанъ**.
- Стенная книга**—229, 230, 231, 275.
- Стефанъ:** епископъ Пермскій—250, 254—259; помощникъ сотника (Рям. Патерикъ)—35; пресвитеръ (ib.)—39; царь, убійца Ватыл—204.
- Стиль** Возрожденія и Готической—165.
- Стихотворенія:** Баратынскаго Е. А., Эда—510, 511; Буниной А. П., Ведомый гелиемъ къ потоку Инокрены—493; Волконской З. А., княгиня—506, 508; Вяземскаго П. А., кн.: Къ воспоминанію—494, Марья Федоровнѣ Бирилевой—467, о реформаторахъ Россіи—470; Гнѣдича Н. И.: Посланіе гр. Хвостову—513, Посланіе И. А. Крылову—513; Голицына Ѳ. Н., кн. Петровское село—488, 489; Давыдова Дениса о Жювни—539; Дмитриева: П. И. Кто болѣе другихъ—479, М. А. Миръ фантазій—497; Державина Г. Р. Карамзину—503; Долгорукова И. М. кн., Въ Альбомѣ писать стихи—481; Жуковскаго В. А., Блаженъ, о Фи-

лоиъ, кто Харитамъ—483, къ А. П. Буниной—492, Жизнь и ея Ангель—464, Засѣлкой А. А.—510; Иванчина-Писарева Н. Д., Мои пенаты—478, Могу-ль перемѣниться—479, Сердце, сердце—478, 540, Ты грустишь—479; Измайлова В. В., Печать таланта—490; Козлова—508; Кокошкина О. О., Старость—496, Человѣкъ—496; Мерзлякова А. О., Дуэтъ—523; Новикова Н. А., Воспоминаніе—499; Одоевскаго А.—493; Писарева А. А., Эпиграфъ—501, Барабанъ моя все лира—502; Пушкина А. С., Муза—482, Цыганы—505; Пушкина В. Л., Какого счастья желаетъ—493; Ралча С. Е., На той скрижали—509; Степанова В., Бабочка—514; Шелехова Д. П.—496; Шникова, къ А. П. Буниной—492; старые книжные и народныя:—90, 134; объ Азовѣ—278; объ Александрѣ Македонскомъ—99; вирши—48; древне-нѣмецкіе—58, 66; духовныя—10, 45, 58—61, 66; о Васильѣ Буслаевѣ—121; въ Задонциѣ—239; князь Романъ жснѣ терялъ—139; о Калинѣ царѣ—172; о Михаилѣ Казарянцѣ—173; псалмы—60; повѣсти—65; Похвала Творцу—89; о сорокѣ калякъ—119; о татарцинѣ—169; объ участи молодца—138.

Стоглавъ—81.

Стокгольмъ—448.

Столпникъ Юліанъ—18.

(о) **Столпостроеніи** повѣствованіе—88.

Страпарола, итальянскій новеллистъ—87.

Страстная недѣля—22.

Страшная Богородица—402.

Стремоуховъ Федоръ—348.

Строгоновы—488.

Строевъ П. М.—453, 476, 502.

Стрѣлецкіе: мятежъ—294; приказъ—300, 301, 313.

Субота Семеновичъ—450, 451.

Сувениръ—442.

Судиславская деревня Кафтыревыхъ—443.

Судный Приказъ—300.

Судъ: Страшный—5, 32, 48, 62, 125; Соломона—82; церковнаго Устава св. Владиміра—119; Шемакинъ—275.

Сувѣрїя—128.

Суздаль, городъ—129, 130, 135, 137, 181, 213.

Суздальскіе: архіепископъ—445; деревня кн. Хованскаго—293; земли—128, 129, 132, 143, 227; князь Даниль Ивановичъ или Александровичъ—133, 134, 135; лѣтопись—145, 146.

Султанъ турецкій—275—280, 282, 370.

Суминъ, городъ—359.

Сумка, рѣка—336.

Сумы, городъ—336.

Супоневъ, Григорій Семеновичъ—393, 394.

(о) **Супругахъ** вѣжныхъ повѣсть 3.

Сухановъ Яковъ—326.

Сухаревъ Лаврентій, стрѣлецкій голова—339.

Сухона, рѣка—256.

Сухопутный Кадетскій Корпусъ—501.

Схоластика, сестра св. Венедикта—37, 38; —къ Іоаннѣ (Лѣтвничникъ)—62.

Сѣверныя горы (Александрин)—96.

Сѣвскій: полкъ—294, 321, 339; разрядъ—325, 343, 374.

Сѣвскъ, городъ—293, 322, 325, 361, 374, 407, 449.

Сѣменниковъ Перфилій, дьякъ—295.

Сыриниковъ Яковъ—460, 462.

Сыскныхъ дѣлъ Приказъ—346.

Т.

Табіасъ Кальбрехтъ, полковникъ—354.

Тайдула, татарская царица—225.

Тайная Тайныхъ, Аристотели—101.

Талмудъ—54.

Тамбовскій разрядъ—354.

Тамерланъ, ханъ татарскій—130, 242—248.

Тара, городъ—458.

Тараруй, князь Хованскій, Иванъ Андреевичъ—293, см. **Хованскіе**.

Тассо Торквато, поэтъ—509.

Татары и татарщина на Русѣ—88, 96, 116, 124, 128, 135, 141, 157, 166, 168—

- 185, 187, 188, 192, 193, 194, 198, 202, 205, 209, 217, 218, 219, 223—228, 234, 236, 238, 240, 242, 243, 244, 248, 252, 267, 304, 309, 334, 341.
- Татищева** Варвара Яковлевна—505.
- Татионовская церковь** Московскаго Университета—268.
- Тать** гробный—21.
- Татьяна** Ивановна Матюшкина—418, 441.
- Тацитъ**, историкъ—503.
- Тверскіе**: епископъ Теодоръ — 275; князья—187, 188, 223, 224, 225, 277; лѣтопись—476; улица въ Москвѣ—268, 272.
- Тверь**—187, 188.
- Театръ** Московскій—494.
- Тебушь**—93.
- Темръ**: Аксакъ, см. **Тамерланъ**. Менгу, ордынскій царь—180, 182, 183.
- Теодорихъ** готскіихъ преданій—35, 36.
- Теплицъ**, городъ—505.
- Тепловы**—488.
- Терентій** Пименовъ, челоѣкъ Кафтырева—433.
- Терентьевъ** Ома—459, 460, 461.
- Тернъ**—15, 19.
- Терскіе** казаки—276.
- Тигръ**, рѣка—98.
- Тимковскій**—277.
- Тимоѣвъ** Теодоръ—446.
- Тимоѣй**: Аѳанасевичъ, князь Козловскій—343, Басарга, сотникъ—387. Карауловъ—410; Довмонтъ, князь Псковскій—210, 217; окольничій Дмитрія Донскаго—250, 251.
- Тинторетто**—507.
- Титулъ** турецкаго султана—275.
- Титулярникъ**, книга—278.
- Тихонравовъ**: — 132, Николай Саввичъ—277.
- Тихонъ**: Косовъ, челоѣкъ кн. Хованскихъ—389, 402, 403; Павловичъ, уном. въ перепискѣ кн. Хованскихъ—390; Семеновъ иб.—445.
- Tiergabel**—эпосъ о животныхъ—18.
- Тіунъ**—110.
- Тобольскіе** и Сибирскіе: архіепископія, митрополія—457; архіепископъ Корнилій—457, 458.
- Тобольскъ**—358, 432, 433, 440, 457, 458.
- Товолжанецъ**, рѣка—318.
- Толкачевъ**—362.
- Толкованія**: Библейскихъ книгъ—53, 74; Псалтири—54; Палей—74, 75; церковныхъ правилъ—113.
- Толковая** Библия—74.
- Толмачевъ** Грязной—384.
- Толочановы**: Василій Семеновичъ, стольникъ—331; Семенъ Оедоровичъ, стольникъ—343, 361, 362, 363.
- Толстая**, графиня—469.
- Толстова** графа: рукописное собраніе—54, сочиненіе о Ростовѣ—189.
- Топазь**, камень—97.
- Торжественникъ**, сборникъ—63.
- Торойма**, мѣстность—381.
- Торховъ** Андрей, дѣловой челоѣкъ изъ Костромской вотчины кн. Хованскихъ—377, 402.
- Торъ** (богъ молніи)—33, 151.
- Тохтамышъ**, татарскій ханъ—244.
- Травинъ** Ивапъ, челоѣкъ кн. Хованскихъ—348, 349.
- Травна**, Травемюнде, городъ—201.
- Травы**: эльфы ихъ растительная сила—33.
- Травяные** волосы у русалокъ—104.
- Трагедія**—114.
- Требы** языческія—148.
- Le tredici piacevolissime notti*—87.
- Трезубцемъ** ангель вышибаегъ душу у грѣшника—45.
- Третинны** (день поминовенія)—44.
- Треугольное**, Московское царство—137.
- Трефологіонъ** (Патерикъ) Новгородскій—142.
- Трехголовый** звѣрь въ сказаніи объ основаніи Москвы—137.
- Тридцать лѣтъ** или жизнь игрока, драма В. Дюкавжа—495.
- Трифонъ**, архіепископъ Ростовскій—191.
- Троекуровъ** князь, Иванъ Борисовичъ—300.
- Троп** взятіе (повѣсть, Троянская исторія Гвидо де Коломны)—74, 92, 93, 94, 95, 211.

Троице-Сергіевъ монастырь—233, 248, 259, 290, 293, 474, 477.
Троицкіе: походъ царей Іоанна и Петра—288, село—292, храмъ во Псковѣ—214, 216, 217, 218.
Троурнихтъ Аванасій—339.
Троянъ Сербскій—104.
Трубецкіе князья: Аграфена Иванова—478, 479, 540, Алексѣй Никитичъ—444, 445, Екатерина Александровна—540, Иванъ Дмитріевичъ—540.
Трухменскій Аванасій, граверъ—47.
Тугаринъ Зміевичъ—176.
Тула, городъ—343, 530.
Тульская губернія—473.
Тумашъ, смольнянинъ—201.
Тургеневъ Александръ Ивановичъ—487, 504.
Турецкій султанъ—275, 276, 277, 279, 280, 282, 370.
Турки—294, 320, 334, 370, 375.
Туровскій епископъ Кирилъ—55, 56, 72, 118.
Туровъ, городъ—55.
Тучковъ Михаилъ, бояринъ—211.
Тушинъ, Андрей Богдановичъ, думный дворянинъ—363.
Въ тыквахъ заключенный бѣсъ—44.
Тюмень, городъ—430, 433, 434, 435, 440, 456, 457, 458.
Тютчевы: Иванъ Федоровичъ—468, Марія Федоровна—467, 468, О. И.—509.
Тюхменевъ, Ларіонъ Григорьевичъ—428, 446.
Тякинъ Василій, крымскій посоль—367.
Тясьмна, рѣка—341.

У.

Убіеніе кн. Глѣба—69.
Уваровы графы: Алексѣй Сергѣевичъ—78, 173, 186, 187, 274, 276, Прасковья Сергѣевна—278.
Угличъ, городъ—54, 377.
Угры, Венгры—204, 277.
Удѣльныя сказанія Руси—126.

Удѣлы Руси—127, 128, 223.
Уза, дочь Мосоха, перваго русскаго князя—137.
Узбекъ, татарскій ханъ—187, 188, 223, 224, 225.
Указатели: достопамятностей города Пскова—216, фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, изд. Моск. Арх. Министерства Юстиціи—285.
Указы:—319, 336, 407, Петра Великаго о бѣглыхъ крестьянахъ—275, царя Феодора Алексѣевича вѣловому дѣлу—307, 308, его же о роспускѣ ратныхъ людей—308, 315.
Украина—292, 293, 370.
Улита Юрьевна, дочь Кучки, жена Андрея Боголюбскаго—132, 133, 134.
Ульянкина жена, упом. въ черепнскѣ кн. Хованскихъ—402.
Ундольскій Вуколъ Михайловичъ—277.
Унжа, рѣка—150, 157, 161.
Унженскіе: крестъ—150, 157, 164, 193, 197, стая—161, 164.
Университетъ Московскій—268, 269, 480, 488, 494, 500, 501.
Уничтоженіе мѣстничества—366.
Урусово, село—492.
Урусовъ князь, Никита Семеновичъ—321, 328, 343.
Усердъ, городъ—318.
Усолье Моржегорское—380.
Успенія Богоматери церкви: Бѣлозерская—251, Владимірская—129, 222, 245, Киевопечерская—129, 163, 189, 199, 222, 245, Московская—130, 199, 219, 221, 222, 245, Ростовская—189, 245, Смоленская—199, 203, 207, 208, Соловецкая—264, Устюжская—257.
Уставъ о Церковномъ судѣ св. Владимира—119.
Устемиръ Мурза, крымскій посоль—317.
Устная поэзія—46, 64, 80, 81, 128, см. пѣсни.
Устюгъ, городъ—212, 252, 254, 255, 256, 257, 429, 434, 435, 436, 438, 439, 440.

Уткинскій сборникъ—484.
Утро въ Новоспаскомъ, П. Д. Иванчина-Писарева—474.
Училища—43, 81, 82, 200.
Ушаковы: Сергій Григорьевичъ—439, Сямонъ, царскій живописецъ—47.
Уши: покрывающія тѣло у полунощныхъ народовъ—88, —ей отсутствіе у Щиритовъ—88.

Ф.

Фараонъ лютый—в. кн. Андрей Боголюбскій—143.
Фарижъ (Парисъ)—92, 93.
Фебъ (Phoebus)—93.
Февронія: Ивановна Поганкина—459, 461, княгиня Муромская—149—157.
Физиологъ, книга—87.
Филаретъ: епископъ Черниговскій—117, 164, 166, 228, 231, митрополитъ Кіевскій—509.
Филатовъ Осипъ—364.
Филигрань на бумагѣ—274.
Филипово, село—385, 387, 388, 389, 391—395, 434, 442, 446.
Филиппъ: митрополитъ св.—332, 402, царь Македонскій—95.
Философы: греческіе: 87, поучавшій св. Владиміра—48, 79, Кирилль славянскій—70, Соломона и Южской царицы—83, 84, скносскій Анахарсисъ—109; —овское училище—43.
Финиксъ, птица—77.
Финское происхождение имени Москва—138, племена—147, 258, эпосъ 258.
Фисонъ, рѣка—98.
Фитингофъ Юлія, по мужу баронесса Крюднеръ—520.
Флавій Юсифъ—276.
Флери, кардиналъ—519.
Флоренція—532.
Фонвизины: Аванасій Денисовичъ, стольникъ—364, 365, Денисъ Ивановичъ—364, Иванъ Андреевичъ—364.
Формъ русскихъ воинскихъ повѣстей статья А. С. Орлова—277.

Фотій, митрополитъ Московскій—223, 228, 260.
Франкъ—94; —я—239.
Франція—65, 94, 106, 488, 519, 531.
Французская обработка Александринъ—99, 100, 101, 107; на фр. переводы—46, 94.
Французы—268, 270.
Францъ Вульфъ—324.
Фрацескія: гора—42, Маркъ отшельникъ—42, 43, 44, 71.
Фригійское царство—95.
Фридрихъ Великій, императоръ—516, 517.
Фроловы: Андрей—451, Иванъ Безсасновъ—312.
Фряги-франки—239.
Фуркаты—фрегаты—281, 282.
Фустовъ Никифоръ—303.

Х.

Хавронья см. **Февронія**.
Ханъ крымскій—320, 340, 367.
Харитоновъ Якумба, дьячекъ—384.
Харлампѣйка Лысовскихъ, крестьянинъ—380, 381.
Хвостовъ, графъ—513.
Херасковъ М. М.—480, 481.
Херубини—526.
Хитрой, Хитрово: Александръ Севастьяновичъ, окольничій—300, 321, 328, 343, 451, 452; Богданъ Матвѣевичъ, ближній бояринъ—297, 366, 451; Венедиктъ Яковлевичъ—321, 343; Иванъ Севастьяновичъ—321, 328, 343; коллекціонеръ—528; Михаилъ Григорьевичъ, стольникъ—365.
Хлоповъ Кирилль Осиповичъ, окольничій—283, 301, 366, 367, 369, 425, 426.
Хлѣбъ даетъ Иисусу Христу мальчикъ—7, св. Онуфрій—8, 9; св. Онуфрій—Иисусъ Христосъ—9.
Хмѣлевая вѣтвь—80.
Хмѣльницкій Богданъ, гетманъ—341.
Хмѣль повѣсть—80, 81.
Хованскіе князья, княгини и княжны: Аксинья: Иванаовна—293, 386, 398, 399, 400, 417, Семеновна—388; Ан-

дрия: Андреевичъ—293, 295, Ивановичъ—283, 285—290, 293, 298, 299, 301, 304, 305, 308, 310, 311, 313, 114, 320, 321, 338, 346, 347, 368—371, 386, 395, 400, 401, 415, 417, 424, Петровичъ—283, 285, 293, 302—305, 309—313, 315, 316, 321, 323, 342, 346, 348, 350, 351, 358, 394, 398—401, 406—412, 416—418, 420, 422—425; Анна Семеновна—293, 386, 400, 401, Василий Ивановичъ—193, Федоровичъ—286; Иванъ: Андреевичъ—283, 285—296, 301, 320, 321, 327, 333, 343, 346, 347, 368, 370, 374, 378, 386—388, 398, 399, 415, 420, 456, Ивановичъ—293, 296, 333, 369, 386, 388; Ирина: Ивановна—293, 386, Федоровна—293, 296, 297, 298, 286, 399; Михаилъ: Ивановичъ—293, Петровичъ—293, 302, 303, Наталья Петровна—293, 303, 304, 305, 306, 350, 351, 398—401, 404, 406—412, 416, 418, 420, 422, 423, Петръ Ивановичъ—283—285, 289, 293—297; Прасковья: Андреевна—283, 289, 293, 297, 298, 301—307, 310, 311, 314, 323, 326, 312, 345, 346, 349, 350, 251, 359, 372—376, 382, 398—409, 411—423, 425, 428, 433, 435, Федоровна—293, 386; Семень Андреевичъ—293, 339, 386, 427, 432, 459; Юрій Андреевичъ—293, 299.

Ходовицкій, Даниль Николай, художникъ—516, 517.

Ходыревъ Иванъ, подполковникъ—341.

Хождения по св. мѣстамъ:—14; игумена Данила—118.

Холмогоровы В. и Г.—295.

Холмогоры, городъ—326, 365, 381, 422, 429, 447, 449.

Хомяковъ—505, 510.

Хоривъ, въ сказаніи объ основаніи Кіева—136.

Храмъ Соломоновъ—79.

Христина княгиня, сноха Агаѳѣи Чернаго—180.

Христианства роль на Руси, по мнѣнію славянофиловъ—115.

Христолюбца Слово—115.

Христоматія по русск. литературѣ, О. Н. Буслаяна—87.

Хронографы—2, 11, 12, 73, 74, 76, 82, 83, 85, 87, 88, 90—94, 97, 211.

Хутынскаго Варлаама св. житіе—69, -ій монастырь—70, 257, 457.

Ц.

Царевъ-Борисовъ, городъ—318.

Царица—310.

Царскіе: дворъ въ Москвѣ—137; село—522; собиратель рукописей—69; о царскомъ сынѣ притча—57.

Царство: Московское—280, 287; подземное эльфовъ—33.

Царьградъ—23, 46, 124, 129, 157, 161, 163, 170, 171, 172, 222, 228, 245, 276, 368.

(о) **Царѣ**: гордомъ повѣсть—274; притча Варлаама—55.

Цвѣтана (Ифигинія)—93.

Цвѣтникъ (Синайскій Патерникъ)—13, 20; сборникъ Патріаршей Библиотеки—109.

Цвѣтуцій Лугъ (Синайскій Патерникъ)—12; печатныя изданія его—13.

Цвѣты—дѣвы, въ письмахъ Александра Македонскаго—104.

Центавръ (Китоврасъ)—85, 87.

Церкви—10, 31, 41, 89, 113, 123, 129—131, 137, 144, 155, 161, 163, 186, 189, 193, 199, 200, 203, 207, 208, 214—222, 245, 251, 257, 258, 259, 264, 268, 295, 520, 521.

Церковно-славянскій языкъ: Московскаго изданія Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ—47; переработки сказанія объ Увженскомъ Крестѣ—158; псалмъ—60.

Цивна, драма Корнеля—495.

Цицеронъ—503.

Цыганы, поэма А. С. Пушкина—505.

Ч.

Чаадаевы: Аксиныя Семеновна—422, 423, 448, 452, 459, Василий Ивановичъ—374, 375, 423, Иванъ Артемь-

- евичъ, тарскій воевода—458, Иванъ Ивановичъ, окольникій—289, 299, 368, 370, 373, 374, 375, 386, 415, 416, 421, 422, 423, 446, 447, 448, 451, 452, 454, 458, 459.
- Чагатайскіе монголы**—243.
- Чаплинъ** Ѳеодоръ Еремѣевъ—330.
- Чародѣи**—49, см. **Волхвы**.
- Чарторыйскій князь** Мпхамль, волынскій воевода—370.
- Часовня** азовская, во имя Іоанна Предтечи—280.
- Чебоксары**, городъ—445.
- Челобитная** кн. Василія Васильевича Голицына—288.
- Сento novelle**, сборникъ новеллъ—57, 58.
- Черви-саламандры**—98.
- Черемиса**—445.
- Черепановъ** Ѳеодоръ, колмогорець—357, 373.
- Черкасовъ**, баровъ—487.
- Черкасскіе князья**: Каспулатъ Муцаловичъ—340, 341, Михаилъ Алегуковичъ, бояринъ—321, 328, 343, 344, 376, Михаилъ Ивановичъ—376, Михаилъ Яковлевичъ—376.
- Черкасскій городокъ**—303, 304, 305, 311, 312, 313, 315.
- Черкасскъ**, городъ—507.
- Черкасы**—294, 334.
- Чернаго**: Агаѳія Всеволодовна, княгиня—180, Ѳеодора княжна—180.
- Черный** Михаилъ—430—434, 436, 440, 455.
- Черневъ** Родіонъ, человекъ кн. Голицына—289.
- Черниговскіе князья**—147, 180, 181, 192, 300, 324, 364, 437, 504.
- Черниговъ**—188, 221.
- Черные**: вороны—280, 281, гризь (поэтическое выраженіе)—276, 279, мышь въ вригчѣ—53, 54, человекъ—76.
- Чернышвы**, графы—505.
- Четверть** Верховаяская—378.
- Четьи** Мпвен—71, 78, 150, 202.
- Чечулинъ** Н. Д.—516, 520.
- Чжанпбекъ**, татарскій ханъ—225, 226, 227.
- Чигаринъ**, городъ—320, 336, 337, 339, 340, 341, 370, 371, 373, 375, 408, 409, 410, 412.
- Чимабуэ**, живописецъ—67.
- Чириковы**: Андрей Ивановичъ, стольникъ—296, 328, Ілья Ивановичъ—296.
- Чтенія** въ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ—171, 199, 254, 277, 473.
- Чудеса**:—12, 27, 28, 29, 41, 51, 91, 190, въ Александріи (повѣсть, письмо)—101, 103, 107, 115, о березѣ Стефана св. Пермскаго—258, Богоматери иконы, пис. св. Лукою—129, 130, Бонифація св. съ лисицею—40, Венедякта св., съ ситомъ—40, отъ Живоноснаго источника—191, съ Захаріею въ житіи св. Леовтія Ростовскаго—191, Марка Фраческаго съ горою и трапезою—43, Мартина отшельника надъ упавшимъ мальчикомъ и со скалою—36, 37, отцовъ Италійскихъ—26, о пастухѣ еврейнигъ—10, съ сокровищемъ Петра, царевича Ордынскаго—195, Соловецкихъ угодниковъ—265, Схоластика съ грозною—38, см. **Видѣнія**, **Явленія**.
- Чудовища**: днѣпровское въ борьбѣ съ Кожемякою—102, народы—88, 89, татары—176.
- Чудовъ монастырь** въ Москвѣ—227, 276, 277.
- Чудь**, народъ—217.
- Чулковъ** Н. П.—284.
- Чухлома**, городъ—190.
- Чучела** воиновъ мѣдныхъ, въ Александріи—102.

Ш.

- Шамаханская земля**—243.
- Шведы**—293.
- Швейцарія**—488.
- Шевкалъ**, сынъ Дюденева, ханскій посолъ—188.
- Шевыревъ** С. П.—125, 157, 185, 254, 476, 505, 510.
- Шениъ** Алексѣй, воевода подъ Азовомъ—278, 281.

Шекспирь—34, 266, 495.
Шелеховъ Дмитрій Потановичъ—479, 496.
Шелона, рѣка—267.
Шемякинъ судья—275.
Шенкурскъ, городъ—377, 378, 379.
Шепелевъ, Агѣй Алексѣевичъ, генералъ думный—287, 339, 341.
Шереметевы: Алексѣй Васильевичъ—509, Петръ Васильевичъ, бояринъ—321, 328, 343, 366, Ѳедоръ Васильевичъ—472, графъ Сергій Дмитриевичъ—468, 470.
Шестаковъ Иванъ—452.
Шешковскіе: Антронка—391, Михаилъ—391; лепъ—403.
Шешковъ Семеновыхъ—443.
Шешурино, деревня—384, 385.
Шиллеръ—495.
Шимонъ Варягъ—129.
Шишковъ А. С.—492, 501, 502, 521, 539.
Школы древней Руси—81, 82.
Schon Martin—531.
Шуваловъ И. И.—480, 488, 503.
Шумахеръ, Петръ Васильевичъ—469.

Щ.

Щекъ, въ сказаніи объ основаніи Кіева—136.
Щелканъ Дудентьевичъ, въ пѣснѣ—188.
Щепкинъ, актеръ—494.
Щербаты (—овы), князья: Константинъ Осиповичъ—328, 343, Н. Г.—487, Ѳедоръ—448.
Щербецъ—мечъ короля Болеслава—171.
Щирпы (въ хронографѣ)—88.

Э.

Эберта, журналъ—80.
Эгильсонъ, герцогъ—518.
Эда, поэма Е. А. Баратынскаго—510, 511.
Эдинбургъ, городъ—536.

Эйзенменгера Entdecktes Iudenthum—87.
Эльфы:—104, 243; черные—33.
Энгельгардтъ Левъ Николаевичъ—511.
Эней—94.
Эпосъ:—64, 141; Гвидона Мессинскаго—94; о Дитрихѣ—35; о животныхъ—18; мифологическій—34, 35; народный въ Муромскихъ сказаніяхъ—149; нѣмецкій—65, 100; русскій—126; финскій—258.
Эрмитажъ Императорскій въ Петербургѣ—518.
Эстампы—475, 476, 508, 531, 532, 534.
Этимологія именъ—основа сказаній объ урочищахъ—137, 148.
Этнографія славянскихъ племенъ—91.
Эѳіопская царица Олимпиада—95.
Эѳіонъ—демонъ—34, 35.

Ю.

Югъ, рѣка—256.
Южская царица—83, 153.
Юліанія Лазаревская святая, боярыня—151.
Юліанъ Столпникъ—18.
Юнона—92.
Юрій: Алексѣевичъ, Долгорукій кн.—301, 304, 305, 308, 314, 317, 448, Владиміровичъ Долгорукій—129, 132, Ивановичъ кн.—305, 441, Михайловичъ, Одоевскій кн.—355, Никитичъ, Барятинскій кн.—320, Петра, царица Ордынскаго внукъ—196, 197, Рязанскій кн.—180, Юрьевичъ Одоевскій кн.—355.
Юрьевъ Польскій, городъ—137.
Юсуповъ, князь—528.

Я.

Я, сынъ Мосоха, перваго русскаго князя—137.
Яблоко Париса—92, 93.
Явленія: Апостоловъ: Игнатію, еписк. Ростовскому—194, Петру, царевичу Ордынскому—193; Богородицы: Анд-

- рсю Боголюбскому—130, 131, Меркурию Смоленскому—203, 206, Смоленскому епископу—204, Темиръ Аксаку—246, съ Христомъ Младенцемъ на рукахъ—9; св. Бориса и Глѣба Пелгую—186, Давида Александровича, Московскаго князя—186, Иоанна Предтечи и Михаила Архангела—280, 281, креста на Унжѣ—150, 157. См. Видѣнія.
- Яворовъ** Иванъ—376.
- Яганъ:** Баровъ, полковникъ—404. Варенгдоръпръ (прав. грамота кн. Ѳедора Смол.)—202.
- Ягодини,** упом. въ перепискѣ кн. Хованскихъ—380.
- Языковъ:** Иванъ—351, 368, 451, поэтъ—497, 510.
- Языкъ слононь** ядовитый (въ Александрин)—102.
- Язычники** и язычество:—13, 31, 47, 49, 50, 52, 57, 100, 101, 107, 109, 116, 131, 132, 147, 148, 165, 167, 183, 189, 190, 258.
- Яма** (Гекуба)—92.
- Якимъ:** Сергѣевичъ Поганкинъ—459, Струнниковъ—461.
- Яковлевы:** Богданъ Васильевичъ, думный дворянинъ—377, 378, 379, Власть, человекъ кн. Хованскихъ—387, Григорій, посадскій человекъ—357, Иванъ подъячій—385, 386, 393, Кузма крестьянинъ Кафтырева—437, Ѳедоръ староста—391, 393, Ѳома, дѣловой человекъ изъ Костромской вотчины кн. Хованскихъ—377.
- Яковъ:** Безобразовъ, слщикъ—445, Бильсъ, генераль—322, 325, 339, Васильевичъ Кафтыревъ—442, 446, 447, Григорьевичъ Кафтыревъ—392, 393, 407, 411, 414, 422, 427, 428, 429, 434, 450, Даниловъ, подъячій—327, 381, 382, 387, 388, Кярилловъ—462, Кузнецовичъ, князь—444, Никитичъ, Одоевскій князь—300, Павловичъ, въ перепискѣ Хованскихъ—422, 448—452, Силпнъ Григоровъ, сотникъ—298, 305, 309, 311, 315, 327, 357, 379, 384, 411, 413, Соловцовъ—458, Сухановъ—326, Сырниковъ—460, 462.
- Якушка:** Харитоновъ, дьячекъ—384, человекъ кн. Хованскихъ—393, 402.
- Якушкинъ** Григорій—428.
- Янь** (прав. грамота кн. Ѳедора Смол.)—202.
- Янычары**—279.
- Янька,** дѣкаръ—305.
- Янюшка** Никитична Кафтырева—429, 430, 433, 439, 440.
- Ярило**—Божество славянское—131.
- Ярилова долина** между Владиміромъ и Боголюбовымъ—131.
- Ярлыки** хановъ: Бердебека—226, Берки—193, Менгу-Темира—182.
- Ярмака:** Благовѣщенская—379, Макарьевская—462.
- Ярополкъ** Владиміровичъ, Киевскій князь—214.
- Ярославскіе** князья—183, 184, 185, 202, 300.
- Ярославль,** городъ—183, 184, 185, 188, 197, 198.
- Ярославъ** князь:—135; Владиміровичъ, великій—69, 142, 147; Всеволодовичъ—186, 187.
- Ясаки** московскихъ войскъ—341.
- Яска,** человекъ кн. П. И. Хованскаго—309.
- Ястребъ**—79.
- Яуза,** рѣка—137.
- Яхонтовъ** Ал. Дм.—518.

Ѳ.

- Ѳевда,** волхвъ—49, 51, 52, 56, 57.
- Ѳекла,** упом. у кн. Хованскихъ—392.
- Ѳеогность,** митрополтъ Московскій—222, 224, 225, 226.
- Ѳеодора:** ключница кн. Хованскихъ—403, 423; Ивановна Камынина—455, 457; Чермаго, княжна—180.
- Ѳеодоръ:** Алексѣевичъ, царь—284, 296, 297, 322, 323, 327, 332, 336, 340, 344, 348, 355, 357, 381, 426; Банной—451, Борисовъ Лабзинъ—302; Васильевичъ Шереметевъ, бояринъ—472; Веригинъ—431; Головленковъ—339; Деицсовъ—446; Елизаровъ—431, 432; Еремѣевъ Чаплинъ—330; Замятинъ,

подьячій—365; Иоанновичъ, царь—210, 473; царевичъ—253; Казанецъ—451; Козловъ—304, 382; Константиновичъ, Муромскій князь—148; Мещеряновъ—302, 333, 352; Михайловичъ—448—451, Коркодиновъ, князь—338, 339; Паумовичъ—434; Ольговичъ, Рязанскій князь—260; Патрикеевичъ Звенигородскій—286; Петровичъ, князь, зять М. О. Кривкова—415, 416, 434; племянникъ св. Сергія Рад., игумень—233, 250; Протопоповъ, дьякъ—358; Ростиславичъ, Смоленскій и Ярославскій князь—183, 184, 185, 202; Семеновичъ Бутурлинъ—295; Стрелюховъ—348; стрѣлецъ—313; Тверской епископъ—275; Тимоѣевъ—446; человекъ кн. Хованскихъ—374; человекъ Чаадаева—449; Черепановъ, колмогорецъ—357, 373; Черниговскій бояринъ—181, 474; Щербатый, кн.—

448; Яковлевичъ Сафоновъ, стольникъ, зять Кривкова—347, 420, 421; Яковлевъ, староста—391, 393; Юрьевичи: Барятинскій, князь—320, 321, 395, 397, 428, Рязанскій князь—180. **Феодосіевъ** монастырь въ Иерусалимѣ—124, въ Палестинѣ—12. **Феодосій**: игумень Антоніева Сійскаго монастыря—380; Печерскій—81, 82; Пошепичъ—372. **Феодосія** Матвѣевна, упом. въ перепискѣ Кафтыревыхъ—454. **Феодулія**, Черниговская княжна—181. **Феофилаевъ** Остафій—439. **Ферапонтовъ** монастырь—260. **Фиваидскіе** старцы—6. **Фома**: Терентьевъ—459, 460, 461; человекъ Толочапова—363; Яковлевъ, дѣловой человекъ Костромской вотчины кн. Хованскихъ—377. **Фоминъ** Леонтій—461, 462.

А. Орловъ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ 277 стрн. 11 стрк. св. послѣ „привести“ надо вставить: „И тутъ Илья Мурорѣцъ отвязываетъ свою востру саблю от седла черкаскаго і напускаетъ на ихъ силу вѣликую, какъ на *галъче стадо*“ (Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ, по сп. И. Публ. Библ. Q XVII 194, Рус. былины старой и новой записи, подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. Ө. Миллера, Этн. отд. Имп. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этногр., М. 1894, I; за сообщеніе благодарю С. К. Шамбинаго).

Къ 281 стрн. 27 стрк. св. *примѣчаніе* къ „ѳуркитами“: *figcata* представляетъ собою турецкую форму слова *fregata*, происходящаго отъ греческаго *ἄφρακτος*, судно безъ палубы. (Неудачная осада Азова турками въ 1641 г., Ф. Бруна, Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. VIII, 1872, стрн. 177, примѣч. 11—интересно все).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТРАВ.
Лекціи Ѳ. И. Буслаева Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859—1860) XXXII—LX.	1—267
Записка іеромонаха Іоны о пребываніи французовъ въ Москвѣ въ 1812 году, сообщено С. Доловымъ. . .	268—273
Пѣсня и повѣсть объ Азовѣ, сообщены А. Орловымъ. .	274—282
Частная переписка кн. Петра Ивановича Хованскаго, его семьи и родственниковъ, сообщена Г. Лукьяновымъ. Предисловіе 283—293; I. Переписка кн. П. И. Хованскаго 294— 397; А. Переписка съ родственниками и знакомыми 294—381; Б. Переписка съ приказчиками, старостами и другими лицами о хозяйственныхъ дѣлахъ 381—397. II. Переписка кн. Парасковіи Андреевны Хованской съ родными, знакомыми и при- службой 398—423. III. Переписка кн. Андрея Петровича Хован- скаго 424—426. IV. Переписка родственниковъ кн. П. И. Хо- ванскаго и разныхъ лицъ 427—462. Два фототипическихкихъ сним- ка съ писемъ кн. И. А. Хованскаго.	283—462
Два стихотворенія изъ бумагъ Остафьевскаго Архива, со- общены Гр. С. Д. Шереметевымъ.	463—466
Стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго, сообщено Гр. С. Д. Шереметевымъ.	466—468
Изъ переписки Прасковьи Ѳедоровны Перфильевой съ Петромъ Васильевичемъ Шумахеромъ, сообщено Гр. С. Д. Шереметевымъ.	469
Альбомъ автографовъ Н. Д. Иванчина-Писарева, сообщено Н. Барсуковымъ.	470—510
Указатель, составленъ А. Орловымъ.	511—590
Дополненія.	591

Изданія Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

- 1) Сборникъ „Старина и Новизна“. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 книги. Цѣна 2 р. каждой книги, для членовъ Общества по 1 р. *)
- 2) I выпускъ. „Завѣтъ Царя-Миротворца“. Рѣчь протоіерея П. А. Смирнова, произнесенная 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе безплатное.
- 3) II выпускъ. 1) Рѣчь гр. С. Д. Шереметева, 2) Стихотвореніе А. Н. Майкова 3) Стихотвореніе гр. А. Д. Голенищева-Кутузова, произнесенныя 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе безплатное.
- 4) III выпускъ. Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. Валерія Лясковаго. Цѣна 80 к., для членовъ Общества 40 к.
- 5) IV выпускъ. Біографія генерала Котляревскаго. Соч. гр. В. Соллогуба. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.
- 6) V выпускъ. Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ И. С. Бѣляева. Цѣна 40 к., для членовъ Общества 25 к.
- 7) VI выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя Общества, произнесенная въ засѣданіи Совѣта 21 апрѣля 1902 г. въ двадцатый день по кончинѣ Дмитрія Сергѣевича Сипягина. Изданіе безплатное.
- 8) VII выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя Общества, произнесенная въ засѣданіи Совѣта 12 мая 1902 г. по поводу кончины Сергѣя Александровича Рачинскаго. Изданіе безплатное.
- 9) VIII выпускъ. С. А. Рачинскій, съ портретомъ. Н. М. Горбова. Цѣна 30 коп.
- 10) IX выпускъ. Памяти С. А. Рачинскаго. † 2 мая 1902 г. Валерія Лясковаго. Цѣна 20 коп.
- 11) Татевскій Сборникъ С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Цѣна 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 р.
- 12) Бесѣды о древней русской литературѣ. И. П. Хрущова. Цѣна 1 р. 25 к. для членовъ Общества 65 к.
- 13) Переводы. Выпускъ I. „Константинополь“. Соч. Ф. Маріона Крауфордъ. Переводъ съ англ. гр. Е. П. Шереметевой, подъ редакц. проф. Помяловскаго. Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.
- 14) X выпускъ. Меншиковъ. Историч. драма въ 5 дѣйств., въ стихахъ. Соч. В. Л. Величко. Съ портр. Меншикова. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.
- 15) XI выпускъ. Война и Миръ (1805—1812). Съ историч. точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. По поводу соч. гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ“ А. С. Норова. Цѣна 50 коп., для членовъ Общества 25 коп.

Цѣна X книги «Старины и Новизны» — 2 руб., для членовъ Общества — 1 руб.

Складъ изданій Общества: 1) С.-Петербургъ, Фонтанка, 34. 2) Москва, Воздвиженка, д. 8, гр. С. Д. Шереметева.

*) Гг. Члены Общества могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ лишь по одному экземпляру каждой книги, требуемые же сверхъ сего экземпляры оплачиваются по цѣнѣ, установленной для постороннихъ лицъ.